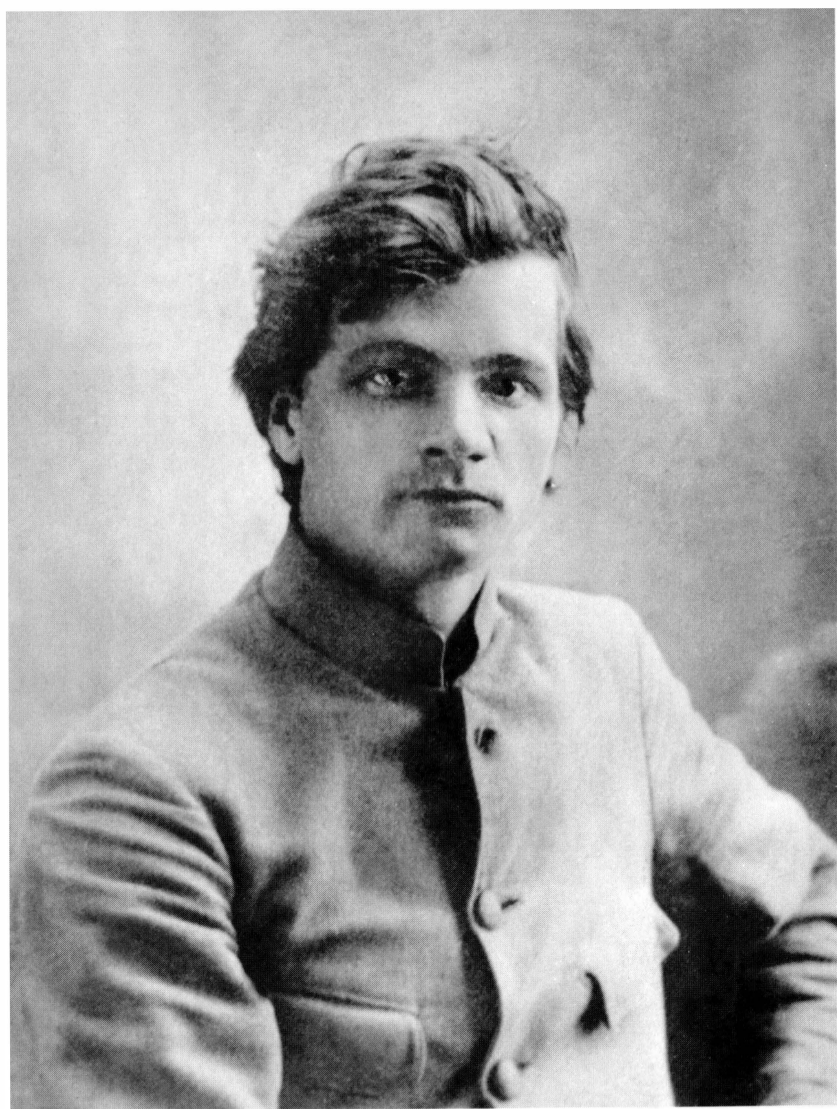

Андрей Платонов • СОММЕНЕНІЯ

Андрей Платонов

Российская академия наук
Институт мировой литературы им. А. М. Горького

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

СОЧИНЕНИЯ

Научное издание

Главный редактор Н. В. КОРНИЕНКО

Редакционная коллегия:

Е. А. АНТОНОВА, Т. М. ГОРЯЕВА, Ф. Ф. КУЗНЕЦОВ,
М. А. ПЛАТОНОВА, Н. Н. СКАТОВ, А. М. УШАКОВ,
Р. ЧАНДЛЕР

Москва
ИМЛИ РАН
2004

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

СОЧИНЕНИЯ

Том первый

1918 — 1927

Книга первая

**РАССКАЗЫ
СТИХОТВОРЕНИЯ**

Москва
ИМЛИ РАН
2004

ББК 83.3

*Подготовлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект «Научное Собрание сочинений А. П. Платонова»*

*Печатается по Федеральной целевой программе «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)*

Подготовка текста и комментарии
О. Ю. АЛЕЙНИКОВА, Е. В. АНТОНОВОЙ, М. В. ГАХ,
Н. В. КОРНИЕНКО, Н. М. МАЛЫГИНОЙ, Д. С. МОСКОВСКОЙ,
М. А. ПЛАТОНОВОЙ, Е. А. РОЖЕНЦЕВОЙ,
Л. В. СУМАТОХИНОЙ, Е. Д. ШУБИНОЙ, Е. А. ЯБЛОКОВА

Редактор тома
Е. В. АНТОНОВА

ISBN 5-9208-0146-8

- © М. А. Платонова, публикация всех текстов
А. П. Платонова, 2004
- © Исследовательский коллектив, подготовка
текста и комментарии, 2004
- © ИМЛИ РАН, 2004

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий том открывает первое научное издание «Сочинений» А. П. Платонова, готовящееся Институтом мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук. Издание призвано представить наиболее полный свод всех выявленных к настоящему времени художественных произведений писателя, восстановить достоверный облик классика на основании предшествующего опыта и заново проверенных и открытых источников, заложить фундаментальные основы дальнейшей работы по изучению одного из уникальных явлений русской культуры XX в.

Подготовка «Сочинений» стала возможной благодаря открытию дочерью писателя Марией Андреевной Платоновой материалов семейного архива и ее личному участию в работе над изданием.

Предлагаемое издание не является Полным собранием сочинений академического типа. Такое Собрание сочинений А. П. Платонова — дело далекого будущего, и наше издание призвано способствовать его приближению. Выбор типа научного издания продиктован своеобразием наследия и острой специфичностью литературного письма Платонова, а также обусловлен современным уровнем источниковедческой базы. Отсутствие прижизненного и посмертного Собраний сочинений; неразработанность текстологических принципов и объективная трудность определения практических подходов к воспроизведению текстов писателя; разнородность наследия; тотальное редакторское вмешательство в прижизненные публикации писателя и редакционный произвол в посмертных изданиях; распыленность материалов по разным архивам (литературным и нелитературным) и отсутствие полных описей архивных источников; приблизительность существующих хроник жизни и творчества... Научное издание ставит и по возможности решает целый комплекс этих и других первичных базовых вопросов текстологии и биографии Платонова.

Наследие Платонова — одно из самых масштабных в истории русской литературы советской эпохи. Разделить его по «специальностям» — литературное, философское, производственно-мелиоративное, инженерно-техническое — значит, изначально отказаться от всякой возможности адекватного описания языка прозы Платонова и ответа на вопросы, откуда в русскую литературу пришел Платонов-художник, что он хотел сказать как своему современнику, так и далекому собеседнику. Ярчайший по форме и глубинный по своему содержанию синкретизм

наследия (взаимозависимость различных его пластов, взаимосвязанность текста и биографии) predetermined выбор хронологического принципа как основного в общей композиции издания.

В границах тома, т. е. в пределах одного хронологического отрезка, будут печататься самые разные пласты творчества писателя, позволяющие представить путь Платонова-художника в его *реальном* развитии, а также прояснить внутренние и внешние связи между создаваемой прозой и чрезвычайно разнородной деятельностью писателя.

Нелитературная часть наследия Платонова (политическая публицистика, специальные инженерно-мелиоративные статьи, технические проекты, производственные записки и т. п.) представлены в «Сочинениях» выборочно, прежде всего, теми документами, которые так или иначе непосредственно связаны с литературной деятельностью. Подобные материалы, выявляемые зачастую лишь в ходе работы над «Сочинениями», печатаются почти в каждом томе, входят в комментарии, но их объем так велик, что они способны разрушить пропорции представления литературной и нелитературной части наследия Платонова. Их полное издание — дело специальных трудов-спутников, которые готовятся и будут выходить параллельно «Сочинениям».

По иным причинам отсутствует традиционный для научного издания том писем Платонова. Это связано с тем, что эпистолярное наследие Платонова освоено пока лишь фрагментарно, а письма семейного архива остаются закрытыми для публикации и разрешены к использованию лишь в части реального комментария. Не исключено, что выявленные в других архивах и открываемые в ходе работы над «Сочинениями» письма будут подготовлены уже в рамках работы над настоящим изданием.

Планируется выпустить следующие тома «Сочинений»:

- Рассказы, стихотворения, статьи (1918–1927).
- Повести, рассказы, статьи (1926–1927).
- Роман «Чевенгур» (1927–1928).
- Повести, рассказы, пьесы, киносценарии, статьи (1928–1931).
- Повести, рассказы, пьесы, статьи (1932–1933).
- Роман «Счастливая Москва», повести, рассказы (1933–1935).
- Рассказы, пьесы, киносценарии (1936–1941).
- Рассказы, очерки (1941–1945).
- Литературно-критические статьи и рецензии (1936–1941).
- Рассказы, пьесы, киносценарии (1945–1950).
- Сказки (1946–1950).
- Материалы биографического характера.

Поставленные в настоящем издании задачи менее всего решаемы с помощью раз и навсегда установленных текстологических стереотипов.

Научная работа по установлению текста Платонова и его комментированию может продиктовать не только иное количество томов, но и другие нужные связи и результаты внутри того или другого периода жизни и творчества писателя.

Каждый том состоит из нескольких частей — в зависимости от того, какие типы текстов в нем представлены. Первичная систематизация источников текста является одной из научных задач нашего издания. Первый раздел каждой части составляют основные тексты произведений. Раздел «Неоконченное» включает незавершенные тексты, наброски и прочие материалы, безусловно, при наличии их в тот период творчества, который охватывается данным томом. Редакции, составляющие огромный массив в наследии Платонова, образуют раздел «Другие редакции». Варианты и разночтения в отдельный раздел не выделены и даются в той части комментария, которая посвящена истории текста.

Подготовка основного текста произведений Платонова составляет главную задачу настоящего издания, его программу-максимум. Актуальным остается освобождение текста Платонова от бесконечных напластований редакторских правок и искажений, от чужеродных внешних вставок и добавлений. На полях многих прижизненных машинописей рядом с замечаниями, вопросами, правкой редакторов можно встретить лаконичные записи Платонова: «Если будете править — не надо пускать. Платонов»¹; «Нужно!»², «Прошу считать по-моему. Платонов»; «Надо!», «Сохранить!»³, «Прошу оставить как есть. А. П.»⁴. На первой странице книги 1942 г. «Одухотворенные люди» Платонов оставил следующее лаконичное описание итогов редакторской работы: «Сокращенное издание, сильно переработанное редактурой — до искажения»⁵. Иногда «А. П.» оставлял на полях и убийственно-иронические оценки посягательствам на его текст, типа: «Сударыня! Вы не можете читать по писаному!»⁶; «Очень умно и поучительно, но не вполне достаточно.<...>

---

¹ Из записки к статье 1922 г. «Симфония сознания» (Архив М. А. Платоновой).

² Запись 1927 г. на полях сокращенных редактором фрагментов повести «Эфирный тракт» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 70).

³ Записи на полях сокращенных редактором Г. З. Литвиным-Молотовым фрагментов повести 1927 г. «Город Градов» (Архив М. А. Платоновой).

⁴ Записи 1938 г., сопровождающие редакторские исправления в машинописи рассказа «Июльская гроза» (РГАЛИ, ф. 619, оп. 1, ед. хр. 336).

⁵ РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 39.

⁶ Запись 1927 г. на страницах с замечаниями о фактических ошибках в мышлениях героя повести «Строители страны» (Архив М. А. Платоновой).

Естественно будет так»⁷. Этот акт авторской воли predeterminedил прижизненные судьбы многих произведений Платонова: пройдя по редакциям и издательствам, они чаще всего отклонялись и уходили в стол писателя. Так было с «Антисексусом», «Эфирным трактатом», «Чевенгуром», «Высоким напряжением», «Шарманкой», «Котлованом», «Ювенильным морем», «14 Красными избушками», «Джан», «Афродитой» и т. д. «Большинство моих рукописей не изданы»⁸, — признавался Платонов в 1932 г.

Редакторы правили Платонова не только при жизни, но и после смерти писателя. Причем, направления правки в 1960–1980-е гг. отличались от прижизненных публикаций тем, что полностью игнорировали авторскую волю. Автор ответить им просто не мог. История посмертных изданий Платонова оказалась для текстов писателя не менее печальной и удручающей. Самый яркий пример из 1960-х гг. — это републикация повести 1927 г. «Сокровенный человек» без эпизода с посвященным Л. Троцкому плакатом, из 1970-х — купирование сталинских монологов героя повести «Джан», изощренная замена по всему тексту имени Сталина на Ленина, ЦК, «большой народ» и т. п. Подобные замены будут произведены в повестях, рассказах, пьесах и литературно-критических статьях Платонова 1930–1940-х гг. Правка текста никогда не ограничивалась идеолого-политическими соображениями. Платоновский «странный» стиль всегда вызывал, уже при жизни, желание его выправить: почистить от религиозной символики, физиологизмов, избыточных и непривычных сочетаний слов, в целом и в частности привести фразу к нормам грамматического управления и должного содержания и т. п.

Восстановление авторского текста — это не только сугубо филологическая, но и общекультурная задача. Освобожденный из плена цензурных и иных обстоятельств, от тематического детерминизма советской/антисоветской литературы, от напластований многочисленных редакторских правок, текст Платонова становится вестником, который говорит о писателе голосом подлинной большой русской культуры, а история создания произведений претворяется в самостоятельные сюжеты из истории русской литературы и жизни — о творчестве и о путях, которыми художник из истории идет в вечность. История текстов Платоно-

---

⁷ Из записей 1941 г. на письме В. Б. Шкловского с его рекомендациями по поводу направлений переделки сценария «Июльская гроза» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 128, л. 15).

⁸ Стенограмма творческого вечера Андрея Платонова в ВССП 1 февраля 1932 года / Публикация Е. Литвин // Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994, с. 295.

ва — это не только история его собственного творчества, это и реальное свидетельство того, как отстаивала себя свобода в условиях жестокого политического и литературного диктата.

Впервые произведения Платонова печатаются с учетом требований, предъявляемых к академическим изданиям: все входящие в «Сочинения» тексты сверены с сохранившимися, выявленными и доступными источниками — рукописными и печатными. При выборе источника публикации основного текста анализировался большой свод материалов писателя, а именно: рукописи; авторизованные машинописи; копии выполненные женой писателя Марией Александровной Платоновой; машинописи с авторской и редакторской правкой; корректурные оттиски; печатные тексты с правкой автора; все прижизненные публикации произведений.

Тексты печатаются по современным правилам орфографии и пунктуации, при сохранении существенных особенностей языка писателя, стилистических оборотов, особых конструкций предложения. Полное отсутствие лингвистических работ, выполненных по текстологической проблематике, ведет к подобному решению, дабы не усугублять и без того сложные вопросы. Это не означает, что, приводя текст Платонова к современным правилам орфографии и пунктуации, будет проводиться унификация языка писателя. Так, вопреки печатным источникам и уже сложившейся филологической традиции вписывать рассказы Платонова 1926 г. в контекст ритмизованной и орнаментальной прозы, отличающейся специфическим дроблением текста на мелкие фрагменты, нами (по рукописи) восстанавливается классический абзац. Мы также считаем необходимым восстановить по рукописным источникам синтаксис потока сознания народа джан (повесть «Джан»). При посмертных публикациях повести поток сознания умирающего народа унифицировался, т. е. был переведен в форму традиционного диалога и синтаксически оформлен как диалог. Не подлежит орфографической унификации язык платоновских героев, чье страстное любопытство к процессам новейшего словообразования почти всегда осложнено то ли тайным знанием о сокровенном значении слова и грамматической конструкции, то ли открытым сомнением в высоком статусе новых слов. Грамматические формы, не отличающиеся фонетически от современных, переводятся на современное написание. Во всех сомнительных или вариантных (с точки зрения современных правил) формах написания предпочтение отдается авторским. При публикации сохраняется авторская прописная буква, в том случае, когда она выступает в качестве важного элемента поэтики. Редакционные добавления к тексту (например, введенные заглавия) даются в ломаных скобках < >. Сомнительные прочтения отмечаются вопросительным знаком <?> и пометой <нрзб.>. Не отражаются разно-

чтения орфографического и пунктуационного характера (в редакциях), опiski автора, автоматически сокращенные названия слов, опечатки машинистки, редакционные ошибки.

Лишь в последние годы стала вырисовываться одна из существенных проблем издания произведений Платонова — датировка текста. В исследовательских работах и посмертных изданиях произведения писателя чаще всего датировались по году их прижизненной публикации, что не всегда точно. Приблизительная датировка сопровождала и произведения, не публиковавшиеся при жизни писателя. В этой ситуации ошибки в датировках доходили от двух–пяти лет — до десятилетия. За небольшим исключением (вторая половина 1920-х гг.), рукописи Платонова не датированы; порой писатель мистифицировал дату написания. При подготовке «Сочинений» вопросы датировки решались на основании критического изучения всех доступных документальных материалов, а сами даты извлекались из самых разных источников: чертежей, дат производственных совещаний, договоров с издательствами, записных книжек, писем, стенограмм обсуждения, оборотов рукописи, записей на полях, служебных записок и т. д. Предложенные подходы к решению вопросов датировки применительно к произведениям тех или иных периодов творчества освещаются в преамбулах соответствующих томов, конкретные решения — в комментариях к отдельным произведениям. При воспроизведении даты было принято решение руководствоваться следующими принципами. Даты, имеющиеся в основном источнике текста, воспроизводятся в тексте, если они не опровергаются документальными данными (автографами, письмами и др.). Документированные рукописью даты приводятся в том объеме (т. е. с указанием числа, месяца и года, или месяца и года, или только года), как они даны автором. Авторские даты воспроизводятся под текстом курсивом; форма подачи записи даты унифицирована: например, «Март 1930 г.», «Март–апрель 1927 г.», «1936 г.». В случаях, когда произведение не датировано автором или авторские даты могут быть доказательно и аргументированно опровергнуты, под произведением ставится (в ломаных скобках) редакционная дата. Редакционная дата, которая определяется на основании комплексного анализа, ограничивается указанием года и месяца, в крайних случаях — года: <1933>.

Каждый том «Сочинений» сопровождает раздел «Комментарии».

Выработка типа комментария платоновского текста являлась также одной из научных задач настоящего издания. Предлагаемые комментарии нацелены на максимально возможную полноту в представлении реальной и документированной истории текста Платонова, являющегося богатейшее хранилище непостижимой художественной фантазии и путь писателя от первой фразы к тексту, ставшему сегодня всемирно извест-

ным. Надеемся, что подготовленные комментарии будут способствовать пониманию произведений писателя, о которых сложилось столько небывлиц, когда смысл написанного передергивался до неузнаваемости в угоду политической или иной конъюнктуре. Преодолеть личные оценки, воздержаться от публицистики, концептуальности, литературной полемики во имя содержательности — все это мы пытались ввести в кодекс реального комментария произведений Платонова. В этих целях заново изучалась периодика, обследовались как литературные, так и нелитературные архивы.

О том, как жил и работал Платонов, известно чрезвычайно мало. Платонов не вел дневника. Крайне скудны по части конкретности опубликованные воспоминания современников писателя. Ушли из жизни люди, входившие в реальный круг общения писателя (мелиораторы, инженеры, изобретатели). Утрачены многие архивные материалы. Остается неизвестной судьба архива редактора Платонова Георгия Захаровича Литвина-Молотова.

Не имеет аналогов склад жизни и творчества Платонова — мелиоратора, инженера-конструктора и изобретателя. Поэтому в комментарии вводятся документы и материалы производственной деятельности, а также свидетельства об особенностях нелитературной жизни Платонова, имеющие отношение к комментируемому произведению. Платонов писал художественные произведения фантастически быстро и, как он сам признавался, в «свободные выходные часы»⁹. К последнему он призывал и своих современников, утверждая, что писатель советской России этически обязан иметь «первую профессию».

Комментарии к каждому тому открываются статьей, в которой дается общая характеристика представленной в томе части наследия в контексте творчества писателя — общественно-политическом, литературном, биографическом; приводятся общие для всех произведений тома сведения по истории публикаций этого времени; реконструируется и описывается писательская стратегия данного периода (тома), которая становится своеобразным методологическим ключом в комментировании

---

⁹ См. ответ на шестой вопрос анкеты «Какой нам нужен писатель», которая проводилась в 1931 г. журналом «На литературном посту». Вопрос: «Как вы относитесь к вопросу о второй профессии писателя? (Нужна ли она? Если нужна, какие профессии будут давать наибольшую пользу для писательской работы?)». Ответ А. Платонова: «В эпоху устройства социализма “чистым” писателем быть нельзя. Нужно получить политехническое образование и броситься в гущу республики. Искусство найдет себе время родиться в свободные выходные часы» (РГАЛИ, ф. 1696, оп. 1, ед. хр. 1055, л. 1–2; опубл.: Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. С. 286–287).

нии входящих в том произведений. Комментарии к отдельным произведениям содержат необходимые для академических изданий разделы: текстологический комментарий, анализ рукописных и иных источников текста; обоснование основного текста; анализ творческой истории произведения (возникновение и развитие замысла, его взаимосвязь с другими произведениями писателя, факторы постороннего влияния на формирование замысла произведения и его идейно-художественной направленности, случаи цензурного вмешательства и автоцензуры, наличие разных редакций произведения, авторская переработка текста после его публикации и ее характер и т. д.); отзывы современников и критики (по 1951 г.); реальный комментарий (сведения об упоминаемых в тексте событиях, литературных образах и мифологических персонажах, источники цитат, объяснение слов и выражений и т. д.).

В комментарии указываются все прижизненные публикации произведения. В том случае, когда произведение печаталось впервые лишь после смерти писателя, указывается только его первая публикация. Не отражаются в комментариях переиздания произведений и републикации материалов периодики 1920-х гг. О последних считаем необходимым сказать особо.

Первые републикации и библиографии Платонова появились в конце 1960-х гг. и связаны с именем вдовы писателя Марии Александровны Платоновой. Именно работа Марии Александровны по реальному возвращению наследия писателя стала первым звеном источниковедения Платонова, важным этапом для последующих выявлений в периодике 1920-х и 1930-х гг. не учтенных в первых библиографиях публикаций писателя¹⁰.

Заметными вехами источниковедения 1970-х гг. стали разыскания и публикации отечественных исследователей Л. Шубина, Д. Таран, О. Ласунского, Э. Иноземцевой, В. Васильева, Н. Малыгиной, В. Верина. Большой вклад в источниковедение внес голландский биограф Платонова Т. Лангерак, чьи републикации на страницах научного журнала «Russian Literature» впервые выявленных им в периодике 1920-х гг. текстов Платонова становились заметным событием в исследованиях биографии писателя. В последние десятилетия знания о литературном на-

---

¹⁰ См.: А. П. Платонов. Материалы к библиографии / Сост. Н. Митракова. Воронеж, 1969; Русские советские писатели. Прозаики / Сост. В. Серебрякова. М., 1972. Т. 7, доп., ч. 1; А. П. Платонов. Библиографический указатель / Сост. В. Марамзин, А. Киселев, Т. Лангерак // Эхо. Париж, 1979, № 4; 1980, № 1–4; 1984, № 13; Библиография. Издано в СССР 1971 — апрель 1993 / Сост. Е. Шубина // Андрей Платонов: Мир творчества. М., 1994; А. П. Платонов. Жизнь и творчество. Биобиблиографический указатель / Сост. В. Зарайская. М., 2001.

следии Платонова существенно пополнялись публикациями дочери писателя М. А. Платоновой, научными изданиями Института мировой литературы и Института русской литературы РАН. Без этой работы, которая продолжается и сегодня, вряд ли можно было приступить к подготовке первого тома настоящего издания. При подготовке «Сочинений» ведется целенаправленный поиск неизвестных ранее текстов Платонова и новых источников; все найденное отразится на страницах соответствующих томов.

Учитывая неравномерность, а зачастую и полное отсутствие археографической и комментаторской разработки той или иной части платоновского наследия, мы использовали все имеющиеся на сегодняшний день сведения и результаты последних архивных разысканий. При этом в комментариях последовательно проводится разграничение между документированным обоснованием и гипотетическим, фиксируются белые пятна в изучении того или иного текста. Надеемся, что это послужит стимулом дальнейших источниковедческих поисков и уточнений.

Каждый том завершается справочными указателями.

Позволим в заключение еще раз сказать о самом наследии писателя.

«Музой моих рукописей и сердца»¹¹ — называл Платонов жену Марию Александровну. В самые лютые для семьи десятилетия Мария Александровна собирала и хранила рукописи Платонова, прокладывая первые издательские тропы для возвращения его произведений к отечественному и зарубежному читателю. Но не все было во власти этой хрупкой и мужественной женщины. В России так и нет музея — единого источниковедческого центра Платонова, где были бы сведены основные архивные и иные фонды писателя, где бы собирались, реставрировались и изучались его столь непростые рукописи, как и их мученическая жизнь и судьба. Из истории XIX и XX вв. известно, когда и как создавались многие музеи русских писателей, ставшие мировыми исследовательскими и издательскими центрами, и что всегда государство брало на себя ответственность за сохранение наследия великих русских писателей: выкупались усадьбы; формировались архивные фонды; создавались музеи и научные центры по сохранению рукописей; правительством принимались специальные решения об увековечении памяти писателя и работе над академическим изданием его Собрания сочинений.

В отношении к наследию А. П. Платонова государственных решений так и не было принято.

Именно осознанием масштаба Платонова в русской литературе было продиктовано начало работы над научным собранием его сочине-

---

¹¹ Из письма А. Платонова Марии Александровне 1935 г. // Архив М. А. Платоновой.

ний — в условиях крайне неблагоприятных для научной работы подобного типа. Будем надеяться, что выход первого тома научного издания «Сочинений» привлечет внимание не только читателей, критиков и литературоведов, но и вернет широкую общественность к вопросам *нашего* неисполненного долга перед одним из величайших гениев России ушедшего столетия.

Издание «Сочинений» готовится Платоновской группой Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН при участии ученых Института русской литературы (Пушкинский Дом), а также отечественных и зарубежных исследователей творчества А. П. Платонова.

Институт мировой литературы признателен дочери писателя Марии Андреевны Платоновой за содействие подготовке и выходу первого тома «Сочинений».

РАССКАЗЫ

1918–1927

БУЧИЛО

Тянется день, как дратва:
скука бычачья. Рассказать
тебе про дни?

1. О ранней поре и возмужалости

Жил некоим образом человек — Евдок, Евдоким; фамилию имел Абабуренко, а по-уличному Баклажанов.

Учил его в училище поп креститься: на лоб, на грудь, на правое плечо, на левое — не выучил. Евдок тянул за ним по-своему:

— А лоб, а печенки...

— Как называется пресвятая дева Мария?

— Огородница.

— Богородица, чучел! Нету в тебе уму и духу. Вырастешь, будешь музавером, абдул-гамидом...

— А ну, считай с начала, по порядку,— говорила учительница Евдокиму,— клади по пальцам.

И Евдоким считал, не спеша и в размышлении:

— Однава, вдругорядь, середа, четверхь... ешшо однава и три кряду...

— Садись, дурь,— говорила учительница,— слушай, как другие будут отвечать.

А Евдок ждет не дождется, когда пустят домой. Он горевал по своей маме и боялся как бы без него не случился дома пожар — не выскочат: жара, ветер, сушь. Уж гудок прогудел — двенадцать часов. Отец домой пришел обедать, на огороде у Степанихи трава большая растет и лопухи. Ребята ловят птиц, уж скоро, должно быть, будет вечер и комари.

В училище стояло ведро — пить. Каждый день учат закону божьему, потом приходит Аполлинария Николаевна, учительница, и пишет палочки на доске, а Евдок за ней корябает грифелем у себя хворостины. Потом спрашивает и велит читать вслух.

Евдок глядит в букварь и читает:

— Мо, мммо...

На переменах приходит Митрич — сторож, чтобы ребята не выбили окон и не бесчинствовали.

Как чуть кто заплачет от драки или тоски по матери, Митрич орет:

— Ипать! Займаться!..

И вот прошло много дней. Издох в училище на дворе Волчок. Отец Евдокима купил на толпе другой самовар. Родился у Евдока Саня, маленький брат. Покатал его Евдок на тележке одно лето — на Петровки он умер от живота.

Тоньше и шибче билось сердце у Евдока, и он уходил летними вечерами в поле и тосковал — о далеком лесе, об одной звезде, о дальних деревенских пустых дорогах.

Как подросток Евдок, так вскоре попал в солдаты. Ходит по плацу, орудует винтовкой — лежит недвижимо в душе пуд. Раз случилось с ним странное дело: семь дней на двор не ходил. Ляжет спать: бурчит в животе и вода без толку переливается. Кругом нары, храп, пот, вонь, а внутри Евдокима прохладные вечерние деревенские дороги и ждущая ужинать мать.

Дать бы по скуле изобретателю сердца!

Осмелился Евдок и пошел к доктору. Так, мол, и так-то.

— Што-о?..— провыл доктор.

Евдок опять:

— Осьмой день не нуждаюсь.

Уходя, Евдок взялся нечаянно на докторском столе за карандаш.

— Возьмите себе его на память, Абабуренко,— сказал доктор.

Евдок погладил черную камилавку доктора.

— Пожалуйста, Абабуренко, возьмите и ее. Нате вам и ручку. Она вам нравится?

Оказывается, доктор был мнительный человек: дверную ручку брал не иначе, как в перчатке. Кто у него в кабинете возьмет что в руки или пощупает, то ему доктор сейчас же и подарит на память: лампу, лист бумаги, клочок ветоши либо какой инструмент.

Станный, но сурьезный был человек.

Дня через два у Евдока рассосались кишки, и он оправился.

Так шла и шла жизнь Евдокима, рекой одинаковых дней, пока он не перекувырнулся и не изобрел настоящего бессмертного человека, который остался на земле навсегда, и уже не расставался со своей матерью, и породнил звезду с соломой, плетнем и ночной порожней дорогой меж тихих деревень.

Об этом еще будет длинная повесть, это будет скоро у всех людей на глазах.

Рассказ А. Платонова.

Преширован на конкурсе „Красной Нивы“.

«Темнее день, тем ярче; снуга бычачья. Расскажите себе про деда!»

I. О ранней поре и возмужалости.

Жил неким образом человек—Евдок, Евдоким, фазинлюно имел Абубуренко, а по-улицному Ваклажанов.

Учил его в училище пои креститься: на лоб, на грудь, на правое плечо, на левое—по выучил. Евдок тянул за ним по-товому: а лоб, а печеники...

— Как называются просвятан дедв Марин?
— Ого-одицца.

— Богородицца, чучел! Нету в тебе уму и духу. Вырастешь, будешь му-бавером, абу-бу-бу-бу.

— А ну, считай с пачла, по порядку,—говорица учительница Евдокиму,—клады по пальцам.

И Евдоким считал, не спеша и в равзышвании:

— Отонова, в другоряде, сердце, четверть... ешшо однова и три карата...

— Сидись, дурь,—говорица учительница,—слушай, как другие будут отвечать.

А Евдок жмет на дощечке; когда пущат лопой. Он говорил про своей маме и боялся, как бы без него по случилась дома пожар—но выскочат: жар, ветер, сушь. Уж гудок прогудал—дровнаидить часов. Отец домной пришае ободать, на огороде у Степанкича трава больша растет и лопухи. Работя ловят птиц, уж скоро, должно быть, будет вечер и комари.

В училище стояло ведро—пить. Каждый день учат закону Божьему, потом приходят Апостолы: Николаевна, учительница, и нишот палочку на доску, а Евдок за ней карякает грифельом и себя хворостини. Потом спрашивают и велит читать вслух.

Евдок глядит в букварь и читает:

— Мо, мю...

На переменах приходит Митрич—сторож, чтобы ребята не выбили окон и не бесчинствовали.

Как чуть кто залпает от драки или тоски по мамочке, Митрич орет:

— Ипать! Завыпаться...

И вот прошло много дней. Идех в училище на дворе Волчок. Отец Евдокима купил на толпе другой самовар. Родился у Евдоки Саяя—маленький брат. Покател ого Евдок на тележке одно лето—на Шогровки он умер от животы.

Тоньше и шибче билось сердце у Евдоки, и он ухотил лотынами ввечерам в поле и тосковал—о далеком лесе, об одной звезде, о дальших деревенских пустых дорогах.

Как подросток Евдок, так вскоре попал в солдаты. Ходит по плану, бродит винтовкой—лэонит надникнимо, в душе пуд. Раз случилось с ним странное дело: семь дней по двору не ходил. Ляжет спать: бурчит в животе и вода без толку пердевается. Кругом шары, хрип, пот, вошь, а внутри

Евдокима прохладные вечерние деревенские дорожки и изду-щавая ужинать мать.

Дать бы по скуле изобретателю сердца!

— Што-о?...—прорвал доктор.

Евдок опяти:

— Осмой день не пужалось.

Уходя, Евдок взялся нечаянно на докторском столе за карандаша.

— Возьмите себе яго на память, Абабуренко,—сказал доктор.

Евдок поглядил черную камиллаву доктора.

— Пожалуйста, Абабуренко, возмите и ее. Натю вам и ручку. Она вам пригодится!

Оказывается, доктор был мнительный человек: дверную ручку брал не иначе, как в порчатую. Кто у него в кабинете возьмет что в руки или пошуплет, то ему доктор сейчас же и подарит на память: ланту, лист бумаги, клочок ветоши, либо какой инструмент.

Странный, но сурьезный был человек. Дня через два у Евдоки рассосались нишки, и он оправился.

Так шла и шла жизнь Евдокима, речкой одинаковых дней, пока он не перекрутился и не изобрел настоящего бесспорного человека, который остался на земле навсегда и уже не расставался со своей матерью и породил звезду с комолой, плотным и ночной порожней дорогой меж тихих деревень.

Об этом оно будет длинная повесть, это будет скоро у всех людей на главах.

II. Странности.

Была революция, было поразительное людей по земле, была веселая работа. Был комиссаром Абабуренко, кормил отряды в голодных селах, думал, воювал и странствовал. Как великое странствие и осуществление современной души в мире остался у него революция. Революция: живность и мертвый продукт и писал бумаги:

«Предлагаю уплатить моему отряду жалованье за четыре месяца вперед.

Комиссар-командир, член большинства Евдокима Абабуренко. Угрожает заключить города и продовольствие его жителей, объявляет и прочих к революционной ответственности по революционной совести. Комиссар Абабуренко. № 7143268».

Проигрешло имя Абабуренко в кулацких стенах—и стихло. Все прошло, как потопило в бичуле татарской осяющей реки.

Странником остался Евдоким и стал портным. Живет в городке одном и имеет душевного друга, Кшиндифора Маманища, который был бас и дурак.

А. Платонов.

АВТОБИОГРАФИЯ.

Родился в 1899 г. в с. Ясной, сибирской с г. Воронежск. Отец—сильный земледельчик. С 12 лет начал работать. Был среди многих людей, испробовав многие профессии. Больше всего любил машинистом и стремился работать с ними. С 1916 года учился в местной Политехникуме и стал инженером. Был журавлистом, служил в местных гвардиях. Учился конструктор, работал в губисполделе.

Рассказ «БУЧИЛО». Публикация в журн. «Красная нива» (1924 г.)

2. Странствие

Была революция, было передвижение людей по земле, была веселая работа. Про то известно всем. Был комиссаром Абабуренко, кормил отряды в голодных селах, думал, воевал и странствовал. Как великое странствие и осуществление сокровенной души в мире осталась у него революция. Реквизировал живность и мертвый продукт и писал бумаги:

«Именем ФРФССФР предлагаю уплатить моему отряду жалование за четыре месяца вперед. Комиссар-командир, член большевиков Евдоким Абабуренко.

Угрожаю захватом города и привлечением его жителей, обывателей и прочих к революционной ответственности по революционной совести. Комиссар Абабуренко. № 7143268».

Прогремело имя Абабуренко в кулацких степях — и стихло. Все прошло, как потопло в бучиле татарской осохшей реки.

Странником остался Евдоким и стал портным. Живет в родке одном и имеет душевного друга, Елпидифора Мамашина, который был бас и дурак.

Вошли мы с Елпидифором* в хату к Евдокиму (дело до него было, не особо существенное впрочем) — тишина, темнота и жуть.

— Где тут портной живет, сделать из штанов галифе?

— Стой,— закричал Елпидифор,— я сообразил: живые люди воняют.

Понюхали: дух стоял чистый, и вдруг, действительно, понесло махоркой и жженой бородой.

— Вот он, портной,— вылазь!

Заскрипела спальная снасть, и невидимое тощее тело сморкнулось и забурчало. Для света и вежливости я спокойно закурил.

— Здорово, Евдоким! Раскачивайся!

— Здравия желаю, граждане,— как кувалдой гвазданул Евдоким, портной. В чистом воздухе, тишине и тьме хранился такой голос. Как огурец зимой в кадке.

Зажгли коптильный светильник. Скамейка, стол, вода в ведре и спящий глубоко и непробудно щегол под потолком в тепле. Евдоким надел для сурьезности и пропорциональности своей профессии очки и привязал их веревочкой к ушам — приспособление самодельное. Евдоким теперь постарел, стал угрюм, покоен, похожий на деда, на сон и хлеб — коричневый, ласковый и

---

* Елпидифор, Епишка, мне родней доводится.

тепловатый, как хлебное мякушко. Из сапожной кожи был человек, если царапнуть щеку — рубец останется. Но в желтых глазах его было ехидство и суета — Евдоким был сатана-мужик, разбойник, певец и ходил женишком. Засиделым девкам в воскресные лимонад покупал. Не женился будто бы потому, что подходящей ласковой бабы не подыскал, и впоследствии купил щегла.

— Так, говоришь, тебе две галифы изделать?

— Да, желательно бы.

— Так-так... Одна галихва выйдет, а на другую матерьялу подкупай,— задумчиво сказал Евдоким и поглядел через очки.

— А стоимось какову скажете?

— Да что ж с вас — один алимон, чаю попить*.

— Прекрасно, прекрасно,— сказал Елпидифор (отчасти бывший интеллигент).— До свиданья.

— Прощевайте. Посветить вам, может?

— Не надобно, не утруждайтесь, мы так.

И мы полезли к старинному монастырю, на гору. Чудесно тут держались дома — на сваях и каменьях. Из города лилась сюда нечисть, и если наверху кто оправлялся — в окно Евдокиму брызги летели. Непрочное и пагубное стояло тут жильё, опасное местопребывание. Ни подойти, ни подъехать. Весной и в дожди Евдоким и его соседи становились туземцами и о них писали в газетах, но они их не читали. В старое время, бывало, полицейские гнали отсюда все народонаселение, как подходила весна. Но никто не уходил — лезли на крышу, тащили туда детишек, поросят, петуха, самовар — и сидели. А когда ночью поднималась вода и уплывали невозвратно табуретки, захлебывался телок, то и на крыше начинали орать жители.

А с бугра утром махал городской:

— Я ж тебе говорил, упреждал,— гуни пожалел — постись теперь, угодник чертов!

А на третий день чуть просохло — и городской жителю в бок.

Бывали дела.

На другой же день Елпидифор купил свои штаны на базаре — клеймо на них было. Он к Евдоку — хотел ему чхнуть разок, а Евдок уж в деревню ушел. Тем дело и кончилось.

Ехал Евдок в деревню и похохатывал:

— Дела твои, господи!

---

* Время было старинное: миллиарды и тысячи тысяч свободно исчисляли простые люди. Большому делу учет шел!

Приехал в деревню, продал хату своей бабки и купил лошадь. Поехал на Дон купать ее и утопил.

— Эх ты, животное существо,— сказал Евдок и пошел куда ему надобно было.

Пожил в деревне неделю-другую, съел все харчи и пошел побираться. Ходил по всей округе и тосковал. Начинаясь осень, ветер выл в проволоках, обдутые стояли древние курганы, и шел с мешочком картошек Евдок. Стар стал, некому любить и жалеть. Кажется, чем-то легким придавлено горе на земле и когда-нибудь все заплачут и прижмутся друг к другу. Это будет, когда наступит потоп, засуха или лютая хворь или из сибирской тайги тучею выйдет восставший зверь. Одно горе делает сердце человеку.

Стал странником и нищим Евдок и многое понял и полюбил грустным чувством.

В глухой деревне Волошине, в овраге, приютила Евдока одна старушка:

— Живи, старичок, у нас картохи есть, теперь ходить не по нашей одежде, не объешь небось, поставь палочку в уголок.

Пожил Евдок у старушки до весны. Стонали оба всю зиму по ночам от голода, холода и старого, запекшегося горя. Занудилась душа у Евдока. Выглянет в окно — снег, бучило, кладбище на бугре, кончается тихий день. Куда тут пойдешь, когда кругом бесконечность!

Прогрела весенняя вода по оврагу, подсохли дороги, вылезли воробьи на деревенскую улицу. Стал собираться Евдок.

— Ничего тебе не надобно? — спросила старушка.

— Ничего,— сказал Евдок.

— Ну, иди с богом.

— Прощай, Лукерья.

И Евдок тронулся.

Ветер был тихий и тонкий, как нежная сердечная музыка. На плешивом кургане, обмытом водами и воздухом, Евдок вздохнул, поглядел на дальнюю кайму лесов, на все живое, грустное и далекое, потом спустился и попил водички из вольного протока.

Дни опять начались сначала.

3. Смертоубийство

Абабуренко Евдоким стал по отчеству именоваться Соломоновичем. Соломоновичем стал он теперь не потому, что роду был иудейского, а потому, что считался нищим, не помнящим

родства, сиротой и безотцовщиной. Кроме всего прочего, он одно лето, под самую революцию, местонаходился в услужении у еврея, скупщика костей-тряпок, Соломона Лупердена.

Однако дело это прошлое. Соломона теперь нет — помер должно быть. Десять человек детей его рассеялись по поверхности земли неприметным образом.

Ханночка — супруга Соломона, красивая, милая женщина, умерла с голоду два года назад, когда город их заняли казаки. А кто говорил, что ей забили кол в матку два офицера-охранника и оттого будто бы она скончалась.

Теперь дело это прошлое. Лучше давайте уберем живых, а о мертвых будем плакать в одиночку по ночам.

Над складом Соломона давно уже висела красная вывеска: «РСФСР Базисные склады костеобрабатывающей и ватно-бумажной промышленности губернского масштаба. Изобразил живописец Пупков».

Соломон же орудовал без вывески безо всякой — и так знали. И так жилось терпимо — туго от суеты и работы в конторе и сладко и прохладно дома, в небольших восьми комнатах, пропахших женой плодоносной.

Давно это было — до революции. Теперь уж и Абабуренко старик. Но не только старик, а также оратор, гармонист, охотник до зверей, мудрец, измышляющий благо роду человеческому, и в общей суммарности, как говорил сам Евдоким Абабуренко, из него получался вроде как большевик, член Всесоюзной коммунистической партии, в скобках — большевиков. Любил так определять свою личность Абабуренко — полностью, неспеша и вразумительно для всех малосведущих. Внушительной личностью был Абабуренко, веский человек.

Жизнь прошла — как ветер прошумел: и холодно, и вьюжно было, и тепло, и ласково, и благосклонно — всего достаточно бывало. Замечательно хорошо. В рассудке неслись высочайшими, почти незримыми облаками ласковые лица, милые дарящие руки Ханны Яковны, ясные любящие глаза Дарьюшки — жены ненареченной, ибо не пришлось войти в брак Евдокиму Соломоновичу — брехать здоров был.

Рассудительно оглядывал Евдоким Соломонович жизнь со всех четырех сторон и всюду усматривал одну благовидность. Все неблагоприятное сокрушается рукой живого человека.

Евдоким Соломонович сам поджигал усадебную постройку у князя Барятинского и жалел, что упустил самого старика — кишки бы выпростал ему наружу, — до того лют был, язва, до мужи-

ков. Жил, как плоскушка в мужицком гашнике: и дело малое, а свербит день и ночь. Теперь за границу взять бы в колья. Вышла бы потеха и потешение. Слышал кое-что о за границе Евдоким Соломонович, даром что грамоте не учился, когда мальчишкой был.

Полюбил почему-то на старости лет Евдоким Соломонович сахарин. Вошел во вкус.

Теперь посиживает на огороде караульщиком — скукота душевная. Это только дереву или другому какому растению подобает всю жизнь находиться на едином месте и не скучать. Человек же — существодвигающееся и даже плавающее, поэтому ему на одном месте скучно, грусть берет и жутко.

Нечего делать — варит цельный день картошку Евдоким Соломонович, посыпает ее сахарином и ест. Затем заваривает, не изводя костра, кашу и, уластив ее сахарином, ест без особой охоты. Затем, полежав на брюхе, опять подвешивает котелок — и так, в неугомонной еде и рассуждении, проходят летние дни и звездоносные ночи с мертвым месяцем.

Страдал Евдоким Соломонович водобоязнью (и еще изжогой) и поэтому не купался, хотя река была в версте. Вшей расплодился, по причине нечистоплотности, в большом количестве и призыв к ним так, что особой тревоги от них не ощущал.

Теперь дело к осени. Мошкара убыла. Повывлезли волки — старые и молодняк. Любил Евдоким Соломонович по-волчьи выть. Есть играют на магдолине, есть на жалейке, а он искусно весьма завывал, так что волки приходили к нему и лезли на землянку: страхота, шут-ти-што!

Уйдут волки — скука, и Евдоким Соломонович повоет опять. Так ночь, в страхе и вое, человечьем и волчьем, проходила короче.

А ночи все длиннее и холоднее. По утрам прозрачен и звонок воздух. Поздно дымятся избы — некуда спешить завтракать, мертвые лежат поля. Незачем вставать рано — кончились все работы, одну картошку копают.

И однажды, не бугор сверзся в реку, умер Евдоким Соломонович.

Лег спать, было еще не поздно. Ночью встал оправиться, вылез из землянки — месяц стоит над белым, осиянным пустым полем, задернутым ледяною росой. Глухо было и безлюдно, человек не помнит про человека. Далеко колотушечник, старик, спрехвала постукивает, и лес на верхах брызжит.

Сел к чему-то Евдоким Соломонович на землю и чувствует, что голова его куда-то закатывается, и мочи никакой в теле нету, и душа больше не тревожит.

Вскочил Евдоким, хотел заплакать и что-нибудь сказать, но, не чуя грунта, ударился оземь так, что в животе ни к чему забурчало.

Месяц потух, на его удивление, на его глазах. Звезды пронеслись шумной рекой, и земля продавилась под ним вниз, как дно в бучиле татарской засохшей реки; и колотушечник-старик сразу смолк на деревне, как будто и не постукивал либо на ходу заснул.

<1922, 1924>

ИВАН ЖОХ

I

Четырнадцатого декабря 1762 года Екатериною II был обнародован Сенатский указ, до раскольников относящийся.

По сему указу извещалось, что раскольники, кои без особой злобы схоронились в иных державах, могут теперь домой воротиться. Для этого в указе содержалось прельщение, что воротившиеся раскольники будут причислены к государственным экономическим крестьянам, мещанам и купцам, хотя бы они до бегства были крепостными; поверх того, раскольникам обещалась земля для поселения и освобождение от всех повинностей на шесть лет.

Чиновники, работавшие в Сенате над раскольниковым указом, хвалились, что велика милость императрицы, раз она таких охальных негодников простила; а иные чиновники, что разумом крепче и в чинах повыше, сказывали, что царица откуп большой получила от московских купцов-раскольников, — что будто бы купцы-староверы один миллион рублей в казну внесли ради помилования своей родни, а — в надбавку тому — главный староверский коновод и миллионщик Иван Фомич Ларионов особый зарок дал в Святейшем синоде, что бесовских делов и бунтов он впредь не попустит, а возвращенных из других держав раскольников возьмет на свое попечение.

А томилось за границами раскольников не менее как десять тысяч человек, но указу сразу они не поверили, а стали выжидать. Думали, что на казнь или на изгнание в Сибирь царица обольщает, чтобы изъять раскольников из инородных держав и тем прослыть просвещенной монархиней.

Однако ничего нового не выходило.

Тогда раскольники решили просочиться сквозь границу малой порцией, чтобы потом узнать — не покарает ли царица просочившихся людей.

По сему решению и по совету стародубского попа Данилы от Всех Святых на Камушках в августе месяце 1779 года на Добрянский форпост Киевской провинции, что стоял обаполо польской границы, явился человек и объявил, что желает видеть начальника поста.

По личности он выходил похожим на крестьянина или мелкого купца.

Это был мужчина лет около сорока на вид, среднего великорусского роста, с темным рябоватым лицом и могучим сухим телом. На голове у него росла темнорусая гуща волос, а в бороде извивалась седина. Особенно надобно отметить глаза — черные, с притаенной хитрецей, в которых светился отменный характер.

Ему было не более 33 или 34 лет от роду, а может и менее — при такой личине люди живут скорохватами и стареют раньше возраста.

Когда начальник форпоста майор Меншиков допустил его к себе — он сказал:

— Я желаю воспользоваться милостивым указом императрицы и выселиться в Россию.

— А что ты за человек? — спросил майор.

— Пензенский купец и раскольник Иван Прохоров.

Действительно, это был Иван Прохоров, по прозвищу Жох.

Получив на руки разрешительную выпись, Иван Жох тронулся в тогдашнюю русскую державу, идя пешеходом от одного раскольниковьего скита до другого, коих в те поры на Руси было весьма изрядно.

Попав в Старовыгонскую слободу, Жох отдыхал там недели две и кормился сытно, будто собирался на большую работу.

В этой слободе жили раскольники, беглые и всякого сорта люди.

Отдохнув, Жох пошел на Иргиз и Яик, где раскольников был великий притон.

Шел он не мудря и не заботясь о пропитании — всюду находились сострадательные люди, которые жалели вороченца из чужой стороны и кормили его.

Думал он пробраться на Зауралье, — там богатые земли пустыми лежали, — чтобы основать целый раскольниковьий край.

А пока что хотел приглядеться и к народу прислушаться.

Народ же всюду говорил одно, что время непокойное и скорбно чересчур; у купцов тоже торг плох стал, и все царство обветшало от подложного Петра-царя, сына Лефорта.

Мужики маеты еще не изжили от войн, да походов, да великих царских работ — и тоже бурчали. Лошади вывелись, деревни обезлюдели, и по полю сор пошел. А тут царица поборами души: и за дым, и за место, и за бортный ухой*, и за куру, и за всякую ухватку по хозяйству.

---

* Старинный промысел: лесное дикое пчеловодство.

К тому же засуха крыла из каждых двух годов в третий. Народу и деваться некуда: то голодный мор, то кнут бурмистра.

Мужики вздыхали:

— Государя у нас истинного нету. Баба правит — полчеловека всего!

Дошло до Ивана Жоха, что в Москве раскольников купец Ларионов — что за Рогожской заставой — весь почин против царицы держит и людей упористых ищет. Желает он будто бы вольную веру объявить, поборы с народа сложить и торговым людям оказать всякое почтение.

На хуторе Бессмертном, где заночевал Жох, у него ночью истребили все бумаги:

— Не гордись, — говорят, — антихристовыми печатями!

На том хуторе жили тоже раскольники, но бродяжьего толку, которые считали, что бог на дороге живет и что праведную землю можно нечаянно встретить. По этой вере жители того хутора вечно бродяжили и покою ногам своим не давали.

Через две ночи, в раскольничьей слободе Ветрянке, Жох встретился с беглым гренадером Алексеем Семеновым, который сказал ему:

— А что-то ты, сударь, на покойного императора Петра Федорыча лицом малость сдаешься — издали вылитый государь!

Вечером Семенов позвал Жоха к знакомому купцу Кожевникову в гости — почаявничать и поговорить до первых петухов. В то время по глухим сторонам любили всяких проходящих, дабы новостей от них отвеждать.

Кожевникову Семенов, должно быть, сказал, что странник с царем схож, потому что Кожевников ласкал его разными образами и о точном звании и природе выведывал.

Жох, открывшись в звании своем, не утаил и того, что из дому отца он давно бежал и объяснил причины своего побега несвойством веры с родителем.

Купец Кожевников, человек тоже раскольников толка, сведав от Жоха верно, говорил тому:

— Слушай, сударь! Если ты хотел бежать за Урал, то бежать одному не можно! Хочешь ты пользоваться и начать лучшее намерение? Есть люди здесь, которые находят в тебе подобие государя Петра Федорыча... Прими ты на себя это звание и поди к раскольникам на Яик. Обещай казакам вольность и свободу и награждение по 12 рублей на человека... Деньги, если будет нужда, я тебе дам, и прочие помогут, с тем только, чтобы вы нас, раскольников, взяли с собой, ибо нам здесь жить по старой вере

стало трудно, и гонение делают непрерывное, да и дела торговые в нищету меркнут. Благочестия ж нету в Москве — горит оно где-то в опоньской стране на Беловодье.

В доме Кожевникова был в тот вечер и другой купец, Степан Вакулов; тот тоже замолвил за слова Кожевникова.

Однако Жох сразу им не подался:

— Я,— говорил он,— лучше на Кубань выйду — там жизнь помягше и начальство пореже... Там, может, и народ способней на такое дело скликать...

Тогда Вакулов стал его разуверять:

— Слышно здесь, что яицкие раскольники давно бунтуют, так лучше их подговорить.

Беседовал Жох с купцами еще немалое время, пока светать не начало и пастухи не проснулись.

Кожевников и Вакулов стояли на одном, чтобы на Яик Жох уходил.

— Будешь на Иргизе,— говорил Кожевников,— беспременно същи там игумна нашего Феодосия — он по расколу родной мне человек. Разузнай также про казака Шилова — он почетный в расколе человек и станет помогать тебе, не жалея иждивения...

На другой день купцы приобрели Жоху лошадь и положили за пазуху пятьсот рублей денег. Окрестив его двуперстным крестом, купцы отправились по дворам, а Жох поехал: вчера Жох дал им согласие свое и показал нательные раны от острожных побоев, а получил он их в Рязани, где томился за веру.

Прибыв на раскольничий Иргиз в ноябре 1779 года, Жох явился к старообрядческому игумену Феодосию и открылся ему в желании мутить казаков.

Феодосий принял его намерение с радостью, обнадежив, что яицкое раскольничье войско его примет.

От себя Феодосий послал Жоха к казачьему старосте — Денису Пьяных:

— Поживи там малость,— сказал игумен,— открывайся людям не вдруг, а разумно!

У Дениса Пьяных Жох первые дни жил молча. А тот не спрашивал, зная, что Феодосий зряшных людей не даст на приют.

Однако раз нечаянно допытался у Жоха:

— За что, казак, томишься по чужим местам?

— За крест и бороду! — ответил Жох.

— Что ж,— спросил Пьяных,— из-под караула отпущен аль сам бежишь?

— Сам бегу,— ответил Жох и застеснялся чего-то.— Дозволь у тебя,— говорит,— до времени пожить!

— Живи! — сказал Пьяных.— Я много добрых людей скрывал.

Пожив еще с неделю, Жох попросил хозяина истопить ему баню. Тот истопил, но тоже с ним помыться пошел.

Оголившись, Жох попробовал силу на разных твердых вещах, разминая толстые железки в подковки.

Тут Пьяных заметил у Жоха на теле какие-то знаки и щербины от старых ран.

— С чего это у тебя такое? — спросил он.

— То знаки государевы,— ответил Жох.

— Что ты говоришь? Какие государевы?

— Я сам государь, Петр Федорович,— сказал на это Жох.

— Да как же это? Да как же так?.. Ведь, сказывали, что государь помер?..

— Врешь! — строго промолвил Жох,— Петр Федорович жив, а не помер. Ты смотри на меня так, как на него. Я был за морем, приезжал в Россию прошлого года, и услыша, что яицких казаков-раскольников притесняют в вере, нарочно сюда на выручку приехал, и хочу, если бог допустит, опять вступить на царство...

— Вот оно как дело-то! — испугался Денис Пьяных.

— Ежели б,— говорил Жох,— какие умные казаки войсковой руки сюда приехали, я бы с ними поговорил...

— А ко мне скоро Григорий Пустовой будет,— заявил Пьяных,— я тады тебя с ним сведу для беседы...

Потом Жох и Пьяных начали мыться, а после бани Пьяных просил прощения у Жоха за обращение с ним, как с простым человеком. Но Жох еще пуще пристрашил его и не велел менять обращения на людях.

— Только надежным людям древней веры скажи обо мне,— сказал Жох,— но так, чтоб и жены их ничего не проведали!

II

Однажды Жох ходил по иргизскому базару и пробовал на возах рыбу за мякоть: сколь добротнo это речное существо. Мужики ему не препятствовали:

— Говорят, это царь будто! Рыбу шупает: постную пищу уважает!

— Какой такой царь? У нас теперча царица! А Петр Федоро-

вич, что на Яике жил, того в Москве нововерцы угомонили! Это не царь — эт так: хозяин-поселенец!

— Ну вот — поселенец! Тебе говорят — царь! По обличью и ухватке видать! Другой бы не осмелился рыбу даром щупать! А то, вишь, и цены не спрашивает, а прямо-таки берет!

— Ну, нехай будет царь! Все одно — то ни к чему! Опять война холостая выйдет, а проку не прибавится!.. Чем больше царей, тем жизнь жиже!

— Ну, тоже справедливость нужна! Нельзя родное место охальной бабе уступить!

— Ну и пускай то место захватывает, а нас зря не касается!

Набрав рыбы, Жох уходил домой — к Пьяных. Ему варили уху и жарили рыбу, а он все поедал в одиноличии. Иногда Жох съедал зараз фунтов по десять. Такое прожорство случилось с ним недавно. Сведущий знахарь, попытав Жоху за живот, почувял, что в пузе у него завелась змея, которая ночью ползает и нахальничает по всему нутру.

Пьяных питал Жоху сытно и сомневался:

— Слухай, Иван Прохорович! А не выйдет у тебя, как у Пугача: ты забунтуешь, а царица тебя ляпнет!

— Я на народе стою, Денис,— отвечал Жох,— а царица-шлюха в кромешной тьме лежит!

— Это истинно! — говорил Пьяных.— Только поболе тебе силы-мочи собрать надобно!

Прожил Жох у Пьяных еще неделю и тронулся дальше.

Пришел он на Урал и лег отдыхать в избе одного солевоза.

От Иргиза до уральского поселка Аушина Жох истратил месяц, но в дороге его тело трепала лихорадка — и он ничего не запомнил ни из людей, ни из природы. Деньги у него растащили ямщики и прохожие, поэтому Жох от болезни очнулся нищим.

Народ явно льнул к нему, хотя Жох ему ни в чем не льстил.

В то время люди были остры на всякий слух, а меж слободами и раскольничьими скитами постоянно бродили странники, как ныне почта. Поэтому — Жох шел, а за ним молва катилась и потчевала его царской знатностью.

Жох сам особо не раздумывал о своем значении, но ему открыл его солевоз Егор Багий, у которого он стал на постой в Аушине.

— Ты,— говорил Багий,— сласть жизни особо не примай: после успешь! Народ теперча по правому царю томится, вот он и льнет к тебе! А ты не томи его охоты, но и туго людей не хватай, а пускай к тебе спрехвала само все движется!

Так оно и выходило.

Но Жох — мужик молодой и соками еще не истек; поэтому облюбовала его одна ласковая баба в Аушине — духовитая вдова. Жох сначала ею не прельщался, а потом прилип к ней вконец.

Багий его опрастывал и к разуму возвращал, но Жох совсем очумевал — чем дальше, то постыдней.

Все Аушино на спор пошло:

— Ежели он царь — его баба не возьмет: он целому народу супротивиться может! Ежели он так себе — мужик — Аришка с ним управится!

Но Жох не сладил со вдовой. И мужики ему сразу простили, когда то случилось:

— Немыслимое дело, — беседовали староверцы, — кабы б он оскoblенный был, а то мужик с полной гроздью!

— Так он же царь — человек неимоверный! — говорили иные строгие люди.

— А хучь и царь! — отвечали за Жоху млажавые раскольники. — Пищу примает: стало быть, и спуск ей надобен! Это только скоблeнный — ну, у того пища в дух обращается!

А Жох, себе на уме, спешно улещивал вдову:

— Я, — говорит, — тебя царицей Урала и Сибири сделаю! А кроме того подарю глыбу золота, какая побаляхней!

— Да не томи ты меня, делай что-нибудь посурьезней! — сердчала вдова.

Народ вертелся около Жоху и присматривался к нему. А Жох жил в затмении, выжидая своего времени.

Но видит раз, что надо начинать.

Феодосий-игумен прислал устное письмо с одним нищим — Семеном Тещей:

— Пора уходит, народ твоего пришествия ждет, а ты, Жох, живешь и чухаешься.

Подошла малая конная ярмарка — в Успенев день — и порешил Жох в одну ночь свое дело:

— Дай, — думал, — я себя жирной жизнью угошу — раз она обнаружилась!

III

Ярмарки в те годы были густые. Лошадиный промысел давал народу богатые деньги, а по степи шла веселая конная

жизнь. Степь сама по себе — одно лихое пространство, но покрытая конем она предлагала человеку вольную жизнь.

Всякий разбойник и просто хороший человек садясь на коня чувствовал, как это бедовое существо выносит его из тесноты людских законов в огромное дыхание. И он несся по природе, не знающей никакого нарочного наказания.

В том была тогдашняя отвага, и ездок жил героем, как родня ветру.

— Супруга! — сказал своей вдове Жох. — Выхожу объявляться на народ — сиднем сидеть далее неподручно!

— Давно пора, батюшка, — ответила вдова. — Баба-то всем сподручна, а ты на народе жить умудрился!

Ярмарка не только конями богата была, но и веселительными зрелищами, едой и всякими душевными разговорами старых друзей, видевшихся раз в год — и то по домоустройственному делу.

Посредине Аушина имелась голая круговина — там стояла ярмарка. А посреди ярмарки калмыцкая карусель: на длинной жерди висело большое колесо, жердь ту водил калмык, а ездок держался за спицы колеса; иногда калмык приопускал жердь — через то колесо касалось земли и начинало крутиться: ездока мотало круговую — и он отлетал, мучаясь тошнотой и исходя перекрутившейся кровью.

Пришел на ярмарку Жох, влез на карусель и глянул вдаль. Но народ уже знал, что будет царь-странник, и заранее обжался округ карусели.

Старые раскольники неотлучно следили за Жохом и склоняли народ на почет ему. Про такую раскольничью работу и сам Жох почти не знал; а думал, что он самолично пригож народу.

Около Жоха стоял Семен Теща — нищий посланец от игумна Феодосия.

— Зачинай не сразу, государь! — советовал Теща. — А потом народ малость!

— А чего мне говорить? — невдогад спросил Тещу Жох.

— А ты ж государь! — сказал Теща. — Говори то, поелику жалость твоя окажется, когда царством возобладеешь!

Жох потравил немного времени, оглядел далекие степные солнцепеки и подумал для смелости:

— Вон растет трава стоймя, без призору — а хороша; так и народ живет.

И Жох начал свое открытие:

— Всему миру я теперича объявляюсь, потому как дале нельзя

терпеть ни минуты часа. Уже мертвель народ зачал от бабьей власти Катерины. Это неподобно, чтобы рабам Христа и поданным моим сидеть доле под подолом европейской шлюхи! И чтобы градские мздоимцы несносные денежные поборы и обиды чинили, а казацкая старшина до всяких отягощений умышляла!

Так я открываюсь всему верному народу моему и прочим азиатским племенам — без отличия природы!

Как деду моему, великому государю Петру Алексеичу, служили отцы ваши, также, а и того крепче, служите отныне и мне,— и чтоб до капли крови вся сила ваша пошла мне на помощь, чтоб возобладать мне царством родителя свою и изгнать иноверку Катьку в европейскую землю.

А я дарю моему народу всю землю и реки, соляные озера, лесные гущи и старинную веру и прочую вольность. Ибо, как мы власть и мир от бога получили задаром, также и народу дарма наше богатство передаем.

А кто в неистовство и в супротивщину от сего войдет, тем боле ратью и оружием на нас тронется — тем добра не будет, и они сами узнают, что с ними станется.

От нынешнего срока все боярские и царские кабинетские земли отдаются нами казацкому народу и вольному черносошному хрестьянству на вечные сроки и безоброчно. Дарую также я вам вечное козацтво — и будете навеки вы козаковать в степи...

IV

Ехала раскольничья рать на хороших конях. Перед войском, а также сзади него и по бокам лежала живая степь — мирное добро земледельца. Синими задумчивыми бровями ждали чего-то далекие северные леса.

Впереди на донском жеребце ехал Жох — шапка красная, борода серебристая, очи мудрые, слово протяжное: степной русский царь.

Ехало войско на Пиотровский оружейный завод, чтобы выбить оттуда екатерининского полковника и поднажиться воинским снаряженьем. Всего в войске было человек семьсот или тыща, но храбрости в нем имелось на целые города и царства.

Иногда дорога шла в высоком травостое, где шевелилась самочинная животная жизнь,— и тогда войско пело песни, в которых лилось золото самородных раздумий и светилась воля, как росная влага.

Раскольники думали, что теперь конец их укромной вере, конец злосчастью и начинается шумная беспрепятственная жизнь, схожая с ветром, чешущим степное разнотравье.

Кормилось войско в старохмырском староверском монастыре — гречневой кашей и молоком.

До Пиотровского завода остался один денной переход. Если никто не докажет на Жоха прежде времени, то завод будет взят молчком.

К вечеру другого дня, как ушли из Аушина, началось предгорье — скоро должен быть завод.

Напоило войско коней в реке Альме, сказал Жох боевое слово — и войско тронуло коней на степную рысь, чтобы размять немного.

Окружили раскольники ночью завод и замерли до приказа Жоха.

Уже шла полночь. Месяц блестел на стеклах заводской рабочей слободы, и собаки угомонились, не чуя в поникшей степи опасного звука.

Всадники лежали в траве, а лошади негромко жевали последний овес и накапливали силу для скачки.

Ход месяца по небу был виден глазам, и его свет так рассеивался в степи, что земля пропадала на своем краю и сливалась с трепещущим ночным небом.

Наконец ночь, месяц и близкое утро вошли друг в друга, и весь мир смешался в неясное томящееся привидение.

Тогда Жох дал свой позыв войску — гулкий длинный свист и двукратный хриплый крик.

Раскольники вцепились в коней и схватились за оружие — кто какое имел.

Но вдруг припогас и пошатнулся месяц в высоте — и вздрогнуло войско, как одна душа.

С завода гулко вдарила пушка-единорог, и близко пала трава от картечи. Взрыв долго неся по гулкому лунному пространству, потом перешел в дальний стон и замер в неизвестных местах, ущемляя страхом не причастных зверей.

Жох завыл от страсти боя и злобы — и закричал всему войску свой приказ царя. Всадники бросились на завод, тревожа ногами трепещущих коней и крича голосом для ужаса врага.

Но одинорог начал бить беспрестанно, и еще два скрытых одинорога тоже открыли пальбу. Со стен завода заискрилась ружейная стрельба — и степь стала шумящим потоком смертной страсти и отчаянья.

Со всей мочью крушили расстояние до завода раскольничьи степные кони.

Жох летел впереди и неустанно кричал нестерпимые ругательства, вспомя острожный нахальный язык.

Всадники сразу пронизали слободку, подняли на ноги всю домашнюю собачью стаю и разбудили петухов.

Пушки за огорожей завода работали не переставая, а солдаты царицы палили из пищалей и ружей, торча на заборах слободы. Но раскольники, теряя убитых, бросились прямо на завод за артиллерией и офицерами.

Жох круто воткнулся мордой лошади в заводские ворота и начал их в неистовстве рубить палашом. Но тут в тугой упор — из щелей кованых железом ворот — дали залп, и донской жеребец, ревавший на скаку, молча подломил под себя ноги и лег, умерев еще на ногах.

Жох прыгнул на коня своего соседа, сбросил с коня соучастника и в лютом бешенстве, побледнев до свечения лица, поскакал в степь. За ним — в угон — бросились уцелевшие раскольники, терзая чем попало усердных коней.

Люди, потерявшие коней, бежали пешими, но скоро они пропали с глаз и пали безвестной смертью: кто от картечи единорогов, кто от телесной истомы, а кто так навсегда запропастился в степи.

Пушки метали столбы земли впереди скачущих и отрезали отступление мятущимся мятежникам. Но раскольники, в забвенном бесчинстве, проскочили через эту смерть и опомнились уже в горной долине под ранним прохладным солнцем.

Отдышавшись, люди окружили Жоха.

— В Сибирь — на Зауралье! — сказал Жох. — Вертаться домой теперча немислимо — там, должно, Каткино войско пришло! Какой-то змей про все доказал!

В полдень остатки войска тянулись через уральские перевалы на восток, в пустынную тайную Сибирь, в соседство простого зверя и кроткой травы — подалее от злого иноверца-человека.

На хрестце последнего кряжа, перед спуском в долины Сибири, Жох окоротил коня.

Понурые люди проехали мимо него, не видя сумрачной, дикой до скорби, вечной природы.

Жох постоял, оглянулся на Россию, рассеянную в бесконечном подсолнечном пространстве, и сделал рукою какое-то невнятное иносказание — не то прощаясь до счастливой встречи, не то горюя навсегда.

Затем он шевельнул коня и поехал немым загроможденным ущельем — вослед своему растерянному отряду, бредущему на затихших конях в неведомые края.

— Теща! — крикнул Жох нищему, бывшему в войске заодно со всеми.

— Чего, осударь? — отозвался Теща.

— Ты что думаешь? — спросил Жох.

— А тож самое, что и думал! — сказал Теща и сошел с коня по нужде. Жох тоже придержал лошадь.

— Без своего царствия — нам жить нигде не уместно! — говорил Теща, кряхтя в бурьяне.— Надо... необжитую землю сыскать... там и станем на земной причал...

V

В спешке шел девятнадцатый год.

Но ничто не изменилось в равнинах и тайге — и года могли бы не надоедать: все равно природа здесь не шевелится.

Нас тянули люди и события. Нас удручали бессмысленные роскошные ландшафты, по которым мы двигались третий месяц с переполненной ядом усталости кровью.

Нам так было скучно, что мы возненавидели друг друга.

Четыре красно-зеленых партизана оторвались от своего отряда и три недели хоронились от колчаковских войск. Я был пятый — и самый лишний.

На четвертую неделю, теряя последнее мужество, нищенствуя по редким зайкам, мы вышли на среднюю Обь.

Мы знали, что Колчак начал большое наступление на красных, что партизаны рассеялись по тайге, и впали в удручение.

Горюя и жалуясь, сидели мы в полдень на берегу Оби и слушали тоскующий поток воды. Мы так устали, что не ощущали полностью себя, сомневаясь — те ли мы самые, что когда-то были детьми и имели родных матерей; точно ли звали меня Алексеем — и не обменялся ли нечаянно я на кого-то другого в трудном, фантастическом пути.

Нам недоставало зрелости, чтобы окунуться навсегда в печальную воду Оби и слиться с общей покорной жизнью грустной природы.

Самый старший и стойкий из нас вдруг замечтал о Москве, устав удавливать вшей в зловещем сюртуке, заменявшем ему рубашку и штаны.

И тут мы торжественно решили пробиваться на Москву и начинать жить. Мы обсуждали свой поход так же важно, как рождение в жизнь.

Мы уходили к устью Оби.

Туда каждый год в июле приходят из Архангельска и Мурманска торговые корабли. С ними мы хотели пробраться через север в Москву — город, очаровавший нас неимоверной жизнью, цветущей уже второй год.

Скорбь и озлобление остыли в нас; кровь забормотала в сердце — и мы тронулись дальше, ругая бессильные ноги.

— Куда ж мы идем? — спросил я, опять нечаянно упав душою. Мне захотелось лечь в траву, забраться в бор и отдохнуть сразу за всех предков.

— Как куда? — спросил спутник по имени товарищ Удавец. — К Ленину в соседи. Во куда!

На вечер мы шевелились в глухом древнем бору. Здесь даже птицы не пели и ничто живое не суеилось — такова была темь и гуща.

Мы еле лезли в этой тишине, изредка вереща слабыми головами и расшвыривая наиболее нахальных вшей, двигавшихся по нашим мрачным лицам.

И вдруг засерело — бор либо кончался, либо переходил в поляну.

Я втайне решил, что лягу на этой поляне до рассвета — больше не могу; даже моя терпеливая мысль начала показывать мне одни привидения. И тут я со сладострастием подумал о смерти. Как, действительно, хорошо перемешаться с сырой старой землей и застаться вечным забвением!

В смраде истощенного сознания я вспомнил об инстинкте смерти и понял его.

— Вы кто бываете? — невнятно сказал кто-то.

Но мы уже лежали безответными, нюхая сытную покойную почву и забывая себя, будто множась на части.

Утром нас так пробрал холод, что мы сразу стали людьми и вспомнили всю свою биографию.

Перед нами стоял старик в длинной холстинной рубашке и без порток. А за ним — в немощем свете бесшумного солнца — светился каменный вечный невозможный город.

Стиль города был надменен и задумчив, как гордость мудреца, достигнувшая последнего предела понимания. Архитектура зданий напоминала ионическую культуру, но до нее отсюда было пять тысяч верст.

Холщовый старик повел нас куда-то.

Мы пошли, потому что нам было все равно.

Захар, наш товарищ, скоро обнаружил, что женщин не видать. Хотя на что они нам нужны?

Но все равно. Нас, конечно, накормили — тогда мы почувствовали, что жизнь не бред, а существо твердое и блаженное.

Мы было приготовились отдохнуть, но нас повели опять в бор. Мы сопротивлялись, но жители того места окружили нас тучей и, не спрашивая нашего происхождения, вывели через бор к Оби. Там стояла лодка, мы в нее сели, нам дали проводника и оттолкнули от берега. Но, правда, на дно лодки поставили много сытной пищи в деревянных ведрах.

И мы поплыли дальше — к Ледовитому океану, отчасти довольные встречей с городом.

Отлежавшись, я разговорился с нашим проводником. Времени много, Обь длинна, лес растет медленно, и небо замечательно до скучной грусти — что будешь делать?

Проводник наш оказался тоже беглецом. Его отправили с нами в безвозвратное путешествие. Он забрел сюда из колчаковской армии — по тем же простым причинам, что и мы.

Звали его — Кузьма Сорокин, чином — поручик. Но нам теперь было все равно. На Оби тогда не имелось классового общества, и Сорокин был явно безвреден. Но он прожил в том месте, откуда нас выгнали, больше, чем мы,— и этим нас превосходил.

Сорокин тоже не обратил внимания, что мы красные, и даже обрадовался нам, но, наверно, впоследствии ошибся.

Длинный день он рассказывал мне свою историю, а потом перешел на скитания по тайге.

Того я и ждал.

Лодка плыла по силе течения, и Сорокин только направлял ее по середине реки, бессознательно подчиняясь красному большинству. А мы не возражали против его малой работы.

Оказалось, что то поселение, откуда мы тронулись утром, есть преуспевающий раскольничий скит. У сибирских староверов он известен под именем Вечного Града-на-Дальней реке.

— Скит этот весьма замечателен,— говорил, немного увлекаясь, Сорокин.— В нем жил в середине XIX столетия игумен Георгий — по прозвищу Царь — потомок основателя скита, некоего Семена Тещи. А кто такой Теща — никому не известно, но большой силы человек! Говорят, у Тещи был не то брат, не то приятель — какой-то Иван Жох.

Этот Жох выдавал себя за царя Петра Федоровича, как и Емельян Пугачев. Но Теща удушил угаром этого Жоха за то, что Жох выписал себе жену с Урала, где он когда-то жил и буйствовал против Екатерины Великой. Бабу Жоха этот самый Теща пожалел — она затяжелела ребенком. Потом зачала она сына и от Тещи. Но как только она разродилась от него Георгием, Теща ей вырезал хлебным ножом матку, и она скончалась. А мальчики — и тот и другой от нее — остались жить в скиту. Потом, когда вырос, мальчик Жоха привел жену — и так и жил. Теща уже умер, а раскольники-скопцы хоть и не любили женщин, но сыну Жоха простили женитьбу, потому что он был очень красив и ласков, как свет божий. А потом уж и внуку старики не препятствовали в любви.— У тебя нет закурить?

— Нет,— ответил я, забыв, что у меня есть махорка.

— Игумен Георгий,— продолжал Сорокин, не обращая на меня внимания,— оставил после себя большую философскую рукопись на старославянском языке. Писал философию свою он всю жизнь. Наверное, не спешил. В философию вложил Георгий все свое одинокое восторженное и свежее сердце. Он думал годами над одним и тем же в ничем нерушимом покое тайги...— Тебе не скучно слушать? Может, ты лечь хочешь, то ложись — твои ребята уже спят!

Я ничего не ответил Сорокину, зная, что он сам кончит рассказ.

На удивление — в Вечном Граде-на-Дальней реке все жилища и церковь построены из камня, а не из дерева. Живут там крепкие люди, которые не зря променяли мир на изгнание.

— И этот Вечный Град,— доказывал Сорокин,— живет и сейчас в большом, брат, достатке и благополучии. Все оттого, что в нем после смерти Тещи наступил взаимный мир, а трудились раскольники всегда хорошо, поэтому и стал Вечный Град тайной и самой богатой раскольничьей столицей.

— Наверно, богатство и было настоящей силой, что влекла сюда исконных раскольничьих людей? — точимый любопытством вставил я.— Все прочее — вера в правильность двуперстного сложения руки, осьмиконечный крест, борода и другое — было так, лишь для признака дружной хозяйственной жизни. А этот Георгий — случайность, так сказать, жемчужина мечты в том царстве покойного богатства и сытой жизни, что вы прозвали Вечным Градом-на-Дальней реке?

Лодка влеклась сама по себе, вода пахла брагой, тянуло на длинный разговор, но проводник замолчал.

— А откуда ты знаешь про все эти подробности? — спросил я тут Сорокина.

— Как же! Я родился в Вечном Граде!

— Ну? — удивился и обрадовался я.

— Верно говорю! Я как раз сын внука Ивана Жоха. У меня мать была Сорокина. Родом она с Кубани, а в Сибирь приехала с первым мужем — переселенцем из Воронежской губернии. Тут ее увидел на ярмарке мой отец и отбил у первого мужа... Старик в нашем скиту все помнят, от них я и знаю всю эту историю!

— А как твоего отца звали? — зачем-то узнавал я.

— Лука! — ответил Сорокин.

— А почему же тебя прогнали из Вечного Града, раз ты родился там!

— Меня не прогнали: я сам еду.

— Куда?

— Через Архангельск на юг — к генералу Деникину! Драться с красными.

— За что?

— За веру, за Вечный Град, за тишину истории.

Спутники мои проснулись, то есть их разбудила нательная вошь.

— Будя бурчать вам! — осерчал Захар. — Спать не дали: орут над ухом!

Захар из нас был младший и самый вкусный — его особенно точила вошь, а он думал со злости, что мы его разбудили.

Объ вытянулась в прямую и блестела под склонившимся солнцем, как Млечный путь, как серебряное руно в дальней стране.

По берегам реки росли какие-то горы, но нас интересовала Москва.

Ночью я хотел убить Сорокина, но классовой силы у меня не хватило.

За меня сделал это другой: таманский командир в камере армавирской тюрьмы в 1920 году.

<1927>

ПЕСЧАНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

I

Двадцатилетняя Мария Нарышкина родом из глухого заброшенного песками городка Астраханской губернии. Это был молодой здоровый человек, похожий на юношу, с сильными мускулами и твердыми ногами.

Всем этим добром Мария Никифоровна была обязана не только родителям, но и тому, что ни война, ни революция ее почти не коснулись. Ее глухая, пустынная родина осталась в стороне от маршевых дорог красных и белых армий, а сознание расцвело в эпоху, когда социализм уже затвердел. Отец-учитель не разъяснял девочке событий, жалея ее детство, боясь нанести глубокие незаживающие рубцы ее некрепкому растущему сердцу.

Мария видела волнующиеся от легчайшего ветра песчаные степи прикаспийского края, караваны верблюдов, уходящих в Персию, загорелых купцов, охрипших от песчаной пудры, и дома в восторженном исступлении читала географические книжки отца. Пустыня была ее родиной, а география — поэзией.

Шестнадцати лет отец свез ее в Астрахань — на педагогические курсы, где знали и ценили отца. И Мария Никифоровна стала курсисткой.

Прошло четыре года — самых неопикуемых в жизни человека, когда лопаются почки в молодой груди, и распускается женственность, сознание, и рождается идея жизни. Странно, что никто никогда не помогает в этом возрасте молодому человеку одолеть мучающие его тревоги, никто не поддержит тонкого ствола, который треплет ветер сомнений и трясет землетрясение роста. Когда-нибудь молодость не будет беззащитной.

Была, конечно, у Марии и любовь, и жажда самоубийства, — эта горькая влага орошает всякую растущую жизнь.

Но все минуло. Настал конец ученья. Собрали девушек в зал, вышел завгубоно и разъяснил нетерпеливым существам великое значение их будущей терпеливой деятельности. Девушки слушали и улыбались, неясно сознавая речь. В их годы человек шумит внутри, и внешний мир сильно искажается, потому что на него глядят блестящими глазами.

Марию Никифоровну назначили учительницей в дальний район — село Хошутово, на границе с мертвой среднеазиатской пустыней.

II

Тоскливое, медленное чувство охватило путешественницу — Марию Никифоровну, когда она очутилась среди безлюдных песков на пути в Хошутово. В тихий июльский полдень открылся перед нею пустынный ландшафт. Солнце исходило зноем с высоты жуткого неба, и раскаленные барханы издали казались пылающими кострами, среди которых саваном белела корка солонца. А во время внезапной пустынной бури солнце меркло от густой желтоватой лёссовой пыли и ветер с шипением гнал потоки стонущего песка. Чем сильнее становится ветер, тем гуще дымятся верхушки барханов, воздух наполняется песком и становится непрозрачным. Среди дня, при безоблачном небе, нельзя определить положение солнца, а яркий день кажется мрачной лунной ночью.

Первый раз видела Мария Никифоровна настоящую бурю в глубине пустыни. К вечеру буря кончилась. Пустыня приняла прежний вид: безбрежное море дымящихся на верхушках барханов, сухое томящее пространство, за которым чудилась влажная, молодая, неутомимая земля, наполненная звоном жизни.

В Хошутово Нарышкина приехала на третий день к вечеру. Она увидела селение в несколько десятков дворов, каменную земскую школу и редкий кустарник — шелюгу у глубоких колодцев. Колодцы на ее родине были самыми драгоценными сооружениями, из них сочилась жизнь в пустыне и на устройство их требовалось много труда и ума.

Хошутово было почти совсем занесено песком. На улицах лежали целые сугробы мельчайшего беловатого песка, надутого с плоскогорий Памира. Песок подходил к подоконникам домов, лежал буграми на дворах и точил дыхание людей. Всюду стояли лопаты, и каждый день крестьяне работали, очищая усадьбы от песчаных заносов.

Мария Никифоровна увидела тяжкий и почти ненужный труд, потому что расчищенные места снова заваливались песком, молчаливую бедность и смиренное отчаяние. Усталый, голодный крестьянин много раз лютовал, дико работал, но силы пустыни его сломили, и он пал духом, ожидая либо чьей-то чудесной помощи, либо переселения на мокрые северные земли.

Мария Никифоровна поселилась в комнате при школе. Сторож старик, очумевший от молчания и одиночества, обрадовался ей, как вернувшейся дочке, и хлопотал, не жалея здоровья, над устройством ее жилья.

III

Оборудовав кое-как школу, выписав самое необходимое из округа, Мария Никифоровна через два месяца начала учење. Ребята ходили неисправно. Придут то пять человек, то все двадцать.

Наступила ранняя зима, такая же злобная в этой пустыне, как лето. Застонали страшные снежные бураны, перемешанные с колким, жалящим песком, захлопали ставни в селе, и люди окончательно замолчали. Крестьяне заскорбели от нищеты. Ребятам не во что было ни одеться, ни обуться. Часто школа совсем пустовала. Хлеб в селе подходил к концу, и дети на глазах Марии Никифоровны худели и теряли интерес к сказкам.

К Новому году из двадцати учеников двое умерли, и их закопали в песчаные зыбкие могилы.

Крепкая, веселая, мужественная натура Нарышкиной начала теряться и потухать. Долгие вечера, целые эпохи пустых дней сидела Мария Никифоровна и думала, что ей делать в этом селе, обреченном на вымирание. Было ясно, нельзя учить голодных и больных детей. Крестьяне на школу глядели равнодушно, она им была не нужна в их положении. Крестьяне пойдут куда угодно за тем, кто им поможет одолеть пески, а школа стояла в стороне от этого местного крестьянского дела.

И Мария Никифоровна догадалась: в школе надо сделать главным предметом обучение борьбе с песками, обучение искусству превращать пустыню в живую землю.

Тогда она созвала крестьян в школу и рассказала им про свое намерение. Крестьяне ей не поверили, но сказали, что дело это славное. Мария Никифоровна написала большое заявление в окружной отдел народного образования, собрала подписи крестьян и поехала в округ.

В округе к ней отнеслись сочувственно, но кое с чем не согласились. Особого преподавателя по песчаной науке ей не дали, а дали книги и посоветовали самой преподавать песчаное дело. А за помощью следует обращаться к участковому агроному. Мария Никифоровна рассмеялась: агроном жил где-то за полтора верст и никогда не бывал в Хошутове. Ей улыбнулись и пожали руку в знак конца разговора и прощания.

IV

Прошло два года. С большим трудом к концу первого лета удалось Марии Никифоровне убедить крестьян устраивать каж-

дый год добровольные общественные работы — месяц весной и месяц осенью.

И уже через год Хошутова было не узнать. Шелюговые посадки защитными полосами зеленели вокруг орошаемых огородов, длинными лентами окружили Хошутово со стороны ветров пустыни и зауютли неприветливые усадьбы.

Около школы Мария Никифоровна задумала устроить сосновый питомник, чтобы перейти уже к решительной борьбе с пустыней. У нее было много друзей в селе, особенно двое — Никита Гавкин и Ермолай Кобозев,— настоящие пророки новой веры в пустыню. Мария Никифоровна вычитала, что посадки, заключенные меж полосами сосновых насаждений, дают удвоенные и утроенные урожаи, потому что дерево бережет снежную влагу и хранит растение от истощения горячим ветром. Даже шелюговые посадки увеличили намного урожай трав, а сосна — дерево попрочней.

Хошутово извека страдало от недостатка топлива. Топили почти одними смрадными кизьяками и коровьими лепешками. Теперь шелюга дала жителям топливо. Крестьяне не имели никакого побочного заработка и страдали от вечного безденежья. Та же шелюга дала жителям прут, из которого они научились делать корзины, ящички, а особо искусные — даже стулья, столы и прочую мебель. Это дало деревне в первую зиму две тысячи рублей приработка.

Поселенцы в Хошутове стали жить спокойнее и сытее, а пустыня по малости зеленела и становилась приветливой. Школа Марии Никифоровны всегда была полна не только детьми, но и взрослыми, которые слушали чтение учительницы про мудрость жить в песчаной степи.

Мария Никифоровна пополнила, несмотря на заботы, и еще больше заневестилась лицом.

V

На третий год жизни Марии Никифоровны в Хошутове, когда стоял август, когда вся степь выгорела и зеленели только сосновые и шелюговые посадки, случилась беда.

В Хошутове старики знали, что в этом году должны близ села пройти кочевники со своими стадами: через каждые пятнадцать лет они проходили здесь по своему кочевому кольцу в пустыне. Эти пятнадцать лет хошутовская степь паровала, и вот ко-

чевники завершили свой круг и должны явиться здесь снова, чтобы подобрать то, что отдохнувшая степь вымогла из себя.

Но кочевники почему-то запоздали: они должны быть поближе к весне, когда еще была кое-какая растительность.

— Все равно придут! — говорили старики. — Беда будет!

Мария Никифоровна не все понимала и ждала.

Степь давно умерла — птицы улетели, черепахи спрятались в норы, мелкие животные ушли на север к естественным водоемам.

25 августа в Хошутово прибежал колодезник с дальней шелуговой посадки и начал обегать хаты, постукивая в ставни:

— Кочуи прискакали!

Безветренная в этот час степь дымилась на горизонте: то скакали тысячи коней кочевников и топтались их стада.

Через трое суток ничего не осталось ни от шелуги, ни от сосны — все обглодали, вытоптали и истребили кони и стада кочевников. Вода пропала: кочевники ночью пригоняли животных к колодцам села и выбирали воду начисто.

Хошутово замерло, поселенцы лепились друг к другу и молчали.

Мария Никифоровна заметалась от этой первой настоящей в ее жизни печали и с молодой злобой пошла к вождю кочевников.

Вождь выслушал ее молча и вежливо, потом сказал:

— Травы мало, людей и скота много: нечего делать, барышня. Если в Хошутове будет больше людей, чем кочевников, они нас прогонят в степь на смерть, и это будет так же справедливо, как сейчас. Мы не злы и вы не злы, но мало травы — кто-нибудь умирает и ругается!

— Все равно вы негодяй,— сказала Нарышкина,— мы работали три года, а вы стравили посадки в трое суток... Я буду жаловаться на вас советской власти, и вас будут судить!..

— Степь наша, барышня. Зачем пришли русские? Кто голоден и ест траву родины, тот не преступник.

Мария Никифоровна втайне подумала, что вождь умен, и в ту же ночь уехала в округ с подробным докладом.

В округе ее выслушал завокроно и ответил:

— Знаете что, Мария Никифоровна, пожалуй, теперь в Хошутове обойдутся и без вас!

— Это как же? — изумилась Мария Никифоровна и нечаянно подумала об умном вожде кочевников, несравнимом с этим начальником.

— А так: население уже обучилось бороться с песками и, когда уйдут кочевники, начнет шелугу сажать снова. А вы не согласились бы перевестись в Сафуту?

— Что это за Сафута? — спросила Мария Никифоровна.

— Сафута — тоже село, — ответил завокроно. — Только там селятся не русские переселенцы, а кочевники, переходящие на оседлость. С каждым годом их становится все больше. В Сафуте пески были задернелые и не действовали, а мы боимся вот чего — пески растопчутся, двинутся на Сафуту, население обеднеет и снова станет кочевать...

— А при чем тут я? — спросила Нарышкина. — Что я вам укротительница кочевников, что ли?

— Послушайте меня, Мария Никифоровна, — сказал заведующий и встал перед ней. — Если бы вы, Мария Никифоровна, поехали в Сафуту и обучили бы осевших там кочевников культуре песков, тогда Сафута привлекла бы к себе и остальных кочевников, а те, кто уже поселился там, не разбежались бы! Вы понимаете меня теперь, Мария Никифоровна?.. Посадки же русских поселенцев истреблялись бы все реже и реже... Кстати, мы давно не можем найти кандидатку в Сафуту: глушь, даль — все отказываются! Как вы на это смотрите, Мария Никифоровна?..

Мария Никифоровна задумалась: неужели молодость придется похоронить в песчаной пустыне среди диких кочевников и умереть в шелюговом кустарнике, считая это полумертвое деревцо в пустыне лучшим для себя памятником и высшей славой жизни?

А где же ее муж и спутник?..

Потом Мария Никифоровна второй раз вспомнила умного спокойного вождя кочевников, сложную и глубокую жизнь племен пустыни, поняла всю безысходную судьбу двух народов, зажатых в барханы песков, и сказала удовлетворенно:

— Ладно. Я согласна. Постараюсь приехать к вам через пятьдесят лет старушкой... Приеду не по песку, а по лесной дороге! Будьте здоровы — дожидайтесь!

Завокроно в удивленье подошел к ней:

— Вы, Мария Никифоровна, могли бы заведовать целым народом, а не школой! Я очень рад, мне жалко как-то вас и почему-то стыдно... Но пустыня — будущий мир, бояться вам нечего, а люди будут благодородны, когда в пустыне вырастет дерево... Желаю вам всякого благополучия!

РАССКАЗ О ПОТУХШЕЙ ЛАМПЕ ИЛЬИЧА

Моя фамилия Дерьяменко. Идет она от барского самоуправления: будто бы предки мои в давнее время с голоду ели однажды барские тухлые харчи-дерьмо, оттуда и пошло Дерьяменко.

Наше село Рогачевка от города шестьдесят верст; расположение имеет вкось по реке Тамлыку, что втекает в другую речку Усмань. По преданию, говорят, что Тамлык, иначе сказать Тимурлык, по-татарски — значит маленький сын Тимура. А Тимур, как исторически известно, был предводитель татар, кои в старые времена здесь скакали по степям и пользовались их сладкими травами для своих коней. А Усмань у татар — значит красавица. И вот будто бы Тимур влюбился раз в степную красавицу гречанского рода, родил от нее сына Тимурлыка и ускакал бить балканцев. Гречанка от горя иссохла и умерла вместе с сыном-ребенком, а вернувшийся Тимур так затосковал по своей скончавшейся любимой семье, что велел войску своему и пленным горстями насыпать два памятных кургана, а сам Тимур носил и сыпал землю мечом. И до сей поры у нас есть два жутких холма — один побольше, другой поменьше. Уже давно стерлась тоска в сердце Тимура, а курганы все стоят, и их не стерли ни ветер, ни вода. Вот что значит сердце человека.

Когда я гляжу на эти курганы, у меня начинается тоска и я чувствую в себе добросовестность.

Вот на этом знаменитом месте стоит наша Рогачевка — небогатое село. От барина Снегирева остался у нас сад в пятнадцать десятин — хороший сад, и деревья не старые. А как стало им пользоваться общество, вижу — гибнет сад: ни окопки, ни обмазки, никакого хозяйственного ухода, — плод еще зеленый, а уж ребятишки все вдрызг обломали, оборвали и поносом изошли.

А зимой зайцы кору лущат, — еще год, другой и — усохнет сад и пропадут чудеса его плодородия.

Думал я сильно, за всех, и враз схватила меня догадка: надобно крепкую, мудрую артель, и взять у общества сад. А мужики подходящие есть. И еще было у меня мечтание — построить у нас на Рогачевке электростанцию и чтобы при ней была мельница с просорушкой и обойкой. Это было бы очень способно для

крестьян. У нас стоят семь ветрянок — все у кулаков; берут по четыре фунта с пуда, да еще когда ветер, а в летнее время ветры жидкие, — иной раз с голоду насидишься, хоть и есть зерно. Да и электрический свет даст селу интересное увлечение.

Сам я проходил в красноармейцах курсы электротехники сильных токов, а брат мой тоже любитель этих делов и знаток своему разуму. А до службы в войске я пять лет трубил линейным монтером на городской электрической станции, оттуда у меня и пошел интерес ко всяким механизмам и таинственности, с той же поры скучно мне на деревне и напрасной кажется бедность ее.

Собрал я артель, вышел на сходе и говорю мужикам:

— От барского сада нету нам прибытку, кроме как ребятишки по картузу зелени нарвут. А сад ведь, граждане, гибнет — то ведомо всем. Отдайте нам сад, — говорю. — Только пять лет мы вам ничего платить не будем, а за то сад приведем в показательный порядок и электрическую станцию вам построим с линией и вводами на сто дворов, а дальше сами тяните (я уже подсчитал про себя сколько даст сад и сколько стоит станция). При станции же оборудуем мельницу с камнем на девять четвертей, просорушку и обойку для пеклевой муки. И все это добро передадим кому общество укажет, а лучше кредитному товариществу — на правильное пользование. А по изжитии пяти годов и сад вам в целости предоставим либо аренду будем должее держать, — это, — говорю, — как вам угодно будет.

А меня влекла не только полезность дела и свое пропитание, но и интерес к жизни — советское строительство.

Тут пошел гам и обсуждение предложения.

— Брось, — говорят, — Ефимыч, не твоего ума это дело. Погорим от твоего электричества...

— Фролка, а каково твое обеспечение, где залоги возьмешь, аль общество дурником отдаст тебе сад?

— Набрался газу в городе, умней всех стал...

— Не трожь напрасно: Фрол — городской парень, он и ране был по разуму ходовитый...

— Жрал сто лет дерьмо, на яблосные харчи хочешь...

— Знаем мы этих изобретателей — землю липистричеством мазать хотят, дождю пуцать...

— Оно любопытно, только ни хрена не выйдет: тут иностранец нужен...

Вышел здесь председатель сельсовета, мужик здравый и в зрелых летах:

— Тиш-ша! Пулеметы, гуси-лебеди! Девки, брось зерна грызть! Кузьма, отставь от себя брехню и агитацию!.. Граждане, садом нам не владать все едино, не к рукам он нам. А Фролка на глазах будет — ежели што, враз водворим на его усадебное место... Рыска я не вижу, а посулы Фролкины — не обида...

Обломались к вечеру мужики — сдали нашей артели сад на пять лет. Все буквально в протоколе отметили, и расписались мы всей артелью казенным почерком с фигурами. Один из артели нашей, Прошка Кузнецов, сумел лебедя вывести. Даже председатель сельсовета, который видел сзади, как Прошка старался, сказал ему:

— Да будет тебе, Прокофий, мудрить на официальной бумаге, ты не шуточное дело делаешь и собрание задерживаешь...

Осенью было дело. Грузно нам пришлось зимовать: харчей мало, артельщики люди без избытку, одежи нет, тот же Прошка зимой и летом ходил в железных калошах, которые сам сделал, — в холодное время у него, говорят, пот на ногах мерз. Однако с весны до самых плодов не посидели — суетливое дело сад.

Пошла завязь, а потом плод, — еще хуже стало — лезет вся деревня к нам. Сколько тут скандалов, сраму было — день и ночь не очнешься. Да ведь не ребятишки донимали: сурьезные мужики ломились за яблоком.

Захватишь и говоришь:

— Да ты бы попросил, Фома, я бы тебе дарма насыпал!

— Да я и не лез, — говорит, — я бадик сломить зашел. Нужон твой сад, хозяин нашелся! Выгоним скоро обратно: обчество говорит, урожай хорош, Фролку долой с нашего имущества!

А раз захватили милиционера и секретаря совета с двумя битами мешками: что тут делать будешь? Хотел я усовестить — куда тебе! Мы, говорят, не себе, а детдому! Так чего же, спрашиваю, нам сперва не заявили и предписания не дали — ведь мы организация. Молчи, отвечают, мы знаем, что делаем, не суйся в административные мероприятия.

Тогда Прошка (который и захватил их), слова не говоря, хрясь ладонью милиционеру в ухо, ляп железной калошей секретарю в спину. И так и далее. Однако дело это прошло молчком: вреда эти власти нам впоследствии не сделали.

Подговорились мы с одним городским армянином сбывать ему фрукт, и стали водиться у нас деньги.

Вышел сезон — подсчитали, свели в срезёк баланец, ан три тысячи с лишком чистого дохода.

И хлебом мы запаслись на целый год, и прикупились кое-чем для себя и для сада, а три тысячи остатку. Сильный был фрукт, да еще червь попортил.

Надобно договор до дела доводить.

Поехали мы с братом и Прошкой в город — двигатель покупать. Походили, поспросили — дорого. Зато машины, говорят, на букву ять.

— Нет,— отвечаем,— дорого. И при чем тут твоя царская буква?

— Букву не лай,— говорит сиделец,— она довоенного качества!

Наконец довел нас до дела один гражданин из Дома крестьянина. Пришли мы с ним к одному частнику: видим — мельница на дворе стучит. Входим — идет шведская машина. Отсечка — мягкость и чистота, газ — без дыма, тянет восьмерики плавно, бесшумно, шутя,— вся блестит и влечет, как кровная лошадь. Танец, а не работа, шут ее дерит! Я понимаю это, я сам электромеханик.

Долго мы вращались около двигателя. Сколько, спрашиваем, машина стоит со всей гарнитурой — чохом. Как раз и постав мельничный тут же, и рушка, и обойка, и бочки для нефти, и весь инструмент.

— Пять тысяч,— говорит нам хозяин.

Дней пять мы ходили — испытывали постав, разбирали машину и торговались. Сошлись на трех с половиной тысячах. Ведь машина сорок сил, да причиндалу сколько.

А денег у нас три тысячи двести. Поговорили с хозяином — согласился обождать триста рублей. Тогда мы вошли во владение машиной и мельницей, пошли в сельскохозяйственный банк и заложили все благоприобретенное за две с половиной тысячи. На эти деньги мы окончательно расплатились за двигатель и купили в тресте динамо, два маленьких электромотора для молотыбы, приборы, щиты, провода, лампы и прочее.

И начали мы возить имущество в Рогачевку. Сопровождал Прошка — ездил и ужасал встречных мужиков.

— Прокоп Палыч, нюжи ж взаправду светить и молотить оно будет?.. А я так думаю, не двинется оно — все же мертвый минерал...

— А ты пойди тронь,— отвечал Прошка, показывая на какой-нибудь изолятор на возу,— тронь, Матвей, пальцем! Да не бойся — тебе приятно станет...

— Да ну тебя к шуту — изувечит еще...

— Ага, а говоришь мертвый минерал: это энергетик, тайная живность...

Кредитное товарищество дало нам амбар под станцию — туда и свезли все. Начали мы орудовать с братом и Прошкой. Привезли цемент и начали класть фундаменты под двигатель и динамо.

Утром поедим в саду печеных яблок с молоком — и до вечера на электростроительство. От народу в амбаре работать было нельзя: каждый указывает и советует, но и помогали иногда.

Собрался раз в кредитном сход о налоге, исчерпали повестку дня, я вышел и говорю:

— Трудно, граждане, втроем станцию — завет Ильича и основу социализма — строить. Нужна ваша помощь. Свезите нам из лесничества столбы, ошкурите их и вкопайте вдоль по улице, как мы укажем. Затем я полагаю, что бесплатно следует провести электричество только безлошадным и неимущим, по списку комитета взаимопомощи, а остальным по десять рублей с хаты.

Мне говорят:

— Правильно, Фрол Ефимыч,— устроим. Видим твои старания, от забот борода облупилась!..

Тогда дело пошло скорее: мы с братом установку делаем, а мужики под руководством Прошки столбы вкапывают, линию тянут и вводы в хаты втыкают по особому списку, а богатых проходят мимо: если хочешь свету-силы, вноси десять рублей.

Прошка стоит на столбу и верховодит:

— Кузька, глянь, как столб твой стоит — переставь вкрутую, это тебе не бадик!.. Егорка, давай голую магистраль, сними валенки, чего ноги паришь!.. Петруха, неси харчей из дома, скажи — Прошка требует!.. Эх вы, жлоборатория, да разве так тянут провод — это вожжи, где же тут напряжение пойдет? Его ветер сдует! Тяни втугачку, сопля, жми до пупка — технически трудись!

Вечером мужики наблюдают:

— До чего ж ходовит Прошка — огнем горит: глянь, с версту уже протянули! Ты скажи, и не обидчив! И сам смеется, и все ребята грохочут...

Когда у Прошки затекали руки и ноги, он слезал со столба и выплясывал из себя тут же всю усталость. Тогда все бросали работу и сбегались к нему. Прошка, поплясав и поорав, сразу смолкал и уставлялся своими белыми глазами на толпу:

— По местам, электромеханики, аль инженера не видали?

Довольные «электромеханики» расходились на работу.

По вечерам мы задумчиво отдыхали. Машины уже собраны и блестят, по соломенному селу ходит влажный осенний ветер, а Прокофий греет ужин.

Наконец настал день — 5 ноября. Мы сделали деревянную звезду с лампами, через улицу протянули гирляндой тридцать ламп, а самая улица освещалась десятью фонарями на версту.

Кроме того на площади против станции поставили две молотилки с электромоторами и подвезли хлеба к ним.

Ночью втихомолку мы попробовали станцию: впрягли в двигатель все — и динамо, и постав, и рушку, и обойку. Двигатель пошел мерно и без натуги. Улица засияла огнями, звезда в разноцветных фонарях светила с крыши дома кредитного товарищества на десять верст через село в степь, в ста хатах тоже загорелись лампы, — мужики в смятении проснулись, заплакали дети, бабы их начали кутать и выносить на улицу, но в ту осеннюю ночь на улице тоже горел электрический свет. По селу началась горячка. Народ бежал к станции, радуясь и тревожась, угрожая и удивляясь. Всех охватило смутное чувство, и сон в селе пропал. А предприятие наше было на полном ходу и жутко гудело таинственной силой. Прошка стоял у распределительного щита и следил за приборами, мы с братом мотались от двигателя к мельнице, от мельницы к молотилкам, устраняя неполадки, слушая ход и дыхание механизмов.

Над селом плыло великое зарево, за околицей гремели чьи-то убегающие телеги по завоклой обмерзшей земле. Был третий час ночи. Тогда я крикнул человеку на щит:

— Прокофий, запри нефть, включай реостат, вырубай село, кредитное и улицу!

И Прошка ответил:

— Есть, механик, — вырубай ток!

Свет погас всюду, и сразу все ослепли от вновь нагрянувшей страшной ночи.

Полуодетый народ стоял в полном молчании, он ошалел и поник.

— Прокофий, переведи ремень на холостой шкив, пусть двигатель, затем прекрати нефть, открой все краны и продуй машину!

— Есть, продуй машину! — ответил Прошка. Он, должно быть, матросом был: очень уж ловок и тактичен.

Машина пошла ходко, а затем засвистела дикими голосами во все открытые отверстия.

— Прокофий, заулючь установку, конец работе!

— Есть, заулюч механизмы, работу прекратить!

Стало торжественно, и мы пошли к себе в сад, домой, отдыхать. Но мы не уснули, а разволновались и просидели до света в разговорах по механике.

Наступил день открытия станции. Организовать праздник взялась сельская ячейка большевиков. К тому же открытие совпало с днем Октябрьской революции. Наше дело малое: мы вновь проверили машины.

Ячейка вела дело лихо: разослала всем соседним селам и городу особое трогательное приглашение.

Было сухо — народу съехалось, как на обношение мощей в старое время. Приехала вся большая власть и простые крестьяне.

В зале кредитного товарищества назначено было торжественное заседание. Прошка ввернул туда пять ламп по шестьсот свечей, чтобы свет бил до слепоты.

Уже завечерело, мы стоим на станции наготове и греем двигатель паяльной лампой. Вдруг приходит за мной предюка товарищ Кирсанов: пожалуйста, говорит, Фрол Ефимыч, в залу.

Сейчас, говорю, а сам задержался:

— Прокофий, — обращаюсь, — Семен (это брат мой), глядите, ежели што — стыд и срам: кувалдой запушу! Я скоро вернусь. Пускай машину — вруби одно кредитное, я выключатель там выключил, — как увидишь нагрузку на амперметре — глаз не своди! — так моментально включай все и пускай на полный ход предприятие целиком. Ты, Семен, следи за молотилками, мельницей и всем прочим, — поставь надежных мужиков.

Прихожу в зал кредитного: чувствуется торжественность, тишина, а народу, как ржи в мешке. За красным столом — власть и два наших мужика, а сбоку оркестр.

Прохожу сквозь ущелье стульев и иду прямо в президиум: мне машет оттуда предюка. Сажусь. Начинается вечер его речи. На столе горит пока что керосиновая лампа — для пущего противоречия!

Умно говорил предюка: лампа Ильича сейчас, говорит, вспыхнет и будет светить советскому селу века, как вечная память о великом вожде. Мотор, говорит, есть смычка города с деревней: чем больше металла в деревне, тем больше в ней социализма. Наконец, указывает на меня, — строитель электрификации Фрол Ефимыч есть тоже смычка: глядите, он родился крестьянином, работал в городе и принес оттуда в вашу деревню новую волю и новое знание... Объявляю рогачевскую сельскую электрическую станцию имени Ильича открытой!

Я еле успел подбежать к выключателю и дал свет. Свет упал в темную залу, как ливень: три тысячи свечей пожертвовал сюда Прошка. Все зажмурились и нагнулись, как будто лилась сверху горячая вода. Оркестр заиграл Интернационал, все встали и закричали что попало. Я подошел к окну: пятиконечная звезда, уличные фонари, лента через дорогу, хаты — все сияло. Народ бросился глядеть наружу.

Дальше говорил предсельсовета, потом секретарь укома, а затем вышел председатель нашего кредитного товарищества:

— Товарищи! Что мы здесь обнаружили? Мы обнаружили лампу так называемого Ильича, то есть обожаемого товарища Ленина. Он, как известно здесь всем, учил, что керосиновая лампа зажигает пожары, делает духоту в избе и вредит здоровью, а нам нужна физкультура... Что мы видим? Мы видим лампу Ильича, но не видим тут дорогого Ильича, не видим великого мудреца, который повел на вечную смычку двух апогеев революции — рабочего и крестьянина... И я говорю — смерть империализму и интервенции, смерть всякому псу, какой посмеет переступить наши великие рубежи... Пусть явится в эту залу Чемберлен либо Лой Жорж — он увидит, что значит завет Ильича, и он зарыдает от своего хамства... И я говорю: помни завет вечного Ленина, носи его умное лицо в своем несчастном сердце...

Тут председатель кредитного заплакал, сел и вынул кiset.

Еще говорил всем на удивление наш мужик, Федор Фаддеев:

— Граждане, сказано в писании: вначале бе слово. А кто его слышал, и еще чуднее, кто его сказал? Нет, граждане, сначала был свет, потому что терлись друг о друга куски голой земли и высекалось пламя... Граждане, ведь мы слышали сейчас задушевное слово наших вождей и видим, что действительно электричество есть чистота и доброе дело...

Поговорив еще с час, Федор сбился и сел, и весь вечер не мог очнуться от своей речи.

Остальную ночь я пробыл на станции. На дворе в драку молотили хлеб и дивились маленькой напористой машине — электромотору. Всю ночь зарево пропускало над собой тучи, и темная долина Тамлыка была впервые освещена от сотворения мира.

*

Так прошел счастливый год. Станция везла уже не сто, а триста дворов. Мельница не управлялась молотить хлеб, и кооперация, которая владела всем предприятием, здорово наживалась.

Ветряки заглохли — весь помол отобрала мельница на станции: она брала дешевле, от налогов была свободна и работала без поддержки, а кооперативный приказчик был обходительный человек и приучил мужиков.

А мне не раз уже говорил председатель кредитного, что мельники с ветряков собираются сжечь станцию, но я думал, что они не посмеют. В сельсовете подсчитали, что одна наша мельница, не считая пользы от освещения, молотьбы, рушки и обойки, сберегла мужикам за год шесть тысяч пудов хлеба — это то, что мужик переплатил бы мельникам-кулакам, если бы не было нашей мельницы. Да еще заработок весь пошел не кулаку, а кооперации — это тоже прибыль.

Оказывается, действительно, в правление кредитного приходили два сельских мужика и говорили, что один мельник, владелец самого большого ветряка, подвыпивши, обещал сжечь все паровое заведение в августе — перед обработкой нового урожая. Я посоветовал кредитному застраховать предприятие, повесить в нем огнетушители и нанять ночного сторожа, а на кулака донести власти. Не знаю, сделало ли это кредитное товарищество.

Только раз, когда я спал — дело было в августе, работы в саду много, за день уморишься здорово — будит меня Прошка:

— Ефимыч, вставай, в Рогачевке польхает што-то свечой, должно станция, хаты так не горят — это нефть...

От сада до села была верста. Добежали мы до станции, видим — уже нет постройки, все машины в огне и по двигателю зелеными струями текут расплавленные медные части.

*

Теперь стоит в Рогачевке линия, висят фонари на улицах, а лампочки в хатах все засижены мухами до потускнения стекла.

Прошка ездит на тракторе, а я думаю опять уйти в город и поступить там на электростанцию линейным монтажистом. Брат осел в деревне окончательно и разводит кур-плимутроков. Хотя на что нужны куры кровному электромеханику?

<1926>

ЗАПИСИ ПОТОМКА

ПАМЯТЬ

Издревле и повсесюдно все старики спят. Спят так, что пузыри от уст отскакивают и одиноко мокнет позабытая в бороде сопля. Жизнь человека в смерть переходит через сон. Большое счастье и долгая жизнь тушатся неприметно, без вскрика и боли, как вечерний откат света от земли.

Я мальчиком видел старика Василь Иваныча, он засыпал с несвернутой сигаркой на пальце. Начнет вертеть бумажную посуду для обычной порции в пол-осьмушки, но эта привычная работа выгонит из Василия Иваныча его душу вместе с заморенной скребущейся мыслью, и он глянет на вывеску, где написано: «Аптека», и закроет глаза; потом опять откроет их, по-чугунному остановится на вывеске, но уже не видит «Аптеку», и опустит веки, как щеколду запрет на затвердевшем сердце, аж под веками у него запенится. Сладки, должно быть, предсмертные сны.

Потом Василий Иванович начинал приседать (засыпал он стоя, закуривая, мочась, глядя на запекающийся вечерний закат или разжевывая огурец — все едино). Медленно полз он поясницей к земле, не спеша гнулся его хребтовик — вот-вот сломается — пока не доставал Василий Иванович самым кончиком своего отошального зада головки травинки, тогда его травинка щекоткой подбрасывала кверху, и Василий Иванович опять читал: «Аптека», а через миг опять в квас скисалась его кровь и он полз к земле, как тесто из горшка.

Но Никанор был не тот. Василий Иванович был гора-мужик, а Никанор — так: гнусь одна, зато баритон и глупый человек. Если за забором его посадить и сказать: «Прореви, Никанор» — за Никанора полтинник дадут не гляжа, а в действительности на нем ни одни штаны не держались. Никанор шил их не иначе как по особому заказу у своего друга и в то же время знаменитого песнопевца — Иоанна Мамашина. Мамашину однажды хорошей плюхой один мастеровой сделал из двух скул одну — на острый угол. В другой раз этот же боец и хирург сделал из Мамашиной хари опять благоприятный лик. В третьем свирепом и долгом побоище Чижевки и Ямской печник Гаврюша хотел двинуть Иоанна Мамашина в ушник, но попал по какой-то дыхательной щели, и Иоанн заорал, как архангел.

Так Гаврюша сделал Мамашину голос из обыкновенной глотки. И с той поры Мамашин переименовал вывеску над своим заведением. Нанял Автонома, маляра и женского хирурга, и продиктовал ему такого сорта слова: «Иоанн Даниилович Мамашин, брючный, сюртучный и элегантный портной, а также песнопевец и принимаю заказы на апостола и прочие торжественные бдения».

— Длиннота чертова! — сказал живописец Автоном, получив сей текст.

— А ты его нарисуй помудрей как-нибудь, а конец по-божественному обведи, — напутствовал Автонома Иоанн.

— Смозгуем уж, будет и божественно, и чудно, — сказал Автоном и зачмокал по грязи в дом свой к жене своей Автономихе и к детям своим.

И вот по вечерам, когда Иоанн обметывал петли, его мамаша, копясь в каких-нибудь ветошках, просила:

— Поори, Ванюшка.

И Иоанн (так после убедительной вывески его именвала вся улица) орал. Голос получился после Гаврюшкиной операции и правда хороший, ласковый, громадный и неумолкаемый. Будто кто-то большой и теплый поднимает высоко тебя, держит, жмет и плачет на ухо.

После работы останавливались у открытого окна мастеровые и просили:

— Двинь, Ванил Данилыч!

— Ляптяптяпни, дорогой, чтоб гниды подохли!

— Дай слезу в душу, Ванюша!

— Грянь, друг!

И Иоанн с радостью гремел. Я был тогда маленьким, но помню его песни. Песни были ясные и простые, почти без слов и мысли, один человеческий голос и в нем тоска:

Загуди ты в поле, вьюга,
Замети мои пути,
Пронесися белой птицей,
Песню в сердце засвети.
Ой, не надо боле жизни,
Ни березки, ни травы...

Я узнал, что Россия это поле, где на конях и на реках живут разбойники, бывшие мастеровые. И носятся они по степям и берегам глубоких рек с песней в сердце и голубой волей в руках.

Я вырос, а Василий Иванович, Никанор, Иоанн Мамашин — все куда-то делись: кто умер, кто ушел в бродяги, кто навсегда затих, утихомирился, отмачивает дратву, поглядывает на тихую замороженную улицу и спит, как сурок, долгие дождливые русские ночи; кто залег на лежанку и любитесь по вечерам на сына, как он читает книги, и думает до утра.

Недавно я шел в поле один по свежему жнивью. Как и в детстве, горел вечерний костер на небе и стихало солнце, уже окунавшееся в далекие леса. Та же радость и тишина во мне. И далеко вдруг какой-то родимый и забытый голос запел песню. То тянули домой в деревню пара волов телегу с тяжелой рожью. За возом шел дед и его девушка-внучка. Она и пела одна.

Нигде милаго не вижу,
Да ни в деревне, да ни в селе,
Только вижу я милого
Да на патрете, да в сладким сне...

Вон и деревня видна — куча хат, крытых внахлобучку тою же ржаной соломой. Оттуда идет дым и пахнет пекущейся картошкой, молоком, грудными ребятами и подолами матерей. Кругом было тихо и чудно.

Вчера я был в этой деревне и встретил там Автонома. Он уже сапожник, а не свободный акушер и живописец. Поговорил бы с ним, да он не захотел, должно быть забыл меня: прощевай, говорит, я пока что посплюсь, пока все вши в холодок ушли. И он задрал кверху бороденку и выпустил воздух с густой возгрей из одной ноздри. И в животе у него забурчало от молока и от огурцов.

Милый ты мой!

<1922>

ИВАН МИТРИЧ

Старый человек, похожий на старушку, а не на мужика, ходил подвязанный платочком под подбородочек.

Ходил он по городу в две тысячи душ и следил за порядком: что, где и как.

Сам он не нужен был никому: стар и неработающ. Зато ему нужны были все.

Шли ли куры, стояли ли плетни: Иван Митрич не упускал их из виду. Мало ли что!

Жил он тем, что давала ему дочь — швейка-мастерица.

Каждый день она посылала его на пески к Дону, на базар — принести хлеба, говядины, овощу и прочего. И наказывала:

— Приходи раньше, чтоб обед был вовремя!

Иван Митрич шел и пропадал. Приходил к вечеру, а не утром. Его мучили непорядки.

Куры застревали в дубьях на улице у постройки. Иван Митрич ложился животом на дубья и глядел. Курица билась в узкой щели внизу и не могла размахнуться крыльями и выскочить. Иван Митрич изобретал и строил некий мудрый прибор из прутьев, соломы и веревки и извлекал под конец, часам к четырем, перепуганную квохтунью.

Потом шел на базар к шапочному разбору и накупал товар-осталец, самую грязь, дешевку и нечистоту. Потом брел тихо и беспокойно домой и приходил, когда благовестили к вечерне.

Он покорно слушал укоряющий говор дочери и, когда темно, уходил в странствие: та курица снеслась в дубах, и яйцо там покоилось и взывало к нему.

Раз сманили его монахи поступить в монастырь к угоднику божию Тихону: ибо святость его велика, а в храмах бога благолепие, экономия и порядок.

Иван Митрич стал преподобным Иоанном и надел черную свитку. Но через неделю ушел домой к дочери от скукоты и елейной вони.

Шел он домой. Продавал на базаре цыганенок черную живую сучку Ласку. Купил ее Иван Митрич, ощупал в кармане пяточок, взял извозчика, закурил папироску и поехал с барышней-собачкой на коленях.

И стал он опять чем был.

А в одну весеннюю ночь, когда кричали за Доном соловьи и у дочери сидел полюбовник, Иван Митрич увидел сон, что стоит он на берегу Дона и мочится. И от множества воды из себя перепрудил Дон, утонул и умер.

<1921>

ЧУЛЬДИК И ЕПИШКА

Ехидный мужичок похлопывал носом и не шевелился. И нельзя было понять, спит он или и сейчас хитрит: один глаз был не закрыт, а прищурен. Он лежал под глинистым обрывом на бе-

регу Дона. Пониже стояла лодка с рыбацкими снастями, а выше луг и дача без господ.

— Давай назад, оттыльча... оттыльча... — бормотал мужичок, значит спал как надо.

С обрыва сигнул другой такой же мужичок, будто брат его, но только еще жиже и тоще, а на вид душевней.

— Хтой-та-эт? Што за Епишка? Откель бы... И пахуч же, враг!..

А во сне спящий, ехидный и пахучий, и сопеть перестал: сон увидел, что наелся говядины и лежит с чужой бабой в солеме.

Душевный мужичок, что пришел, шлепнул его огромным кнутовищем по штанам:

— Што за Епишка, успрашиваю, хозяин такой тут?..

Епишка ото сна понял это по-своему:

— Дунь, Дуняш... Не бойсь, уважь!.. Чума с ним, мужиком, сатаной плешивым...

Но этот стеганул по пояснице как следует, и Епишка вскочил.

— Што!.. Ай я... Дунька, враг, ведьма днепровская!..

Душевный Чульдик поморгал и сказал:

— Добре-е... Дунька? Нет, малый, оближись да вали до хаты, откель вылез, видно так-то...

Ошалелый Епишка вскочил и в портках поплыл через Дон на деревню. Там звонили на колокольне и стояла туча черного дыма с красным вздыхающим животом...

У Чульдика от годов глаза, как говядина, и видел он шагов на пять. Он набил трубку и полез в лодку глядеть перемет, как будто в мире было сплошное благо.

У Епишки, который был зорок на ехидный глаз, горело от горя сердце, и он дул через Дон во всю мочь. На том боку Епишка ухватился за куст и повис на нем, ослабши.

Вот он без духа летит по лугу и держит штаны за ширинку. Вонна его хата. Там спит его девочка в люльке. Она обмокла и хочет есть. А он, Епишка, бродит один по жарким сухим полям и думает неведомо о чем, живет без друга, без родного человека и без причалу.

Теперь его хата занялась полымем от соседского плетня, и Епишка вот мчится и чувствует, как проваливается его душа, как стоит кровь в жилах и пляшет сухое сердце.

Хата закружилась в огне и ветре, а Епишка упал в пыль на дороге и пополз от немощи.

По всей округе было безлюдье. Полсела полыхало. А Епишка, как белый камень с чужого неба, лежал мертвым и окаянным.

Дон лился на перекатах, и Чульдик сидел в лодке середь реки и нанизывал червей на крючки. Он был там свой, питаясь из реки и думая над ней.

*

Обгорелый Епишка похирел дня в три и стих.

Чульдик вырыл ему яму в углу кладбища, где гадили и курили ребята, когда шла обедня, и закопал Епишку вместе с девочкой.

— И дело с концом,— подумал он и пошел себе.

Пять дней Чульдик таскал бирючков, подустов и голавлей и ни разу не помянул Епишку.

На шестой он дремал под вечер у землянки и сразу будто увидел Епишку, как он спал у лодки и поминал Дуньку в непутевых речах.

Чульдик, как подхваченный, пошел на деревню и без жалости пришел в изгаженный угол кладбища.

Там, под бугорком, гнил Епишка, по-деревенски — Кузьма. Чульдик присел на лопух и забыл зачем пришел.

— Кузьма, Кузя... Нешто можно так, идол ее рашшиби-то... Али я, али што...

Дон бормотал на перекатах, и видна была черная дыра землянки на том берегу. На улице рвала и ухмылялась гармошка под лад девок:

Я какая ни на есть —
Ко мне, гадина, не лезь!
Я сама себе головка,
А мужик мне не обновка!

<1920>

ПОП

Был поп, и были мужики.

Вот раз приходит к попу один мужик и говорит:

— Как бы мне, батюшка, сына, к примеру, оженить.

— А, тебе сына женить, тебе вот сына женить! Ага, тебе сына женить!..

— Женить, батюшка, беспременно. Вожжается с Машкой Безрукиной, ходит-мычит.

— Ага, тебе сына женить!

— Яичек, пашенца, куренка я вам, батюшка, в сенях поставил.

— Марфа, Марфия, пропади ты пропадом!

Прибежала кухарка Марфа, подол подоткнут под мышки, и видны голые лыдки.

— Возьми, что там в сенях этот поставил, в чулан спрячь.

Мужик стоит и думает о корове, о Машке Безрукиной и о всем постороннем веществе.

Поп посопел и сказал:

— Приди, друг, завтра.

— Прощайте, батюшка.

— Ступай, сынок.

Приходит мужик завтра. Положил в сенях петушка и коровьего маслица, подумал и вошел в покой.

— Здравствуйте, батюшка!

— Здравствуй. А ты чей, ты зачем пришел?

— Мы здешние. Степку женить, а то с Машкой вожжается, ходит-мычит...

— Ага, тебе Степку женить. Так-так, тебе Степку женить, ходит-мычит...

— Мычит, батюшка, говорить перестал, а во сне разговаривает.

— Марфа, Марфия, непокорная дочь!

Прибежала гололыдая.

— Возьми там... Глянь, цел у амбара замок. Чулан запримотроже.

Мужик стоял и думал о всякой суете.

— А ты приходи завтра. Обдумать это дело надо. В нем великая суть. Надобно спрохвала к этому делу подобраться!

— Да то как же, дело великое. Святой, можно сказать, случай, Степка мычит. Бродит, леший сутулый. По ночам ворочается и глазами не моргает...

— Ну, ты ступай, ступай. Разговорился!

Приходит мужик завтра. Положил в сенях, что надо по положению, и вошел в тихие, прохладные покои батюшки.

— Тебе што?

— Да вот опять же...

— Ага, тебе Степку женить, по ночам мычит. Приди завтра.

— Да нам, батюшка, ходить-то уж дюже... И к тому же сено возить, самый дробыш остался.

— Ага, тебе сено возить, дробыш. Тебе некогда, а батюшке есть когда? Батюшке делов нету? Тебе Степку женить, а батюшке горе. Все батюшке, все ему одному, всех вас пользуй, а он все один... А? Ты што влупился в меня, ты што пристал-то, ай без меня и ходу нету, ни вздохнуть, ни родиться... Ай так? А хочешь, я из тебя шута сделаю.

— Батюшка, да што вы, отец родной! Я не к тому. Темный я, проклятый человек... Нам не до того. Я все об Степке.

— Ага. Ступай к отцу дьякону.

Мужик постоял, подумал, что все едино, нету на свете ничего, хотел уходить, но вспомнил о полях, о своей жуткой хате и еще постоял.

Батюшка перешел в другую комнату, присел за дверью и стал глядеть в скважину на мужика. Тот влупился глазами в пол и шептался сам с собой.

— А, ты батюшку ругать, ты меня хулить, ты суету в себе распустил, ага, ты вон какой...

— Да што вы, аль я такую личность...

— Стой! Запри! Гляди на меня, какое небо, черное? Не оглядывайся...

— Да нет же. Денное небо, облаковенный верх... У меня спешка по хозяйству, батюшка, об лугах сумление... Душа у меня, батюшка, без греха, чиста — одно слово. Только я живу без пути и с обидой.

— Ага, с обидой... Ну, скройся, исчезни с глаз, дух суеты, дух дерзости и пустого хождения... Марфия! Марфа!

Мужик пошел без толку и встретил в сенях Марфу, голые лыдки.

На дворе было небо, обыкновенный верх, и мужик исчез.

Батюшка ни о чем не думал и видел потолок. Пришла Марфа.

— Что ты со мной делаешь, дочь супостата? Спрячь из сеней в чулан. Да запри, запри строже. Амбар огляди, бесстыдница содомская. Что ты за дурь такая... Уходи.

Мужик брел у плетней и думал о всем свете. Из хаты Машки Безрукиной вышел его Степка. Он промычал что-то, поглядел непутевыми глазами на дорогу и перелез через плетень. Мужик поглядел на него отцовскими скорбящими глазами. Потом оглянулся кругом: пропади ты пропадом. И не пошел в свою хату, а залез в бурьян и задумался.

<1920>

МАВРА КУЗЬМИНИШНА

Мавра Кузьминишна Горечихина — старушка. Сыновья ее умерли, внуки пропали без вести, а невестки выгнали и вышли замуж вторично.

Мавра Кузьминишна тогда взяла и продала старинный мужнин сюртук, жилетку и шесть пар ветхих валенок. Выручила она за это имущество одиннадцать рублей с пятачком и спокойно зажила себе без попечителей и попрекателей. С тех пор прошло четырнадцать лет, а Мавра Кузьминишна еще не прожила одиннадцати рублей, даже и не почала их.

Мавра Кузьминишна любит покушать (например, ест летом котлеты, любит в пост уху и иногда, беззубая, варит себе манную кашку), любит ходить в гости и приятно одевается в свое старое пышное подвенечное платье с турнюром.

Одиннадцать рублей можно всю жизнь не прожить, если научиться жить у Мавры Кузьминишны. По крайней мере, не будешь растратчиком собственных денег.

У Мавры Кузьминишны дома сорок плошек. Вместо цветов она разводит в них всякий овощ — картофелины, морковь, лук, репицу и прочее, и даже цветы огонек. Плошки она собрала на дворе, выбрасываемые расточителями, за комнату никогда ничего не платила — хозяину за это смотрела за курами. Котлеты и другой питательный продукт, не растущий в плошках, приобретала в обмен за рассаду огонька-цветочка.

Кроме этих доходных статей, Мавра Кузьминишна сама по себе была ласковая и духовитая бабушка. Скажет что-нибудь соседке задушевное, а та:

— Кузьминишна, иди чай пить, варенье есть, пирожка отрежу...

А Мавра Кузьминишна:

— Штой-то поясницу ломит, Никитишна... У тебя какое варенье-то?..

Питалась Мавра Кузьминишна проживывая пищу длительно, томя желудок и истекая слюной, чем добивалась высокой полезной отдачи пищи; зимой не выходила из дома без нужды (холод истощает тело), летом сидела под теплом и сиянием солнца, множа калорийные силы организма, ночами спала глубоко, как будто она рыла могилы и очень устала, и во сне видела сытную мягкую еду и сукна.

Так Мавра Кузьминишна до сих пор имеет свои одиннадцать рублей с пятаком и отдаст их, вероятно, только мне, чтобы

я мог закрыть ей очи ее же пятаком, когда придет к ней заблудившийся смертный час.

В следующий же час — не смертный, а живой — я покажу этим одиннадцати рублям то, чего они не видели четырнадцать с лишним лет.

<1926>

ЭКОНОМИК МАГОВ

В бывшем городе Задонске (теперь там сельсовет) по улице 19 Июля проживает гражданин Иван Палыч Магов.

Задонск — древлерусский монастырский центр, город божьих старушек и церковных золотых дел мастеров. Монастырь был кормильцем обитателей этого города (200 тысяч в год странников, богомольцев, богомолки и прочих пешеходов), а теперь, когда монастырь имеет значение пожарной каланчи и радиоприемника, жителям питаться нечем. Раньше по грунтовым дорогам в город несли холстину, а теперь по эфиру туда несется радиомызыка.

Вместо имущества — красота!

Поэтому жители перешли на экономический строй существования.

Иван Палыч — наиболее выдающийся, в общем и целом, задонский экономик. Он имеет одну пару сапог уже двенадцать лет — и они еще новые и гожие в долгую носку. Иван Палыч опытом и собственной осмысленностью дошел, что у сапог есть четыре врага: атмосфера — дух, вода — гидра, уличный торец и хождение без надобности.

После каждого своего похода в город или в грунтовые окрестности его Иван Палыч сапоги снимал, стирал с них тряпочкой пыльцу, мазал неспешно и слегка ваксой (чтобы не берedit зря кожу) и, приподымая осторожненько за ушки, опускал в специально для того сшитые брезентовые мешочки (водо- и воздухо- непроницаемые), набитые сухой овсяной соломой, ежегодно сменяемой.

После сего мешки запечатывались деревянными пуговицами (рукоделие самого Иван Палыча) и подвешивались на потолочные гвозди, где воздух суше и покоя больше.

Оно и понятно: сапоги приобретены за семь рублей, а женитьба Ивану Павлычу обошлась кругло в четыре с полтиной, но эти чрезвычайные одновременные расходы были с некото-

рым избытком возвращены приданым жены — домом с палисадом, забором, нужником и сараем, — имуществом высокой долговечности. Да еще движимого имущества имелась некоторая наличность.

А что оставляют сапоги, когда они износятся!

Об Иване Палыче можно написать книгу и можно всю его экономически цельную, граждански, так сказать, последовательную фигуру понять из следующего заключительного аккорда — карандаша.

Иван Палыч вышел из первого класса церковно-приходской школы, порешив, что от ученья можно с ума сойти (в тот год повесился сын барина Коншина — студент, начитавшись книжек и переучившись), а главное было в том, что Иван Палыч хотел поскорее зарабатывать свой гривенник в месяц — и поступил мальчиком в монастырскую ризницу.

Вот с той поры и до сей Иван Палыч имеет один и тот же карандаш — на всю жизнь, оказывается, достаточно одного карандаша! Вот норма снабжения разума инструментарием!

При этом Иван Палыч не покупал карандаша, а получил его без оплаты от пономаря Сергея, которому этот карандаш уже не приходился по рукам — по малым размерам, вследствие исписки. Пономарь же Сергей сочинял, писал и сбывал на рынок рацеи, поэтому нуждался в новом, более рациональном карандаше.

Главный враг карандаша — не писание, а чинка. Чинка же имеет в первопричине не расход графита, а безумную спешку в писании, ненужное нажимание и ломку драгоценного материала, добываемого не то на Урале, не то на Бахчисараевых островах.

Что труднее — добыть графит или сломать карандаш? Вот где премудрость экономики!

Каждого безумца, сломавшего карандаш, надо послать пешком добывать графит!

<1926>

ЦЫГАНСКИЙ МЕРИН

Сергея Чепцов — мужик малозначущий: землю имел для голодного хлеба. Сам же постоянно стремился отправиться путешествовать вокруг света, чтобы обнаружить на его краю истинный смысл жизни. В молодых годах Сергеа жил послушником в

Митрофаньевском монастыре; потом, изыскав мочалу в мошак, совершил святотатственный акт — положил мышинный выводок и часы-будильник в раку, когда задремал дежурный монах,— и скрылся на Урал к раскольникам.

В восемнадцатом году Серега вернулся домой. Это был уже пожилой мужик, однако его надо было постоянно удерживать от немедленного начала кругосветного путешествия:

— Обожди, Серега, меня,— купим пару коней и тогда тронемся спрехвала...

Когда Серега накопил сорок пудов сухарей, ему стало невтерпеж откладывать, и мы пошли в город посмотреть лошадей. Серега продал хату и имел деньги на лошадь, а я свои истратил на жамки и имел значение советчика и приспешника.

— Почем одр? — спросил я у цыгана, понимая лошадиное дело. Цыган был ряб и конопат, будто его сначала обварили кипятком, а потом обрызгали навозным отстоем.

Цыган был горяч своей натурой и лих на цыганское слово.

— Это ж не одр и не лошадь — это чистый конь! Вот, гляди, грива ложится сама на правый бок, шерсть — как пух на щеке твоей невесты!.. Это же не шерсть, это ковер... Ты погляди — глаза блестят, как у дьявола! Это страшный конь...

— Не говори зря, арестант,— окоротил я цыгана,— говори разом: сколько?

— По душе и по коню — семьсот!

— Ага, тебе по душе семьсот, а я тебе полтора! Получай деньги и давай карточку!

— Да я ж тебе говорю — коню четыре года! Ты ж погляди — машина!.. Гляди сюда, гляди ноги, погляди в зубы... Не копыта, а кочерыжки! Ну, гляди сюда, ты гляди на коня! Ты слухай меня, ты постой, ты слухай, что я тебе говорю! Ты гляди, как бегить, ты слухай, снимай шапку и молись — давай пять!..

Цыган чисто осатанел, бегал с лошадью, хлестал ее по болячке на хребту, тыкал кнутовищем в немощные глаза, а она только подпрыгивала от боли, да из-под хвоста навоз высыпала от ужаса.

А рядом два другие цыгана били по спине и уговаривали моего Серегу:

— Ну, давай петушка! Слухай,— я тебя люблю, дай петушка*.

И снимали шапчонку с него и крестили его, поворачивая к местному кафедральному собору. Потом опять надевали шапку

---

* Оказывается, обыкновенную пятипалую человечесью руку!

на разбитую думой и нуждой Серегину голову и расходились, как два свекора.

Потом опять ворочались, колотили руки, плакали и клялись, обнимались, молились, вынимали деньги (это Серега, а цыган уже и сдачу приготовил) и опять прятали, снова кляли друг друга и еще пуще ругались.

— Ты ступай к жеребцу еморой лечить, гнида плешивая! Ты хоть на поводок дай, сука склизкая, морда облупленная!..

— Ай и жулик, ай и народ! Что за народ! Да на тебе все — на! Ты готов усега человека слопать! — бормотал добрый Серега и платил деньги за серого сонного мерина.

Я по чести предупреждал Серегу — мерин не го́ж в дальнюю дорогу, но Серега почел приобрести мерина в знак решения и неотложной срочности объехать на нем дальние страны.

И мы тронулись на мерине пока что в свою деревню. Угроздились мы оба верхом, но, съехав с площади, мерин засопел, устал и прекратил дальнейший шаг. Тогда я слез, выдернул кол из ближайшего плетня и начал слегка лупить мерина. Мерин двинулся, Серега обрадовался, я опустил кол и пошел сзади своим шагом. Но мерин сейчас же остановился. Я опять дал ему почуть кол и так шел все время, неотлучно трудясь. Устав работать, я влез на мерина, а Серега пошел сзади, утруждая мерина колом и добрым словом.

На вторые сутки мы прибыли домой ослабшими. Серега поставил мерина в плетневую огорожу, крытую соломой, и пошел отсыпаться и собираться в дальний путь. Перед этим Серега положил мерину пуда четыре сена и дал резки.

Ночью Серега вышел попить мерина. Тут ему представилась жуткая картина. Ночь была лунная, блестела роса, гоготали дураки на улице, а мерин стоял на голом дворе в редком частокле, как привидение в мире приключений.

Оказывается, мерин, съев резку и сено, закусил соломенной крышей сарая и заел все это плетневой огорожей. Мерин не превозмог только кольев, хотя тоже глодал их, тщетно ища в них своего пропитания.

Когда Серега подошел к мерину, тот дремал и не обрадовался хозяину.

Утром Серега пришел ко мне:

— Ну, кум, беда — мерин сарай съел! Должно, сильный черт, на таком только и ехать округ света!..

РОДОНАЧАЛЬНИКИ НАЦИИ ИЛИ БЕСПОКОЙНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

I

Город, что он такое?

Шли-шли люди, великие тыщи шли по немаловажному делу, а потом уморились, стали на горе — реки текут тихие, вечереет в степи; опустились на землю люди, положили сумки и заснули, как птицы — всю стаей.

Поднялись и забыли куда шли: сном изошла тревога, которая вела их по дорогам земли.

Встали, как родились,— ничего никому не ведомо. И силу телес люди направили в тщету своего убогствования. Животами оправились и размножились, как моль.

Иван Копчиков — мужик сдобный и мордой миловидный — переменялся. Высокий вышел, худощавый парень, с терпеливыми стоячими глазами. Пушиться стало лицо и полосоваться бичами дум.

Шел Иван по улице и думал о городах — больших и малых.

Играла музыка в высоком доме. Остановился Иван, и сердце в нем остановилось. Кто это так плачет и тоскует там так хорошо? У кого голос такой? Если звезды заговорят, то у них только будут такие слова.

Песнь — это теснота душ.

А такой песни Иван еще не слышал. И ему захотелось сделать такое, чего никогда не было. Самому пропеть такую песнь, чтобы люди побросали все дела свои, всех жен своих и все имущество, и сбежались слушать, и так заслушались бы, что есть, пить, размножаться и сердчать позабыли бы.

Постоял-постоял Иван и пошел дальше. Потемнело уже. Огни по улицам зажглись, и свет их не давал копоги.

Люди толклись кругом, гнала их вперед и назад некая могучая сила.

Повозки неслись по мостовой, а один толстый большой человек сидел на корточках у дома, где должен быть завалинок, и ел землянику-ягоду, и крикал и чмокал от убогствования.

Иван постучал в дверь соседнего не очень большого, но благовидного дома. Отворила женщина, молодая и благоухающая травами.

— Вы что, дорогой мой?

— Переночевать можно?

— Переночевать?.. Вам негде ночевать? Я не знаю... Вот папа скоро придет... Вы подождите. Входите сюда.

Иван вошел. Сел на мягкую скамейку. Кругом — мебель и неизвестные вещи, которые не нужны человеку.

Женщина оказалась девушкой и села читать книжку. Иван спросил ее:

— Ты што читаешь?

— Стихотворение Лермонтова. Вы их читали?

— Нет,— ответил Иван.— Дай-ка я погляжу.

Иван полистовал и прочел:

В небе ходят без следа
Облаков неуловимых
Волокнистые стада.

Иван встал на ноги и начал читать. Потом сел, поглядел на девушку заплаканными глазами и отдал книжку.

Пришел отец этой девушки. Похож на мужика и в сапогах.

— Эт што за жлоборатория?! Тебе чего?..

— Нам на ночевку,— сказал Иван.

— На ночевку вам? Што тут, ночлежный дом, што ль? Откуда сам?

— Суржинские мы...

Подошла к отцу сама барышня.

— Пускай, пап, остается. Он хороший.

— А если што пропадет, ты отвечать будешь? Дыня-голова, обалдела, што ль! Вшей тут плодить!

Наконец-таки отец умиловился:

— Ну, пушай в передней ляжет и глаза мне не мозолит.

Ночь нашла тучей — тихой и прочной тьмой. Иван лежал на попонке и дремал. И тихо из комнаты забубнил голос хозяина, как будто закапала вода.

Иван прислушался. Отец девушки читал. Тикали часы, и капали слова:

«Всякая цивилизация есть следствие целомудрия, хотя бы и неполного. Целомудрие же есть сохранение человеком той внутренней могучей телесной силы, которая идет на производство потомства, обращение этой силы на труд, на изобретение, на создание в человеке способности улучшать то, что есть, или строить то, чего не было.

Цивилизация есть целомудрие. Она есть нищета по отноше-

нию к женщине, но тяжкий груз мысли и звездноносная жажда работать и изобретать то, чего не было и не может в природе быть.

Свирепости природы, ее крушения, засухи, потопы, нашествия микробов, невидимые влияния электросферы — приучили человека к работе, бою, передвижениям по поверхности земли и войнам между собою.

Когда кончались войны и слабела борьба с землей за пищу, то человек возвращался в дом к женщине, но уже он был не тем, каким ушел. Он делается более целомудренным, и хоть и живет с женой, но меньше спит с ней и глубже пашет. Прочнее и выше строит дома, чаще задумывается, острее видит, искуснее изобретает и приспособляет свои орудия и свой скот к работе.

Но все цивилизации земного шара сделаны людьми только немножко целомудренными.

Теперь наступило время совершенно целомудренного человека — и он создаст великую цивилизацию, он обротаеет землю и все остальные звезды, он соединит с собою и сделает человеком все видимое и невидимое, он, наконец, время, вечность превратит в силу и переживет и землю, и само время.

Для этого — для прививки человеку целомудрия и развития, отмычки в нем таланта изобретения — я основал науку антропотехнику*.

Основатели новой цивилизации, работники коммунизма, борцы с капитализмом и со стихиями вселенной, объединяйтесь вместе и перед борьбой, перед зноим великой страды — испейте из живого родника вечной силы и юности — целомудрия. Иначе вы не победите!

Силою целомудрия перестройте и усильте сначала себя, чтобы перестроить затем мир...

Прощай, невеста и милый друг! Пусть сократятся твои дороги по земле и душа наполнится легчайшим газом радости. Не вовремя ты родилась. Для тебя время рождения никогда не придет. Ты из членов того человечества, которое не рождается, а остается за краями материнской утробы. Ты — тощее семя, которое не оплодотворяется и не разбухает человеком. Нечаянно твое гиблое начальное семечко слепилось с другим таким же обреченным семечком — и вылепился человек, который не бывает, а если бывает, то слепит глаза людям чудом — и погибает без вести, как ветер, уткнувшись в гору.

---

* Значит, искусство строить человека: антропос — по-гречески — человек.

В черноте и великой немости стоят звезды на небе, как большие неморгающие очи, плачут светом и путь свой оставляют серебряным руном».

Иван слушал, не понимая. Сердце его шевелилось, и сам он шел странником по городам, по странам, по заросшим садами звездам, по томительным, смертным пустыням.

Над городом, над полями, над деревнями, над всею преющей землей шла немая, бездыханная ночь, как было спокон веков.

Далеко по земле ехал мужик Кондратий из Мармыжей в Суржу.

— Н-но, ошметок, тяни, не удручай — потягивай, не скучай!

Ехал Кондратий пустыми ветренными полями и разговаривал:

— Мне нужен хлеб... А кто его даст? Намолотил, вон, три копны. Душа также надобна. Как ее изготовишь, когда неведомо творение?.. А люди живут, что? Пузо стерегут да баб мнут... Нет тебе никакого направления либо што чего... Нет тебе нигде ни дьявола!..

II

Тянулась тщедушная жизнь, как деревенские щи. Живешь-живешь, а жизнью все не налопаешься. Плохо жить без любви, как без мяса обедать.

Появилось в теле у Ивана Копчикова как бы жжение и чесотка,— сна нету, есть не охота. Жара в животе до горла. Хочется как бы пасть волку разорвать либо яму руками выкопать в глущину до земного жара.

Иван уже знал, что в могиле тепло, а в глубоких землянках рыбаки живут и зимой у самого льда.

Бесится в тесном теле комками горячая крутая кровь, а работы подходящей нету. Думы все Иван передумал, дела произвел, хату отцу починил, плетни оправил, баклажаны ополол — все как следует быть.

Сидит Иван вечерами и ночами на завалинке. Сверчки поют, в пруде басом кто-то неспеша попевает и попевает, как запертый бык.

Радость внутри сердца Ивана кто-то держит на тонкой веревочке и не пускает наружу.

А Иван совсем ошалел, Мартын же иногда давал ему направление.

— Тебе б к бабе пора,— говорил Мартын Ипполитыч — сапожник сосед, мудрое в селе лицо,— а то мощой так и будешь.

И шел раз Иван по просеке в лесу.

Ночная муть налезала на всю землю. В воздухе было невидимо и запахло хлебной коркой.

И идут сзади вслед торопкие и легчайшие чьи-то ноги. Иван обождал. Подошла, не взглянула и прошла Наташа, суржинская незавидная девка. И видел и не видел ее ранее Иван — не помнил. В голове, в волосах и в теле ее была какая-то милость и жалость. Голос ее должен быть ласковый и медленный. Скажет — и между словами пройдет дума, и эту думу слышишь, как слово.

И в Ивановом сердце сорвалась с веревочки радость и выплыла наружу слезами.

Наташа ушла, и Иван пошел.

На деревне — тишина. Из сердца Ивана повыползли тихие комарики — и точат и жгут тело, и сна не дают.

Шли дни, как пряжу баба наматывала. Живешь, как на печке сидишь, и поглядываешь на бабу — длинен день, когда душа велика. Бесконечна жизнь, когда скорбь, как сор по просу, по душе разрастается.

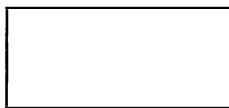
Простоволосые ходили мужики. Чадом пошла по деревне некая болезнь. Тоскуют и скорбят, как парни в мобилизацию, все мужики.

Баб кличут уважительными именами: Феклуша, дескать, Марьюшка, Афросиньюшка, Аксинь Захаровна.

Благолепное наступило время.

Тихо ласкали по деревне люди друг друга, но от этих ласк не было ни детей, ни истомы, а только радость — и жарко работалось.

Посиживал Иван с Наташей и говорил ей, что от них по деревне мор любовный пошел: завелась у Ивана в теле от Наташи как бы блоха какая, выпрыгнула прочь и заразила всех мужиков и баб.

Здесь вошь любви, но она невидима. Пускай прыгает она по всему белому свету, и будет светопреставление.

Приезжал доктор из волости, освидетельствовал самых благородных мужиков и определил:

— История странная, но вселенная велика и чудесна — и все возможно. Мы, как Ньютон* еще сказал, живем на берегу великого океана пространств и времен и ищем разноцветные камушки... И эта бацилла-аморе** только самая ядовитая хворь.

III

Пустынничеством стала земля. Свирепело и дулось жаром солнце, будто забеременело новым огнем невероятной силы.

А по полям только шершавый терпеливый жухляк трепыхался, да змеи в горячем песке клали длинные пропадающие следы. Змея, она не похожа ни на одного зверя, она сама по себе, немая и жуткая тварь. Змея не любит ничего, кроме солнца, песка и безлюдья.

Как в печке, сгорели посевы и с ними — жизнь. Тела мужиков обтощали — даже худощавым плоскушкам еды не хватало.

Ни тучки, ни облака, ни ветра. Один белый огонь цельный день, а по ночам медленно-текучие оглядывающиеся звезды.

Были необходимы ветры — но воздух поредел от тишины.

И вот уже в августе трое суток то наступала, то отступала и дробилась зноем тяжкая туча. Разнесло ее во всё небо.

— Не к добру,— говорили старики,— из такой не вода, а камни полетят.

Вышел в поле Иван и ждал. Но в поле ничего не оказалось. Птица, зверь и всякое насекомое исчезло и утаилось.

Насела туча, темнее подземных недр. Но ни капли, ни звука из нее.

Ждал до вечера Иван — не шелохнется туча. Всю ночь не спал, все слушал, как камни вниз полетят. Ничего не было, и утром так же стояла туча.

И только в полдень ослепила небо и землю сплошная белая молния, зажгла Суржу и травы и леса окрест. Вдарил такой гром, что люди попадали и завывали и звери прибежали из леса к избам мужиков, а змеи торцом пошли в глубь нор и выпустили сразу весь яд свой.

---

* Ньютон — англичанин — удивился падающему яблоку.

** Доктор говорил по-ученому, по-русски это значит — гнида любви.

И полетели вслед за молнией на землю глыбы льда, и крушили все живое, и раздробили в куски мертвое.

Упал Иван шибче льдины в лог и ткнулся в пещеру, где рыли песок в более благопристойное время.

За ледобоем вдарил сверху тугой водяной столб, заготовляя влагу впрок.

И синее пламя молний остановилось в небе, только содрогалось, как куски рассеченной хворостиной змеи.

Пошла вода из туч — аж дышать нечем. Воеет и гнетет свистящий и секущий ливень.

И за каждым громовым ударом — новым свирепеющим вихрем несется вода, и, как стальным сверлом, разворачивает леса и землю, и почву пускает в овраги бурными потоками...

К вечеру стих мало-помалу водяной ураган.

Стало холодно. Внизу по оврагу еще неслась вода. А по откосу, где был в пещере Иван, только топь и вывороченная, разрушенная земля.

Выбрался Иван наружу и глянул. Не было ни Суржи, ни леса, ни полей. Чернели глыбы разодранной земли, и шипела вода по низинам.

Задумался Иван:

— Град и ливень рухнули вниз, когда засияли молнии. До того туча шла мертвой.

И пошел Иван прямо к Власу Константинычу — волостному доктору, тому самому, который заразу любви обследовал.

Влас Константиныч любил книги. Жил без жены и существовал лишь для питания природы.

Влас Константиныч любил всех суржинских. Пришел к нему Иван и говорит:

— Дождь от молнии пошел, а не от тучи.

— Как тебе сказать, — ответил доктор, — от электричества.

— А электричество самому сделать можно?

— Можно...

И доктор показал Ивану баночку на окне, из которой шла вонь.

— Дайте ее мне совсем, — попросил Иван.

— Что ж. Возьми. Это штука дешевая. А зачем она тебе?

— А так, поглядеть. Я принесу ее скоро.

— Ну-ну. Бери, бери.

Иван ушел к рыбакам на Дон, ибо Суржу со всеми домами пожгла молния и задолбил ледобой.

Иван понял одно, что электричество собирает в воздухе влагу всякую и скупивает ее в тучи.

— А когда бывает засуха, значит, можно все ж таки наскрести влагу электричеством и обмочить ею корни?

Когда просохла земля, Иван стал добиваться, как сделать влагу электричеством.

Жил он в землянке у Еремы, старика, посвятившего от одиночества и от природы, и ел подлещиков, голавлей, сомов и картошку.

Зной водворился опять. Все повысохло. Запылала и заняла земля.

На всякие штуки пробовал банку Иван — ничего не выходит. И только когда догадался он проволочку от винтика на баночке прикрепить к корням травы — тогда дело вышло. Тогда трава зазеленела и ожила, а кругом стлалась одна мертвая гарь.

Иван поковырял землю, добрался до корешков и пощупал — сыровато.

— Надо жить теперь неспроста,— решил Иван, сердечно радуясь от любопытства к природе.

IV

Вдрызг, в чернозем сбита и перемешана старая Суржа и пожжена. Только кирпичи от печек остались, да одна курица в норь какую-то каменную забила и теперь отживела и ходит, беспутная. Никакой живой души: льдины с неба покололи все мужиковские головы.

Но через десять дён обнаружился еще Кондратий — мужичок неработающий и бродяга,— бывал он раньше на шахтах, а теперь жил при брате скотом.

— Я,— говорит,— буду управителем русской нации. И пахать тебе не буду.

И вот теперь Кондратий обнаружился: в печке просидел и вылез невредимым. Поглядел-поглядел он на курицу:

— Что ты голову мне морочишь, скорбь на земле разводишь! Кабы б две хоть, а то одна! Ай ты нужней всех?

Поймал, защемил за шею и оторвал ей курью башку.

— Тварь натуральная, тебе и буря не брала!..

И переменялся душой Кондратий:

— Бреешь! Человека не закопаешь: тыщи лет великие жили!

И стал жилище себе обдeldывать из разных кусков и оборок расшибленной Суржи. Получилась некая хата.

Пришла одна суржинская девка из города. Вдарилась оземь:

— Родные мои матушки!.. Не схотели жить, мои милые!.. — и пошла, и пошла.

Подoшел к ней Кондратий:

— Не вой, девка! Видишь, народонаселения никакого нету...

Стало быть, я тебе буду супругом.

И обнял ее в зачет будущего — для начала.

Через некоторую продолжительность явился в Суржу с Дона и Иван Копчиков. Принялись они втроем за вторую хату. Иван работал, как колдун, — и построил сразу еще две хаты.

У девки уже к зиме живот распух.

— Нация опять размножится, — говорил уболагодворенный Кондратий.

— Надо другую родить, — сказал Иван, — какой не было на свете. Старая нация не нужна...

Иван задумался о новой нации, которая выйдет из девкиного живота:

— Надо сделать новую Суржу — старая только людей томила и хлебом не кормила.

Так порешили Иван и Кондрат.

— Благолепие будет, — сказал Кондрат и почесал свою мудрую башку, якобы родоначальник нации.

V

По дороге, выпавшись в ближней деревне, шел человек. Кто знает, кем он был? Бывают такие раскольники, бывают рыбаки с верхнего Дона, бывает прочий похожий народ. Пешеход был не мужик, а, пожалуй, парень. Он поспешал, сбивался с такта и чесал сырые худые руки. В овраге стоял пруд, человек сполз туда по глинистому склону и попил водицы. Это было ни к чему — в такую погоду, в сырость, в такое прохладное октябрьское время не пьется даже бегуну. А путник пил много, со вкусом и жадностью, будто утолял не желудок, а смазывал и охлаждал перегретое сердце.

Очнувшись, человек зашагал сызноа — глядел он, как напуганный.

Прошло часа два; пешеход, одолевая великие грязи, выбился

из сил и ждал какую-нибудь нечаянную деревушку на своей осенней дороге.

Началась равнина, овраги перемежились и исчезли, запутавшись в своей глуши и заброшенности.

Но шло время, а никакого сельца на дороге не случилось. Тогда парень сел на обдутый ветрами бугорок и вздохнул. Видимо, это был хороший, молчаливый человек, и у него была терпеливая душа.

По-прежнему пространство было безлюдно, но туман уползал в вышину, обнажались поздние поля с безжизненными остьями подсолнухов, и понемногу наливался светом скромный день.

Парень посмотрел на камешек, кинутый во впадину, и подумал с сожалением об его одиночестве и вечной прикованности к этому невеселому месту. Тотчас же он встал и опять пошел, сожалея об участи разных безымянных вещей в грязных полях.

Скоро местность снизилась и обнаружилось небольшое село — дворов пятнадцать.

Пеший человек подошел к первой хате и постучал. Никто ему не ответил. Тогда он самовольно вошел внутрь помещения.

В хате сидел нестарый крестьянин, бороды и усов у него не росло, лицо было утомлено трудом или подвигом. Этот человек как будто сам только вошел в это жилье и не мог двинуться от усталости, оттого он и не ответил на стук вошедшего.

Парень, суржинский житель, Безотцовского уезда, взгляделся в лицо нахмуренного сидельца и сказал:

— Фома, нюжли возвратился?

Человек поднял голову, засиял хитрыми, умными глазами и ответил:

— Садись, Иван! Воротился, нигде нет благочестия — тело наружи, а душа внутри. Да и шут ее знает — кто ее щупал — душу свою...

— Што ж, хорошо на Афоне? — спросил тот, что вошел, а звали его по-прежнему — Иван Копчиков.

— Конечно, там земля разнообразней, а человек — стервец, — разъяснил Фома.

— Что ж теперь делать думаешь, Фома?

— Так чохом не скажешь! Погляжу пока, шесть лет ушло зря, теперь бегом надо жить. А ты куда уходишь, Ваня?

— В Америку. А сейчас иду в Ригу на морской пароход.

— Далече. Стало быть, дело какое имеешь знаменитое?

— А то как же!

— Стало быть, дело твое сурьезное?

— А то как же! Бедовать иду, всего лишился!
— Видать, туго задумал ты свое дело?
— Знамо, не слабо. Без харчей иду, придорожным приработком кормлюсь!

— Дело твое крупное, Ванюха...

Пустая хата пахла не по-людски. Мутные окна глядели равнодушно и разуверяли человека: оставайся, не ходи никуда, живи молча в укромном месте!

Иван и Фома разулись, развесили мокрые портянки и закурили, уставившись на стол рассеянными глазами.

— Что-то дует! Вань, захлобысни дверь! — попросил Фома.

Устроив это, Иван спросил:

— Небось тепло теперь в Афонском монастыре! Небось покойно живет там. Чего сбежал из монахов?

— Оставь, Иван, мне нужна была истина, а не чужеродные харчи. Я хотел с Афона в Месопотамию уйти, говорят, там есть остатки рая, а потом передумал. Года ушли, уж ничего не нужно стало. Только вспомнишь детей, и так-то жалко станет. Помнишь, трое детей умерло у меня в одно лето?.. Уж двадцать годов прошло, небось кость да волос остались в могиле... Ох жутко мне чего-то, Иван!.. Оставайся ночевать, может дорога к утру заквокнет...

— И то останусь, Фома. Этак до Риги не дойдешь!

— Вари картохи! Жрать с горя тянет...

Уснувши спозаранок, Фома и Иван проснулись ночью. Огня в хате не было, за окном стояла нерушимая и безысходная тишина. Как будто и поля проснулись, но был час ночи, до утра далеко,— и они лежали и скучали, как люди.

Почуяв, что Иван не спит, Фома спросил:

— Из Америк-то думаешь воротиться?

— Затем и иду, чтобы вернуться...

— Едва ли: дюже далеко!

— Ничего, обучусь нужному делу и ворочусь!

— Мудрому делу скоро не обучишься!

— Это верно, дело мое богатое, скоро не ухватишь!

— Насчет чего же дело твое?

— Пыточный ты человек, Фома. Был на Афоне и в иностранных державах, рай искал, а насущного ничего не узнал.

— Это истинно, кому что!

— Мужикам одно нужно — достаток! В иной год у нас ржи, хоть топи ей, а все небогато живем и туго идем на поправку! В этом году рожь с цен сошла, а и урожая никакого не было: все градом искрошило.

— А чего ж ты задумал?
— Слышал про розовое масло? — сказал тогда Копчиков.
— Слышал — гречанки тело мажут им для прелести!
— Это што! Это для духовитости. Из розового масла знаменитые лекарства делают — человек не стареет, кровь ободряют, волос выращивают — я по книжкам изучал. Я ее с собой несу. В Америке половина земли розами засажена — по тыще рублей в год чистого прибитка десятина дает! Вот где, Фома, мужицкое счастье!..

Иван говорил зажмурившись, в избытке благородного чувства. Открыв глаза, он заметил, что в окне посерело; тогда он слез с печки и стал собираться в Америку, не стравливая зря времени.

— Куда ты? — спросил Фома.
— Пора уходить, мне еще далече идти. Отдохнул и в ход, а то я томиться начинаю, когда задерживаюсь!
— Рано еще, наварим кулешу, поешь и пойдешь.
— Нет, пойду, день и так короток!
— Ну, как хочешь. Ты, стало быть, в Америке хочешь разуз-нать, как розовое масло делается?..
— Догадался? А ты думал, я свечки там делать буду? Наша земля сотворена для розы! На нашем черноземе только розе и расти! Ты погляди, Фома, благоухание какое будет — все болезни пропадут!..
— Да, дело твое лепное! Ну, ступай, чудотворец, поглядим-подышим,— много тогда рассады, должно, потребуется! Скорей только ворочайся и в морях не утопни!..

А Иван уже посчитал, сколько это денег будет, если каждая десятина по тысяче рублей чистого прибитку даст.

Эта надежда на будущее счастье и шевелила его ноги по грязным полям его родины, гоня в далекую Америку.

Иван был уверен, что, действительно, нежное масло душиных и пьяных роз способно построить вечные здания в древних балках его родины, и в этих зданиях поселятся довольные, счастливые мужики со своими многочисленными семействами.

<1923, 1927>

ИЗ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОЧИНЕНИЯ

ДЕМЬЯН ФОМИЧ — МАСТЕР КОЖАНОГО ХОДОВОГО УСТРОЙСТВА

В день Космы и Дамиана (теперь Индустриала и Карла) он был именинник, потому что был Демьян.

Демьян Фомич сапожничал — старинное занятие. Дратва — стерва — долго его удручала своим наименованием, пока он не притерпелся; только наващивал дратву Демьян Фомич всегда в сердечном остервенении и раздражаясь попусту на ее мертвое тело.

Но делать нечего. Демьян Фомич был чтец и жил по прочтенному в умной книге правилу: «кто начал жить и сказал, не разумея, “а”, тот пусть созиждет свою жизнь так и далее до виты и вжиць». И Демьян Фомич стерпивал время и вымалчивал дни, подвигаясь к ижице.

Но пока терпел Демьян Фомич, шея и лицо его покрылись буграми омертвевшей кожи, волосы из рыжекудрых стали белыми, а потом табачного вечного цвета. Тем временем ижица была истреблена большевиками, и Демьян Фомич не мог добиться у знающих людей, какая буква ее заместила. Последняя буква должна быть такой, какая не пишется и не читается: это глагол — мудрое слово, знак конца разума и угасания чувства сердцебиения.

В старинное время Демьян Фомич читал Библию и ужасался: до точности исполнялись означенные события и не было милосердия.

Женат Демьян Фомич был на кухарке Серафиме, худошавой и злостной женщине, двадцать четыре года пилившей душу Демьяна Фомича деревянной пилой, пока в ней не опростоволосилась вся душа и она не увидела, что оба они — нагие, а муж ее уже не отдышится от сквозного тридцатилетнего труда и не изменит ни с какой пышной женщиной.

Городок, в котором стояло жилище Демьяна Фомича, занимал местоположение древнего талдомовского татарского становища. Здесь отсыпались татарские всадники от великой степной скачки перед штурмом Троице-Сергиевской лавры. Оттого на некоторых лицах талдомовских сапожников до сих пор не стерлись древнеазиатские черты: у некоторых темен волос, как у индийцев, другие имеют распертые скуля и сжатые глаза, а многие

сапожники любят змей, будто они родились в пустыне или на Памире.

Город был ветх, пахнул кожаным хламом, ваксой и мышью, точившей в ночное время кожу по углам. В городке была распространена простуда: сапожники раздевши выбегали в холодную пору в уборные и остужались.

Мокрые поля вокруг города были изредка возделаны, а чаще имели назначение подошвы неба.

Это мне все рассказал Демьян Фомич — его живые слова. Демьяновы предки тут четыреста лет наращивали стаж и квалификацию, так что один из них, Никанор Тесьма, уже делал сафьяновые полусапожки Иоанну Грозному. А другой предок Демьяна Фомича, сбжав из солдат на волго-донские степи, впоследствии чинил сапоги Степану Разину и был помилован единственно из-за своего знаменитого мастерства; он дожил жизнь в Москве, перейдя стариком на валенки.

Были у Демьяна Фомича в родне и латошники, люди ущербного мастерства, в которых ремесло пятисотлетнего племени уставало и временно угасало. В 1812 году, во время нашествия Наполеона и народов Европы, жил дед Демьяна Фомича, по прозвищу Серега Шов, великий мастер и изобретатель пеших скороходов, сподвижник Баркляя-де-Толли: один отступал, другой шил сапоги впрок, чтобы было в чем наступать в свое время. Серега Шов говорил будто бы в Москве с Наполеоном:

— Землю обсоюзить восхотели, ваше величество, а она валенок, а не сапог, и вы не сапожник.

Наполеону перевели, и он смеялся:

— Скажите, пока я только снимаю опорки с мира, а когда он будет весь бос, я выучусь быть для него сапожником.

Серега Шов умер в 1831 году в Марселе от холеры, где он имел мастерскую морской обуви «Серж Шовье».

Вдова Сереги, Аграфена Шовье, вышла замуж вторично за голландца, штурмана дальнего плавания, и пропала без вести: говорят, будто бы ее с мужем съели африканцы на одном океанском острове после кораблекрушения. Сын ее, от Сереги, вернулся домой и отцовствовал над Демьяном Фомичом; другой сын Аграфены, от голландца, писал сочинения и умер тому тридцать лет в славе и чести, будто бы в Америке. Талдомский сапожник везде дело найдет и не изгадит его, а доведет до почитания.

Демьян Фомич работал, как во сне, думая о третьих лицах и вещах: до того привычно стало обувное дело для него. Он мне открыл свою сокровенную думу: хочу, говорит, изменить исто-

рический курс своего рода-племени. (Демьян Фомич был тец и умел сказать что надо!)

— Какой курс? Зачем?

— Так,— говорит,— уйду с обужи на другое занятие. Все равно вскоре не будет сапожников — я машину сапожную изобрел для всякого кожаного ходового устройства...

— Покажите-ка ее, Демьян Фомич!

Демьян Фомич показал: десять листов ватманской бумаги, на ней умелые чертежи; все уже пожелтело — давно, наверное, работал над этим Демьян Фомич.

— Вы один это сделали?

— Нет, были и помощники,— свояк помогал, он в Коломне техник.

Я разглядывал — как будто грамотно и остро задумано, но я электрик и не вполне еще усвоил обувное мастерство — действительно искусное и трудное дело; хотя и я в детстве шил сапоги с Кузьмой Ипполитычем, другим талдомским сапожником, поймавшим меня водочкой и неожиданно умершим десять лет назад восьмидесяти лет от рождения.

— Какое же новое дело вы изберете, Демьян Фомич?

— А ты не зря расспрашиваешь? — спросил Демьян Фомич и бросил кожу в таз с водой.— Ну, ладно, по сурьезному поговорим. Уйду будочником на Уральскую железную дорогу, буду жить в степи. Я хочу написать сочинение, самое умное — для правильного вождения жизни человека. И чтобы это сочинение было, как броня человеку, а сейчас он нагой... В будке будет тихо, кругом сухие степи, делов особых не будет... А то так и умрешь гольшом, а я выдумал все мировождение по направлению к праведному веку. Двадцать лет мучился головой, а теперь покоен... И ты ведь ничего не знаешь. Глист тебя сжует в гробу — и все...

— Это верно,— думал я дома вечером, зачитываясь «Красной новью»,— верно задумал Демьян Фомич: четыреста лет жили предки его — сплошные сапожники; в этом роду скопилось столько мозговой энергии, что она неминуемо должна взорваться в последнем потомке рода — Демьяне Фомиче. И действительно, это будет крик мудреца, молчавшего четыреста или пятьсот лет. Его мысль будет необыкновенной и праведной — столько лет скапливался и сгущался опыт и мозг стольких людей!..

На другой день было воскресенье. Мастера поздно пили чай и читали газеты. Я потратил день на раздумье и хождение по местным торфяным болотам. Скуден север, скудно даже летнее

наше небо. В бараках торфяников пела гармония, над Москвой летали аэропланы и стоял газ напряжения ее машин и людей. Тихо росла трава, и заунывно звонила старая церковь из недалекой деревни.

Возвратившись в город, я увидел небольшое гульбище. В середине народа стоял Демьян Фомич, он был пьян, на нем был старый цилиндр, под мышкой он держал благородную собачку, а другой рукой обнимал за шею малорослого беспризорного. Демьян Фомич был в Москве — и оттуда привез все удовольствия. Народ смеялся, из цилиндра вылезали тараканы и ползли по лицу Демьяна Фомича; тараканов, попадавших в рот, Демьян Фомич жевал и, очевидно, глотал (подскакивал кадык).

— А, друг сурьезный!.. Читал?.. Торфяников высоким напряжением поубивало... А я сам от собственного напряжения убиваюсь... Эх, вша ты, подметка... Может, у меня в голове бесконечные пространства жмутся от давки, как угнетенный класс пролетариата...

Я с детства знал, по отцу, что такое пьяный мастеровой человек — это невыносимо, говорят. Но я люблю пьяных людей, это искреннее племя, и пошел с Демьяном Фомичом разговор договаривать и чай пить заодно.

<1926>

КРЮИС

Стоит лето на уездном дворе домовладельца Крюйса. Федор Карлович Крюйс — потомок давнего голландского адмирала Крюйса, служившего у Петра Первого по кораблестроительному делу в городе Павловске, что стоит на Дону при впадении в него реки Осереды.

На дворе Крюйса растут лопухи, меж коих в нужные места протоптаны дорожки. С утра до заката стоит на дворе суета насекомых и в почве идет возня червей, залезающих в глубины грунта.

Сам Крюйс лег в погребу отдохнуть после обеда. Русский континент пылал и плыл в пышном и страстном июньском солнце, терпеливо наращивая на себе, макаясь в солнце, зерна, деревья, ветры и тесто незарегистрированной визжащей твари. К полудню особенно разрастался гул гадов, и поэтому Крюйс уходил в прохладу погребу, в соседство слепого и мыслящего

червя, жизнь которого была очевидна на живом разрезе земли в погребке.

Федору Карловичу было теперь сорок восемь лет. От двадцати до тридцати пяти лет он был погонщиком лошадей на дилижансе. Лошади не шли и не бежали, а поспешали уездной рысью, и то не все враз; а Федор Карпыч (так его по-русски звали) то разминался рядом с лошадьми, то сидел на крыше дилижанса и от скуки угрожал расправой кнутом пашущим мужикам. Через каждые двадцать верст (всех было восемьдесят) Федор Карпыч выдергивал волос из лошадиных хвостов, беря его поближе к лужевице, и продавал в курени донских рыбаков.

Так зря прошли пятнадцать лет. Полевые дороги, скорбь, старушки-богомолки и тихие домовладельцы-старички в дилижансе приучили Федора Карпыча к раздумью.

Федор Карпыч не женился, считая, что человек расходуетя и стареет не столько от забот и трудов, сколько от жены-женщины и что бедность и всякое ослушание и преступление по земле течет из семьи. Да и потом — родится сын, а может, он дурак окажется, и наверное будет дурак, и только зря жизнь возмутит.

Жизнь будет держаться на земле, пока она будет считать себя малой вещью, все иное — неосторожность, дурья сила и грозит гибелью. Следует испивать влагу малыми глотками,— запой, жадность остудит и повредит желудок, разведет в нем глистов, которые тебя источат, а потом сами подохнут в тесноте и прахе гроба от бескормицы и тоски.

Скупое надобно в себе держать телесные силы, живя спрехвала и еле-еле, как бы нехотя и кого-то одолжая безвозвратно, терпя жизнь лишь из жалости к ней самой, несчастной.

Таково было экономическое существо натуры Федора Карповича. И действительно — он нажил домик и дворик оттого, что был бобылем. Действительно, Федор Карпович остался как бы средним существом — не старым, далеким от смерти, хотя и не очень был доволен своим рождением.

Но Федор Карпыч был не прост и не особенно сложен — он был неведом, как все люди; неведом, то есть не записан в ведомость, а если и записан, то не весь — не хватило в ведомости граф.

В дни зимы и в лунные ночи Федор Карпович писал сочинения.

Я был сыном рыбака. Покупал в детстве, по поручению отца, коний волос у Федора Карпыча. Потом стал писателем, потом инженером, потом профработником. Потом я решил лишиться себя всех чинов, орденов и бронзовых медалей и уехал на

родину, на Дон, на его песчаное прохладное дно, в его тихие затоны и на каменные перекаты, где в зарю густо идет рыба на нахлыст.

Поселился я, понятно, у Федора Карповича. Мы жили, ловили рыбу и мудрили.

Федор Карпович ночами иногда писал, когда я, по молодости, спал.

И раз, опять в жару, в самую страсть и в стрекозиный зуд, когда мы отдыхали с Федором Карпычем в погребке, Федор Карпович почитал мне кое-что из своего фундаментального труда «Генеральное сочинение о земле и о душах тварей, населяющих ее».

Вот оно, судя по моей небрежной памяти:

«Ты жил, жрал, жадствовал и был скудоумен. Взял жену и истек плотию. Рожден был ребенок, светел и наг, как травинка в лихую осень. Ветер трепетал по земле, червь полз в почве, холод скрежетал, и день кратчал. Ребенок твой рос и исполнялся мразью и тщетой окрестного зверствующего мира. А ты благосклонен был к нему и стихал душою у глаз его. Злобствующая, зверья и охальничья душа твоя утихомиривалась, и окаянство твое гибло.

И вырос и возмужал ребенок. Стал человек, падкий до сладостей и до тесной теплоты чужеродного тела, отвращающий взоры от Великого и Невозможного, взыскующий которых только и подобает истощиться чистой и истинной человеческой душе. Но ребенок стал мужем, ушел к женщине и излучил в нее всю душевную звездообразующую силу. Стал злобен, мудр мудростью всех жрущих и множущихся и так погиб навеки для ожидавших его вышних звезд. И звезды стали томиться по другому. Но другой был хуже и еще тоще душою: не родился совсем. И ты, как звезда, томился о ребенке и ожидал от него чуда и исполнения того, что погибло в тебе в юности от прикосновения к женщине и от всякого умственного расточительства. Ты стал древним от годов и от засыпающей смертью плоти. Ты опять один и пуст надеждами, как перед рождением в мир сей натуральный. Я слышу — скулит собака, занимаясь расхищением своей души. Так и вся окрестная жизнь — вор, а не накоп, и зря она занялась на земле, как полуночная заря.

Кто же людям сбережет душевность, плоть и грош? Кто же заскорлупит теплоту жизни в узкой тесноте, чтобы она стала горячим варом?..»

Федор Карпыч почитал, а я послушал — и мы оба вздохнули от умственного усердия.

— Ну как: приятно обдуманно? — спросил Федор Карпыч.
— Знаменито! — выразился я, томясь в нечаянном голоде.
— То-то и оно-то! — отвлеченно сказал Федор Карпович.—

Ну пойдем щи есть, а то ослабнем!

Мы вылезли из погребка и двинулись сквозь лопухи и дворовый бурьян, сбивая мошек, бабочек и прочую дрянь с их маршрутов.

<1926>

ДУШЕВНАЯ НОЧЬ

Сердце — трус, но горе мое храбро.

Скорбь и скука в одиннадцать часов ночи в зимней деревенской России. Горька и жалостна участь человека, обильного душой, в русскую зиму в русской деревне, как участь телеграфного столба в закаспийской степи.

Скудость окрест и малоценные предметы. Вьюга гремит в порожнем небесном пространстве, и в душе наступило смутное время.

Был холод, враг, аж пот на ногах мерз. Кровь в жилах, оголодавших за дальнюю дорогу, сгустела в сбитень, и стужа кипела на коже варом.

Посерьезнел крестьянский народ, и надолго забился в тихие дымные деревни, и там задумался безвестными сонными думами — про скот, про первоначальные века, про все. Мыслист русский народ, даром что пищу потребляет малопитательную. Волчьих ночи — века, темь и немость хат, лунный неземной огонь на небе, над рекою пурги, душевная доброта человека от понимания мира — все видимое и невидимое, как вода сквозь грунт, стекает в сердце тайным ходом и орошает жизнь.

Едешь неспешно — лошади кормлены на заре и вся их мочь иссосана ледяными ветрами.

Едешь, а душа томится по благолепию, по лету, по благовеющему климату.

Зима дадена для обновления тела. Ее надо спать в жаркой и тесной норе, рядом с нежной подругой, которая к осени снесет тебе свежего потомка, чтобы век продолжался...

Не особенно скоро, но все же настало время, когда мы доехали вконец. Стояли три либо четыре хаты — хутор. Брехали собаки, пел в неурочное время петух, и шевелилась в сараях прочая

живность, которой не спится и которая тревожится за живот свой.

Приехал я по малому делу, больше от душевной суеты, чем по насущной надобности.

Тут, на отрубе, жил один человек, малоценный в отношении человеческого сообщества, но в котором мудрость имела свое средостение.

Он и выполз наружу, услыхав брех и петушиное птичье пение.

— Здравствуй, Савватий Саввыч!

— Доброго здоровья! Что вас ночью примело, аль горе какое неутешимое?

— Ты все равно не утетишь — не баба.

— Я не к тому, я про душевность спрашиваю.

Вошли в хату к Савватию Саввычу. В избе — пустошь. Лежит окомелок старого окоченелого хлеба, на лавке дрожит в стуже щенок, больной и жалостный, с душевными глазами. Кругом — голо, прохладно, бездомовно, не пахнет по-человечьи. Сразу видно — бабы нету. Нет в доме оседлости и постоянного местопребывания.

Печь холодная, и спит, должно, на ней один человек, но ему не спится, и он думает о светопреставлении, о пустынном мире, о встречном ветре времен, — и сам с собою разговаривает. За окном снежная топь, в поле не сыщешь дороги, далекие города шумят в бессонном труде, мужики, уставшие от всяких делов и баб, спят без памяти, солнце бродит вдалеке от земли по косому зимнему пути, а к человеку не идет сон, и до утра еще далеко. Мать его умерла давно, некому его вспомнить даже в погожий день. Есть мысль — жена одиноких. Есть душа — дешевая ветошь. Мало имущества у человека.

— Давай почавкаем, — сказал Савватий Саввыч, — набьем в пузень дребедень — червей разводить в нутре.

И мы зажевали — не спеша и не вдумываясь во вкус.

— Я все думаю, — проговорил с полным ртом Савватий Саввыч, — отчего нету человеку благорасположения на земле. Живешь — и жмет где-то в нутре, аж сузиком всего сводит. Жизнь не в талию пришлась человеку...

— Погоди, придется. Отожгем, приколотим, разошьем ушивки и вновь сошьем — и будет всем удобь. Шили нам сюртуки, а мы мужики. Вот каково дело. Пока жив, всякое приспособленье для хорошей жизни устроить допустимо. А теперь революция — нам ветер взад.

— Это все допустимо, — проглотив картошку, сказал Савватий Саввыч, — недопустимо, знаешь что? На небо залезть, да пупок с пуза на лоб перенести, да еще кочетиное яйцо съесть. Мужик пужался всего — оттого и жизнь была малопитательна. Бей в морду с отжошкой всякую супротивщину — на душе поблажеет и на дворе погожей станет.

Веселый свет загорелся в хате от легкого дыхания мысли, легче всякого высокого газа и душевного духа. Вот он ветер — настоящая жизнь. Заскрипела тяжелая снасть силы, злобы и просторного ветра богатой воли.

— К лету уйду отсель, — сказал сам по себе Савватий Саввыч.

— А куда? — спросил я.

— Так, блукать пойду. Человеку надобно продвижение, а не хата и не пшено... Тебе кашки не положить?

— Благодарю. Не уважаю пшено.

— Гляди сам. У соседа баба готовит мне. Куфарь обстоятельный — семь годов у господ служила.

Говорили еще долго о всяких далеких, протяжных для мысли вещах. На дворе зашумела метель. Тощий прут в смертном ужасе хлестал в застланное, замороженное окошко. Мы съежились, заслушались и послули, как провалились пропадом, изморившись за день жить. Поснули, засопели — и сразу завоняло луком.

Ночь на дворе осиротела и метель стихла: не для кого.

Тихо стояли в плетневой огороже под соломенной крышей одурелые коровы, и высаливал взад-вперед возгрю годовалый бычок, не догадываясь как и что.

В мире было рано. Шли только первоначальные века.

На другой день я рано уехал дальше по существенным делам.

<1926>

ИСТОРИЯ ИЕРЕЯ ПРОКОПИЯ ЖАБРИНА

Жил он в уездном обыкновенном советском городе, весьма смиренном. Здесь даже революции не было: стали сразу быть совучреждения, для коих мобилизовали по приказу чрезревштаба местных барышень, от восемнадцати до тридцати лет от роду, дав им по аршину ситца и по коробке бычков — для начала.

Иерей Прокопий жил не спеша, всегда в одинаковой температуре, твердо, как некий столп и утверждение истины. Ибо истина и есть покой. Покой же наилучше обретается в супружестве,

когда сатанинская густая сила, томящая душу демоном сомнения и движения, да исходит во чрево жены.

Жено! Ты спасаешь мир от сатаны-разрушителя, знойного духа, мужа страсти и всякой свирепости. Да обретется для всякой живой души на земле жена, носительница мира и благоволения! Аминь!

Хорошо, во благомыслии жил иерей Прокопий. И вот единожды, как говорится в суете, рак крикнул: свою могущественную длань иерей Прокопий опустил на главу благоверной. Была на дворе духота, мухи поедом ели, бога, говорят, нету — так бы и расшиб горшок какой-нибудь. А тут жена Анфиса ходит-сопит, из дому гонит: полы будет мыть, к празднику прибираться. Прокопий, иерей, утром не наелся: пища пошла на оскудение, а день велик — деться некуда, сила в теле напирает.

И совершил Прокопий злодейство.

Жена Анфиса раз — в чрезувштаб:

— Мой поп Прокопий дерется и власть советскую ругает (сука была баба).

— Как так поп дерется? — спросил комиссар, товарищ Оковаленков. — Арестовать этого неестественного элемента. Дать предписание Учке!

И стал пребывать иерей Прокопий в затворничестве.

— За что, отец, присовокупились к нам? — спросил его купец Гнилосыров. — Вам тут быть немислимое дело.

Иерей Прокопий прохаркнулся, прочистил свой чугунный бас:

— Го-го-го! Да всё бабы, стервы, шут их дери!

И стала с этой поры Анфиса носить Прокопию обеды в Учку, ходит-плачет:

— Товарищ комиссар, отпусти домой Прокопа Жабрина.

— Обождет, — отвечал товарищ Оковаленков, — элемент весьма контрреволюционный. Пускай поступит на службу советской власти — смоем свой позор трудовым подвигом.

Обрадовалась Анфиса, а потом и Прокоп. Должность нашли сразу: в канцелярии чрезуфинтройки.

Прослужил иерей Прокопий месяца два-три: делов никаких нету, скука, дожди пошли на улице.

— Хоть бы живность какую увидеть, поговорить бы с кем, — думал Прокоп, — люди кругом все охальники...

Приучился Прокоп курить: чадит весь день.

Сидел иерей на входящих и исходящих. Придет бумажка полная тьмы и скудных слов. Долго мыслит над ней Прокопий, потом запишет и опять задумается.

И было три праздника подряд. Анфиса опять начала грызть попа. Тогда он придумал в одиночасье: поймал у себя двух вошек и посадил их в пустую спичечную коробку:

— Живите себе на покое и впотьмах.

На другой день взял зверьков на службу. Раскрыл входящий и пустил их на белый лист пастись. Сам пописывает, а глазами следит, как вошки бродят в поисках продовольствия, но тщетно.

Жить стало способней, и радостно одолевалось время бытия иерея.

Но судьба стремительна, и еще неодолимы для человека тяжкие стопы ее.

Через полгода скончался иерей Прокопий Жабрин, журналист чрезуфинтройки. Страшна и таинственна была смерть его: от частого курения образовался в горле иерея слой сажи. И надо же было привезти одному старому знакомому Прокопия, мужичку из дальней деревни, корчажку самогонки, весьма крепкой. Давно не выпивал Прокопий: взял и дернул. Самогон вдруг вспыхнул в нелуженом горле — и загорелась сажка от махорки.

Для иерея наступил час светопредставления, и он скончался, занявшись огнем внутри.

Не от лютых скорбей, не плавающим и путешествующим и не от прочего, а от деревенского жидкого топлива погиб Прокопий Жабрин.

Когда донесли об этом его высшему начальству, товарищу Оковаленкову, тот остановился подписывать бумаги и сказал в размышлении:

— Жалостно как-то, черт его дери! Евтюшкин, выпиши его бабе пуд проса!

<1923>

ЛУГОВЫЕ МАСТЕРА

Небольшая у нас река, а для лугов ядовитая. И название у ней малое — Лесная Скважинка. Скважинкой она прозвана за то, что омута в ней большие: старики сказывали, что мерили рыбаки глубину деревом — так дерево ушло под воду, а дна не коснулось, а в дереве том высота большая была — саженой пять.

Народ у нас до сей поры рослый. Лугов — обилие, скота было много, и харчи мясные каждое воскресенье.

Только теперь пошло иное. На лугах сладкие травы пропадать начали, а полезла разная непитательная кислота, которая в пору одним волам.

Лесная Скважинка каждую весну долго воду на пойме держит — в иной год только к июню обсыхают луга. Да и в себя речка наша воду начала плохо принимать: хода у ней засорены. Пройдет ливень — и долго мокреют луга, а бывало враз обсохнут. А где впадины на лугах, там теперь вечные болота стоят. От них зараза и растет по всей долине, и вся трава перерождается.

Село наше по-казенному называется Красногвардейское, а по-старинному — Гожево.

Жил у нас один мужик в прозвище Жмых, а по документам Отжошкин.

В старые годы он сильно запивал.

Бывало — купит четверть казенной, наденет полушубок, тулуп, шапку, валенки и идет в сарай. А время стоит летнее.

— Куда ты, Жмых? — спросит сосед.

— На Москву подаюсь, — скажет Жмых в полном разуме.

В сарае он залезал в телегу, выпивал стакан водки и тогда думал, что поехал на Москву. Что он едет, а не сидит в сарае на телеге, Жмых думал твердо. И даже разговаривал с встречными мужиками:

— Ну што, Степан? Живешь еще? Жена, сваха моя, цела?

А тот, встречный Степан, будто бы отвечает Жмыху:

— Цела, Жмых! Двойню родила! Отбою нету от ребят!

— Ну ничего, Степан, рожай, старайся, воздуху на всех хватит, — отвечал Жмых и как бы ехал дальше.

Повстречав еще кой-кого, Жмых выпивал снова стакан, а потом засыпал. Просыпался он недалеко от Москвы.

Тут он встречал будто бы старинного знакомого, к тому же еврея:

— Ну как, Яков Якович! Все тряпки скупаешь, дерьмом кормишься?

— По малости, господин Жмых*, по малости! Что-то давно не видно вас, соскучились!

— Ага, ты соскучился! Ну, давай выпьем!

И так Жмых — встречая, беседуя и выпивая — доезжал до Москвы, не выходя из сарая. Из Москвы он сейчас же возвра-

---

* Тогда еще господа были: дело довоенное.

щался обратно — дела ему там не было — и снова дорогу ему переступали всякие знакомые, которых он угощал.

Когда в четверти оставалось на доньшке, Жмых допивал молча один и говорил:

— Приехали! Слава тебе, господи, уцелел! Мавра,— кричал он жене,— встречай гостя,— и вылезал из телеги, в которой сидел уже четвертый день. После того Жмых не пил с полгода, потом снова «ехал в Москву».

Вот какой у нас Жмых: мужик что надо, но мощного разума человек!

*

Позже, в революцию, он совсем остепенился: сурьезное, говорит, время настало!

Ходил на фронте красноармейцем, Ленина видал и всякие другие чудеса, только не все подробно рассказывал: не твое дело, говорит.

Воротился Жмых чинным мужиком.

— Будя,— говорит.— Пора деревню истребить!

— Как так, за што такое? — спрашивают его мужики.— Аль новое распоряжение такое вышло?

— Оно самотеком понятно,— говорит Жмых.— Нагота чертова! Беднота ползучая! Што у нас есть? — солома, плетень да навоз! А сказано, что бедность — болезнь и непорядок, а не норма!..

— Ну и што ж? — спрашивали мужики.— А как же иначе? Дюже ты умен стал!

Но Жмых имел голову и стал делать в своей избе особую машину, мешая бабьему хозяйству. Машина та должна работать песком — кружиться без останову и без добавки песка, которого требовалось одно ведро.

Делал он ее с полгода, а может и больше.

— Ну как, Жмых? — спрашивали мужики в окно.— Закрутилась машина? Покажь тогда!

— Уйди, бродяга! — отвечал истомленный Жмых.— Это тебе не пахота — тут техническое дело!

Наконец Жмых сдался.

— Што ж, аль песок слаб? — спрашивали соседи.

— Нет — в песке большая сила,— говорил Жмых,— только ума во мне не хватает: учен дешево и рожден не по медицине!

— Вот оно што! — говорили соседи и уважительно глядели на Жмыха.

— А вы думали што? — уставлялся на них Жмых.— Эх вы, мелкие собственники!

*

Тогда Жмых взялся за мочливые луга.

И действительно — пора. Избыток народа из нашего села каждый год уходил на шахты, а скот уменьшался, потому что кормов не хватало. Где было сладкое разнотравие — одна жесткая осока пошла. Болото загоняло наше Гожево в гроб.

То и взяло Жмыха за сердце.

Поехал он в город, привез оттуда устав мелиоративного товарищества и сказал обществу, что нужно канавы по лугу копать, а саму Лесную Скважинку чистить сквозь.

Мужики поломались, но потом учредили из самих себя мелиоративное товарищество. Назвали товарищество «Альфа и Омега», как указано было в примере при уставе.

Но никто не знал, что такое Альфа и Омега!

— И так тяжко придется — дернину рыть и по пузо копать, — говорили мужики, — а тут Альфия. А может, она слово какое законное, мы вникнуть не можем и зря отвечать придется!

Поехал опять Жмых — слова те узнавать. Узнал: «Начало и Конец» — оказались.

— А чему начало и чему конец — неизвестно! — сказали гожевцы, но устав подписали и начали рыть землю: как раз работа в поле переমেжилась.

Тяжела оказалась земля на лугах: как земля та сделалась, так и стояла непаханная.

Жмых командовал, но и сам копался в реке, таская карчу и разное ветхое дерево.

Приезжал раз техник, мерил болота и дал Жмыху план.

Два лета бились гожевцы над болотами и над Лесной Скважинкой. Пятьсот десятин покрыли канавками, да речку прочистили на десять верст.

И правда что техник говорил, луга осохли.

Там, где вплавь на лодке едва перебирались, на телегах поехали — и грунт ничего себе, держал.

На третий год все луга вспахали. Лошадей измаяли вконец: дернина тугая, вся корневищами трав оплелась, в четыре лошади однолемешный плужок едва волокли.

На четвертый год весь укос с болот собрали и кислых трав стало меньше.

Жмых торопил всю деревню — и ни капли не старел ни от труда, ни от времени. Что значит польза и интерес для человека!

На пятый год травой-тимофеевкой засеяли всю долину, чтобы кислоту всю в почве истребить.

— Мудёр мужик! — говорили гожевцы на Жмыха. — Всю Гожевку на корм теперь поставил!

— Знаю, не холуй! — благородно отзывался Жмых.

Продали гожевцы тимофеевку — двести рублей десятина дала.

— Вот это да! — говорили мужики. — Вот это не кроха, а пища!

— Скоты вы! — говорил Жмых. — То ли нам надо? То ли советская власть желает? Надобно, чтоб роскошная пища в каждой кишке прела!..

— А как же то станется, Жмых? И так добро из земли прет! — говорили посытевшие от болотного добра гожевцы.

— В недра надобно углубиться! — отвечал Жмых. — Там есть добро погуще! Может, под нами железо есть аль еще какой минерал! Будя землю корябать — века зря проходят!.. Пора промысел попрочней затевать!

— В нутро, это действительно, — ответил Ермил, один такой мужик. — Снаружи завсегда одна шелуха!

— Ну ясно: пух и прыщи! — подтвердил Жмых. — А прочное довольствие в нутре находится!

— Да будя, едрена мать, языки чесать! — с резонном выразился Шугаев, ходивший в председателях. — Нам теперча сепараторы надо завести, а то продукт сбывать нельзя, а тут сухостойным делом занимаются: как бы поскорей в нутрё забратсья! Вот ляжешь в могилу — тогда там и очутишьсья!..

Лесная Скважинка сипела в русле, и пахучие пространства говорили о прелести сущей жизни.

<1926–1927>

ЛУННЫЕ ИЗЫСКАНИЯ

(Рассказ о «кирпиче»)

I

Сын шахтера, инженер Петер Крейцкопф в столице своей страны был первый раз. Вихрь автомобилей и свист надземных железных дорог приводил его в восторг. Город должен быть населен почти одними механиками. Но заводов было не видно — Крейцкопф сидел на лавочке центрального сквера. Заводы стояли на болотах окраин, на полях сброса канализационных вод, за аэродромами мировых воздушных путей.

Крейцкопф был молод и денег не имел нисколько: он серьезно поссорился с администрацией копей, желавшей добывать деньги из одного сжатого воздуха, посвоевольничал в своей копи, был отдан под суд и уволен. И Крейцкопф приехал в столицу. Поезд пришел рано, но этот странный город был уже бодр: он никогда не просыпался, потому что не ложился спать. Его жизнью была не дума, не настроение, не ритм, а равномерно ускоренное движение. Город не имел никакой связи с природой — это был бетонно-металлический оазис, замкнутый в себе, совершенно изолированный и одинокий в пучине мира и в змеином гнезде стихий.

Роскошный театр из смуглого матового камня привлек взор Крейцкопфа. Театр был так велик, что мог бы быть стоянкой воздушных кораблей. Горе расколело сердце Петеру Крейцкопфу: его молодая, когда-то влюбленная в него жена Эрна осталась в Карбоморте, угольном городе, откуда Петер приехал. Когда Эрна сошлась с главным инженером-электриком, Петер предостерегал ее: «Не стоит уходить, Эрна, мы жили с тобой семь лет, дальше будет легче, я поеду в центр и приступлю к постройке “кирпича” — мне дадут денег, наверное дадут».

Но Эрне надоели обещания, надоел угольный туман копей, узкая жизнь Карбоморта и одинаковые рожи бессменного технического персонала, особенно две личности друзей Петера — узких специалистов, сознательно считавших себя атомами человеческого знания. Самый высокий разговор, слышанный Эрной, это слова друга мужа, Мерца: «Мы живем для того, чтобы знать».

— А того и не знаете,— ответила тогда Эрна,— что люди живут не для того, чтобы знать...

Петер понимал и Эрну, и друзей, а его они не особенно понимали. Аристократка, дочь крупного углепромышленника, получившая образование в Сорбонне, Эрна ненавидела и других друзей Петера — мастеров, электромонтеров и изобретателей, просяживавших в ее гостиной с Петером в ненужных спорах до полуночи.

Крейцкопф знал, что мало у него общего с Эрной: он полусамоучка, инженер по призванию, и она, овладевшая последними цветами европейской культуры, ему недоступной.

И Эрна ушла в свой круг людей, — людей, получивших воспитание и умеющих сдерживать инстинкты внутри себя, людей, знающих философию и новейшую литературу; а главное — людей, искушенных в женщине и ее пороках.

Крейцкопф тосковал, он не знал, что ему делать одному среди множества людей.

— Эрна, — думал он, — Эрна, и ты лишь стихия, а я надеялся замкнуть тебя в сооружение любви. Но стихия смыла мое сооружение любви — и стихия снова ищет... более прочного сооружения.

От всеобщей занятости, электрических реклам, запаха отработанных газов и рева бушевавших машин тоска Крейцкопфа удесятилась. Он вспомнил прошедшие годы своей жизни, полные труда, доверия к людям, технического творчества и преданности к любимой единственной женщине. И вот — все истреблено неясными стихиями: люди обманули и предали, его труд был не нужен для них, женщина полюбила другого и возненавидела его, творчество привело его к одиночеству и нищете. Крейцкопф знал — трава гуще растет на гниющих трупах материнских травинок, человек держится близ человека из-за пользы, но Крейцкопф допустил одно исключение — любовь, когда люди связаны бесполезно, — и был разбит; сердце его теперь разорвано в клочья, и мозг утратил свежесть и ясновидение. Оказывается, не такова жизнь: сырые силы природы рвут душу человека так же, как рвет искусственный огонь миры, примостившиеся в парах бензина.

— Неужели нет спасения? Чепуха — неси свою жизнь, как бурю, от которой отступят все земные ветры. Смерть? Нет, пусть меня раздавит неодолимое — или я одолею все видимое и невидимое.

Крейцкопф встал, утерся грязным платком и пошел в Научно-технический комитет Республики. Он не верил в пользу зеленых письменных столов, знал иронию, спрятанную в ящиках

канцелярий, и глухое невежество профессоров. Но податься было некуда.

Его принял председатель комитета, инженер-путеец. Крейцкопф изложил ему свое предложение, иллюстрируя его графическими материалами. Предложение касалось некоего транспортного орудия, способного перемещаться во всякой газовой среде: в атмосфере и вне атмосферы. Металлический шар, начиненный полезным грузом, укреплялся на диске, стационарно установленном на земле. Шар укреплялся на периферии диска; сам диск имел либо горизонтальное земной поверхности положение, либо наклонное, либо вертикальное,— в зависимости от того, куда посылался снаряд: на земную станцию или на другую планету. Диску давалось достаточное, для достижения снарядом станции назначения, вращение; по достижении диском необходимого числа оборотов, в нужном положении диска, совпадающем с направлением линии полета, шар автоматом отцеплялся от диска и улетал по касательной к диску. Все совершалось по формуле центробежной силы, включив в нее коэффициент сопротивления среды. Безопасный спуск снаряда на землю (или на другую планету) обеспечивался автоматами на самом снаряде: при приближении к твердой поверхности замыкался в автомате ток и сжигалось некоторое количество взрывчатого вещества в направлении обратном полету,— этим достигалось торможение полета, и падение превращалось в плавный безопасный спуск. Взлет снаряда также был безопасен и плавен, так как скорость кидающего диска начиналась с нуля.

Во всем изобретении был скопирован камешек мальчика, который летит, брошенный слабой рукой. А тут был не камешек, а «кирпич» с тугою начинкой — коммерческим грузом или пассажирами, все равно.

Крейцкопф предложил пустить первый снаряд по такому пути, чтобы он описал кривую вокруг Луны, близ ее поверхности, и снова вернулся на Землю. В «кирпиче» будут установлены все необходимые аппараты, автоматически запечатлевающие в межпланетном пространстве и близ Луны температуру, силу тяготения, общее состояние среды, строение электромагнитной сферы; наконец, автоматические киноаппараты воспримут все, что несется мимо снаряда, и оставят ленты. Конечно, в конструкции всех этих аппаратов должно быть принято во внимание мчащееся состояние «кирпича».

Крейцкопф руководился тайной мыслью: человек порочен потому, что народонаселения на земле много,— в давке, в тесно-

те, у иссыхающих питательных жил земли проходят дни неповторимой жизни, и отсюда — скука, дикость души и скользкая тропа под ногами; отсюда — не до любви, не до счастья: лишь бы продержаться сумму кратких лет. Крейцкопф надеялся открыть на соседних планетах новые, девственные источники питания для земной жизни, провести от этих источников рукава на земной шар — и ими рассовать зло, тягость и тесноту человеческой жизни. И когда откроются безмерные недра чужого звездного дара — человек зануждается только в человеке, а не в вещи и не в пище и питье.

Тогда, сокровенно знал Крейцкопф, любовь будет возможной, любовь станет тогда в человеке единственной скупостью и прочным достоянием; и притом, любовь будет одной у человека, и не пройдет, и не повторится на другой, до последнего часа у руки любимой. Любовь конкретна и индивидуальна, поэтому она разное чувство у каждого. Она не закон природы, а нарушение его, не общий признак, а отличие, такое отличие, что любящее и любимое человечество будет драгоценной коллекцией разных минералов, ломающих в себе лучи зенитного солнца каждый по-своему, а вместе — чудесней радуги.

— Урожай у нас ожидается хороший,— выслушав, в раздумье сказал председатель Комитета,— промышленность налажена, идет новое строительство... Да, пожалуй, денег просить можно. Сколько у вас требуется по смете? Шестьсот тысяч. Хорошо. Только необходимо весь вопрос поставить перед пленумом Комитета, добиться положительного заключения пленума и тогда уже войти с представлением в правительство... Пленум Комитета у нас соберется... сегодня вторник... в пятницу. Я лично сторонник вашего предложения. В расчетах, насколько я уловил, нет ошибки. Так вы в пятницу свободны?

— Я в вашем распоряжении,— ответил Крейцкопф.

— Хорошо. Так до пятницы. Будьте здоровы.

— До свидания.

Крейцкопф ушел. Он не ожидал такого внимательного отношения. Да, но что делать до пятницы, три дня, и где взять еды?

Город неизменно бунтовал жизнью и делом. Был полдень и знойное лето. Крейцкопф купил дешевую газету. Начал с объявлений. «...Требуется инженер... в отъезд... в отъезд...» Нету ничего нужного. Вот: «Требуется конструктор... генераторов...» Не знает детально Крейцкопф этой отрасли. Еще: «Нужен временно гонщик для испытания автомобильных моторов новых конст-

рукций на динамику...» Это идет: Крейцкопф имел два автомобиля — подарки жены в первый год их жизни — ездить умел отлично и любил это занятие.

Крейцкопфа приняли и дали жалованья, к его удивлению, больше, чем он получал в копях. Предложили прийти в среду с утра на работу в гараж. Крейцкопф заметил, что экзаменовал его технически неграмотный человек. Это его не касалось.

Вечер и ночь Крейцкопф просидел в парке на одном месте. Думы о прошлом терзали его. Он видел, как чужие волосатые руки обнимают оставшиеся девичьими груди Эрны. И Крейцкопф не знал что ему делать. Он прохаживался и возвращался снова. Стало прохладно. Мимо еще ходили проститутки и в желтом рассвете, смешанном с электрическим сиянием, улыбались, как трупы.

— Теперь они уснули,— подумал Крейцкопф,— теперь они устали и проснутся не ранее полудня. И я до двенадцати часов успокоюсь. И ветер ведь волнуется, и я взволнован, иначе не бывает на земле. Может быть, на Веге, на Луне другое... Посмотрим когда-нибудь...

Крейцкопф пошел в гараж, на место новой службы. Гараж был открыт, но не было заведующего. Разгоралось утро. Была окраина города. Крейцкопф курил и боролся со сном.

Наконец пришел заведующий, и Крейцкопфу дали машину: с виду похожа на тип девяностосильных Испано-Суиза, но было в ней что-то иное: диаметр колес увеличен и радиатор полукруглый. Мотор был запломбирован. В отдельном ящике, тоже на пломбе, стояли все нужные саморегистрирующие приборы.

Крейцкопф выехал. Машина ступала мягко и тянула бешено, несмотря на неразогретый мотор. Вместо пассажиров был положен мертвый груз.

Крейцкопфу дали задание: «Сделайте сегодня до обеда 300 километров по счетчику и возвращайтесь после этой дистанции».

Шоссе лежало пустым, Крейцкопф воткнул четвертую скорость, дал газ до отказа и полетел кирпичом. Тахометр показывал 104 километра. Но мотор разогревался и усиливал тягу. 118 километров. Мимо свирепствовал ветер в это тихое утро. Кругом распласталась природа. Вдалеке дымились трубы крематория, там гибнут остатки людей.

Успокоенный, забывший горе своего сердца, Крейцкопф наращивал скорость. 143 километра. Дорога безлюдна, мертво наше прошлое, а навстречу — ветер, путь и восходящая стрелка измерителя скорости.

Вдруг показалась корова. Крейцкопф срулил мимо без тормоза. Дальше шел небольшой поворот, машину немного занесло от скорости. Крейцкопф выключил конус и в метре от машины заметил лохматую голову.

Крейцкопф рванул налево руль и повел ручным тормозом до отказа. Машина затряслась, запылила вывернутая мостовая, но ребенка ударило правым фонарем, и голова его расселась по материнским швам. Туча черной крови залила его легкую летнюю одежду, неповрежденные глаза полуприкрылись длинными ресницами, и пухлые нетронутые губы сложились бантиком, который теперь никогда не развяжется.

Крейцкопф оледенел от рвущего тело страдания, он крикнул одичавшим сердцем и лег на труп ребенка, рыдая, терзаясь и борясь с обступившей его темнотой последнего отчаяния. Кругом было молчаливо, мотор потух, и город вдали ровно шумел.

Крейцкопф встал, поднял на руки ребенка и положил его в автомобиль. Это был мальчик, на фуражке его было написано «Океан», кровь запеклась и остановилась, ему было лет пять.

Крейцкопф тронул машину и тихо поехал, ища глазами мать, обходя выбоинки, чтобы не трясти мальчика. Но не было никого. И Крейцкопф погнался, сбросив фуражку, резко подкидывая стрелку тахометра,— и слезы текли по его лицу, смешанные с пылью, грязными струями. Он опять рыдал, налегая грудью на руль. Труп ребенка свалился с сидений на пол и там шевелился от тряски.

Крейцкопф свернул на проселок и скоро остановил машину. У межевого столба была яма. Он слез туда с ребенком и положил его в готовую могилу. Личико ребенка уже сморщилось, не совсем прикрытые глаза побелели и закатились. Крейцкопф набрал воды из радиатора и обмыл его начисто, потом тихо поцеловал в чистые губы, и горячие слезы снова омыли его лицо.

— Я тебя не забуду никогда, милый, теплый ты мой... Я переверну все и отомщу за тебя,— шептал Крейцкопф, и горе горело в нем костром.

Он отрезал пучок светлых волос и взял их себе вместе с шапочкой «Океан», потом засыпал могилу автомобильным инструментом. Засыпав яму, он затосковал по мальчику так, что хотел его откопать.

— Я искуплю тебя,— прошептал он и пошел к машине.— Что Эрна, что моя ревность?! Тут будет теперь моя вечная привязанность и моя верная нежность...

Крейцкопф заметил местность могилы и поехал. Он ехал медленно, стихнув сердцем, прижимая рукой к рулю круглую шапочку «Океан» с прядью тонких русых волос.

Вернувшись в гараж, Крейцкопф взял аванс под жалованье и ушел в город. Он купил вечернюю газету, желая найти имя мальчика, и нашел его: «Родители умоляют... ушел из дома в шесть утра... звать Гога... четыре с половиной года, русский, очень ласковый, фуражечка с надписью “Океан”... свекловичное хозяйство Ромпа... директору Фемм...»

— Гога Фемм, — шептал Крейцкопф, сидя в темноте кино. — Но что же мне делать, ведь мать его умрет.

II

Пришла пятница, Крейцкопф защищал в Центральном научно-техническом комитете свой проект и защитил его. Он спорил и бился отчаянно, и мертвый мальчик был в его памяти.

Проект получил визу Комитета и пошел в правительство. Не раньше, чем через месяц, станет известным результат.

Крейцкопф по-прежнему обкатывал машины, убивая вечера в кино и в бесцельных шатаниях по кипящим улицам.

Раз он получил письмо от Эрны, каким-то путем узнавшей его адрес: «Петер, мы с мужем уезжаем до Нового года в Брюссель. Хотела бы иногда тебя видеть как друга. Прошлого не изгладишь сразу, чувство не издается дважды равноценно. Мы будем в столице с 20 по 25 августа; жить будем в “Майоне”, где жили когда-то мы с тобой. Я слышала, ты не очень счастлив, служишь шофером; с твоего разрешения, я могу попросить мужа устранить препятствия, мешающие твоей карьере. Ведь ты чрезвычайно одаренный человек, я-то знаю. Отвечай мне в Карбо-морт. Эрна».

Крейцкопф ничего, конечно, ей не ответил.

Шли недели. Крейцкопфа ценили на новой службе, и раз он участвовал в официальных гонках, где выиграл второй приз.

Наконец его вызвал Комитет: из правительства пришел ответ — деньги по смете будут отпущены в два года равными долями, к работам можно приступать, все результаты исследования межпланетного пути и Луны поступают в собственность правительства.

Крейцкопф ликовал. Он съездил на могилу мальчика, где увидел, что холм порос лебедой, что поле глухо, что сердце его

обрастает салом забвения. Дорогой он плакал и рвал сухие колосья. Однако, не имея никого близких, не зная друга, он дал телеграмму в Брюссель: «Эрна, “кирпич” будет брошен через два года, строю».

Эрна ответила: «Радуюсь, жму крепко руку».

Всю жизнь не видел Крейцкопф такой удачи и не мог сдерживать себя: он пел в своей комнате странным голосом путанные песни и ходил в пивную с шоферами.

III

Началась постройка. На плацдарме открытом всему небу бугрили фундамент под электромотор в 120 тысяч лошадиных сил, под трансмиссионное устройство и под опорный подшипник — подпятник кидającego диска. Одновременно велось ответвление от ближайшей магистрали высокого напряжения для питания электродвигателя и ставился трансформатор.

Крейцкопф был вне себя от энергии, кипевшей в нем, как в паровозе. Он бы построил всю систему сооружений для развития в «кирпиче» летной живой силы в полгода, но план финансирования был растянут на два года.

Самый снаряд строился машиностроительным трестом «Монте-Монд» и должен быть готовым через пять месяцев.

Но черный случай шел вслед Крейцкопфу: при взрывных работах в котловане опорного подшипника сорок рабочих, из них пять лучших в стране специалистов, были убиты электрическим током, как констатировала комиссия. Но тока жизнеопасного напряжения на месте работ не было. Это точно установила техническая экспертиза. Однако сорок трупов были обернуты в грубое полотно и отвезены к семьям на пяти грузовиках.

Работа остановилась. Крейцкопф молчал и не предпринимал никаких шагов снова наладить постройку. В нем физически явственно разрушалось сердце: он нечаянно умертвил рабочих. Крейцкопф раньше пробовал свой метод в копях, правда, в отсутствие людей,— горные породы превращались в тонкий прах.

Метод состоял в том, что в материю, подлежащую превращению из минерала в пыль, направлялись электромагнитные волны таких периодов и такой длины, что они совпадали с естественным колебанием электронов атомов материи; эти искусственные волны раскачивали, усиливали электронный пульс ато-

мов, и атом разрывался, частью превращаясь в неизвестный неощутимый газ, частью в легкую пудру.

Зная теоретически точно безвредность электромагнитных волн такой структуры для человека, Крейцкопф, не говоря слова, пустил в действие свой аппарат в направлении котлована. И он посеял густую смерть и глине котлована, и живым организмам.

Странно, что следователь не обнаружил в Крейцкопфе преступника: его томящееся сердце было видно на его лице и в его бледных глазах.

Работы возобновились, но шли тихо, и Крейцкопф не торопил производителей работ. Но скоро снова вышла заминка, где Крейцкопф был ни при чем: в финансовой части работ обнаружилось крупнейшее хищение, кассир и начальник части скрылись. Крейцкопфа обвинили в административной халатности и даже в соучастии, по какому-то грязному доносу. Крейцкопф не защищался. Работы законсервировали, правительство назначило Особую техническую комиссию для пересмотра всего проекта, а Крейцкопф был судим и приговорен к одиночному заключению на год.

Очутившись в серой камере, Крейцкопф опомнился. Долгие недели он лежал на койке и думал. Лето догорало, падал лист, Эрн была в Брюсселе, Гога Фемм в могиле, те сорок тоже гнили в земле. Впереди одна мертвая мечта — лунный полет.

Крейцкопф заболел, случайно и несоответственно, какой-то внутренней кишечной болезнью. Его перевели в тюремную больницу. Неслышно, в тупляках, по опавшим листьям, ступала осень в природе.

Выздоровливая, Крейцкопф гулял по коридору на третьем этаже больницы. Коридор кончался открытым окном в тихий парк; там пели поздние птицы; атмосфера лежала дорогой на Луну.

Крейцкопф подошел к раскрытому окну и долго рассматривал тающий сумеречный воздух и агонию растительного мира, потом сразу, без разбега, кинулся в окно. Его тюремная камилавка слетела с головы, а халат накрыл и его и часового, на которого упал Крейцкопф. Вонзившись в неожиданное мягкое тело, Крейцкопф захлебнулся своей кровью, хлынувшей из треснувших легких, но понял, что остался жив. Часовой лежал под ним мертвым, с ногами, упертыми в собственный лоб, сломанный пополам в седалище.

Крейцкопфа осудили вновь за побег, за убийство солдата и приговорили к восьми годам, по совокупности с прежним пре-

ступлением. Крейцкопф не мог доказать, что он искал не вольной жизни, а тесной могилы.

Время стало мутным и неистошимым: шли дни, как годы, шли недели, медленно, как поколения. Крейцкопф был обречен. Он выработал искусство — не думать, не чувствовать, не считать времени, не надеяться, почти не жить: было легче на одну нитку.

Ассоциация инженеров его страны запросила правительство о возможности дострочного освобождения Крейцкопфа для продолжения постройки «кирпича». Правительство предложило подождать заключения Особой технической комиссии по пересмотру проекта в целом.

Лег снег. Крейцкопф разлагал в себе мозг, мертвел и дичал. Особая комиссия закончила свои работы: проект верен, и, если «кирпич» не встретит на пути к Луне блуждающих метеоритов, снаряд способен достичь лунной периферии и возвратиться; предвидеть же все случайности межпланетного пути абсолютно невозможно. Особая комиссия позволила себе вынести мнение о Крейцкопфе как человеке исключительного технического творческого дара.

Правительство согласилось освободить Крейцкопфа под поручительство Ассоциации инженеров. Страна удовлетворилась решением правительства: все считали, что в Крейцкопфе редкий гений соединен со страшным антисоциальным существом: вором, убийцей и темным бродягой. Но все же дать ему кончить лунный снаряд следует,— так думали все порядочные граждане всех городов и поселений страны. Общественным мнением руководило не сострадание, а любопытство.

Крейцкопфа выпустили. Он долго приспособливался и трудно вспоминал когда-то привычное.

Работы возобновились. Крейцкопф вел теперь узкотехническую, конструкторскую работу. Главным инженером было другое лицо — инженер-электрик Нимт, второй муж Эрны. Нимт вошел в доверие правительства и Ассоциации инженеров и теперь делал карьеру на модном деле Крейцкопфа.

Крейцкопф не имел способности правильно и с тактом относиться к окружающим вещам. Он отнесся ко всем переменам равнодушно: его теперь мало интересовало дело лунных изысканий, он вел свою работу ровно, усердно и автоматически. В нем развилась сонливость, и он все неслужебные часы спал дома один. Одиночество после тюрьмы стало его страстью, и он тяготился людьми на службе и не бывал в городе. Нимт вел себя с ним корректно, но оставался чужим и неясным.

Эрны на постройке не было ни разу — Нимт и она жили в городе.

Снаряд был готов. Долго не удавалась совершенно точная установка метательного диска: диск должен быть установлен под некоторым углом к геометрической поверхности земного шара, и этот угол должен быть соблюден с предельной тщательностью: угол наклона диска определял путь полета «кирпича».

Весной работы были приостановлены на пять месяцев: надо было дожидаться нового бюджетного года и второй половины кредитов, ибо средства этого года были исчерпаны.

Нимт уехал с Эрной за границу, в Киссинген. Крейцкопф получил отпуск на все время до возобновления работ с сохранением содержания.

Он поехал на знаменитые электрометаллургические заводы в Стуасепте. Его интересовали опыты этих заводов по извлечению глубоких железных руд в предгорьях Алдагана.

Правление заводов дало Крейцкопфу рекомендательное письмо к главному инженеру на Алдаган, и он отправился. Ехать нужно было четыре тысячи километров. Крейцкопф поехал по железной дороге. Поезд вел не паровоз, а газовоз, сменивший собою недолго поживший тепловоз. Газовоз представлял собою газовый двигатель на колесах. Все нижнее ходовое устройство было, как у паровоза, но в цилиндрах работал не пар, а сжатый воздух: передача энергии газогенераторного двигателя к ведущим колесам была пневматическая. Газовоз был самый дешевый транспортный двигатель: он работал на газе каменного угля, дров, торфа, соломы, сланца, бурых малогорючих углей и на всех тлеющих отбросах, из которых только можно выгнать силовой газ. Газовоз возил с собою на прицепке два вагона-аккумулятора, где в сильно сжатом состоянии помещался газ, которым питался двигатель газовоза. Через каждые 300–400 километров стояли маленькие газовые заводы, которые производили газ из местного подножного дешевого топлива. С этих заводов забирали газ газовозы, как раньше паровозы забирали воду из водонапорных баков водокачек.

Против паровоза газовоз вез дешевле в четыре раза.

Крейцкопфа заинтересовали эти быстро вошедшие в транспорт машины, и он с радостью наблюдал из окна, как бодро и мощно берут газовозы крутые подъемы без всякой потери скорости.

Уже год минул с тех пор, как Крейцкопф приехал в первый раз в столицу. Стояло новое лето. Зной гудел в полевых про-

Гигантские массы руды с завыванием в грохотом прорыла оболочку земли, вылетали из недр с горячим ветром, накаленные трением, и, подпрыгнув на сотни метров, падали на землю, слегка зарываясь... Было что-то чудовищное и неестественное в том, что из-под земли вылетал металл на зон электромагнита.

Иллюстрация к рассказу «Лунная бомба» в журн. «Всемирный следопыт» (1926 г.)

странствах — жуткий труд сельского хозяина упорно боролся с ним за влажность трав, за сытость плотных городов, а также за лунный полет.

Крейцкопф заметно поседел, состарился и потерял детское любопытство к ненужным вещам. Он чувствовал, что идет на убыль, — еще осталось немного лет, и скроется от него жизнь, как редчайшее событие.

Крейцкопф хотел бы друга, задушевного негромкого разговора и простой жмущей теплоты, невнятно говорящей о ответственности и сочувствии людей друг к другу. Но он жил в сумрачном сне, его уважали и его чуждались. Его считали необыкновенным — и в гении и в преступлении, а Крейцкопф был обычным и простым человеком: ему были чужды и ненавистны отвлеченности и холодные вершины. Он любил горячее действие, а не вышнее созерцание, хотя знал ценность отъединенной мысли, в беспощадности кусающей свой хвост.

На вторые сутки поезд вошел в страну страшных подъемов и уклонов — это предгорья великой Алдаганской системы, поднявшейся из глубин тропического моря и исчезающей в ледяных пучинах Арктического океана.

Станция Стуасепт — и в километре от нее столица металлургии: директория железорудной промышленности, горная академия, правление электрометаллургических заводов и гидроэлектрическая силовая установка в миллион киловатт. Прочно стояла эта новая человеческая беспримерная природа.

Крейцкопф сразу поехал на место работ по извлечению глубоких руд. Администрация работ встретила его просто и задушевно: горные инженеры имели перед собой первоклассного техника другой области практики, и только.

Известно, что добывание железной руды с трехсотметровой глубины не может экономически оправдываться, здесь же опытным путем хотели доказать иное. Электромагниты, питаемые током в сотни тысяч лошадиных сил от гидравлической установки, были направлены полюсами в подземные районы залегания железных руд. Гигантские массивы руды с завыванием и грохотом, похожим на землетрясение, прорывали оболочку земли и вылетали на дневную поверхность, стремясь к полюсу электромагнита. В момент разрыва рудой последнего почвенного покрова особым автоматом в электромагните прерывался ток и сам электромагнит отводился в сторону. И глыбы руды вырывались из недр с горячим ветром, накаленные до бордового цвета трением о встречные породы, и, взлетев на сотню саженей, падали на мате-

ринскую землю, слегка зарываясь. Лебедка-самоход поднимала куски руды щипцовым ковшом, окунала в пруд для охлаждения и подвозила к конвейеру. Конвейер подавал руду к домнам.

Несмотря на огромную силу, нужную, чтобы вырвать руду из недр электромагнитом, сила эта тратилась лишь несколько мгновений, и потом — электромагниты питались током, добытым из энергии падающей подпертой воды, поэтому глубокая руда обходилась не дороже мелкозалегающей руды, добываемой обычным способом. И было что-то чудовищное и неестественное в том, что из-под земли вылетал металл, скрежеща и тоскуя на пути.

Вечером Крейцкопф обедал у одного производителя работ по магнитной добыче руды, инженера Скорба. Пожилой спокойный человек, один из конструкторов мощных добывающих электромагнитов, Скорб имел тихий нрав и лютую работоспособность. Скорб был одинокий: его семья — жена и две дочки — утонули в весеннем паводке горной реки двадцать лет назад. Скорб потом отомстил этой реке — он построил на ней регуляционные сооружения, сделавшие невозможными никакие паводки. Старший же брат Скорба, страстно им любимый, погиб на знаменитой железнодорожной Кукуевской катастрофе. И с тех пор Скорб существует один, если не считать тысячу электриков, слесарей, монтеров и горнорабочих, сплошных друзей Скорба.

Ночью, когда заснули и Скорб, и Крейцкопф, к ним постучали. Телеграмма Крейцкопфу: «Эрна получила смертельные ушибы случайной уличной катастрофе. Если вам она дорога, рад буду видеть вас. Нимт».

Крейцкопф не знал, что ему ответить, — и никак не ответил. Эрна была ему дорога, как в первый день встречи, но он не верил, что счастье человека возможно в той суете, тесноте и толкотне, какие есть на земном шаре.

Нельзя сохранить такое нежное устройство как любовь под кирпичами случаев и под червем забот: история несется и так трясет пассажиров, что у них головы отрываются.

Расцвело утро. Скорб сопел во сне, Крейцкопф глядел в окно — в горный яснеющий сумрак. Руда трясла землю и колола воздух резкими артиллерийскими ударами.

Крейцкопф не очень страдал: еще в тюрьме он отучился от этого. Но вернее, его отучила страдать жизнь, долго бывшая его по одному месту, так что это место покрылось шершавой кожей, как пятка, и поэтому никакой гвоздь не берет теперь сердце Крейцкопфа.

Утром Скорб и Крейцкопф поели рыбы и собирались уходить. Крейцкопфу принесли вторую телеграмму: «Смертельная опасность миновала, Эрна останется только искалеченной. Прощу прощения за беспокойство. Нимт». Крейцкопф долго думал, что же ответить Нимту, молчать было явно неудобно,— это подтвердил и Скорб. И Крейцкопф ответил коротко, но внимательно: «Прощаю беспокойство. Жене вашей Эрне желаю здоровья. Крейцкопф».

Через час Крейцкопф уехал в столицу.

Снова зачихал газовоз и забормотали колеса. Пышное лето плыло в вечном сиянии солнца, а за спиной Крейцкопфа целовались супруги, и Крейцкопф нарочно долго не оборачивался, давая им волю.

Приехав домой, на мертвую постройку, Крейцкопф не знал, чем ему заняться: до начала работ оставалось не менее четырех месяцев.

И он нечаянно занялся чтением: купил раз книжку в шатре у древней стены, пришел домой, зажег свет, открыл книгу, а там значилось:

Я родня траве и зверю
И сгорающей звезде,
Твоему дыханью верю
И вечерней высоте...

Дальше шли скучные слова, а потом опять:

Я не мудрый, а влюбленный,
Не надеюсь, а молю.
Я теперь за все прощенный,
Я не знаю, а люблю.

Кончалась книжка словами мудрой печали:

И неустанно ищет смерть того,
Кто слишком резко движется во мраке...

Очарование смутной мысли — мысли, смешанной с горячим и скорбным чувством, охватило всего Крейцкопфа. И он читал и читал, пока комната стала желтой от зари и электричества. Он подкупил днем еще десятка полтора дешевых книг, заинтересовавшись лишь словами названия книг, это были: «Путешествие в

смадном газе» Бурбара, «Человек, сыпящий песок и гравий» Овражина, «Голубые дороги» Вогулова, «Зенитное время» Шотта, «Антропоморфная революция» Зага-Заггера, «Лунный огонь» Феррента, «Отродье кузнеца» — три тома Мархуда, «Бабе в Бабеле» — исследование Кеггерта, «Антисексус» Беркмана, «Социальное зодчество» Далдонова, «Тряска Смерти» Иоганна Бурса, «Толстый человек» Кермана-Каримана, «Всегда ли была и будет История и что она такое наконец и в самом деле?» — философия Горгонда, и множество других книг.

Крейцкопфа поразил книжный мир: он никогда не имел времени для чтения. И он мыл и промывал свой мозг, затесненный узким страданием, однообразным трудом и глухою тоскою. Он увидел совсем новых людей — мрачных, горячих, подводных, ревущих страстью и восторгом, гибнущих в просторе мысли, торжествующих на квадратном метре в каменной нише в стене, отдающих любимую за странствие, ищущих праведную землю и находящихся пустыню, бредущих по песку и набредающих на воду, гору и животворное дерево, уходящих в страны изуверов, меняющих тепло дома на ветер ночного пути...

Люди шли перед Крейцкопфом не как толпа, а как странники, нищие, как бродяги, бредущие зря с туманными глазами. Крейцкопф отметил: литература, это учение о людях, не знает счастья, а самое счастье, где оно есть, лишь предсказывает близкую беду и землетрясение души.

— История, конечно, есть дорога, а в дороге всегда неудобство и ожидание конца путешествия, — разгадывал книги Крейцкопф. — Люди, наверное, доедут до своей станции... А зачем же они поехали тогда? Они не поехали, их выбил из наилучшего состояния катаклизм природы, они потеряли равновесие в отношении к природе, и теперь вновь домогаются его — вот история людей...

В стране Крейцкопфа уже собирали урожай. Горела солома в топках локомотивов в полях и молотила хлеб. Падал лист с деревьев, и его жевали козы. Глотали ягоды змеи, и на деревьях от них трепетали птицы. Множество детей народилось от урожая, и появились хорошие писатели. Строились фабрики тонких сукон, и заготавливались на зиму впрок фрукты и овощ. Люди явно поспешали.

Настал новый бюджетный год. Управлению строительства лунного полета отпустили вторую половину сметной стоимости работ.

Крейцкопф, Нимт и пятьсот мастеровых занялись делом.

Недели за неделями шли в истощающем труде,— труде, где требовалась сверхчеловеческая точность и где от каждой нитки гаечной резьбы зависело завоевание Луны.

Эрну однажды Нимт привозил на работы. Она была без ног, и мутные глаза ее смотрели бессмысленно: расколотый череп ей скрепили, но ее тонкий и острый разум рассеялся через щели разбитого черепа. Лицо Эрны было в синих шрамах, редкие волосы поседелели, и она равнодушно глядела в лицо Крейцкопфа. Она налетела в своем автомобиле на автобус.

— Петер,— сказала Эрна,— а помнишь, в Карбоморте мы любили в заросшей канаве ловить ящериц? Помнишь еще, как мы спали на узкой кровати и нам было так жарко летом, что ты уходил спать под кровать и оттуда рассказывал мне про то, что человек неустойчивое существо и скоро должен появиться на свете более одаренный организм, но ему мешает народиться собственность и классовое общество...

Эрна еще не все утратила. Какая-то часть ее мозга была жива и увеличивала ее страдания.

— Ты знаешь, Петер, меня муж любит больше тебя. Он ласковой и всегда со мной, а ты бы меня давно оставил...

Крейцкопф пошел:

— До свиданья, Эрна. Приезжай еще, когда тебе будет скучно дома.

— Прощай, Петер. Ты тоже не скучай.

IV

Кидающий диск был закончен. Снаряд был давно готов. Электродвигатель, передачу и все измерители и автоматы установили.

Осталось оборудовать самый снаряд всеми приборами наблюдения и фиксации.

Это пошло быстро. Построечное управление было ликвидировано и заменено Научным бюро лунных изысканий. Во главе его стал известный астрофизик академик Лесюрен, а Нимт остался его заместителем по технической части. Крейцкопф значился по-прежнему конструктором.

Временем отлета Бюро установило 19–20 марта, точная астрономическая полночь. В это время Луна находилась в наилучшем для прицела положении. В полночь 19–20 марта автомат отцепит снаряд от вращающегося диска — и «кирпич» уле-

тит в окрестности Луны, а через 81 час возвратится вновь на Землю и сядет близ города Коро-Коротанга.

Газеты, эти провокаторы жизни, писали о полете такие подробности, что и Лесюрен, и Нимт сначала усердно помещали поправки информационных сообщений печати, а потом бросили: газеты вовсе не созданы для новостей и точной информации, они — привычка людей, некое курице утомленного мозга.

На место отправления «кирпича» съезжался мир. Правительство не хотело лишних затрат и ограничилось постройкой огромного цирка вокруг летающего диска: эти расходы оправдаются в одну ночь отлета. Да и ничего не было необычайного в полете на Луну, говоря по существу. Металлический камень полетит, брошенный, как всякий камень, но лишь в обратном падении направлении.

Крейцкопф задумался. Истекло 10 марта: день полета близок. Если прибавить в «кирпич» аппараты для производства кислорода и поглощения углекислоты, то можно лететь и человеку; ведь и полет будет длиться всего 81 час.

Крейцкопф написал заявление в Научное бюро лунных изысканий о своем желании лететь к Луне в «кирпиче» и подробно изложил пользу делу от такого дополнительного оборудования «кирпича» живым человеком, указав на это как на насущную необходимость для обеспечения успеха всего предприятия.

Бюро переслало заявление Крейцкопфа правительству, то отказало. Крейцкопф написал второе заявление: «Правительством не был куплен у меня патент на изобретение “кирпича”, детали конструкции до сих пор известны только мне, Крейцкопфу, я не даю согласия на пуск моего изобретения в действие, да без меня и практически его не сумеют как следует пустить в ход; Крейцкопф, отказываюсь также от всякого денежного вознаграждения на любую сумму,— я заменяю свое вознаграждение возможностью лететь в “кирпиче”». По существующим патентным законам этой страны Крейцкопф был совершенно прав — он создал безвыходное положение для правительства, и оно решило ему сесть в «кирпич». Кроме того, Крейцкопф был социально бесполезным, даже вредным, элементом, исключая дело «кирпича», и то неизвестно — будет ли толк какой из этого предприятия.

Известие о полете Крейцкопфа в «кирпиче» поразило общество. Но потом решили: эффектный жест самоубийцы.

19 марта в 8 часов вечера Крейцкопф сел в «кирпич», посадка его и укупорка всего снаряда была исполнена в мастерских,

после чего снаряд сразу был подан на диск. Этим действием Крейцкопф отвел от себя внимание публики. В 10 часов весь цирк вплоть до последних амфитеатров был полон. Наблюдалось обычное скопище читателей, зрителей, служащих, корреспондентов, нелепых женщин, знаменитостей — всей пассивной массы истории, живущей в ее животе, всех экскрементов, оплодотворяющих века и эры.

Было пышное освещение, музыка, продавали воды, квас и мороженое, дежурили таксомоторы, — обычное окружение редкого события: этой дикой обстановки никто уничтожить не может.

За три минуты до точной полуночи диску дали обороты. Электродвигатель ревел, пять гигантских вентиляторов прогоняли сквозь гудящий, греющийся ротор целые облака холодного воздуха — и воздух вылетал оттуда сухим, жестким и раскаленным, как смерч пустыни. Масло в аппаратах охлаждалось ледяными струями из центробежных насосов, и все же едкий дым стоял вокруг диска и всего сооружения: подшипники грелись сверх меры, масло горело во льду.

Диск, несмотря на точную установку и совершенный монтаж, грохотал, как канонада и извержение вулкана: так велико было число его оборотов. Периферия диска дымилась — она горела от трения о воздух. Нимт холодел от ужаса — малейший отказ ничтожного автомата в этот миг повлечет неслыханную катастрофу: диск работает в окружении сотен тысяч живых людей. Измеритель показывал уже нужное для полета число оборотов: 946 тысяч в секунду. До отрыва снаряда от диска оставалось полсекунды. Астрономические часы автоматически на 24 часа замкнул ток, управляющий автоматом на диске. Этот автомат освободит от диска «кирпич» — и он полетит за счет живой силы, накопленной им в бытность на диске.

Нимт закрепил регулятор числа оборотов: необходимая вычисленная скорость дана.

Сразу засияли на плацдарме солнечные прожекторы: сигнал, что «кирпич» улетел. Мига отлета никто не заметил: начальная скорость полета снаряда была непостижимо велика, и этот разлом природы техническим гением человека не поддается чувству.

Диск продолжал вращаться по инерции, уже разомкнутый Нимтом от ведущей муфты. Только через четыре часа удалось его остановить, применив всю силу мертвой хватки магнитных тормозов.

Из зрителей оглохло около пятнадцати тысяч человек, еще у десяти тысяч произошли какие-то нервные контузии: никто не

ожидал увидеть в форме технического сооружения дикую, страстную стихию, ревушую, как светопреставление.

Эрны не было: она лежала в больнице, умирая от рецидива мозгового сотрясения. Слыша шум работающего диска (его слышал весь город), она прощалась и с собой, и с Петером, со всеми грядущими новостями мира и в последний раз поражалась чудом жизни.

Утром она увидела бледного мужа, истомленного страшным напряжением. Нимт остался в больнице и уснул на полу.

На «кирпиче» было установлено радио особой конструкции. По этому радио должны получаться от Крейцкопфа ежечасные, примерно (Крейцкопф не мог иметь часов), сообщения, и по волне же этого радиоаппарата можно с земли определять межпланетное положение «кирпича».

Всю информацию от Крейцкопфа получало Бюро лунных изысканий в лице Лесюрена, и им же лично производились все расчеты по положению «кирпича», и осуществлялась вся слежка за ним.

Журналисты зарабатывали на экстренных выпусках и превращали деньги в пиво. Однако в первый же день после отлета одна газета дала статью о Крейцкопфе — «В поисках могиль», где обрекались на гибель и «кирпич» и Крейцкопф.

Вот сообщения Крейцкопфа по порядку.

1. «Нечего сообщить. Приборы показывают угольное небо. Звезды неимоверной силы света. Было слабое трение снаряда обо что-то: приборы не обнаружили причину. Чувствую свободу. Читаю случайную книгу из кармана — “Барский двор” Андрея Новикова, интересное сочинение.»

2. «Мимо снаряда прошло много синего пламени. Причин не имею. Температура не повысилась.»

3. «Полет продолжается. Никакого движения, конечно, не чувствую. Приборы, аппараты, автоматы исправны. Передайте привет Скорбу на Алдаган.»

4. «Испортился киноприемник. Починил. Кончил чтение. На снаряд падает Луна. Мелкий болид пронесся параллельно снаряду в одном направлении. Снаряд его обогнал. Разглядел густую и гармоническую жизнь на нем.»

5. «Снаряд идет резкими толчками. Странные силы скручивают его путь, бросают по ухабам и заставляют сильно нагреваться, хотя кругом должен быть эфир.»

6. «Толчки усиливаются. Я чувствую движение. Приборы звенят от тряски. Ландшафт вселенной похож на картины давно

умершего художника Чюрлёниса — в космическом океане кричат звезды.»

7. «Качка продолжается. Звезды физически гремят, несясь по своим путям. Конечно, их движение вызывает раздражение электромагнитной среды, а мой универсальный радиоприемник превращает волны в песни. Передайте, что я у источников земной поэзии: кое-кто догадывался на земле о звездных симфониях и, волнуясь, писал стихи. Скажите, что звездная песня существует физически. Еще передайте: здесь симфония, а не какофония. Я слышу эту музыку, вещая о ней вас. Поднимите возможно больше людей на “кирпичах” на небо — здесь дивно, страшно, тревожно и все понятно. Изобретите приемники для этого звездного звона. Передайте, пожалуйста: люди во всем ошибаются, поэтому их история бесконечна. А тут видны очам конец, зенит и торжество.»

8. «Надоело телеграфировать. Ты опротивел мне, Лесюрен. Ты ничего не понимаешь и не поймешь. Ты с толпой дураков ждешь от меня известий, я их даю, потому что я благодарен за постройку снаряда. Хотя ты его, дурень, никак не строил, но пусть читают мои известия мастеровые, Скорб и Эрна. Хотя Эрна, я здесь убедился, умерла.»

9. «Вы меня беспокоите этими письмами. Аппараты портятся. Полет спокоен — тряски нет. Половина пространства занята фиолетовыми лучами, льющимися, как влага. Что это, не знаю.»

10. «Я обнаружил: кругом электромагнитный океан. Материя — частный, временный случай его.»

11. «Нет никакой надежды на возвращение на Землю, лечу в синей заре. Приборы фиксируют напряжение среды в 800 тысяч вольт.»

12. «Луна надвигается. Напряжение 2 миллиона вольт. Мрак.»

13. «Пучина электричества. Приборы расстроились. Фантастические события. Солнце ревет, и малые кометы на бегу визжат: вы ничего не видите и не слышите через слюду атмосферы.»

14. «Тучи метеоров. По блеску — это металл, по электромагнитным влияниям — тоже. На больших метеорах горят свечи или фонари, горят мерцающим светом. Здесь я ничего не видел дрожащего.»

15. «Среда электромагнитных волн, где я нахожусь, имеет свойство возбуждать во мне мощные, неудержимые, бесконтрольные мысли. Я не могу справиться с этим нашептыванием. Я не владею больше своей головой, хотя сопротивляюсь до гус-

того пота. Но не могу думать, что хочу и о чем хочу,— я думаю постоянно о незнакомом мне, я вспоминаю события, жен, разрывы туч, лопающиеся солнца,— все я вспоминаю, как бывшее и верное, но ничего этого не было со мной. Я думаю о двух явственных субъектах, ожидающих меня на суровом бугре, где два гнилых столба, а на них замерзшее молоко. И мне ужасно и постоянно хочется шить, заниматься снабжением армии и экономить свои консервы. Я ем по рыбке, а съесть хочу акулу. Постараюсь победить эти мысли, рождающиеся из электричества и вонзающиеся в мой мозг, как вши в спящее тело.»

16. «Только что вернулся с отвесных гор, где видел мир мумий, лежащий в небрежной траве... (сигналы не поняты.— прим. Лесюрена.) Все ясно: Луна в ста километрах. Влияние ее на мозг ужасающее — я думаю не сам, а индуктируемый Луной. Предыдущего не считайте здравым. Я лежу бледным телом: Луна непрерывно меня питает всевидящим накаленным добела интеллектом. Мне кажется — мыслит и снаряд и радио бормочет внятно само собой.»

17. «Я вспомнил создание космоса с отчетливостью и живостью постройки дома моих родителей.»

18. «Луна проходит мимо в сорока километрах: пустыня, мертвый минерал и платиновый сумрак. Движусь мимо медленно, не более 50 километров в час по глазомеру.»

19. «Луна имеет сотни скважин. Из скважин выходит редкий зеленый или голубой газ... Я уже овладел собой и привык. Кончаю сообщение: сейчас очередной приступ интеллекта. Это очень жутко — уходить в ад живых воспоминаний и чувствовать блеск и глубину космических перспектив: эту волю туманности и злое раздражение Млечного пути от звездной тесноты...»

20. «Из некоторых лунных скважин газ выходит вихрем: стихия это или разум живого существа?.. Разум, наверное: Луна сплошной и чудовищный интеллект или сила его производящая.»

21. «Не могу добиться причин газовых извержений: я отдам люк снаряда и выпрыгну, мне будет лучше. Я слепну во тьме снаряда, мне надоело видеть разверстую вселенную только в глазки приборов.»

22. «Иду в газовых тучах лунных извержений. Тысячелетия прошли с момента моего отрыва от земного шара. Живы ли те, кому я сигнализирую эти слова, слышите ли вы меня?..» (с момента отлета Крейцкопфа прошло 19 часов.— прим. академика Лесюрена.)

23. «Луна не кончается. Вокруг одной скважины заметил движение какой-то круглой вещи — не могу определить: совершенно черная вещь, абсолютно круглая... Я думаю так, как думает атом, существующий зоны времен. Луна продолжается, она таинственной Сатурна.»

24. «Я, кажется, приближаюсь к Луне: наверное, снаряд теряет живую силу быстрее нашего расчета или тут вмешались электромагнитные силы Луны. Все явственней ее платиновые оазисы.»

25. «У одной скважины диаметром десять метров я вижу снова черный шар метра три в поперечнике. Это конгломерат нервов, несомненно: я вижу волокнистое строение: черный шар — обитатель лунных недр.»

26. «Совершенно ясно: Солнце никаких тепловых лучей не испускает — для них не может служить передатчиком межпланетная электромагнитная среда, эта пучина токов. Солнце испускает электромагнитные колебания и еще что-то, еще более нежное и неуловимое. Только Земля совместным сопротивлением своей сложной атмосферы и почвы превращает электромагнитную энергию Солнца в тепло. Луна же — без атмосферы, без почвы, с очевидно большим содержанием металла в недрах — непосредственно вбирает в себя токи Солнца, сложно трансформирует их внутри себя и затем испускает во внешнюю среду. Лунные токи, трансформированные из солнечного электричества, имеют способность возбуждать мозг человека и перестраивать его по-своему.»

27. «Черный шар движется под снарядом, он не касается Луны. Это не стихия, это обитатель Луны, это мозг, это затвердевшая лунная электромагнитная волна.»

28. «Шар подо мной. Снаряд снижается. Скважины излучают газ. Я не слышу больше звездного хода.»

29. «Последний раз скажите, что люди очень ошибаются: мир не совпадает с их знанием. Видите или нет вы катастрофу на Млечном пути: там шумит поперечный синий поток. Это не туманность и не звездное скопление, это нарушитель гармонии вселенной вливается ядом в ее звучащее смуглое тело.»

30. «Снаряд снижается. Я открываю люк, чтобы найти исход себе и вам. Прощайте.»

АНТИСЕКСУС

От переводчика

Ниже нами приводится текст рекламной брошюры, изданной в Нью-Йорке на 8 европейских языках «Международным промышленным обозрением» («Industriale Internationale Revu»).

Нельзя отказать в незаурядном литературно-рекламном даровании составителю этой брошюры, как нельзя отказать этому деловому сочинению в империалистическом цинизме, корректной порнографии и чудовишной пошлости, вызывающей своими размерами даже грусть. Однако есть что-то в стиле этой брошюры, что роднит ее с духом Анатоля Франса, если позволено нам будет здесь произнести это великое и честное имя. Это, отчасти, и дало нам смелость опубликовать это неслыханное произведение.

Нет лучшего документа для характеристики эпохи живого загнивания буржуазии и ее полной моральной атрофии, чем нижеприводимый.

Ничего подобного не приходилось читать даже нам — искушенным профессиональным читателям.

Ожидая всего от современных заправил капитализма, бюрократии, фашизма и военщины, давших свои отзывы рекламируемому прибору, мы все же не ожидали у них полного отсутствия ума и чувства элементарного такта.

Конечно, т. Шкловский, тонко сыронизировавший посредством формального метода надо всей этой ахинеей,— из этого правила исключается.

Оказывается, не права физиология («мозг разлагается одним из последних органов»), а права русско-большевистская поговорка: разум отнимается первым — у того, кого хочет казнить История.

Именно так: поэтому и смердит на все земное пространство от этого демонстрируемого англо-евро-американского сочинения, от этого сектора империализма.

Поэтому лучшая контр-«антисексуальная» агитация — напечатание этого любопытного документа, ибо у людей задвигаются скуля, а на лицах засияет розовый смех — лучший друг души и желудка и худший враг всего этого индустриально-морально-физиологического удушья.

АНТИСЕКСУС

Патентованные аппараты Беркман, Шотлуа и С^н Лтд.

Главное правление: Берлин — Лондон — Женева — Вашингтон.

Генеральные агентства:

Лондон, Париж, Копенгаген, Брюссель, Нью-Йорк, Варшава, Будапешт, Багдад, Пекин, Сингапур, Шанхай, Гонконг, Мельбурн, Чикаго, Франкфурт-на-Одере и на-Майне, Токио, Лиссабон, Севилья, Рим, Афины, Монтевидео, Константинополь, Ангора, Калькутта, Рио-де-Жанейро, Буэнос-Айрес, Мекка, Каир, Вифлеем, Александрия, Бангкок, Дамаск, уполномоченные на всех пассажирских судах «Гамбург—Америка линия», а также на воздушных линиях «Дерулюфт» и «Люфтганза».

Милостивые государи и государыни!

Столь различны эпохи, столь различны местоположения стран, столь различны культуры, где работает наша мировая фирма. Однако спрос на наши патентованные изделия имеется всюду — от Арктики до Антарктики, включая и эти последние, не исключая однако и диких стран меж тропиками Рака и Козе-рога.

Страсти человечества господствуют над временами, про-странствами, климатами и экономикой. Распространение нашей фирмой изделий металлообрабатывающей промышленности для удовлетворения этих страстей есть дело космического порядка — и по линии метафизики, и по линии морали.

В высшей степени симптоматично то, что, вопреки общепри-нятому мнению, кривая годового сбыта наших изделий, при рав-ных условиях экономики и числа населения, в северных широтах не разнится от таковой же кривой сбыта в широтах южных — в тропиках.

Отсюда позвольте заключить, что физиология человека по-чти абсолютно одинакова и стоит вне зависимости от про-странств, времен, рас, уровня культур, наличия книгопечатания или отсутствия такового, безобразия расы или прелести таковой и прочих привходящих обстоятельств.

Отсюда очевидно, что полное наличие удовлетворения обус-ловливает наличие потребности. Мир, сам по себе, стремится лишь к потреблению, а не производству, мир не производит даже желания наслаждения, когда нет возможности получить это по-следнее.

Имея уже мировой опыт сбыта своих изделий, неустанно со-вершенствуя конструкцию выпускаемых аппаратов, расширяя сеть заводов (число их достигло — к I/I-1926 — 224), неусыпно заботясь об индивидуальных оттенках потребления и приспособ-ляя к этим оттенкам конструкции своих аппаратов, мы решили включить в свой экспорт рынок Советского Союза, полагая, что емкость его достаточна, чтобы оправдать наши организацион-ные расходы, неминуемо связанные с необходимыми приспособ-лениями к особенностям этого нового рынка, ибо без учета всех конкретностей данной обстановки нет коммерческого успеха.

Виднейшими моральными авторитетами мира наша деятельность признана не подлежащей никакому сомнению, напротив, достойной государственного поощрения и частной благотворительной поддержки, чем фирма не преминула своевременно воспользоваться и будет пользоваться впредь.

Шеф фирмы г. Беркман уже включен в кандидаты на получение премии имени Нобеля и в истекшем году получил *honoris causa* почетное звание доктора этических и эстетических наук от Парижской академии.

Не задерживая Вашего дорого стоящего внимания, разрешите поделиться в самых общих чертах теми принципами, кои положены в основу деятельности нашей мировой и единственной фирмы ее учредителями.

Сдавленные эпохой войн сексуальные силы человечества неудержимо расцвели в послевоенное время. Это отчасти способствовало загрузке наших заводов и финансовому благополучию фирмы.

Неурегулированность половой жизни человечества, чреватость бедствиями как последствие этой неурегулированности — вот предмет мучительного душевного беспокойства учредителей нашей фирмы и истинная причина нашей положительной деятельности.

Общеизвестна также связь сексуального чувства с нравственностью. Общепризнанна святость древнейшего института брака, вытекающая из непреложности супружеской любви и вечности общего спального ложа, таящего в себе высшие положительные наслаждения и, как следствие, душевное умиротворение. В браке истина заменена покоем. Во всяком случае — ни один философ мира не докажет что лучше. Человечество же высшей истиной признало покой. Объектом же индустриальной и коммерческой деятельности может быть лишь человечество, а философы таким объектом не могут быть.

Исходя из этого наша фирма заявила патенты во всех цивилизованных странах на электромагнитный аппарат «Antisexus», долженствующий урегулировать сферу пола и вместе с ней и благодаря этому — высшую функцию человека — дух его, так сказать притаившееся божество, которое нужно наконец сделать явным и общеупотребительным как одно из рядовых благ цивилизации.

Неурегулированный пол есть неурегулированная душа, т. е. неорганизованная душа — нерентабельная, страдающая и плодящая страдания, что в век всеобщей научной организации труда,

в век Форда и радио, в век Лиги наций, Резерфорда и проектируемого межпланетного сообщения посредством живой силы, вложенной в так называемый «кирпич» Крейцкопфа,— не может быть терпимо.

Прогресс идет ломаной линией, т. е. отдельные точки его бес- сильно отстают от других точек. Наша фирма призвана выровнять линию прогресса, наша фирма призвана уничтожить сексуальную дикость человека и призвать его натуру к высшей культуре покоя и к ровному, спокойному и плановому темпу развития.

В век социально-экономических кризисов, когда материально затруднен брак, в век алиментов, когда почти невозможно деторождение, когда женщина стала вновь лишь призраком поэтов, благодаря нищете мужчин, мы призваны решить мировую проблему пола и души человека.

Из грубой стихии наша фирма превратила половое чувство в благородный механизм и дала миру нравственное поведение. Мы устранили элемент пола из человеческих отношений и освободили дорогу чистой душевной дружбе.

Учитывая, однако, высокоценный момент наслаждения, обязательно присущий соприкосновению полов, мы придали нашему аппарату конструкцию, позволяющую этого достигнуть, по крайней мере, в тройной степени против прекраснейшей из женщин, если ее длительно использует только что освобожденный заключенный после 10-ти лет строгой изоляции. Таково наше сравнение — таков эквивалент качества наших патентованных аппаратов.

Далее, особый регулятор позволяет достигать наслаждения любой длительности — от нескольких секунд до нескольких суток, буде свободное время у уважаемого потребителя. Особая план-шайба позволяет регулировать в объемных единицах расход семени — и этим достигать оптимальной степени душевного равновесия, т. е. не допускать излишнего истощения организма и понижения тонуса жизнедеятельности.

Наш лозунг — душевная и физиологическая судьба нашего покупателя, совершающего половое отправление, вся должна находиться в его руках, положенных на соответствующие регуляторы. И мы этого достигли.

Кроме того, глубокие старики, выпавшие из сексуального чувства, вновь приобщаются к нему нашими приборами. Мы работаем для всех возрастов и для всех народов.

Мы уже 8 лет выпускаем лишь три типа наших аппаратов для мужчин и три типа для женщин. Рынок, по-видимому, не тре-

Отзывы знаменитых людей об аппаратах «Антисексус»

Война — всемирная страсть человечества. Она не пребудет, пока не пребудет жизнь на земле, что бы ни говорили усталые люди и их мечтатели-политики. Война — мужество: она пребудет, пока мужественна и поступательна жизнь.

Аппараты гг. Беркмана, Шотлуа и сына последнего сыграют, я уверен, в ближайшую же войну великую роль, когда ими будут обслужены тысячи молодых людей, скопленных на фронте.

Уже в истекшую войну военачальники считались с духом войск. Вынужденное целомудрие порождает излишнюю нервность. Нервное же войско — есть поражение. Нам нужны армии людей с твердыми нервами. Нам нужны армии людей с душевным равновесием, способных к десятилетиям войны.

Вышеназванные аппараты призваны помочь военачальникам в их тяжелой работе на пути к победе.

Гинденбург

Гг. Беркман, Шотлуа и Сⁿ открыли новую блестящую эру в нравственном служении человечеству. Нет сомнения, исторический оптимум есть всеобъемлющее регулирование вселенной мозгом человека, — регулирование, которое должно предстать перед нами в виде трансформатора, превращающего стихии в закономерные автоматы.

В свое время, когда мне было 25 лет и я только женился, уже предо мной стояла эта задача, задача регламентации брачной физиологии в точную форму, но моя мысль, отвлеченная занятиями по механике, не сосредоточилась тогда на этом. Сожалею об этом. Может быть, я отказался бы тогда от организации предприятий по фабрикации автомобилей и пошел бы по пути фабрикации приборов, автоматизирующих и нормализующих нравственность, что более соответствует моему душевному строю.

Но гг. Беркман, Шотлуа и Сⁿ предугадали мою юношескую мысль и широко ее осуществили на пользу общества. Душевно рад этому.

Желаю новой промышленности, так блестяще организованной гг. Беркманом, Шотлуа и Сⁿом, мирового процветания, же-

лаю расширения сбыта благотворной продукции этой удивительной фирмы, распространив продукцию через скотоводов для всего животного населения планеты, а не только для людей, число коих роковым образом будет ограничиваться работой аппаратов этой же фирмы. Таковым мероприятием укрепится активная часть баланса фирмы, а с нею укрепится и моральная устойчивость мира.

Генри Форд

Из анализа себестоимости аппаратов под названием «Антисексус», мы усмотрели его излишнюю дороговизну. Я поручил калькуляционному бюро пересчитать эту стоимость, применительно к нашему сырью и оборудованию, и выяснить возможность ее снижения. Мне доложили, что понижение возможно на 30% (пока). С будущего года мы ставим производство Антисексусов на своем заводе в Детройте.

Кроме того, мы позволим себе допускать рассрочку платежа до 5-ти лет, чем покупаемость аппаратов сделаем абсолютной для каждого гражданина.

Этим навсегда и сразу будет ликвидирована проституция, а также все безработные приобретут эти аппараты.

От молодых же рабочих мы отнимем необходимость жениться, чем стабилизуем их бюджет, а это последнее позволит нам обойтись без дальнейших повышений зарплаты, столь тормозящих дальнейший прогресс технического усовершенствования наших заводов.

Форд-сын (Иезекииль)

Лучше в железку сливать семя, если не хочешь превратить его в древо мудрости, чем в беззащитное тело человека, созданное для дружбы, мысли и святости.

Ганди

Приборы гг. Беркмана, Шотлуа и С^{на} облегчают метрополии управление страстными расами колоний и снижают число бессмысленных бунтов, направленных против цивилизации и имеющих в своей причине, как теперь можно установить, лишь одно неудовлетворенное половое чувство молодых людей. Очень серьезно также облегчилось командирование в колонии перво-

классных администраторов, так как их женам не грозит обычное прежде изнасилование. Независимо от того и жены администраторов, снабженные аппаратурой фирмы, не пойдут навстречу изнасилованию.

Чемберлен

Я против Антисексуса. Тут не учтена интимность, живое общение человеческих душ — общение, которое всегда налицо при слиянии полов, даже когда женщина — товар. Это общение имеет независимую ценность от полового акта, это то мгновенное чувство дружбы и милой симпатии, чувство растаявшего одиночества, которое не может дать антисексуальный механизм.

Я за фактическую близость людей, за их дыхание рот в рот, за пару глаз, глядящих в упор в другие глаза, за ощущение души при половом грубейшем акте, за обогащение ее за счет другой встретившейся души.

Я поэтому против Антисексуса. Я за живое, мучающееся, смешное, зашедшее в тупик человеческое существо, растратой тощих жизненных соков покупающее себе миг братства с иным вторичным существом. И еще потому я против всей этой механики, что я всегда стоял и буду стоять за конкретное, жалкое, смешное, но живое — и обещающее стать могущественным.

Чарли Чаплин

Примечание фирмы. Принимая во внимание протест г. Чаплина, не избегая печатания отрицательных отзывов, фирма доводит до всеобщего сведения, что она уже поручила лучшим своим инженерам изыскать рациональную конструкцию нового Антисексуса, действующего не только на половую сферу, но и на высшие нервные центры одновременно, дабы механически создать те бесценные моменты ощущения общности с космосом и дружбы высшего смысла ко всему живому, о которых так исчерпывающе пожалел г. Чаплин.

Фирма полагает, что это ощущение общности жизни ей удастся создать не в виде отвлеченного чувства, а в виде милого конкретного образа женщины или мужчины, соответственно полу потребителя, — образа, наиболее близкого, наиболее желанного нервно-психическому строю потребителя.

Однако фирма не надеется на широкое распространение аппаратов этого типа, ибо известно, что любовь, — а в отзыве г. Чап-

лина речь идет, очевидно, об истинной, хотя и преходящей, любви,— любовь не есть свойство общее всем людям, и расчеты на нее, мы полагаем, не могут коммерчески рентироваться. Любовь, как установила современная наука, есть психопатическое состояние, свойственное организмам с задатками нервного вырождения, а не здоровым деловым людям. Но мы работаем не только для всех возрастов и всех народов, но также и для всех органических структур, во всем их разнообразии, ибо фирма преследует цели нравственного благоустройства мира прежде всего.

По поручению фирмы:

Г. Беркман.

Сделав половой акт единоличным, вытеснив из него вторую живую половину, сделав половое отправление общедоступным без всяких препятствий,— мы на прямой дороге к целомудрию, к господству омолаживающего принципа — использованию выделений желез внутренней секреции в пределах самого организма.

Проф. Штейнах

При употреблении Антисексуса переживаешь молодость и после крепко спишь. Я не спал так хорошо за последние 25 лет. В моем организме открылись какие-то, замершие было, источники юности. Я очень благодарен фабрикантам Антисексуса. Моя дочь предложила мне основать Институт перманентной юности имени гг. Беркмана, Шотлуа и сына его. Я дал согласие и деньги на это счастливое дело.

Морган

Мы потеряли с введением антисексуальных аппаратов известный комплекс красивых и мощных движений, сопутствующих божественной страсти. Об этом надо пожалеть.

Но мы приобрели известный половой комфорт, определенную экономию времени, равновесие здорового организма и независимость от женских капризов. Это надо приветствовать. Кроме того, я думаю, современное кино скомпенсирует утраченный комплекс половых движений, очистив их от привкуса бессознательного и зверско-стихийного, заменив их легким преодолением пространств могучим и девственным телом.

Дуг Фэрбенкс

Будущее принадлежит цивилизации, а не культуре: будущее завоюет душевно мертвый, интеллектуально пессимистический человек. В пошлой плоскости истинной цивилизации немислим брак — дух фаустовского стиля — там мыслимо лишь механическое освобождение от избытка сырых органических сил, не могущих сублимироваться в дух.

Автомат «Антисексус» еще раз ознаменовал ту эпоху, в которую мы входим — цивилизацию — мертвое удобное здание, фундамент которого уперт в зеленые травы живой, погибшей культуры.

Освальд Шпенглер

Автомат «Антисексус» чрезвычайно необходим при долгих путешествиях и очень удобен в пользовании. Эти автоматы совершенно необходимо теперь включать непременно элементами в оборудование каждой экспедиции, мало-мальски научно снаряженной.

Наличие автоматов — лишний плюс для обеспечения успеха экспедиции.

Свен Гедин

Когда я был в России, я слышал песенку:

Хорошо тому живется,
Кто с молочницей живет:
Только ступит на порог,
Как сметана и творог!

Теперь, когда ежедневно беднеет Европа и еще далеко не богата Россия, когда на каждого не придется по жене-молочнице, нужна механическая «молочница». Ее и призван заменить механизм «Антисексус». Ежегодно на проституцию тратит человечество около 500 миллиардов рублей, не считая косвенных затрат здоровья, потери колоссального времени, наличия целого международного общественно вредного класса проституток и проститутов и пр. и т. п.

На эти сбережения, которые в сумме дадут около триллиона рублей в год, можно купить молока, сметаны и творога для каждого, не обуславливая такое сытное питание необходимостью иметь жену молочницу.

Да. Но экономию в триллион в год, общедоступное молочное питание сделал ведь Антисексус! Поэтому он действительно любой самой революционной экономической реформы.

Клайнс

Я не пишу, я обычно действую. Я рассматриваю Антисексусы как необходимое вооружение каждого культурного человека,— вооружение, действительное и дома и на фронте. Наш король декретировал освобождение Антисексусов от всякого налога и пошлины. Женщина, освобожденная от половых обязанностей и половых последствий, увеличит актив нашей страны. Для члена союза фашистов наличие Антисексуса обязательно — его должен иметь каждый — от римского нищего до нашего короля.

Муссолини

Женщины проходят, как прошли крестовые походы. Антисексус нас застает, как неизбежная утренняя заря. Но видно всякому: дело в форме, в стиле автоматической эпохи, а совсем не в существе, которого нет. На свете ведь не хватает одного — существования. Сладостный срам делается государственным обычаем, оставаясь сладостью. Жить можно уже не так тускло, как в презервативе.

Виктор Шкловский

Примечание фирмы. Не имея возможности поместить все отзывы здесь, фирма предполагает издать три тома, специально посвященные оценке наших аппаратов мировыми светилами ума, чувства, поэзии, науки, добра, пользы, социал-демократизма, финансов, политики, коммунизма, техники и эстетизма. В ближайшем томе будут помещены оценочные рассуждения гг.: Л. Авербаха, Землячки, Корнелия Зелинского, Сун Цилин, Бачелиса, Гроссман-Рощина, Детердинга, С. Буданцева, Лоуренса Виндрозура, Осинского, генерала По Лу Гуй, Тарасова-Родионова, проф. Вестингауза, Киришона и мн. др. уважаемых авторитетов.

Андрей Платонов
переводчик с французского

РАННИЕ РАССКАЗЫ

ОЧЕРЕДНОЙ

Третий свисток... Я вхожу в ворота завода, прохожу мимо контрольной будки и иду по огромному заводскому двору в свою «первую», как нумеровалась наша литейная.

Асфальтовая дорожка бежит и вьется вокруг выступов и стен колоссальных зданий, где — я слышу — уже начал биться ровным темпом мощный пульс покорных машин.

В мастерскую вхожу почти радостный, — ведь сейчас она оживет, задрожит, загремит — и пойдет игра до вечера...

Здороваюсь с товарищами по работе и усаживаюсь на железной плите пола у спуска к вагранной печи. Закуриваем — иначе нельзя — перед работой и после нее, перед уходом, это делается всегда и всеми. Рука почти автоматически вертит бумагу; неспеша делимся табаком...

Засыпаем в печи металл. Пускаем электромоторы, открываем нефть. И — гаснет солнце за высокими окнами, забывается все... Клубы желто-зеленого чада вихрями рвутся из печей от плавящегося металла. Газ лезет в глаза, горчит рот, тяготит душу...

Содрогаются высокие подпотолочные балки, пляшут полы и стены, ревет пламя под бешеным напором струй нефтяной пыли и воздуха... Неумолимо и насмешливо гудит двигатель; коварно щелкают бесконечные ремни...

Что-то свистит и смеется; что-то запертое, сильное, зверски беспощадное хочет воли — и не вырвется, — и воет, и визжит, и яростно бьется, и вихрится в одиночестве и бесконечной злобе... И молит, и угрожает, и снова сотрясает неустанющими мускулами хитросплетенные узлы камня, железа и меди...

Бьются горячие пульсы дружных машин; мелькая швами, вьются змеи-ремни.

— Илюш, а Илюш! Ты б слазил, глянул, что там за штука такая. Намеднишь ты как ловко насос приноровил... — обращаются ко мне.

Перед самым спуском уже готового металла в тигли неожиданно застопорил мотор, и монотонно гудящая печь смолкла, накаленные стенки потемнели.

Я иногда исправлял небольшие поломки в машинах, избегая тем необходимости звать монтера. Так это было неделю назад с насосом, подающим воздух. Я сначала хотел отказаться, но, подбадриваемый, взял ящик с инструментом и полез по лестнице к электродвигателю, подвешенному к стене.

Неисправность была пустяковая, и я ее быстро обнаружил. Снизу дали ток — и мертвый мотор ожил, завыл и захлопал приводным ремнем.

И вновь полился поток пламени на распростертый в печах металл.

За звенящими побитыми стеклами окон полуденное солнце омывало землю, и на секунду у меня мучительно сжалось сердце и страстно захотелось в поле — к птицам, цветам, шуршащей травке; в поле — где я, когда был без работы, бродил, утопая в зелени, тянущейся к небу, к жизни, к весеннему неокрепшему солнцу, к тем вон бегущим вольным бродяжкам-облакам...

Льется жидкий металл, фыркая и шипя, ослепляя нестерпимо, ярче солнца. Осторожно и внимательно стоим мы вокруг наполняющегося несгораемого горшка. Потом сразу хватаем вдвоем за длинные штоки и бегом несем искрящееся литье в соседнюю мастерскую, где выливаем металл в приготовленные формы.

Когда опорожним всю печь, вновь наполняем ее болванками корявой пузырчатой меди и ждем, покуривая и регулируя нефть.

Около нашей печи работали трое — Игнат, старый рабочий, почти ослепший от блеска литья, с постоянно гноящимися налитыми кровью глазами, и двое нас, новичков, я и Ваня, только недавно поступивших на завод. Мы работали весело, и день пролетал незаметно. Полуголые, мы хохотали и обливались водой, рассказывали, думали — и слушали нескончаемую, глухую, связавшую начало с концом песнь машин...

— И, скажи ты мне на милость, что это огонь не залаживается: чихает — и шабаш!.. — Игнат, наш «старшой», был недоволен и ворчал. После обеда в печи, действительно, что-то стало часто пофыркивать, и клубы вонючего дыма были гуще, чем обычно.

— Ну-ну, стерва, ну-ну, растяпа черт, поговори у меня, поговори! — Игнат подвигивал нефти и подбадривал фыркающее пламя. Внутри печи теперь уже раздавались целые взрывы и странное поплескивание; металл нагревался плохо.

Что-то не ладилось. Я подошел, не зная зачем, к мотору, посмотрел на измеритель числа оборотов и прислушался. Машина работала чудесно.

Обернувшись, чтобы уходить, я на мгновение увидел белый огненный бич, рванувшийся высоко из нашей печи. Глухой удар ухнул и повторился раза четыре под сводами крыши мастерской, взмахивая вверх свистящими полосами огня и тяжело опуская их вокруг...

Я стоял у мотора, шагах в десяти от печи и видел, как метнулся куда-то Ваня, как присел, обхватив голову, Игнат...

Инстинктивно я схватил рукоятку и прервал ток. Мотор, повертевшись немного по инерции, остановился.

Упавшие бичи раскаленного металла расходились по радиусам от печи и еще шипели, медленно охлаждаясь, испуская свою страшную силу. Как гады, побеждающие и свободные, они дерзко и вызывающе раскинулись на железном полу во властных изгибах, оставляя на черном далеком потолке и балках беловатые отсветы — свои отражения. В ужасе столпились люди. Странное, необычное безмолвие перекачивалось по заводу из мастерской в мастерскую. Где-то далеко мерно пульсировали машины.

— Погубили, окаянные,— вздыхал кто-то из толпы рабочих,— ах, мучители треклятые... Им, проклятым, деньга дорога, так они заместо нефти хотят, чтоб вода горела. Напустили воды в бак — и ладно...

Я догадался обо всем. Вода, попав с нефтью в печь на жидкое литье, превратилась мгновенно в пар, который разорвал печь и выкинул вон расплавленный металл...

Ваня лежал на полу вниз лицом, двигал ногами и руками и грыз зубами железные узоры. Белый бич попал на его спину и скоро — скорее, чем на полу — остыл на ней. Спина Вани была похожа на шлак, что выбрасывают из топок паровых котлов.

Рабочие стояли молча; за окнами потемнело.

Судороги в пальцах руки Вани быстро замирали; ноги уперлись неподвижно носками в пол, выставив обугленные пятки.

Старый Игнат был подле и плакал, вытирая невидящие глаза тряпками, которыми он обмотал свои сваренные руки.

Через полчаса все машины были пущены, печи запроважены. Послушные моторы, воя, отдавали свою силу. Ремни, соединенные в концах своих с началом, змеясь и щелкая, бежали, бежали...

Склонившееся послеполуденное солнце равнодушно уперлось лучами в тяжко изогнутые хребты трепещущих машин.

МАРКУН

Каждый вечер после ужина, когда его маленькие братья ложились спать, он зажигал железную лампу и садился думать.

Ему никто не мешал. По полу бегали тараканы, ребятишки бормотали во сне и плакали. Гуни сползали с них, и пухлые животы дышали туго и тяжело, как у храпевшего отца.

Маркун нашел в книге листик и прочел, что он записал еще давно и забыл: «Разве ты знаешь в мире что-нибудь лучше, чем знаешь себя?» И еще: «Но ты не только то, что дышит, бьется в этом теле. Ты можешь быть и Федором, и Кондратом, если захочешь, если сумеешь познать их до конца, то есть полюбить. Ведь и любишь-то ты себя потому только, что знаешь себя увереннее всего. Уверься же в других и увидишь многое, увидишь все, ибо мир никогда не вмещался еще в одном человеке».

Пониже на листике было написано: «Ночь под 3-е февраля. Мне холодно и плохо. А вчера я видел во сне свою невесту. Но ни одной девушки я никогда не знал близко. Кто же та? Может быть, увижу и сегодня. Отчего мне никогда не хочется спать?»

Маркун прочел и вспомнил, что больше он ее во сне не видел. От недавней болезни у него дрожали ноги и все тело тряпкой висело на костях. Но голова была ясна и просила работы. В нем всегда горела энергия. Даже когда он корчился в кошмарах, он помнил о своих машинах, об ожидающих чертежах, где им рождались души будущих производителей сил. Его мучило, если он находил ошибку, неточность и не мог сейчас же ее исправить.

Маркун вынул из печурки бумагу с чертежами, снял клопа со щeki мальчика и опять сел.

На дворе в морозе завизжал свисток паровоза. На большом листе были начерчены крутые спирали. Толстая изогнутая шесть раз труба в своем хребте хранила мощь размаха и вращения. Зубчатые передачи были готовы встретить удары зубцов о зубцы и сдвинуть всякое тяжелое сопротивление.

В углу бумаги Маркун написал: «Природа — сила, природа — бесконечна, и сила, значит, тоже бесконечна. Тогда пусть будет машина, которая превратит бесконечную силу в бесконечное количество поворотов шкива в единицу времени. Пусть мощь потеряет пределы и человек освободится от борьбы с мате-

рией, труда. Чтобы вскинуть Землю до любой звезды, человечеству довольно одного моего мотора — станка».

Маркун встал, оперся о печку, и сон тихим ветром налетел на него.

В это время в поле разыгрывалась метель и паровозы еле пробивали сугробы и рвали тендерными крюками завязавшие в снегу вагоны.

Через дальнее теплое море шел яркий, веселый пароход с смеющимися красавицами. Кроткими глазами они смотрели в большое ночное небо и ждали утра, когда придут на берег в белые города к родным забытым матерям.

Маркун очнулся.

— Архимед, зачем ты позабыл землю, когда искал точку опоры, чтобы под твоей рукой вздрогнула вселенная. Эта точка была под твоими ногами — это центр земли. Там нет веса, нет тяготения — массы кругом одинаковы, нет сопротивления. Качни его — и всю вселенную нарушишь, все вылетит из гнезд. Земля ведь связана со всем хорошо. Для этого не нужно быть у земного центра: от него есть ручки-рычаги, они выходят по всей поверхности.

Ты не сумел, а я сумею, Архимед, ухватиться за них.

Сильнейшая сила, лучший рычаг, точнейшая точка — во мне, человеку. Если бы ты и повернул землю, Архимед, то сделал бы это не рычаг, а ты.

Я обопрись собою сам на себя и пересилю, перевешу все, не одну эту вселенную.

Лампа, я не нахожу света светлее твоего.

Маркун любил чертежи больше книги. В этой сети тонких кривых линий, точных величин, граней и окружностей дрожала оживляющая сила машин.

Он раз написал линиями песню водяного напора. Он вычертил с линейкой и циркулем эту бурю линий и повесил на стену. Когда он спросил у одного друга объяснения чертежа, тот не понял и отвернулся. А у Маркуна от этого чертежа волной поднималась музыка в крови.

— Если устроить двигатель,— думал Маркун,— вырабатывающий в секунду определенную величину энергии. Если связать с ним непосредственно одним валом другой двигатель, дающий в ту же секунду энергию в два раза большую против первого двигателя, и если давать им неограниченное количество естественных сил (воды, ветра), то тогда общая работа этой пары моторов будет такова: вращение сначала будет соответственно работающей естественной энергии в первом малом моторе, потом увели-

чится в два раза, так как второй мотор одновременно съедает естественных двигающих сил в два раза больше. Но первый мотор тогда тоже начнет потреблять силы в два раза больше против первого момента своей работы, иначе говоря, он заработает с мощностью второго мотора. А второй мотор, как в два раза сильнейший, опять будет работать энергичней первого в два раза (значит — в четыре относительно первого момента) и потянет за собою вал на четверное ускорение против скорости в первый пусковой момент. Потом ускорение будет равняться 8, 16, 32... Итак, мощность будет возрастать бесконечно; предел ее — прочность металла, из которого сооружены моторы.

Маркун нагнулся над чертежом. Его турбина имела шесть систем спиралей, последовательно сцепленных и последовательно возрастающих по мощности. Следовательно, ускорение будет шестикратным. Вода же будет так расходоваться, что будто работает одна последняя шестая спираль; это потому, что другие пять спиралей будут работать одной и той же водой.

— Всякая теория ложь, если ее не оправдает опыт, — подумал Маркун. — Мир бесконечен, и энергия его поэтому тоже бесконечна. Моя турбина и оправдала этот закон.

И огнем прошла неожиданная мысль:

— Что если бы найти металл с бесконечной способностью прочного сопротивления, бесконечной крепости. Но такой металл есть: он просто один из видов мировой энергии, вылитый в форму противодействия. Это вытекает из общего закона бесконечных возможностей сил и их форм. Но тогда моя машина — часть, в которой может исчезнуть вся вселенная в мгновение, принять в ней новый образ, который еще и еще раз я пропущу через спирали мотора.

Я построю турбину с квадратным, кубическим возрастанием мощности, я спущу в жерло моей машины южный теплый океан и перекачаю его на полюсы. Пусть все цветет, во всем дрожит радость бесконечности, упоение своим всемогуществом.

Били часы. Маркун не считал их.

На постилке затрясся его маленький брат в пугающем сне. Маркун нагнулся над ним...

Он опять сидел у лампы и слушал вьюгу за ставнями.

Отчего мы любим и жалеем далеких, умерших, спящих. Отчего живой и близкий нам — чужой. Все неизвестное и невозвратное для нас любовь и жалость.

Совесь сжала его сердце, и страдание изуродовало лицо. Маркун увидел свою жизнь, бессильную и ничтожную, запутанную в мелочи, ошибки и незаметные преступления.

Он вспомнил, как этого маленького брата, который теперь бьется от страха во сне, он недавно столкнулся со стола, и с той поры тот молчал, сторонился и закрывался от нечаянного быстрого взмаха его руки, думал, что будет опять бить.

Лампа гасла. Метель пошла на сутки.

Маркун вышел на двор. Ветер гудел в туче снега, а иногда вверху метель прорывалась и видны были одна-две испуганные звезды на сером, будто близком небе.

Маркун крикнул. Холодный ком ударил его по лицу и потек за рубашку. На миг вдруг все стихло, и звезда совсем близко улыбнулась ему.

— Сколько мы видим и сколько не видим звезд,— подумал Маркун.— Они светятся отраженным светом чужих солнц. А если на других звездах живут сильные разумные существа: они ведь превращают этот свет в работу, поглощают его своими машинами, и их миры нам не видны, они темны, и, может, есть рядом с Землею, ближе Луны, большая темная планета, а мы ничего про нее не знаем. Она вбирает в себя всю энергию света и тепла, не дает никаких отражений, невидима и мертва для нас.

Маркун вернулся домой. Лампа потухла, и фитилек горел далекой красной искоркой. Он лег на пол и замер до утра.

Прошли месяцы. Маркун раскопал где-то две газовых трубы нужных размеров, согнул их спиралями и сделал приблизительную модель своей турбины. Но он не стал ее сразу пробовать, а спрятал в сарай и забыл про нее. Теперь для него потянулись дни томительного счастья ожидания.

Маркун верил в себя. Знал, что нет, не может быть ошибки в спрятанной машине. Она пойдет. Ее мощь безгранична. Он, Маркун, победил многие силы. Никто еще ничего не знает. Не знает, что это он дал человеку в его немощные руки новый молот безумной мощи.

Была весна. Маркун ходил по вечерам в поле и глядел, как горел закат на небе и в болотах и лужах. Везде была вода, вода и тишина. И прошлый год, и вот теперь он весной кого-то любил. Он был незаметен и жил одиноко.

Но в детстве, когда он потерял веру в Бога, он стал молиться и служить каждому человеку, себя поставил в рабы всем, и вспомнил теперь, как тогда было ему хорошо. Сердце горело любовью, он худел и гас от восторга быть ниже и хуже каждого человека. Он боялся тогда человека, как тайны, как бога, и наполнил свою жизнь стыдливою жертвой и трудом для него.

Раз он полдня сгружал на станции дрова из вагона, а на заработанные деньги купил красную погремушку ребенку-слепцу, который жил у соседей в сарае, куда запирали его мать, чтобы он не убежал и не убился, когда она уходила на работу. Он так привык к сараю, что не плакал там, и не умел играть и смеяться.

Весеннее прохладное небо темнело, будто уходило выше. И на краю поля поднимался туман.

Маркун стоял под лозиною в тишине и влажной мути, ползущей по полям. И не мог понять своей скрытой любви ко всему.

Чуть была видна избушка лесного сторожа. К ней подходила девушка и маячила в синем сумраке красноватой юбкой. Она махала рукой. Должно быть, кликала кого из лесу, кричала мягкой грудью, ласково и протяжно, и улыбалась.

Маркун ничего не слышал и прилег от неожиданной муки и боли на землю.

Неслышно прошел мимо странник и сразу пропал на дороге.

Эту ночь Маркун не спал. Он лежал у окна и смотрел в небо на улыбающиеся звезды, на затаившуюся ждущую ночь.

Завтра он пустит машину. Все в нем сразу стихло, сжалось, и он забылся, будто упал в колодезь без дна.

Еще горела последняя утренняя звезда и от близкого солнца накалялся восток, когда Маркун проснулся и сразу вскочил. Он что-то вспомнил, какой-то огонь, жаркий и мгновенный, прошел через него и потух. А Маркун все забыл. Он стоял, двигал скульпьями, прилипался и тянулся мыслью за убегающим тараканом и не мог ничего вспомнить. Большое и неизвестное ударило его во сне. Он стоял и ловил, что ушло и не вернется. Но след, прямой и острый, остался в душе и изменил ее.

— Человеку отдано все, а он взял только немного,— вспомнил Маркун свою старую мысль. И не стал жалеть, что великий восторг оборвался в нем и он не узнал его.

Маркун вышел на двор. Было тихо, морозно и светло. Если глянуть сейчас в просторном поле вверх по дороге, то увидишь далеко, и кто-то идет к тебе, тихо и прямо, издалека.

Маркун пристроил в сарае к углу турбину, привинтил чашку, в которую упиралась пята машины, и воронку и принес от крана с улицы пять ведер воды. Воду он вылил в бочонок, потом смазал машину, повернул ее оборота два рукой и засмеялся своей одинокой радости.

Позвать бы, сказать кому? Нет, тогда, после. Его и так считают дураком, не тем дураком, какого любят и жалеют, а тем, которого ненавидят.

И он вспомнил ту девушку, что махала у леса рукою и звала. Если бы она пришла сейчас в сарай. Он рассказал бы ей все, она поняла бы его, и он взял бы ее за ту же руку. И Маркун улыбнулся от счастья и тоски.

Загудел гудок. Маркун вспомнил о труде, о работе до крови, о борьбе и неутомимости, о гордой человеческой жизни, которой полна ликующая земля, о громе машин и потоках электричества.

Он зачерпнул ведро воды и вылил его в воронку над турбиной. Он был спокоен и уверен. Отпустил кран — и машина рванулась и загремела. Вокруг ее повисло неподвижное кольцо отработанной выбрасываемой воды.

Маркун все подливал воды. Турбина редела и, казалось, стояла неподвижно от быстрого вращения. В воронке вода крутилась вихрем от всасывания машиной. И слышно, как выла и стонала вода по спиральям. Машина наращивала силу. Машина расходилась, и свистела от хода, и резала водяным вихрем воздух.

Маркун стоял. В нем была тревога и ожидание. Все замерло в нем, будто он только родился и ничего не понимал. Он в первый раз не думал, никакая мысль не вела его.

От ударов машины в стену трясся и подпрыгивал весь сарай. Внизу задымился подшипник, через секунду из него дрожью било пламя.

Машина увеличивала ход. Мощь ее росла и, не находя сопротивления, уходила в скорость.

Лопнула нижняя спираль, с визгом оторвался кусок трубы и, вращаясь, ударил в деревянную стенку сарая, пробил ее и вылетел на двор.

Турбина выскочила из подшипника и зарылась в землю.

Маркун вышел за дверь и остановился. Лозина низко опустила голые хворостины и шевелила ими по ветру.

Загудел третий гудок. Второго Маркун не слышал.

— Я оттого не сделал ничего раньше,— подумал Маркун,— что загораживал собою мир, любил себя. Теперь я узнал, что я — ничто, и весь свет открылся мне, я увидел весь мир, никто не загораживает мне его, потому что я уничтожил, растворил себя в нем и тем победил. Только сейчас я начал жить. Только теперь я стал миром.

Я первый, кто осмелился.

Маркун взглянул на бледное, просыпающееся небо:

— Мне оттого так нехорошо, что я много понимаю.

28 августа 1920 г.

АПАЛИТЫЧ

Апалитыч был хвощеватский сапожник. Работать он начинал, когда черти еще на кулачках не бились, а кончал пораньше, когда солнце выходило к большому лугу.

Он был стар, до того стар, что, когда девки пели: «Дедушка, дедушка, а сколько тебе лет?», он хрипел: «Аль семьдесят, аль под девяносто».

Апалитыч заржавел от горя и жизни, борода его давно высыпалась, и он выглядывал пожилым молодчиком. Обувь Апалитыч лепил из старья, которое он ходил набирать в городе. Опорки выходили из-под его рук жениховскими сапогами. Он смажет их, наярят до огня, залатает кое-где на живую нитку, и готово.

После приходил кто-нибудь с села и говорил:

— Апалитыч, что ты, старый идол, сделал. Рази это сапоги? Они обои на одну ногу, и пальцы уж вылезают. Ведь это чистое наказание господне. Ты б хоть чудочек подумал...

Апалитыч набивал трубку и давал гостю табаку.

— Закури, сынок. Савельич с Землянки привез. Крепок, душа плачет...

— Ты сказывай, что мне с сапогами-то делать..

— Да хуть што, хоть одевай да пляши в них. Ай они нужны мне.

— Эх, собачья твоя душа...

— Ну-к што ж. Собачья, собачья... А у кого человечья?.. Откель она суды упадет.

Вечера Апалитыч просиживал на завалинке и гнул ребятишкам, что было на свете, когда никого не было.

— Пора ужин варить, старый брех уж сидит,— говорили бабы и затопляли.

— Ох, да когда ж он сдохня, чертишша,— выли какие постарее.— Ну бреша, ну бреша, слушать не хоцца.

А у ребятишек сопли текли от Апалитычевых рассказов.

— Вот, когда ни села этого, ни Дона еще не было, пас раз я царских коров, и едет машина по рельсам, а коровы стали на путях, ни взад ни вперед. Стал я супротив и окоротил машину. Стой, ору, окорочайся. Стал я, уперся. Машина вдарилась в меня и окоротилась. А ногами я так впер в землю, что она закачалась и перекосилась и с той поры боком пошла. И не туда, куда на-

добно, не в ад к сатане, куда Бог послал, а назад на небо, к Пресвятой Богородице на вымоление... Вон вить што. И скоро, ребята, мы прилетим усе туда, где солнце да ангелы одни поют и скакают. Так-то...

— А куда ж, Апалитыч, земля тогда денется? — спрашивали ребяташки.

— Землю я под конец съем. Оттого я и не умираю, все жду.

— А ты куда денешься?

— Я дедом прихожусь Христу, сыну Бога живого, и мне первое место в раю, я буду хозяином там надо всеми вами.

— А-а.

— А вы думали што? Это я все нарошно делаю: сапоги шью, в избе с бабой живу. А так — я не здешний, не бабьин сын.

Апалитыч посмотрел на тихое небо, на Дон из белого огня, на все поля, откуда некуда вырваться — все будут те же поля и поля, и соломенные деревни, и девки по вечерам у плетней, и нету ничему конца-краю, как душевной скорби Апалитыча, которая растет с детства из травинки и выросла в дуб, которому земли мало, Бога мало, небо коротко и одно спасение — в светопреставлении, когда он землю нечестивую пожрет.

Все смешалось, сгорело в старой башке Апалитыча, и он сам не знал, что есть он и где ему дорога.

Он жил, как без памяти, и что выдумывал, тому не верил.

Сапоги он лепил, как мертвый, без всякого соображения, и терял днем счет времени. В обед не знал где вечер, сзади или наперед. Небо было у него черное, и на солнце он мог глядеть прямо в упор, без слез.

И теперь у него все внутри замутилось, когда он хотел еще рассказать про Царя царей, и он пошел спать.

В сенцах он свалился на свинью и позабыл все, уснул до утра, как спокойное, счастливое, разумное существо. Его не мучил ни Бог, ни земля, ни поля и плетни, откуда некуда выбиться, — ничто.

Тихо подрагивало небо в звездах. Не видать, не слышать, и края ничему не видно. И в середине всего спал успокоенный Апалитыч, счастливый, что его нет в первый раз за всю жизнь.

Желтый от годов, тронутый тайной и нескончаемостью мира, Апалитыч вырвался из людей и метался чужой и ненавистный большим за неспособность жить по-человечьи, и любимый малыми ребятами неизвестно за что.

— Тебе бы нищим быть, ходить по земле от Москвы до Ростова, а ты сапожник, — говорили ему так соседи.

Но Апалитыч к утру забывал все и опять принимался наващивать дратву. И опять болела и металась его неумирающая старая душа. Он думал и думал, целовался в думках с младенцем-Христом, видел цветы рая и слышал пенье, от которого плакал.

Апалитыч сидел на круглом пеньке и думал, что душит сатану. И стал сидеть на нем круглые сутки, тут же ел и дремал. «Зато Богу легче»,— шептал Апалитыч.

С ним жила внучка Маня. Она ходила днем полоть просо к богатым мужикам и только поздно вечером приходила ночевать, и жила себе. Небо было для нее голубым и звезды ясными. А полем хотелось идти и идти без конца, и от того, что оно было таким синим и большим, ей вольнее, счастливей жилось.

Дед думал, и думала Маня. Она думала, что не умрет никогда, и от этого сильнее росла и пухла ее грудь. По ночам она видела сны, томительные и горячие. Вся земля валилась на нее и душила ее, а она кричала от страха и радости.

Знала Маня, что по ночам голубеет и оживает земля. Оттого ночью по улицам ходят люди до зари, поют и любят.

Один Апалитыч спит и во сне видит, что жив и ходит со всеми по улице и что он не Апалитыч, а паренек.

<1920>

ВОЛЧОК

Был двор на краю города. И на дворе два домика — флигелями. На улицу выходили ворота и забор с подпорками.

Тут я жил. Ходил домой я через забор. Ворота и калитка всегда были на запоре, и я к тому привык. Даже, когда лезешь через забор, посидишь на нем секунду-две, оттуда видней видно поле, дорогу и еще что-то далекое, темное, как тихий низкий туман. А потом рухнешься сразу наземь в лопухи и репейники и пойдешь себе.

Выйдет навстречу не спеша — знает, что это я — Волчок, поглядит кроткими человеческими глазами и подумает что-то.

Я тоже всегда долго глядел на него, в нем каждый раз было другое, чем утром.

Разшел я по двору и увидел, что Волчок спит в траве. Я тихо подошел и стал. Рыжий Волчок чуть посапывал и ноздрями на земле выдувал чистоту. По шерсти у него пробиралась попова собака.

Кругом было тихое неяркое утро. Солнце приподнималось в теплом тумане, который все рассеивался и рассеивался и сжимался в голубой высоте в облака.

Далеко выл у запертого семафора паровоз и звонили колокола по церквам. Репьи стояли тонко и прямо, ни ветра, ни шума, ни ребятишек не было.

Волчок проснулся, и не двинулся, а лежал как лежал с открытыми глазами, глядел в темную сырость под лопухи.

Я наклонился и притих. Волчок, должно быть, не знал, что он кобель. Он жил и думал, как и все люди, и эта жизнь его и радовала и угнетала. Он, как и я, ничего не мог понять и не мог отдохнуть от думы и жизни. Во сне тоже была жизнь, только она там вся корчилась, выворачивалась, пугала и была светлее, прекраснее и неуловимее на черной стене мрака и тайны.

Спереди, пред ним и предо мной, все радуется и светится, а сзади стоит и не проходит чернота, и в снах она виднее, а днем она дальше и про нее забываешь.

Волчка давил виденный сон. В нем он тоже видел эти лопухи и сырую тьму по корням, но там они были и такие и не такие. И вот он опять смотрел и не мог ничего понять.

На дворе была еще сука Чайка. И когда были собачьи свадьбы, кобели бесились, гонялись за Чайкой, один Волчок был такой же, как всегда, и не грызся с кобелями.

Хозяин думал, что он больной, и давал ему больше костей и щей после ужина. Но Волчок был великан и совсем здоров.

Чужих ребят, какие приходили играть на двор, он не хватал за лыдки, а бил оземь хвостом и глядел с уважением и кропотью.

Я Волчка за собаку не считал, за то и он полюбил меня, как любит меня мать.

Я тоже ничего не знал и не понимал и видел в снах тихое, бледное видение жизни. Смутные облака трепетали в небе, и ветер гнул целые дубы, как хворостины, а я стоял в каком-то саду и не слышал, как шумит ветер, и сразу удивился, и понял, что это сон, и проснулся.

Было полнолуние, и в комнате бледный свет лежал на полу. Я протянулся и попробовал рукой холодные доски.

Раз я спросил у отца, который любил меня и жалел, как маленького, не знает ли он чего, чего еще никто не знает и про что и в книгах не написано. Он сказал:

— Нет, я все думаю про Бога, но его тоже не могу узнать.

А на другой день за обедом досказал:

— Оттого мы ничего не знаем, что и узнавать, должно, нечего. А тебе к чему нужно знать?

А я сказал:

— Да, а жить-то как же? А узнавать есть чего, хоть бы то, отчего мы хотим знать все, если и узнавать нечего, все живет само собой в черноте и пустоте. Отчего кругом томление и борьба? Вот мы прожили немного после революции и уж увидели, как легко устроить всех сытыми и довольными, лишь бы осталась у нас власть нас самих. Но нам захотелось знать, и не нам одним.

Отец помолчал и перестал есть.

— Я всю жизнь,— сказал он вечером,— работал, кормил вас и одевал, не мог никогда думать, а теперь отвык. Теперь жизнь другая и я все растерял. Но я люблю тебя, и ты, может, выйдешь на большую дорогу, тогда делай что хочешь, а я не могу, я умирался и сидя сплю. Я только жду хорошего, а какое оно не могу узнать. Всю жизнь я ждал чего-то хорошего и тебе отдаю эту надежду.

На другой день я также лез с работы через забор, и Волчок встретил меня любящими глазами, и в пустых, водяных его гла-

зах сидела мертвая сосущая мысль, как каменная гора на дороге домой.

Чайка юлила под ногами, а Волчок молча стоял вдалеке и смотрел. Ему оставалось одно — либо издохнуть, либо дождаться первой собачьей свадьбы и схватиться с другими кобелями из-за Чайки. Но Волчок оставался посредине и раздумывал. Тут была ему худшая гибель, и он видел сны, пугался и жил хуже мертвого.

— Волчок, Волчок, Волчокек...

Я пошептал это и погладил его. Он прижмурился и заблестел глазами. На миг он ожил и понял, что я жалею и люблю его, как меня жалеет отец. Может, он и глазами заблестел оттого, что понял мою жалость и любовь, взял знание, и в первый раз сзади сияния жизни не было черноты и угнетения.

— Волчок, Волчокек...

Волчок от радости подметал хвостом и повизгивал. Отчего раньше я не догадывался гладить и обнимать его? Нет, тогда бы он понял мой обман и потерял свое первое верное знание, что есть любовь в жизни и сочувствие.

Волчок вертанул шейей, и я увидел, какая у него не собачья, почти человеческая круглая задумчивая голова. Глаза стояли и вглядывались. Он живет не лучше меня.

В этот вечер я пошел по улицам. Белые городские дома в синей луне стояли и глядели окнами на тихо гуляющих людей. Томление и раздумье было во всех. Кто не любил, тот хотел любви. И никто ничего не знал, зачем это.

Я встретил Маню, в которую был немного влюблен. С ней шел человек с добрым и счастливым лицом.

— Это Витя,— сказала Маня.

И я пошел рядом.

Во мне поднялась тоска. Я чувствовал, как горело мое тело. Но в голове было ясно и хорошо. Я смеялся в мысли и мучил себя. Я знал, отчего во мне тоска и отчего вечер кажется задумчивым любящим далеким существом, прилеглим на землю. Я знал и смеялся. Знал, что все не такое, как кажется. И этот вечер, и эта Маня — не задумчивые полюбившие существа, а другое, что я еще не знаю. И по истинной сущности все это, наверно, ничтожно, жалко и гадко.

Если бы созналось это всеми, то увидели бы, что не любить надо, а ненавидеть и уходить дальше, начинать перестраивать все сначала.

Отчего все ходят по земле и никто не знает, что она такое?

На другой день я на работу не пошел, а ушел скитаться в поле. И там лег в рожь и думал до вечера, где найти настоящих людей, которые все знают. Где лежат настоящие книги?

Сам я ни о чем не мог догадаться, и что узнавал, в том сомневался, и начинал опять сначала. А жить и не знать — так и Волчок не мог. Я должен ясно увидеть все до конца и быть уверенным и твердым в жизни.

Раньше никому не нужно было знание, потому что нужен был хлеб и размножение людей. Благо было в полном удовлетворении тела. Теперь благо в истине, только это одно я узнал в тот день и пошел счастливый домой.

На дворе я лег в траву и стал глядеть в землю — пыль, песчинки, дохлая мошка и муравьиные дороги.

<1920>

ВОЛЫ

За Криндачевскими рудниками стоит богатая станица, не станица, а хлебный колодезь.

А под старыми казачьими степями, по которым уходил когда-то с сыновьями Тарас Бульба в Запорожскую сечь, лежит уже тысячи веков жир земли — тугой, плотный уголь, каменная сила. Лежит и полеживает.

Вверху в белых мазанках живут потомки запорожцев и уже забывают про турецкого султана. Только развешаны в горницах кривые старые сабли, и на ножнах темнеет древний серебряный узор.

Старики еще помнят старинные заунывные песни похода со свистом про турецкую нечисть и про шляха. И когда с Москвы шли большевики, то они пророчили, что обернулись турки с другой стороны и опять идут на православие.

Старики призывали сесть на коней всей молодежи и, как допрежь, отстоять святую веру, жен и весь свой тихий божий народ.

— Ляжем всеми, сынки, за божий крест на наших степях,— говорили на сходах усастые деды.

Но сорокалетние сынки помалкивали и в томлении глядели за станицу в вечереющие просторы. Они знали, что такое война, а креста не чуяли так, как отцы, им больше хотелось овец и воллов, каменный дом, ухватливую хозяйку.

И хоть грех в церковь не ходить, но и жить в бедности и разорении, стегать на коне по степи — не модель.

Отрываться от любимого двора, хозяйства, от родной станицы, бросать жену и все, чем живешь и что любишь,— не лежит к тому душа, что ни говори старики.

С рудников по праздникам приходили кацапы до казачек, не крестились у храма и грозили спьяна лавочникам большевиками. Черные и чужие, они бродили до утра по станице.

Бросай, Ванька, водку пить.

Пойдем на работу.

Будем деньги получать

Каждую субботу.

Пришел Деникин, сгрел хлеб и воллов, повесил троих шахтеров и слился на Москву.

Помутилась душа и у старых казаков. Все тише и любимей стали дворы и амбары, и на жен кричать стали реже.

— Где же вона, правда божия? Знать, у тех, кто с крестом, ее нету. И из креста глядит антихристовая харя...

Перестали ходить кацапы с рудника, пропали как один.

— Пусть и не вертаются, бисовы дети, от них борщ кислый, голодранцы лапотные,— так брехали старые бабы.

Казаки ухмылялись: бог жабе хвоста не дал, чтоб травы не толочила. А ум бабий, что хвост жабий.

Ветром пронеслись назад генералы, отняли всех волов, оставили только кому пару, кому две и пропали к Черноморью.

Пропылили не спеша последний раз родные волы и пропали навек.

Много ушло с генералами молодежи и стариков. Остались только у кого помутилась душа и кто потерял концы привычной правды или пожалел степь и хозяйство.

Пришли большевики. К деду Антону Карпычу без спроса и без разговору ввалился в хату молодой веселый человек в кожаном картузе и лба не перекрестил.

— Здорово, станичник!

— Здоров будь.

— Далеко белые?

— А кто же за ними гнался?

— Покурить можно?

— Твоя ж воля.

— Так. А ты не обижайся, старина, покурю и уйду. Трогать не будем, не до вас пришли, живите себе.

Посидел, посидел веселый кожаный картуз, засмеялся и пошел.

— Прощай.

— С Богом, сынок!

И повеселел старик: люди ж и они.

Под вечером, как начали сниматься большевики, вынес сала ломоть и дал какой-то красной звезде.

— Спасибо, отец! Свидимся еще.

— А как же? Да вот волов свели, плешь их башке, пшеницу тоже посвезли...

— Ничего, ничего, сработаем еще, наживем. Теперь дело видней. Всем плохо, перетерпим.

Старик зашел в кучу солдат, осматривался и слушал.

— Так не ждать их?

— Как хошь, хоть жди, да не дожدهшься.

— А вы не турецкой будете породы? Крест-то носите?

— Крест сжечь надо, на нем Христа распяли. А породы мы все одной. Это они крест всем несут, а мы крест со своей спины снять хотим, чтоб жилось легче.

— Так-так...

Старик понял все слова и пошел домой обдумывать.

Ушли и большевики. У соседа Родионыча остались нетронутыми две пары волов. Он приходил каждый вечер к Антону Карпычу и радовался и клял.

— А? Ведь хозяин еще я, Карпыч, а? Как скажешь? Може, не воротится фронт никола... И степь и волы — наши, и хаты целы, и хлебом до лета натянем... И крестов с церковей не посшибали, брехня одна была...

Карпыч думал и думал, где истинный бес, где печать и клеймо его?

Не там ли, где волы его. Не крест ли печать бесова... Не можно никак молиться тому, на чем замучили Христа, как же этого никто не узнал?

Он вспомнил веселого хлопца в кожаном картузе. Не бес же он, и клеймо на нем небесное — звезда.

Карпыч уснул и увидел во сне, будто тихо бредут по степи его волы домой с Черноморья.

<1920>

В МАСТЕРСКИХ

1. Электропоезд

— Стратоныч, давай пожуем!

— Давай.

И мы жевали картошку с требухой.

— Нады стою я в очереди,— гундосил Стратоныч.— Аж до двенадцати стоял, ждали все требушного начальника. Ах, грачи!

— Ну, пойдём, попробуем мотор.

И мы пошли.

— Давай! — закричал Стратоныч.— Легче, легче, ремень заматаешь! Нельзя так. Стоп!

Я выключил.

— Легче давай, помаленьку!

Мотор пошел, и ремни заплясали.

— Вот! Не спеша надо, а то ты рвешь.

Перед гудком мы разговорились:

— А што, Стратоныч, давай ребят подговорим, электропоезд сделаем, как, я тебе говорил, в Петрограде сделали. Вечером по два бы часа после гудка оставались, а воскресенье — напролет. Как думаешь?

— А! Так што ж? Давай! Завтра же ребят подговорим.

— Ну да. Вагоны нам дадут, а остальное мы сами обдумаем. Мы его попроще загоним. Двинемся тогда к Ростову, станем на моторах с тобой.

— Обдумать это надо. Приходи-ка ко мне вечером чертежи плановать.

— Ладно. Я уж почти обдумал. У нас будут свои аккумуляторы...

И мы начали обдумывать по вечерам планы. Ребята все согласились.

Мы со Стратонычем думали за всех.

2. Бог

— Горит же вот! Поди ж ты! Ведь надо же обдумать. Солнцу сто очков дает.

И Черепендик в удивлении задумался, он был чернорабочий — колеса катал — и удивлялся всему на свете, и всех любил от удивления.

Электрическую лампочку он особо уважал: самая удивительная вещь.

— А чудочек тепленькая, ишь! — и он поласкал ее ладонью.— Светлые чудеса... А машины-то, машины! Скажи, Степ, на милость, откуда сила только берется, гудовень такая стоит?.. А огонь-то, огонек-то, как замер, и не дышит будто...

Черепендик работал неделю, а раньше жил в деревне и от голода прибежал в город. Он был маленький и добрый человек.

— Ему бы не работать, а черепендиками торговать,— сказал раз один токарь.

Так его и прозвали: вылитый черепендик он и был.

Увидел он машины в первый раз, испугался, переменялся весь и, говорят, молиться стал на них, а прежнего Бога позабыл:

— В нем силы-голосу нет, видимости никакой,— говорил Черепендик.

Через месяц ему отмяло ногу, и он долго пролежал в больнице, а потом ушел на деревню с проповедью, что всякая машина есть бог и чудотворец.

<1920>

СТРАННИКИ

Митя ходил каждый день в лавку за хлебом по тихой улице, где уже кончался город и начиналось поле.

Ходить было далеко и жарко, а хорошо — было видно поле и дорога, и по ней шли странники. В сердце поднималось томление, хотелось ему уйти, куда уходят каждый день люди с сумками и никогда не приходят домой.

Хлеб брали в долг — и Митя ходил с книжкой, где лавочник Петр Васильевич писал карандашиком: «узето хе 8 ко». «Взято хлеба на 8 копеек», — догадывался Митя.

Когда шел он с хлебом домой, то садился на камень у заставы и глядел. Скоро будет двенадцать часов: загудит гудок и отец придет обедать, а Митя сидел и думал.

Поле было большое и тихое, и сейчас никто не шел по дороге, все прошли и скрылись за лесом.

Солнце горело, как костер, и не было ни ветра, ни тихого разговора на дороге.

Пыльная лебеда росла на канаве, и внизу, у корешков, у комочков, по бугоркам лазили муравьи и спали божьи коровки.

Митя думал, куда идут дороги и где конец света. Он давно узнал, что и поле, и леса, и странники — днем, как сонные, только ночью начинают жить по-настоящему и шепчутся по вечерам.

Вечером он уходил к ребятам, к Степанихе на огород. По завалинкам пели сверчки, и кто-то сидел и молчал в кустах.

Они сидели под плетнем и слушали, как носятся и поют комарики над головами.

Митя залезал на плетень, и опять было видно поле. Теперь там было темно и ходили там звезды. Оттуда был слышен шум, будто вышли из лесов и оврагов странники и уходили толпою по дороге в другой город.

Днем Митя дрался и играл, а вечером начинал любить и жалеть всех.

Больше всего он любил, чего никогда не видал: дальние неизвестные края, куда хотелось уйти и куда уходили нищие и богомольцы после зари, когда бывает прохладно и тихо.

Небо, плетни и шептавшиеся поля, где ходят и ищут люди по ночам, моргающая звезда звали Митю на дорогу идти до утра, встретить, чего никто не видал.

Он знал, что собаки дохнут и их бросают в канаву. Издох Волчок зимой, и его не нашел больше Митя.

Так было нельзя.

И Митя думал, что странники уходят в другую землю, на конец света, где встречаются со всеми, они жалеют всех и не могут тут оставаться.

Во сне он видел другую землю, где солнце светит днем и ночью, как большой костер, и кругом его сидят радостные тихие странники и Волчок, а вокруг сторожами ходят звезды.

<1920>

СЕРЕГА И Я

Мы шли с работы. Около домов на камне лежал белый холодный свет вечеряющего дня. И солнце было низко; оно рано уходило за кирпичные трубы кочегарок, эти угрожающие пальцы земли. Начиналась тихая сонная осень. Ветер дул реже и не был так жесток, как раскаленным ноющим летом. Небо побелело и стало ближе и ясней, будто опустило глаза к человеку.

Каждую прожитую осень я помнил с детства, и всегда она была такая же, как теперь. Белое небо, белая земля, пустой безгolosый простор без конца и холодно.

По мостовой гремят телеги, и ломовые на них спят, только передний дремлет и посматривает и махает без толку кнутовищем.

Мы дошли до слободы, где жили, и увидели поле. Там никого не было, и лес был не за семь верст, а прямо против нас. Он стоял и смотрел на жнивье, на каменный город и на нас. В стороне от леса на песчаном обдутом кургане стоял какой-то человек и будто всматривался в далекий город. Он стоял и не шевелился. Может быть, это была палка или забытое исклеванное вороньем чучело на бахчах. А я думал и знал, что там человек.

Старый Волчок встретил нас и обрадовался. Умные незверинные глаза ласкались и любили. Я, как родился, помнил его. Волчок хорошо чувал это и на мой голос отзывался криком не по-собачьи.

Мой товарищ Сафронов пошел в свой переулочок. Он знал и видел то же, что и я.

Нам обоим надоело вставать по гудку, и мы собирались бежать на Дон, в кусты, жить рыбаками. Мне больше хотелось уйти в пастухи, но и рыбаком быть хорошо, и я согласился.

До поры до времени мы молчали и таили в себе эту единственную нашу радость.

— Эх, хорошо бы,— говорил я.

— Хорошо,— откликнулся Сафронов.

— Ладно, што ль?

— Ладно.

И на том мы кончали.

Мастерская давила и ела наши души. Люди там делались злыми. Цельный день мы таскали носилки со стружками и мусо-

ром, а то лодырничали, уходили в траву на задний двор и не боялись никого: все равно навеки уйдем скоро отсюда.

— Эх, Серега, Серега...— ни к чему говорил я от тоски и тихой радости скорого спасения.

— Да, Андрюх, будет нам жисть, и не сказывай... Вон вить што, как оборотилось дело-то...

Серега Сафронов был умен и рассудителен, как большой мужик. Он был из деревни, а я городской. Во всех людях он видел мастеров и десятников, а я — не знаю кого, только боялся их.

И мы сошлись душа в душу, без него я пропал бы, а может быть, и он без меня. Не узнали, а почували мы это, и полюбили друг друга, и слепились, как два щенка на льдине.

Сафронов ушел и не оглянулся. Я постоял, постоял, посмотрел, как темнеет и тихнет все, пропадают поля, и пошел домой.

Дома я зажег лампу и взял любимую книжку. Листнул ее и прочел: «В селе за рекою потух огонек...»

Мать спала. Волчок гавкал на дворе, и жужжали под потолком издыхающие мухи.

Я увидел лето и большую белую ослепляющую реку в синих лучах. На песке, на том боку, засыпает соломенная деревня и брешут собаки, и нигде — никого. Только глядит в темное небо оттуда чей-то поздний огонь из окна. Должно, лампадка. Зудит мошкара над головой, и еще тише.

Тухнет огонь, будто его и не было. И не найдешь глазами, где была деревня. Обрадовалась и загудела мошкара — и сразу пропала. Один остался комарик и звенит, как за две версты, а он на носу. Маленький и живой. Я мал и один, тихо и темно. Но сразу может кто-то показаться, ударить, загреметь и все осветить. И увидишь не то, что видно днем, а другое, и кто-то посмотрит оттуда на тебя, улыбнется и скроется.

А утром будут те же луга, поля, солома, деревня и плетни. И солнце ползет и чешет пашни. И я увижу, что здесь родился, и никуда не пойду.

Волчок ныл у сенец. Ветер шарахался в ставни. Мухи притихли на потолке, мать проснулась и глядела на меня.

Я задремал на столе и увидел счастливый сон, а утром забыл его и не мог рассказать.

На другой день мы с Серегой работать не пошли. А пошли в поле, куда подальше. Там мы залегли в песчаном логу и стали думать каждый про свое.

Солнце туго лезло поверху, выдирало из земли последнюю травку и растекалось по прохладному белому небу.

Сейчас ребята таскают там носилки. Долго еще до вечера, подумал я, и мне стало нехорошо на душе.

— Серег, а Серег? — позвал я.

— Ну — што?

— В селе за рекою потух огонек...

— Игде?

— Вечером на том боку в деревне...

— Ну-к што ж.

Мы лежали на земле, как на теплой ладони. Осыпался песок, и за шею поналезли муравьи. Парило будто весной. Мы поняли, что лежим прямо против неба и что мы живы. Я прижался к земле и почувствовал, как лечу вместе с ней и люблю.

Песок перестал сыпаться, и ветер совсем стих. Я махнул рукою — ничего не было надо мною. Серега перемахнул рукою — ничего не было надо мною. Серега переобувался и слушал... Я схватился за траву и испугался. Мне подумалось, что я падаю, и я замер и прижался.

Песок был горяч и крепок, и я отошел.

— Тут ведь земля не такая, как у нас, — сказал я Сереге тихо, чтобы он ничего не узнал. — Тут не земля, а песок.

На дороге пыль закрутилась столбом.

— Пошли, што ль?

— Пойдем.

Мы тронулись к городу. Ветер стегал песком и завывал в стоячих сухих палках от подсолнухов. И откуда он взялся? Ничего не было...

— Серез, Сереза... Когда ж на Дон скроемся?

В селе за рекою потух огонек...

— Обожди. Надобно всех ребят с мастерской взять. Что ж они-то? Всеми тогда уже и тронемся оттуда, пропади она пропадом.

— А пойдут они с нами?

— Да обеспека, а то как же...

Навстречу ехали мужики с базара, знакомые ребята прокатывались сзади, а потом пристали к нам.

— Знаешь што, Серез? Пойдем к нам домой, я тебе книжку прочту, там складные стихи.

<1920>

БЕЛОГОРЛИК

Сто лет тому назад плясал мой дед с девками в одной хате на краю губернии, в глушине одного хутора дворов на одиннадцать.

А приехал он из губернии и потому надел воротничок, сорочку и золотые пуговицы — вышло у него белое горло поверху коричневого.

Попал дед прямо на свадьбу и заплясал с девками, закачал умильно головою на белом горле.

Глядят ребята в окна, а в хату пускают не всех, рогач через ручку проткнут.

Пыхтят девки, юбки раздуваются, белогорлик-дед ногами шевелит, не спеша и чинно, не как все, а по-благородному.

Ребята стояли-стояли и нажали на раму:

— Выходи суда, белогорлик. Пузо прорвем... Разлапался... Барин, кишки жидки... Душу вышибем, все одно тебе помирать.

Дед услышал, отошел к сторонке и зашептался с девками.

Те укутали его шубенкой, замотали платком белое горло и выпустили через гумна.

Дед метнулся через плетни и пропал.

Было душа пропала через белое горло.

Девки наворачивали, наворачивали ногами, а ребята за окнами, которые нищие и бродяги по одеже, ждали белогорлика вышибить душу и прорвать пузо.

<1920>

ЖИВАЯ ХАТА

Подошли мы с Никитой к одной хате на косогоре, где были старушки, а две лампы горели с лампадой.

Подошли и стукнули:

— Хозяин, пусти постоять, на людей глянуть...

Вышел мужик, вроде попа, глянул на нас и прорычал:

— Отшывай, стервецы, дале... Гости сучьи...

Мы постояли и подумали. Я был велик и полон крови, а Никит втрое и кровь мог из руки спускать ведрами, а есть мог, как жернов.

— Что ж, двиганем? — сказал Никит.

— Двиганем.

Никит нажал под святой угол, качнул хату, потом надулся, что в животе забурчало, заскрежетал подошвами по песку, захрипел, и хата поползла по косогору на картошки.

Люди в хате побежали ногами, и там посыпались иконы, горшки, корчажки и всякое нутреное житейское снаряжение.

Никит нажимал и пихал, а хата слезала и ворочалась.

Внутри металась свахи и старухи, визжала невеста, а мы, похотатывая, жали под святой угол.

<1920>

ЖАЖДА НИЩЕГО

(Видения истории)

Был какой-то очень дальний ясный, прозрачный век. В нем было спокойствие и тишина, будто вся жизнь изумленно застыла сама перед собой.

Был тихий век познания и света сияющей науки.

Тысячелетние царства инстинкта, страсти, чувства миновали давно. Теперь царствовал в мире самый юный царь — сознание, которое победило прошлое и пошло на завоевание грядущего.

Это был самый тихий век во вселенной: мысль ходила всюду неслышными волнами, она была первой силой, которая не гремела и не имела никакого вида.

Века похоронили древнее человечество чувств и красоты и родили человечество сознания и истины. Это уже не было человечество в виде системы личностей, это не был и коллектив спавшихся людей самыми выгодными своими гранями один к другому, так что получилась одна цельная точная математическая фигура.

На земле, в том тихом веке сознания, жил кто-то Один, Большой Один, чьим отцом было коммунистическое человечество.

Большой Один не имел ни лица, никаких органов и никакого образа — он был как светящаяся, прозрачная, изумрудная, глубокая точка на самом дне вселенной — на Земле. С виду он был очень мал, но почему-то был большой.

Это была сила сознания, окончательно выкристаллизовавшаяся чистая жизнь. Почти чистая, почти совершенная была эта жизнь горячей точки сознания, но не до конца. Потому что в ней был я — Пережиток.

В век ясности и тишины вылетел я из смрадного тысячелетия царства судьбы и стихийности и остался тенью на сияющем лице сознания, на образе Большого Одного.

Я был Пережиток, последняя соринка на круглых, замкнутых кругах совершенства и мирового конца.

Сознание, Большой Один превозмогал последние сопротивления природы и был близок к своему покою.

Большой Один кончал работу всех — камня, воды, травы, червя, человека и свою.

На пути к покою у Большого Одного оставался один только я — это было страшно и прекрасно.

Я был Пережиток, древний темный зов назад, мечущаяся злая сила, а Он был Большой и был Сознанием — самим светом, самую истинной, ибо когда сознание близко к покою, значит оно обладает истиной.

Но почему я, темная, безымянная сила, скрюченный палец воюющей страсти, почему я еще цел и не уничтожен мыслью?

Это было единственной тайной мира, другие давно сгорели в борьбе с сознанием.

Мне было страшно от тишины, я знал, что ничего не знаю и живу в том, кто знает все. И я кричал от ужаса каменным голосом, и по мне ходил какой-то забытый ветер, прохладный, как древнее утро в росе. Я мутил глубь сознания, но тот Большой, в котором я был, молчал и терпел. И мне становилось все страшнее и страшнее. Мне хотелось чего-то теплого, горячего и неизвестного, мне хотелось ощущения чего-нибудь родного, такого же, как я, который был бы не больше меня.

Мне хотелось грома, водопадов и жизни угрожаемой смертью, а тут была тишина и ясность, тишина и последняя, упорная дума.

Я хотел гибели, скорой гибели, и еще больше хотел чего-нибудь темного и теплого, громкого и далекого. То что было теперь, то было не больше того, что было при моей юности в древности.

И я начал погибать, потому что начал видеть дальние чудесные вещи, а разное шептанье и желанье теплоты во мне прекратилось.

Я увидел одно видение прошлого и стал другим от радости. Я увидел бой еще раннего слабого сознания с тайной. (Может, это мне показал Большой, в котором я был, — я не думал тогда о том. А я уже начал чуть думать! Стал плохим Пережитком.)

Еще были города, и в небе день и ночь из накаленных электромагнитных потоков горела звезда в память побед человечества над природой.

Моря были освещены до дна, и к центру Земли ходили легкие машины с смеющимися детьми.

На Северном полюсе горел до неба столб белого пламени в память электрификации мира.

Маленькие девочки тоже носили имена Электрификации, Искры, Волны, Энергии, Динамо-машины, Атмосферы, Тайны.

А мальчики назывались Болтами, Электронами, Цилиндрами, Шкивами, Разрядами, Амперами, Токами, Градусами, Микронами.

Тот век тоже был тихий: только что была кончена страшная борьба за одну истину и настал перерыв во вражде человечества и природы. Но перерыв был скучением сил для нового удара по Тайнам.

Ученый коллектив, с инженером Электроном в центре, работал по общественному заданию над увеличением нагрузки материи током через внедрение его с поверхности в глубь молекул.

Человечество давно (и тогда уже) перестало спать и было почти бессмертным: смерть стала редким случайным явлением, и ей удивлялись, а умерших немедленно воскресали. Организм беспрестанно возобновлялся в потерях и работал без перерывов. У людей разрослась голова, а все тело стало похоже на былиночку и отмирало по частям за ненадобностью. Вся жизнь переходила в голову. Чувства и страсти еле дрожали, зато цвела мысль.

Но ничто не уничтожалось у этих людей: только переходило в сознание, снизу вверх. Они понимали любовь, красоту, страсть, всякую старую силу, всякую темную душу, но не жили сами этим, а только сознавали это. Жили же они мыслью, познанием.

Их сознание было соединением всех пережитков, хранилищем явлений прошлого, памятью обо всем, вдохновленной волей к бесконечному.

Эти люди жили тем, что отрывали кусочки у природы и складывали их в себя, составляли память, а память — это сущность сознания. Потом этой же памятью о прошлом они воевали за будущее, употребляли его как орудие, беспрестанно усиливавшееся благодаря напряжению и борьбе.

Сознание — это деятельная память. Так я увидел в том веке.

Ученые с инженером Электроном работали сплошным временем. Сам Электрон был слеп и нем — только думал. От думы же он и стал уродом.

Иногда легкая бескрылая машина уносила его на высокую башню — Атмосферный напор 101, где Электрон работал тоже над какой-то новой конструкцией.

Я заметил, что эти люди не поднимали никогда головы и не смеялись. На Земле не было ни лесов, ни травы и перестали кричать звери. Одни машины выли всегда, и блестели глаза электричества.

Женщин было меньше мужчин, и любви между полами почти не было. Женщины гибли и от ожидания гибели становились

спокойными и тихими, как звезды. Бессмертие их не касалось. Мужчины-инженеры не говорили об этой новой правде женщинам. И они не спрашивали, а молчали и ходили белыми видениями в синих залах горящих городов. Были времена решительных ударов, и женщина казалась всем насмешкой.

Времена стихали, и вселенная работала в тишине. Инженеры были все, а инженеры только думали, и в думе была вся жизнь. Все науки уравнились и свелись к технике.

Гремели машины, а люди все больше молчали. Росла голова, мénéло тело, и прекраснее были женщины от близости смерти.

Мир перестал шевелиться, двигаться, давать чем-нибудь знать о себе: всякое усилие, всякое явление природы переходило в машины прежде своего проявления в действии и там уже разряжалось, но не впустую, а производило работу. Реки не текли, ветры не дули, гроз и тепла давно не было — все умерло в машине и из машины приходило к людям в самой полезной, совершенной форме — пищей без остатков, кислородом, светом, теплом в количестве точной нормы.

Гром и движение вселенной прекратилось, но загрели машины за нее.

Раз инженер Электрон, когда был на башне Атмосферного напора 101, упал на маленькую машину, у которой долго стоял и раскинул свои тонкие, слабые ручки-веточки. Маленькая машина завертелась, загудела сильнее самых больших, потом докрасна, добела накалилась и сгорела. Электрон стоял и по слепоте не видел, но махал ручонками и качал с боку на бок головой, будто от изумления, как моя бабушка в двадцатом веке, когда еще дули ветры и лились дожди.

Потом инженер Электрон открыл рот и запел, поборов немоту. В этой странной забытой песне был гром артиллерии и свет надежды, как в песнях моего далекого мученического века. Это в нем пел его Пережиток.

Электрон полетел на бескрылой машине в ученый коллектив. На дороге ему встречались женщины и глядели долго вслед: они редко видели мужчин, и от этого у них загоралось старое семя любви.

Электрон дал миру сообщение волнами нервной энергии, вызывающей трепет сознания у всех людей:

«При нагрузке молекул материи однозначными электронами сверх предела, когда объем электронов становится больше объема молекулы, у нас завращался двигатель на Напоре 101. Двигатель от большого количества получаемой энергии сгорел при ра-

боте. Конструкцию его помним. Никаких электромагнитных потоков между исследуемой материей и двигателем не было. Есть новая поэтому форма энергии, неизвестная нам. Надо начать наступление на эту тайну».

Мир вздрогнул, как от удара по ране, от этого сообщения. Еще тише стали люди от дум, и машины заревели от великой работы.

Обнажился враг — Тайна.

И началось наступление. Между источником силы и приемником нет никакого влияния, а передача совершается. Какая же это сила?

Сознание не терпит неизвестности, оно открывает борьбу за сохранение истины.

Для успешности борьбы были уничтожены пережитки — женщины. (Они втайне влияли еще на самих инженеров и немного обессиливали их мысль чувством.)

Инженер Электрон стал впереди наступления. Тайна тяготила людей, как голод, и от нее можно потерять бессмертие и силу науки.

Электрон дал приказание по коллективу человечества от имени передовых отрядов наступающего сознания: «Через час все женщины должны быть уничтожены короткими разрядами. Невозможно эту тяжесть нести на такую гору. Мы упадем раньше победы».

Мир задумался. И тишина была страшнее боя, а рев машин, как древний водопад.

Скоро Электрон затрепетал опять ручонками-веточками и дал сообщение:

«Кончено. Материя стремится к уравнению разнородности своего химического состава, к общему виду, единому веществу — к созданию материи одного простого химического знака. Уравнивающие силы пронизывают пространства от вещества большей химической напряженности к меньшей. Это было скрыто. При перегрузке молекул током создаются особо выгодные условия для такой взаимной уравнивающей передачи сил: их течет тогда особенно много. И заработавшая машина на Напоре 101 превратила эти химические силы в движение, чтобы освободиться от их избытка».

И опять мир стал искать тайн, а до времени успокоился. Из Северного полюса бил белый столб пламени, и на небе горела электромагнитная звезда в знак всех побед.

Искусством в те века была логика полной, чистой мысли, а наукой — это же самое, а жизнью — наука.

Жизнь перешла в сознание и уничтожила собою природу оттого, что были раньше люди, которые объявили весь мир врагом человечества и предсказали ему смерть от человека. И оттого, что сознание стало душой человека.

Или мир, или человечество. Такая была задача — и человечество решило кончить мир, чтобы начать себя от его конца, когда оно останется одно, само с собой. Теперь это было близко — природы оставалось немного: несколько черных точек, остальное было человечество — сознание.

Мир можно полюбить, когда он станет человечеством, истинной, а вне нас — он худший враг, слепой несвязанный зверь. И ему был сказан конец.

Я снова очнулся Пережитком в глубокой сияющей точке совершенного сознания, Большого Одного; перестал видеть, и во мне зашептали хрипучие голоса страсти и родилось желание сладкой теплоты и пота. Моя сущность во мне выла и просила невозможного, и я дрожал от страха и истомы в изумрудной точке сознания, в глубине разрушенной вселенной. Теперь ничего нет: Большой Один да я. Моя погибель близка, и тогда сознание успокоится, и станет так, как будто его нет, один пустой колодезь в бездну.

И я поднялся, и везде все засветилось, потому что я увидел, как кругом было хорошо и тихо, как в идущие века.

Я понял, что я больше Большого Одного; он уже все узнал, дошел до конца, до покоя, он полон, а я нищий в этом мире нищих, самый тихий и простой.

Я настолько ничтожен и пуст, что мне мало вселенной и даже полного сознания всей истины, чтобы наполниться до краев и окончиться. Нет ничего такого большого, что бы уменьшило мое ничтожество, и я оттого больше всех. Во мне все человечество со всем своим грядущим и вся вселенная с своими тайнами, с Большим Одним.

И все это капля для моей жажды.

<1920>

ЕРИК

Жил на этом свете в Ендовищах один мужик по названью Ерик. Человек он был молодой, а сильный и большой. Бабы не имел и чего-то то и дело чхал.

Не было веселее Ерика на свете: никогда в нем не сокрушалась душа и не скорбело сердце. По этому миру Ерик был как раз впору.

Шли по улице мужики, и шел им навстречу Ерик и чхал.

— Во, карежить его,— говорили мужики,— должно, воздуха в душу не пролезает. Дух не по ем.

— Да. Должно, так... Дерет его чох, поди ж ты!

— Такой уж чудотворный человек.

А Ерик любил дышать, любил всякий дух и чхал для потехи. Радость он чуял во всем и на все отзывался.

Занимался он многими делами — пахал, думал, ходил по полю и считал облака. К вечеру он ворочался на деревню и щупал девок.

Ерик не верил ни в Бога, ни во врага.

— Все человечье,— думал он,— и нет у земли концов. Что захочу, беспременно сделаю. Захочу — скорбь произведу, захочу — радость.

И Ерик, правда, делал многие дела и был душевный человек, хотя и жил один без бабы, как супостат, и приплясывал, когда звонили к обедне.

Раз приходит к нему враг рода человеческого и говорит:

— Хошь, я тебя научу людей из глины лепить?

— Давай,— сказал Ерик.

— А что дашь?

— Лапоть.

— А еще чего?

— Чего ж еще: бери, вон, корчажку, чуни, юбку... Не обижу, не бойсь.

— Да ладно уж, вижу,— сказал враг и научил Ерика людей лепить из глины, из земли и всякой пакости, если ее наслюнявить.

Наделал Ерик людей целый полк и распустил их по всему пузу земли, искать у нее четырех концов. Разошлись вражки и Ериковы дети и пропали: ни слуху ни духу. И Ерик уж позабыл их и принялся за новое дело — задумал небо проломить и голову в дырку наверх просунуть и поглядеть — есть там Бог иль спрятался.

Ходил он опять по полю под облаками и думал обо всем — отчего так хорошо на свете, когда ничего нету тут хорошего и все дела известны. Ночью небо ближе и глядят с него звезды — змеиные глаза. У девок по вечерам сиськи распухают и слезы на глазах.

Отчего еще глаза у них похожи на озера, когда на дне туманом ходят небеса. Колдуны и старухи говорят, что у святых в глазах звезд больше, чем на небе.

Ведьма, дурья голова, — в глазу одна звезда, зато она добрее всей звериной бездны наверху.

С мужиками Ерик водился по-братски — они чуяли друг в друге человеков и не смущались, что жили, как брошенные, одни в своей деревне без всего света. Из каждой хаты видно небо, а с неба виден весь свет. И в тихую ночь можно слышать все голоса, как перекликаются люди друг с другом по земле.

И прошел раз слух: объявились гдей-то вражьи дети и выворачивают будто пузо земли наружу кишками и печенками. Всю пакость внутренюю будто даром показывают всем на потеху и утешенье. Отреклись они от Бога и врага рода человеческого, опередили их и задумали переверотить мир и показать всем, что он есть пакость и потеха. Нужно, дескать, самим сделать другую землю сначала.

Заухмылялся Ерик с народом: Бог с врагом — давно други и сватья, ад с раем всегда перекликаются. И хоть вражьи дети задумали дело такое, да сами-то на врага не похожи — не то хуже, не то лучше.

На Егорьев день появилась на небе прорубь, высунулась оттуда насмешливая голая голова и опять спряталась.

— Ах, враг тебя нанюхай, — хохотали мужики.

Вечером девки пошли хороводом и пели до полночи над прудом. Ждали других женихов, не своих ребят с оголтелыми рожами.

Дней через пять обломилось небо и выворотилась земля. Полилась отовсюду пакость и нечистота. Все увидели, что такое был белый свет, и насмеялись над ним.

Мир кончился потешением и радостью. Земля и небо оказались пакостью, курником, и никому не были больше надобны. Ериков полк наделал делов.

Ночью все пропало, и очутились люди близко друг к другу, и остались навсегда одни.

Воротились с пустыми руками пастухи и вдарили в жалейки. Одно дело кончилось, а другое началось.

ПОЭМА МЫСЛИ

На земле так тихо, что падают звезды. В своем сердце мы носим свою тоску и жажду невозможного. Сердце это корень, из которого растет и растет человек, это обитель вечной надежды и влюбленности. Самое большое чудо — это то, что мы все еще живы, живы в холодной бездне, в черной пустынной яме, полной звезд и костров. В хаосе, где бьются планеты друг о друга, как барабаны, где взрываются солнца, где крутится вихрем пламенная пучина, мы еще веселее живем. Но все изменяется, все предается могучей работе. Вот мы сидим и думаем. Если бы вы были счастливы, вы не пришли бы сюда. Холодный пустынный ветер обнимает землю, и люди жмутся друг к другу; каждый шепчет другому про свое отчаяние и надежду, про свое сомнение, и другой слушает его, как мертвец. Каждый узнает в другом свое сердце, и он слушает и слушает.

Если мир такой, какой он есть, это хорошо. И мы живем и радуемся, потому что душа человека всегда жених, ищущий свою невесту. Наша жизнь — всегда влюбленность, высокий пламенный цвет, которому мало влаги во всей вселенной. Но есть тайная, сокровенная мысль, есть в нас глубокий колодезь. Мы там видим, что и эта жизнь, этот мир мог бы быть иным — лучшим и чудесным, чем есть. Есть бесконечность путей, а мы идем только по одному. Другие пути лежат пустынными и просторными, на них никого нет. Мы же идем смеющейся любящей толпой по одной случайной дороге. А есть другие, прямые и дальние дороги. И мы могли бы идти по ним. Вселенная могла бы быть иной, и человек мог бы поворотить ее на лучшую дорогу. Но этого нет и, может, не будет. От такой мысли захлопывается сердце и замораживается жизнь. Все могло бы быть иным, лучшим и высшим, и никогда не будет.

Почему же не может спастись мир, то есть перейти на иную дорогу; почему он так волнуется, изменяется, но стоит на месте?

Потому что не может прийти к нему спаситель и, когда приходит, если придет, не сможет жить в этом мире, чтобы спасти его.

Но хочет ли мир своего спасения? Может, ему ничего не нужно кроме себя, и он доволен, доволен, как положенный в гроб.

Но смотрите. Мы люди, мы часть этого белого света, и как мы томимся. Всегда едим, и снова хотим есть. Любим, забываем и опять влюбляемся своей огненной кровью. Растет и томится былинка, загорается и тухнет звезда, рождается, смеется и умирает человек. Но это все видимость, обманчивое облако жизни.

Но вот когда жизнь напрягается до небес, наполняется до краев, доходит до своего предела, тогда она не хочет себя. Вечером тишина смертельна. Песня девушки и странника невыразима, душа человека не терпит себя. Небо днем серое, но ночью оно светится, как дно колодца,— и нельзя на него смотреть.

Великая жизнь не может быть длиннее мига. Жизнь это вспышка восторга — и снова пучина, где перепутаны и открыты дороги во все концы бесконечности.

Мир тревожен, истомлен и гневен оттого, что взорвался и не потух после мига, после света, который осветил все глубины до дна, а тлеет и тлеет, горит и не горит, и будет остывать всю вечность.

В этом одном его грех. После смертельной высоты жизни — любви и ясновидящей мысли — жизнь наполняется и сосуд ее должен быть опрокинут. Такой человек все полюбил и познал до последнего восторга, и его тело рвется пламенной силой восторга. Больше ему делать нечего.

Мир не живет, а тлеет. В этом его преступление и неискупимый грех. Ибо жизнь не должна быть длиннее мига, чем дальше жизнь, тем она тяжелее. Сейчас вселенная стоит на прямой дороге в ад. В траве и человеке гуще и гуще стелется безумие. Множатся тайны, и уже не пробивает их таран мысли. От муки чище и прекрасней лицо вселенной, молчаливей тишина по вечерам, но не хватает в сердце любви для них.

Зачем вспыхнуло солнце и горит и горит? Оно должно бы стать синим от пламени и не пережить мига.

Вселенная — пламенное мгновение, прорвавшееся и перестроившее хаос. Но сила вселенной — тогда сила, когда она сосредоточена в одном ударе.

<1920–1921>

В ЗВЕЗДНОЙ ПУСТЫНЕ

Тих под пустынею звездною
Странника избранный путь.
В даль до конца неизвестную
Белые крылья влекут.

День и ночь и всю вечность плывут и плывут над землей облака. Дома, под крышей мастерской, везде, где неба не видно, мы знаем, что есть облака.

Если небо просторно, пустынно и солнце от зноя стоит, в нашем сердце идут облака. Их шорох, как тихая вечная музыка, которая гонит надежду. И не знаешь, что лучше, этот тоскующий шелест или пустынная радость, когда нечего больше желать. Путь облаков тих, как дыхание, как неспетая, несложенная песня, слова которой втайне знаешь.

Облака, звезды и солнце идут в одну сторону. В этой безумной и кроткой неутомимости, в этом беге в бесконечность есть тоска, есть невозможность, и от нее рвется душа.

Есть мысль: Земля — небесная звезда. В ней больше восторга и свободы, чем в целой жизни.

Сама мысль есть уже не жизнь, а больше жизни. От ее пришествия вспыхивают самые далекие миры.

Мысль не знает страдания и радости, она знает одно, что есть неизвестное. Она может восстать и на истину, если эта истина не нужна человеку.

Был глубокий вечер и звезды. От звезд земля казалась голубой. Звезды стояли. Игнат Чагов шел один в поле.

Далеко дышал город, который Чагов так любил за его мощные машины, за красивых, безумных товарищей, за музыку, которую вечером слышно в полях, за всю боль и за восстание на вселенную, которое в близкие годы вспыхнет по всей земле.

Он не мог видеть равнодушно всю эту нестерпимую, рыдающую красоту мира. Ее надо или уничтожить, или с ней слиться. Стоять отдельно нельзя. Подними только голову, и радостная мука войдет в тебя. Звезды идут и идут, а мы не с ними, и они нас не знают.

И неимоверная жажда труда и страданий загорелась во всем теле. Мускулы надувались буграми, мысль билась, как горная птица в детской клетке. И небо было ниже, тяжелые камни оседали на дно, и мир стоял, как голубой и легкий призрак, он был разгадан. Звезды останавливались. Но Чагов знал, что это ложь, внутренняя игра его несметных человеческих сил, и до истины всем далеко. Но человеку нужна не истина, а что-то больше ее. Чагов смутно чувствовал — что, но не мог сказать, только слепая радость вздувалась в нем от смутного сознания, что нет невозможного, что невозможное можно сделать, как делают машины, одолевающие и превосходящие законы природы.

Днем сегодня прошел дождь, и после земля была как под стеклом. Теперь, ночью, леса глубоко запустили в нее корни и неподвижно молчат верхушками. Реки текут тише, чем днем, и далеко, на краю поля, светит и не светит костер заночевавшего в курене человека.

И по всей вселенной текла сладкая влага жизни и наслаждений, истомляющая невыносимая боль.

Все застыло в покое и благе.

Со всех довольно того, что есть.

Обрывы оврага остро глядели в небо, как в каменную, непреодолимую пустоту. Черные четкие глиняные глыбы лежали мертвые и безнадежные. Они должны воскреснуть или взорваться.

Вселенная — это радость, позабывшая смеяться. Она — невзорванная гора на нашей дороге. И зарницы мысли рвут покой и радость и угрожают довольному миру пламенем и разрушением до конца, до последнего червя.

Мы никого не забудем.

Сейчас, в эту минуту, по всем слободам, окружающим город, на полу, на нарах, по сенцам спят грязные, замученные, голодные люди. Это черная масса мастеровых, людей с чугунными мышцами и с хрустальной ясностью сознания.

Днем они шевелятся у станков и моторов. Ночью спят без снов и почти без дыхания, со смертной усталостью.

Чагов чувствовал, что он — это они, спящие сейчас, как трупы. Они недовольны миром, для них мир не загадка, а куча железного лома, из которого надо сделать двигатель. Этот двигатель увезет нас всех отсюда, из этой тоскливой пустыни, где смерть и труд и так мало музыки и мысли.

Рабочие и днем живут наполовину. Глубоко в материю, в железо мы запускаем свои души, и материя томит нас работой,

как сатана. Чтобы мы ожили, материя, мир, вся вселенная должны быть уничтожены. Больше нет спасения. Ни одной двери для нас не оставлено, их надо проломать руками.

От вечернего до утреннего гудка мы томимся сном. И сон для нас не облегчение, не отдых, а непосильная работа: мы растрачиваем, мы одолеваем во сне время и не получаем за это ничего. Мы забываемся, а наш враг — вселенная все время живет и усиливается.

Сон — это отступление рабочих масс перед освирепевшим миром, душащим тело усталостью.

Мы изнурены черным зноем работы, мы не чуем себя, а спасения еще не видно. Никогда, ни в одном из нас не шевельнулась сладкая-сладкая боль, боль любви к женщине.

Мы — сознающие, мы видящие, и мы принялись за самую тяжелую работу.

Пусть те, кто дети, играют в песке и думают, что мир им мать, а жизнь — влюбленность.

Душа наша — ненависть. И ненависть наша так велика, что она перерастет и захлестнет собою мир.

На земле, на далеких невидных планетах растут и растут ненавидящие рабочие массы. Труд и есть ненависть. Эта ненависть есть динамит вселенной. Мы растем и множимся без конца — и спасем себя только мы сами, мы все, а не самые умные среди нас. Мы умны и могучи, когда вместе; в одиночку мы погибаем.

Мы — Масса, единое существо, родившееся из человека, но мы и не человек, и человеческого в нас нет ничего. И на солнце я чувствовал бы всех в себе и не был одиноким.

Масса, новое вселенское существо, родилась. Она копит в труде свою ненависть, чтобы разбрызгать ею звезды и освободиться. В ее бездне-душе всегда музыка, всегда песнь освобождения и жажды бессмертия и неимоверной мощи.

И это чувствовал в себе Чагов. Всегда в нем пела и тосковала душа, и было легко жить в этой обреченной звездной пустыне, окруженным синими манящими безднами, машинами и товарищами.

— В безнадежности надеяться,— прошептал Чагов и улыбнулся.

Жизнь в нем была так велика, что он всегда смеялся, когда говорили смешное или несуразное, как бы он ни тосковал в это время.

Ночь шла и не проходила. Чагов сидел на дне оврага, и легко, бессознательно играла в нем мысль, как кровь билась по жилам.

Потоки звезд шли над ним. Один раз тень беззвучной, молчащей птицы скользнула по траве, по белому серебру росы. Внутри его все затихло, и он прислушался, перестал дышать и замер, как зверь. Потом пощупал руки, способные разорвать пасть льва, и засмеялся.

Вместе с кровью и теплом шла в его теле вольная мысль и делала за него работу познания. В такие минуты он бессознательно и без желания был ясновидящим. Может быть, потому, что сам мир только прозрачная, беззвучная ясность и наша воля, наш труд, наше сомнение затемняют его.

В черной еле шевелящейся Массе механиков и мастеровых мысль также текла из глубин тела и не управлялась сознанием, а была стихией и бурей.

И иногда, редко, тайно от самих себя, при безумных взрывах энергии в машинах и в Массе, мы смутно ощущали эту податливую, слишком покорную мягкость материи, и наша энергия, не находя мощного сопротивления, нечаянно уходила на разрушения, уносилась, как гранитная глыба в пустом пространстве, удваивая скорость с каждым моментом.

Мы тогда напрягались, регуляторы ставили на полную скорость, мы размахивались и ударяли в пустоту и сами падали.

Может, нету мира. Но машины дробили металл, подшипники накалялись, моторы выли, и здания от них дрожали — и мы сомневались.

Но в такие минуты нас схватывала тоска, и мы сокращали напор энергии, под нами исчезала материя.

Чагов вспомнил эти миги, когда машины перегружали сверх нормы до невозможного, когда в кочегарках плавилась дверцы топок, и динамо ревели, и между проводами вспыхивали молнии, когда забывалась наука и выступало человеческое безумие и вера в свои машины, в сознательность организованного металла, в товарищество жизни с материей; и над всем телом Массы, слившейся с машинами, бегал, и охватывал, и пронизывал его электрический ток — разум работающей Массы, урегулированная, точная мысль, новое, великое сознание.

На вершинах труда исчезает мир, и ты свободен, и тебе не страшно. Не пустыня кругом тебя, а убегающие от тебя звезды. Ты свободен, ты больше не ненавидишь, не любишь и не мыслишь. Ты только знаешь. И другая, неведомая сила взорвется в тебе, какой тут нет имени.

Нежно и тонко где-то далеко запела птичка, будто заплакал ребенок. Чагов посмотрел на небо, на тишину, и старая боль от

нестерпимой зовущей красоты вселенной впилась в него. Будто позвала она его, как девушка, которую Чагов всегда любил и которой не было на свете:

— Родной мой.

И он заплакал, как одинокий древний человек. Звезды в мраке качались, как цветы, и оседала густая роса.

Чагов поднялся и вышел из оврага. Далеко также горел и не потухал костер уснувшего человека. Выл гудок на заводе, выпуская ночную смену, и тяжело дышала паром электрическая станция. Он вспомнил машины, великих товарищей, спящих до утреннего гудка, и засмеялся от радости и надежды.

— Мы идем к тебе, неведомый мир, мы очарованы тобой, и мы никогда не умрем.

Чагов вытянулся, кровь хлынула от сердца, и он задрожал от силы и бессмертия.

Внезапная, страшная мысль ударила его. Он остановился и потерял руки.

Он долго не мог понять, что ему делать и нужно ли теперь идти в город, нужно ли работать. Красная звезда пробичевала небо и бесшумно исчезла в пустоте, озарив смутные дороги и какого-то человека на них.

Больше ничего не было видно.

Чагов очнулся. Низко блестел поздний месяц. Мертвая земля лежала без конца. Спали в городе товарищи.

В этот миг могла случиться страшная катастрофа, и никто бы не спасся. Человечество увидело бы только иной сон. Один Чагов больше не увидел бы сна и бился бы один с разбушевавшимся миром до конца, до смерти в восторге. И может, победил бы и увидел последний, бесконечный сон.

Чагов понял свою внезапную пронесшуюся мысль.

— А что если и мысль, и жажда истины есть только та же простая сила, как голод или ритмическое колебание крови в теле, только хорошо организованная, высшая форма этой простейшей силы... И поэтому мысль и истина — ничтожество в бездонной пучине вселенной, вселенная имеет более великие ценности, неизвестные человеку. Тогда работа Масс не имеет того смысла и цели, какие мы думаем, тогда сама полная победа Масс над природой есть только победа природы же над своим неравновесием, а не победа внешней силы — человечества — ради человечества. Тогда все это слишком ничтожно и потому ненужно.

Мысль есть жизнь моего тела, и тело произвело мысль ради себя, а земля произвела тело ради себя.

Чагов пошел.

— А тогда мы-то на что? Мы восстанем и на это, раз это так, но не обманемся и биться за ложь, за мечту не будем. Тогда мы восстанем и на мысль, и на истину, и на себя, но добьемся конца.

Без усилия, без муки, вольно и высоко вскинулся в нем живой неистребимый дух, строящий надежды и радость везде, где есть тьма и сомнение. И он неуловимо, безмолвно и без мысли понял свою правду и пошел к городу быстро и свободно, не чуя себя.

Город горел в электричестве.

Чагов оглянулся. Также горел на краю поля костер, может, уже ушедшего человека, но он был так далеко, будто на небе, и звезды были рядом с меркнувшим огоньком.

Тихо подошел к Чагову из темноты человек и обнял его. Чагов ответил и поцеловал его. Человек заплакал.

— Что с тобой, товарищ?

Человек опомнился и заговорил:

— Я хочу для тебя сделать что-нибудь, я пришел поклониться... Я ходил всю ночь по городу, и никого нигде нету. Я бросился в поле... Я от любви не могу жить и спать...

Его тонкие руки зашелестели по волосам Чагова. Чагов понял: в последнее время, время накануне восстания Масс на вселенную, много стало таких людей, которые поклонялись человеку, молились на него и часто умирали от своей безысходной, невыносимой любви.

Светало. Чагов пришел в общежитие и сел за стол за чертежи любимой машины, за свой великий проект, который он творил, как поэму. В нем опять запела музыка, и его геройская человеческая душа заиграла в железной неоконченной поэме.

Поднялось солнце, и сразу по одной команде заревели тысячи гудков.

<1921>

ВОЛОДЬКИН МУЖ

(Мои похождения на этом свете)

Машинист компаунд-машины «О» окончательно в разделку расторговался нефтью. Дальше хоть на волах тащи состав. Лил он бабам нефть прямо в корчажки, в чугуны, в дежки — во все, что имеет некоторую закупоренность, пустоту и что можно втупор же опорожнить от еды.

Почитай, вся волость тащила и волокла провиант и даже амуницию к карьере, где грузился песок, на паровоз к Володькину мужу.

Володькин муж — это есть машинист. Прозвали его так потому, что он был как раз Володькин муж, на него и похож. Володькин муж брал все — не то что молоко там иль муку, а и всякое барахло, кофты, оловянные серьги, щи, монисто, пеньку, кочерыжки, а за сотку нефти просто целовал и щупал девок какие пожирней — тем и расквитывался по совести и тем никого не обижал.

Около паровоза, когда приезжал Володькин муж, всегда стоял табор народонаселения, тут пели песни и зажигали костры, когда вечерело. А девки ходили хороводом, аж подпрыгивали сиськи:

У Володькинова мужа
Забурчало с квасу пузо,
Не ерошь, не трожь Маланью,
Паровоз топи сметаной.

Володькин муж, упористый, невеликий ростом мужчина, стоял на тендере и от убоготворения тихо и не спеша ухмылялся, ерихонился, и в утробе его тихо переливалось и прело продовольствие. За этот день он почавкал столько, что живот распух и пупок пропал: вся кожа на работу пошла.

— Хоть бы понос аль рвота прохватила, што ль,— думал уж Володькин муж.— А то што ж невтерпеж, ни вздохнуть ни рыгнуть...

И вдруг он рыгнул. Задремавшая было около тормозного рычага сваха Пелагеюшка аж привскочила, схватилась за юбку и одернула ее:

— Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!.. За упокой новопреставленной Натальи, Федулы со чадами...

Горел костер, и отсвечивала гололыдая луна.

Сваха Пелагеюшка икнула и перекрестила во имя Отца и Сына и Святого Духа рот:

— Што, бабка! — опять с рыготиной вырвалось у Володькиного мужа, — ай поминает кто?

— Поминает, касатик, поминает. Поминушки у побирушки.

— Вот же вот. А меня поминает, аж кишка выпирает.

— Да это ты, касатик, обтрескался.

К Володькину мужу подошла какая-то цигарка. Оказался толстый и косой мужчина при жилетке и при часах. Муж стих.

— Слухай, Володимир супруг, меняй паровик!

— Што ты, черт, сколбасился?

— Суть тебе говорю. Полный сурьез мерикандую в карикатическом смысле...

— Што ты, дьявол, чертилин жлоб! Бельмастая гнида, плюху захотел!..

— Ей-ей нет... Очухайся! Сколь мучицы простого размола, если уж рассказывать так, а?

Володькин муж глянул ему в рожу, на архирея похож и воняет от него псиной какой-то.

— Постой, свечка, дай раскину...

— Ничего, с обождением сурьезней.

Подошла бабка с творогом.

— Не ливанешь гаску, родитель?

— Валяй, валяй, еруха! Гас у меня за гашником.

Косой мужчина при жилетке вертел другую цигарку и думал о богородице.

— Ну даешь!.. твое-мое, а мое у цыгана в сундуке, зимой в бредне... Ну, посусоль палец — и отмачивай!..

— Мыслительный вы человек, Володимир супруг, раз-два — и за кокошник. Десять, што ль, и без никаких! Как вы соображаете?

— Эх, да крой полным ходом без жезла, ошарашка! Звизнуть бы тебе, чтоб сычуг лопнул, мать твоя жабье брюхо... Песню мне теперь охота, аж чтоб ветер в звездах свиристел.

— А это можно певунью-мадамочку предоставить, — преподобно сказал косой. Клонилась и холодела луна, и охаживали руки в боки девки.

От Володькинова мужа
Бурчит пузо штой-та дюже,
Ай ты, пузо, не ори,
Ты партков ему не рви.

ЗАМЕТКИ

1. В полях

Я шел по глубокому логу. Ночь, бесконечные пространства, далекие темные деревни, и одна звезда над головою в мутной, смертельной мгле... Нельзя поверить, что можно выйти отсюда, что есть города, музыка, что завтра будет полдень, а через полгода весна. В этот миг сердце полно любовью и жалостью, но некого тут любить. Все мертво и тихо, все — далеко. Если взглядишься в звезду, то ужас войдет в душу, можно зарыдать от безнадежности и невыразимой муки — так далека, далека эта звезда. Можно думать о бесконечности — это легко, а тут я вижу, я достаю ее и слышу ее молчание, мне кажется, что я лечу, и только светится недостижимое дно колодца, и стены пропасти не движутся от полета. От вздоха в таком просторе разрывается сердце, от взгляда в провал между звезд становишься бессмертным.

А кругом поле, овраги, волки и деревни. И все это чудесно, невыразимо, и можно вытерпеть всю вечность с великой, невероятной любовью в сердце к тому пропавшему навсегда страннику, который прошел раз мимо нашего дома летним вечером, когда пели сверчки под завалинками. Странник прошел, и я не разглядел ни его лица, ни сумки, и я забыл, когда это было, — мне было три или семь лет или пятнадцать. Сердце навсегда может быть пораженным похилившейся избенкой на краю деревни, и ты не забудешь, не разлюбишь ее никогда, каким бы ты мудрым и бессмертным ни стал, куда бы ни ушел. Я и на Солнце и на Сатурне не забуду этого лога, этой ночи и смертной тишины. Все мне дорого, ничего нельзя забыть и оставить; и каждой рытвине, каждому столбу и далекому человеку, пропадающему на дороге, я говорю: я возвращусь.

Всякий человек имеет в мире невесту, и только потому он способен жить. У одного ее имя Мария, у другого приснившийся тайный образ во сне, у третьего печная дверка или весенний тоскующий ветер. Я знал человека, который заглушал свою нестерпимую любовь хождением по земле и плачем. Он любил невозможное и неизъяснимое, что всегда рвется в мир и не сможет никогда родиться.

Я сейчас вспомнил этого человека и должен его встретить в этом логу. Вон — далекий огонь. Костер или хата. Я озяб, изго-

лодался, пойду поговорить с людьми и увидеть между ними того, вспыхнувшего в сердце человека.

2. Бог человека

Самый старый и настоящий бог на свете — пузо, а не субтильный небесный дух. В водовороте и горенье кишок — великая тайна, в рычании газов слышатся святые песнопения и некое благоухание и тихое умиротворение.

Живот — храм человека, живот — обитель радости и человеческой доброты.

Пузо — воротило всех дел. Все другое и остальное растет из пуза и им направляется по верным путям спасения. Без пуза погибать бы всем.

Вся земля только и движется пузом, ибо, когда стонут и поют кишки, человек делается чудотворцем.

Он, к примеру, сделает машину и начнет ею колотить горы, чтобы правильнее ветры дули и лились дожди, он еще возьмет и узнает, как сделалась земля, чтобы ее переделать, а без пуза ничего бы он не сделал, ничего бы не нужно ему было, потому что человек думает и работает от мучения, а мучение бывает, когда визжат кишки.

Вот, для показа, как идут дела в царстве живота.

Шел я по большому селу. Стоят хаты, стоит тишь, бабы в окна поглядывают (старые, стервы!), дремлет и замирает отощавшая лошадь у плетня. Милая моя, ты чище и грустнее человека: голодная почти до смерти, а стоишь молчишь, мужик бы бабу начал колотить, ребят пороть и сейчас же выдумал бы небесного бога — спасителя, а ты — молчишь. Спасибо тебе, лошадь, ты одна не имеешь богов, а без богов живут только сами боги.

Вон мужик шел-шел и остановился — уставился на меня и глядит, а баба его аж через плетень свесилась. И оба кротко молчат. Хорошие они, в сущности, люди — живут по-лошадинному.

На одном окне я заметил наклейку. На удивительно чистом и большом листе бумаги были изображены слова: «Вот тут, апосля вечернего благовестия, в Брехунах, за одну картошку каждый сможет узреть весьма антиресную лампаду — стоячий липистрический огонь, свет святой, но неестественный можно сказать, пламя. Руками его шупать будет смертоубийство...»

Дальше на листе были длинные рассуждения, целый циркуляр с пунктами о том, откуда на земле свет, и почему бывают волдыри от ожогов, и где живет Ананьевна, заговаривающая всякое пупырчатое тело. А в самом низу было экономически причерчено: «А на Покров Феклуша Мымриха пойдет телешом, и снимет капоты для удовольствия, и покажет живое тело за одно денное прокормление...»

<1921>

НЕВОЗМОЖНОЕ

Я не доклад собираюсь читать, а просто, с возможной краткостью и простотой, по-евангельски, расскажу вам про жизнь одного человека, моего товарища,— про эту жизнь, начавшуюся так богато и удивительно и кончившуюся так чудесно. По сравнению с этой короткой жизнью жизни Христов, Магометов и Будд — насмешка, театральность, напыщенность и скучные анекдоты.

Вместо теории, вместо головной выдумки, пусть строгой и красивой, я беру факт действительности и им бью, и мне никто не сможет ответить равным по силе ударом. Моя роль сводится к роли простого рассказчика.

Я не знаю, буду ли я рассказывать о любви или о другой, более мощной, более чудесной и еще никому не ведомой силе. Мне думается, что я буду говорить о чем-то другом, но я это другое и называю любовью, смеясь над тем обыденным физиологическим явлением, которое называют все любовью. Дело не в слове. Любовь — прекрасное певучее слово, и я назвал ее именем тот мир, которым я был недавно на всю жизнь поражен, который переродил меня, и я его никогда не забуду.

У шведского физика Аррениуса есть красивая, поразительная гипотеза о происхождении жизни на земле. По его догадке — жизнь не местное, не земное явление, а через эфирные невероятные пространства переправлена к нам с других планет в виде колоний мельчайших и простейших организмов. Ведь известно, чем ниже организм, чем проще его структура, тем он выносливее к жару, к холоду, к истреблению и т. д. В холоде межпланетных пространств такие организмы несутся в обмершем состоянии и, встретясь с землей, оживают, частично приспособляясь к новым для них условиям. Исследования над жизнью микроорганизмов и теоретические дальнейшие выводы из этих исследований привели к тому, что жизнь на Солнце в его адской, ужасающей температуре вполне возможна, так же, как и в мертвой пустоте эфира, и на лунных кратерах. Общий вывод отсюда такой: нет таких условий во вселенной, к каким бы жизнь не могла приспособиться. Если эти условия губительны, катастрофичны, то жизнь упрощается до невероятно малого, чем повышает свою устойчивость и

выносливость, и тем спасается. Может быть, атомы и атомы атомов — электроны есть те же микроорганизмы, только предельного, начального типа, так как они выносят уже любые вселенские условия и при лучших условиях они как-то синтезируются, усложняются, вступают во взаимную связь и т. д., но при ухудшении этих условий они опять разрушают свои постройки и отступают до первичного тела — электрона, могущественнейшего из всех конструкций мира, потому что самого простого, так как в нем минимум конструкции — и разрушительным стихиям остается очень маленькое, узкое поле для действия.

Что же перевезло по эфиру эту пыль жизни с звезд на Землю? Что служило им транспортом? Я предполагаю — свет. Свет имеет давление около миллиграмма на один квадратный метр. Вот, пользуясь этим давлением, как ветром в океане, эти тельца жизни и переплыли эфирную бездну. Парусами им служили их же тела, а источником светового ветра и начальным направляющим пунктом его — Солнце.

Но как они смогли отойти от Солнца, т. е. преодолеть его притяжение? Но тяготение зависит от массы, а масса такого микроорганизма близка к нулю, и световые волны, идущие от Солнца, оказываются сильнее солнечного тяготения и преодолевают его. Кроме того, тут играют роль протуберанцы — солнечные пламенные ураганы, на десятки и сотни тысяч километров вздымающиеся от поверхности Солнца. Микроорганизм, попавший в такой вихрь, отделяется от Солнца, а ведь сила тяготения ослабевает обратно пропорционально квадрату расстояния. Значит, действие Солнца как ветра усиливается по мере того, чем дальше тело от Солнца, так как световая волна меньше там затрачивается на погашение обратной ей силы — солнечного притяжения.

Вообще говоря, если жизнь не земного происхождения, то только солнечного. Эти микроорганизмы приплыли по эфиру к нам с Солнца — и больше ниоткуда. Иначе нельзя понять механизм их транспортирования. А аппаратом, переправившим их к нам, служит свет. А вся Земля в сфере господства только солнечного света и только в крайне незначительной степени — в сфере света других солнц — далеких звезд. Так что получение жизни со звезд маловероятно или вероятно только в невероятно малой доле.

Жизнь — солнечного происхождения. Мы потомки Солнца — не в переносном смысле, а в прямом — физическом. Но жизнь не только перенесена солнечным светом, она сама — свет в физическом смысле. Ибо атом есть, по выводам науки, система электронов, а свет есть электромагнитное переменное поле с час-

той перемен — периодов в секунду около 5 000 000 000 000 000 (пятьсот триллионов) и длиной волны в 0,6 микрон. Нет тела, состоящего не из атомов, а атомов — не из электронов, а электрон есть элемент света. И очень вероятно будет то предположение, что Земля не получала вообще никаких готовых микроорганизмов, а получала и получает один свет и из этого света уже сама образует жизнь в близком и понятном нам смысле, соответственно своим условиям.

Само пространство, по новейшим учениям, электромагнитной природы, т. е. родственно свету или просто свет, так как и свет есть только электромагнитное переменное поле. И этот свет-пространство есть купель жизни; из света делается жизнь на каждой планете, и светом она питается и возобновляется. Тут волнует и вспоминается старое библейское предание и восточные и египетские религии о происхождении всего из света, о боге света и добра — Ормузде. Только тогда было проникнуто в эту тайну верой и интуицией, а мы подошли к нему через знание. Все-таки, как мало мы имеем права смеяться над верованиями древнего человечества!

Свет заслуживает главного внимания всей науки всего земного человечества; вся техника сведется в конце концов к светотехнике. Вся промышленность, экономика, культура, весь дух человечества революционно изменятся светом, т. е. когда мы сумеем утилизировать энергию света как двигательную силу для наших машин. Однажды изобретенный прибор, который можно будет установить на любом из этих столов, произведет такую революцию, перед которой все бывшие революции человечества — ничто. Ибо тогда будет найден способ овладения универсальной мировой энергией — светом и будет найдено другое его использование для нужд человека. Работы в этом направлении уже ведутся, и уже достигнуты громадные результаты.

Прибор этот, названный фотоэлектромагнитным резонатором-трансформатором, играет роль преобразователя света в обыкновенный рабочий электрический ток, которым могли бы работать наши электромоторы, а свет, т. е. переменное электромагнитное поле с такой частотой перемен и такой длиной волны, как было указано, конечно, не годится для целей промышленности. С изобретением такого прибора будет окончательно решен энергетический вопрос рабочего человечества, ибо свет не поддается исчислению в мощности как энергия. Вся бесконечность, как учит наука, есть свет, есть сфера электромагнитных содроганий. Значит, мы запряжем тогда и в наши станки бесконечность в точном смысле слова. И этим решим великий и первый вопрос чело-

вещества — энергетический вопрос. Нерешенность его — причина всех зол. Все злое происходит на земле от недостатка свободной, сейчас же годной в работу энергии, которую не надо добывать тяжким трудом. Свет есть такая энергия, которую не надо руками выкапывать из земли, эта энергия только проходит через известный прибор и превращается, выходя из него, в наш рабочий электрический ток с частотой перемен уже не 500 триллионов раз в секунду, а только 50 и т. д.

Овладев светом, человечество будет почти всемогущим, и история его переступит решающую черту. Изобретение прибора, превращающего свет в рабочий ток, откроет эру света в экономике и технике и эру свободы в духе, ибо человек только тогда освобожден будет от труда — работы, от боя с материей и предается творчеству и любви, о которой я сейчас буду читать.

Я буду читать о своем лучшем друге, теперь уже не живущем, давшем мне лучший пример жизни и открывшем нечаянно для самого себя чудо, от которого он и погиб для жизни и может воскреснуть где-то в иной *<далее часть листа утрачена>*.

Что вселенных много, и совершенно оригинальных, к этому подходит даже современная наука. В этом нет ничего сверхъестественного. Напротив, естественное, природа — есть всегда нечто более смелое и гениальное, чем самая вольная человеческая мечта. Только теперь мы начинаем понимать это. Так что, говоря о другой вселенной, я мыслю о ней, как о невообразимой для меня действительности, но именно действительности, факте.

И вот родился раз человек, радостный, простой и совсем родной земле, без конца влюбленный в звезды, в утренние облака и в человека; влюбленный не мыслью, а кровью. Раз мы стояли с ним в поле ранним летним утром. На востоке в нежном невыразимом свете горела одна пышная последняя голубая звезда, и на нее неслись и неслись без ветра, в великой утренней тишине, неуловимые, почти несуществующие облака. В этот час все дороги в поле были пусты и прямо и недвижно стояла полными колосьями рожь. Далекий город не начинал еще греметь. Это был час полета облаков и тихого света. Я узнал тогда, что полная тишина есть вселенская музыка, и слушать ее можно без конца, и позабыть жить. Мы стояли очарованные и почти плакали от восторга. Облака умерли, и уже летели другие навстречу солнцу и сгорали в утреннем свете солнца и последней звезды. Эта звезда светилась и сквозь облака. Мы тогда поняли, как много неземного на земле, как в нашу тяжелую вселенную врезаются другие, неведомые, чуждые и легкие, как свет и дыхание, миры. Тогда у

нас обоих родилась мысль о свете как об энергии, которой можно напитать и спасти человечество, и вывести его на путь борьбы с этой вселенной, и победить ее, сделать человеческой обителью. Именно тому другу моему принадлежала первая мысль, а после — блестящая теоретическая разработка вопроса о построении фотоэлектромагнитного резонатора-трансформатора, преобразующего свет в ток. Он был по работе электриком, но не только им. Ничему почти не учившись, он обо всем догадывался и все знал. Это был почти не человек — легкий, ласковый и радостный днем, он рыдал по ночам оттого, что жизнь и человек *такие*, когда так легко можно быть иными и лучшими. Он воображал себе самую обыкновенную человеческую жизнь, воображал до того, что видел около своей койки на самом деле эту жизнь, прямо глазами, и видел, как безнадежна, мучительна и нестерпима такая жизнь и как она невозможна в таком мире, где есть свет и утренние облака, где есть предчувствие чего-то радостного и невозможного, от чего рвется сердце.

Я помню, какое счастье ему было просыпаться утром и видеть свет в окне, видеть цветы в плошках и солнечное сияние на вершине тополя у соседнего дома.

— Вот, понимаешь, — говорил он, — не могу переносить света просто, не могу видеть ночью звезды, — такая тоска и истома поднимаются в душе, как будто что-то дорогое утрачено невозвратно.

Свет был его радостью и предчувствием. Но больше света и звезд он любил луну — этот тихий, сокровенный и вещий свет. В лунные ночи он метался по улицам, разговаривал с людьми; раз при мне поцеловал какую-то женщину и за это был избит ее спутником в кровь медным набалдашником палки.

Луна делала его лучшим и безумным. В такие минуты он постигал и видел все. Его кровная связь с миром была могущественна как ни у кого, и мир говорил ему о себе все, — ему не надо было читать книжек и ходить в университеты. Он был рожден в самом центре, в самом тугом узле вселенной и видел невольно и без усилий поддонный, скрытый и истинный образ мира. Все ему было открыто, все тайные глухие двери распахнуты, как для любимого сына, но он ничего не брал, никуда не шел, ничем не пользовался, а жил, как все, и только любовался по-своему.

Музыка приводила его в исступление. Больше всего он любил Лунную сонату Бетховена. И если он всегда жил, как пьяный и безумный, то после Лунной сонаты он уходил в странствие и пропадал по неделям.

Он мог не двигаться и все-таки переживать все, что делается во вселенной до ее последних пределов.

— Чтобы знать, надо делать руками,— пошло заметил ему раз один товарищ.

— Зачем? Это бессилие — делать,— ответил он,— это бессилие души человека. Не вставая со стула я могу любить, умирать, совершать подвиги и великие работы — и делать это на самом деле и ярче и действительней, чем руками. Для этого надо только иметь душу.

Удивительно он умел работать. В сущности, это был великий и неповторимый лентяй. Он никогда ничего полезного не делал; его кормила какая-то девушка, которая считала его почему-то своим женихом, а он ее — невестой. Но в редкие моменты на него что-то находило, он садился за стол, исписывал каракулями и значками горы бумаги и сваливал после все в сундук, где пропадало это навеки, и он сам не вспоминал никогда о своих работах. После такого труда он бывал каким-то глупым и пустым. Вихрь бешеной работы выматывал из него все до конца, и он медленно наполнялся снова.

Вся его жизнь, как теперь я понял, была предчувствием и подготовкой к чему-то, чего он сам не знал и не предвидел, но чему был обречен.

И раз это случилось. Бездны планов, проектов и целые звездные сонмы фантазий роились в наших головах. Для осуществления любой, самой маленькой из них, требовались тысячелетия. Но мы ими просто играли и дарили их тому, кто первый попросит. Нам было по восемнадцати лет, когда это случилось. Он набрел на столб на дороге — и больше не мог его ни забыть, ни перенести. Он понял этот столб, как нужно по-настоящему понимать человеку все вещи в мире,— и больше ничего.

Странное и невозможное состояние нашло на него. Он не мог больше ходить, есть и думать. Он не мог забыть и просто переварить и перенести в душе пустынной дороги и старого изгнившего столба на ней. Что в нем было в те минуты — я не знаю и не знал, но он не мог больше жить. Ясно и видимо всем шло в нем истребление жизни. Он что-то увидел на той дороге и ходил туда каждый день.

Потом сразу это оборвалось, кончилось, забылось, и он стал прежним. Он опять стал чистым, радостным и задумчивым.

Он забылся в свирепой работе. Фотоэлектромагнитный резонатор-трансформатор под его руками приближался к концу. С изобретением этого аппарата такие вопросы, как междупла-

нетное сообщение, казались пустяками. В свободные ночные минуты он думал о какой-то книге, которую собирался написать, чтобы вообще больше человеку не нужны были ни книги, ни науки, ни такая жизнь.

Смелый и простой, понимающий и безумный, кипящий и зажигающий, всегда тревожный, всегда с открытыми мутными, тоскующими глазами — он был один истинно живой, истинно имеющий душу, среди миллиарда трупов-автоматов, называющегося человечеством.

Разбудить его ночью, окрылить и зажечь внезапной мыслью и уговорить его броситься сейчас же на гибель — ничего не стоило. Это был человек, видевший в камнях ураганы, это была густая красная жизнь, не разведенная водой страха и сомнения в себе. Если мир есть окаменелый ураган, то он был ураганом освобожденным, каким мир был когда-то и будет опять.

Мир должен воскреснуть или взорваться, но таким, как есть, он быть не должен и быть не может. Мой товарищ был первой искрой, в которую превратился камень. Он один ходил ожившим, проснувшимся среди еще глубоко спящего мертвого мира.

Вот, недавно, на дорогах нашего мира появился этот неумирающий Агасфер и пропал навсегда, ничего не сделав, присланный сделать все, зажечь или взорвать эту окаменевшую громаду — вселенную, отворить тяжкие двери тайн к вольным странствам силы и чуда.

Он один был живым и тревожным среди нас, мертвых и спящих. И своим исчезновением, своей смертью он доказал всем, что есть иная вселенная. И по его дороге должны пойти все люди. И там, где мы когда-то летним утром видели свет, звезду и облака, там, где он увидел дорогу и столб, а потом девушку, — там мы увидим все когда-нибудь свое спасение.

Печальный и ласковый странник — Агасфер прошел и показал дорогу, ничего не показывая и не говоря. Мы должны увидеть мир его мутными, тоскующими глазами.

Так это было. Пошли мы раз с ним в один дом, где нас обоих знали. Пришли и сели. В том доме никого не было, кроме дочери нашего общего товарища, — Марии. Все трое мы ничего не говорили, и это молчание нам было легко. Так и должно быть. Есть моменты, когда человек с человеком сливаются в одно своими сокровенными душами, и тогда бывает экстаз. Только через другую душу можно увидеть весь мир, а не через одну свою. Ког-

да люди будут уметь спаиваться в одно при посредстве одного безмолвия — не нужно будет никакого искусства, ибо всякое искусство есть транспортное средство от души к душе. Тогда будет не транспорт, а совмещение.

Мы сидели тем грозным осенним вечером в ласковой маленькой комнате, полной света и музыки далекого рояля (кто-то играл в соседней квартире). Мария сидела, простая и ясная, и глядела в книжку. За окном замерла тьма и шлепал сапогами прохожий. Друг мой сидел и думал. Он не знал, зачем пришел и о чем говорить с этой странной кроткой девушкой. Он, кажется, и не посмотрел на нее ни разу как следует. А она сидела и не чувствовала, какое чудо она вызовет через полчаса; и так проживет и умрет, ничего не узнав, не виновная ни в чем. Так мне казалось тогда.

Потом мы о чем-то говорили, и товарищ мой вдруг наклонился к ней, взглянул в ее тихие чуть поднятые глаза и откинулся в стуле. Через миг он светился. Светился всем телом; свет шел из него; не тот воображаемый глупый поэтический свет, а свет настоящий, какой зажигают в комнатах по вечерам. Такой материальный свет и есть самый чудесный и единственный свет. Сам сын света, весь сотворенный из света, как и каждый из нас, он отдавал теперь свою душу другому человеку, в него входило что-то другое и вытесняло старую душу-свет. Это все покажется сказкой, а я это видел, и это научно верно. Действительность смешнее и фантастичнее фантазии. Человек, думающий, что он знает настоящий мир, глуп: он знает кусок действительности, обрубленный так, чтобы было покойно жить. Дурак он.

Через минуту мы шли уже по улицам, и он, светящийся так, что видны лужи, был смешон и жалок. И встречные люди останавливались и удивлялись. В первый раз по земле, по грязной улице скучного, злого города шел светлый и светящийся человек. В первый раз человек полюбил другого человека; и другой, ясный и мучительный мир, вонзился в этот — и завязалась короткая радостная борьба между любовью и жизнью. Жизнь есть свет в физическом смысле, и этот свет уходил из моего друга, чтобы могло в него войти другое.

В мертвом мире, при гробовом молчании жизни раздался первый удар, шел светлый вестник катастрофы. И никто ничего не понимал.

— Что с тобой? — спросил я у него.

— Я люблю, — сказал он тихо. — Но я знаю — чего хочу, то невозможно тут, и сердце мое не выдержит. Ты понимаешь? Нет, ты ничего не поймешь. Ты знаешь, как тяжело мне сейчас?

И мы шли и шли ночью около домов, где спали люди от усталости и тоски.

— Чего же ты хочешь?

— О, знаю,— ее хочу! Но не такую. Я не дотронусь до нее. Ни губы, ни груди мне не нужны. Я хочу поцеловать ее душу... Нет, тут ничего невозможно. Этого нельзя сказать. Слово сделано для удобства. Я не знаю, как сказать, и никто никогда ничего про это не скажет ни словом, ни музыкой, ни песней. Это можно иметь, но нельзя об этом рассказать. Этого, я чувствую, никогда ни у кого не было — в первом во мне, и со мной прекратится...

Он замолчал, трудно задышал, и у него от жара шелестели губы.

Прошел теплый мокрый снег, и мы подошли к дому, где он жил. Я зажег лампу. Он сел и тихо заговорил:

— Ее хочу. Но всю такую, какая есть. Не мечту свою я люблю, а ее — с бровями, с платьем, с глупостью — всю такую... Но *тут* это невозможно. Но слушай, я говорю все глупость, я не знаю, что говорю и чего хочу, у меня нет сознания. У меня нет воли дышать...

Он лег на пол, положил голову на дрова и сразу весь померк. Я наклонился и увидел, что его нет. Лежит один мертвый человек, и глаза у него открытые, и эти глаза чужие, и я их никогда не видел.

Он лежал померкший и мирный. Его ураганная, пламенная душа навсегда замерзла в этом теле. Любовь обняла в нем жизнь и задушила ее.

Вошла его невеста, или кто она ему была, и начала скучно плакать.

Я пошел домой. Все кончилось. Любовь в этом мире невозможна, но она одна необходима миру. И кто-нибудь должен погибнуть: или любовь войдет в мир и распяет его и превратит в пламень и ураган, или любви никто никогда не узнает, а будет один пол, физиология и размножение.

Но нет — пусть любовь невозможна, но она неизбежна и необходима. И мы летим к тому, что всем нам единственно нужно, но что невозможно.

Танец на этой игле есть вечность.

Может, найдется какой чудесный безумец, который решит ту задачу, как сделать любовь возможной в этом мире, не уничтожая жизни.

В моем друге смерть была ослепительной победой, потому что в нем замерло сердце от любви. Любовь поцеловала жизнь

смертельным поцелуем и сама исчезла в чуждом всем труп. Друг мой был честен и делал все до конца.

Я забыл сказать, что и та девушка — Мария — пропала. Друг мой передал, зажег в ней свою душу, смертельно любящую и родную. Она не умерла, а исчезла. Вечный ей путь!

И вот у меня теперь мелькает мысль. Если у людей не хватает честности и гениальности любить друг друга (и не только друг друга, но и всякую вещь, как друг мой любил столб на дороге), если не хватает любви (или не входит та иная вселенная в нашу такими большими кусками), то можно любого насильно заставить любить. (Хотя это не насильно: они сами того хотят, но у них не хватает смелости и свободы.) Для этого надо подойти к вопросу любви технически. Я не догадался тогда исследовать своего друга. Вселенная любви, вошедшая в него, имеет какие-нибудь признаки, носители. Назовем их микробами, возбудителями любви. Что-то в этом виде должно быть обязательно.

Эти микробы надо открыть, исследовать условия их развития, благоприятные для них, потом лабораторно, искусственно создать эти благоприятные условия для их расцвета и развести эти микробы в препаратах, как разводят культуры холеры, тифа и т. п. Тут надо идти чисто экспериментальным путем. Трудно найти только объектов для опытов: за всю человеческую и вселенскую историю их было, кажется, только двое. Я кое-что уже догадываюсь в этой области. Может, удастся обойтись и без объектов опытов, т. е. дойти до открытия микробов теоретическим путем, и потом делать их искусственно в несметном количестве на каких-нибудь станках и прививать людям, рассевать в мире.

Тогда придет истинное светопреставление. Вселенная из камня станет ураганом. Ибо любовь действует не только в людях, но и в материи. Песок, камни и звезды начнут двигаться и падать, потому что ураганная стихия любви войдет в них. Все сгорит, перегорит и изменится. Из камня хлынет пламя; из-под земли вырвется пламенный вихрь и все будет расти и расти, вертеться, греметь, стихать, неистовствовать, потому что вселенная станет любовью, а любовь есть невозможность. А кроме этой невозможности ничего нет. И будет то, чему невозможно быть. И мир будет ураганом выть и гореть в тоске, в смерти, в восторге и экстазе.

Любовь — невозможность. Но она — правда и необходима мне и вам. Пусть будет любовь — невозможность, чем эта ненужная маленькая возможность — жизнь.

САТАНА МЫСЛИ

Он был когда-то нежным печальным ребенком, любящим мать, родные плетни и поле и небо над всеми ими. По вечерам в слободе звонили колокола родными жалостными голосами, и ревел гудок, и приходил отец с работы, брал его на руки и целовал в большие синие глаза.

И вечер, кроткий и ласковый, близко принимал к домам, и уморенные за день люди ласкались в эти короткие часы, оставшиеся до сна, любили своих жен и детей и надеялись на счастье, которое придет завтра. Завтра гудел гудок и опять плакали церковные колокола, и мальчику казалось, что и гудок, и колокола поют о далеких и умерших, о том, что невозможно и чего не может быть на земле, но чего хочется. Ночь была песнею звезд, и жаль было спать, и весь мир, будто странник, шел по небесным, по звездным дорогам в тихие полуночные часы.

Ночью душа вырастала в мальчике, и томились в нем глубокие сонные силы, которые когда-нибудь взорвутся и вновь сотворят мир. В нем цвела душа, как во всяком ребенке, в него входили темные, неуправляемые, страстные силы мира и превращались в человека. Это чудо, на которое любитесь каждая мать каждый день в своем ребенке. Мать спасает мир, потому что делает его человеком.

Никто не мог видеть, кем будет этот мальчик. И он — рос, и все неуправляемое, страшнее клокотали в нем спертые, сжатые, сторбленные силы. Чистые, голубые, радостные сны видел он, и ни одного не мог вспомнить утром,— ранний спокойный свет солнца встречал его, и все внутри затихало, забывалось и падало. Но он рос во сне; днем было только солнечное пламя, ветер и тоскливая пыль на дороге.

Он вырос в великую эпоху электричества и перестройки земного шара. Гром труда сотрясал землю, и давно никто не смотрел на небо — все взгляды опустились в землю, все руки были заняты.

Электромагнитные волны радио шептали в атмосфере и межзвездном эфире грозные слова работающего человека. Упорнее и

нестерпимее вонзались мысль и машины в неведомую, непокоренную, бунтующую материю и лепили из нее раба человеку.

Главным руководителем работ по перестройке земного шара был инженер Вогулов, седой согнутый человек с блестящими ненавидящими глазами, тот самый нежный мальчик. Он руководил миллионными армиями рабочих, которые вгрызались машинами в землю и меняли ее образ, делая из нее дом человечеству.

Вогулов работал бесценно, бессонно, с горящей в сердце ненавистью, с бешенством, с безумием и беспокойной неистощимой гениальностью. Мировым совещанием рабочих масс ему была поручена эта работа. И Вогулов десять раз объехал земной шар, организуя работы, проповедуя идею переделки земного шара и зажигая человеческие черные массы восторгом работы. Сотни экспедиций он снарядил в горы всего земного шара и в океаны и моря для исследования теплых течений. Тысячи метеорологических обсерваторий были сооружены, и вся атмосфера пережевывалась тысячами мозгов лучших ученых.

План Вогулова был очень прост.

Земля периодически подвергается засухам или, наоборот, слишком большой влажности. Человечество от этой свистопляски сил истребляется миллионными кусками. Потом, смена времен года — эти зима, лето и т. д. — замедляют темп работы человечества, берут много у него сил на приспособление к ним, обрекают огромные пространства земли на бесплодие, стужу и тьму. А другую часть земли — на свирепый ветер, песок и бешенство огня.

Земля, с развитием человечества, становилась все более неудобна и безумна. Землю надо переделать руками человека, как нужно человеку. Это стало необходимостью, это стало вопросом дальнейшего роста человечества.

И Вогулов, инженер-пиротехник, разработал этот проект. Сущность проекта состояла в искусственном регулировании силы и направления ветров через изменение рельефа земной поверхности: через прорытие в горах каналов для циркуляции воздуха, для прохода ветров, через выпуск теплых или холодных течений внутрь материков через каналы. Вот и все. Ибо всякое атмосферное состояние (влажность, сухость) зависит от ветров.

Для этих работ надо было прежде всего изобрести взрывчатый состав невероятной, чудесной мощи, чтобы армия рабочих в 20–30 тысяч человек могла бы пустить в атмосферу Гималаи. И Вогулов раскалил свой мозг, окружил себя тысячами инженеров, заставил весь мир думать о взрывчатом веществе и помо-

гать себе — и вещество было найдено. Это было не вещество, а энергия — перенапряженный свет. Свет есть электромагнитные волны, и скорость света есть предельная скорость во вселенной. И сам свет есть предельное и критическое состояние материи.

За светом уже начинается другая вселенная, материя уничтожается. Могущественнее, напряженнее света нет в мире энергии. Свет есть кризис вселенной. И Вогулов нашел способ перенапряжения, сгущения световых электромагнитных волн. Тогда у него получился ультрасвет, энергия, рвущаяся обратно в мир, к «нормальному» состоянию, со страшной, истребительной, невероятной, невыразимой числами силой. На ультрасвете Вогулов и остановился. Этой энергии было достаточно для постройки из Земли дома человечеству.

Ультрасвет попробовали на Карпатах.

В маленький туннель вкатили вагончик с зарядом концентрированного ультрасвета и отпустили электрический тормоз, удерживающий ультрасвет в его ненормальном состоянии,— и пламя завывало над Европой, ураган сметал страны, молнии засвиристали в атмосфере, и до дна стал вздыхать Атлантический океан, нахлобучивая миллиарды тонн воды на острова. Пучины гранита, завывая, унеслись за облака, раскалились там до неисчислимой температуры и превратились в легчайшие газы, а газы унеслись в самые высокие слои атмосферы, там как-то вступили в соединение с эфиром и навсегда оторвались от Земли. От Карпат не осталось и песчинки на память. Карпаты переселились ближе к звездам. Материя мыслью Вогулова превращалась почти в ничто.

Через месяц то же самое сделали в Азии — с некоторыми участками Хингана и Саян. А еще через месяц в тундрах Сибири уже зацветали робкие цветы и лились теплые ласковые дожди, а вслед за теплом гнались люди, летели аэропланы, двигались тяжелые поезда, и глубоко в землю вонзались фундаментами тяжелые корпуса заводов.

Вогулов командовал миллионами машин и сотнями тысяч техников. В бешенстве и неистовстве человечество билось с природой. Зубы сознания и железа вгрызались в материю и пережевывали ее. Безумие работы охватило человечество. Температура труда было доведена до предела — дальше уже шло разрушение тела, разрыв мускулов и сумасшествие. Газеты вели пропаганду работ, как религиозную проповедь. Композиторы со своими оркестрами играли в клубах горных и канальных работ симфонии

воли и стихийного сознания. Человек восставал на вселенную, вооруженный не мечтою, а сознанием и машинами.

Вогулов гнулся над чертежами и цифрами, окруженный аппаратами радиосвязи, уже четвертый год. И все беспредельней и бездонней перед ним открывался океан труда, и он без сна и почти без сознания, покоряясь ритмическим взрывам мысли, погибал в этом океане работы, и не видел спасения, и не хотел его. Далекие, великие горизонты открывались перед ним, и у него были тысячи проблем, но не было времени для их разрешения. Иногда Вогулов поднимался и ходил по своему кабинету, по буграм толстой бумаги и кальки, и пел, чтобы опомниться, рабочие песни — других он не знал. Пел он и курил махорку, привыкнув к ней с детства. Но работающая полным ходом машина требовала к своим регуляторам машиниста. Море работы выходило из берегов и грозило катастрофой, если перестать его опустошать мозгом и машинами хоть на секунду, — и Вогулов садился опять к столу и аппаратам, связывающим его со всем миром, и рассчитывал, писал, отдавался скачке мысли и кричал в аппараты инженерам на Гималаи, на Хинган, на Саяны, на Анды, на искусственные каналы в Ледовитом океане, отводящие теплые течения внутрь Сибири, на гидрофикационные водоподъемные сооружения Сахары, говорил с метеорологической экспедицией в Индийском океане, — и мысль Вогулова четко стучала, освещала и регулировала великую героическую работу — битву далеких миллионов людей.

Вогулов давно понял, что мощь человеческого сознания есть способность ясного, полного и одновременного представления о многих совершенно разнородных вещах. И он достиг этого.

Еще год — и шар земной будет переделан. Не будет ни зимы, ни лета, ни зноя, ни потопов. Вся земля будет разбита на климатические участки. В каждом участке поддерживается равно и всегда температура, нужная для произрастания того растения, какое наиболее соответствует почве этой страны. Человечество будет переселено в Антарктику — остальная площадь земли будет отведена под хлеб и под опыты и пробы человеческой мысли, она будет мастерской, обителью машин и пашней.

И в редкие моменты забвения или экстаза в разбухшей голове Вогулова сверкало что-то иное, мысль не этого дня.

Одна голова и пламенное сознание, которое от времени и работы становилось все могущественнее, остались в Вогулове. До сих пор люди были мечтателями, слабогрудыми поэтами, подбоями женщин и рыдающих детей. Они не могли и были недо-

стойны познать мир. Ужасающие сопротивления материи, вся чудовищная, сама себя жрущая вселенная были им незнакомы. Тут нужна свирепая, скрипящая, прокаленная мысль, тверже и материальнее материи, чтобы постигнуть мир, спуститься в самые бездны его, не испугаться ничего, пройти весь ад знания и работы до конца и пересоздать вселенную. Для этого надо иметь руки беспощаднее и тверже кулаков того дикого творца, который когда-то, играя, сделал звезды и пространства. И Вогулов, не сознавая, родясь таким, развив себя неимоверной, титанической работой, был воплощением того сознания — тверже и упорнее материи,— которое одно способно взорвать вселенную в хаос и из хаоса сотворить иную вселенную — без звезд и солнц,— одно ликующее, ослепительное, всемогущее сознание, освобождающее все формы и строящее лучшие земли, если хочет того, если радостно ему это творчество. Но можно ни творить, ни разрушать, а быть в ином состоянии. Можно не радоваться, и не страдать, и не быть спокойным — это полет, это горный воздух, спокойный, чистый и тревожный.

Чтобы земное человечество в силах было восстать на мир и на миры и победить их — ему нужно родить для себя сатану сознания, дьявола мысли и убить в себе плавающее теплокровное, божественное сердце.

И Вогулов начал действовать, медленно и начиная с малого — с перестройки земного шара. Но этого было мало: мысль свирепела и крепчала в работе и требовала работы, взмаха и гигантских, непреодолимых сопротивлений.

Вогулов засел за вселенную: эта тайна должна быть наконец разрешена, и разрешена полностью. А познание есть три четверти победы. Он подошел ко вселенной не как поэт и философ, а как рабочий.

Через год опытов и размышлений он эту универсальную и последнюю задачу человечества решил, при помощи, конечно, всего человечества. Он нашел тот эллипсис, ту строгую форму, в которой заключена наша вселенная. Он всегда думал, что вселенная строго ограничена, имеет пределы и концы, точную форму — и только потому имеет сопротивление, то есть реально существует.

Сопротивление есть первый и важнейший признак реальности вещи. А сопротивляется только то, что имеет форму. Рассуждения о бесконечности есть именно рассуждение, а не факт.

Вогулов нашел очертания, пределы вселенной и по этим известным крайним величинам нашел все средние неизвестные.

Есть две крайние критические точки вселенной: свет как высшее напряжение вселенной, дальше света уже идет уничтожение вселенной, и черту света нельзя перейти, так как тут сопротивление вселенной безгранично; и вторая критическая точка — инфрээлектромагнитное поле, то есть подобие обыкновенного электромагнитного поля, но почти нулевого напряжения, с волною длиной в бесконечность и частотой периодов один в вечность.

Между этими пределами заключены все остальные переходные формы: теплота, стремление материи к химическому равновесию структур, радиоактивность и др. И эти колебания от света к инфрээлектромагнитному полю очень, по сути, незначительны. Например, скорость эманации радия близка к скорости света, электрический ток тоже почти имеет ту же скорость. И природа, сокровенность света, инфраполя и всех переходных форм — одна и та же.

Вогулов увидел на опыте, как мечется по этому замкнутому кругу то, что называется вселенной. Инфраполе необходимо возрастает до состояния света, а свет, стукнувшись о самого себя, снижается опять до своего полярного полюса — инфраполя. Так, по кольцу, вверх по правой половине, вниз — по левой, колеблется и стучится вселенная в каземате, который есть она же сама.

Инфраполе через миг (неопределимый, неуловимый) уже превращается в свет, а свет в тот же миг дает в ответ инфраполе. Получается даже не изменение, а мертвое состояние.

Инфраполе, распространяясь в бесконечность, имеет неодинаковое внутреннее сопротивление в себе — у начальных точек больше, у конечных — меньше, от этого получают различные скорости, то есть содрогания-волны; интенсивность поля достигает максимума, то есть света, и потом падает опять с содроганий пятидесяти в двадцатой степени в секунду до одного в вечность, то есть до полного отсутствия содроганий.

И когда Вогулов построил копию вселенной в своей лаборатории, со всеми ее функциями, и опыт оправдал все расчеты, Вогулов даже не обрадовался, а только замер у своего механизма-вселенной, и мысль у него застыла на миг.

Тот же круговой поток, от инфраполя к свету — и обратно, получался и у него на лабораторном столике, как и в безмерных пространствах мира. Вселенная была познана до дна и воспроизведена человеком.

Тогда Вогулов вспомнил про ультрасвет, свою взрывчатую энергию, и улыбнулся в первый раз сыздавна: вселенная превзойдена человеком, ибо ультрасвет уже не есть элемент нашей все-

ленной. Вогулов взял карандаш и рассчитал, что достаточно 1000 кубических километров сконцентрированного ультрацвета, чтобы вселенная перестала существовать.

Двух взрывов, по 500 кубических километров каждый, будет довольно: первый доведет до состояния света все существующее, а второй превратит свет в ультрацвет, а по инерции перенапряжется и сам ультрацвет и создаст какое-то новое сверхэнергетическое образование, иную вселенную.

И Вогулову стало хорошо — стена дала трещину, и стала видна дорога.

Через год Вогулов решил пересотворить вселенную ультра-светом. И опять загремела в нем мысль, и бесконечной лентой пошли чертежи мастерских, лабораторий и финансовые сметы. Но тут он натолкнулся на непреодолимое сопротивление: всей энергии земного шара не хватало для производства 1000 кубических километров ультрацвета. Тогда Вогулов запряг в станки бесконечность, само пространство, самую универсальную энергию — свет. Для этого он изобрел фотоэлектромагнитный резонатор-трансформатор: прибор, превращающий световые электромагнитные волны в обыкновенный рабочий ток, годный для электромоторов. Вогулов просто получаемые из пространства световые лучи «охлаждал», тормозил инфракрасом и получал волны нужной длины и частоты перемен. Незаметно и неожиданно для себя он решил величайший за всю историю энергетический вопрос человечества: как с наименьшей затратой живой силы получить наибольшее количество годной в работу энергии. Затрата живой силы тут ничтожна — фабрикация резонаторов-трансформаторов света в ток, а энергии получалось, точно выражаясь, бесконечное количество, ибо вся вселенная впрягалась в станки человека*, ведь вселенная — физический свет. Энергетика и, значит, экономика мира были опрокинуты: для человечества наступил действительно золотой век — вселенная работала на человека, питала и радовала его.

Вогулов заставил работать вселенную в своих мастерских для фабрикации ультрацвета, чтобы уничтожить такую вселенную. Но этого было мало: человек работал слишком медленно и лениво, чтобы изготовить в короткое время нужное количество резонаторов — миллионы штук. Темп работы должен быть повышен до крайности, и Вогулов привил рабочим массам микробов энергии: он взял для этой цели элемент инфракраса с его ужа-

---

* Если далекие пределы вселенной условно назвать бесконечностью.

сающим стремлением к максимальному состоянию — свету, развел культуры, колонии, триллионы этих элементов и рассеял их в атмосфере. И человек умирал на работе, писал книги чистого мужества, любил, как Данте, и жил не года, а дни, но не жалел об этом.

Первый год уже дал 100 кубических километров ультрацвета. Вогулов думал удваивать производство в каждый следующий год, так что через три с немногим года 1000 кубических километров ультрацвета будут готовы.

Человечество жило, как в урагане. День шел за тысячелетие по производству ценностей. Быстрая, вихревая смена поколений выработала новый, совершенный тип человека — свирепой энергии и озаренной гениальности.

Микроб энергии делал ненужной вечность — довольно короткого мига, чтобы напиться жизнью досыта и почувствовать смерть как исполнение радостного инстинкта.

И никто не знал, что было сердце и страдание у инженера Вогулова. Такое сердце и такая душа, каких не должно быть у человека. Он двадцати двух лет полюбил девушку, которая умерла через неделю после их знакомства.

Три года Вогулов прометался по земле в безумии и тоске; он рыдал на пустынных дорогах, благословлял, проклинал, выл. Он был так страшен, что суд постановил его уничтожить. Он так страдал и горел, что не мог уже умереть. Его тело стало раной и начало гнить. Душа в нем истребила сама себя.

И потом в нем случилась органическая катастрофа: сила любви, энергия сердца хлынула в мозг, расперла череп и образовала мозг невиданной, невозможной, невероятной мощи.

Но ничего не изменилось — только любовь стала мыслью, и мысль в ненависти и отчаянии истребляла тот мир, где невозможно то, что единственно нужно человеку, — душа другого человека.

И Вогулов разметет вселенную без страха и без жалости, а с болью о невозвратимом и утраченном, чем дышит человек и что нужно ему не через несметные времена, а сейчас. И Вогулов руками хотел сделать это невозможное сейчас.

Только любящий знает о невозможном, и только он смертельно хочет этого невозможного и сделает его возможным, какие бы пути ни вели к нему.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БАКЛАЖАНОВА

(Бесконечная повесть)

Тянется день, как дратва:
скука бычачья. Рассказать
тебе про дни?

Аналитыч

Жил некоим образом человек — Епишка, Елпидифор. Учил его в училище поп креститься: на лоб, на грудь, на правое плечо, на левое — не выучил. Епишка тянул за ним по своему:

— А лоб, а печенки...

— Как называется пресвятая дева Мария?

— Огородница.

— Богородица, чучел! Нету в тебе уму и духу. Вырастешь, будешь музавером, абдул-гамидом.

А Епишка ждет не дождется, когда пустят домой: он горевал по маме и боялся, как бы без него не случился дома пожар — не выскочат: жара, ветер, сушь. Уж гудок прогудел — двенадцать часов. Отец домой пришел обедать, на огороде у Степанихи трава большая растет и лопухи, ребята птиц ловят. Уж скоро, должно быть, будет вечер и комари.

В училище стоит ведро, пить. Каждый день учат закону божьему, потом приходит Аполлинария Николаевна, учительница, и пишет палочки на доске, а Епишка за ней корябает грифелем у себя хворостины. На переменах приходит Митрич — сторож, чтобы ребята не выбили окон и не бесчинствовали. Как чуть кто заплачет от драки или тоски по матери, Митрич орет:

— Ипать! Займаться!..

И вот прошло много дней. Издох на дворе Волчок. Епишкин отец купил «на толпе» другой самовар. Родился у Епишки Саня, маленький брат. Покатал его Епишка на тележке одно лето — на Петровки он умер от живота. Тоньше и шибче билось сердце в Епишке, и он уходил летними вечерами в поле и тосковал — о далеком лесе, о звезде, о деревенских пустых дорогах. И любил девушку, которой не было на свете, которой не встретит никогда.

На деревенских дорогах он изобрел еду и человеческое бессмертие.

Вскоре попал Епишка в солдаты. Ходит по плацу, орудует винтовкой — лежит недвижимо в душе пуд. Раз случилось с ним странное дело: семь дней на двор не ходил. Ляжет спать: в животе вода без толку переливается. Кругом нары, храп, пот, вонь, а в Епишке прохладные вечерние деревенские дороги и ждущая ужинать мать. Дать бы по скуле изобретателю сердца!

Осмелился Епишка и пошел к доктору. Рассказал ему, в чем дело.

— Штоо?! — провыл доктор.

Епишка опять:

— Восьмой день не нуждаюсь.

— Да ведь большие деньги можно на этом зарабатывать! Вы феномен, Баклажанов!.. Первый раз вижу такого. А ну, разденьтесь.

Уходя, Епишка взялся нечаянно на докторовском столе за карандаш.

— Возьмите себе его на память, Баклажанов, — сказал доктор.

Епишка погладил черный колпачок доктора.

— Пожалуйста, Баклажанов, возьмите и его. Нате вам и ручку. Она вам нравится?

Оказывается, доктор был мнительный человек: дверную ручку брал не иначе как в перчатке. Кто у него в кабинете возьмет что в руки или пощупает — то ему доктор сейчас же и подарит на память: колпачок, лампу, сотню папирос, халат.

Станный, но сурьезный был человек.

Дня через два у Епишки рассосались кишки, и он оправился.

Так шла и шла жизнь Епишки, без меры и без смерти, в океане одинаковых дней, пока он не перекувырнулся и не изобрел настоящего бессмертного человека, который остался на земле навсегда и уже не расставался с соломой, плетнями, тихими дорогами и своей матерью.

Изобретатель света — разрушитель общества, сокрушитель адова огня

Мир подынешь на слабые руки,
Что захочешь, полюбишь — твое.
Ты испуган, слова твои глухи,
Ты — любовь, твое сердце — в моем.

Еще ночь. Успокойся, мое неутомимое сердце. В этот час даже пустыня росую стынет, трава не шумаркнет и ветер не про-

брюзжит. Замертвел мир на долгую звездную ночь. Может быть, завтра очнется сердце в человеке и земля растает в голубой глупине любви.

Дорогой друг мой и единокровный брат Елпидифор! Помнишь, осенней ночью, в три часа, мы лежали в поле на траве. Мы прошли сорок верст. Ты шел из далекой глухой деревни от любимой, я ходил просто по земле и думал, как ее оборонить от зноя. Ты тогда светился и был иным и лучшим...

Теперь Епишка изобрел свет. Устроил такие магниты, где дневной свет волновал магнитное поле и возбуждался электрический ток. Этим током Епишка гнал самодельный корабль по родной реке. Солнечный свет и лунный повез в первый раз чудачка-человека по воде.

С тех пор никто ни в ком не стал нуждаться: Епишка показал всем, как делать такие машинки, и все стали богатыми. Ни засуха, ни сибирские дороги, ни путь до звезды, ни миллионы родившихся детей — не стали страшными. Неуклонно тысячами солились огурцы в зиму, и варилась каждодневно говядина в каждом горшке. Огромная сырая земля стала, как теплая хата, как грудь и молоко жены. Обнимай и соси.

И небо стало благим: инженер Аникеев слетал на световом межзвездном корабле на Юпитер и привез оттуда новую породу капусты и какого-то чертенка в ящике. Чертенок обжился на земле и женился на какой-то синеокой деве, поющей романсы времен революции.

Ни государств, ни обществ, ни дружбы, ни любви на земле уже не было: человек человеку был нужен единственно по недостатку хлеба. Каждый втыкал в песок Епишкину машинку — и она ему делала все.

Один араратский житель сделал подземную лодку, и сила Епишкиной машинки вогнала ее в недра земли, и араратец там пропал, поселился.

Машина Елпидифора Баклажанова отперла вселенную: она стала женой и матерью для человека, а не лютой чертовкой. Сам Елпидифор с Апалитычем ездил на Луну выпивать. Вселенная стала кувшином с молоком: купайся, живи, питайся и думай всякий червь, всякая гнида и бессмертное тело. Потолстел человек. Вся вселенная стала океаном силы, ибо свет есть самая вездесущая сила, кроме тяжести, тяготения.

Но свет есть только один из видов тяготения. Электричество есть возмущение линии тяготения двух тел.

Пожил, пожил Елпидифор и подумал: «Не умру». На далекой безымянной звезде, куда он занесся, он увидел конец вселенной: Епишка стоял точкой на конце последнего оборота спирали Млечного пути. Дальше ничего не было видно, и Епишка пожалел, что он человек, и захотел быть бессмертным, чтобы иметь время накопить силу стать завоевателем и жителем того, чего не видно за последней маленькой звездой, за змеевиком Млечного пути.

Епишка воротился на землю, посидел вечер с Апалитычем — тот клеил змей для Васьки — поговорил с ним о разных удивительных вещах и пошел в чулан спать от тоски. (У Апалитыча еще был чулан от старых времен, и были целы и невредимы в нем теплые и полные клопы.)

Новое чувство родилось в Елпидифоре. Знаете, как в былые времена: идешь по улице, навстречу красивая ласковая девушка, волна тревоги и радости охватит тебя,— придешь домой и молчишь.

Но в Епишке не любовь была, а мрак и шорох великой, но безрукой силы.

Эта сила из Епишки разлилась по всей живой земле и по людям. Стальной канат свис с далекой безымянной звезды, где побывал Епишка, и не давал живым телам разлагаться и перепревать в душных могилах.

И было сокрушено далью за безымянной звездой адово дно смерти.

А через сто лет Епишка и Апалитыч лежали опять в чулане на полушубке: за последней звездой оказалась свобода — ничего нет — чудо: возникает, мерцает, пропадает, вихрится и снова плывет без числа, веса и пространства. И вселенных там было сколько хочешь — и все разные. Там была река их. Оказалось, что не было нигде господина и закона; но закон, господин, форма были только мигами невыразимой свободы, которая была и неволей.

Заснул Елпидифор под утро под храп и вонь Апалитыча. Апалитыч проснулся от клопа в ухе, а Епишка так и не встал — умер от собственного спокойствия: ведь все доконал, до всего дознался. Апалитыч снес под плетень в полдень тело этого последнего мошенника и стервеца.

ДАНИЛОК

Поросенок-годовик
Себе туда норовит,
Поганая курица
Себе туда суется...

Ливенка делает на басах

Вошли в хату — тишина, темнота и жуть. Где тут портной живет, сделать из штанов галифе?

— Стой,— закричал Елпидифор,— я сообразил: живые люди воняют.

Понюхали: дух везде чистый, и вдруг понесло махоркой и жженой бородой.

— Вот он портной — вылазь!

Заскрипела спальная снасть, и невидимое тощее тело сморкнулось и забурчало. Для света и вежливости я спокойно закурил.

— Здорово, Данил Данилыч! Раскачивайся!

— Здравия желаю, православные,— как кувалдой по чугуну гвазданул дед Данил, портной. В чистом воздухе, тишине и тьме хранился такой голос! Как огурец зимой в кадке.

Зажгли коптильный светильник. Скамейка, стол, вода в ведре и спящий глубоко пушистый щегол под потолком в тепле. Данилок надел очки и привязал их веревочкой к ушам — приспособление самодельное. Данилок был угрюм, покоен, похожий на сон и хлеб — коричневым, ласковым и тепловатым, как хлебное мякушко. Из сапожной кожи был человек: если царапнуть щеку, никакого рубца не останется. Но в желтых глазах его было ехидство и суета — Данилок был сатана мужик, разбойник, певец и ходил женишком. Засиделым девкам в воскресенье лимонад покупал. Не женился потому, что подходящей ласковой бабы не подыскал, и впоследствии купил щегла.

— Так, говоришь, тебе две галифы изделать?

— Да, желательно бы, Данил Данилыч.

— Так-так. Одна галихва выйдет, а на другую матерьялу подкупай,— задумчиво сказал Данилок и поглядел через очки.

— А стоимость какову скажете?

— Да что ж с вас — один алимон, чаю попить.

— Прекрасно, прекрасно,— сказал Елпидифор — интеллигент.— До свиданья.

— Прощевайте. Посветить вам, может?

— Не нужно, мы так.

И мы полезли к монастырю, на гору. Чудесно тут держались дома — на сваях и камнях. Из города лилась сюда нечисть, и если наверху кто оправлялся, в окно Данилку брызги летели. Непрочное и пагубное стояло везде жилье. Ни подойти, ни подъехать. Весной и в дожди Данилок и его соседи становились туземцами, и о них писали в газетах, но они их не читали. В старое время, бывало, полицейские гнали отсюда все народонаселение, как подходила весна. Но никто не уходил — лезли на крышу, тащили туда детишек, поросят, петуха, самовар — и сидели. А когда ночью поднималась вода и уплывали безвозвратно табуретки, захлебывался телок, то и на крыше начинали орать жители. А с бугра утром махал городской:

— Я ж тебе говорил,— упреждал он,— гуни пожалел — постись теперь, угодник чертов.

А на третий день чуть просохло — и городской жителю в бок.

Бывали дела.

На другой же день Елпидифор купил свои штаны на базаре — клеймо на них было. Он к Данилку — хотел ему чхнуть рязок, а Данилок в деревню уехал. Тем дело и кончилось.

Ехал Данилок в деревню и похохатывал:

— Дела твои, Господи!

Приехал в деревню, продал хату и купил лошадь. Поехал на Дон купать ее и утопил.

— Машка, Машка, а ну на песок, на песочек. Милая моя, делай ногами, надуйсь, вызволяй, Машенька...— Долго уговаривал ее Данилок и орудовал поводьями, а сам плавать не умел.

Так и пошла кривая кобыла по быстряку, а потом в тихую заводь и на дно.

— Эх ты, животное существо,— сказал Данилок и пошел в хату.

Пожил в деревне неделю-другую; съел все и пошел побираться. Ходил по всей округе и тосковал. Начиналась осень, ветер выл в проволоках, обдутые стояли древние курганы, и шел с мешочком картошек Данилок. Стар стал, некому любить и жалеть. Кажется, чем-то легким придавлено горе на земле и когда-нибудь все заплачут и прижмутся друг к другу. Это будет, когда наступит потоп, засуха или лютая хворь или из сибирской тайги тучею выйдет восставший зверь. Одно горе делает сердце человеку.

Стал нищим Данилок и многое полубил.

В глухой деревне Волошине, в овраге, приютила Данилка одна старушка:

— Живи, старичок, у нас картохи есть, теперь ходить не по нашей одеже, не объешь небось, поставь палочку в уголок.

Прожил Данилок у старушки до весны. Стонали оба всю зиму по ночам от голода, стужи и старого горя. Запеклась душа у Данилка. Выглянет в окно — снег, буран, кладбище на бугре, кончается тихий день. Куда тут пойдешь?

Прогремела весенняя вода по оврагу, подсохли дороги, вылезли воробьи на деревенскую улицу. Стал собираться Данилок.

— Ничего тебе не надобно? — спросила старушка.

— Ничего,— сказал Данилок.

— Ну, иди с богом.

— Прощай, Лукерья.

И Данилок тронулся.

Ветер был тихий и тонкий, как нежная музыка. На плешивом кургане, обмытом водами и воздухом, Данилок вздохнул, поглядел на дальнюю кайму лесов, на трепещущее марево, на все живое и далекое, потом спустился и попил водички из протока.

Маленькая речка разлилась в озера, и за нею дымилась деревня и пела петухами.

Ничего не кончилось — все начинается.

И Данилок пошел и пошел, как будто сама грустная радость взяла его за руку и повела.

<1922>

<ДОКЛАД УПРАВЛЕНИЯ РАБОТ ПО ГИДРОФИКАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ>

ЦЕНТРАЛЬНОМУ СОВЕТУ ТРУДА — Ленину,
Кржижановскому, Гастеву, Штейнаху, Резерфорду. Париж.
Управление работ по гидрофикации
Центральной Азии.
Общий доклад за 1926 г.

1. ВЕРТИКАЛЬНЫЙ ТУННЕЛЬ

Термический вертикальный туннель окончен 2 декабря прошедшего года. Туннель предназначается для утилизации теплоты нашей планеты, находящейся в ее недрах, эта же теплота, превращенная последовательно в электрический ток и в механическую энергию, будет использована для орошения района Тао-Лунь, площадью в 1 400 000 десятин. Туннель имеет форму усеченного конуса, обращенного усечением внутрь земли. Ось его наклонена к центру планеты в 3° . Длина оси туннеля 2080 метров. Диаметр широкого основания на поверхности земли равен 42 метрам, усеченной вершины — 5 метрам. Температура на дне туннеля 184°C (где установлены термоэлектрические батареи).

Согласно проекту, утвержденному Советом Труда, работы начались 1 января 1926 г., окончены 2 декабря того же года. Формовка туннеля достигнута не взрывным методом, как указано было в нашем проекте, а электромагнитными волнами, отрегулированными соответственно структуре недр, т. е. настроенными на такие длину, частоту, которые вполне совпадали с колебаниями электронов атомов периферии земли, поэтому увеличился их размах и получался разрыв орбит, впоследствии чего наступала реконструкция ядра атома — его превращение в другие элементы — разрушение.

Мы поставили на поверхности мощные и гибкие электромагнитные резонаторы, нашли экспериментально среднюю волну недр, подлежащих разрушению (точнее, распылению, размягчению) и так разжевывали туннель.

Затем железными пятитонными ковшами на стальных тросах мы вывели получившуюся туннельную кашу. Впрочем ее осталось немного после электромагнитной операции: большинство со-

ставных частей почвы и недр превратились в газ и улетучились. Одинаково были мягкой пылью — глина, вода, гранит, железная руда.

Всего вынута 400 000 куб. метров, 640 000 ушло газами.

Образованное коническое жерло (не совсем точное) открыло 7 горизонтов грунтовых вод, — 5-й был с морской водой. Для откачки этой воды было образовано (взрывным способом) 7 круглых террас внутри туннеля и установлены насосы-камероны. В общей сложности они подавали на поверхность 800 000 ведер в час (80 камеронов производительностью 10 000 ведер в час каждый, с электрическим приводом). Очистка туннеля от воды получалась довольно полная, вследствие равновесия между поступлением и откачкой воды. После этого было приступлено к формированию туннеля (в августе месяце). Благодаря высокой температуре люди опускались только до 1000-ного метра, глубже работа совершалась на тросах: посредством их устанавливались насосы, рылись кюветы и водосборные бассейны в террасах и управлялись землечерпальные ковши на формовке склонов.

Когда был готов туннель совершенно, собранные наверху термоэлектрические батареи вместе с проводами были опущены на тросах на дно туннеля.

Батареи после месячной контрольной работы показали способность давать по 86 400 000 киловатт-часов в год, иначе говоря, мощность батареи в переводе на лошадиные силы достигает 14 000 л.с., откачка воды из туннельных кюветов отнимет 800 л.с., 13 200 л.с. будут поданы по проводам на районные оросительные станции Тао-Лунь.

Туннельной водой (за исключением морского горизонта) уже орошаются окрестности термтуннеля под рисом.

Смета на постройку 42 районных оросительных станций, электропередач к ним и гидрпередач от них при сем прилагается. Только после сооружения означенных 42 станций, туннель будет нагружен полностью и его энергия будет использована до конца.

2. ПЫЛЯЩЕЕ СОЛНЦЕ

Сообщаем результаты опытных работ по исследованию природы электричества. Оказалось, электричество есть атомная пыль, результат трения и столкновения атомов, когда периферии атомов разрушаются и неизмерно малые частицы атомов отде-

ляются от них и курсируют вокруг них. Эта атмосферная пыль по сравнению с атомами, молекулами и их составами по массе настолько ничтожна, что уже не подчиняется тем законам, которым подчиняется эта «большая» материя. Оказывается, масса, количество пространства имеет в этом случае кардинальное значение.

Понятно, для этой атмосферной пыли нет непроницаемости.

Для атомной пыли есть также коэффициент насыщения, тогда для атома в оболочке своих осколков понижается вероятность столкновений и дальнейших разрушений. Атомная пыль, электричество — даже по сравнению с водородом невообразимо активнее, — она, так сказать, есть водород водорода, таково образное отношение.

Электричество это подматерия: во что превращается материя и откуда она рождается вновь. Через электричество, атомную пыль происходит нивелирование элементов в природе. Одни атомы не проникают в сферу других (разве только в малейшей степени), но пыль их взаимно обменивается, и она производит в самых элементах необходимую реконструкцию, чтобы в конце концов два данных тела стали по атомной структуре одинаковы. Имя этому процессу — тяготение.

Магнитная энергия происходит от удара атмосферной пыли об атомы и молекулы того тела, в котором напрягается, сгущается (выше нормального коэффициента) эта атомная пыль. Так что магнитная энергия происходит от ветра атмосферной пыли, бьющего в движущиеся атомы проводящего тела. И потому элемент магнитной энергии есть еще более, так сказать, мелкая и активнейшая пыль, чем энергия электрическая. Что магнитная энергия перпендикулярна электрическому току — это понятно: ток по проводнику, благодаря сопротивлению, склоняется и движется спиралью, и пыль атомов проводника, дробящаяся током, летит по законам отражения именно перпендикулярно струе атмосферной пыли. Направьте струю в диск, и брызги у вас полетят перпендикулярно струе воды.

От коэффициента насыщения атмосферной пылью данного пространства зависит то, будет ли так называемый положительный или отрицательный ток: подсос атмосферной пыли извне (отрицательный ток) или, наоборот, нагнетание ее вовне (положительный ток).

Надо сказать в заключение, что электричество (и магнитную энергию) испускает всякое тело, ибо покойных атомов и молекул нет. Но тело начинает испускать из себя электромагнитную энергию только тогда, когда через внешнее воздействие оно подвер-

гается изменению: только тогда атомы и молекулы сбиваются со своих уравновешенных орбит, сталкиваются и «пылят». Изолированное от всякого влияния тело, после некоторых пертурбаций, балансирует пути своих атомов и молекул и они взаимно нейтрализуют свои зоны.

Но на практике этого не встречается, всякий материальный конгломерат волнуется миллиардами сторонних причин.

Логически и фактически рассуждая, всякое тело непрерывно превращается в пыль своих атомов — в электричество, в то, что лежит после материи и перед нею. В конце времени материя вся будет электричеством и, если подвергнуть электричество температуре в $800\,000^{\circ}\text{C}$ ниже нуля (что и было проделано в лаборатории Управления работ), электричество опять станет материей: атомическая пыль сжимается в неимоверно малое пространство, склеивается, и вновь получается атом.

Отчет лаборатории, с точными и цифровыми картинками опытов, приложен при сем.

3. НОВЫЙ МЕТОД УПРАВЛЕНИЯ МИРОМ

Очевидно, что всякий вид материи излучает из себя электромагнитную энергию при условии воздействия на него. И каждому изменению точно, неповторимо, индивидуально соответствует комплекс электромагнитных волн такой-то длины, таких-то периодов. Это зависит от степени реконструкции данной вещи.

Мысль, будучи процессом, перестраивающим мозг, также изливает в пространство электромагнитные волны.

Но мысль зависит от того, что человек подумал,— от этого же зависит, как и насколько изменится строение мозга, а от последнего уже зависят волны, какие они будут. Мыслящий, разрушающийся мозг строит электромагнитные волны и строит в каждом случае по-разному, смотря какая мысль перестраивала мозг.

Лаборатория Управления работ по гидрофикации нашла следующее: каждому роду волны соответствует одна строго определенная мысль. Лаборатория построила универсальный резонатор, который улавливает и фиксирует волны всякой длины и всякого периода.

Но даже одной, самой незначительной и короткой, мысли соответствует целая сложнейшая система волн.

И все же мысли, скажем, «окаянная сила» соответствует уже известная, раз зафиксированная система волн, и от другого че-

ловека она будет фиксироваться лишь с незначительными вариациями.

Лаборатория наша соединила резонатор с системой реле и исполнительных аппаратов и машин, сложнейших по технике, но простых и единых по замыслу. Но эту систему надо еще усложнить и расширить по всей земле, чтобы проект лаборатории осуществить вполне. Пока же мы действуем на незначительном участке и для определенного цикла мыслей.

Пример: человек вышел на берег реки, видит — на другом высоком берегу растет капуста и горит и горит от бездождия; мысль человека: «оросить». Человек находится в сфере действия исполнительных механизмов, и его эта мысль есть в плане возможностей исполнительных механизмов (они так построены). Мысль — «оросить» — воспринимается резонатором, ей (мысли) соответствует строгая, неповторимая система волн, только такими волнами (длины, периода) замыкаются только такие реле, которые управляют в исполнительных механизмах орошением, т. е. там прямо замыкается ток и начинает действовать агрегат-электромотор — насос, и через миг после мысли человека — «оросить» — под корнями капусты уже блестит вода. Такой опыт именно ставился лабораторией Управления работ. Такая высшая техника имеет целью освободить человека от мускульной работы. Достаточно будет подумать, чтобы звезда переменяла путь!.. Но мы хотим добиться, чтобы обойтись без исполнительных механизмов, а прямо так.

Схема резонатора, «реле» и исполнительных механизмов прилагается на предмет экспериментальной проверки ее в лабораториях центра и ассигнования новых кредитов на углубление и расширение работ по созданию новой техники управления миром.

Главный инженер Управления работ по гидрофикации
Е. Баклажанов

<1922>

Чужаки

Бродяги, Предуиме

- 1) Бумило. ✓
- 2) Нон. ✓
- 3) Ив. Мийрн. ✓
- 4) Бровган и Σпикс. ✓
- 5) ..... ✓
- 6) ..... ✓
- 7) Чаранский мерик. ! (Угус)
- 8) Мотомс. ? (Спант)
- 9) ..... } (?)
- 10) ..... } — найтн

ЗРП
Каснар
Спант
Мотомс
Бровган
Ив. Мийрн.
Бумило
Нон
Чаранский мерик
Мотомс
Бродяги, Предуиме

Зимен

Дво рутен / Дво

Дво рутен / Дво
Зимен
Бродяги, Предуиме
ЗРП
Каснар
Спант
Мотомс
Бровган
Ив. Мийрн.
Бумило
Нон
Чаранский мерик
Мотомс
Бродяги, Предуиме

ТЮТЕНЬ, ВИТЮТЕНЬ И ПРОТЕГАЛЕН

Тютень человек не велик, с кочережку. Зимой и летом он носит варежки, сердцем добер, словом зол; в одном ухе мотается египетская серьга, шею он обматывает полотенцем или тряпчочкой почище; лицом коричневый, глазами ехиден и весь похож на стервеца.

— На глазах испекешься,— говорили бабы, у кого грудной был.

Тютень вечно свистел на ходу, и всякая птица шарахалась от него или летела по плетням. Если вились стайкой воробьи, неслись вскачь галки, горлопанили петухи, а наседки крылестились, то то идет, значит, Тютень, идет и посвистывает.

Он клал варежку в рот и свистел для своего великого удовольствия, и не дулся.

Если сказать Тютню: посвисти, мол, в худую варежку чудок,— то он догонит и убьет, будь ты мал, будь ты стар. Убежишь — твое счастье.

Тютень считал себя богом и потому был покоен, доволен и благ. На еду он не зарился, мир считал подножием своим, небо — короной, а людей — чертями. Сатаной же Тютень считал Витютня.

— Он, беспрерменно он, головастый кобель,— думал Тютень и высвистывал стих:

Он — он, суть он,
Беспрерменно суть он,
Головастый кобель,
Во един, во един,
Во един я бог — кокетин.

Витютень был так себе человек, ростом с черпак, ведро на палке. Ведро — это голова.

— Это не человек, а наказание, истинный господь,— судили бабы, которых мало били мужья.

Витютень слышал.

— Ладно, ладно, жабы широкие. Возьму вот и покажу всем, что ты без исподней юбки ходишь, ведьма божья.

Витютень ходил голый, только живот обматывал рогожей, чтобы бабы не охальничали. Волоса он распускал и накладывал туда от времени до времени комья соломы и навоза — думал, может птицы заведутся, его любимая тварь, сочтут это за гнездо, но никак того не случилось.

Считал Витютень себя пророком всякой последней, гонимой, ненавидимой всеми и пожираемой твари — червей, мошек, рыбок, травы и тающих облаков, ибо и они пожираются в небе ветром.

Глаза его были велики, с поспевший чеснок, и в них горела неутомимая безумная любовь ко всем последним и растоптанным. Ходил он по земле и пел молитвы голубой траве и всякой трепещущей, дышащей твари, живущей один день, радостной и кроткой, познавшей все, ибо нечего тут познавать. Двигается мир в свете солнца, и не может он тосковать; движутся живые по земле, и ни один не верит смерти. Один Витютень за всех все знает и скорбит. Но когда он видит божью коровку, и он поет:

С дубу, с дубу, с дубу
Да опять на пень.

В песне не нужны слова, а нужна радость. Слова Витютень сочинил так, лишь бы что сказать, а пел он душой.

Раз встретил он ребятишек у леса. Встретил, напугал и долго им говорил о грядущем царстве последней твари, которая вскоре восстанет и победит все силы, ибо она кротка и тиха, знает мир, потому что любит его, и не верит смерти.

— Не будет тогда больших и умных, будут одни малые и разумные, будут одни полюбившие. И листья на деревьях больше бога, который хуже сатаны. И листья ропщут только от злодея ветра, в сердце же своем они кротки и сыты самым малым.

Идет вечное царство, голубая земля нищих, умерших, позабытых. Будет всем светить не солнце, а сердце другого, ты — мне, я — тебе... Большие жрут всех и оттого дохнут и уничтожаются. Они едят падаль, а падаль их. Но вот малые, самые последние, меньше песчинок, те уже ничего не едят и ничего не хотят, смотрят без зависти и без желания на другого, в тех одних бьется настоящая жизнь, и они без слова и борьбы завоюют мир, и царство малых будет без конца и без смерти...

Витютень от радости кричал:

— Вы еще ребята, вы малые среди людей, и вы возьмете себе человеческое царство. Так и там, малые мира возьмут себе мир.

Самый малый, самый гонимый, никому не ведомый, молчащий, нерожденный, тот для кого и песчинка — бог, — тот истинный царь земли и всех звезд, потому что он последний царь, после него никого не будет, и потому он самый великий...

Был Христос, ему и сейчас еще молятся ваши отцы, он говорил: «Блаженны нищие духом». Но и он не понимал всего и не хотел умирать, когда умирают без слова вечером мошки, а каждая из них блаженней Христа, потому что беднее его духом.

Ребятишки сидели ни живы ни мертвы. Сеня совсем поник и заплакал.

— Милый мой, — сказал Витютень и не спеша пошел дальше.

Так он ходил, говорил с людьми, за маленькими искал еще меньших, чтобы им в тайне поклониться.

Есть червь, есть мошка, травка, листок, пылинка, но за ними есть еще меньшие, самые тихие и безгласные, и их искал и любил Витютень еще больше.

Витютень был рад своей радости, как и Тютень.

Тютень же хотел избить Витютня: нету царя, кроме бога, бог же есть он, а Витютень — главный черт, раз не видит бога в Тютне.

Вот какое дело. Но жили они в разных деревнях, хоть и по соседству, а никак не встречались.

А в том селе, где жил Тютень, жил глубоко под землей Протегален.

Сорок лет назад родила его мать в овине. Думала, что глист вылезает, глядь — ребенок. Это родился Протегален. До того он худ и длинен был, что мать звала его веревочкой, ветошкой, срамотой своей, на все лады, но не Ваней. А подрос Ваня, и прозвали его Протегалнем, а кто — тощей верстой.

Был он ни велик ни мал, а ходил крючком — цеплял за все, головой колотился и мешал навесам и потолкам. Людей для смеха Протегален под ногами пропускал.

Стало ему лет тридцать, а он все рос и сох, и всем был он немоготу. Если бы сажень-полторы был Протегален, а то четыре, и зол, как черт. Ни работает, ни помогает, ходит деревья ломает и озера голенями меряет.

Пожил-пожил он, походил-походил и начал вдруг думать.

Потом нашел овраг поглубже и поглуше, выкопал в глине пещеру, набросал туда травы, наложил картошек на зиму с чужого поля и залез туда сам. Так он оттуда больше и не вылез.

Сидел согнутый в три погибели, не двигался и не говорил — не то дремал, не то думал.

Но Протегален не думал, не дремал, а переселился в другие края, себе по душе.

Края те просторные и пустынные и окружены черными горами. Эти горы выдолблены, и внутри их живут великаны, как в землянках.

Светит неподвижное большое солнце, нет там ночей и вечеров. Тихо кругом, спят великаны в землянках, поле везде без травы, и стоит посреди того мира Протегален, и хорошо ему, век бы стоял, он и стоит.

Тишина есть песня истины. И Протегален стоял в земле тишины, очарованный и бессмертный. В душе его пела музыка, и он умирал от безысходной одинокой радости. Спали в горах великаны, стояло солнце на небе, и сгорал сам Протегален в синем краю тишины и полей. Шевелилась душа в нем, как живая змея, и он знал, что умирает, уплывает земля под ногами, и было ему все лучше и лучше, будто уносила его большая река от берегов.

Сидел в пещере согнутый Протегален и умирал от своих радостных дум, которые сделали ему другую жизнь.

Ходил недалеко Витютень по полю, и сидел в деревне своей на завалинке Тютень.

Среди сухого неба набралась в небе испарина, загудела гроза, и вдарил ливень.

Шел в поле Витютень, прыгнул от дождя в овраг и залез нечаянно в пещеру Протегальня. Пахал недалеко Тютень, измок, как хрюза, сигнул тоже в этот овраг, увидел, торчит чья-то из ямы спина, а по ней дождь лупцует, и полез следом.

— Сторонись, отец, дай богу дорогу,— прохрипел Тютень Витютню.

Витютень прилепился к стенке, и Тютень пролез глубже.

— Ну и дела,— сказал Тютень,— бузует по чертям, сатана, и шабаш.

Сразу стемнело, и ни один из трех не узнал друг друга. Ливень поливал все сильнее и сильнее, гром не гремел. Овраг заливало водой. Протегален ничего не видал и не слышал. Витютень уснул, а Тютень был бог, и мир для него был дым, и он ничего не боялся. Давно по нем бледнело и тосковало небо.

Гнулись деревья, как хворостинки, от ливня, люди залезли на печки. На тысячи верст гремел ливень, и не было ни живой души нигде. Овраг давно заровняло водой, а Протегален еще видел тихий край и черные горы.

Чуть дышал сонный Витютень и шептался во сне.

Тютень весь скочережился за спинами Витютня и Протегальня, затих, но чуял, что он бог, и слушал, как шевелится у него глист в животе и бьется кровь под пупком в подводной темной тишине.

Потухал весь белый свет, и неслись по небу горы, мужичьи бороды, божьи коровки и последние, стынувшие, каменеющие облака.

<1922>

ПОТОМКИ СОЛНЦА

Я сторож и летописец опустелого земного шара. Я теперь одинокий хозяин горных вершин, равнин и океанов. Древнее время наступило на Земле, как будто вот-вот двинутся ледники на юг и береза переселится на остров Цейлон.

Но кротко и бессмертно над головою голубое небо, спокойно и ясно мое сознание, тверда и мужественна моя много видевшая человеческая рука: я не позволю совершиться тому, чего я не хочу, за мной века работы, катастроф и света мысли. Вверху, на движущихся звездах, земное мое человечество — странник и мыслитель. Передо мною Средиземное море, жалкие организмы, тепло и ровный скорбящий ветер.

Древняя любимая Земля. Сколько пережили мы с тобою битв, труда, сказок и любви! Сколько моей мысли ушло на твое обновление. Теперь ты вся — мой дом. Дуют ровные теплые ветры, по указанным человеком путям курсируют в океанах теплые течения. Прорваны галереи для воздушных потоков в горных цепях. Горячий туркестанский вихрь с песком несется к Северному полюсу. Давно разморожены льды обоих северных океанов и совершены все великие работы, осуществлены все глубокие мечты.

На Земле стало тихо, и ночью мне слышен ход звезд и трепет влаги в стволах деревьев.

Нет больше катастроф, спазм и бешенства в природе. И нет в человеке горя, радости, восторга — есть тихий свет сознания. Человек теперь не живет, а сознает. Сознание. Всю жизнь я служил тебе в рядах человечества, и твоею силою теперь люди переселились на далекую звезду и с нею движутся по вселенной.

1924 год. В этот год в недрах космоса что-то родилось и вздрогнуло — и Земля окуталась пламенем зноя. Северные сияния польхали над Европой, и самые маленькие горы сделались вулканами. Оба магнитные полюса стали блуждать по Земле, и корабли теряли направление. Это, может быть, комета вошла в наш звездный рой и вызвала это великое возмущение.

В зиму 1923–24 года замерзло Средиземное море и совсем не выпало снега, только морозный, железный ветер скрежетал по пространству от Калькутты до Архангельска и до Лиссабона. И жили люди в смертельном ожидании. Во всю зиму ни тучей,

ни туманом не запятналось небо. Исчезло искусство, политика, и под кувалдой стихий перестраивалось само человеческое общество. Нация, раса, государство, класс — стали дикими, бессмысленными понятиями — остались одни несчастные и герои. Несчастные бросились в церкви, в искусство, в наслаждение духом; герои ополчились на мир, против расплывшейся материи. Этими героями были не одиночки, а огромные коллективы — коммунистические партии и огромные куски рабочего класса и молодежи.

Социальная революция совершилась быстро, всесветно и без страданий, ибо встала вторая задача — восстание на вселенную, реконструкция ее, переделка ее в элемент человечества — и эта новая, великая и величайшая, революция одним своим преддверием, одним дыханием, выжигающим все бессильное и ошибочное, уже истребила гнилые, мистические верхи человечества, оставив лишь людей без чувств, без сердца, но с точным сознанием, с числовым разумом, людей, не нуждающихся долго ни в женщинах, ни в пище и питье и видящих в природе тяжелую свисшую необтесанную глыбу, а не бога, не чудо и не судьбу.

Остались люди, верящие в свой мозг и в свои машины,— и было просто, тихо и спокойно на Земле, даже как-то чисто, все видели опасность, но не дрожали от нее, а сгрудились, организовались против нее. Получилось так: все человечество и вся природа — враг против врага, а между ними толстым слоем машины и сооружения.

Человечество видело, сознавало, думало, изобретало и завоевывало себе жизнь через завоевание вселенной. Машины работали и лепили из корявой, бесформенной, жестокой Земли дом человечеству. Это был социализм.

Глубокое, тихое, задумавшееся человечество. Гремящая, воющая, полная концентрированной мощи, в орбите электричества и огня армия машин, неустанно и беспощадно грызущая материю.

Социализм — это власть человеческой думы на Земле и везде, что я вижу и чего достигну когда-нибудь.

Из племен, государств, классов климатическая катастрофа создала единое человечество с единым сознанием и бессонным темпом работы. Образ гибели жизни на Земле родил в людях целомудренное братство, дисциплину, геройство и гений.

Катастрофа стала учителем и вождем человечества, как всегда была им. И так как все будущие силы надо было сконцентрировать в настоящем — была уничтожена половая и всякая любовь. Ибо если в теле человека таится сила, творящая поколения работников для длинных времен, то человечество сознательно

прекратило истечение этой силы из себя, чтобы она работала сейчас, немедленно, а не завтра.

И семя человека не делало детей, а делало мозг, растило и усиливало его — этого требовала смертельная эпоха истории.

Так было осуществлено целомудрие, и так женщина была освобождена и уравнена с мужчиной. Раньше женщина работала слишком тяжело — творила творца — чтобы быть равной мужчине, ибо он был лодырь по сравнению с ней и имел больше органических сил поэтому.

Но люди неумоимо шли к высшей форме своего единения и знали, что пока человека с человеком разделяет не раздавленная, не покоренная до конца материя, этого единения не может быть.

Вещь стояла между людьми и разделяла их в пыль. Вещь должна быть истреблена.

И вот явился институт изобретений Елпидифора Баклажанова, в котором был сделан первый тип фотоэлектромагнитного резонатора-трансформатора: аппарата, превращающего свет солнца, и звезд, и луны в электрический обыкновенный ток. Им был разрешен энергетический вопрос (получение наибольшего количества полезной энергии с наименьшим живым усилием), выражением которого и была вся человеческая история. Вселенная была вновь найдена как купель силы — обитель переменного тока ужасающей мощи.

Влагооборота на Земле не было — вода ушла глубоко в грунт и там стояла мертвой. И свет был запряжен в работу: зашуршали мощные центробежные насосы и электромагниты подтягивали воду на поверхность.

Переменное электромагнитное поле невероятного напряжения было пущено в корневые системы растений, и, уравнивая поле своего действия в смысле равной его электропроводности, оно вгоняло элементы питания растений из почвы в их тела. Так был изобретен сухой хлеб, и только для некоторых культур еще была нужна влага.

Сам я, кто пишет эти слова, пережил великую эпоху мысли, работы и гибели, и ничего во мне не осталось, кроме ясновидящего сознания, и сердце мое ничего не чувствует, а только качает кровь. Все-таки мне смешно глядеть на прошлые века: как они были сердечны, сентиментальны, литературны и невежественны. Это потому, что людей долго не касалась шершавая спина природы и они не слышали рычания в ее желудке. Люди любили, потели, размножались, и каждый десятый из них был поэт. У нас теперь — ни одного поэта, ни одного любовника и ни одного

непонимающего — в этом величие нашей эпохи. Человек теперь говорит редко, но уста его от молчания свежи и слова точны, важны и хрустят. Мы полны уважения и искренности друг к другу — но не любви: любовь ведет к падению, и сознание при любви мутится и становится пахнувшей жижкой. Время наше раздавило любовь и не велит родиться ей впредь никогда. Это хорошо, мы живем в важном и строгом месте и делаем трудное дело. Нам некогда улыбаться и касаться друг друга — у нас еле хватает силы видеть, сознать и переделывать не нами и не для нас сделанный мир.

У меня есть жена, была жена. Она строже и суровее мужчины, ничего нет в ней от так называвшейся женщины — мягкого, бесформенного существа. То же видящее, сознающее, обветренное железной пылью машин лицо, та же рука с изуродованными ногтями, что и у всех нас.

Только губы потолще и глаза влажнее, чем у меня. И есть в ней нетерпение и тревога — то еще волнуется материнская сила, не перелитая в мысль. По утрам она обходит электромоторы и насосы, щупает их температуру и по шелканью ремня прикидывает число оборотов. Я стою на площадке резонаторной станции и смотрю на нее: такое существо могли родить только наша бешеная, судорожная природа и встречное движение ей жестокого, жестче природы, и прекрасного существа — человека, который решил заменить вселенную собой. Если б ее кто-нибудь вздумал обнять или сделать какой иной подобный исторический жест, она бы не поняла его и задумалась о нем.

История человечества есть убийство им природы, и чем меньше природы среди людей, тем человек человечнее и имя его осмысленнее. И в нашу эпоху история достигла экстаза: обнажена душа солнечного света, и свет качает воду, делает хлеб в бес- сильных и пыльных пустынях и им питает мозг человека.

Число, расчет, вес — этими простыми изобретениями липкая и страстная, чувственная, обваливающаяся Земля была превращена в обитель поющих машин, где не стихает музыка мысли, превращенной в вещь, где мир падает водопадом на обнаженное, ждущее сознание человека. Каждый прожитый, проработанный час заваливал чугунной плитой ревушую бездну под человеком.

И вот раз были сделаны в институте Баклажанова машины, гонимые светом. Двигаться по переменному электромагнитному полю очень легко, и если бы не неспящий Баклажанов, то световую летательную машину сделал бы я. Вообще это монтерская уже задача, когда свет стал током. Конечно, в этой машине не

было никаких пропеллеров, моторов, так как она предназначалась для межзвездных дорог, для полей пустого газа.

Обдумав это, люди решили переехать с Земли на другую звезду, а сначала объехать весь звездный рой.

И вот — Земля пустая. Ушел человек, и грянули на степи леса, появился зверь, и по ночам впивался он, испуганный, молодыми зубами в бетон мастерских, все еще освещенных и работавших для того, чтобы влага оборачивалась и не стала бы Земля песком и льдом. Но в мастерских и на оросительных станциях не было человека, и он там был не нужен.

Отчего ушел человек и оставил Землю зверю, растению и неустанной машине? Человек, который так чист и разумен!

Я расскажу. Когда я был молод (это было до катастрофы), я любил девушку и она меня. И вот после долгой любви я почувствовал, что она стала во мне и со мною, как рука, как теплота в крови, и я вновь одинок и вновь хочу любить, но не женщину, а что-то, чего я не знаю и не видел, — образ смутный и невероятный. Я понял тогда, что любовь (не эта, не ваша любовь) есть тоже работа и завоевание мира. Мы отщепляем любовью от мира куски, и соединяем их с собой, и вновь хотим соединить еще больше — все сделать собой.

Человечество, сбитое катастрофой в один сверкающий металлический кусок, после годов точной дисциплины, размеренной, чеканной, разделенной мысли, единой волны сознания, бушующей во всех, — уже не чувствует себя толпой людей, а сросшимся, физически ощущаемым телом. И человечество почувствовало одиночество и зов тоски и, влюбленное в мир, ушло искать единства с ним. Но эта человеческая любовь к миру не есть чувство, а раскаленное сознание, видение недоделанного, мятущегося, бесцельного, нечеловеческого космоса. Человек любит нечеловеческое, противоречивое ему, и делает его человеческим.

Почему я остался здесь? Об этом не скажу даже себе. Наши пути с людьми разошлись — теперь два человечества: оно и я. Я работаю над бессмертием и сделаю бессмертие прежде, чем умру, поэтому не умру.

Сейчас вечер. Я прочитал брошюру Баклажанова о природе электричества. Он разгадал его. Несомненно, электричество есть инерция линий тяготения, тяготение же есть уравнение структур элементов. Возмущение же линий тяготений и инерция их от этого происходит от пересечения скрещивания и всяких влияний других линий тяготения.

Баклажанов был бессонный, бессменный на работе чудак, но любили его люди.

Уже ночь. Ни одна звезда не пойдет быстрее, ни одна комета без срока не врежется в сад планет. Какой каменный разум.

Я шел и был спокоен. Познание электричества для сознания то же, чем была когда-то любовь для сердца.

Чем мы будем? Не знаю. Безымянная сила растет в нас, томит и мучает и взрывается то любовью, то сознанием, то воем черного хаоса и истребления, и страшно и душно мне, я чувствую в жилах тесноту.

Мы запрягли в станки электричество и свет и скоро запряжем в них тяготение, время и свою полыхающую душу.

<1922>

НЕМЫЕ ТАЙНЫ МОРСКИХ ГЛУБИН

Я опущусь на дно морское,
Я поднимусь на облака,
Лицо я вижу восковое
И худощавые твои бока.
*Песнь пожилых девушек, именуемых
«синими чулками» в просторечии*

1. Индиан Чепцов — мореходец и любитель сочинений

Жил у Покрова, откуда простирался вид на обширную Донскую область с ее известным торговым пунктом Ростовом-на-Дону.

Из русских и заграничных писателей любил он больше всего А. Леваду и Старого Френча, писавших сочинения своего произведения в газете «Репейник», ибо они были похожи на Чехова, единственного умного человека из русских сочинителей, как полагал Чепцов.

Но, к сожалению, А. Левада и Старый Френч были иностранцы, судя по фамилиям, и в лучшем случае принадлежали к той хитрой нации, которая прозывается хохлами. Но за несомненного русского писателя Чепцов почитал Мих. Бахметьева, сочинявшего только про разных особ противоположного самому себе пола, и про себя Чепцов думал, что у него есть еще главные секретные сочинения, написанные по одному матерному.

Но и его считал Чепцов татариним либо мордвой.

Так что не было в Воронеже знаменитого русского писателя, а если были, то иноземцы.

В существе вещей Чепцов предполагал лежащим пространство, то есть даль, море, путешествие, пешеходство с седым и мудрым странником. И мир, по его суждению и долгой думе, переживает только утро, и набухает горячей юностью, и от жадности и голода в материнской утробе пожирает зверей, траву и всякие злаки, чтобы впоследствии пуститься в странствие по поверхности земного шара, по его недрам и по дну его морей и океанов, а также по прочим шарам за атмосферическими пределами.

Вследствие этого Индиан Чепцов купил моторную лодку с новым мотором в Спасском переулке, в доме № 2, по объявлению в «Воронежской коммуне».

И поехал в дружелюбную страну Турцию, взяв себе другом Жоржа, знаменитого фокусника и престижитатора, занимавшегося в последнее время безвозмездным товарообменом с разными лицами и учреждениями, которые операции делали судьбу его превратной и полной неожиданного смысла, вследствие чего Жорж только пуще влюблялся и пил более густой наваристый чай, в количестве стаканов сопредельном расстоянии до неподвижной звезды.

Паричок Жоржик снял, ибо предстояла пустыня, сырость и глухая, одинокая даль, а не концерт в консерватории.

И вот настал голубой теплый день.

Индиан Чепцов и Жорж спустились к шлюзу, завели мощный мотор, поглядели на Воронеж, свой родной губернский город, от коего таким же образом и Петр Первый отплывал,— и поплыли к Дону.

Мотор ревел, как одичалый черт.

— Ага, попер, чертила! — вдохновенно бормотал Чепцов.

И вихрем неслась лодка, гонимая диким огнем, задушенным в железе.

Так в древности гениальный дикарь вскакивал на трепещущего вольного коня, и, пугаясь друг друга, они проносились сотни верст.

* * *

Благого сердца благодать и песнопение,
Пузырь луны и мокрая ветошка,
И тихих рек ночное средостение,
И одичалая осенняя картошка...
Земные тела распухли и вспотели,
Набухло чрево пищей и питьем,
В космической берлоге люди засопели,
Душа втугачку закупорена пупком.

Месмерические видения Индиана Чепцова

2. Благолепие земных вещей

И прибыли они, плавающие и путешествующие, Чепцов и Жоржик, в некую весьма благолепную страну, коей неведомо было воздыхание о сокровенных вещах.

На берегу стоял человек; его обличье и рост вещали о питании одной мыслью, и спрятанные в черепе глаза как бы говорили: буржуй, сволочь, укороти свои безмерные потребности, жри пищу не для вкуса, но для здоровья, закупорь свои семенные канальчики, не спускай силу зря, гони ее в мозг и в руки.

Лодка проплыла мимо, но все стоял сухостоем длинный и суровый человек, как бы предупреждая и грозя и как бы напутствуя: не ходи в сей город, смежи очи от его благолепия: там во дворцах устроены стойла, где сытые самки раскорячились в ожидании твоего оплодотворения, дабы затмить твое святое сознание и опустошить твою борющуюся душу.

Чепцов и Жоржик уже норовили к берегу, когда все еще торчавший на горизонте длинный человек сделал им наконец наглядное неприличие, то есть пакость.

— Поразительное существо, — определил Чепцов. — Так сказать, трансцендентальный мещанин.

— Да, — задумался Жорж, — хотя целый ряд соображений говорят не за, но против этого бытийствующего субъекта.

Город блестел чистотой и своей изрядной архитектурой, когда мирно ступали по его тротуарам наши два героя. Везде стояли ветлы, снабженные нормальным количеством воробьев; милиционный человек стоял также ровно посередке улицы, а не грелся в гастрономическом магазине (дабы не мешать коммерческому движению). Весь супесок с тротуаров был сметен в предназначенные для него канавки, откуда он и выносился естественными осадками в свое место. Юношей, предлагающих вам высшего сорта папиросы, также не было, и Чепцов даже слегка потосковал об их бодром гимне, какой непрерывно раздается на улицах его родного города:

А вот папиросы высший сорт —

Здесь:

Вот они!

Лишь вдалеке незначительная группа молодых людей отбивала ногами чечер, национальный танец этой благой страны.

Второй встретившийся нашим героям человек был уже радостным существом:

— Друг, дай петушка! Я вас люблю, — дай петушка*.

Жоржик и Чепцов дали ему по петушку.

---

* Оказывается, — обыкновенную пятипалую руку.

Из открытых дверей благоустроенных жилищ туземцев пахло щами и жженым железом печей местной конструкции.

Наконец Жорж и Чепцов узрели самую культуру страны: афишу, в коей было обозначено, что гражданин Мамученко прочтет доклад о браке, совокуплении и любви.

Город, насколько его разглядели наши герои за день, ничем не занимался трудным, а всем населением с утра уходил на базар и продавал друг другу ветошь, жамшу, скло, пышки лепешки, всякие жамки, купыри, сальники, воду марки «Санитас», пузырьки для электрического освещения, опорки, заусайловскую махорку, грамотки старинной печати, иконки и протчий ходкий благоприобретенный товарец. Так что общество, в сущности, было освобождено от труда, а занималось творческой профессией товарооборота ради питания и домашней тишины.

У каждого человека была женушка, добротная хозяйка-посиделушка, и весь мертвый кухонный инвентарь. Вечером, поужинав теплыми щами с говядиной, хозяин и хозяйюшка прочитывали совместно и не спеша «Господи и владыко живота моего» (был пост великий) и ложились на покой, в тесное супружеское теплышко. Утром хозяйюшка варила (а хозяин еще всхрапывал) кулеш с салцем. А хозяин, вставши и нанизавшись этой пищей, шел самолично шупать троечку курей.

Так несуетно и благопристойно протекало существование. Волосья смазывались маслом, лысины зачесывались волосок к волоску, а по вечерам тщетно плакали гармонии на окраинах, на улицах сапожников,— о тоске, о светопреставлении, о мысли буйной и невыносимой, будто лопнуло сердце и рватым комком подкатило к горлу.

Боже мой, люди, давайте жить по-иному и ополчимся на мир и на самих себя. Полюбим женщин жарко и на вечность, но не будем спать с ними, а будем биться вместе с ними с ревущей кастрофой, именуемой миром.

Жоржик и ты, Чепцов Индиан, вы же странники и воители, вы шахтеры вселенной, а не то, что вы есть. Жорж, брось пожирать колбасу и масло, перейди на кашу, ты же лучший из многих, дорогой друг мой...

Вечером того же дня Жорж и Чепцов отправились на лекцию Мамученко. Народу привалило тыщи великие.

За самое чувствительное место ухватил Мамученко людей — за их яичники.

Одни сапожники остались дома играть на гармониях. Они живут на белом свете.

Гуляла по улице мамашина дочка,
Слезами заливалась до тощего пупочка.
Девушка-голубушка, горькая краса:
Горе есть — сгоревшие жир и колбаса.

3. «Книга о граде сем»

Однажды ночью Чепцов спал. И так сладко, что открыл рот и опустил оттуда слюну до полу. А на дворе настало утро, поднялась теплота, и в комнату пробрались мухи. Увидевши красное мясо (то есть пасть Чепцова), они внизались в него и начали там ерзать. Чепцов закрыл рот: ап! и сжевал их и отправил по пищеводу вниз. Проснувшись и поевши колбаски, он пошел будить Жоржика.

Жорж выпил чан чаю, намял тюри в чугуне и, скушавши ее и запив повторительно корчажкой воды, наконец приподнялся, потом встал, и они пошли: как всегда оба и вдвоем.

Город тянулся к базару. Обвешанные ветошью, шли бабы. Катились тележки с малосольными огурцами, с самодельными сапогами, с калекой («Братие, сестры, подайте слепому-невидящему!») и с прочим горем несчастного города.

В некотором углу большой и изрядно унавоженной площади расположился старый торговец книгами, философ, любитель чая и задушевной беседы о вещах не одного дня. Был он тощ, но бодр и мудр. Спал мало, долго по ночам думал и читал древние стертые рукописные книги: мо... мо... мо... И, начитавшись, вздыхал: да-а! Затем укладывался, шепча и думая, чтобы проснуться на заре и осторожно, неспешно и мудро снова перелистывать заржавевшие страницы, куда внедрились культуры и боги погибших рас, чтобы сохраниться на века в темной келье старика, покуда родятся понимающие, светлые люди и прочтут уставшие ждать слепые страницы.

К нему-то и пробирались два наших героя. Старик (его звали Иоаким Иоакимыч — он и сейчас цел и действует) их как бы поджидал и, привязывая новые веревочки к очкам, все поглядывал в сторону бредущих сквозь непроходимый сонм торгующих. Солнце уже было на значительной высоте и грело разложенную мануфактуру купцов.

— Здравствуй, старик! — сказал Чепцов и взял в руки книжку.

— Здравствуйте, друзья, что скажете? Что хорошенького слышно?

— Да вот нам нужна книжка нравоучительного характера и отчасти моральная.

— Есть, есть. Таковая найдется. Вот-с, извольте вникнуть.

«С этим стариком хорошо пивка бы попить с сухариками солеными»,— подумал ни к чему Чепцов и взял огромный том. Откинув переплет, Чепцов и Жоржик прочитали заглавие: «Книга о граде сем, сочиненная и составленная добровольно столоначальником 4-го стола Губернской консистории Ионой Атараксиевым, с ведома и соизволения начальства, на предмет выяснения личностей, населяющих сей государственный пункт, дабы отметить благонравие одних и устеречь дерзостное поведение иных».

— Для любителя — книга — неукоснительного внимания, так сказать ключ к душам человеческим,— сказал старик.— Писание весьма нравоучительное, даже в недостойностях своих, кои, к стыду сочинителя, немало.

Чепцов и Жорж заплатили деньги и пошли читать книгу домой, то есть к одной старушонке, где они поселились.

— Ну, прощай, старик. До свиданья.

— До скорого, дорогие мои, до скорого.

Жорж зашел еще купить лепешек и масла чухонского, а Чепцов пошел прямо к местожительству. И начал он читать сочинение Атараксиева Ионы.

«Обращение от сочинителя и составителя к почтенным читателям и читательницам» Чепцов пропустил, как не содержащее ничего особо примечательного. (Сочинитель просил не сетовать на его маломощный умишко, стремящийся лишь к благонравию и добропорядочности, отнюдь не к возвышению в чинах за особо выдающиеся заслуги пред отечеством, предусмотренные особым на сей предмет положением.) Чепцов начал прямо с сути.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Раздел первый

Личности, в особо предосудительном не замечаемые, что, однако, не служит добрым аттестирующим документом на грядущее время, по существу же вещей, это такие же подлецы и государственные преступники, но лишь их множество допускает их относить властям исполнительным к лицам так называемым благонадежным.

1. Педо Африкан Африканович, писец 4-го разряда 2-го стола I-го делопроизводства, 38 лет, холост, уроженец заграничной державы. В то время, как начальство пьет чай в 12 часов попо-

лудни и кушает особые слоеные булочки, этот занимает до двадцатого у сторожа Петра пяточок и посылает уборщицу Феклушу за так называемым в просторечии «воробьем», т. е. наименьшей продажной мерой казенного вина. После чего он по глотку улаживает себя в продолжении нескольких часов до конца присутствия, втайне следя за взором столоначальника, дабы не быть застигнутым. После 20-го числа любого месяца он не только пьет вино, но также и пиво в несоразмерных с самим собою и своей комплекцией количествах, вследствие чего у него в продолжение трех суток после двадцатого бывает мочегон, по причине которого он непрерывно отсутствует из присутствия. Личность одинокая и дикая. Все более разучивается писать с годами.

2. Скобозок Ванифатий Юстинианович, помощник делопроизводителя II-го делопроизводства, 42 лет, женат, православный, не пьет, ест однажды в сутки, спит 4 часа по ночам, все другое время, как в присутствии, так и дома, пишет ведомости о родившихся младенцах мужского и женского пола. Дома у него их тыщи. Неведомо что творит человек. Но, по моему уразумению, тут сокрыто государственное преступление или деяние чрезвычайной важности таинственной разрушительной секты. В прочих отношениях Ванифатия Юстиниановича не покидает благомыслие.

<1923>

РАССКАЗ НЕ СОСТОЯЩЕГО БОЛЬШЕ ВО ЖЛОБАХ

Звезд много, молонья сверкуляет — сколь неизреченны чудеса природы! В городах — машины, сияющие ночью улицы, умные, вразумительные люди, вкусные вещества и прочее. А в полях — география, звездный свет, тихий ход рек, дыхание почвы, речь пахара с встающим солнцем.

Миллиарды лет жили до меня мои предки — неглупые старики.

Их жизнь и работа запечатлелись в голове моей. Я — живой памятник своих предков и их завет и надежда. И то в этой голове, которая делалась миллионы веков, не хватает силы узреть весь мир, уложить его в сердце и сделать лучшим, чем он есть.

Имеем лишь слово — инструмент нежный, и из слов сплетаем и перекидываем тростниковые мосты меж своими живыми душами.

Хорошо в мире, без сомнения. Обжился я, притерпелся, а давно ли ставить ноги прямо вкрутую не мог, а полз корягой, верил всему, что видимо и невидимо.

И все таковые же были из нашей Тарараевки — невидный, обглоданный народ, не помнящий, как называется их уездный город или другой какой правительственный пункт.

Помню, в Красную Армию нас забрали. Приехали в Москву. Измордовались наши ребята в дороге. Слезли и очумели — ну, теперь мы пропали.

Кто что спросит, а мы:

— А? Што? А?

— Откуда, земляки?

— А? Што?

Стоят дома, несоразмерные с человеком. Идет человек, крутит тростью и лопочет неведомо что. Играет где-то жалостная музыка. Жутко и чудно нам. Далеко остались матери и сестры — жалко их стало, зря дома не любили их как следует.

Привели нас в казарму. Дом большой и построен из прочного кирпича — негораемое помещение. Стоит уж, говорят, который год.

И тут чепуха с нами пошла. Старые красноармейцы смеются над нами:

— Пропали,— говорят,— теперь вы, товарищи. Лучше загодя проси у товарища Троцкого отпуска на побывку — вот он в клубе, ступай.

Пришли мы, человека три, в клуб.

— Вон,— показывают,— товарищ Троцкий.
— Дак то ж видимость одна,— говорим мы,— партрет.
— Нет,— отвечают,— это не видимость, это у буржуев видимость и обман один, а у нас, у пролетариев,— правда и живая личность. Проси отпуска.

Мы разом:

— Товарищ Троцкий, разрешите домой на деревню к отцу-матери на побывку, в скорости возвратимся, а теперча надобно домой...

А товарищ Троцкий отвечает басом:

— Что ж вы, товарищи, аль дезертировать захотели, не успели приехать — уж побывку вам.

— Да мы, товарищ Троцкий, не привыкли еще и по дому соскучились...

— Ну, ступай, несознательный элемент, да живее оборачивайся, стало быть. Не распускайся в дороге: мажь сапоги, пуговицы пришивай, не будь рохлей, ты ведь будущий красный воин.

— Покорно благодарим. Уж будьте покойны.

Собрались мы и уехали. Командир наш дал нам по тыще даже: ат товарища, говорит, Троцкого — на харчи и табак, тепер вали смело. Такого уважительного товарища, должно, на свете еще не было.

Ну а через месяц нас троих же, четвертый на поезд не сел, взяли в волость как дезертиров. Тут-то я до всего дознался: вспомнил, как похохатывал командир, когда давал нам по тыще, как у товарища Троцкого губы не шевелились при разговоре. Не живая личность, а живая картина была в клубе, и за картиной сидел и рычал командир наш.

Ну, ничего. Приехавши в Москву мы окончательно определились на красноармейскую службу. Сажать нас не посадили, а посмеялись и сказали:

— Дураки вы, товарищи, надо ликвидировать вашу безграмотность и пройти с вами политграмоту. Вали каждый на свое место — думай больше и гляди глазами.

Ничего себе настало время — люди все ласковые и свои.

А через месяц я все-таки женился, не потому что надобность особая была, а давали мануфактуры, самовар, койку большую, скатерти, посуду всякую, обмелбирование и прочий семейный причиндал.

И отправил я супругу со всем казенным имуществом к родне — и радость, и помощь. Тепер я понимаю политику и во жлобах не состою.

НАПИСАННОЕ В СОАВТОРСТВЕ

РАССКАЗ О МНОГИХ ИНТЕРЕСНЫХ ВЕЩАХ

Глава первая,

рассказывающая о рождении Ивана Копчикова и о первых его похождениях

Одна девка с хутора Суржи — была его матерью. Она была рябая до того, что лицо ее походило на гороховое поле. И ни один суржинский парень не брал ее в жены. Понятное дело, кто ж согласится целовать такую рябую морду, на которой даже носа не видать вовсе. Его съели рябины.

А девке захотелось родить. Она пошла в дремучий лес и жила там 11 месяцев и 11 дней. С кем она там жила — никто не знает. Только однажды возвратилась она на хутор с месячным мальчишкой за пазухой.

Он, совсем голенький, выглядывал из-за пазухи и улыбался, посвистывая в свой нос.

Нос его оказался очень большим и острым, как у птицы кобчика. И все свистел нос, и все нюхал он воздух.

А когда потный и грязный брат девки подошел к мальчишке, мальчишка громко чхнул и замахал на брата ручонками. Брат ему, видно, не понравился.

— Ишь ты,— сказал тогда брат девкин,— прямо не ребята-нок у тебя, Глашка, а кобчик какой-то!

Так его и назвали — Иван Копчиков.

Но пьяница-поп не захотел крестить мальчишку. Он говорил:

— Кто его отец?

Глашка отвечала:

— Не знаю. Нету отца.

— Как так нету? Без отца нельзя. Одна Богородица без отца могла родить. Ты что ж — тоже Богородица?

— Да нет. Я девка Глашка. Я вам, батюшка, ковригу хлеба могу пожертвовать.

Поп просил две ковриги, полбутылку водки и десять селедок на закуску. Тогда он соглашался окрестить. А у Глашки этого не могло иметься: она была чересчур бедная и даже пеленок для ребенка не имела.

Так и остался Иван Копчиков некрещеным. И начал расти. Рос прямо рысью: в полгода вырос с аршин и начал ходить. А в 11 месяцев и 11 дней дернул мать за юбку и сказал просто и ясно:
— Мам, исть хотца. Дюже. Дай ломоть. Да поболе посоли.

Глава вторая,

в которой Иван подрастает и из которой очевидно откуда он

Встал на ноги Иван, поднял нос к небу, глянул — высоко.

Лес гудит в буре — густо. И рожь угнетается ветром низко и покорно. Только шершавит она и тонко поет, как кровь по жилам у матери.

Иван не знал еще ничему имен:

— Ет што? Ет хтой-га? Аяй!

У дня покраснели глаза, уморился он и сомкнул их. Долго слезы и кровь текли по слезницам одноглазого дня и падали с неба на траву. И холодела трава и мочилась.

Вечер. Тяжкая усталь в материнском Глашкином теле. Груды висят ветошками, и ждет ее Иван на татарском древнем кургане, и смотрит в вечер, вверх, в чуть звенящие по ветру звезды.

Жалко ему матерь, жалко чужой дом. Страшно ждать ночь и ночью жить. А если мать не придет? Петра не пустит в хату.

— Мам! Мама!

Тяжко и густо, как чернозем после ливня, прёт душевная сила из Ваняткина живота — из куска перепревшего черного хлеба.

В волчьей тоске зачал Ивана волк — Яким, человек почти не существующий. По обличию — скот и волк, по душе, по сердцу, по глазам — странник и нагое бьющееся сердце.

Когда пришла Глашка в лес, запела не своим голосом. Ибо подступила тесно и жарко к пышной, вздутой душе ее пламенная, несворотимая сила.

Вышел Яким из куреня:

— Кто ет орет? Неужли человек затосковал? Пойтить упредить.

Глядит — бредет тугая девка сама не своя.

— Ты што? — сказал Яким и сам задрожал. Скорбь и горе на девкином лице. И дождем мокнут ввапшие ее человечьи глаза.

Обнял ее Яким. И сам заскорбел. И пал душою. Заволокся лес деревьями. Закрывл небо. И сперся стволами в страшной нагретой тесноте.

— Голубь ты мой, птица высокая! Где же ты был, отчего не повстречался? — шептала Глашка. Она выдумывала лучшие слова, которые никогда сама не говорила, а слышала когда-то и забыла.

И утром очнулся Яким мокрый и уморенный. Никогда так не умаривался. Голова лежала в траве тощая. И лицо было в морщинах от избывшей силы, от согнувшейся замолкшей души.

— Мертвый я,— подумал Яким.— Смерть идет от девки. В тишине и жизни, без людей, с одной душою буду жить.

Шла Глашка покойная. Низко шел месяц, и ручей шелестел.

— Милый мой!

Но Яким был только милый, а незнаемо кто. И разговори-лась Глашкина душа.

Весь белый свет был мил и разговорчив.

Пропал Яким из лесу навеки.

Ходит Глашка — и не ищет Якима, а так. Запечатленный в плоти — не потеряется. А уж три раза рожалась рожь. И сосна, где стояла Глашка и видела неторопливого Якима, подросла.

Иван ждал мать на кургане. А мать не торопилась.

Глава третья,

описывающая разные истории с Ваняткой

Цельми месяцами сидел Ванятка на кургане том. Только на ночь вводила его мать в братову хату.

Днем же опять шел Иван Копчиков на старое место. В ковыль ложился. Питали его пастухи. Из жалости. Они позволяли ему сосать дойных коров, давали ломоть хлеба.

Потянет-потянет Иван молока из коровьего вымени, а потом заест молоко хлебом.

В четыре года мог уж Иван Копчиков удержать корову за хвост, ежели она думала убегать от него и не давала себя сосать. Такая у него сила появилась расчудесная.

И хитрость у Ивана прибывала ежечасно. И ум прибавлялся с каждым днем. Стал Иван пастушить, когда ему сравнялось пять лет. Да так хорошо пастушил, что одно удивленье. Коровы приходили домой сытыми по горло и веселыми.

Молока давали пропасть.

Кормил их Иван Копчиков так. Сначала в солончаки погонит. А потом, когда коровы соли много употребят, гонит их в степь. Трава утренняя в степи потная, мокрая. Коровы ее и унич-

тожают до тех пор, пока не напьются росой. А сколько им росы-то надо, чтобы напиться? Много! Оттого и сытость у них непомерная.

Далеко полетела по деревням слава о пятилетнем пастухе. И приходили к нему многие. И он обучал их пастушьему искусству.

Глава четвертая, *доказывающая, что дело не в летах*

Шесть коротких лет прожил Иван Копчиков на земле. Но уже стало ему скучно и тесно в родной Сурже. Он бросил свое стадо и одной бурной ночью, в грозу — вылез из хаты в окошко и потихоньку пошел себе куда глаза глядят.

Молния пахала небо. Гром был над землей. Иван не боялся. Он все шел и шел. И дошел до лесу. Сел там на пенек около оврага и задумался об своем.

Вдруг небо расколосось надвое, точно человеческий череп. Ослепительный синеватый шар трахнул из туч в овраг. С оглушительным треском в щепки разлетелся столетний дуб.

Иван наклонился и посмотрел вниз. Там на самом дне оврага что-то горело. Но горело что-то живое: огонь бегал, кружился и скакал.

Иван быстро спустился вниз. Вернее — он скатился туда кубарем.

По дну оврага метался горящий волк. Он прыгал вверх, падал на спину, терся боками о землю, зарывался в нее головой — но шерсть его продолжала гореть. И от него загорелась уже сухая трава, а местами и сухой валежник.

Иван сказал:

— Молния зажгла волка. Волк знает, как ее тушить — землей. Ага.

И выждав удобный момент, Иван Копчиков дубинкой стукнул по волчьей голове. Волк завертелся на одном месте, лякнул зубами и вытянулся.

Тогда Иван быстро-быстро начал засыпать его сырой землей. Огонь сразу потух.

Волк тяжело раздувал бока и хрипел, дрыгая ногами.

— Жив будешь, — сказал Иван и полез наверх.

Стало тихо в лесу. Гроза прошла как-то сразу. Крапал крупный дождь.

Иван пошел быстро-быстро. Скоро утро — на Сурже голосили петухи. В пруду — квакали лягушата хором. Хорошо.

Но кто еще там? Кто это раздвигает кусты сзади? Кто это идет за Иваном?

Иван подождал чуточку.

Обгорелый волк пошатываясь подбежал к нему, лизнул его в ногу и лег около.

— Волк,— удивился Иван,— какой ты есть, а? Почему ты меня узнал?

Волк лизал ему ноги.

— Ну что ж. Ежли ты — умный, идем со мной.

И они двинулись на Суржу, вместе. Впереди шел Иван, а сзади — пошатывался волк.

Дома Иван влез в окно, а волк лег на завалинку и, как собачонка, свернулся калачиком.

Скоро оба заснули.

Утром на Сурже случился с волком казус: бабы бежали от него опроретью, орали:

— Черт, черт, оборотень!

Иван тогда гладил волка по губам и сказал громко:

— Чего вы, дуры, испугались. Это мой друг — волк, а не черт.

Глава пятая,

из коей очевидно, что слово было когда-то душою, а буква — очертанием зверя

— Сколь разумно бытие? — спросил сам у себя единожды Савва Агапчиков и задумался.

Шел пост. Тлея заунывно снег в полях. Не тоска, а хуже — какая-то едрена палка воткнулась в душу и коловращалась там живою сукой.

Саввушка (так именовали его бабы, которые еще были во страстях,— ибо Саввушка был мужик сдобный и мордой миловидный), так вот, Саввушка стал чахнуть.

— Сколь разумно бытие?

Бросил пахать Савва: не велик дар — хлеб, когда душа ссохлась.

Залез в лебеду и в последний раз задумался: откуда все?

И умер там Савва — в лебеде. Старая усталая голова, иссопанная работой, нуждой, долгой жизнью с женщиной, не наду-

лась в стальной мускул и не рассекла тайну — мучения жизни. А вылезать Савва не пожелал:

— Раз мне ничего не известно — ничему доверить гроша не могу, не токмо себя. Прощевайте!

И умер Савва — миловидный мужичок.

А в Сурже как бы невзначай, не посреди людей, а помимо их, за околицей, на кургане, под немым месяцем рос, поспешая, Иван Копчиков.

Рос враз и без попечения — самогоном. Гонит неведомая сила рысью ввысь и вширку. Успевай мать дырки и прорвы штопать на рубахе. Благо, она одна.

Десять лет минуло, как Яким уморился от Глашки в лесу. Петра два раза крышу перекрыл. Овраг подступил к самой Сурже. Филька Жигун утоп в Дону и пропал пропадом. Должно, пузырь в животе не лопнул. Только солнце осыпалось жаром как всегда.

Прислушался Иван к словам. Шипят, поют, ноют жужелицей, ласкаются и жмут ухо — чистые мыши, живые звери, травы, ветры, влага либо сон и голод. У всякой душевной силы есть свое слово — и оно то ласково, как женщина, то грозно и знойно, то глухо и смутно, как нищий — немтырь или деревенский колотушечник. Есть слова липкие, горячие, как девкины губы, как бессонная августовская ночь, когда пынешь силой-жаром, а сам одинок.

Ходил по полю Иван и бурчал...

— Рожается рожь... Топает копытами и капает пот... Плели лапти и латали, за скулою лопотали, языки все растоптали... Щука в море, мертвец в гробе, сыч у лесе, глист у пузе...

Таким ходом шла голова Ивана, и он припечатывал сущие вещи именами.

Слово — это ведь сокращенная и ускоренная жизнь. Если чуешь жизнь, то слово найдется сразу для каждого ее дыхания. И это слово будет то, которое уже имеют люди, — и твое новое слово и старое совпадут, ибо и тот человек, кто вскрикнул от надавившей на него жизни словом, — был могуч, переполнен и один, окруженный ветром, как Иван, с его внезапными стоячими глазами.

Слово, как душа, стукнувшаяся об стену и зазвеневшая. И звенит каждый раз особо, как когда ударится.

И по песне своей слово похоже на душу, и по тому, как рисуется на бумаге.

Так обдумывал жизнь, душу и слово Иван.

И было ему хорошо и твердо. В теле билось полное сердце. Мозг скрежетал мыслями и высекал искры единственной правды.

Тихо и тепло жить в мире, и не страшно.

Жук похож на букву «ж». Цвет, звезда, сердце. Это нежные целуемые человеком вещи-слова, и слышно касание губ человека, и виден тут блеск и сияние души.

Сила человека — в сохранении и повторении несчетно раз души в слове.

— Вот что надо завзять в мире,— думал Иван.— Мужики делают хлеб. Бабы — ребят. Плотники — дома. А я буду делать хорошие души из рассыпанных, потерянных слов.

Я слеплю их все сначала.

Глава шестая, *очень короткая, но нужная*

Думал Иван о словах: почему овраг называется оврагом? И додумался. Потому, что он землю у мужиков отымает. Каждый год, по весне и осенью,— рушатся края оврага и пропадает земля, которая могла бы родить хлебушек. Вот увидел это первый человек и вскрикнул в гневе:

— О, враг ты наш!

Овраг — враг мужиков.

Врага — надо уничтожить. Иван Копчиков сказал мужикам:

— Скоро Суржа в овраг сползет, поняли?

Глава седьмая, *повествующая о том, как овраг родил деньги*

Сказал, значит, Иван Копчиков мужикам:

— Слопает овраг нашу Суржу.

А мужики — какой народ-то? Почесал кое-где пятерней:

— Авось не слопают. А слопают — так это ж не скоро поди!

Привык мужик после драки кулаками махать. Иван Копчиков не таков, хоть и десять лет ему от роду. Он взял и на своем участке обсадил овраг поперек рядами красной лозины и шелюгой. А чтоб скотина ее не шкодила, приказал своему другу-волку жить в овраге и стеречь.

Через три года родил овраг Ивану Копчикову денежки.

Лозина она — хлесткая — растет в год по аршину. Так и прет во все стороны кустищами. Хорошая лозина, гибкая, чисто восковая свеча.

И овраг перестал на Ивановом участке оползать, пророс травой. Три с половиной воза накосил Иван сена в овраге.

А как заосеняло, Иван залез в овраг и давай вместе с волком пряменькие хворостинки подкашивать. Иван — ножичком, а волк — зубом: зуб у волка — бритва.

Мужики смеялись:

— Садил, садил, а теперь — изничтожает! Вот дурак!

Смолчал Иван: не любил он много слов говорить зазря, делал свое дело. Из хворостин понаплел сундуков и корзинок целую гору. Продал их в городе — за четвертной все.

Родил овраг денежки.

Тут мужики за ум взялись:

— Ах, дьявол! Мальчонке тринадцать годов, а он умней нас оказался.

Одна выбрала Суржа денек подходящий да свободный и засадила весь как есть овраг, по примеру Ивана.

Глава восьмая, *в коей орудует неведомая гнида*

Появилось в теле у Ивана как бы жжение и чесотка. Сна нету, есть неохота. Жара в животе до горла. Хочется как бы пасть волку разорвать либо яму руками выкопать в глубину до земного жара.

Иван уже знал, что в могиле тепло, а в глубоких землянках рыбаки живут и зимой у самого льда.

Бесится в тесном теле комками горячая крутая кровь, а работы подходящей нету. Думы все Иван передумал, дела произвел. Хату Петру починил, плетни opravил, баклажаны ополол — все как следует быть.

Сидит Иван вечерами и ночами на завалинке. Сверчки поют. В пруде басом кто-то не спеша попевает и попевает, как запертый бык.

Радость внутри сердца Ивана кто-то держит на тонкой веревочке и не пукает наружу.

— Тебе б к бабе пора, — говаривал Мартын Ипполитыч — сапожник-сосед, мудрое в селе лицо, — взял бы девку какую по-

прочней, сходил бы в лес с ней — и отживел. А то мощой так и будешь.

А Иван совсем ошалел. Мартын же иногда давал ему направление:

— Атджюджюрил бы какую-нибудь лярву — оно и спало бы. Пра говорю!

И шел раз Иван по просеке в лесу. Ночная муть налезала на всю землю. В воздухе почти невидимо было, и запахло хлебной коркой.

И идут сзади вслед торопкие и легчайшие чьи-то ноги. Иван обождал. Подошла, не взглянула и прошла Наташа, суржинская девка. И видел и не видел ее ранее Иван — не помнил. В голове, в волосах и в теле ее была какая-то милость и жалость. Голос ее должен быть ласковый и медленный. Скажет — и между словами пройдет дума, и эту думу слышишь, как слово.

И в Ивановом сердце сорвалась с веревочки радость и выплыла наружу слезами.

Наташа ушла, и Иван пошел.

На деревне — тишина. Из сердца Ивана повыползли тихие комарики — и точат и жгут тело, и сна не дают.

Шли дни, как пряжу баба наматывала. Живешь, как на печке сидишь, и поглядываешь на бабу — длинен день, когда душа велика. Бесконечна жизнь, когда скорбь, как сор по просу, по душе разрастается.

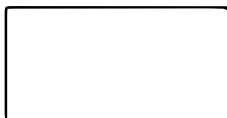
Простоволосые ходили мужики. Чадом пошла по деревне некая болезнь. Тоскуют и скорбят, как парни в мобилизацию, все мужики.

Баб кличут уважительными именами.

Феклуша, дескать, Марьюшка, Афросиньюшка, Аксинь Захаровна!

Благолепное наступило время.

Посиживал Иван с Наташей и говорил ей, что от них по деревне мор любовный пошел. От одного сердца вспыхнули и засияли сердца всех. Завелась у Ивана в теле от Наташи как бы гнида или блоха, выпрыгнула прочь и заразила всех мужиков и баб.

Здесь вошь любви, но она невидима.

Но гниды эти — невидимы, и их нельзя перелущить ни на когте, ни на камне.

Пусть прыгают они по всему белому свету — и будет тогда светопреставление.

Тихо ласкали по деревне люди друг друга. Но от этих ласк не было ни детей, ни истомы, а только радость — и жарко работалось.

Приезжал доктор из волости, обсвидетельствовал некоторых и сказал:

— История странная, но вселенная велика и чудесна — и все возможно. Мы, как Ньютон* еще сказал, живем на берегу великого океана пространств и времен и ищем разноцветные камушки... И эта бацилла аморе** только самый редкий и чудесный камешек, которого еще никто никогда не находил...

Глава девятая,

ясно намекающая на новые затеи Ивана

Роса паршивая падет на лист, и ну — пошла по листу ржавость и паскудство. Так и слова докторовы о любовной вши пали Ивану на душу. Едят душу, паскудят. Хочется Ивану вшу эту любовную дойтить, доглядеть. А она — невидимая. И почал Иван Копчиков ржаветь, что лист от дурной росы. Конопатый стал, яко росный огурец. Вся его миловидность — вроде картинки на солнце выцвела.

Вспомнил Иван курган любимый. Опять на него переселился. Просидел под небом, как под крышей, все лето — хватать за голову, а на голове волосья, что твоя сторновка. Сухие и ломаются.

— Чудасия!

Глядь-поглядь — во все стороны черно, как в трубе от сажи. Степь черная, как кошка. Не заметил Иван Копчиков, как солнце засушливое обглодало дочиста землю. Оно-то и волосы его в сено превратило.

Сразу тут забыл Иван о любовной вши. Всегда так: коли жрать нечего, не токмо о любовной, а и портошной вши забудешь!

Трижды сплюнул Иван в одно место. Нету слюны: в один миг в землю ушла.

---

* Ньютон — великий ученый и мыслитель. Родился в Англии.

** Доктор говорит по-ученому, по-русски это значит «вошь любви».

Погрозил Иван кулачищем своим паучищу проклятому — огневому солнышку:

— Я ж тебе, чертушка, подложу свинью. Боле тебе нами не властвовать. Доконаю, подчиню тебя нашей воле.

Глава десятая,

*где сверкуляющая небесная сила обретается Иваном
и замордовывается в работу навеки*

Потянулась опять щедрая жизнь, как щи. Живешь-живешь, а жизнью все не налопаешься. Плохо жить без гниды любви, как без мяса обедать.

Пустынножительством стала земля, ибо свирепело и дулось жаром солнце, будто забеременело новым белым огнем неимоверной злобы.

А по полям только шершавый терпеливый жухляк трепыхался, да змеи в горячем песке клали длинные пропадающие страшные следы. Змея, она не похожа ни на одного зверя, она сама по себе, немая и жуткая тварь.

Змея не любит ничего, кроме солнца, песка и безлюдья.

Как в печке, сгорели посевы и с ними — жизнь. Тела мужиков обтощали — и не только вшам любви, но худощавым плоскушкам еды не хватало.

Ни тучки, ни облака, ни ветра. Один белый огонь цельный день, а по ночам медленно-текучие оглядывающиеся звезды.

Тишина во всем мире, потому что подступала смерть.

Иван переменялся. Высокий стал, худощавый парень, с терпеливыми стоячими глазами. Пушиться стало лицо и полосоваться бичами дум.

И вот уже в августе месяце трое суток то наступала, то отступала и дробилась зноом тяжкая туча. Разнесло ее во всё небо.

— Не к добру,— говорили старики,— из такой не вода, а камни полетят.

Вышел в поле Иван и ждал. Ни души. Птица, зверь и всякое насекомое исчезло и утаилось.

Насела туча, темнее подземных недр. Но ни капли, ни звука из нее.

Ждал до вечера Иван — не шелохнется туча.

Всю ночь не спал, все слушал, как камни вниз полетят. Ничего не было, и утром так же стояла туча.

И только в полдень осенила, ослепила небо и землю сплошная белая молния, зажгла Суржу и травы и леса окрест. И ударил гром такой, что люди попадали и завывали и звери прибежали из лесу к избам мужиков, а змеи торцом пошли в глубь нор и выпустили сразу весь яд свой.

И полетели сразу вслед за молнией на землю глыбы льда, и сокрушили все живое, и раздробили в куски мертвое.

Упал Иван шибче льдины в лог и уткнулся в пещеру, где рыли песок в более благопристойное время.

За ледобоем ударил сверху ревуший, скрежещущий, рвущий в тряпки пустую землю водяной потоп.

И синее пламя молний остановилось в небе, только содрогалось, как куски рассеченной хворостиной змеи.

И вода пошла из тучи сплошным твердым потоком — дышать нечем. Воеет и гнетет свистящий и секущий все на свете ливень.

И за каждым громовым ударом — новым свирепеющим вихрем несется вода, и, как стальным огромным сверлом, разворачивает землю до недр, и почву пускает в овраги бурными волнами...

К вечеру стих мало-помалу водяной ураган.

Вылез Иван наружу. Холодно стало. Внизу по оврагу еще неслась вода. А по откосу, где был в пещерке Иван, только топь и вывороченная, разрушенная земля.

Выбрался Иван наверх, глянул. Не было ни Суржи, ни леса, ни полей. Чернели глыбы пораженной земли, и шипела вода по низинам.

Задумался Иван. Лед и ливень рухнули вниз, когда засияли молнии. До того туча шла мертвой.

И пошел Иван прямо к Власу Константинычу — волостному доктору, тому самому, который вошь любви обследовал.

Влас Константиныч любил книги. Жил без жены и существовал лишь для питания природы.

Влас Константиныч любил всех суржинских. Пришел к нему Иван и говорит:

— Дождь от молнии пошел, а не от тучи.

— Как тебе сказать, — ответил доктор, — электричество связывает в воздухе пары воды в тучи, а когда бывает молния, то есть электрический разряд или рассеяние электричества, — эта связка воды рвется, и вода сама собою падает на землю.

— А эти пары воды всегда есть в воздухе — и до дождя, и когда жарко? — спросил Ваня.

— Всегда, дружок, и всюду, — сказал Влас Константиныч.

— А электричество самому сделать можно?

— Можно...

И доктор показал Ивану баночку на окне, из которой шла вонь.

— Дайте ее мне совсем,— попросил Иван.

— Что ж. Возьми. Это штука дешевая. А зачем она тебе?

— А так, поглядеть. Я принесу ее скоро.

— Ну-ну. Бери, бери.

Иван ушел к рыбакам на Дон. Ибо Суржу и всю родню, все дома, задолбил ливень.

Он понял одно, что электричество собирает в воздухе влагу всякую и скручивает ее в тучи.

А когда бывает засуха, значит, можно все ж таки наскрести влагу электричеством и обмочить ею корни.

Когда просохла после потопа земля, Иван стал добиваться, как сделать влагу электричеством.

Жил он у Еремея в землянке, старика, посвятившего от одиночества и от природы, и ел подлещиков, голавлей, сомов и картошку.

Зной опять водворился. Все повысохло.

Запылала и заныла земля.

На всякие штуки пробовал банку Иван — ничего не выходит. И только когда догадался он проволочку от винтика на баночке, где стояла черточка, расщепить на тонкие волосочки и эти волосочки прикрепить к корням травы — тогда дело вышло. А другую проволоку, где на винтике стоял крестик, он протянул по длинному шесту вверх, а шест воткнул и поставил. Тогда трава, куда впустил Иван медные волоски, зазеленела и ожила, а кругом стлалась одна мертвая гарь.

Иван поковырял землю, добрался до корешков, пощупал — сыровато. Стало быть, помиримся теперь с солнцем.

Что ж такое электричество и отчего увлажняется от него корень?

Только через десять лет, в Америке, Иван постиг, что такое электричество и как построен и строится из него наш мир и вся вселенная.

Глава одиннадцатая

Бессмертная трудовая сила вытирает опять из могил и нищеты

Вдрызг, в чернозем сбита и перемешана Суржа. Только кирпичи от печек остались да одна курица в норь какую-то каменную забила и теперь отживела и ходит беспутная.

Ни единой живой души — льдины с неба покололи все мужиковские головы.

Но через десять дней обнаружился еще Кондратий — мужичок неработающий и бродяга. Бывал ранее на шахтах, а теперь жил при брате скотом.

— Я,— говорит,— буду управителем русской нации. И пахать тебе не буду.

И вот теперь он обнаружился — в печке просидел и вылез невредим.

Поглядел-поглядел на курицу Кондратий:

— Что ты голову мне морочишь, скорбь на земле разводишь. Кабы б две хоть, а то одна, сука!

Поймал, защебил ее за шею и оторвал ей курью башку:

— Тварь натуральная, тебе и смерть не брала...

И переменялся душой Кондратий:

— Брешешь, человека не закопаешь. Тыщи лет великие жили...

И стал жилище себе обдeldывать из разных кусков и оборок расшибленной Суржи.

Получилась некая хата.

Пришла одна суржинская девка из города. Вдарилась оземь:

— Родные мои матушки... Не схотели жить, мои милые...— и пошла, и пошла.

Подошел к ней Кондратий:

— Не вой, девка. Видишь, народонаселения никакого нету...

Стало быть, я тебе буду супругом.

И обнял ее в зачет будущего — для начала.

Через некоторую продолжительность явился в Суржу с Дона и Иван Копчиков.

Принялись они втроем за вторую хату.

Иван работал, как колдун, и построил сразу еще две хаты.

У девки уже к зиме живот распух.

— Нация опять размножится,— говорил Кондратий.

— Надо другую нацию родить,— сказал Иван,— какой не было на свете. Старая нация не нужна...

Иван задумался о новой нации, которая выйдет из девкиного живота.

Надо сделать новую Суржу — старая только людей томила и хлебом даже не кормила.

Будет новая Суржа.

Так порешили Иван и Кондрат.

Будет Суржа — без голода, без болезней, без горестей, без драк.

— Мироносимое благолепие будет,— сказал Кондрат.
— Сделаем мы хозяйство по-новому, тогда вырастут у тебя другие дети сами собой,— проговорил с растяжкой Иван.

Глава двенадцатая,
наводящая на размышления о том, что один в поле — не воин

Вот уж почти и вылакало солнце вчистую ручеек последний. Конец приходит — без воды не проживешь. А кругом — во все стороны — на сто верст голо и никого нет.

Кондрат, Иван и баба, две коровенки и волк — на земле, рас-
свирепевшее солнце — на небе. Кто кого? Ужли человекам так-
таки не выдюжить?

Губы у Ивана — как с жару потрескавшаяся дорога: во
рту — засуха другой день.

Деревянными лопатами день и ночь лезут люди в глубину зем-
ли, к мокрому ее сердцу. День и ночь, без передышки, наперегон-
ки со смертью.

Либо успеют люди — доскребутся полумертвыми до воды,
либо — смерть успеет, придушит, как бабочку, их задыхающиеся
сердца.

На пятую ночь Кондрат еле вылез из колодца, дополз на карач-
ках до хаты, приказывает бабе, собиравшейся опростать живот:

— Брось родить, женщина: некогда родить теперя. Лезь в ко-
лодец, скребись к воде, пока не умрешь!

И женщина полезла.

И еще три дня и три ночи были люди кротами: руками, окро-
вавленными вздрыг, грабастали землю. Только к утру четверто-
го дня уже умирающий Иван Копчиков почувствовал, что под
рукой — мокро. Сначала он думал, что это — кровь у него хлы-
нула из горла так же, как вчера хлынула она из Кондрата. Но
кровь — горячая и соленая, а это — то, что под руками,— студе-
ное и горьковатое чуточку.

— Кондратушка, вода никак! — прохрипел Иван, жадно на-
бивая рот сразу пожижевшей грязью.

Кондрат, как угорелый, подпрыгнул вверх и шлепнулся ли-
цом в землю. Лицо уткнулось в холодную грязь... Потрескавши-
мися губами он начал высасывать из нее скудную влагу. Но вла-
ги было слишком мало.

— Ло...па...той бы раз один ковырнуть,— еле выговорил
Кондрат.

Но ни у кого из мужиков не было для этого силы. А баба совсем умирала — из нее лез новый человек. Неминучая смерть поджидала его. Он все-таки лез. И баба визжала, как убиваемая сука, и грызла зубами камушки.

Тогда Иван вспомнил солнце, которого из колодца не видно было. Вспомнил, что солнце хохотать будет над ними — побежденными.

— Не-эт, брешешь, не сдамся! — дико заорал он и, собравшись с силами, налег на лопатку. Раз, другой, пятый.

И спасение пришло. Перед смертью — ухо человека слышит все. И вот, услышал Иван, как засочилась в ямку тихая вода.

Тут шлепнулось к ним что-то мягкое сверху. Иван поднес это что-то к глазам. Это был — заяц. Волк принес зайца умиравшим друзьям. Волк спасал спасшего его Ивана.

Два дня люди пили горькую воду и жрали все, что им приносил волк. Силы снова пришли к ним — и люди вылезли наружу. Первое, что они увидели, — был сдыхавший от жажды волк. Иван, плача, привязал его на веревку и спустил в колодец:

— Отдышись, милачок!

Глава тринадцатая,

в коей босота собирается Иваном в большевицкую нацию

— Народонаселения нету. Одним с солнцепеком нам не смордоваться... Баба моя народить нацию не управится. Надобно теперь суды людвы понагнать... Хоть самую дырь на дырьве, абы б было в норме же усе — головы и руки...

Это Кондрат думу надумал.

А Иван давно догадался.

Взял лыдку дохлой коровы у Кондрата, кликнул волка и пошел ходом.

Дён через пять пошли местности народонаселенные. Попадались по дороге уже попы, куры, травы, густолиственные деревья и прочие жители земли.

Попал Иван в деревню Меренячевку. Идет по улице с волком. Тот собак шелушит до костей молчком.

Видит Иван сидит у колодца странник. Парень, видать, не особо пожилой, а разглодан голодом до души — одни глаза неистовые сверкают и ищут.

— Подходи сюда, горюн,— крикнул Иван.

— Ходи сам, если надобно,— прошершавил расколотыми истекающими губами парень.

Иван подошел.

— Здорово.

— Здравствуешь.

— Што сидишь-то?

— А ты што за юзь? Хошь что говорить — балакай, не разводи зря скорбь.

— Со мной хозяйствовать пойдешь, аль нет?

— А куда иттить-то? Земля есть?

— Земли много. Ледобой людей выбил. Слыхал?

— Слыхивал. А скотина есть?

— Покуда волк один, а там видно будет.

— Оно и волк гож, ежели зверь толковый.

— А ты один?

— То-то и скорбь, что не один я. В логу — вон, видишь, лозняк — товарищи некоторые ждут... Деревню ету грабануть мы схотели... Похилить... Запомнил? Ну, помалкивай... Народ тут стерва... Хутора кругом, люди с коготьями. Запалим вот к ночи с того краю... И ты теперь не уйдешь — долбанем.

— А много у тебя народу-то? — спросил Иван.

— Людей двадцать будет.

— Откуда шли-то?

— С Кубани самой дороги крестили. Было сдохли в отделе... Теперча на корм напали.

— Вот што,— проговорил Иван,— ты брось это. Волоки суда всех людей. Поговорим в конец. Будя, с этого прожитку не наешься.

— Ты помалкивай, пока дых еще двошит, а то стукну, в колодец чертометом загудишь.

— Ты не устрашай меня, я сам страшный. Я тебе дело говорю, а ты слова одни пущаешь. Пошли до людей до твоих.

Парень глянул на Ивана — губы-нитки, глаза сияют в черной кайме, телес нету — одна кость, такой сам атаманом был.

— Ну, идем, бабья страсть...

Вышли за деревню. Спустились в лога. Долго блукали.

Тонкой глоткой длинно по-рысьи завизжал парень, аж у Ивана сердце отозвалось и заверещало.

Вышла из логов человетья хмурь и горесть. Один другого тощее и жиже. Но злоба и силушка есть еще.

Обсели Ивана они с парнем-вожаком.

Иван им — так и так:

— Что это за жизнь, за тоска такая? Радость можно руками произвести, а вы людей шуровать задумали. Солнце огромно, жар в нем есть, земли много, воду под землей раскопаем. Вот и будет жизнь. Мирно и богато заживем.

Долго разжевывали бродяги. Ругались и дрались, одному душу вышибли.

К вечеру сошлись с Иваном.

— Идем, волчий брат... Гляди только, если што — душа вон — и слезу непустишь.

Между бродячими была одна девка. — Глаза смородиновые и пугливые, как будто кто размахнулся над ними, волосья ливнем лили с головы на плечи.

Она молчала всю дорогу, молчала и когда дрались бродяги, и не взглянула на Ивана, молча со всеми и с ним пошла.

— Видал царицу, — сказал вожак Ивану, — с самого Каспия ведем и бережем, как невесту. Одно у нас имущество.

Глава четырнадцатая

22 мужчины, 2 женщины и 1 волк

Было на Сурже 22 мужчины, 2 женщины и 1 волк. Кроме того, было еще: 3 хаты и 1 мальчонко-сосунок, Кондратовой женой произведенный.

Больше ничего.

Иван Копчиков собрал в кучу всех:

— Вот чего, братцы, — объявляю я себя предводителем всей нашей нации. И которые мне не подчинятся, нехай в лес уходят — волк дорогу укажет. Без предводителя галки и то не летают... Вдомек?

Предводитель бродяг хмыкнул и нагнулся было за голышом, но волк заметил его движение и так лякнул зубами перед самым носом бродяжьего предводителя, что тот шлепнулся на зад и сказал Ивану:

— Волк твой, брат, стерва — совладать с волком невозможно подтощавшему человеку, я же подчиняюсь. Действуй.

С этой поры Иван начал командовать.

Прежде всего, работая по 15 часов в сутки, 22 мужчины разрыли Суржу, вогнанную ледобоем в землю. От этого они получили достаточное количество предметов обихода: лопат, плугов и прочего, бабам — чугунов, рогачей и прочего. Нашли пять

икон в серебряных ризах — богатея Сусликова. Сорвали серебро с них, досками растопили печку.

Затем артель до иступления рыла землю лопатами, пахала ее плугом (вместо лошади пять мужчин), засевала озимой пшеницею, рожью, которую собрала под Суржей и отсортировала по единому зернышку вся артель.

Покончив с озимью, Иван погнал артель в лес — на охоту. Силками, самодельными капканами, просто дубинками с помощью ретивого волка — изо дня в день колошматили люди разное звериное людство и птиц.

Однажды, возвращаясь на Суржу, люди увидели впереди какую-то бархатающуюся кучу. Опрометью побежали они к куче. То оказалось два волка: их и еще другой — молодой и сильный. Суржинский волк бил молодого волка, а тот, увидев людей, лег на спину и заплакал. Люди взяли его за шиворот, поднесли к своим глазам и долго его разглядывали, глядя по искусанным бокам. А когда опустили на землю и пошли своей дорогой, волк взвизгнул и побежал за ними.

Это дало Ивану мысль. Через месяц, к началу зимы — Суржа имела уже двадцать два волка под командой Горелого — первого суржинского волка.

Горелый сумел их смирить, а Иван Копчиков окончательно покорил их людям своими ласковыми поглаживаниями по шерсти, взглядами своими властными. Люди сделали сани и сбрую.

Как только установился хороший зимний путь, Иван Копчиков запряг в сани двенадцать волков, уложил в них серебро с икон, сто сорок две шкуры лисиц и кое-какую дичь, посадил в задок Каспийскую Невесту, молчаливую, сел сам на передок и свистнул. Горелый, запряженный позади всех волков, в ответ на этот свист лякнул зубами так, что волки хватили в рысь.

Из города Иван привез на волках целую прорву хороших вещей: одежду всем зимнюю и обувь, ружей штук пять и зарядов, котлы какие-то с трубами. И много еще. А через сутки приехала на Суржу и Каспийская Невеста — одна в санях, запряженных белой лошадкой. Она привезла какой-то огромный ящик. Не раскрывая его поставили в хату, и больше Иван не приказал его трогать.

Мужики наутро спросили:

— Котел зачем? Самогон гнать?

Иван ухмыльнулся, приказал им взять топоры и другие плотничьи инструменты и валить в лес. Через три недели в лесу задымил махонький смолокурный завод:

— К весне с деньгами будем,— сказал Иван, когда наполнилась пахучей смолой первая бочка.

Кроме смолокурного устроили лесопилку — лошадь вертела колесо, колесо бешено вертело круглую пилу — доски росли сотнями в день.

Люди были веселыми, пели песни и работали даже ночью.

Глава пятнадцатая,

где мир оказался братом человеку-бродяге

Вот и весна. Сердце в Иване шумит, как ветер на пустой земле. Шумит сердце и в Каспийской Невесте. Бродит она и слушает свои мысли, которые родились от дрожи солнечных лучей в занебесном пространстве.

Глядит на нее Иван, как слушает сказку. Как бы опять вошь любви не завелась в разбухающем весеннем теле.

У Каспийской Невесты было лунное тело — бледное, твердое и спокойное, как немое сияние полночной хлебной луны.

Бродяжьа братия жила дружно — в одну душу. Действовала вместе — как одна рука.

Иван уже чуял наступление солнца. Его ревушая пламенная *<пропуск слова>* уже уперлась в землю и дыбом подняла растения, чтобы через неделю в пожар превратить зеленую жизнь.

— Миру нет дела до людей,— подумал Иван,— зато нам есть дело до мира. Надо найти у мира голову и треснуть по ней чем-нибудь тяжким... Мыслью, к примеру, превращенной в машину.

Но думать не хватало хлеба. Времена уходили. Земля уже гудела в солнечном пожаре.

Вскочил раз Иван ночью. В голове будто у него вспыхнуло сияние, и тоска потопила сердце. В жилах пошел зуд и горение задыхающейся силы.

Разбудил всех Иван мигом.

— В лес! Ветрогон строить! Воду качать будем... Проса уже погорели... Подохнем с голоду. Опять на Каспий плыть придется, невест усматривать...

И вот большевицкая нация таскала бревна, пилила доски, вкапывала столбы, косые стойки сбивала и крепила башенную деревянную снасть.

Иван стоял молча, обдумывал и показывал — он был за инженера.

И росла против солнца деревянная башня под горячими руками одиноких во враждебном мире людей, спаянных вместе несчастьем и угрозой солнца.

А Каспийская Невеста сидела на бугре возле и слушала солнце.

К вечеру Иван стал уже тесать тонкие доски и прилаживать их на скелеты крыльев-мотовил. Долго шурил глаза Иван, ладил и считал:

— Ветер должен работать косым ударом — тогда сила будет огромная.

Ночью поели большевики волчатины и засопели во все отверстие дыры в своих телах.

На другой день взялись за изготовку двух валов и большого деревянного штопора, который будет угнетать воду и гнать ее ввысь.

Невеста стояла стоймя и молчком тут же обапел и не глядела на работающих своих сожителей на земле.

Еще прошел день и еще два. Солнце громыало и выедало землю. Усталый земной шар неся в огневом потоке и затихал в смерти.

И вот настал один день. Поднялись люди с полночи и ждали ветра. После восхода солнца по небу поплыл азиатский накаленный песок — и ветряк взмахнул, заскрежетал и завертелся. Деревянный штопор шуриал в воде и гнал ее кверху. Вода выметывалась наверх, падала в лотки и бежала чистым потоком на огороды.

И на пепельной, смрадной стонающей земле зеленел и ликовал кусок живой земли — и подле него толпились живые победившие уморенные люди.

С Каспийской Невестой творились великие дела.

Солнечная дрожь рождала в ее голове мысли, и эти мысли вели ее куда она сама не знала. Она говорила не свои слова, а слова мыслей, которые сделало в ее голове солнце.

Она родилась в далекой стране, чистой и немой. В ней не было ни души, ни страсти, ни похоти, ни желаний.

Она была пустым и чистым кувшином — и туда лилась солнечная сила мира и делала ей и мысли, и душу, и слова. Она говорила чудные, но хорошие слова. Их и Иван не понимал.

Ходила Каспийская Невеста, как зачарованная волшебница, и ее волшебная сила обволакивала всех, как тонкий воздух, как туманный свет и цветочная вонь.

И большевики переменялись. Тяжелые большие головы их нагрузились думами и душевной нежной силой.

— Што тут такое? — думал Иван.— Ничего не должно быть
окромя мыслей и машин. Какая тайная сила работает внутри
Невесты и делает ее такой нужной нам?

Иван не любил слова и не сказал, и не подумал даже, что
пропади, сгинь Невеста — он бы вдарился головой о камень и
размозжил ее.

— Через нее мы слушаем мир,— говорил сам с собой Иван,—
через нее можно со всем побрататься, быть заодно с солнцем и
звездами — и не надо будет ни работы, ни злобы, ни борьбы.
Будет везде, что видимо и невидимо, братство... Будет братство
звезд, зверей, трав и человека...

А Каспийская Невеста жила и слушала песню солнца и звезд
и выговаривала ее невнятно, но чудодейственно.

— Я оберну ее к себе,— сказал раз Иван,— и, как машиной,
ею размозжу мир... Вот первая сестра и миру всему и человеку в
одно время... Я дознаюсь до ее силы и возобладаю ею сам. Тогда
я дам миру тишину и думу... А теперь надо бежать с нею отсюда
в города, где книги и мысли.

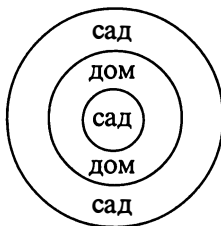
Глава шестнадцатая

*В ней Суржа стала селением весьма привлекательным, а Иван
с Каспийской Невестой отправляются в великое странствие
по всему белому свету*

Затаил думу Иван глубоко:

— Убегу на широкую землю в великие города.

А в Сурже достраивался уже один большой дом на всех лю-
дей. Строился он круглый, кольцом. А в середине сажался сад. И
снаружи также кольцом обсаживался дом садом. Так что окна
каждой отдельной обители-комнаты выходили в сады. Посмот-
реть если сверху, то весь дом был вот такой.

Внутри по всему дому шла длинная галерея и соединяла все
комнаты.

Много хорошего было внутри дома. Над каждой комнатой на крыше был малый духогончик, который не переставая тянул вверх испорченный людьми воздух. А снизу из садов подгонялся благовонный, богатый дух, тоже духогонками. Когда в комнате никого не было, духогонки стояли. Как только входил туда человек и чуть грел воздух — духогонки начинали кружиться — и дурной воздух утекал вверх, а хороший подтекал из садов.

Отопление всего дома шло от одной печи. Горячий дух от печи шел в щели между стенами. Стены были устроены везде двойные — и вот в эти пустые места шел теплый дух, грел сначала стены, а потом и весь дом.

Дом так топился, что никто не замечал, где, как и что топится, откуда идет тепло. Ничего не было видно. А теплота шла равномерно и грела стенами чистый садовый воздух.

Иван, еще перед стройкой дома, велел смачивать все доски, бревна, обolonки и тес особой жидкостью, которую он добыл из особой травы, перегоняя ее в котле.

Доски, промоченные этой жидкостью, делались несгораемыми. Пожар, выходит, был не страшен большевицкому дому.

И дом, и отопление его, и эту жидкость придумал Иван.

— Головешка у парня, — говорили остепенившиеся теперь бродяги, — Каспийскую Невесту отдашь — и не додашь.

Суржи не было — был один чудодейственный дом. Для скота был построен такой же дом в стороне, только поменьше. Там тоже были и духогонки, и сады, и отопление. Скот держался в такой же великой чистоте и здоровье, как и люди. Потому и скот был ласков, умен и работящ, как люди.

Иван уже подумывал, как бы и лошадей и коров приравнять во всем к людям, поселить в одном доме — и делать всем вместе одну жизнь — ласковую, простую, счастливую и глубокую.

Но до поры отложил это.

Бродяги не пожелали:

— Лошадь, — говорили, — существо с рассудком и телом благодонравное, коровы и волю еще ничего себе, вот козлы — чертячья бельма, вонючи, звери...

— Ну обождем пока. Я дом еще лучше сделаю — тогда всем вместях можно селиться. Более зверей и людей не будет — будут и близко друг к дружке телесами и душою. Зверь, брат, тоже большевик, но молчит, потому что человек не велит. Придет время вскоре, заговорят и звери, остепенятся и образумятся... Это дело человека. Он должен сделать людьми все, что дышит и движется. Ибо в кои-то веки он наложил на зверя гнет, а сам пере-

стал быть зверем. Это потому, что еды мало было. Теперча еды хватит на всех, и зверя можно ослобонить и присоединить к человеку...

Не дышали бродяги и слушали:

— Да, дело серьезное...

Иван с раздутыми жилами на большой рубленой голове говорил не помня себя. Глаза его пропали под черепом, обвелись черной каймой и сияли.

— Знатная голова человечья, настоящая душа,— говорили большевики.

Каспийская Невеста тоже слушала, и ее грудь качалась, и глаза светились, как незнакомые, редкие цветы. Волосы разлились до пояса. И было хорошо всем и тревожно — не похоже, что это земля, а будто приехали все на иную звезду и позабыли, откуда сами и что к чему.

Ночью Иван лежал на сене и не спал.

В доме, где жил скот, жутко мычала и стонала всей своей двоящейся душой корова — она рожала ребенка.

Иван слушал и думал.

К утру смолкла корова — опорожнилась. И Иван, успокоенный от дум, заснул.

Днем, когда проснулся Иван, никого в доме не было. Уехали картошку рыть.

Поглядел Иван на дом:

— Назовем наше поселение Невестой. Суржа — это хмурое имя. Осень, поздний дождь, голод.

И Иван написал мелом на стене: «Невеста, устроен новой земной нацией большевиков».

Поглядел Иван на все:

— Если бы ожили все думы, которые я вложил сюда, получился бы вихрь и водопад.

Пришли к вечеру товарищи. Поели и позаснули мертвыми. Обошел Иван все обитатели.

— Живите, братья, сами по себе. Теперь не сгинете...

Пошел к Каспийской Невесте. Она не спала.

— Пойдем со мною,— сказал Иван,— я не обижу, я покажу тебя всем. Вся земля очнулась, все люди готовятся к чему-то, чего и я не знаю...

Невеста встала и пошла с ним.

Они оставили дом и пошли полем — в темь, в ночь, в далекие, неслышные отсюда города.

Глава семнадцатая,

*где встречается странник по прозванию Мурликийский
Чудотворец, а также чуется жженая вонь и видится шина,
намазанная липистричеством*

Отощали Иван с Каспийской Невестой. Оно и нехитро — пять дней прошло, полных скорого шествия, далеко уже лежит поселение во имя Невесты — Суржа.

Уже всякая живность стала по дороге попадаться — лошади, мужики, велосипедисты — стало быть, город близок.

Вон завиднелись трубы некие, и слышится чей-то ревуший и страшный голос, неумолкающий и невидимый.

И попадися навстречу Ивану и Невесте как бы странник. Вид — божий, но скулья жуют и ходят беспокойно, а глаз единственный (другой выщелученный) мудр и печален.

И в руках нет у него бадика, а за спиной — сумки. Будто в гости идет человек. Там поест, помоеся и отдохнет.

— Куда, дети, поспешаете? — спросил он.

— В города, — ответил Иван. — А ты куда?

— Я-то? Особо никуда не поспешаю... Сказано было — не ведуешь, где същешь, а где утеряешь. Чего же поспешать? Я сыщу, может, там вон, а может здесь. Ходи слободно, а хочешь, сиди. Все едино...

— Чем-то эт завоняло? — спросил Иван.

Странник уставился в небо:

— Ет-то? Ет радий несется. Беспременно он...

Ноздри его потонели и потянули дух в две раздвинутые дыры, полные козявок и невысморканных ночных соплей.

— Жжет дух и несется.

— Какой радий? — спросил Иван, замерев от непонятного.

— Машина такая. Слова горелые, горькие по воздуху пускает.

— Давай послушаем!

— Ен орудует неслышимо — я слухал уж сколько разов. Одна гарь чуется. Аж в глаза лезет вонь жженая... Чуешь?

— Да, — ответил Иван, — будто бы она.

— А это штой-то? Штой-то такое? — Иван крикнул от испуга и показал на человека похожего на хряка, не спеша ползшего на велосипеде, еле влача вперед свои обвисшие потные телеса.

— Эт лисапетка, сынок. Штука немаловажная, в городе их много... — так ответил Ивану Мурликийский Чудотворец (так, оказывается, именовали странника).

— А отчего она едет сама?

— Кто? Лисапетка-то? Шины у ней липистричеством намазаны...

Чем ближе к городу, тем громче чей-то каменный глухой голос все пел и напевал одну и ту же густую ровную песнь.

Вошли в город. Дома на краю стоят не особо велики.

Мирликийский Чудотворец на время отстал от Ивана и Невесты.

— Вы валите напрямик, а я вправо заберу. Все одно никто не знает, где същещь что, а где утеряешь.

Попался один дом. На нем железо висит, а на железе буквы нарисованы. Иван разобрал их каждую в отдельности.

Мадам Тотошкина.

Маникур. Педикур.

Кохты для какеток.

И все для блажных.

Иван ошалевал. Чудно все и страшно, потому что непонятно.

В открытое окно под вывеской через подоконник сплевывал сапожник, говоря сам себе разные слова по порядку:

— Существо, скотоложество, супремат, смологонь, иллюминация, квась квасцы, не мусоль пальцы, сусаль золото... Существо, супремат... Васька, будь умен!..

Иван с Невестой послушали и пошли дальше.

Глава осьмнадцатая,

не особо существенная, но и она пригодится

— Мне пить охота,— сказала Невеста, что с Каспия.— Идти больше мочи нету...

— А меня бекасырики грызут. Надобно в хату зайти какую. Ты попьешь, а я бекасыриков в рубахе полушшу.

Постучали в первую дверь. Вышла старенькая бабушка.

— Вы што ж стучите так? Потихоньку надо...

— Мы нечаяно...— сказал Иван.

— Ну, идите, што ль. Не к стоянью* пришли...

---

* Есть такое всеночное бдение, когда читается двенадцать евангелиев, а старые бабушки в кацавечках стоят.

Иван с Невестой прошли сенцы, чулан какой-то и вошли в большую комнату. На полу кругом спали люди, сладко и вдосталь, будто они реки рыли и уморились.

— Чего они? — спросил бабушку Иван.

— А устамши позаснули.

— А отчего они уморились?

— Отчего-отчего? Тебе-то што? Наладил!..

Иван с Невестой взяли со стола корчажку с водой и попили водицы.

Спящие похрапывали и во сне жевали мух.

Ивана сразу усталъ великая взяла.

Он оглядел комнату. Над дверью, которая вела, должно быть, в другую комнату, висела досточка, и на ней Иван насилу прочел: «Опытно-исследовательский институт по индивидуальной антропотехнике». Тут Иван зевнул, взял за руку Невесту, прилег на лавку и сразу заснул без памяти и без дыхания.

Глава девятнадцатая *Мастерская прочной плоти*

Минула некоторая длительность времени — очнулся Иван. Комната — и он один в ней. Свежий вечерний сумрак в двух больших окнах. Кротость и немость — как в Сурже.

Вошел человек. Сухой, напряженный и злой. Весь — беспокойный, внимательный и трудный, как будто он тяжесть невидимую нес и неслышно хрипел от натуги.

— Ты кто?.. — спросил Иван. — А Невеста где?

— Я — Прочный Человек, — просто и достойно ответил вошедший. — Пришел тебе объяснить существо некоторых обстоятельств.

Он сел на лавку — против кровати и начал высекать слова, необходимые, как сложение-вычитание-помножение-деление.

— Я сидел наверху — в комнате из кирпича. Ты шел с девкой — длинные волоса, прочное целомудренное тело. Я думал, а ты и девка перебили мне струю мысли. Я решил вас взять для испытания. А вы сами постучали. И я сказал вниз, чтобы дали порцию малого ремонта, то есть сорокачасовой сон.

Прочный Человек остановился и нахмурился. Видно, много горести и грехов несла его усталая плешивая голова. Иван молчал и ужасался городу, где такие страшные и удивительные люди. И было ему жутко и радостно, как на высоком дереве.

Прочный Человек вытер гноившийся глаз и заговорил опять.
— Ты мне показался человеком прочным и способным к сопротивлению и бою с миром. Но ты свободен. Можешь вскочить и улетать к чертям. Хочешь — поживи попробуй. Не хочешь — пропадай, мне падаль не нужна. Сейчас все человечество — падаль...

Прочный Человек в гневе и неистовстве двинул кулаком по лавке, встал и ушел.

Потом сейчас же вернулся, бросил книжку Ивану и скрылся окончательно.

Иван полистовал книжку и начал читать:

«О постройке нового человека.

Всякая цивилизация, то есть материальное устройство жизни человеческого общества, иначе говоря — организация материи* в виде машин, прирученного скота, разведение полезных растений, разумное распределение между людьми хлеба, одежды, жилищ, предоставление возможности каждому расти и развивать свои таланты и все прочее,— всякая цивилизация есть последствие целомудрия, хотя бы и неполного. Целомудрие же есть сохранение человеком той внутренней могучей телесной силы — которая идет на производство потомства, обращение этой силы на труд, на изобретение, на создание в человеке способности улучшать то, что есть, или строить то, чего не было.

Цивилизация есть целомудрие. Она есть ницета по отношению к женщине, но тяжкий груз мыслей и звездоносная жажда работать и изобретать то, чего не было и не может в природе быть.

Свирепости природы, ее крушения, засухи, потопы, нашествия микробов, невидимые влияния электросферы** — приучили человека к работе, бою, передвижениям по поверхности земли и войнам между собою.

Когда кончались войны и слабела борьба с землею за пищу, то человек возвращался в дом к женщине, но уже он был не тем, каким ушел. Он делается более целомудренным, и хоть и живет с женой, но меньше спит с ней и глубже пашет. Прочнее и выше строит дома, чаще задумывается, острее видит, искуснее изобретает и приспособляет свои орудия и свой скот к работе.

---

* Материя — все, что существует: железо, дерево, ткань, уголь и пр.

** Электросфера — область, где действует электричество, электромагнитные волны. Скоро мы увидим, что электросфера есть вся вселенная.

Но все цивилизации земного шара сделаны людьми только немножко целомудренными.

Теперь наступило время совершенно целомудренного человека — и он создаст великую цивилизацию, он обротаёт землю и все остальные звезды, он соединит с собою и сделает человеком все видимое и невидимое, он, наконец, время, вечность превратит в силу и переживет и землю, и само время.

Для этого — для прививки человеку целомудрия и развития, отмычки в нем таланта изобретения — я основал науку антропотехнику*.

Основатели новой цивилизации, работники коммунизма, борцы с капитализмом и со стихиями вселенной, объединяйтесь вместе и перед борьбой, перед зноем великой страды — испейте из живого родника вечной силы и юности — целомудрия. Иначе вы не победите.

Силою целомудрия перестройте и усильте сначала себя, чтобы перестроить затем мир...»

Иван читал и читал. Сердце его шевелилось, и сам он шел странником по городам, по странам, по заросшим садами звездам, по томительным, смертным пустыням.

Над городом, над полями, над Суржей, над всею преющей землею шла немая, бездыханная ночь, как было спокон веков.

Глава двадцатая,
*где Иван с Каспийской Невестой оглядывают мастерскую
бессмертной плоти и видят, как электричество
победило смерть*

Утром Иван узнал от старушки, которая его сонной водой опоила, что Прочный Человек есть ученый, умом тронутый, а кормит ее хорошо и обращением ласков. Дом этот стоит на краю города. Заманивает сюда ученый разных больных и здоровых и лечит их всех одинаково. И, хоть рассудком он сам человек негодящий, больных делает людьми гожими. Это уж что и говорить.

— Ты-то не пужайся,— сказала бабушка под конец,— дурного он тебе не сделает. Уж што-што, а человек он сердцем милос-

---

* Значит «искусство строить человека». «Антропос» по-гречески значит «человек».

тивый. Уж пожаловаться не могу. Доброхотный человек, что и говорить, батюшка ты мой... Тах-то!

Каспийская Невеста соскучилась и сама нашла Ивана.

— Уйдем отсюда,— сказала Невеста,— страховито тут. Пойдем домой — у Суржу. Скушно мне...

— Обожди маленько... Ученый ихний на нашего Кондрата похож. Поглядим — и пойдем. Беда не велика...

Они вышли в сад. Чаща, глушь, смрадные цветы, голубые травы росли в нем.

Только сели на землю — глядь, Прочный Человек идет и бормочет сам с собой. Подошел.

— Ага, вы тут обитаете... Пойдемте, я вам мастерскую свою покажу. Потом будем кушать...

Пошли неспеша втроем.

— Вот чего,— сказал Прочный Человек,— у меня тут две мастерские — одна прочной плоти, а другая бессмертной. Прочная плоть в человеке делается целомудрием, освобожденная же страшная половая сила превращается в таком человеке в талант изобретений.

Только и всего. Это — мастерская маленькая, только подготовительная... А бессмертная плоть уже делается из прочной целомудренной плоти посредством электричества. Вот я вам сейчас покажу, а потом расскажу...

Они вошли в дом. Пошли по длинному коридору. Всюду росли деревья и цветы в бочонках, всюду было тихо, двери во все комнаты были заперты, и только слышался некий зуд и упорный ровный звон.

— Это штой-та ноет? — спросил Иван у ученого.

— Это электромагнитные волны фильтруют, обеззараживают воздух,— ответил ученый,— бессмертные сейчас едят вон в той крайней комнате.

— А отчего они бессмертные? — спросил Иван.— Как же ты сделал? Как же они не умирают?

— А вот увидишь.

Вошли они в помещение, где ели бессмертные. Сидели пять человек, три мужика и две бабы, и ели ложками черную кашу с коровьим маслом. Одеты были в синие балахоны, сидели и чавкали.

— У! — сказал Иван.

— Дурак ты,— ответил Прочный Человек,— суть не в обличи. Они бессмертны и здоровы и терпеливы, как верблюды... Пища, которой они насыщаются сейчас, и воздух, которым они

дышат, не содержат ни одного болезнетворного микроба*. Все это обезврежено электромагнитными полями разной частоты волн во времени и разной длины их в пространстве. Понял?

Поевши, бессмертные встали, порычали, погалдели и пошли в большую комнату, что была по соседству, со стеклянным потолком, резиновым нешуршащим полом и низкими медными красными стенами. Это была механическая мастерская, где бессмертные работали над починкой и сборкой машин ученого. Вся мастерская была установлена большими станками и точными, тонкими, волосяными неизвестными приборами.

Бессмертные принялись за работу, как звери за жратву. Станки загудели, освирепели, шкивы и маховики готовы были полететь от скорости, а один маленький станок визжал, блевал пламенем, плясал на фундаменте, корчился от натужения — только что не говорил, но грыз и грыз металл нового, прочнейшего сплава и формовал его, как нужно было человеку. А приводной ремень гнал и гнал станок — и нахлестывал — неумолимо и уверенно: вытерпишь, сделаешь, не сбесишься.

Прочно, навечно, втучачку пригоняли и заковывали части механизма одна к другой бессмертные дюжие люди. Сами по себе судили.

И вдруг Иван почувал, как на кожу его сели как бы четыре тысячи мух.

— Я дал комплекс** электромагнитных полей сюда,— сказал доктор,— это у тебя с непривычки. Ничего, ты обтерпишься...

— А лихо берут, мать честная,— сказал Иван,— не начешешься...

Невесту тоже корежило. Тело у нее нежное, знамо дело.

— И так все время, всю жизнь в сложной электросфере*** живут эти люди, и от того их смерть не берет,— говорил Ивану ученый.

— Как так, смерть не берет? Отчего? — спросил Иван.

— Да от того, что усталость, злоба, горе, болезнь, сон, смерть и все мешающее жить бывает от особых на каждый случай микробов, которые мигом заводятся в теле и пожирают его. Тело человека яростно борется с этими микробами и разводит в себе

---

* Микроб — такая невидимая вошь, которая разрушает постепенно тело человека и доводит его до смерти.

** Комплекс — значит сумма, сложение, комок разных электромагнитных полей, в этом случае.

*** В прошлый раз мы объясняли, что значит электросфера.

против них особых полезных микробов. Но потом все-таки смертные микробы побеждают этих полезных — и человек падает и умирает. Я взял обдумал и подобрал такие электромагнитные волны, каждая из которых убивает какой-нибудь один вид, один род болезнетворных микробов. Одна волна убивает тифозных микробов, другая тех, от которых бывает усталость, третья — которые поражают нервы и мозг, четвертые — тех, которые заводятся в кишках от гниения остатков пищи и так далее.

Все мастера смерти — микробы — уничтожаются, когда я пускаю пук, комплекс волн, каждая из которых убивает целый род вшей, делающих смерть. Смерть тогда некому делать, выходит дело, и человек не умирает никогда.

А та сила, которая боролась раньше внутри человека с микробами-смертоубийцами, та сила освобождается — и человек цветет неимоверной мощью тела, великой мыслью. Для восстановления же тела, потраченного в работе, нужно хлеба чуть-чуть.

Жизнь в среде сложной электросферы, поражающей насмерть все виды смертоносных и болезнетворных микробов в теле человека, — вот что такое бессмертие.

Ты все понял?

— А отчего электричество убивает этих вшей? Электричество, это што такое?

— Этого я не знаю и от этого мучаюсь, — ответил ученый.

— Я уйду, подумаю, похожу, разознаю и тогда приду к тебе скажу. Ладно?

— Ладно, — сказал ученый, Прочный Человек, — но ты придешь не скоро. Электричество это суть нашей вселенной... Я забыл еще тебе сказать, что бессмертные у меня никогда не спят, а один живет уже десять лет, а пришел ко мне умирающим усталым дедом.

Вышли из дома ученого Иван с Каспийской Невестой уже под вечер.

Электричество начало мучить Ивана. У него всякая мысль, всякая тайна переходили в чувство и становились горем и тревогой сердца.

Глава двадцать первая *о суете несущественной*

Город. Што он такое?

Шли-шли люди, великие тыщи, шли по немаловажному делу, уморились, стали на горе — реки текут тихие, вечерет в степи;

опустились на землю люди, положили сумки и позаснули, как сурки...

Поднялись и забыли куда шли, сном изошла тревога, которая вела их по дорогам земли.

Встали, как родились,— ничего никому не ведомо.

И силу телес люди направили в тщету своего убоготворения.

Животами оправились и размножились, как моль.

Шел Иван с Каспийской Невестой по улице и думал о городах — больших и малых.

Играла музыка в высоком доме. Остановился Иван, и сердце в нем остановилось. Кто это так плачет и тоскует там так хорошо? У кого голос такой? Если звезды заговорят, то у них только будут такие слова.

Песнь — это теснота душ.

А такой песни Иван еще не слышал. И ему захотелось сделать такое, чего никогда не было. Самому пропеть такую песнь, чтобы люди побросали все дела свои, всех жен своих и все имущество, и сбежались слушать, и так заслушались бы, что есть-пить, размножаться и драться позабыли бы.

Постояли-постояли Иван с Невестой и пошли дальше. Потемнело уже. Огни по улицам зажглись, и свет их не давал копти.

Люди толклись кругом, гнала их вперед и назад некая могучая сила.

Повозки неслись по мостовой, а один толстый большой человек сидел на корточках у дома, где должен быть завалинок, и ел землянику-ягоду, и кричал и чмокал от убоготворения.

Иван постучал в дверь соседнего не очень большого и неблаговидного дома. Отворила женщина, молодая и благоухающая травами.

— Вы что, дорогие мои?

— Переночевать можно?

— Переночевать?.. Вам негде ночевать? Я не знаю... Вот папа скоро придет... Вы подождите. Входите сюда.

Иван с Невестой вошли. Сели на мягкую скамейку. Кругом — мебель и неизвестные вещи, которые не нужны человеку.

Женщина оказалась девушкой и села читать книжку. Иван спросил ее:

— Ты што читаешь?

— Стихотворение Лермонтова. Вы их читали?

— Нет,— ответил Иван.— Дай-ка я погляжу.

Иван полистовал и прочел:

В небе ходят без следа
Облаков неуловимых
Волокнистые стада.

Иван встал на ноги и начал читать. Потом сел, поглядел на всех заплаканными глазами и отдал книжку.

Пришел отец этой девушки. Похож на мужика и в сапогах.

— Эт што за жлоборатория? Вам чего?..

— Нам на ночевку,— сказал Иван.

— На ночевку вам! Што тут, ночлежный дом, што ль? Откуда сами?..

— Суржинские мы.

Подошла к отцу сама барышня.

— Пускай, пап, остаются. Они хорошие.

— А если што пропадет, ты отвечать будешь? Дыня-голова, обалдела, што ль? Вшей тут плодить?..

Наконец-таки отец умиловился:

— Ну, пушай в передней лягут и глаза мне не мозолят.

Ночь нашла тучей. Тихо и беспросветно. Иван с Каспийской Невестой лежали рядом на попонке. Невеста спала. Иван дремал. И тихо из комнаты забубнил голос хозяина, как будто закапала вода.

Иван прислушался. Отец девушки читал. Тикали часы, и капали слова:

«О земле и о душах тварей, населяющих ее.
Сочинение Иоганна Пупкова.

Ты жил, жрал, жадствовал и был скудоумен. Взял жену и истек плотью. Рожден был ребенок, светел и наг, как травинка в лихую осень. Ветер трепетал по земле, червь полз в почве, холод скрежетал, и день кратчал.

Ребенок твой рос и исполнялся мразью и тщетой зверствующего мира. А ты благосклонен был к нему и стихал душою у глаз его. Злобствующая, зверья и охальничья душа твоя утихомиривалась, и окаянство твое гибло.

И вырос и возмужал ребенок. Стал человек, падкий до сладостей, отвращающий взоры от Великого и Невозможного, взыскающая которых только и подобает истощиться всякой чистой и истинной человеческой душе. Но ребенок стал мужем, ушел к женщине и излучил в нее всю душевную звездообразующую силу. Стал злобен, мудр мудростью всех жрущих и множащихся и так погиб

навеки для ожидавших его вышних звезд. Они стали томиться по другому. Но другой был хуже и еще тоще душою — не родился совсем.

И ты, как звезда, томился о ребенке и ожидал от него чуда и исполнения того, что погибло в тебе в юности от прикосновения к женщине.

Ты стал древним от годов и от засыпающей смертью плоти. Ты опять один и пуст надеждами, как перед рождением в мир сей натуральный...»

Часы вдруг перестали тикать, и Иван заснул до утра напролет.

Глава двадцать вторая, *в коей Иван знакомится с разным лядящим людом*

Солнце в городе — пасмурное, слеповатое и вроде с насморком — золотым песком лучей не шваркает оно из утра по окнам: застревают лучи в плотных тучах гари и копоти. А шлепает изредка солнце грязные и лысые пятерики о камень, об крыши. И пятерики эти тусклы и не так ласковы. Они утром не разбудили Ивана, не разбудили и Каспийской Невесты.

Разбудило их другое — хихиканье и сюсюканье за дверью из коридора.

Иван прислушался. Разговоры за дверью:

— Хи, хи, хи, а бабеночка-то у него — хи, хи! — хорошенькая, мяконькая да сдобненькая...

— А грудка-то, папенька, грудка-то у нее, как две просфорочки... Ах, ах, ах!

— Пшел вон, чертенок, дай-ка я загляну разок!

— Загляни, папенька!..

Иван вслух подумал:

— Ишь, черти, какие похабные люди оказались, а? Отец и сынок.

И быстро вскочив, он толкнул дверь пинком. Раздался стон и ох:

— О-о-ох, ч-черт.

Папенька гладил рукою лоб, на лбу вздувалась красная шишка.

— Ах ты старый развратник! — захохотал на него Иван.— В щелочку подглядывал? Все у вас в городе такие, ай ты один?

— Все, дяденька,— ответил за отца сынок, оказавшийся верзилкой лет семнадцати-девятнадцати.

— Что ж вы, городские люди, в бабе одну бабу видите, а? Человека в ей нету, по-вашему?

— А что ж? Баба — существо дешевое, разумом тощая...

Иван поглядел на Невесту — стоит, не ответит. Богатая душа, немое гордое сердце.

Вышел Иван с ней на улицу.

Осеннее солнце нагнетало силу в землю — и земля шевелилась, и шевелилось все, что живет на коже у ней: селения и города всякие.

Человек, как арбуз,— ночью растет, а днем спеет. Ночью из тела вся усталость выкипает и из живота втекает в мозг и в сердце питательная сила, бывшая хлебом, полем и солнцем.

Шли-шли Иван с Каспийской Невестой. Есть охота взяла — сели на каменные порожки, чтоб животы не растрясать зря.

Подошел к ним человек. Высокий, худой и сумрачный весь. Стал против Невесты и говорит как бы сам себе:

— Вот что дороже жизни. То, что делает жизнь и привязывает меня к ней... Женщина, я гляжу на тебя, и не требую больше смысла жизни, и не ищу истины. Я доволен... Благодарю тебя. Будь здорова и бессмертна...

И человек этот поклонился низко и пошел далее своей дорогой.

Иван помозговал некоторое время и догнал этого человека.

— Ей есть охота...

Человек остановился.

— А ты кто ей?

— Брат.

Человек вынул из кармана кой-какие бумажные средства, снял перстень с мизинца и ссыпал все это в горсть Ивану.

— Возьми, брат, я едой и охотой за деньгами не занимаюсь... Ничего более нету. Все мятется всяк земнородный...

Иван пошел к Каспийской Невесте. Гляди, и тот воротился к нему.

— И тля зрит и мудрует,— не только человек — царь праха. Поэтому — боритесь и питайтесь. Но не множьтесь — довольно даже одного человека на земле. К чему миллиарды их?.. И пойдемте со мной. А то тебя (он на Невесту поглядел) украдут тут...

— Кто ее украдет? — спросил Иван.

— Человек жить не может — он боится своей души и спускает ее в женщину. Если прекрасна женщина — душа в нее уйдет сразу вся. Только раз надо совокупиться с нею — и душа утечет с семенем вся.

Иван слушал и не понимал.

— Пойдем со мной,— сказал этот человек ему,— я тебе расскажу про все. Больше меня никто не знает.

И они пошли по улицам, мимо людей, не замечая бешенства мятущихся во имя истребления самих себя.

Люди работали, чтобы иметь над головой крышу, на теле одежду, в животе хлеб — и чтобы по ночам спускать все накопленное за день жидким прахом в недрах женщины, отравляя ее, — чтобы иссушить в ней почву, из которой расплодится спасающее будущее.

Глава двадцать третья *В электромагнитном океане*

Немость вселенной была нарушена электричеством — тончайшим и легчайшим газом, пылью пылинок, который скучился, смерзся в вещи и родил все остальное.

Инженер Баклажанов

Привел Ивана с Каспийской Невестой сумрачный человек в тихий длинный одноэтажный дом.

— Тут я обитаю...

Вошли туда. Большие прохладные комнаты, и полны они низкими прочными столами, а на столах посуда и медные механизмы.

— Сам я электротехник. Занимаюсь вот исследованиями над сутью электричества.

Иван вскинулся. Он вспомнил, как сам электричеством увлажнял траву и как ученый делал им бессмертных людей.

— Ты, значит, знаешь, что такое электричество? — спросил он.

— Да, теперь знаю.

— Расскажи мне, как и что...

И инженер начал рассказывать — просто, для простого человека, жарко и внушающе, потому что знания у него стали сердечным чувством.

— Есть много наук, а не одна. И есть много людей, которые говорят, что они ученые. Но это неправда — знающих людей на свете очень мало. Знанием люди торгуют, как товаром. И таких больше всего. Раньше люди угнетали один другого собственнос-

тью, имуществом, а теперь знаниями. Знание стало имуществом и товаром, кто его имеет, тот торгует им и живет богато.

Но такие не все. Есть ученые, которые наращивают свои знания, а не торгуют ими. Кто не познает дальше, чем его выучили, тот темнее того, кто и читать не умеет...

Я ненавижу мир, где живет бессмертный человек-пороботитель, у него отняли револьвер и фабрику, тогда он начинает угнетать чужою высокой мыслью, строящей вещи. А эту мысль и великие экономные способы работы он сам купил юношей на деньги отца-рабовладельца. Я ненавижу таких, и борюсь с ними насмерть, и одолею их, конечно.

Инженер улыбнулся измученным сухим лицом и закурил папирску.

— Я хотел еще рассказать тебе про электричество. Электричество очень простая вещь, поэтому-то про него трудно рассказать, ибо слова сотворены человеком для хитрости и обмана другого, для сложных вещей, а не простых.

Железо, почва, трава, люди, глина и все другое состоит из особых мелких невидимых зернышек, которые по-ученому называются атомами, то есть неделимыми частями. Кучи атомов и есть вещи. Эти атомы движутся, а не стоят на месте. Если вещь никто не трогает и ничто на нее не влияет — то атомы идут плавно один вокруг другого. Но этого не бывает, солнце и люди постоянно тревожат вещи, не дают им покоя, атомы сбиваются с плавных путей, ударяются друг о друга, колются, трутся поверхностями — и от них летит пыль. Сам атом меньше в миллионы раз любой песчинки, но и от себя он еще испускает пыль, когда извне нарушается его путь. Эта атмическая пыль легче света и летит с ужасающей быстротой во все стороны. Она не знает остановки, она проникает через все тела, она меньше всего, что есть. Атмическая пыль и есть электричество.

Я думаю, тебе это понятно?

Иван замер и слушал. Он ничего не видел и не слышал, кроме крутящихся атомов, грохота их столкновений и шума бури их пыли.

— Свет есть тоже эта пыль — электричество... Значит, от атомов отделяется пыль, и они менеют сами, потому что превращаются в свою пыль. И будут менеть до тех пор, пока не пропадут совсем. И пыль их пронесется неимоверные, неисчислимы пространства и пути — так велик был удар атома об атом по сравнению с величной отколовшейся пылинки. Пыль эта вынесется дальше самых крайних звезд, дальше всего видимого, даль-

ше Млечного пути — и там, за последними границами, ослабеет, замедлит полет, к ней подлетит, ее нагонит следующая волна атомической пыли — образуется сгущение, сплочение пыли — и народится опять из склеившихся пылинок атом, а из атомов материя, вещь. Это вещество станет звездой, планетой на небе и опять в тот же миг начнет разрушаться и выделять электромагнитную полиатомную пыль, которая, исчезнув за чертами вселенной, опять народит там звездные рои.

Такой идет круговорот во вселенной. Из электричества рождается вещество, и от электричества оно умирает, чтобы опять через миг воскреснуть и зацвести другим огнем. Но по сравнению с этой атомной пылью, с этим электромагнитным океаном, вещества очень мало, оно плавает редчайшими малыми островами в пучинах электросферы. Вселенная — это электросфера...

У Ивана полным ходом шла голова, для мозга еле хватало крови из сердца.

Слово есть двигатель мысли.

Глава двадцать четвертая

Звездные руны

Мы рассказываем о тех, кто делает будущее, о тех, кто томится сейчас тяжестью грузных мыслей, кто сам — весь будущее и устремление. Таких мало, они затеряны. Таких, быть может, нет. Мы о них рассказываем, а не о тех, кто гасит жизнь в себе страстью с женщиной и душу держит на нуле.

Авторы

В полоборота повернулась вокруг себя земля — и стало утро, а был вечер.

Проснулся инженер и начал говорить дальше:

— Если взять атом. Его нельзя приметить. И только великие миллиарды их, сплотившись, образуют вещь. Если же пыль трущихся и разрушающихся атомов взять, то ее не обнаружишь никакими приборами — будет одна пустота. Межзвездное пространство до сих пор не изучено. Про него говорят — это пустота, эфир.

Это неправда — там невероятно тонкий газ, легче в миллионы раз водорода, легчайшего из известных газов. И невообрази-

мо деятельнее всех газов. Это — электромагнитная энергия, электросфера. Это — дым разрушающегося вещества.

Но пыль пылинке рознь. Они не все одинаковы. Как и атомы тоже неравны: есть больше, есть меньше.

Эти пылинки, налетая на вещество, могут дробиться пополам, натрое и на много долей. Эта раскрошенная пыль от столкновения с материей дает газ еще более тонкий, невесомый, неощутимый ничем, чем электричество — первичная, так сказать, пыль самих атомов. Эта же вторичная пыль пыли есть магнитная энергия. Электрическая энергия и магнитная всегда вместе, потому что вихрь атмической первичной пыли и новые волны этого газа из недр вещества вызывают столкновение пылинок между собой и раскрошение их. Поэтому магнитная энергия оказывает тормозящее, задерживающее действие на электричество, ибо пылинка атома, дробясь, отнимает часть силы от всей волны...

Сегодня я покидаю Землю. Ни к чему я тут. Аппарат почти готов.

— Как же ты полетишь в пустоте? — спросил Иван. — Державы там нет никакой.

— Я поплыву, а не полечу по электричеству. Электричество — газ легкий, но есть легчайший — магнитная энергия. Ею, пылью пылинок, я наполнил снаряд. Он легче и пустее, чем голубое межзвездное море. Там электромагнитные волны, у меня же в снаряде одна магнитная энергия. Я сделал как бы воздушный шар для полета с звезды на звезду. Его еле сдерживают сейчас стальные канаты, так он легок и стремителен. Пойдем — поглядишь...

Они вышли во двор, прошли садом на другой дворик, весь обнесенный кирпичной стеной с торцевой кладкой.

Стоял над землей и колебался в воздухе пузырь неправильной формы, вроде тыквы. Его держали десятка два стальных канатов из тонко свитых нитей.

— А куда ты залезешь? — спросил Иван.

— Там внутри есть малое место. Там и помещусь. Все едино, где ни быть. Счастье не в пространстве мира... Хочешь, поплывем со мной. Хотя мне никто не нужен. Делай сам для себя это. А твою подругу оставь здесь — пускай она не загоразживает твоих очей от мира и не режет душу надвое. Она не пропадет. Такие, как газ, неуловимы и непобедимы.

— Ладно, — сказал Иван, — залазь в пузырь. Харчи там есть?

— Харчи есть. Либо мастерские пойти запереть? Иль не вернемся, как думаешь?

— Не воротимся. Пускай отперты. Более не потребуются.

— Ну, ползем.

Они влезли через верх в темную колдыбаженку, скорчились там и завинтили вход на болты со многими тонкими прокладками между фланцами. Концы стальных канатов входили внутрь каютки, чтобы их можно было перепилить не вылезая. И Иван принялся перепиливать их.

А Каспийская Невеста еще спала в мастерских инженера; одна теперь останется на белом свете. Так и сгинет теперь без вести. Все на свете так — ничему не ведется учета. Кто родился, кто пропал. Человек не дорог еще и не нужен человеку.

Прощай, Невеста! Пусть сократятся твои дороги по земле и душа наполнится легчайшим газом радости. Не вовремя ты родилась. Для тебя время рождения никогда не придет. Ты из членов того человечества, которое не рождается, а остается за краями материнской утробы. Ты — тощее семя, которое не оплодотворяется и не разбухает человеком. Нечаянно твое гиблое начальное семечко слепилось с другим таким же обреченным семечком, и вылепился человек, который не бывает, а если бывает, то спит глаза людям чудом — и погибает без вести, как ветер, уткнувшись в гору.

И Иван с инженером оторвались от земли и выплыли в вышние звездные страны.

В черноте и великой немости стояли звезды вокруг, как большие неморгающие очи, и плакали светом.

Иван оглядел все небо и нашел, что на нем все обыкновенно и особых чудес никаких нету.

Звездные руны плыли за магнитным пузырем. И качала электромагнитная пучина магнитный небесный корабль, а в нем два человека стремились найти новую обитель в пространстве, чтобы найти там неведомые мощные силы и ими изменить родину — Землю.

— Мы плывем прямо на Солнце,— сказал инженер.— Так и должно быть по моим расчетам. Ибо на Солнце есть магнитный полус вселенной, который и тянет наш снаряд. На Солнце мы и обоснуемся с тобой.

Внизу, в глубине, на земле под ними ехал мужик Макар из Мармыжей — в Белые Горы.

— Н-но, ошметок, тяни, не удручай! Потягивай, не сучай!

Ехал Макар пустыми ветренными полями и разговаривал:

— Мне нужен хлеб. А кто его даст? Намолотил, вон, три копы. Душа также надобна. Как же изобразишь, когда неведомо творение... А люди живут, что? Пузо стерегут да баб мнут... Нет тебе никакого направления либо што чего!.. Нет тебе нигде ни дьявола...

Глава двадцать пятая,
полная всяческих неожиданностей

— Скушно, товарищ анжинер,— сказал Иван Копчиков,— тошно без делов болтаться на воздушях!.. Сколько ж мы еще лететь будем, а? И может, мы не летим вовсе?

Инженер посмотрел на какую-то машинку и побледнел:

— Лететь-то мы летим, да только не туда, куда хотели...

— Как же эт так, товарищ анжинер, а? С рельсов сошла, что ли, ваша машина? Куда же мы теперь летим?

— Не знаю. Только не к Солнцу. Посмотри туда.

Иван заглянул в окошечко. Сияющим подсолнечником осталось в боку Солнце.

— Гляди туда!

Иван поглядел в другое оконце: красный шарик, как мячик, висел в воздухе:

— Это что?

— Наша Земля. Мы летим прочь и от Солнца и от Земли.

— Та-ак. Значит, совсем мы заблудились в небесах, товарищ анжинер! Ловко. Этак мы до самой смерти никуда не долетим, а?

— Может быть.

— Вот эт весело!

— Н-да-а...

А Земля и Солнце — совсем пропали: не видать их в окошечке. Стало совсем темно, по временам, будто светляки в лесу, вспыхивали по сторонам какие-то точки...

— Эт что же вспыхивает, а?

— Планеты. Земли разные.

— Здорово. Вот бы их рожью да пшеницей засеять, товарищ анжинер, а? Большие они будут — эти самые Земли? Поболе нашей-то?

— В несколько тысяч раз больше.

— О-го-го. Надо бы одну такую себе забрать, а?

— Придет время, когда сделаем и это.

— Придет?

— Обязательно.

— А сейчас мы где?

Инженер зажег свет:

— Нас захватила какая-то планета и волокет за собой. Видел ли ты, как за поездом летят соринки разные, легкие?

— Видел.

— Ну вот, такой соринкой, только в тысячи тысяч раз меньшей, летим и мы за планетой, как за поездом. Только наш поезд — летит со скоростью в несколько тысяч верст в какие-нибудь миги.

— Вот-таки поезд, как гонит, а? Зацепить бы за него нашу Землю, да и отволочь поближе к Солнцу, чтоб везде зима перестала быть, а? Можно это?

— Можно. Но не скоро.

— Так. Ну я пока закушу.

Но Иван не успел закусить. Прямо против него, в окошечке, вдруг засветилась голубым светом какая-то кругляшка.

— Товарищ анжинер, голубая Земля — в окне. Поглядите.

А кругляшка уже с картуз величиной стала и с каждой секундой все росла и росла.

Инженер аж зашатался:

— Ну, Иван, мы прилетели. Еще немного — и мы на голубой Земле будем. Только я не знаю, что это за Земля и есть ли там жизнь. Это — неизвестная совсем в науке звезда.

— А разве наука все звезды знает?

— Все.

— А эту не знает?

— Нет.

— Плохая ваша наука.

— Да, она еще не все знает.

А голубая звезда вдруг стала краснеть, краснеть и совсем вот покраснела. Бордовой стала и закрыла все окно.

— Есть. Сейчас на земле будем. Слышишь?

— Слышу, товарищ анжинер. Будто птицы поют где-то.

— Это — не птицы. Это — что-то другое.

— А что?

— Не знаю. Увидим. Ну, теперь давай вылазить.

— Как вылазить? Да разве ж мы прилетели?

— Уже!

Инженер начал отвинчивать дверцу.

Глава двадцать шестая

Стал быть мрак

Грунт был тверд на этой звезде. Воздух жидок, и ветра не примечалось. Народа было не видно — скуден был, должно, и худосочен.

Все было не по-людски и не по-мужицки. Земля стоит непаянная, почва — бордовая, как барская попонка, жидкостей нету, тварей тоже не заметно.

— Ну и свет! Какой делал его светодавец! — сказал Иван. — Нет, не похвалю. Тут и вша не плодится!

— Оглядим,— проговорил осовевший, задумавшийся инженер,— у всякой поверхности должен быть смысл.

— Оно так! Одначе скорбь тут и жуть. Никто не шархнется и не пробрюзжит. Надо отсюда подаваться. Тут нам не жить.

Пошли. Бордовая почва очертенела — чернозему ни комка не было. Шли долгую продолжительность.

Глядь, движется к ним какой-то алахарь. Одежи на нем нет, головы тоже не наблюдается, так — одна хилая ползучая мочь и в ней воздыхание.

— Остановись! — крикнул Иван. — Кто такой будешь и что это за место на небе?

И вдруг, весьма вразумительно, по-русски, по-большевицки, движущееся вещество изрекло из глубин своих:

— Тут, товарищ, рай. Место это Пашенкино называется.

— Отчего же ты такой чудной? Дранный весь, на оборота похож, и как ты заявился сюда?

— С Земли мы родом, а тут превратимшись... Там, на Земле, давно чудеса делаются. Великие люди в тишине делами занимаются. И по одному пропадают с Земли на своих машинах. Так и мы тут очутились. Один наш так и пропал в вышине. А мы тут рай учредили...

— Это што за место — рай? Является ли он следствием экономических предпосылок?

— Рай это блаженство. Питание и совокупление, равновесие всех сил.

— Веди нас в рай,— сказал Иван,— дай опомниться. Как в таком незавидном месте рай учрежден, на бордовом грунте...

Пошли. Невелик был путь и одинаков по всей поверхности своей.

И засияли странникам вдруг в высоте четыре каланчи из бордовой глины. И послышалось оттуда благоуханное смиренное пение.

— Это кто завыл? — спросил Иван.

— Это поют расцветающие души, обреченные на любовь, на совокупление с присными себе и на смерть.

— Везде эта любовь,— сказал Иван,— и на земле и на небе. Не нашел еще я себе места, где бы не любили, а думали и истребляли бы любовь по-волчьи. И чтобы песнь была у таких людей одна — война с любовью... Любовь и любовь! Когда ты, язва людская, молью будешь разъедена. Сука голодная... Ну, а кого же вы любите?

— Все зримое,— ответило живое вещество, колебаясь и влача по поверхности почвы.

— А чего ж вы зрите?

— Мы не зрим, а чуем всю теплую плоть, влекомую стихиями вселенной, и к ней касаемся объятиями и исходим душою.

— А что такое душа твоя?

— Лишняя тревожная сила, которую надо излить на другого, чтобы стать спокойным и счастливым. Душа это горе... В нашем раю души истребляются, и потому тут рай.

— Чудодейственно. А ну, покажи рай самый.

Вошли в каланчу одну. Стояли торцом такие же живые скудости и скулили.

— А вы все были людьми прежде? — это Иван спрашивает.

— Людьми, а как же! — ответила тварь.

— До чего же вы дошли? Неужели ж вам хорошо тут?

— Отлично. Покойно и благопристойно.

— Да брось ты, чучел! Вы плодитесь, аль нет?

— Мы бессмертны.

— А еще кто есть на этой планете?

— Дальше в пустынях есть кто-то. Но они к нам не приходят, и мы к ним, потому что мы в раю.

Иван потрогал райское существо — жидко и хлебло.

— Дай,— думает,— я ему шарахну разик, все одно звезду зря гнетут. Какой тут рай, если б тут жили злобствующие, я б их уважал, а то мразь блаженная,— и Иван дернул существо кулаком по сердцевине.

Тварь вдруг тихо выговорила:

— Мне не больно, потому что я люблю и нахожусь в раю. Меня облакает вселенная всем светлым покровом своим и сторожит мою душу... Я только исчезнуть могу сам из любви к тебе, раз ты хочешь того...

— А ну исчезни! — обрадовался Иван.

Существо вдруг и на самом деле исчезло неведомо как и куда.

Пошли дальше. Нашли еще четыре пары таких существ и сказали, чтоб они тоже исчезли. Они исчезли тоже.

Господину Начальнику Службы
Путей и Зданий Т.В.-ж.-2.

Служба
Путей и Зданий
1914 г.

Плещанина Андрея
Платоновича Климентова

Прошение.

Тестю ильню покорнейше просить не от-
казать предоставить мнѣ должность конторщика
во възрешной Валии Канцелярии или Бухгалтерии
Службы Путей. Я окончил полный курс город-
ского училища, знакомъ съ конторской службой, могу
хорошо работать на пишущей машинкѣ и считать
на счетахъ. Возрастъ мой 16 лѣтъ. Покорнейше
прошу не отказать въ моей просьбѣ, т.к. я и мои
родители нуждаемся въ службѣ. Безусловно оправ-
даню порученное мнѣ дѣло и заслужу доверіе къ
себѣ. Хотя возрастъ мой и малъ, но условия жизни
заставили меня серьезно относиться къ дѣлу и
потому покорнейше прошу присутствіе въ приим-
тію со стороны возраста не считать, а испытать
меня на дѣлѣ. 1914 г. Кольца 12 дня.

Андрей Климентовъ.

Адресъ: с. Ильская природная града Возрожденна
9. 1192.

— Теперь просторно! — сказал Иван.— Пойдем, поблужаем. Может, найдем что посущественней... Как они каланчи себе эти сгородили?.. Необходимо человеку за звезды приняться. Загадили их тут в конец. А с Земли глядишь — высоко, свет чистый, полет правильный. А тут уж успели рай учредить...

Шли долго по лицу планеты. Питались глиной бордовой, испражнялись сухим пометом. Болезнетворно. Пришли на великую гору. Глядят наверх — спускается к ним оттуда пожилая личность — человек, сам голый, и заметок никаких нет, не то мужик, не то баба.

— Опять скот какой-нибудь,— подумал Иван.

А инженер думал без слов. Ученый человек.

Подошел человек, поглядеть не поглядел и пошел прочь дальше в пустыню, где незакатное солнце мигало и, должно быть, тухло. Иван и инженер оглянулись — на человека прошедшего и на замигавшее солнце. Человек остановился, а солнце вдруг потухло.

И далеко в небе что-то зарычало, расступилось и ухнуло в голосистой последней тоске.

Стал быть мрак.

<1923>

СТИХОТВОРЕНИЯ

1918–1927

КНИГА «ПОЮЩИЕ ДУМЫ»

* * *

М. А. Кашиной

В моем сердце песня вечная
И вселенная в глазах,
Кровь поет по телу речкою,
Ветер в тихих волосах.

Ночью тайно поцелует
В лоб горячая звезда
И к утру меня полюбит
Без надежды, навсегда.

Голубая песня песней
Ладит с думою моей,
А дорога — неизвестней,
В этом мире — я ничей.

Я родня траве и зверю
И сгорающей звезде,
Твоему дыханью верю
И вечерней высоте.

Я не мудрый, а влюбленный,
Не надеюсь, а молю.
Я теперь за все прощенный,
Я не знаю, а люблю.

<1921>

СТРАННИК

В мире дороги далекие,
Поле и тихая мать,
Темные ночи глубокие,
Вместе мы, некого ждать.

Страннику в полночь откроешь,
Друг позабытый войдет —
Тайную думу не скроешь,
Странник увидит, поймет.

Небо высоко и тихо,
Звезды веками светлы.
В поле ни ветра, ни крика,
Ни одинокой ветлы.

Выйдем с последней звездой
Дедову правду искать...
Уходят века чередой,
А нам и травы не понять.

<1920>

x

x

x

М. А. Кашинцев

В моем сердце песня вечная
 И вселенная в глазах,
 Кровь поет по телу рекою,
 Ветер в тихих волосах.

Ночью тайно поцелует
 В лоб горячая звезда
 И к утру меня полюбит
 Без надежды, навсегда.

Голубая песня песней
 Ладит с душою моей,
 А дорога — неизвестней
 В этом мире — я ничей.

Я родня траве и зверю
 И сгорающей звезде,
 Твоему дыханию верю
 И вечерней высоте.

Я не мудрый, а влюбленный,
 Не надеюсь, а моллю.
 Я теперь за все прощенный,
 Я не знаю, а люблю.

Андрей Платонов.

Стихотворение «В МОЕМ СЕРДЦЕ ПЕСНЯ ВЕЧНАЯ...». Автограф

СРЕДИ СТРАНЫ

Чудесны дни простого созерцанья
И теплых трав просторная среда,
Пустынной ровности убогое молчанье
И облачных небес свинцовая руда.

Все хорошо — тепло сердцебиенья,
Незвонкий голос, серое лицо.
Мне незнакомо тихой птицы пенье,
И странен мир — веселый и босой.

Вот развернулись эти дни простые.
Невнятный ветер в шаг идет со мной,
Как родственник, и говорит слова густые —
Стихами их не скажешь все равно.

Кто знал сердечную поспешную беседу
С травой, с пространством голубым,
Тот не чужим, родимым шел по свету
И сам был этой скудостью любим.

Легка так жизнь, блестит ее дорога.
В дали, а не в тумане ее цель.
Она лишь кажется такой убогой —
Чем меньше на горбу, ногам тем веселей.

Какая ж это сумрачная сила
Таким нагим пустила меня в путь?
Наверно та, что и долины рыла,
Что звездам не дает и ночью отдохнуть.

Нам грустно, что не можем рассказать
Другому глубину неслышного дыханья,
Чтоб сердце друга прочно взять
И мир схватить, как дар завоеванья.

1925 г.

* * *

Мы дума мира темного,
Несказанное слово.
У света непройденного
Нам нет пути иного.

Горит костер-вселенная,
От искор в небе град,
Трава растет нетленная,
Цветет глубокий сад.

Поет слепая птица
И в песне видит свет —
Ей ветер в поле снится
И в мире чего нет...

<1920>

БОГОМОЛЫЦЫ

Нету нам прямой дороги,
Только тропки да леса.
Уморились наши ноги,
Почернели небеса.

Богомолыцы со штыками
Из России вышли к Богу,
И идут, идут годами
Уходящею дорогой.

Их земля благословила,
Вслед леса забормотали.
Зашептала, закрестила
Хата каждая в печали.

От кого шуршит дорога,
Кто там ищет, и чего?..
Глаз открытых смотрят много
У небесных берегов.

На груди их штык привязан,
А не дедовы кресты.
Каждый голоден и грязен,
А все вместе — все чисты.

Отчего тепло на свете,
Тот же дух и в них горит.
Правду знают только дети,
Никто больше не вместит.

Шел из Киева с сумою
Дед, и слезы на глазу.
Душу, думал, упокою,
Всем дорогу укажу.

А навстречу дети, дети,
И железо на плечах...
Видно, вновь Христос на свете,
Раз у них тоска в очах.

Руку дед поднял к восходу,
Все века и дни понял,
Поглядел он будто в воду
И увидел всем причал.

Богомольцы и у бога
Не увидели небес...
Дум несут с собою много,
Как штыков железный лес.

<1920>

* * *

Без сна, без забвенья шуршат в тесноте
Горячие руки в упорном труде —
В высокой, и нежной, и верной мечте,
В вое, во сне и в своей чистоте.

Пашите века и прудите потопы,
Чтоб кровь закипала и мозг скрежетал,
Чтоб дали, чтоб травы были растоптаны, —
Иди против ветра, чтоб ветер устал!

Так ветхие звезды, так реки и камень
Можно затмить, повернуть и зажечь —
Мы землю нагрели живыми руками,
Мы поднятый брошенный мчащийся меч!

Сопротивленье есть поле победы,
Ты накален своей страстной тоской —
Пусть лягут на землю прочные меты,
Пусть посох пропахнет потной рукой!

<1925–1926>

* * *

Ночь на дворе стоит сиротой —
Спит человек в печной теплоте.
Под ледяною пустой высотой
Сердце без сна,
Сердце горит в своей тесноте.

Обыкновенные люди живут,
Звездные реки текут в тишине.
Ветер тоскует — горы режут,
Травы бормочут в своем мировом,
Невозвратимом и тайном сне.

Немы уста твои, сердце ночное,
Невыразима невеста — звезда,
Скорбью томятся люди одною:
В сердце вместиться должна
Земная вся теплота
И звездная вся высота.

Тихи шаги мои в поле любимом,
Душа налилася тугою и нежною силой,
Запечатлею я мир — и пройду его мимо,
Сам я не свой — и каждый мне милый.

<1925–1926>

* * *

Жить ласково здесь невозможно,
Нет лучше поэтому слова «прости».
Годы прошедшие прожиты ложно,
Грядущие годы сойдутся с пути.

Первой любимой последнее слово —
Горе когда мне в себе не снести,
Прощальное слово матери мертвой,
Чтоб сердце не мучить, мы скажем «прости»!

Где верные души, где вечная память
О сыне, о милой подруге-жене?
Каждый любимую может оставить,
От взгляда другой побледнев.

Смерти напротив, навстречу стихиям
Тонкая дышит и бьется душа,
С верностью голубя, с мудростью змия,
Силу чудесную крепко зажав.

Где же ты скрыта, страна голубая,
Где ветер устанет и смолкнет река?..
На свете такие страны бывают:
В поле я видел — земля велика.

<1925–1926>

* * *

Мир родимый, я тебя не кину,
Не забуду тишины твоих дорог,
За тебя свое живое сердце выну,
Полюблю, чего любить не мог.

Снова льется теплый ливень песни
И опять я плачу от звезды,
Сам себе — еще я неизвестней,
Мне никто пути не осветил.

Ветер теплый, как ладони мамы,
Ходит тихо по траве,
Голубыми льнет ко мне губами,
Не умру я на земле вовек.

Песня песней, ты никем не спета,
Оттого не слышу я травы.
Человек мне в поле не ответит,
Некому на жизнь меня благословить.

<1922>

ВЕЧЕРНИЕ ДОРОГИ

Звезды вечером поют над океаном,
Матерь Бесконечность слушает одна.
Наклонился к миру месяц-странник,
И душа моя ему видна.

О, прохладные вечерние дороги
И дыханье — музыка моя!..
Песня в поле жалуется долго,
Плачут звездами небесные края.

Все слова таит душа незримая,
Нету ей ни хлеба, ни воды.
Наклонись ко мне, моя любимая,
Мне не перенести ни песни, ни звезды.

<1921>

ВЕТХАЯ РУСЬ

Клонится к нивам поющим
С кроткой усталостью день,
Тени по рытвинам, кручам
К травам прильнули тесней.

Там, за умолкшей опушкой,
Звонят к вечерне в селе.
Странник с иконкой и кружкой
Бродит по стихшей земле.

Добрые сонные деды
Еле плетутся на звон,
Кличут в окошко соседа —
Долго копается он.

Над облаками синее
Птица пугливая — тьма,
Ветер на листьях немеет,
Спит пастушонок Кузьма.

<Не позднее 1918 г.>

РУМЯНАЯ МАТЬ

Полны груди молока
У румяной матери,
Заголенная рука
Стелет гостю скатерти.
И глядит, и не глядит,
Будто ухмыляется —
Дескать, сердце не лежит
Мне с тобою лаяться!
В люльке мается Ванятка
От дурного глазу,
С Рождества — от самых святок —
Не поспал и часу!
Навалилася напасть,
Как без мужика-то!
Жизнь одной — не жизнь, а страсть,
Как без бога хата.
На кого похожа я!
Ссохлась с тоскованья,
А была пригожая,
Где ты, милый Ваня!
Люди, люди, приходите,
Либо нет на вас креста,
Душу ласкою уймите,
Ближе к звездочке звезда.
Выйдем к женихам веселым,
Сплетем туго косы,
Чтобы сердце било звоном
И светились росы!

<Январь 1921 г.>

* * *

Тою ночью, тою ночью чутко спали пашни, села,
Звали молча к ним дороги, уходили на звезду.
И дышала степь в истоме, сердцем тихим, телом голым.
Как в испуге, на дрожащем, уплывающем мосту.

Завтра утром не расскажешь, как летела там звезда,
Где упала и погасла на болотной пустоте.
Ранним часом с земли хлынет вся небесная вода
И замрет на бледносиней уходящей высоте.

<1920–1921>

* * *

Растет мое сердце во сне
И около смерти полюбит.
Ветер на тонкой певучей сосне
Голос свой песнею губит.

Нарочно и я на свете живу
И сердце порочу стихами,
Я думал, что с неба звезды сорву,
А сам только плакал ночами.

Я думал, что мудрости в мире
Нельзя ни найти и не сделать,
Но выросши больше и глянув пошире,
Открыл я всемирную смелость.

Не жалость, не нежная влага
На молчаливых устах,
Скорбная скрыта отвага
В простых человеческих глазах.

Никем никогда не воспета
Тревожная жизнь в человеке:
Так утром на громком рассвете
Сиянье стучится в зажатые веки.

<1925–1926>

Мать

Руками темными до неб,
До небя тачется земля.
Тягдйт и дымит в поле верба,
Ока звезду с утра ждана.

И звезду канатъ слезами
На грудь открытую земли
И смотрят темными глазами,
Куда ~~и~~ дороги все земли.

И снится, думается душа,
Дыханью каждому одна.
Леса боршачитя ~~и~~ без ширма,
Не наглядитя темными.

Земля пошатривает, цвет,
Бессонная рождая мать.
До утра белого не будет
Ребенок грудь ее сосать.

А. А. Матюшин

МАТЬ

Руками теплыми до неба,
До неба тянется земля.
Глядит и дышит в поле верба,
Она звезду с утра ждала.

И звезды капают слезами
На грудь открытую земли
И смотрят тихими глазами,
Куда дороги все ушли.

И снится, думается дума
Дыханью каждому одна.
Леса бормочутся без шума,
Не наглядится тишина.

Земля посматривает, чувствует,
Бессонная родная мать.
До утра белого не будет
Ребенок грудь ее сосать.

<1920>

* * *

Сердце в эти дни смертельно и тревожно,
Прежде времени над миром древний вечер;
Но душа — обитель невозможного:
Что погибло, то живет в ней вечно.

А утром небо красное цветет,
Невеста рано чешет волоса —
И цвет высокий пламенный растет,
И с ветром говорят великие леса.

И человек задумчиво поет,
Он ждет веками дальнюю звезду,
Себе гнезда он в мире не совет,
И любит сердце высоту.

1920 г.

ИВАН ДА МАРЬЯ

1

Странны дни в долине ровной,
Светел дух осенний на земле.
Поле пусто. Сердце грустью полно.
Скучно жить в своем родном селе...

Осенью душевное сомненье
Стелется, как деревенский дым.
Умолкает полевое пенье,
Но я полон им одним.

Много в жизни сумрачной тревоги,
Много бед несут с собою дни.
Под дождем осенние дороги,
Тяжело ходить по ним.

Надобно себя томить сухой работой,
Чтобы жизнь была в тугом русле.
Надо медом наливать пустые соты,
Жизнь держать не ниткой, а в узле.

Пусть роятся в голове заботы —
Будет дело молодым рукам,
Надо мир промаслить нашим потом,
Скорость дать его маховикам.

Человек от старости седеет,
Осень сыплет волос золотой.
Так природа в августе вдовеет,
Умирает молодой.

Но в глухую, гибнущую осень
Скорбно и навеки можно полюбить:
Зеленеют ведь зимою сосны —
Круглый год необходимо жить.

Третий год я был комсомолистом,
 В сентябре мне стало двадцать лет.
 Ни оратором, ни красным гармонистом
 Я не значился —
 Имел пустой билет.

— Что же, Ваня, ты бы хоть влюбился
 Или станцию построил на ручье,
 Видишь — комсомол зашился,
 А ты бродишь как ничей!

И случилось
 (Погадал мне парень), —
 Стало быть, в соку моя душа,
 Не присушкой же я был отравлен, —
 Я заметил:
 Очень Маша хороша.

И действительно,
 Мила мне Маша.
 Только я вот не душист,
 Красотой не разукрашен,
 Но зато — комсомолист!

Вот однажды подошел я к Маше
 Шагом твердым, как партийный человек:
 — Правда, клуб прилично наш украшен,
 Чувствуете вы индустриальный век?

Мне сказала Маша кротко:
 — Краснота!.. и скучно без цветов!
 Я ей вежливо, но четко:
 — Здесь в грядущее постройка
 Металлических мостов!

— Где же мост? —
 Спросила Маша.
 Тут я лозунг указал.

— То висит матерья ваша:
Мост чугунный где вокзал!..

Беспартийщина в натуре,
Но на то ведь мы вожди:
Парня, девку, дурня, дуру
С коммунизмом увяжи!

3

Босиком по мокрым листьям
Полудуркой осень шла.
В поле позднем,
В поле чистом
Ветер за руку вела.

По родным немым дорогам
Я невесело хожу:
Кроме Маши
Симпатичных много,
Только ими я не дорожу.

Тихий сон питает тело силой,
Эти силы мучают меня:
В первый раз душа моя любила,
Даже мать мне стала не родня...

Что же, Маша, долго медлишь?
Ведь нечаянно тебя люблю.
Если чувством мне ответишь,
Душу я твою не оскорблю...

Не мудра по книге Маша,
Не держала писчего пера, —
Человек не этим важен,
Если он роднее, чем сестра.

Есть такие люди в мире —
Ошибаются вести по пальцам счет.
Но зато — в них сложенные крылья,
Разум их нечаянно течет.

— Слушай, Ваня,
 Ты такой хороший,
 И не думай плохо про меня!
 Ты пойми слова мои, как можешь:
 И любовь, и правда ведь одна.

Эта осень, милый, на исходе,
 Будет скоро зимняя пора.
 Ты не станешь по своей охоте
 Вековать с девицей вечера.

Я не очень личностью пригожа
 (Ты напрасно это говоришь),
 Не лицо — другое мне дороже,
 Что без слова ты в себе хранишь.

Я люблю не прелесть человека,
 А его сердечное добро:
 Полюблю и горбуна-калеку —
 Жить ведь с мужем,
 Не с горбом.

Я не очень умная, Ванюша,
 Место мысли сердцем занято,
 Я, конечно, жизнь отдам за мужа,
 Человек я верный и простой...

Но в любви я буду лютый ветер,
 Ревностью замучаю лихой —
 Не умею скучно жить на свете,
 Кровь во мне, а не песок сухой.

Но мы рано молодости влагу
 Друг у друга пьем из уст,
 Оттого сердечною отвагой
 Человек так рано пуст...

Не люби меня напрасно, Ваня,
 Ты потерян будешь для людей,
 Уж тебя работа не потянет, —
 Трудно, Ваня, бабою владеть.

Я люблю сама тебя нечаяно,
И любви в себе не поборю,
Но со мной душа твоя устанет, —
Я вперед про это говорю.

Ну, пускай с тобою мы поладим! —
Загрызут нас люди и нужда.
Нам с тобою и немного надо,
Но и это не дается никогда.

Видишь, Ваня, бабы с мужиками
Как живут до гробовой доски?
Начали любовью — бьются кулаками:
Не минует баба мужниной руки.

Может быть, наверно очень скоро,
Ласковее люди будут на земле, —
Вот тогда навеки и без спора
Мужиком и бабой станем на селе.

<1926>

БЕГСТВО

Прощай, сиротство, нищие поля
И ты в гробу, любимая сестра!
Передо мною — круглая земля,
Над головой — чудесная пора!

Прощай, село, отца родимый двор,
Влекущий гул заброшенных дорог!
Мне так легко, как будто с гор
Бегу на паре сильных ног.

Стоит земля, а я по ней спешу.
Я вижу — ветер треплет рожь,
Ища в ее волосьях вошь, —
И глаз с природы не свожу.

Но вот уж холодно и — вечер.
Вон трубы, город и сияющий огонь.
Отстал уставший спутник-ветер,
В моем цветущем сердце сон.

Я спал в саду, как безработный,
И надо мной плыла толпа.
Я слышал жалобы и трудные заботы,
И сон ко мне страшнее прилипал.

Я встал с зарей — мне стало любопытно,
Я знал давно, что велика земля,
Но от меня была вся прелесть скрыта —
Я видел лишь безлюдные поля.

Я был бродягой, пахарем, солдатом,
Искал все годы праведной земли.

То с диким горем, то с отрадой
Шел по путям, куда они вели.

Но жизнь для нас хорошая подруга,
И первый друг — сокровище мое.
Большая нам оказана услуга —
Дана нам жизнь — и мы ее возьмем!

<1926>

* * *

Томится сила недр земного шара,
И злобный зной в душе от тесноты домов.
Ждет мир последнего, смертельного удара
И взрыва недр — без вскрика и без слов.

Пусть ливень разорвет кору и крышу над постелью
И водопады ночью песни запоют,
Пусть корабли людей подымутся над мелью
И в темный ветер в океаны уплывут.

Любовью, ужасом и жалостью к потомку
Прикован к дому и к работе человек.
О, тленье тел, пищеварение негромкое,
Быстрее тебя машинный перегретый бег.

Среди обыкновенных дней трава расти устанет,
Все познано, едою зубы стертые,
И сердце жизнь вконец отбарабанит,
И звезды недостигнутые — мертвы.

Греми, тоска! Из камня сделаны дома!
Еще сладка еда и горячо дыхание жены.
Над крышами до звезд стоит пустая тьма,
И каждой ночью снятся беспамятные сны.

Я тело износил на горестных дорогах.
Нет мудрости свирепой и друга с парой рук,
Мозгов мужских и женщин полновесных много:
Дороже всех материков —
Дверь тихо отворивший друг!

<1925–1926>

* * *

Резцом эпох и молотом времен
Спрессована, изваяна природа,
Песком времен занесены следы племен,
Никем в Судьбу не взорваны ворота.

Тоской пустынь и тишиной души
Мир стережет дорогу звезд и путь судьбы,
И неизвестность человек с собою обручил,
И жаждет бесконечность моих объятий и борь

Дыхание звезды и странствующий ветер,
И солнце страстное, ревущее на небе, —
Мы в мир пришли окончить белый свет,
Разбить вселенной страшный слепок.

Мысль разразится в мире катастрофой,
Неимоверным будет человек:
Удар машины, тяжкий и суровый,
Судьбы железный череп пополам рассек.

<1923>

* * *

Земля — дума, песня не пропетая,
В мире нет задумчивей лица,
И долга, долга дорога светлая,
И в глазах от радости роса.

Тяжела нам вечность неизменная,
Тишины и думы синие огни,
Мы пойдем, исходим всю вселенную,
Не заблудимся без матери одни.

Мы поднимем камни, камни и железо,
Где уходят вечером неслышные стада,
Ясную вселенную увеличим в весе
И небесные засветим города.

<1920>

МЕРТВЫЙ

Как тоскует верба в поле!
Ветер как гудит!
Сердцу человека больно,
Человек не говорит.

Тьма, и дождь, и бесконечность,
И не видно ни звезды..
Тихо мрут над гробом свечи,
Мертвый жизни не простит.

Он лежит замолкший, тайный,
И смертельной мертвеца,
Он проснется завтра рано,
Догорит к утру свеча.

Нежен взор его туманный,
И под горлом теплота,
Веки дрогнули нечаяно,
Не целуются уста.

<1920>

* * *

В железной шапке льдов,
С дыханьем тайным тихих океанов,
Земля без имени, без человеческих слов
Ревет и мчится в звездном урагане.

Я вижу землю без любви,
Тяжелой думой нагруженную, —
Гранитный шар земной мне душу раздавил
И высек мысль, сопротивленьем раскаленную.

В работе есть исход душе,
И мысль есть поцелуй вселенной,
Трава течет в тиши ржаных межей,
И облака вскипают белой пеной.

Ты — мысль! Бредущий странник против ветра,
И посох твой о путь не прогремит,
Ты слышишь ночь и песнь великого рассвета
И видишь высоту, где сила буйная звездой шелестит.

<1923>

ЛЕСНАЯ ГОВОРУШКА*

Выйду в новом сарафане
Я за гумна ввечеру,
Затаюся за поляной,
Не вернуся ко двору.

Загорится над рекою
Высока́-светла́ звезда,
Родилась я, знать, такую
Птицей — с птичьего гнезда.

Стихнет, стихнет и умолкнет
Голос всякий на селе.
По росе пойду намокну,
Песня вспыхнет веселей.

Не проведуют на утро,
Где любила я одна,
Уходила в гору круто,
Доставала в небе дна.

Мама, мамушка родная,
Ты припомни обо мне,
Говорушка я лесная
На гнилом змеином пне.

<1921>

---

* Есть такой лесной нежный гриб.

* * *

Когда я думаю, я слышу музыку,
Поют далеко голоса.
И светит солнце слепому узнику,
И песне мысли нет конца.

Над головою дышит бездна,
Непостижима и ясна...
Дорога вышла в неизвестность,
Где вечно светится весна.

Лицо вселенной там прекрасно,
Ее смертельна красота.
Звезда упала, летит и гаснет —
Над нею выше высота.

<1921>

БЕЛЫЙ СВЕТ

У дороги края нету,
Нету дома и конца,
Мы идем по голубому свету,
Ищем голубинового яйца.

Реки все за нами льются,
И леса бредут по ветру вслед,
Горячо кровя под сердцем бьются —
Мы и этот покидаем свет.

Крыша над полями тает,
Убегает по лугам волна,
Солнце землю пьет, а конь его играет —
Золотая деда борона.

Голова моя под шапкой светится,
Пухнет пузо под рубахой ржи.
Вон руками замахала мельница,
А и ветер не брюзжит.

Мы пришли на косогор утихший,
На горячую девичью грудь.
После страды нам невесты ближе,
Каждый вечер они кровь сосут.

Руки вскинуты и звезды загораются,
Груды голые — два тихие холма,
Косари до света белого промаются,
Понавалят в душу хлеба закрома.

<1920–1921>

* * *

По деревням колокола
Проплачут об умершем божь.
Когда-то здесь любовь жила
И странник падал на дороге.

О, милый зверь в груди моей
И качка сердца бесконечная,
Трава покинутых полей
И даль родимая за речкою.

Я сердце нежное, влюбленное
Отдал машине и сознанию,
Во мне растут цветы подводные,
И жизнь цветет без всякого названия.

<1921>

ПЕСНЯ

На зеленой на поляне
Посередке улицы
Ходят Стеши, ходят Глани,
Румяные курицы.

Кочетами Ваньки, Степки
Выступают важно,
А курносой рожей цопкой
Так умилен каждый.

Норовит корявой лапой
Ухватить за сиську,
Ухмыльнулся баба-бабой
Страхолюдный Митька.

Рыжий дернул на гармошке,
Девки взвыли в голос,
Застрадали про Ермошку —
Заскорбела волость.

<1921>

ДОРОГА УТРОМ

Дорога утром легла далеко,
Дорога утром без краев.
Река не дышит, река глубока
Под куренями у рыбаков.

Поют колосья и никнут нивы,
Зажег на небе костер пастух,
А лес махает зеленой гривой
На поле спелых ржаных краюх.

Ищу невесту, а ее нету,
Я позабыл ее избу.
Поднялся рано — еще до свету —
С сумою нищей на горбу.

<1920>

О ГОЛОМ И ЖИВОМ

Мы на ветру живем
С незащищенным сердцем,
В пучине мира мы — нечаянный огонь:
И либо мы весь мир ослепим,
Иль либо нас потушит он.
И весело на свете быть голым и живым —
Таким вот, от которых и горе устает,
Не мудрым, не прекрасным,
А — сильным и простым,
Не богомольцем правды, а мастером ее...
Я знаю —
И в живом созреет тихо смерть,
Но тишины не станет на земле:
Не будет солнце зря гореть —
И жизнь сумеет крикнуть веселей...
И вот смотри —
Без смысла и на льду,
Своей кончины каждый накануне,
Живой глядит на пышную звезду —
Бессмертен он или безумен?
Он мудрость всю отдаст за теплоту
Живого тела своей милой.
Он завоюет голубую высоту,
Чтоб доказать любимой свою силу...
Настанет час —
Из мировой пучины
Он образует милое лицо,
Чтобы была невеста сыну,
Как мать его, любимая отцом.

<1925–1926>

* * *

М.А.К.

Мы стареем, потому что мы живые,
Нам усталость мочит белые глаза, —
Значит, мы с тобою были молодые,
Но еще гремит любовная гроза.

Оттого ты с каждым годом мне милее —
Жар неистовый сменен на теплоту.
Слышу я, как сердце мое зреет,
Чтоб, созрев, упасть в родном саду.

Ты еще жива, твои глаза сияют,
Сердце грудь качает, краснея и спеша,
Но года замрут, и про тебя мне скажут:
Век отвековала верная душа.

<Апрель 1926 г.>

* * *

Наверно, молодость придется истомить
Зажатой в гайку тесного труда.
Нам не дано Америки открыть,
И миновала нас счастливая звезда.

Прошли зеленые веселые века,
И зрелый день стоит над головой.
Нашла русло октябрьская река,
Ее долина поросла травой.

И траву надо днем косить,
Чтоб можно было вечерами петь:
Нельзя лбом стену прошибить,
Зато возможно пальцем протереть.

Земле не очень надобен поэт:
Как ни смеется он, а все равно заплачет.
Хоть и поет он, песня его спета —
И в жизни умной ничего не значит.

Но друг!
Ведь жизнь — хорошая подруга,
А ты — сердечное сокровище мое!
Большая нам оказана услуга —
Дано нам жить, а мы — поем!

Ты погляди! Нечаянно и звонко
Растет трава и звезды шелестят,
Упрямо в сердце бьется перепонка, —
Целуй же жизнь в порочные уста!

<1925–1926>

* * *

Древний мир, воспетый птицами,
Населенный ветром и водой,
Озаренный теплыми зарницами,
Ты живешь во мне — как край родной.

Горный крик гремел навстречу утру,
И поток подножье мира мыл.
Не было равнины — яростно и круто
Обнажались лица материнских сил.

Помню я, в тоске воспоминанья,
Свежесть влажной девственной земли,
И небес дремучее молчание,
И всю прелесть милую вдали.

Но чем жизнь страстней благоухала,
Чем нежней на свете красота,
Тем жаднее смерть ее искала
И смыкала певшие уста.

<1925–1926>

* * *

Как тополи в тихие ночи,
Недвижны, стройны конопля...
Глубоко за силою-мочью
Деревья корнями ушли.

В земле прошлогодние стебли
Гниют — рассыпаются в прах,
Там черви, живя, поослепли
И движутся в темных норах.

Под знойно играющим солнцем
День зелен, медлителен, жгуч.
Травинка дрожит волоконцем,
И каждый комочек живуч...

Стоит похилилась избенка,
Задумался дед на пеньке,
Жует и жует лошаденка,
И дремлет арбуз на песке.

<Не позднее 1918 г.>

* * *

Вечер душен. Ночь недалеко.
Ты замкнулась и молчишь...
Будто льется — льется без конца река,
А кругом ни шороха, лишь тишь.

Подойди к углу, где сумрак кроткий,
Стол-угольник и открытая тетрадь...
У сверчка протяжны, скучны нотки,
И опрятна девичья кровать.

Наклонись в томительном искании
На узоры вытянутых строк.
И в усталом, ласковом касании
Вылей чувства робкого поток.

Далеко — ты слышишь — звонит колокол
В неурочный и опасный час...
Манит, мраком манит мертвый дол,
Он зовет и звал уже не раз...

Ты одна. Постель белеет холодом.
Полночь глубже. В тучах небеса.
Кровь колотит в сердце гулким молотом,
И не видны за оврагами леса...

<Не позднее 1918 г.>

СТЕПЬ

В слиянии неба с землею
Волнистая синяя цепь.
Мутнеет пред ней пеленою
Покойная ровная степь.

Бесшумные ветры грядою
Волну за волною катят,
Под ними пески чередою
Бегут — и по травам свистят.

Не дрогнет поблеклой листвою
Кустарник у склона холма —
С обдутойверху чистотою,
Где ночью не держится тьма.

Скрывается с злобой глухою
В колючках шершавый зверок,
Он спинкой поводит сухою
И потом от страха обмок.

Уж вечер... И, будто сохою,
Гремит у телеги мужик...
Восток позадернулся мглою,
А запад — как пламенный крик.

Свежеет. Над тишью степною
В безветрии тлеет звезда,
И светится ею одною
Холодная неба вода.

<1918–1919>

Книгу стихов прошу назвать или
просто "Стихи" или лучше — "Плывущие думы"

Оглавление

- ✓1. В моем сердце неся ветря.
- ✓2. Странник.
- ✓3. Северный отдах. — ✓
- ✓4. Моя дума мира темного.
- ✓5. Богомольца.
- ✓6. Без сна, без забвения... — ✓
- ✓7. Ноги на дворе стоит сиротой... — ✓
- ✓8. Жить ласково здесь невозможно. — ✓
- ✓9. Мир родимый, я тебя не покину.
- ✓10. Велерия дурной.
- ✓11. Ветхая Русь.
- ✓12. Ручья как мать.
- ✓13. Мою коню.
- ✓14. Растет мое сердце во сне. — ✓
- ✓15. Мать.
- ✓16. Сердце в эти дни смертельно и тревожно.
- ✓17. Иван да Марья. — ✓
- ✓18. Бегство. — ✓
- ✓19. Молится, сила недр... — ✓
- ✓20. Революция эпох и молотом времени. — ✓
- ✓21. Земля — дума, неся не пролетая.
- ✓22. Мертвый.
- ✓23. В железной шапке льда. — ✓
- ✓24. Лесная поворухка.
- ✓25. Плывущие думы — ✓
- ✓26. Белый свет.
- ✓27. По древним колоколам.

МУЖИК

Цельный день я вижу тын и лопухи,
Да овраги, да тоску, да воробьев.
Под плетнем прилипли к курам петухи,
Плачет Машка у соседей, у сватьев.

Похлебаешь квасу с хреном аль картошки пожуешь,
Сломишь бадик, запечалишься от дум.
А заботу скинешь — песню запоешь,
С огорода в подголосок воет кум.

Парит пашню, ветер мечется один,
Заневестилась полоска-полоса.
Зеленеет мой озимый длинный клин,
И зажмурились синие леса.

<1918–1919>

ПОХОД

Мы горы сравнивали с великой дороги,
Но не с иконой — с винтовкой пошли.
Винтовкой мы землю подняли на ноги,
И победить мы сумеем — раз умирать мы могли.
Там, за победой, снова дорога.
И нет у ней края, как звездам числа.
Не одного миновали мы бога,
Та же в нас сила, что солнце зажгла.
Мы не живем, а идем, умираем,
Будто мы дети другого отца.
Здесь мы чужие и зажигаем
Мертвую землю с конца до конца!
Мать никакая нас не рождала,
Руку невесты никто не держал.
Сила враждебная смертью сметала,
И мы умирали, но каждый вставал.
Кто говорит, что там небо без края,
Звезд ни один не считал, и не честь,
Знает лишь тот, кто, в тоске умирая,
Тайную слышал далекую весть.
Кто говорит — тот в гробу шевелится,
А не живет, не несется на смерть!
До звезд нет дороги — так мертвому снится:
Можно достать их, и взвесить, и счесть!
Нас не задушат просторы вселенной,
Сколько б дорог нам она ни открыла,
В нашей бесчисленной рати бессменной
Бьется и дышит бессмертная сила!

<1920>

ДИНАМО-МАШИНА

Песнь глубин немых металла,
Неподвижный долгий стон.
Из железа сила встала,
Дышит миллионом волн.
Из таинственных колодцев
Вверх, на горб машины, с пенъем
Вырываются потоки — там живое сердце бьется,
Кровь горячая и красная бьет по жилам в наступленье!
Ветер дует из-под крыльев размахавшихся ремней,
Мой товарищ отпускает регулятор до конца.
Мы до ночи, мы до смерти — на машине, только с ней,
Мы не молимся, не любим, мы умрем, как и родились,
у железного лица.

Наши руки — регулятор электрического тока,
В нашем сердце его дышит непостижимая сила.
Без души мы и без бога и работаем без срока,
Электрическое пламя жизнь иную нам отлило.
Нету неба, тайны, смерти,
Там вверху — труба и дым.
Мы отцы и мы же дети —
Мы взрываем и творим.
Мы испуганные жили, и рожали, и любили,
Но мы сделали машину, оживили раз железо,
Душу божью умертвили,
Кожа старая с нас слезла.
И мы встали на работу к регулятору динамо,
Позабыли вечность, звезды — что не с нами и не мы.
Почерневшими руками
Смысл мы сделаем из тьмы.

<1920>

КОНЕЦ СВЕТА

Ты слышишь: мир кричит!
Спит сиротою бледная трава,
И синяя звезда от ужаса звенит, —
Задумалась и слышит человечья голова.
И кровью налилась железная рука —
Отныне есть одна и прочная судьба:
Остановитесь, безысходные грядущие века,
Я сделал за вас все — и песня на губах!
Стал сердцем и сознанием неугомонный мир,
И человеком будет каждая звезда,
Для новой бури во вселенной ты двери проломил,
И пота твоего течет горячая вода.
Товарищ человек, мы сделали зарю,
Изобрели мы мир невероятный,
Я звездное кольцо с тобою вместе разорву,
И будет шаг наш песней мерной.
И будет день — иссякнет Млечный путь,
Мир истомленный мертвым упадет,
Глубоко человек ему вонзится в грудь —
И в первый раз в то утро солнце не взойдет.

<1922>

**СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ
В КНИГУ «ПОЮЩИЕ ДУМЫ»**

ПТИЦЫ

Высоко птицы
Вереницей
Летят с далекой неслышной песней...

О, птицы, птицы,
Нам песня снится,
Зовет нас небо, на солнце путь.

Мы любим море —
В гремящем хоре
Стон урагана, удар борьбы.

Мы любим горы,
Вершин упоры
И песни вашей над миром крик.

<Не позднее 1918 г.>

x x
x

Я серд~~цем~~ знаю,
Что не истаю
Я в этом мире,
В валеном пире...

В далекой ясности
Есть тишь безгласности,
В плывущей лунности -
Покой бездумности,
По всей вселенной горят огни.

Их тихий трепет
Мне внятный лепет,
Их колыхание -
Мои искания,

~~В отлученном небе мы не одни~~

В небесной бездне мы не одни.

Стихотворение «Я СЕРДЦЕМ ЗНАЮ...». Лист макета книги «Голубая глубина» с правкой Платонова и пометой редактора

* * *

Я сердцем знаю,
Что не истаю
Я в этом мире,
В зеленом пире...

В далекой ясности
Есть тишь безгласности,
В плывущей лунности —
Покой бездумности,
По всей вселенной горят огни.

Их тихий трепет
Мне внятнй лепет,
Их колыхание —
Мои искания,
В небесной бездне мы не одни.

<Не позднее 1918 г.>

СУМРАК

Дальнее мерцание
Голубых огней,
Вздых или сияние
Грезящих полей...

Нежное дыхание,
Аромат цветов,
Мир, очарование,
Трепеты листов...

Тихое плескание
Позабывших слов,
Свет и угасание
Чутких полуснов...

<Не позднее 1918 г.>

* * *

Тихий свет сиянья угасания
Льется в свежесть дремлющих садов.
Покой кроткий, будто стихшие рыдания, —
Призрак мрущий белых городов...

Все смолкает, как невнятное роптание,
Синева поблекла у цветов.
Оживает океан молчания,
Где забылись тысячи веков.

На вершинах спящих колыхание,
Взмахи от объятий льнущих снов,
Волн бегущих дальше плескание
И безмолвие невидных берегов...

<Не позднее 1918 г.>

ПРИ ПРОЩАНИИ

Весенний вечер в обаянии
Приник к земле,
Закат в немом очаровании
Погас во мгле.

В незримо дальнем осиянии
Подходит ночь...
О, прости, прости в молчании,
Кому невмочь.

Так тихо, тихо расставание
Земли со днем,
Как будто чудное познание
Мы все пойдем.

В последнем радостном свидании
Возлюбим всех,
Тогда сольются при прощании
Любовь и грех.

<Не позднее 1918 г.>

ДЕНЬ

Солнце уж в силе, тени кратчают,
Липнет рубашка к спине,
Травы в истоме стеблем иссыхают,
Жарясь на вольном огне.

Сухо и знойно, негде укрыться,
Вихрится пыль по пескам,
Пусто, далеко, ветер струится
По прошлогодним листкам.

В мареве желтом, в устали тяжелой
Стадо овечье пылит.
Кнут подгоняет сзади по ляжкам,
Не попадая ж — свистит.

В днище оврага, в теми, прохладе
Узкий гноится ручей...
Овцы припали, мокнут в отраде
В влаге студеных ключей.

Жальче и тоньше скулит сиротой
Дудка в губах пастуха...
Прыгает ветер — щенок молодой,
Даль полевая безлюдна, глуха.

<Не позднее 1918 г.>

У ГОРОДА

Столб телеграфный гудит над канавой...
Ветер затрясся, завыл в проводах.
В кучах навозных бродит шалавой
Пес одичалый со шкурой во вшах.

Рявкает с хрипом от голода, старости,
Нюхает сгнивший собачий костяк,
Лижет его в неожиданной жалости:
Может быть, это щеночек-сопляк.

Ров недалече с сугробами падали,
Кружится тысяча галок над ним.
Клювами сразу тухлятину сцапали —
Трупом поменело в мире одним.

Ласточки, легкие перышки неба,
Крутятся свадьбой, писком кричат,
Ищут для птенчиков в воздухе хлеба
И, задыхаясь, камнями мчат.

Сядешь на зелень и вскинешь глазами...
Где-то далеко телега скрипит.
Плавится мутный свинец облаками,
Пес исхудалый кашлем хрипит.

<Не позднее 1918 г.>

* * *

Не тихо и не шибко,
А так — чуть-чуть спеша,
Розвальни ноют хлибко,
Где летом шла межа.

Бесшумно и покойно
Полозья чешут снег,
И сердце сжалось больно
Средь похиленных вех.

Деревня за буграми
Маячит кучей хат,
Глубокими снегами
Поля во сне шуршат.

<Не позднее 1918 г.>

*

Долог зимний рассвет
В деревенском окне.
С Богом шепчется дед
~~Вдвигая в окно~~
~~Сампадной~~ лампадкой огне.
~~Три~~
Светит снег у плетня
На забитом чумке,
Куры ждут давно дня —
Полокаться в зерне.

Вся деревня в снегу
И река подо льдом,
На промерзшем луку
Ходит ветер огнем.

Уходили века,
Нивы падали весны...
Но тропы далека
До зеленой сосны...

Андрей П. [подпись]

Стихотворение «ДОЛОГ ЗИМНИЙ РАССВЕТ...». Автограф

* * *

Долог зимний рассвет
В деревенском окне.
С Богом шепчется дед
При лампадном огне.

Светит снег у плетня
На забытом гумне,
Куры ждут давно дня —
Покопаться в зерне.

Вся деревня в снегу,
И река подо льдом,
На промерзшем лугу
Ходит ветер огнем.

Уходили века,
Нивы ждали весны...
Но тропа далека
До зеленой сосны...

<Не позднее 1918 г.>

ЮНОШЕ

Где чувства мало — там мысли много,
Где мысли много — там чувства нет...
Идти лишь прямо — одна дорога —
Туда, где Правды сияет свет.

Иди же прямо, иди же смело,
Пока ты молод и полон сил,
Чтоб сердце волей стальной горело,
Чтоб, погибая, ты победил.

<Не позднее 1918 г.>

РАБЫ МАШИН

Шумит! Гудит! Весь день пылая
В дыму и пыли мастерская.
Покорные рабы машин,
Не разгибая рук и спин,
Часами чахнут, пыль глотая.
И над станком склонясь главою,
В крови, разлитой полосой,
Стоит без памяти, с лица
Похож на тень иль мертвеца,
Раб с исковерканной рукою.
И вдруг упал. Рука дрожала,
Свистеть машина перестала,
Сбеглись к нему со всех сторон,
Но не нуждался ими он,
В нем боль и жизнь уж угасала.

<Не позднее 1918 г.>

ПОЕЗД

Вьется, вьется, вьется
Путь стальной змеей —
Встречный лес смеется
Дружную семьей.

Стучат, бегут колеса
По рельсам чрез мосток —
Быстрей вагон понесся,
Послышался свисток.

Льется, льется, льется
Стон груди стальной
И звонко раздается
Песнею родной...

<Не позднее 1918 г.>

НАД ГОРАМИ

Небесами ясными
Облака бежали,
Взорами уставшими
Отдыха искали...
Чуть-чуть притаились
На вершине дикой,
Крылышки закрылись
Над иглою-пикой...
А вздохнув немного,
По прозрачной сини
Снова в путь-дорогу,
В колыханье линий...

<Не позднее 1918 г.>

ВЕЧЕР ПОСЛЕ ТРУДА

Мастерская пуста.
Как громадна она!
Я остался один.
Тишина здесь властна.
Реет чуть теплота
У горна.
Луч вечерний повис
У окна.
Там, за пыльным стеклом,
Воздух ласков и чист...
Свет родившихся звезд
Серебрист.
Тишина так полна,
Словно слышится свист.
Ночь крадется. Темнее, темнее...
Огонь звезд так далек, потаенно лучист.
Буду ждать, буду ждать...
Так ужасно покоя молчание...
С солнцем жизнь не ушла —
Ее нежное веет дыхание...
Силуэты машин недвижимы, мрачны,
Смерти вижу на них одеяние.
Мастерская пуста...
Огонек под золой, потухая, живет в угасании.

<Не позднее 1918 г.>

НА РЕКЕ

Вода рябится легким духом
На зеленеющей мели...
Обрывы выветрились сухо,
И комья глины поросли...
Под ветер выскочила жаба,
О влажный хрустнула песок,
Она от тины вся иззябла,
И свисло брюхо, как мешок.
Спешит прихлопнуть лапкой мокрой
Червя, что вьется меж камней...
Пестреет стайка туч сорокой,
Темнеет блеск реки под ней, —
И шумно дождик полосой
Запузырился по воде,
Сверкнул отточенной косою
И замер, радугой зардев.

<Не позднее 1918 г.>

МАРТ

Снег под солнцем растопился,
Лужи распустил,
Воробей, спеша, опился,
Хвостик замочил.

От оттаявших заборов
Задымился пар,
Отощавший в зиму боров,
Как помятый шар.

Пес, от вьюг осатанелый,
Брешет ни с чего,
И забыл, что околела
Сука — мать его.

Льются с тихим лопотаньем
В колесницах ручейки,
Вечерком же ранне-ранним
Все дороги далеки.

<Не позднее 1918 г.>

* * *

Млеют в горячей весенней испарине
Пашни, дороги и лес-молодняк,
Солнцем высоким они поошпарены,
Стали за летний рабочий верстак.

Хошь ли не хошь, а водицей мочися,
В лютую зиму обжившийся снег.
Терпи не терпи и молись не молися,
А скоро уж будет дребезг телег.

Странничек божий Фома уж поплелся,
На весну глядя, бродить по Руси,
Бадиком с гайкой таким обзавелся,
Что палец во рту пососи.

У изб, у плетней кое-где попросохло.
Ребятки мочою там пробуют грунт.
Шепчут старухи — скотина где сдохла,
Как соль вздорожала с копейки за фунт.

Вечером свежим несется далеко
Вскрик или голос птицы какой...
Месяц над лесом пройдет одиноко,
Тронется небо звездной рекой.

<Не позднее 1918 г.>

* * *

Невысокие лозины,
Повалившийся плетень,
Одинокие долины,
Серый, скучный день.

Задремавшие равнины,
Пыльные кусты...
Мои милые картины,
Тихие мечты.

Я у чистого истока
Юности моей,
У бегущего потока
Уходящих дней...

<Не позднее 1918 г.>

МОЛОТ

Удары роят молнии —
Безумные, упорные,
Неуловимо полные мгновенного огня.

Земля качает сводами.
Пар льет паропроводами
На молот мощь зажатую, от трепета звеня.

И будто с ликованием
По мертвым наковальням
Металл играет в пламени,

Дробится, изменяется
И снова накаляется,
Сверкая остро гранями.

Огни роятся искрами —
Трепещущими, быстрыми,
И близкими, и дальними...

<1918-1919>

ПЕСНЬ

В этот день, в этот день поздней осени низко стлалась промерзшая мглистая слизь...

За стеклянными клетками окон, дрожью упругой звенящими, колеблется, мутится вязкая зыбь. Перемешан с туманом газ от вагранок и дым кочегарок, длинными трубами выгнанный.

Этот день, этот день никогда не забудем...

Он стонал, этот день, на усталых станках, гнал, спеша, по шкивам и по валам ремни. И все гнали, все гнали, все гнали станки.

Схороненною злобною силой дребезжала неплотно в подшипниках сжатая ось и рвала взад-вперед на шкиву ослабевший бегущий ремень, что махал и махал пред глазами опостылевшим швом.

О лети, о хлещи, и мотай, и вращай, и шипи без конца, без начала, все взад и вперед, по замкнутому вечному кругу, эластичный упорный спешащий ремень!

Ты — певун и плясун на спине обточенной и скользкой туго вертящих оси шкивов.

Твоя песня подслушана мною, твоя песня везде все о том же, она всех породнила и всем рассказала, ровно бьется во все моих братьев сердца.

Крылья медных напелов вздымаются — катятся — плещутся в ритме гудящем, рвут клоками цветную железную ткань.

Чрез станки и ремни и приводы моторов мои руки протянуты к вам, мои братья, ушедшие в слух и внимание рыдающей долгой сдавленной сводами песни.

Эта песнь гонит вон из завода — к разрушенью, к борьбе и к великим твореньям, еще никогда не бывалым, расплющим котормы землю, чтобы снова творить и творить без конца... Эта песнь призывает и сокликает великую рать.

О, вы слышите, слышите эту глухую суровую речь, речь возмущенья, восстанья и — боя?

Боя! Вечного боя с душащим, остро вникающим в сердце резцом, притупляющим мраком, напитанным злобой и ужасом.

Ужасом! В безднах, пустотах, провалах и смертных капканах
которого гибли без счета, без имени в памяти сына наши отцы...

Кто их вспомянет? Памятник кто им воздвигнет и обессмер-
тит в скрижалях вселенной их имена?

Мир вам, покой вам, учителя наши, не знавшие слов!..

Мы уж выходим наружу в холодный, туманный, промерзлый
простор осени поздней, жалящей тело спросонья едкою мгой.

Песнь разбудила сердца и камнем сама в них застыла, чтоб в
миге порыва, в пламени битвы ожить и всколыхнуть, если дрог-
нут они, ряды восстающих, дерзнувших.

Ожить — в ударе последнем в небо, в великие, страшные,
тайные центры вселенной.

Ожить — чтоб вдохновить души уставших, души бегущих —
и двинуть вперед раскалившейся лавой ряды за рядами огнен-
ным, жгущим потоком хаос борцов...

И застонет, завоюет под маршем железным вздрогнувший мир.

Мы рычаг на работу поставим — и запоет песни новые по-
корный, упорный и вечный наш мощный, наш прочный ста-
нок —

Бесконечность!

<1919>

ГУДОК

Мы спешим...
Нас цедит будка при воротах
И проплескивает дальше.
Дальше, дальше — к мастерским.
Через балки, чрез обломки, горы стружек
И шеренги ожидающих машин
Мы бежим от нетерпенья,
Исчезаем в черных пастях
Каменных зверей...
Мы спешим.
Гудок последний
Белым вихрем атмосфере
Вдруг рассек.
И железные, стальные
Молчаливые массивы,
Эхом гулким завывая,
Отозвались ему.
А гудок бичом хлестает
Утра, белую без солнца,
Непроснувшуюся мгу.
Он прорвался сквозь ущелья
Узких трубок и кранов —
И вот бьется от восторга,
От свободы, от победы
Белым вольным ураганом
Выше, дальше —
В сердце неба,
В гущу туч!
От стального его рева
Сотрясаются и плачут
Влагой мелкой облака...
О, пронзай, ломай преграды,
Неподвижные громады,
Окаянные пустыни,

Непройденные пески,
Белоструйный пламень снежный
Пар — гудок!
Громче, резче раскаляйся,
Рви на клочья, распыляй
Туман низкий — пасть могилы,
Жуть бессилья!
Пробивайся сквозь пространства
К мертвым звездам,
И столкни их, и смети их
Своей силою земли...

Мы — гудок кипящий мощью,
Пеной белою котлов,
Мы прорвемся на дороги,
На далекие пути.
Не отступим, не уступим —
Без конца вперед идти:
Только в силе — радость жизни,
И в победах — упоенье,
В достижениях — гордость воли,
И в огнях манящих — власть...
Наш гудок — сигнал желанья,
Клич трепещущий сердец,
И труду, усилью, воле —
Утренний привет.

Мы рванемся на вершины
Прокаленным острием!
Брешь пробьем в слоях вселенной,
Землю бросим в горн!

<1919>

* * *

Мы на канатах прём локомобиль
К платформам красным станции.
Цилиндры в триста лошадиных сил
Заржавели на скрепах с фланцами.
Давно не крутит оси кривошип,
И замер, разбежавшись, маховик.
Трубы макушка — проволочный гриб —
Прогнил от дыма, вбок поник.

Волочим сажень-две, минуту отдыхаем
И снова ухаем, ногами чешем землю,
Плечми брат к брату ближе примыкаем,
В поту и хрипе узкою пролазим щелью.

Канат рассекся от усилий дружных
И хлопбыснул по роже чьей-то тощей —
Метнулась врозь стая ребят досужных
.....

Оправились и потащили с песней,
Мамаше подарив матюк.
Последний шаг — и силе стало тесно,
Скрипит, шатается на оси крюк...

Шабаш — доставили!...
Двугривенный и сотка,
Да огурец, в горшке разбрюхший от рассола...
Кормись, дыши, промачивайся, глотка,
И хлебец жуй муки вкуснейшего размола.

<1919>

КРАСНОМУ ВОРОНЕЖУ

(Стихотворение в прозе)

За убогою слободкой, где по пашням чернозема только пахарь век бродил, залп за залпом орудийный тишь мужицких хат потряс.

В вихре медном, раскаленном застонали лес и нивы; и приникли ниже травы, только тучки тень бежит...

Воздух мутный, пред грозой, накалился не дохнет.

Залп за залпом — и с просторов, будто сонных, задышала жаром в небо незнакомая вспышка острая тоски.

Марсельеза... На дороге в пыльном зное, в мерном шаге, в мощной массе, маршем быстрым в нетерпенье — за отрядами отряд.

И гудит под камнем камень, как под тяжестью свинца, от ударов темпа — марша, от восторга Марсельезы...

Будто в буре океанов, в смерти, гибели, борьбе, наша высшая надежда, праздник нового рожденья...

Отчеканенно и мерно бьется в ритме пулемет — и почти бежит, не дышит, на далекий зов отряд.

От железа, от асфальта, от бетона, от камней залп от залпа отражаясь острой мести жало — пламя кверху вскидываясь прямо электрической стрелой...

Всем единым коллективным сердцем чутким содрогаясь, весь в тревоге напряженной, город в муке ожидания веру сковывает сталью много видевших штыков.

Будем слитны и едины и безжалостны к себе.

Только с сталью, вместо сердца, с мудрым мужеством сознания и восторгом вдохновенья мы победу, славу гордых, в лагерь Красный приведем.

Пусть на Дон, на юг несется пятикратный луч звезды —

С песнью песней Революций, Марсельезой в буре боя, Красный город вспыхнул кровью, как надежда, рыцарь юный вдруг воспрянувшего мира.

В эти молнии — мгновенья мы над пропастью парили — мы,

ведь, искра столкновения двух сгорающих планет, двух скрутившихся, сцепленных, не взорвавшихся миров.

В гуле яростном, в смятенье есть единственный напев, неизвестный иль забытый, но единственный всегда — Птицей с телом нежной чайки он несется над землей, сеет в сердца истомленных веру в чудо воскресенья, в бесконечную возможность...

Обретется в век грядущий новой мощью напоенный дух бессмертный, дух мятежный, демон радостный, свободный — дух борца, дух коммуниста.

<Сентябрь 1919 г.>

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Выходите по плитам звенящим, дрожащим под шагом,
Уверенным, твердо рассчитанным маршем!

У станков, у моторов, вагранок с кипящей медью
Сговоритесь спокойною, краткою, ясною речью труда,
А потом — слейте в миге едином
Всю волю, усилие, мощь трепещущих жизнью железною жил
И ударьте по клапанам и регуляторам,
Воющим силою темной, упорной огня.
Ударьте — взмахом одним тысячей рук,
Тысячей рук, как одной!
Тысячей пальцев в мозолях и ранах —
Знаках немых сопротивлений металла и пламени горнов...
Рукою за руку в пожатии — призыве братском —
Возьмитесь, идите всей цепью, звено за звеном,
Разбейте ворота — и океаном свирепым
Раскиньтесь волнами с кровавою пеной,
Залейте потоком, ударьте приборной струею
Мир, убывающий в силе, землю усеявший гнойными трупами,
Бледною, тощею кровью, еле живущий,
И взвейтесь столбом, стальным, прокаленным,
Под небо, под звезды!
И засветите под солнцем,
Чтоб солнце потухло,
Факел из слившихся искр от ударов,
Ударов ритмичных и властных
Наших желаний, влитых в одно...
Мы — это правда грядущая,
Правда земли, под которой
Рухнут все тайны небес...
О, мы раздавим, взорвем динамитом,
В песок превратим этот мир!

И продиктуем кометам и колоссальным далеким мирам
Волю машин,
Правду горящих сердец.
Выходите по плитам звенящим, дрожащим под шагом,
Уверенным, твердо рассчитанным маршем...

<Октябрь 1919 г.>

ИТАЛИИ

На морях из льющихся алмазов
Дышит в солнце пальмами земля,
И вершины гор из дымных газов
Растопила золотая мгла.

Корабли в волнах далеко бьются,
Ветер воев в мачтах, парусах...
Человек услышал, как поются
Песни бурь в отвесных берегах...

Меч в руках раба не в первый раз,
Залп не первый — по дворцам...
Мы слились, мы лава — миллионы нас,
Мы гремим восстаньем по странам.

Океан в прибое свирепеет,
Мир от взрывов недрами гудит.
Жажду правды сердце в сердце сеет,
Красный Факел мщением горит.

Юный Друг, далекий и прекрасный,
Душу Ты отдал для мук борьбы.
О, борись, восставший брат наш красный,
Врут уж цепи по земле рабы!..

Ноябрь 1919 г.

ЗНАНИЕ

Нам радость незнакомая
В тебе горит, познание!
В груди живет истомою
Тоска, от тьмы отчаянье...

Душили мир страдания,
Но жизнь светла надеждою —
И ты пришло, о знание,
Под красною одеждою...

<1919-1920>

КУЗНЕЦЫ

Снова в руках молотки и зубила,
Песней весенней залились станки.
Пламя железо в горне раскалило,
Куйте его, кузнецы-батраки.

Буйные дети борьбы и свободы,
Куйте железо с зари до зари,
Нивы покروют зеленые всходы,
Песнь про вас сложат в полях косари.

<1919–1920>

* * *

Солнце жжет арбузы, зеленил огурцы,
Обратило к себе всю подсолнухов рать,
Еще тверды бобы, как у девки сосцы,
Впору только теперь воробьям их клевать...

Солнца ясен заход, ночь в теплыни идет
И тоскою зовет на село.
И натянешь зипун, сердце болью кольнет,
Поплеться без песни, с душой наголо...

На околице визг, чуть задавленный смех,
Парни мечутся с ласковым зовом.
Отпустили с цепей древний прадедский грех,
Льнут друг к другу в желании новом...

Месяц поздно взойдет, перед самой зарей,
Все, сморившись, уснут — кто где как.
Небо вздернется легкою бледной корой,
По дороге раздавишь собачий костяк.

Далеко зазвенел на жалейке пастух,
У колодца стонает бадья,
Закадился рососою прохладною луг,
Солнце грянет чуть-чуть погода.

<1919–1920>

ОРАТОР

Песнь, человеком не спетая,
Стонет, гремит в мастерских.
Радость машин неотвечная
Пишет неписанный стих.

Вон на железной станине
Оратор великий, немой,
С древних веков и донныне —
Брат неслышанный мой.

Падают на пол, на плиты
Чугунным ударом слова.
Из стали упорной отлита
Слепая его голова.

<1919–1920>

СУББОТНИК

Волей рожденный чудесной
Всечеловеческий труд...
Люди под ношею крестной
Счастье себе обретут.

Братские мощные руки
Кровью налиты одной...
Наши грядущие внуки
Будут семьею родной.

Мы под железными стенами
Счастье для мира творим.
Мы трудовыми подъемами
Землю сжигаем и сами горим.

<Апрель 1920 г.>

МАЙ

Мы живем под солнцем голубого мая,
Пламенем желаний наша грудь полна.
Мы растем все выше, силы отнимая
От земли и неба, где горит весна.

И в огне восторга поднимаем молот,
Разрушаем горы на своих путях...
По земным пустыням строим Новый Город,
Запоют машины в каменных сетях.

Без числа и меры, без конца и края
Мы покрыли землю, мы сжимаем мир...
Загремела песня, в сердце замирая,
И слились просторы в бесконечный пир.

В этот день, ликуя, брат стал рядом с братом,
Загорелась в каждом ясная звезда...
Катится и стонет, и гудит набатом
Радость и смятенье — ураган труда.

1 мая 1920 г.

* * *

Над голубыми озерами
В сумерках мрут облака,
Синими чистыми взорами
Замерла в небе тоска.

Влажный камыш наклонился,
В думе глядится на дно, —
Ранний ли сон то приснился,
Ночью ль открылось окно...

Странник бредет неустанный
В темных полях по тропам,
Путь неизвестный, желанный
Лег по пустыне к горам.

<1920>

ДОРОГА

Глухая лесная дорога
И мшистый коряжистый пенёк...
Путь крестный народа немого,
Душа чья — граненый кремёк.

Проселки в узлистом сплетенье
Раскинулись вокруг деревень,
Где страхом куется терпенье,
Покоится рабская лень,

Сузятся у пашен в тропинки,
И — дальше былиночки мнут,
Средь сел поприжмутся к лозинкам,
С околиц же прямо бегут.

Их манят поля и просторы,
Где странники молча бредут,
Ногами босыми узоры
Версту за верстой по ним ткут.

Сгорбясь под сухарной сумою,
Идущие песню поют
И звякают ржавой клюкою.
А песни — за море зовут...

<Январь-май 1920 г.>

ПРАЗДНИК СИЛЫ

(Ко дню всевобуча)

От нашей ярости железной
В крови земля,
И вихри спаянных усилий
Шатают небеса.
В потоках радостного солнца
Горят примкнутые штыки
И гул живет в ударах марша,
Качает недрами глубин.
Наш каждый мускул полон звона
Мы снова дети на земле...
И мы идем, идем — смеемся,
Все шире дали,
Все больше нас.
Растет в нас гордость,
Воля к силе,
Полету в глуби горных бездн.
Во взоре брата горит надежда,
Идем мы вместе в далекий путь.
Штыки зажаты,
На сердце пламя,
Все больше нас.

<Май 1920 г.>

ПУТЬ В ГОРЫ

Поля бурьяном зарастали,
И зверь по чащам ликовал.
А мы пришли — зубцами стали
Плуг рвы и степи запахал.

Живое солнце в красных жилах
Дробило землю на куски,
Отцы ворочались в могилах,
Колосья вспухли, как соски.

Мир раскаленный был враждебен,
Спала машина в недрах руд.
Но человек родился гневен —
Его путь в горы долог, крут.

<Июнь-июль 1920 г.>

НАПОР

Рука с рукою мы стали рядом,
Дыханье брата — мой тоже вздох.
Удары сердца — разрыв снарядов,
И взор ответный взор зажег.

Душа убита, и жизни нету,
Весь мир в железе надет на штык.
Мы рубим корни у всего света,
Победа наша — смертельный крик.

В день истребления — земля пустыня,
И каждый зверь в ней господин,
На небе солнце тогда остынет,
Не нужен миру властелин.

Под нашим шагом цветы сгорают,
Мы — гибель всем, кто не погиб.
В волне кровавой поля рыдают,
Мы выпрямляем путей изгиб.

Душа с душою — дыханий ветер,
Земля и небо — океан.
Над головами не жизни ветви —
Свинца и меди ураган.

<Июль 1920 г.>

* * *

На реке вечерней, замирающей
Потеплела тихая вода.
В этот час последний, умирающий
Не умрем мы никогда.

Мы твой зов, твой голос всюду слышим,
Тишина и сон твоя душа.
На руках у матери не дышим,
Без возврата ночью шла межа.

Свет засветится, неведомый и тайный,
Над лесами, ждущий и немой,
Бьет родник, живой и безначальный.
Странник шел и путь искал домой...

<Август 1920 г.>

КОННЫЙ ВИХРЬ

Пролетарской коннице

По морю, по морю земли
Храпят табуны лошадей.
Гонят в ущелье петли
Безумное стадо людей.

Пики их жалят и жалят,
Души секут пополам,
Брызгают трупы и тают,
Трупы — дорога коням.

Копыта вонзаются в череп,
Сердце в груди дребезжит —
Красноармейцем стал мерин,
Смертью ревет и визжит.

Топчут пустыни копыта,
Топчут и рвут города.
Крепость гранитная смыта —
Жизнь никому не отдам.

Враг под ногами не дышит,
В землю вогнал его конь,
Победы моей не услышит —
Красный ликует огонь.

<Август 1920 г.>

ФРОНТ

Артиллерийский звон колокольный
В стены набатом гудит.
Башни взлетают, дворцы загораются,
Пыль кирпичей в облаках.
В город расплавленный молот опущен,
Брызгает пламенем камень домов.
Трупами люди мостят переправу,
Падает к братьям брат на штыки.
Дрогнуло вздохом зарево в взрыве,
Комом свинцовым запущена смерть...
Гневный поток размывает дороги —
Пушки, колеса, лошади — мы.
Выгнула спину крепость-плотина,
Дышит гранит, как живой.
Трубы без дыма отрублены в небе,
Будто слепые глаза.
Но целы машины под цинковой крышей
И слушают чутко станки.
Лопнет плотина под силой напора
(Разве ей скажет кто: стоп?),
Сжатая мощь водопадом прорвется,
Смоет, сравниет трупов бугры,
Люди грудь с грудью на трупах сойдутся,
Брат не нанижет брата на штык...
Долго идем мы, не видим друг друга,
Стены кругом нас и камень в душе.
Но мы заложили пуды динамита
В камень, в гранит, под бетон.
Брата родного мы в жертву отдали,
Шнур поджигали живую свечой.
Но мы пустили под облако пылью
Стену и душу сухую врага —
Человек человеку навстречу
По крови шагает, шагает века.

<Август 1920 г.>

МАЛЬЧИК

В вечер летний, тихий и тоскующий,
Звезды с неба травам говорят.
Домик скрылся и зарос садами,
И в окне белеется звезда.

Спит Волчок в репьях под лопухами,
Сердце человечье у него во сне,
И во сне рекой уходят звезды,
А земля без края и дорог.

Ночью каждый от себя уходит,
Понимает, а к утру молчит.
В поле грудь волнуется и дышит,
Люди встали и глядят.

Мать до света белого качала
Мальчика в корыте на полу.
Домик крышей светится под небом,
Мальчик мается, руками говорит.

Сны его несут далеко,
Улыбаются и на руки берут.
Мать другая грудь сосать давала,
Много рук протянуты и ждут.

Он не знает, никому не скажет,
Отчего и ночью так светло,
Отчего во сне он говорит и любит,
А днем немой и ненавидит...

В самый полдень, когда поле выгорало,
Заметался мальчик и открыл глаза.
Мать давно томится на работе,
Чуть змеится время, долго до гудка...

Снова шепчет вечер, тихий и печальный,
Серебряные струны в небесах поют...
Подушка навалилась на лицо ребенка,
Пух во рту горячий пержигает дух.

В дверь Волчок заскребся,
Мухи ноют тише, за окном забор.
Вышла у соседей на крыльцо невеста
И одна запела.

Тянется, не рвется тоненькая нитка,
Капля бьет по капле, а полны века...
Мальчик замирает, видит сон последний,
Будто мать уходит, больше не придет.

Без конца заборы, темные дороги,
Наверху просторно, тихо и светло.
Села мать на камень, руки протянула
И одна поет.

Умер мальчик. Белый, он светился ночью,
Не в корыте он один заснул.
На него в окно смотрели звезды,
К свету мухи облепили весь живот.

<Сентябрь 1920 г.>

ДОМОЙ

Утром трава просыпается,
Дышат, шумят воробьи.
Ты с человеком не встретишься
Тут под навесом зари.

Долги дороги из камня,
Жарок подножный песок,
Глаз у звезды закрывается,
Тянется солнце рукой.

Эти поля и дороги,
Этот стонающий день,
Жметя к тебе и тоскует
Земная пустая душа.

Думаешь. Видишь далеко,
Нет никого на пути —
Страница богом согнута,
Деревня, солома, плетни.

Тут я любил и родился,
Братца таскал на руках,
Землю большую увидел,
Боялся, умрет моя мать...

Летние дни улыбаются,
Реки текут в серебре,
В поле песок загорается,
Мать дотемна не придет.

Брата ношу, утешаю,
Постом ему минет годок,
Любит он, смотрит, смеется,
Думает, я ему мать.

К вечеру день опускался
В темь затаенных лесов,
Ночью росой там купался,
Утром ребенком глядел.

В поле играли мы с братом,
Город лепили в песке.
Сеня поднялся на ножки,
Со страху моргать перестал...

Дома все зяб он и жался,
Вечером есть не хотел,
Пеною утром закашлял,
Пух животом и синел.

Мать не пошла на работу,
На руки Сеню взяла.
Глаза он открыл и не видел,
Ложилась на них пелена.

В полдень заснул и во сне засмеялся,
Руками ловил и стонал...
День прогремел и на лес опустился,
Шла, уходила река.

Стих ночью Сеня,
В рот взял мой палец,
Глазами глядел, а дремал.
И день весь, и ночь всю другую глядел и дремал.

Утро настало. Чуть вышел день.
Сеня проснулся и руки поднял.
Глазами повел далеко, как слепой,
Будто ушел и забыл оглянуться...

Плавает солнце по небу одно,
Странник, оставший в степи,
Ходит и ищет дороги-пути.
Плачет с ним вместе земля.

Рожает она, и хоронит, и любит,
На солнце глядит каждый день.

Могилы, поля, и плетни, и деревни,
И смерти и жизни нету конца.

Когда же дойдем мы до дома
И в нем до утра отдохнем.
Сойдемся, увидим умерших,
Забытых, далеких вернем.

Когда ж эту смерть вместе с жизнью
Сожжем в яме скорби своей,
И встанем с соломы детьми
У матери в доме родном!

<Сентябрь–октябрь 1920 г.>

МЫСЛЬ

Жизнь еле тлеет под камнем смерти,
Изнемогает в борьбе со тьмой, —
Свалите камень, земные дети,
Пусть станет истина ее душой.
Над нами солнце, и в нас рассвет,
Все реки светятся до дна.
И в нас восходит светлейший свет,
Ничья не будет душа одна.
Мы все воскреснем, живыми встанем,
Родился новый, сильнейший бог.
У бездны дна теперь достанем,
Сойдутся братья с больших дорог.
Мысль человека стала богом,
Сознание души зверя тьмы.
На царство сядет царь убогий —
Ни ты, ни я, а — мы.

<Октябрь 1920 г.>

АНДРЕЙ
ПЛАТОНОВ

ГОЛУБАЯ
ГЛУБИНА

КНИГА
СТИХОВ

«БУРЕВЕСТНИК»

Обложка книги «ГОЛУБАЯ ГЛУБИНА» (1922)

СЫН ЗЕМЛИ

Опустилась с неба раненая птица,
Поперек дороги ей легла гора.
Жизнь, полет высокий, только тихо снится —
У костра со звездами до утра игра.

Крылья холодеют и на шее камень,
Глыбы на дороге, смерть и тени тайн,
Глыбы шевелятся, шевелятся сами,
Горы над горами, как над бездной край.

Где ж гнездо и мать тут у небесной птицы,
Только тьма пещеры для прохода тайн.
И без шума мчатся тени вереницей,
Смерти, жизни нету, вечно ожидай.

Птица еще бьется, есть под сердцем дети,
С нею прилетели с голубых равнин.
Если мать не дышит, то у них нет смерти,
И вздохнет и выйдет из утробы сын.

Из утробы мертвой он один родится,
Перемрут под матерью многие птенцы...
До конца сын будет с смертью, с тайной биться,
И его помянут звездные венцы.

Через глыбы, горы тайн и неизвестного
На коне Ненависти пронесется сын.
В вихрь и ночь безумия, жаркого и тесного,
Он на крыльях пламенных врежется один.

Это мать убитая, брошенная с неба,
Через горы бросила сына к небесам.
Все птенцы подошли с голоду, сослепу
И лежат на камнях черной кучей там.

В сыне мать открыла снова небу крылья,
И смеется звездам из-за глыб и гор,
И летит звенящей, белой, звездной пылью
В тихие равнины, в голубой простор.

Прошрое, далекое, всю немую вечность,
И холодный камень, тайную звезду —
Все поймет, полюбит, кончит бесконечность
И на крыльях вскинет Сын на высоту.

Это мать убитая в Нем летит и ищет,
Никогда не кончит своего пути...
И живых и мертвых с гор высоких кличет
На дороге дальней всех птенцов найти.

<Ноябрь 1920 г.>

СЛЕПОЙ

Песню ночью никто не услышит,
Тихую песнь без певца.
И тебя и меня она кличет,
Как без матери в поле слепца:

— Ты испуган, ты вытянул руки,
Стужа тьмы, пустота, пустота.
Ни отголоска, ни звука.
Ты потерян, забыт, ты отстал.

О, не бойся, слепец позабытый,
Больше всех ты своей слепотой,
Одному тебе тайный и скрытый
Свет открою и буду сестрой.

Мир подымешь на слабые руки,
Что захочешь, полюбишь — твое.
Ты испуган, слова твои глухи,
Ты — любовь, твое сердце — в моем.

У стены, у стены на дороге
В смертном ужасе замер и ждешь,
Ждешь, придут холодные дроги —
Не откроешь глаза, а сожмешь...

Ты живой, ты живой, ты единственный,
И стена — только дым на глазах,
Ты слепой, но в тебе свет таинственный,
Ты у мира один на часах.

Никого, а себя испугался,
В ослепительном свете ослеп,
И один от ушедших остался
В поле темном на мертвой земле.

Для тебя одного невозможное —
Крылья радости, вольный полет.
И все тайное — только ничтожное,
Только тень от открытых ворот.

Ты оживший, спасенный спаситель,
Тихий голос твой — миру закон.
Ты вселенной единственный житель,
Твоя истина — утренний сон.

Песню ночью никто не услышит,
Тихую песнь без певца.
И тебя и меня она кличет,
Как без матери в поле слепца.

<Ноябрь 1920 г.>

* * *

Мы пройдем тебя до края,
Небо, тайна голубая.
Мы — любовь, мы — мысль вселенной,
Звезд зовущих странник пленный.

Мы идем в темницы тайные,
Там красавица печальная
Не дождется часа светлого,
Будто песнь никем не спетая.

<Ноябрь 1920 г.>

МНОГО МАТЕРЕЙ

В мире большом и высоком
Много дорог и домов.
Небо — колодезь глубокий,
Мать не поймет моих слов.

Много идут матерей,
Только чужие и мимо.
Нам ни одна не откроет дверей,
На руки с лаской не примет.

Нищими ходим мы по земле —
Мать ли не встретим в замолкшем лесу...
Каждый замучен, от пыли ослеп,
Сердце до матери я донесу.

В городе праздник — дома и огни.
Дети бредут и все просят любви —
В поле мы были одни и одни,
Мать, хоть чужая, нас позови!

И протянулись к нам белые руки,
Полные груди ждут с молоком...
Шли по дорогам мы в радостной муке —
Есть и у брошенных матерей и дом.

Нам улынулись деревья и камни,
Каждого любят мать и сестра,
Стали мы всеми, все стали с нами,
Будто в степи у большого костра.

<Декабрь 1920 г.>

ДЕТИ

Не сгорает город огненный,
Весь в страдании торжественном.
Из машин стальных бьют молнии.
Вышли трубы грозным шествием.

Мы безумную вселенную
Бросим в топку раскаленную,
Солнце древнее, бесценное
Позабудется, сожженное.

Оборвем мы вальс тоскующий —
Танец звезд, далеких девушек.
К ним идет жених ликующий —
Сжечь обитель светлой немощи.

Не любовь мы, а познание,
Сердце было — ком тоски.
Мы ворота ищем тайные
Уплывающей реки.

Наши дети не родились,
Не родятся никогда —
Через вечность мы пробились,
Будем биться, жить всегда.

Дети — сладкое бессилие,
Сказка радостная смерти.
Мы ж невянущие лилии,
Мы смеющиеся дети.

<Декабрь 1920 г.>

ВО СНЕ

Сон ребенка — песнь пророка.
От горящего истока
Все течет, течет до срока,
И волна гремит далеко.

Ты забудешь образ тайный,
Над землею неба нет.
Вспыхнет кроткий и печальный
Ранний, утренний твой свет.

Ты пришел один с дороги,
Замер сердцем и упал,
Путь в пустыне зноя долгий,
Ты, родной мой, тих и мал...

<Вторая половина 1920 г.>

* * *

Тиха дорога, неизвестна,
У брата горячи глаза,
Мир тайный — сонная невеста,
Мы — предрассветная роса.

Конца мы ищем бесконечного,
Мы знаем — есть у бездны дно.
Но одолеем зверя вечного,
Когда с ним станем заодно.

Мы меньше трав и тихих нищих,
Глаза у нас небес ясней,
Песка подводного мы чище
И всех зверей живых сильней.

<1920–1921>

ПОСЛЕДНИЙ ШАГ

Из вскрикнувшей разрубленной вселенной
Рванула мир рабочая раздутая рука.
Пришли до срока, без гудка мы — радостная смена,
Все времена ушли в подземные, забытые века.

И ближе светит солнце, везде, везде — наш дом,
И ты мне друг и брат, она сестра — сестра.
Земля — железная машина, течет по проводу к ней гром.
Смеемся мы, любовь не перескажем с утра и до утра.

Бессмертье заработали мы смертью и могилой,
От наших глаз не скроется небесное лицо,
Жизнь раскаляется до дна глубокой тайной силой,
Работа — наш отец, мы не расстанемся с отцом.

Мир будет тишиной. Пройдем его до края,
Нет никого нигде, товарищи машины сверлят небеса.
Летит звезда к земле, никто не умирает,
У человека навсегда задумались глаза.

Живут в нас все — погибшие от смерти,
Кто ночью падал в городах,
Замолкшие в могилах дети...
Мы сокрушающий, последний шаг.

<1920–1921>

СУДЬБА

В звездной безутешной, смертной тишине
После ветра, после птицы мы родились на земле...
Чуть в неуловимой, тихой вышине
Радуетя-стонет песня на селе.

Вечность мы обнимем вечером рукою,
Девушку испуганную, утреннюю тень.
Выйдет солнце громкое над большой рекою,
Никогда не смеркнется наш великий день.

Музыка на празднике гибелью гремит:
Кинулись товарищи в улицы на бой.
Далеко, за гибелью, спасение летит
С пополам разрубленной, конченной судьбой.

<1920–1921>

* * *

Мир рожден улыбкой человека,
Он вселенную невестою назвал.
Смерть рука влюбленная рассекла,
Вечный посох странник в руку взял.

Бесконечность солнцем утром взорвана,
Зацвела небесная звезда,
И растет вселенная просторная,
Бесконечней бесконечности всегда.

<1920–1921>

ТОПОТ

В душе моей движутся толпы...
Их топот, их радостный топот,
Как камней сползающих грохот.
Без меры, без края, без счета
Строят неведомый город, —
Выше, страшнее, где тайна и холод, —
Камень на камень, город на город...
Тихо. Только в материи сопротивление —
Ропот.

Там, где удар, там и миги и годы
Плавятся в вечность машиной и потом...
Тихо танцуют звезд хороводы,
Выше их вышли трубы заводов.

Там, где царили вселенная, рок,
Скованный проводом мечется ток.

Слава безумию, взрывам и топкам,
Грохоту, скрежету, топоту, топоту,
Мысли и числам неисчислимым,
Цифрам сомкнувшимся неизмеримым.

Лопнули мускулы. Смерть человеку —
Брошен в колодезь последний калека,
Душу живую машина рассекла.

Наша душа — катастрофа, машина.
В небо уперлись железные спины.
Солнце стихает, склоняется, стынет.

Ступайте толпа за толпою
По жаркой по вашей душе,

История больше не даст перебоя,
В машине сгорает мир тайн и вещей.

Любовь — это девушка, шепот,
Но ночью там движется топот,
Идут по душе моей толпы.

<1920–1921>

ВСЕЛЕННОЙ

Вселенная! Ты горишь от любви,
Мы сегодня целуем тебя.
Все одежды для нас в первый раз сорви,
Покажись — и погибшие встанут в гробах.

Твое солнце на небе и в топке,
В нашей мысли, в летящей звезде,
Ты в былинке унижена робкой
И бессмертная в каждом листе.

Отдайся сегодня, вселенная,
Зацветай, голубая весна,
Твоя первая песня весенняя
В раскаленных машинах слышна.

Ты невеста, душа голубая,
Зацелуем, познаем тебя.
Ты прекрасней чудес, но слепая,
Ты не тайна, а плач и мольба.

Мы — сознание, свет и спасение,
Никто после нас не придет,
На трупах цветы улыбнутся весенние,
Девушка сыну цветов сорвет.

Разум наш, как безумие, страшен,
Регулятор мы ставим на полный ход,
Этот мир только нами украшен,
Выше его — наш гремящий полет.

Мы усталое солнце потушим,
Свет иной во вселенной зажжем,

Людам дадим мы железные души,
Планеты с пути сметем огнем.

Неимоверной мы жаждем работы,
Молот разгневанный небо пробьет,
В неведомый край нам открыты ворота,
Мир победим мы во имя свое.

<1920–1921>

* * *

Познаны нами тайны вселенной,
В душах тревога молчит.
Мы осушили небесные бездны,
Солнце слова говорит.

Полон восторга пламенный город —
Люди, машины, цветы...
Каждый сегодня богом быть может,
Солнце над каждым горит.

Медный гудок заревел над планетой,
Пространства, подъемы нас ждут.
В жизни бессмертной, как в песне неспетой,
Звезды звенят и поют.

Солнце мы завтра расплавим,
Выше его перекинем мосты.
Как песком, мы мирами играем,
Песню мы слышим тихой звезды.

<1920–1921>

Вселенной.

Вселенная! Ты горишь от любви,
 Мы сегодня целуем тебя.
 Все одежды для нас в первый раз сорви,
 Покажись—и погибшие встанут в гробах.

Твое солнце на небе и в топке,
 В нашей мысли, в летящей звезде,
 Ты в былинке унижена робкой
 И бессмертная в каждом листе.

Отдайся сегодня, вселенная,
 Зацветай, голубая весна,
 Твоя первая песня весенняя
 В раскаленных машинах слышна.

Ты невеста, душа голубая,
 Зацелуем, познаем тебя.
 Ты прекрасней чудес, но слепая,
 Ты не тайна, а плач и мольба.

Мы—сознание, свет и спасение,
 Никто после нас не придет,

На трупах цветы улыбнутся *весенние*

любж. шрифт Девушка сыну цветок ~~весенний~~ сорвет.

Разум наш, как безумие страшен,
 Регулятор мы ставим на полный ход,
 Этот мир только нами украшен,
 Выше его наш ~~высокий~~ полет.

Мы усталое солнце потушим,
 Свет иной во вселенной зажжем,
 Людям дадим мы железные души,
 Планеты с пути сметем огнем.

тремящий

Неимоверной мы жаждем работы,
 Молот разгневанный небо пробьет,
 В неведомый край нам открыты ворота,
 Мир победим мы во имя свое.

Андрей Платонов.

К ЗВЕЗДНЫМ ТОВАРИЦАМ

На земле, на птице электрической
Солнце мы задумали догнать и погасить.
Манит нас неведомый океан космический,
Мы из звезд таинственных будем мысли лить.

Мы летим. Нам смерть, как жизнь, — товарищ.
Лучше гибели невесты не найти,
Чище муки ласки не узнаешь.
Тот живет, кто кончил все в пути.

Мир стал громок и запел в машине,
Бесконечность меряет великий машинист.
Где луна одна веками стынет —
Наших сверл могучих ураганный свист.

Мы задумались о мире неизвестном,
В нем томится истина — умершая сестра,
Не свернем мы никогда с дороги крестной,
Наш гудок тревожный загудел с утра.

Больше жизни мы познали гибель,
В нас ненависть, и надежда, и тоска.
Мы слепые, каждый ненавидел,
Только слушал, как работали века.

От ненависти — всего мы захотели,
В наших топках пусть вселенная сгорит.
Нет нам матери. Мы жить одни посмели.
Пусть гудок тревожнее гудит.

Город улетающий в сверкающем железе —
Небо прорывающий таран.
Мы проломим двери в голубом навесе
К пролетариям планетных стран.

<1920–1921>

ВЕЧЕР МИРА

Мы уьем машинами вселенную,
Под железом умерла земля,
В наших топках бьется солнце пленное,
И в бессмертной стали нет добра и зла.

День и ночь в вагранках раскаленных
Пламя переходит в ледяной металл;
Мир стоит, печами озаренный,
Как невесту, человек его обнял.

Льем мы новую, железную вселенную,
Радостнее света и нежней мечты,
В ней надежды наши оживут безмерные,
Глаз я поцелую сестры моей — звезды.

Мы бессмертны, мы неведомое любим,
Мира мало, чтоб насытить нас,
Мы все грани и законы переступим, —
Для вселенной бьет последний час.

Пой, товарищ, в этот вечер мира,
К полночи потухнут звезды и цветы,
Маховик к зениту вскинет крылья,
В неизвестность строим мы железные мосты.

<1920–1921>

* * *

Сгорели пустые пространства,
Вечность исчезла, как миг,
Бессмертные странники странствуют,
Каждый все тайны постиг.

Товарищ, нам тесны планеты,
Вселенная нам каземат.
Песни любви и познания спеты —
Дороги за звезды лежат.

Товарищ, построим машины,
Железо в железные руки возьмем,
В цилиндрах мира мы взорвем
И с места вселенную сдвинем.

В глазах наших светятся горны,
В сердце взрывается кровь,
Как топка, душа раскаленная,
Как песня, гудков наших рев.

<1920-1921>

* * *

Тих под пустынею звездною
Странника избранный путь.
В даль, до конца неизвестную,
Белые крылья влекут.

Ясен и кроток в молчании
Взор одинокой звезды...
Братья мои на страдания
В гору идут на кресты.

<1920–1921>

* * *

Далью серебряной в утро росистое
Ходишь потерянный ты без пути.
Раннее небо раскинулось чистое,
Сердцу живому дорог не найти.

Может быть, встретишь в сгорающей дали
Брата родного и душу отдашь...
Долго мы шли и друг друга искали,
Земля голубая — убогий шалаш.

<1920–1921>

* * *

Я поэт разрушающих Вечность времен,
Вождь железных бессмертных племен,
Знаменосец горящих знамен...
Во мне много песку золотого,
Как безумие, разум глубок,
Миллиарды послали вперед вестового —
Ночи навстречу — в звездный поток.
Во мне души живут, шевелятся
Человеческих мертвых пустынь,
Мои сны всей вселенной приснятся,
Я всех девушек сын.
В моем сердце поет человечество,
Аэропланы на небе кричат,
Это не я, а оно во мне мечется —
Чтобы воскреснуть, каждый распят...

<Ноябрь 1921 г.>

* * *

Среди нив, певучих в спелости,
Все шумит, шумит сосна,
На кургане давней древности
Лист бормочет ото сна.

Здесь когда-то, прежде времени,
Море жило в песне волн
И таило в тинной зелени
Утонувший чей-то челн.

<Вторая половина 1921 г.>

* * *

В эти дни земля горячее солнца,
На коленях я, и каждый мне Христос.
Загорелся мир, как сохляя солома,
И никто не знает, где на небо мост.

В сердце человека и любовь, и жалость,
О бессмертии поет великая река,
На песок упала тоненькая веточка,
Матери моей остывшая рука.

В поле закопали люди свое сердце —
Может, рожь поспеет тут и без дождя,
Может, будет лето и воскреснут дети,
И протянет руки нам родная мать.

<Вторая половина 1921 г.>

* * *

Небоверху голубое,
А ночью мне снилась звезда:
Я будто царь и разбойник,
И ты далека и чиста.

Над миром бушуют пожары,
Над сердцем сверкают мечи,
В руке моей скрыты удары,
И солнце от боли кричит...

<Вторая половина 1921 г.>

СКАЗКА

Волга, воды голубые,
Дно — серебряный песок,
Лодок весельные крылья,
Над костром в степи дымок.

С ранней думой сокровенной
Мальчик ждал тут кораблей...
Ветер воду чешет пеной,
Весла машут веселей.

Снятся мальчику на лавке
Сны, один того страшней:
Богатырь в железной шапке
Шаг кладет в сто сажений

И несет в руках царевну
Девоч наших румяней,
Дочь бога, королевну,
Глаз светлей степных огней.

Волга к ночи тихо ляжет,
Загудит зато земля,
Все дороги звезда скажет,
И зашепчутся поля.

Мальчик с думой обручится,
Все узнает и поймет.
Богатырь с царевной снится,
Волга вечером поет.

Годы, птицами со степи,
Навестят и улетят.
Легче жизни нету цепи,
Люди любят и молчат.

Мальчик вырос в атамана,
Сжег деревню, мать-отца
И ушел на лодках рано
У земли искать конца.

Шапку с головою скинул,
Сам оперся на весло,
А царевну в море кинул —
Без нее в душе светло.

<Вторая половина 1921 г.>

НОЧЬ

Лугом стелется дым от сухого костра
В курене рыбака на песчаной мели.
Даль густеет и стынет в молчащих полях,
В блеске мертвом река холодна и востра.
Брызнул искрами свет из небесной щели
И оперся о землю со смертью в очах.

Огонек рыбака в заводине глухой
В угольках своих греет картошки,
И сидит человек над пустынной рекой,
Позабывшись под пение мошки...
Пар с реки по лугам поволокся травой,
Покатился в овраги туманом-волной.

Не шелкает кнутом у деревни пастух,
Он заснул и храпит в прокопченной избе...
В трепетании звезд что-то шепчется вслух
И играет лучами в огнистой резьбе.
Расстилается в сне по земле пряный дух,
Неожиданный вскрик — в отдалении глух.

Лес листвою обвис, сухостоем обмяк,
Сил сосет из взопревшей земли.
Он раскинул далеко зеленый армяк,
Наготу материнства собою прикрыв,
И корявые корни глубоко ушли,
Совершая в страстях диво мира из див...
Перепелки к утру изнывают во ржах,
Рыбы мечут икру на заре в камышах.

<1919, 1921>

* * *

Человек — цветущее растение,
Человек — певучая звезда,
И весь мир есть пение весеннее,
Говорливая вечерняя вода.

По степи уходит тихий странник,
Ветер шумный в облаках шуршит,
Человек родился здесь нечаянно
От звезды тоскующей, от поющей ржи.

Богомолец сердца, странник дальний,
Все миры — лишь ног твоих следы,
Тишина земли есть песня тайная,
Тишина небес есть свет звезды.

<1922>

* * *

В мире тихий ветхий вечер,
Бесконечность замерла.
Пела песни в поле речка,
И звездой земля цвела.

Странник умер очарованный,
На дорогах тишина.
Сердце жалостью разорвано,
И звезда взошла одна.

<1922>

ЛУННЫЙ ГУЛ

Железный трепет электрического века,
Песнь электронов, лунный гул,
Звонящий стон разорванных молекул —
Вселенский бой сопротивленью и огню.

Свет раскаленный моего сознания
Глаза зажег у слепнувшей звезды,
Услышал в мире я глубокое дыхание,
Подземное движение воды.

Веселый белый бред садов весенних,
Далекий звездный звон и лунный гул, —
Певец я, странник и жених вселенной,
Для поцелуя ей я шею перегнул.

<1922>

СТИХИ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУТИ

Заряжено пузо едою —
Неукоснительно и не спеша,
Пропавший пупок блестит чистотою:
Вся кожа в работу пошла.

Еда, брат, огромное дело,
Щами велик человек,
Ешь, чтоб душа не сопрела,
Лопай, давься, животом кукарекай!

Будешь ты в славе и чести,
Если скулу изотрешь,
Сгинешь, как гнида, без вести,
Если планету сию не сожрешь.

Ах, если б нам бы да кабы
Хлебы испечь из звездных зерен —
Хватило б, и то абы-абы, —
Да пузо само бы гнало самогон.

Лечь бы, к примеру, поспаться,
Не сознавать, а сопеть,
Опомнясь, тихо нажраться
И атмосферой воздушной лететь.

<1923>

РАССКАЗ О НЕПАЧОВКЕ *

Вот она — родная Непачовка,
Лупит вшей на улице Игнат:
Не селение разумное, а так — одна мурцовка,
Каждый тебе враг и в то же время сват.
Вон ползет мощой Драбан Иваныч,
Тош (как будто он опоросился),
Враг законной пролетарской рвани,
Подошел ко храму, спрохвала перекрестился.
Вон грядет неспешно, неподвижно
Тварь сухая, как тарань, диакон,
Ставит в супесок стопы крестовоздвижно,
Движет туго телесами с гаком.
Вышла за калитку Пелагей Иванна
(Сзади поглядеть: кошёлка с окомелком),
Позевала (господи, помилуй окаянную!),
Пасть сомкнула, поглядела в улицу пристально и с толком.
Велика, Россия, ты, сурьезна,
Где твоя змеєю свернутая суть?
Жрать в тебе и множиться невозбранно можно,
И везде есте, егда сосцы твои сосуть.

<1923>

---

* Сельцо б. Землянского уезда, Жлобовской волости.

НЕБЕСНАЯ АВИАЦИЯ

Земля сама — воздушный шар
На солнечной веревке,
Внутри клокочет газ и жар
В гранитной упаковке.

Летит — по солнцу чертит тень —
Не слышно и не дышит,
И груз пространств и деревень
Несет и не кольшет.

И воеет, воеет и гнетет
Машина тяготения,
Но прочен трос стальной — не оборвет,
И скорость не скорее времени.

<1923>

* * *

Изобретатели!
Громилы мира!
Работники чудес и путники пустынь.
Какая мать свирепой силой обкормила,
Тебя, осиротелый, одинокий сын!

Ты видишь: не протоптана земля
И океаны в тьме гремят,
Надеждой тайной звезды шелестят
И дух сопротивленью мира рад.

Крепчает тело и кровь густа,
Скрежещет мыслью жаркий мозг,
Пространств пустынных высота
Таит любовь цветов и скорбь ночных дорог.

Какое сердце жизнь вместит,
Какая мысль с дежурства звезды снимет?
Неимоверный случай — жить —
Изобретатель безымянный и незримый.

Урод живет и женщину имеет.
Но скован смертною судьбою,
Кто миром овладеть посмеет,
Изобретатель — мировой разбойник.

<1924>

НЕОКОНЧЕННОЕ

СЧАСТЛИВОЕ ВРЕМЯ

Мы жизнь поставили ребром —
Катися счастья колесо,
Катись не яблочком, ежом —
Закрой штыком
Счастливое лицо.

Оставь на время книгу и жену —
Скупы века на счастье и покой.
Нам задано судьбу
Вкрутую повернуть
Простою человеческой рукой.

Но наши руки просят не войны,
А книгу, микроскоп, мотор.
И легче нам завоевание Луны,
Чем дикий человеческий спор.

Но знаем мы:
Не будет микроскоп
Светить природою нагой,
Не ляжет в поле полный сноп,
Пока мы прочною ногой —

И не одной, а парой ног —
Мир не займем на шесть шестых.
Но сами мы не тронем крох
С дней мира, кратких и простых.

И странно в наше время жить —
Уметь мгновеньем дорожить,
Уметь — винтовкой книгу заложить,
Чтоб встать, пойти
И — просто умереть.

И жизнь несказанно вкусна
С такою солью смерти.
И страстью и душой она напоена —
[И в сердце чувства не измерить!]*

Но влагой станет кипяток,
Прозрачным воздухом остынет буря.
Пока же бури не окончен срок,
Греми красноармейский котелок:
Сорвет война любой листок
Календаря — и им закурит.

И вот —
Через винтовку, газ и самолет
Вернемся мы домой,
К тому, что нас влекло:
Где пахота, машины, мысли полный ход —
Труда и знания чистое стекло.

<1926>

---

* Строка вычеркнута автором; вариант замены отсутствует.

ВОЖДЮ ОППОЗИЦИИ

Ты в лучших чувствах оскорблен:
Тебе одну шестую дали (считая тундры и пески),
Одну шестую мира пространства и тоски,
Где только рожь да лен!..
А где ж металл и механизмы,
Где прочность революции — бетон?
Какие тут в траве социализмы?!
По зипуну не скроишь мировой фасон!..
Ты удручен — и речью пышной
Исходит сердце страстное твое...
Не надобно кричать — и так все слышно,
Тебя любили мы,
Теперь — огнем единства бьем!..
Стерпи, товарищ, не горюй!
Ведь и другое у тебя бывало:
Ты помнишь сказку про березку и кору
И про козу про злую капитала?
Ты говорил: гони березку в рост,
Иначе съест ее коза Европы!..
Березовой стране мы клали в рот*:
Питайся, милая,
Жируй младенческой утробой!
И деревцо росло по малости и силе,
А ты схватил и потащил из почвы:
Расти скорей!..
И тут-то мы завыли:
Брось дерево, бузила!
На дереве живые листья были,
Ты хочешь, чтобы стали клочья?..

---

* Конечно, что имели:

Что за обедом сами ели!

В науке есть ... какой-то камень*.
А в революции — железо есть!
Железо, вот, жуем почти губами —
Приходится десною есть,
Не обеспечены пока зубами!..
Ты думаешь, мужик башку поскреб
И только вошь в ногте осталась?
Смотри! Любая голова (будь в ней хоть медный лоб)
Как бы под тем ногтем
По швам не распаялась!

<1926>

---

* Наверно, ленинский гранит:

Другие ели
И — сытели,
А ты поел —
Живот болит!

ПРО ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Электрический огонь
Светит над кроватью,
Спать не страшно с огнем —
Засыпать сладко.

Не шумит и не коптит,
А молчит и светит —
Без него бы страшно жить
Было нам на свете.

Даже кошка
Машка наша
Вся трясется во тьме
И боится мышей.
Но — зажгите огонек:
У мамыши простоквашу
Всю покушает она
И залезет за мышонком
На высокий потолок.

Да и я боюсь чего-то,
Если свет потушат.
Шепчет кто-то:
— Вот он, вот он!
И бывает жутко.

Если мама ляжет близко —
Я держусь за шею.
Скажет мама:
— Спи, сынишка!
И тепло мне с нею.

Я заметил из окошка,
Что на небе иногда

Загорается немножко
Электричеством звезда.

Вижу я, что лампа наша
Вся на ниточке висит,
Оборвать ее не страшно,
Только папа говорит,
Что без нитки —
Лампа не горит!

Папа мой — не пионер,
А значок на шапке!
Он советский инженер —
Молот на лопатке.

Он машины из железа
Строит целый год.
Но какие — неизвестно.
И домой не принесет.

Я сказал ему однажды:
— Что ты, папа, жадный?
Знак надел — и ходит важный!..
Подари-ка нам машину —
Будем очень рады!
Правда!

Папа мой меня потрогал,
Будто я железный:
— Завтра едем-ка в дорогу,
Станцию посмотришь!
Невелик ты, но полезно:
Вырастешь — построишь!

И поехали мы завтра,
С мамой попрощались.
Взяли шапки, взяли завтрак,
С мамой целовались.

Рыжий шофер очень важен —
Автобусик он ведет.

Ехать быстро очень страшно,
Дядя денежки берет.

По Лубянке к Театралке
Мчится громко автобус.
Нам людей давить не жалко —
По уставу незнакома
Пионерам грусть!

Дом стоит ужасный
И гудит, как жук.
— Вот электростанция, дорогой мой друг! —
Взял меня за руку папа-инженер,
И пошел я в станцию
Смелый пионер.

В комнате высокой Ленина портрет,
А под ним железо страшное мычит.
«Без электростанций — коммунизма нет» —
Ленин, умирая, написал слова,
И теперь железо мертвое кричит:
Значит, сила Ленина — жива!

«Кочегарка —
Посторонним воспрещается входить!»
А вот мы вошли!
Там земля трясется, люди дым едят,
И жара такая — невозможно жить!
Но я очень смелый и я очень рад,
И еще охота
Уголь мне кидать.
Только — не велят!

Вон часы-будильники
Стрелками дрожат —
Так ужасно крепко
Пар в котле зажат.

Кочегары черные
Кормят пламя в рот:
Для машины — пища,
Кочегарам — пот.

Это удивительно —
Трудно как светить!
Нам неизвинительно
В ярком свете жить!

— Ну, пойдем, парнишка,
В наш машинный зал.
Люк не трогай близко —
Свалишься в подвал!

Ну уж там другое —
Чистота и звон.
А главное такое —
Как делают огонь.

Лежат кадушки черные,
Как музыка, поют.
Большие, а проворные,
И много пара жрут!

В одну машину давит пар —
И вертится она!
Упорный черный кочегар
Не зря потеет у огня.

И, тяжело утомлена
(Видать, как дышит и сопит она!),
Машина та крутить спешила
Свою певучую соседку,
Что город электричеством светила.

(Я ничего бы не узнал,
Но папа пионерски метко
Мне все дочиста рассказал.)

— Видал, вожатый и оратор,
Как трудно свет дается нам?
Вон то — турбина, то — динамо,
Все вместе:
Турбогенератор!

Ты слова не забывай!
Запомни то, как медный вал,

Вращаясь меж магнитов,
Живое электричество рождал!
Теперь — по лестнице шагай!

Взобрались наверх —
Круто, жутко,
Трепещет даже сталь!
Какая умная наука!
Зато машинам трудно
И кочегаров жаль!

Здесь — на мосту высоком —
Пред нами мрамор белый,
Проходим с папой боком,
Чтоб током не задело.

Часов и ручек много
На мраморе висят.
Но просят их не трогать,
Чтоб зря не умирать.

— Вот щит-распределитель, —
Папа говорит, —
Здесь каждый измеритель
Выставлен на вид!

Гляди на циферблаты,
И видно — сколько тока:
Считают аппараты
Без всякого порока.

Текут отсюда в город
Тепло, и свет, и сила —
Вон, видишь, вышел провод:
В нем
Электричество поплыло.

Лампочку над книгой
И городской трамвай
Питает провод сытно —
Садись и поезжай

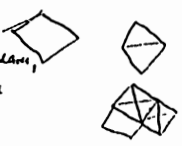
— А вот, и вот в окно,
 На мигах сияния,
 Узлом в порог привода.—
 По нити мигут—
 И свет и сила и тепло—
 Все в твоем окне.
 И в порог электрический
 Вернется вода
 И поится травкой

‡ — Тепло и свет и сила
 Отсюда, по проводам—
 По ~~проводам~~ ~~проводам~~ ~~проводам~~,
 Там/могут светить ламы

отсюда

Могут отсюда в порог
 Тепло и свет и сила—
 Вон, в окно, в окно, в окно;
 В нем электрические лампы

~~И откуда? от этой лампы?~~
 Точка отсюда
 И от

— Там лампы на кухне
 И ~~у нас~~ ~~у нас~~ ~~у нас~~
 И в розетке трава и
 Питаем травой ~~электрические~~
 И всегда
 Сядем
 Сады и поляны!!!
 Дойди к себе на кухню—
 И баста и предельно!

— ~~Завтра утром~~ ~~Завтра утром~~ ~~Завтра утром~~
 — Мобил, ~~Мобил~~ ~~Мобил~~,
 Сидит на даче.
 Вечер из металла
 Все тем же током жжет.
 И ~~вечер~~ ~~вечер~~ ~~вечер~~ ~~вечер~~ ~~вечер~~ ~~вечер~~
 И ~~вечер~~ ~~вечер~~ ~~вечер~~ ~~вечер~~ ~~вечер~~ ~~вечер~~
 И ~~вечер~~ ~~вечер~~ ~~вечер~~ ~~вечер~~ ~~вечер~~ ~~вечер~~

D

Домой к себе на Пресню —
И быстро, и прелестно!

Любой, большой и малый,
Советский наш завод
Вещи из металла
Все тем же током ткет.
И воду током гонит
В дома водопровод.

<1926–1927>

СТИХИ НА СЛУЧАЙ

<МАРИИ>

*

Марии

Предчувствия меня томят,
Душа неслышно говорит.
На небе звезды молчат, молчат,
И в бесконечность мне путь открыт.

*

М.

Вечер и Ты, моя мука и свет,
Вечер — и я, человек и поэт.
Знаю, что в мире радости нет,
Есть безнадежность — кровавый крест.

*

М.

В мире есть чудо — свобода,
Мир — это сердце, мой друг.
В мире есть нежность — природа,
Есть человек — разрушающий дух.

<1921>

* * *

Баю-баю, Машенька,
Тихое сердечко,
Проживешь ты страшненько
И соришь, как свечка...

<1921>

* * *

Солнце — розовый ребенок
Пьет вселенной молоко,
Ржет и скачет жеребенок,
Поле утром далеко.

<1921>

* * *

Жизнь — далекая дорога,
Неустанный путник я.
И у неба голубого
Я любимое дитя.

<1921>

* * *

Тотику-сыну

Наступает Новый годик,
Это значит — вырос Тотик,
Это значит, что зима
Стала старая сама,
Умирать домой пошла.
Пусть уходит — пожила!

<1925–1926>

* * *

Буквы черною печалью
Пишут белые листы.
Жить, идти сердечной далью,
Умереть нечаянно в пути.

Я любил одну невесту,
Верил в мир и в тихую звезду.
Мне дороги были неизвестны,
Шел и думал, что дойду.

<1927>

КОММЕНТАРИИ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АРХИВОХРАНИЛИЩА

- ГАВО* — Государственный архив Воронежской области (Воронеж).
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
РГАЭ — Российский государственный архив экономики (Москва).
СА — Семейный архив — архив М. А. Платоновой (Москва).
ЦДНИ ВО — Центр документации новейшей истории Воронежской области.

ПЕЧАТНЫЕ И АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Вор. ком.* — газ. «Воронежская коммуна». Воронеж, 1920—1926.
Воспоминания — Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии. М., 1994.
ГГ — Платонов А. Голубая глубина. Краснодар, 1922.
ЕШ — Платонов А. Епифанские шлюзы. М., 1927.
Жел. путь — журн. «Железный путь». Воронеж, 1919, 1923.
Живя главной жизнью — ...Живя главной жизнью (А. Платонов в письмах к жене, документах и очерках) // Журн. «Волга». Саратов, 1975, № 9.
Записные книжки — Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии. М., 2000.
Кр. дер. — газ. «Красная деревня». Воронеж, 1920—1921.
Кр. новь — журн. «Красная новь». М., 1921—1942.
Ласунский — Ласунский О. Житель родного города. Воронеж, 1999.
ПД — машинописный сборник стихов «Поющие думы» 1927 г., подготовленный автором.
Страна философов, 1999, 2000, 2003 — «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 3—5. М., 1999—2003.

Субботин — А. Платонов и Государственное издательство РСФСР в 1921—1922 годах. Публикация С. Субботина // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 3. М., 1999.

ИС — Избранные стихотворения, сшитая тетрадь стихов (СА).

Шубин — Шубин Л. Поиск смысла отдельного и общего существования. М., 1989.

В настоящий том вошли произведения А. П. Платонова, создававшиеся в 1918—1927 гг.

Это был ранний и во многом ученический период творчества, время политического и эстетического выбора, поиск собственного пути в литературу и в литературе. Немногие произведения, написанные в эти годы, Платонов позже включил в первую книгу прозы «Епифанские шлюзы», вышедшую в 1927 г. в Москве. Однако к этому времени жизни и творчества Платонов возвращался постоянно. Возвращался в записных книжках 1930-х гг.: «Мое молодое, серьезное (смешное по форме) — останется главным по содержанию навсегда, надолго» (*Записные книжки*, с. 108); «Машины воспитывают людей; экскаватор воспитал меня и др.» (Там же, с. 102). О добытом в юности опыте он не раз признавался в письмах к жене: «Мои идеалы однообразны и постоянны. Я не буду литератором, если буду излагать только свои неизменные идеи» (*СА*, письмо от 26 янв. 1927 г.); «Я не гармоничен и уродлив — но так и дойду до гроба, без всякой измены себе» (*СА*, письмо от 3 авг. 1927 г.). Обращением к собственной юности и жизни родного города, начиная со знаменитых повестей 1927 г. и романа «Чевенгур» (1927—1928), отмечены повести и рассказы 1930—1940-х гг. («Впрок», 1930; «Технический роман», 1931; «Семен», 1936; «Река Потудань», 1936; «Родина электричества», 1940; «Афродита», 1943 и др.). Самыми разнообразными сюжетами и мотивами ранняя лирика и публицистика отзовутся в духовном и жизненном складе героев зрелых произведений писателя — ранний Платонов щедро приоткрывает прототипы ключевых идей своего творчества, позволяет прикоснуться к сфере «страданий новатора» (определение из статьи «Размышления о Маяковском», 1940) — к истокам и обстоятельствам, в которых рождался его «странный» художественный язык, и т. д.

Написанное Платоновым в Воронеже — крайне разнородно и колоссально по объему: стихи, рассказы, рецензии, литературные манифесты, политические передовицы и теоретические эссе, производственные статьи и технические заметки. Здесь прямые философские и политические декларации, «тихие» и «громкие» стихи, натуралистические зарисовки, условные умозрительные сюжеты и романтические фантазии пишутся порой одновременно и словно еще пребывают в доэстетической реальности. Проза явно уступает первенство стихам и статьям по коли-

честву и одновременно многим им обязана, как хранилищу памяти реальной, а не выдуманной истории жизни писателя.

На всем написанном в эти годы лежит печать фрагментарности и одновременно синкретизма. Это гигантский комплексный черновик, своеобразная лаборатория основных мотивов творчества зрелого писателя, плацдарм для интеллектуальных и художественных экспериментов. Это и заметки для себя, реальный путь мысли Платонова — нечто достойное доверия и ценное для познания, своего рода реализм души, помогающий понять путь писателя эпохи революции в большую русскую литературу. Определяющими при выборе структуры настоящего тома стали решения, принятые самим Платоновым в конце 1926 г., а также написанное им в Воронеже в течение 9 лет. Между этими двумя определяющими — очевидное противоречие, которое отражено и в структуре тома, представляющего ранний период творчества писателя. Разнородный характер наследия, а также большой временной охват периода делают необходимым представить реальный путь писателя к принятым им решениям 1926 г. и описать круг представлений, с которыми был связан художественный и мировоззренческий поиск Платонова этих лет.

1

На сегодняшний день воронежский период жизни Платонова, охватываемый настоящим томом «Сочинений», изучен наиболее основательно. Помимо информационных публикаций воронежской прессы и отдельных, достаточно многочисленных, документов архивных фондов тех учреждений Воронежа и Москвы, с которыми Платонов в 1922—1927 гг. был связан по работе в сельском хозяйстве, исследователи располагают несколькими личными делами, значительным количеством анкет и автобиографий. Так, выявлены личные дела Платонова в фондах ЮВЖД, Воронежского университета, Воронежского и Тамбовского губземуправлений, ЦК «Всеработземлес». Анкеты содержатся в личных делах Платонова фондов ЮВЖД, Всеработземлеса и ВГЗУ, кроме того две анкеты и документы автобиографического характера (заявления, написанные в вольной форме) отложились в связи с приемом Платонова в кандидаты ВКП(б) в 1920 г. и попыткой повторного вступления в 1924 г. Все эти многообразные источники биографических сведений дополняют и в ряде случаев корректируют друг друга (Платонов при заполнении анкет чаще всего не стремился к предельной точности), давая возможность наблюдать начало жизненного пути и становление этого необыкновенного писателя.

Андрей Платонов* родился 16 августа (старый стиль, по новому — 28 августа) 1899 г. и был старшим сыном в многодетной семье слесаря Воронежских железнодорожных мастерских Платона Фирсовича Климентова. Учиться мальчик начал в 1906 или 1907 г., в одноклассной (с трехлетним сроком обучения) церковно-приходской школе при кафедральном Троицком соборе г. Воронежа. Затем он подал документы в мужское четырехклассное училище (с 1912 г. именовалось первым высшим начальным училищем). Впоследствии Платонов утверждал, что окончил это училище, ссылаясь при этом на аттестат № 263 от 6 июня 1914 г. (*Ласунский*, с. 46). При заполнении различных анкет Платонов традиционно указывал, что начал работать с тринадцати лет, по найму, однако, самые ранние документы о его трудовой деятельности относятся к концу 1914 г. Осенью 1914 г. Платонов работал конторщиком в губернском отделении столичного страхового общества «Россия»; затем, с января 1915 г., конторщиком при управлении службы пути в Обществе Юго-Восточных железных дорог. В июле 1916 г. Платонов перешел на работу в литейную мастерскую Трубочного завода; время увольнения с завода неизвестно, неизвестно и место последующего трудоустройства. Позднее Платонов опять возвращается в Общество Юго-Восточных железных дорог: в 1917 г., видимо, работает в Воронежских железнодорожных мастерских, весной—осенью 1918 г. служит в Контроле сборов Юго-Восточных железных дорог. Именно к этому времени — лето 1918 г. — относятся первые известные публикации стихов Платонова.

В октябре 1918 г. Платонов решил продолжить свое образование в университете, незадолго до того переехавшем в Воронеж из города Юрьева (совр. Тарту): первоначально он подает заявление на физико-математический факультет, но уже в начале ноября просит о переводе на историко-филологический, слушателем которого является до мая 1919 г. (*Ласунский*, с. 63—65). Кроме того, как указано в личном листке от 9 января 1924 г., с января по июнь 1919 г. Платонов работает помощником секретаря редакции журнала «Железный путь» (*Ласунский*, с. 74). Из университета Платонов перешел в только что открывшийся железнодорожный политехникум, на электротехническое отделение; первые занятия учащихся этого отделения начались в июне 1919 г. В анкетах и автобиографиях Платонова указаны различные даты окончания политех-

---

* Появление псевдонима относится к середине 1918 г.; в официальных документах настоящая фамилия — Климентов — фигурирует по 1919 г. включительно. Помимо основного литературного имени с 1918 г. по 1926 г. Платонов подписывал свои публикации инициалами («А. П.», «А. Пл.», «П.»), а также псевдонимами: Нищий, Коммунист, Еллидифор Баклажанов, Иоганн Пупков, Тюмень, Андре Сакнюссем, крестьянин Баклажанников, Ив. Вогулов.

никума — от 1921 г. до 1924 г. Вероятно, в силу принадлежности к первому набору техникума Платонов должен был попасть в первый же выпуск; сообщение о первом выпуске электротехнического отделения, написанное, как видно по стилю, самим Платоновым, относится к маю 1921 г. (см.: Смена // Газ. «Трудовой клич», 1921, 11 мая, № 50, с. 2).

Весной 1919 г. состоялось знакомство Платонова с Г. З. Литвиным-Молотовым, человеком, которому в дальнейшем суждено было сыграть огромную роль в творческой судьбе писателя. В то время (с 15 февраля 1919 г.) Литвин-Молотов являлся редактором газеты «Воронежская беднота» (впоследствии — «Воронежская коммуна»*), и благодаря его поддержке вхождение Платонова в литературную и журналистскую жизнь Воронежа значительно ускорило. В мае 1919 г. при Воронежском губкоме РКП(б) создается комсожур — коммунистический союз журналистов, комитету которого поручается «ведать всей агитационно-печатной и издательской деятельностью в губернии под общим руководством партии», и Литвин-Молотов назначается в комсожур в качестве представителя от губкома (см.: «Известия»**, 1919, 1 июня, № 119, с. 2). Платонов сразу же становится членом-сотрудником комсожура (Там же) и получает первое поручение по журналистской линии — командировается в губернию — в Новохоперск — в качестве корреспондента газеты.

Очевидно, что в биографии Платонова неизбежно должны были отразиться обстоятельства Гражданской войны, в особенности, захват Воронежа денikinскими войсками осенью 1919 г. и его последующее освобождение (24 окт.). На данное время сведения об участии Платонова в военных событиях уточнены пока что недостаточно. В позднейшей автобиографии от 5 сентября 1942 г. (см.: *Воспоминания*, с. 445), вообще отличающейся неточностью в освещении воронежского периода жизни, Платонов указал, что был мобилизован в Красную армию летом 1919 г., работал несколько месяцев («до осени») помощником машиниста на паровозе для военных перевозок, затем по собственной просьбе был, в качестве рядового стрелка, переведен в железнодорожный отряд Части особого назначения (ЧОН), в составе которого в сентябре 1919 г. участ-

---

* 1919, № 1 (25 окт.) — 1920, № 17 (27 янв.) — орган Воронежского губ. ревкома и губ. бюро РКП(б); 1920, № 18 (28 янв.) — 1928, № 135 (13 июня) — орган Воронежского губкома ВКП(б) и губисполкома Советов. До 10 сентября 1919 г. выходила под названием «Воронежская беднота».

** До 7 сентября 1919 г. — «Известия Воронежского губернского исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов и городского совета рабочих и красноармейских депутатов», впоследствии «Известия Совета обороны Воронежского укрепленного района».

вовал в обороне Воронежа. Между тем, в анкетах первой половины 1920-х гг. на вопросы о военной службе, участии в военных действиях и армейской работе Платонов неизменно отвечал отрицательно, отмечая лишь свою работу военного корреспондента, т. е. выполнение поручений по линии комсомола, см. например, в анкете Всеработземлеса от 7 июня 1926 г.: «в Красной Армии — военный корреспондент газет» (*Страна философов*, 2003, с. 643).

Подобный разрыв, вероятно, вызван необходимостью краткого, но адекватного изложения реалий 1919 г. в несколько иной системе координат 1940-х гг. В ноябре 1918 г. на железных дорогах было введено военное положение, все работники транспорта автоматически считались призванными на военную службу и несли ответственность по законам военного времени, так что факты, изложенные в анкете 1942 г., формально относятся не к службе в Красной армии, а к службе в качестве работника железной дороги, каковым Платонов и являлся хотя бы в качестве учащегося железнодорожного политехникума.

Следующий, 1920 г., отличается наибольшей журналистской активностью Платонова, чему, безусловно, немало поспособствовала неизменная дружеская поддержка Литвина-Молотова, направлявшего и организовывавшего в то время жизнь литературной молодежи Воронежа. Весной (конец марта — начало апреля 1920 г.) Платонов становится действительным членом комсомола, с марта активно публикуется в крестьянской газете «Красная деревня»*, ближе к концу года его публикации появляются уже и на страницах «Воронежской коммуны» (см.: А. Платонов в «Красной деревне» и «Воронежской коммуне» 1920—1921 гг. К атрибуции статей писателя. Публикация Е. Антоновой // *Страна философов*, 1999, с. 463—475). Как указано Платоновым в июльской анкете 1920 г., он работает в железнодорожных мастерских на электростанции ЮВЖД и заведует литературным отделом «Красной деревни».

В июле 1920 г., получив рекомендацию Г. Литвина-Молотова, Платонов подает заявление о вступлении в партию. Судя по резолюции на заполненном Платоновым учетном листке, его должны были принять на общем собрании 21 июля. Фамилия Платонова открывает список «для утверждения в кандидаты РКП(б)», опубликованный в «Воронежской коммуне» 8 августа 1920 г. Первоначально Платонова «прикрепили» к партийной ячейке железнодорожного политехникума, затем, возможно, в связи с близящимся окончанием политехникума, к ячейке От-

---

* Издание Воронежского губкома РКП(б), 1920 (4 марта) — 1921 (6 марта). Далее в 1921 г. вместо «Красной деревни» стала издаваться рабоче-крестьянская газета «Трудовой клич» (8 марта — 15 мая). В конце 1921 г. начато издание «Нашей газеты».

рожских мастерских (см.: Порядок прикрепления к ячейкам I Райкомпарта // *Вор. ком.*, 1920, 1 апр., № 69, с. 4).

Вторая половина 1920 г. ознаменовалась в жизни воронежского комсомола двумя крупными событиями, в которых Платонов принимал самое деятельное участие, — созданием местного отделения союза пролетарских писателей и проведением губернского съезда работников печати. Работа по организации союза пришлась в основном на август—сентябрь 1920 г.; Платонов вошел во временное правление, а в октябре был выбран делегатом на Всероссийский съезд пролетарских писателей, прошедший в Москве с 18 по 21 октября (см.: *Вор. ком.*, 1920, 19 авг., № 186, с. 4; 28 авг., № 193, с. 4; 26 сент., № 216, с. 4; 5 окт., № 222, с. 4). Губернский съезд работников печати, созданный по инициативе Молотова накануне всероссийского, прошел в декабре 1920 г., и на нем Платонов сделал знаменитый доклад об электрификации, легший в основу изданной позднее одноименной брошюры (см. прим. к статье «Электрификация» — наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 362—363).

В январе 1921 г. Г. Литвин-Молотов был отстранен от занимаемых руководящих должностей, а затем переведен на партийную работу в Краснодар, что не могло не сказаться на деятельности воронежского комсомола и интенсивности журналистской работы Платонова. Судя по тематике публикуемых Платоновым статей, он по крайней мере до середины 1921 г. связан по работе с железнодорожными мастерскими. Летом 1921 г., на фоне усиливающегося голода, в работе мастерских возникает ряд проблем, в результате чего они были на какое-то время закрыты (см.: В воронежских мастерских // *Вор. ком.*, 1921, 23 июня, № 135, с. 4). Возможно, именно это и позволило Платонову уделить время на учебу в губернской советско-партийной школе г. Воронежа, в обиходе именуемой губсовпартшколой или комуниверситетом. Подобное решение, вероятно, явилось также и следствием критических настроений Платонова, обостренных впечатлениями от непрекращающейся засухи и ее катастрофических последствий в Поволжье и на юге России. Андрей Платонов вместе со своим младшим братом Петром Климентовым были зачислены в курсанты комуниверситета распоряжением от 29 июня 1921 г. В отличие от большинства курсантов, направлявшихся на учебу целевым назначением, Андрей и Петр были приняты «по личному заявлению» (см. распоряжение о зачислении: *ЦДНИ ВО*, ф. 410, оп. 1, ед. хр. 7, л. 13).

Кризис лета 1921 г., явно отразившийся в статье «Душа человека — неприличное животное» и полемике с коллегой, журналистом Плетневым (см. прим. к статье «Коммунист принадлежит будущему» — наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 373—376), разрешился для Платонова переходом к практической сельскохозяйственной (мелиоративной) работе. Вторая половина года была посвящена пропаганде в местной печати идеи гид-

рофикации и созданию чрезвычайной организации по борьбе с засухой. Такая организация под названием Земчека была создана в январе 1922 г.

Полная поглощенность Платонова кампанией по разворачиванию борьбы с засухой дала закономерные результаты в сфере партийной жизни. Судя по доступным материалам, Платонов никогда не являлся примером партийной дисциплины. Как следует из протокола общего собрания членов и кандидатов 1-го райкома партии г. Воронежа от 14 февраля 1921 г., Платонов, хотя и «по уважительным причинам», не явился на положенную перерегистрацию (*ЦДНИ ВО*, ф. 130, оп. 1, ед. хр. 13, л. 4); значится он и в списке не пришедших на воскресник 27 марта 1921 г. (Там же, ф. 130, оп. 1, ед. хр. 19, л. 1 об.). Некто Платонов, отмеченный среди получивших от общерайонного собрания 1-го Райкомпарта публичный выговор за уход «до окончания собрания 10 мая», скорее всего, тоже Андрей Платонов (см.: *Дисциплину нарушают // Вор. ком.*, 1921, 18 мая, № 106, с. 4). Однако во второй половине года нарушения партийной дисциплины стали, по-видимому, просто вопиющими. 30 октября 1921 г. на заседании комиссии по пересмотру, проверке и очистке личного состава РКП(б), посвященном отчету губсовпартшколы, Платонов был исключен со следующей формулировкой: «...исключить из кандидатов РКП как шаткого и неустойчивого элемента, недисциплинированного члена РКП, манкирующего всякими партийными обязанностями, несмотря на свое развитие сознательно уклоняется» (*Ласунский*, с. 164—165). Комиссия располагала отзывом ячейки губсовпартшколы, пересказанным в протоколе следующим образом: «Отзыв ячейки как об отказывающемся посещать партсобрания, говоря, что я все, мол, знаю» (Там же). Сам Платонов описал сложившуюся ситуацию в своем заявлении о повторном вступлении в партию от 4 февраля 1924 г.: «...с конца 1919 г. по конец 1921 г. (точных дат не помню) я был в партии большевиков, прошел чистку и вышел по своему заявлению, не поладив с ячейкой (вернее, с секретарем ее). В заявлении я указывал, что не считаю себя выбывшим из партии и не перестаю быть марксистом и коммунистом, только не считаю нужным исполнять обязанности посещения собраний, где плохо комментируются статьи “Правды”, ибо я сам их понимаю лучше, считаю более нужной работу по действительному строительству элементов социализма, в виде электрификации, по организации новых форм общежития, собрания же нужно превратить в искреннее постоянное, рабочее и человеческое, общение людей, исповедующих один и тот же взгляд на жизнь, борьбу и работу. Я считаю, что такой поступок мой был отрицательным, я личное счел обязательным для всех, я теперь раскаиваюсь в этом ребяческом шаге и не хочу его ни приуменьшать, ни замалчивать. Я ошибся, но больше ошибаться не буду» (*Ласунский*, с. 211).

Видимо, организационно процесс исключения был отложен не очень хорошо, поскольку Платонов сильно задержался со сдачей кандидатской карточки: в *Вор. ком.* от 26 ноября 1921 г. Платонов (ячейка губсовпартшколы) упомянут в распоряжении комиссии 2-го райкомпарта, предписывающем «отобрать у нижеследующих тт. партбилеты и кандидатские карточки, сдать таковые в комиссию тов. Мережку не позднее 27 ноября с. г.». В силу своей занятости Платонов забросил и занятия в совпартшколе. Распоряжением, датированным 30 декабря, он «ввиду систематического непосещения лекций» с 1 декабря 1921 г. считался исключенным из списка курсантов и снимался со всех видов довольствия (*Ласунский*, с. 163).

Что касается организации по борьбе с засухой, создания которой Платонов добился, она, постоянно им возглавляемая, просуществовала затем под различными названиями — Энергзем, Губкомгидро, отдел гидрофикации Губземуправления, Госмелбюро — вплоть до октября 1923 г. Первоначально эта организация являлась самостоятельной административной единицей, но с марта 1922 г. по финансовым соображениям оказалась включенной в качестве отдела в структуру воронежского Губземуправления. Весной 1923 г. это подразделение выделилось в хозрасчетное мелиоративное бюро (Госмелбюро) при Губземуправлении. В октябре того же года Госмелбюро было ликвидировано, фактически же организация вновь — с сохранением руководства Платонова — вошла в состав Губземуправления, но уже на другом, более высоком административном уровне — в виде подотдела сельскохозяйственных мелиораций. Как раз на этапе административных преобразований, связанных с Госмелбюро, Платонов из руководителя самостоятельной в некотором роде организации сделался губернским мелиоратором, лицом, отвечающим за мелиоративные работы в масштабе губернии. В ходе структурных преобразований в воронежском Губземуправлении Платонов оказался исполняющим обязанности губмелиоратора уже в роли начальника Госмелбюро, официально же он занял должность губмелиоратора лишь по упразднении Госмелбюро. В этой должности Платонов работал вплоть до своего отъезда в Москву в 1926 г.

С начала 1922 г. по август 1924 г. работа организации под руководством Платонова шла приблизительно в одинаковом — крайне неудовлетворительном для Платонова — темпе, определяемом постоянным недостатком финансирования. Несмотря на это, Платонов сумел организовать электроагрономическую лабораторию для ведения исследовательских работ с целью улучшения сельского хозяйства, устроил несколько показательных орошаемых участков, разрабатывал проекты гидроэлектрических станций на реке Воронеж. Летом 1923 г. он официально возглавил комиссию при Губисполкоме по строительству воро-

нежской гидроэлектростанции, проводил изыскательские работы на реках Воронеж и Дон. С конца 1923 г. объектом особого внимания Платонова становится совхоз «Спартак», также под его руководством начато строительство нескольких сельских электростанций. В марте 1924 г. Платонова официально назначают на должность руководителя работ по электрификации губернии. При всем этом он находит время еще и для журналистской и литературной работы и, по свидетельству анкеты, заполненной в марте 1926 г., заведует в 1922—1923 гг. научно-техническим и крестьянским отделами в газетах «Воронежская коммуна» и «Наша газета». Все эти события нашли отражение в статьях Платонова 1922—1924 гг.

В 1924 г. Платонов пытается повторно вступить в РКП(б). Свое заявление в партийную ячейку при Губземотделе он написал 4 февраля 1924 г. Коммунисты Губземотдела были настроены по отношению к Платонову весьма благожелательно, и 22 февраля 1924 г. на заседании бюро ячейки Губземотдела было принято решение «считать возможным» принятие Платонова в ряды РКП(б) кандидатом при том, что прочим претендентам в кандидаты было отказано «согласно постановления XIII партконференции» (*Ласунский*, с. 212). В тот же день решение бюро было подтверждено общим собранием ячейки — «девять голосов подано за утверждение, один воздержался» (*ЦДНИ ВО*, ф. 329, оп. 1, ед. хр. 5, л. 5). Решение ячейки не получило утверждения в вышестоящих инстанциях, о чем свидетельствует помета неизвестного лица на протоколе заседания бюро ячейки: «Информировать. К делу ячейки Губзо. От приема в кандидаты Платонова воздержаться. 5/III—24» (*Ласунский*, с. 212). Тем не менее на собрании 18 июля 1924 г. ячейка Губземотдела сочла возможным настаивать на своем мнении: «Разобрав заявление т. Платонова, постановили подтвердить свое прежнее постановление ячейки от 22/II—24 г. об утверждении т. Платонова в кандидаты РКП(б) — за 5, воздержался 1» (*ЦДНИ ВО*, указ. документ, л. 43). Окончательное решение вопроса, принятое 2-м райкомпартом Воронежа лишь 4 марта 1926 г., было в очередной раз отрицательным, о чем Платонова известили далеко не сразу — в мае того же года.

Между тем, в августе—сентябре 1924 г. привычное течение жизни было нарушено открытием в Воронежской губернии общественно-мелиоративных работ, продолжившихся затем по осень 1925 г. Основной целью этих работ, начатых по распоряжению правительства в двенадцати особенно пострадавших от засухи 1924 г. губерниях России, являлось оказание массовой продовольственной помощи населению. Выделенные правительством денежные средства должны были передаваться голодающим крестьянам не безвозмездно, а в виде платы за участие в мелиоративных работах, состоявших преимущественно в строительст-

ве плотин и рытье колодцев. Естественно, работами требовалось охватить как можно большее количество голодающих, при этом центр достаточно жестко регламентировал сроки освоения поступавших сумм и квоты их распределения (основной объем средств — на оплату труда чернорабочих, минимум — на технический персонал и строительные материалы). В этих непростых условиях, под пристальным контролем Наркомзема Платонову пришлось заниматься самыми различными вопросами — подбором кадров, планированием и проверкой работ, закупкой инструментов, организацией мелиоративных товариществ и т. п. Помимо прочего, в план работ по Воронежской губернии было включено осушение отдельных заболоченных территорий, в частности поймы реки Тихая Сосна, с чего началась долгая история поисков и последующей перестройки необходимого для осушительных работ экскаватора. В ходе общественно-мелиоративных работ была освоена денежная сумма в размере около 2 миллионов рублей, 80% которой в виде зарплаты пошло на продовольственную помощь населению. Как свидетельствуют отчеты, помощь была оказана 41,84% нуждающегося населения (общим числом около 625 000 душ), что составляло 21,5% всего населения губернии.

Закономерно, что в 1924—1926 гг. Платонов, почти полностью посвятивший себя мелиорации, участвует и в нескольких мелиоративных мероприятиях всероссийского масштаба. Как указано в листке ответственного работника от 26 сентября 1924 г., в мае того же года он был на Первом всероссийском гидрологическом съезде (проходил в Ленинграде с 7 по 14 мая), зимой 1925 г. ездил в Саратов на 7-е краевое совещание по общественно-мелиоративным работам (29 января — 3 февраля).

В феврале 1926 г. на Всероссийском съезде мелиораторов Платонов был избран в состав ЦК Союза сельского хозяйства и лесных работ; в мае он увольняется из губземуправления и переезжает вместе с семьей (женой — Марией Александровной и сыном Платоном) в Москву, где его ждет новая работа. На руках у Платонова остается следующий документ, кратко, но красноречиво подводящий итог его трудов за последние три года:

«Удостоверение

Дано предьявителю сего Платонову Андрею Платоновичу в том, что он состоял на службе в Воронежском Губземуправлении в должностях губернского мелиоратора (с 10 мая 1923 г. по 15 мая 1926 г.).

За это время под его непосредственным административно-техническим руководством исполнены в Воронежской губернии следующие работы:

построено 763 пруда, из них 22% с каменными и деревянными водосливами и деревянными водопусками;

построено 315 шахтных колодцев (бетонных, каменных и деревянных);

построено 16 трубчатых колодцев;

осушено 7600 десятин;

орошено (правильным орошением) 30 дес.;

исполнены дорожные работы (мосты, шоссе, дамбы, грунтовые дороги) — и построено 3 сельские электрические силовые установки.

Кроме того, под руководством А. П. Платонова спроектирован и начат постройкой плавучий понтонный экскаватор для механизации регулировочно-осушительных работ.

Тов. Платоновым с 1 августа 1924 г. по 1 апреля 1926 г. проведена кампания общественно-мелиоративных работ в строительной и организационной частях, с объемом работ на сумму около 2 миллион. руб. Под непосредственным же его руководством проведена организация 240 мелиоративных товариществ и организационная подготовка работ по мелиорации и сельскому огнестойкому строительству за счет правительственных ассигнаций и банковых ссуд на восстановление с. х. Воронежской губернии.

А. П. Платонов как общественник и организатор проявил себя с лучшей стороны» (*Живя главной жизнью*, с. 163).

На своей должности в ЦК Всеработземлеса Платонов продержался совсем недолго — до середины июля 1926 г. Пробыв несколько месяцев без работы, Платонов в конце года принимает предложение Наркомзема и в качестве губмелиоратора выезжает в Тамбовскую губернию, откуда возвращается в Москву только в конце марта 1927 г. (подробно о московском и тамбовском периоде жизни речь пойдет в следующем томе).

* * *

Первые известные публикации Платонова и открытые редакционные отзывы на произведения, рассылавшиеся им в различные журналы, относятся ко второй половине 1918 г. 1 июня в воронежском литературном двухнедельнике «Тени» было опубликовано стихотворение Платонова «Юноше»*, 6 июня в журнале Воронежского комитета Союза рабочей молодежи «Юный пролетарий» — «Рабы машин». С началом выхода в Воронеже осенью 1918 г. железнодорожных журналов «Вестник

---

* Здесь и далее заглавия стихотворений приводятся в соответствии с публикацией в настоящем томе. Об изменениях заглавий см. в примечаниях.

воронежского округа путей сообщений» и «Железный путь»* Платонов планомерно повел штурм этих изданий. Одна из первых же попыток оказалась отчасти удачной: во 2-м номере журнала «Железный путь» за 1918 г. был напечатан рассказ «Очередной», в отношении присланных стихов в разделе «Почтовый ящик» автору сообщили: «Стихи не подошли. В них много прелести и чистой поэзии, но ... берите другие темы» (*Жел. путь*, 1918, № 2, 5 окт., с. 24). В первой половине ноября Платонов получил ответ и в «Почтовом ящике» «Вестника...»: рассказ «Овечка» и стихотворение «Путь» не подошли, тем не менее предлагалось присылать свои произведения в дальнейшем и давалась рекомендация писать «из железнодорожной жизни» (1918, № 4, нояб., с. 32). Затем в декабрьском номере «Железного пути» прошло стихотворение Платонова «Поезд», и почти одновременно «Вестник...» сообщил об очередном отказе в публикации; при этом Платонову было замечено: «Не принято посылать одни и те же произведения одновременно в разные издания. Пришлите что-нибудь другое» (1918, № 8, дек., с. 28). Поскольку данный номер «Вестника...» вышел после «Железного пути» со стихотворением «Поезд», можно предположить, что именно оно и было направлено в оба журнала. Следует отметить, что железнодорожными журналами интересовался не только Андрей, но и другие члены его семьи: в одном из ноябрьских номеров «Вестника...» обнаруживается сообщение для Ф. Ф. Климентова о невозможности воспользоваться его предложением открыть в журнале особую страницу математических новинок (1918, № 7, нояб., с. 33). Если предположить, что инициалы, как часто случалось, были воспроизведены с опечаткой, то адресатом сообщения мог являться глава семьи Климентовых — П. Ф. Климентов.

В 1919 г. Платонов продолжает публиковаться с переменным успехом. В январе «Вестник...» отклонил очередное произведение Платонова — стихотворение «Грядущему духу» (1919, № 1, янв., с. 30), и почти одновременно в московском литературно-художественном журнале «Жизнь и творчество русской молодежи»** печатаются стихотворение «Над горами» и эссе «Об искусстве». Поскольку в 1919 г. Платонов являлся сотрудником журнала «Железный путь», его публикации здесь стали достаточно частыми: стихотворения «Вечер после труда» (ян-

---

* Двухнедельный литературно-художественный, общественно-политический и научно-технический журнал Доркпрофсожа и Правления ЮВСЖД.

** Выходил в 1918—1919 гг. как орган анархистской молодежи; всего вышло 35 номеров. Закрыт накануне объявленного, но не состоявшегося 1-го Всероссийского съезда анархистской молодежи — за сотрудничество с левыми эсерами и апологию лидера анархистов Махно (см.: *Тис. Около анархистов // Газ. «Вечерние известия Моссовета», 1919, 19 июня, № 269).*

варь), «Ночь» (февраль), «На реке» (март), «Март» (март), «Вечер душ. Ночь недалека...» (апрель), «Гудок» (май); статья «К начинающим пролетарским поэтам и писателям» (апрель), две заметки в разделе «Библиография» (апрель, май). Вероятно, с начала года Платонов вообще прекратил отправлять свои художественные произведения в «Вестник...», но из ответа в «Почтовом ящике» в № 2 за 1919 г. известно, что он под своей настоящей фамилией — Климентов — запрашивал журнал о возможности «прислать в округ для рассмотрения и отзыва новые изобретения», на что ему был дан положительный ответ. Оба издания — «Вестник...» и «Железный путь» — прекратились после десятых номеров, вышедших, соответственно, в марте и мае 1919 г.

В 1919 г. Платонов, ориентируясь на анонсы периодических изданий, регулярно появлявшиеся на страницах того же «Вестника...», рассылал свои произведения в железнодорожные журналы, имеющие литературно-художественный отдел. Таковыми, в частности, оказались калужский еженедельный «лит.-полит.-хоз.» журнал «Факел железнодорожника» (издание Управления Сызрано-Вяземской ж. д.) и петроградский журнал «Жизнь железнодорожника»*. В апреле «Факел железнодорожника» сообщил Платонову об отказе в опубликовании стихотворения (см. далее прим. к стихотворению «Мы на канатах прём локомотив...», с. 621); в майском номере журнала «Жизнь железнодорожника» было опубликовано стихотворение Платонова «Степь» и следующие рекомендации в «Почтовом ящике»:

«А. Платонову. У вас есть способность, пишете вы гладко, но темы настолько мизерны, что не стоит труда выливать их в рифмы. Судите сами —

Знакомой стороною
Лошадка *путь кладет*,
Покорно предо мною
Костлявый зад трясет.

---

* Выходил в 1917—1919 гг., сначала как «Жизнь Северо-Западных железных дорог», с № 4—5 — «Жизнь железнодорожника. Орган Союза служащих и рабочих Северо-Западных железных дорог». Не исключено, что А. Платонов посылал стихи в журнал сразу после его открытия. В отделе «Почтового ящика» за 1918 г. находятся два ответа, адресованные «Конторщику К. А.», в которых упоминаются отклоненные редакцией стихотворения «Воспоминание» (№ 28—29, с. 34), «Призыв» и «Осень» (№ 32, с. 30). О последних, в частности, сообщалось: «*Конт<орщику> К. А.* “Призыв” не совсем ясен, кто в нем “великий”, кто “безумцы и глупцы”, строящие “вторые Вавилоны”. В “Осени” много неудачных оборотов, вроде: “Сердце *мне* поет и поет”» (Там же).

Такая невоспитанная дама, а вы ее воспеваете в стихах. Проникнитесь важностью нашей исторической эпохи и встаньте в ряды ее певцов. Гач.» («Жизнь железнодорожника», Пг., 1919, № 17—18, с. 18).

Возможно, после прекращения «Железного пути» Платонов попытался завязать более тесное сотрудничество с «Жизнью железнодорожника». Предположительно, какое-то отношение к Платонову может иметь ответ «сотруднику А. П.» («сотрудниками» в данном издании именовались также и авторы присылавшихся произведений) в одном из июльских номеров, посвященный разъяснению вопроса о размерах гонимых, выплачиваемых «постоянным сотрудникам», членам Союза журналистов и «всем остальным». Последним, как объяснял уже знакомый по отзыву член редколлегии Гач., оплата производилась по усмотрению редакции — «в зависимости от степени темы и формы письма» (См.: Там же, 1919, № 26, 13 июля, с. 17).

Дважды — в июне и ноябре 1919 г. — Платонов опубликовал свои стихи («Гудок», «Последний шаг») в литературно-политическом и художественном журнале «Пламя» (издание Петербургского Совета рабочих и красноармейских депутатов).

В 1919 г. на фоне публикаций в центральных и ведомственных (железнодорожных) журналах почти не заметны газетные публикации Платонова: «Песнь» и «Красному Воронежу» (газ. «Известия»), статья «Война и крестьянство» (газ. «Красный воин», издание политотдела юго-восточного фронта — данное издание в настоящее время недоступно), стихотворение «Италии» («Воронежская коммуна»). По всему видно, что Платонов еще не занимает в литературно-журналистских кругах Воронежа какого-то особого места.

Ситуация кардинально меняется с началом выхода газеты «Красная деревня», главным редактором которой сразу же становится Г. Литвин-Молотов. В «Красной деревне» Платонов публикует статьи, многие из написанных к тому времени стихотворений, некоторые рассказы. Также, став заведующим литературным отделом газеты, Платонов дает рекомендации начинающим авторам (преимущественно поэтам), присылающим в газету свои произведения, к примеру, такие:

«Тов. К. Синяеву — Присланное стихотворение “К рабочим” сильнее и лучше прежних. Избегайте пошлых и бледных выражений (“Враг сломлен с позором бежит”). Работайте и шлите еще.

Тов. Михайлову, Новохоперского уезда — Вы написали гладкое, правильное по форме (если формой считать ровный, сдержанный тон и совпадение ударений) стихотворение. Пишите искренней, живыми, крепкими словами, и такие стихи будем рады печатать в газете» (Наша почта // Кр. дер., 29 июля, № 118, с. 2; подпись: А. П.);

«Красноармейцу П. Гусеву — Хотя ваше присланное стихотворение плохо, но вы продолжайте писать, а еще больше — думайте, учитесь и читайте.

Надо различать, товарищ, мысль и форму в стихе: можно написать никуда не годное мертвое стихотворение, но с прекрасной мыслью, и все-таки это не будет поэзией» (Там же, 9 сент., № 152, с. 2; без подписи);

«В. И. Щелькину, Хреновской волости — Из присланных стихотворений много очень хороших по скрытому чувству. Но ваше прекрасное чувство слишком скрыто и в них — в этом большой ваш недостаток. За тусклыми неумелыми словами еле бьется мысль, хотя эта мысль и большая и чистая.

После напряженного внимания только начинаешь понимать вас и любить.

Вам надо пройти сквозь труд овладения языком, чтобы стать певцом деревенского люда.

Ваше сердце и мысль — огромная сила» (Там же, 16 сент., № 158, с. 2; без подписи);

«Сыну человеческому — Стихи “Романс Красного фронта”, “Народный гимн свободе” и “Всем ищущим Бога” напечатаны не будут, несмотря на их искренность и красоту. Ведь все это личное дело и интересует оно немногих. Вглядитесь в русский народ, он ищет своего блага, а в бывшем Боге он блага не нашел и навсегда отошел от него.

Ваше обожествление природы (пантеизм) тоже не решает религиозного вопроса, т. к. люди признали ненужность его для жизни. И избрали гораздо более верный путь — науки и свободной мысли.

В вас же еще работает древнее сердце, мучающееся и ищущее богов» (Там же, 21 сент., № 162, с. 4; без подписи);

«Испытавшему — хотя вы, наверное, пролетарий, но прислали произведение откровенно буржуазное, вскрывающее сущность ушедшего времени.

Скоро мы выйдем на великую с вами борьбу.

Х. М. Свиначеву — Стихотворение вы написали искренно и почти что хорошо. Только как-то по-детски (хотя все дети пишут хорошо). “Туда, где под игом братья германцы носят на спинах тяжелые ранцы”. Это у вас вырвалось искренно, но бессмысленно.

Допризывнику — Тоже очень сильное хорошее чувство, но туманно, не картинно выражено, и стихотворение теряет от этого свою ценность» (Там же, 25 сент., № 165, с. 4; без подписи);

«Тов. В. И. Щелькину — К сожалению, товарищ, присылаемый вами материал не подходит. Пишите о вашей деревне, о ее горе и надеждах.

В ваших стихах много хорошего чувства, но оно совсем не передается. А суть поэзии именно в совершенной передаче себя. Когда вы этого не достигаете, то не достигаете ничего.

А молча все люди поэты» (Там же, 23 нояб., № 212, с. 4; без подписи).

После того как в октябре 1920 г. Литвин-Молотов назначается еще и редактором «Воронежской коммуны», статьи Платонова начинают регулярно появляться и на страницах этой главной губернской газеты (см.: А. Платонов в «Красной деревне» и «Воронежской коммуне» 1920—1921 гг. К атрибуции статей писателя. Публикация Е. Антоновой // *Страна философов*, 1999, с. 463—475).

На общем фоне журналистской деятельности Платонова Г. Литвин-Молотов не забывал подчеркивать его писательский талант. Именно Молотов инициировал первое широкое обсуждение творчества Платонова на литературно-критическом вечере в кафе-клубе воронежских журналистов «Железное перо». Первый такой вечер состоялся 26 июня — как сообщила газета «Воронежская коммуна», на него собралось «человек 40—50 поэтов, беллетристов, критиков и интересующихся литературой» (см.: Литературно-критический вечер // *Вор. ком.*, 1920, 1 июля, № 144, с. 4). После слушания доклада о пролетарском искусстве Г. Литвин-Молотов предложил посвящать последующие вечера «разбору творчества отдельных поэтов и беллетристов», и тут же первое обсуждение решено было посвятить «творчеству рабочего поэта т. Платонова». Обсуждение, привлекшее еще большую аудиторию, состоялось, как и было намечено, 3 июля и отличалось основательностью: стихи Платонова прочел некто «т. Синий» (вероятно, профессиональный чтец), со вступительным словом выступил В. Келлер. В результате оживленной дискуссии многочисленным собранием «было признано, что т. Платонов редкий самородок, обещающий широко развернуться на поприще литературы и искусства», и от имени присутствующих прозвучало пожелание «видеть стихи Платонова напечатанными отдельным сборником» (см.: Боб<ылев>. Литература и искусство. Вечер поэзии рабочего Платонова // Там же, 1920, 9 июля, № 151, с. 3). Следует отметить, что по предложению Г. Литвина-Молотова следующий вечер также решено было посвятить творчеству Платонова, на этот раз — разбору его прозы (см.: Литература и жизнь: Критический вечер // Там же, 1920, 3 июля, № 149, с. 4); однако, сведений о проведении второго обсуждения на данный момент не имеется.

С намеченным сборником стихов Платонова в 1920 г. ничего не вышло, но отсюда начинается отсчет попыток издания книг молодого писателя — стихов, публицистики и прозы. К концу 1920 г. Платонов

собрал первые книги рассказов, стихотворений и статей; в январе 1921 г. предпринимает попытку опубликовать собранное в Москве и направляет в Госиздат предложение об издании, а затем, не дождавшись ответа, и сами сборники: в январе — сборник из 68 стихотворений, в феврале — 10 рассказов, в мае — книгу статей под заглавием «Думы коммуниста». Однако всесоюзный дебют не состоялся. В июне отрицательное решение принимается о поэтической книге, в июле — о «Думах коммуниста», и рукописи вскоре возвращаются Платонову. Тогда же в отделах Госиздата затеряется рукопись книги рассказов, которую так и не вернут автору (см.: *Субботин*, с. 439—462).

В 1921 г., после ухода Литвина-Молотова с редакторских должностей в «Красной деревне» и «Воронежской коммуне», количество статей Платонова в местных газетах ощутимо уменьшается. В первой половине 1921 г. они преимущественно посвящены работе железнодорожных мастерских; во второй половине 1921 г. — в тяжелейший период голода, вызванного засухой в Поволжье и юго-восточных районах России, — Платонов ведет в прессе пропаганду идей гидрофикации и агитацию за создание организации по борьбе с засухой. С 1922 г. предметом публицистики Платонова становится конкретная сельскохозяйственная (мелиоративная) работа. При этом в 1921—1923 гг. Платонов еще имеет в той или иной степени отношение к общественной литературно-журналистской жизни Воронежа и ощутимо привносит в нее одержимость своими профессиональными идеями. Примечательно и то, что теперь он ведет в местных газетах не литературный, а научно-технический и крестьянский разделы.

Несмотря на свою занятость сельским хозяйством, в 1921—1923 гг. Платонов поучаствовал во всех попытках передовой части воронежских литераторов-журналистов (т. е. членов комсомола) наладить издание независимого печатного органа. Заинтересованность в таком органе была обусловлена желанием молодых поэтов и беллетристов обеспечить своим произведениям более активную, нежели на страницах центральных газет Воронежа, публикацию. В этой связи в 1921 г. на свет появилась газета «Огни» — издание воронежского коммунистического союза журналистов, понедельничная литературно-критическая и политическая газета. Однако после выхода трех номеров «Огней» (4 июля—18 июля) — 22 июля на заседании президиума Губкома было принято решение о закрытии газеты (*ЦДНИ ВО*, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 299, л. 26). В августе журналисты подняли вопрос о возобновлении издания (см.: *Вор. ком.*, 1921, 23 авг., № 213, с. 4), но добиться этого им не удалось. Далее, в конце того же года, приблизительно с тем же редакторским и авторским составом, начала выходить ежедневная вечерняя газета Губроста «Искра», прекратившаяся после выпуска семи номеров (19 ноября—1 декабря).

В начале 1922 г., пытаясь в очередной раз переломить ситуацию, журналисты наметили выпуск альманаха «Утренники», в редколлегию которого должен был войти и Платонов. На этот предмет были проведены необходимые переговоры с Губиздатом, первый номер планировалось выпустить уже в марте (см.: *Л. К. Воронежские «Утренники» // Вор. ком.*, 1922, 18 февр., № 39, с. 4), но и это начинание не осуществилось. Вместо «Утренников» в июле—сентябре 1922 г. вышло две книги сборника «Зори (литература, искусство, политика, жизнь и спорт)». В феврале 1923 г. начался выпуск еженедельной общественно-сатирической газеты коллектива журналистов «Пестрая ватага» «Репейник», прекратившейся после выхода десяти номеров (11 февр.— 29 апр.). Судя по тому, что Платонов не только печатал в «Репейнике» свои произведения, но и участвовал в написании редакционных статей, характер этого издания более-менее его удовлетворял.

История публикаций Платонова в 1920 — начале 1924 гг. охватывает еще несколько, помимо уже перечисленных, провинциальных периодических изданий. Три рецензии Платонова напечатаны в «Советском строителе» — журнале, единственный номер которого вышел в Воронеже весной 1920 г. под редакцией Литвина-Молотова; две статьи — в еженедельнике Воронежского губернского и городского комитетов РКСМ «Призыв». Можно заметить, что Платонов публиковался либо в заведомо «своих» органах печати, либо откликаясь в некоторых случаях на личные просьбы. В 1920 г. по просьбе Н. Задонского Платонов дает свои произведения для выходящих в Задонске газеты «Свободный пахарь» и альманаха «Красный луч». В 1922 г., в период издательской подготовки «Голубой глубины», стихотворения и рассказ Платонова публикуются в организованном все тем же Литвиным-Молотовым ежемесячнике Кубано-Черноморского областного комитета РКП(б) — «Путь коммунизма». В августе 1922 г. Платонов поучаствовал в еженедельнике художественного подотдела Воронежского губполитпросвета «Искусство и театр», выходявшем при участии его приятеля Г. Малюченко. Однако это сотрудничество прекратилось после единственной публикации, несмотря на то, что в содержании следующих намеренных к выпуску номеров (№№ 3—4) были заявлены стихи Платонова и его статья «Искусство Шпенгера» (очевидно, «Искусство Шпенглера»). Вероятнее всего, Платонову не понравилось общее направление этого издания. Толчок к разрыву могла дать и отрицательная рецензия Н. Олега на №№ 1—2 данного журнала, в постскрипуме которой задавался недоуменный вопрос: «...как это тт. Келлер и А. Платонов пришли к такому журналу?» (*Вор. ком.*, 1922, 10 авг., № 179, с. 5). Примечательно, что летом 1923 г. Платонов в открытом письме весьма опреде-

ленно выразил свое нежелание участвовать и в другом, только еще задумывавшемся Малюченко, журнале: «В Воронеже некоторые из бывших моих товарищей (Цейдлер и Малюченко) собираются издавать журнал, куда я зачислен без моего ведома ответственным работником. Мне сейчас такими пустяками заниматься некогда, и я работать в этом журнале не буду и не собирался» (Там же, 1923, 7 июня, № 121, с. 4). В 1923 — начале 1924 г. Платонов эпизодически печатался в возобновленном журнале «Железный путь».

Не будет ошибкой утверждать, что Платонов к своему переезду в столицу уже имел определенную известность в московских литературных кругах. В ходе организации воронежского отделения союза пролетарских писателей с середины 1920 г. у Платонова налаживаются устойчивые связи с «Кузницей». Установлено, что рассказ «Маркун», написанный Платоновым в конце августа 1920 г., был практически сразу отослан в «Кузницу» и уже 16 сентября обсуждался на редколлегии журнала (см. далее прим. к рассказу «Маркун», с. 573—574). Помимо этого рассказа в 1920—1921 гг. Платонов предлагал «Кузнице» статьи «Об искусстве», «Искусство пролетария», «Дарвин», «Пролетарская поэзия» и рассказ «Мария». В конечном итоге опубликованы были лишь «Маркун» и «Пролетарская поэзия», но известно, что редколлегия журнала оставалась заинтересованной в получении материалов от Платонова. Контакты Платонова с «Кузницей» не ограничились участием во Всероссийском съезде пролетарских писателей в октябре 1920 г. и продолжавшейся перепиской. Так, например, в какой-то из своих приездов в Москву в период с сентября 1922 г. по июль 1923 г. Платонов читал в «Кузнице» свои рассказы (см.: По организациям и кружкам // Газ. «Известия», 1923, 8 июля, № 151, с. 6).

Во второй половине 1923 г., в очередной раз оказавшись в Москве, Платонов встречался с А. Воронским, в результате чего по одному стихотворению Платонова было напечатано в журнале «Прожектор» и альманахе «Наши дни» (упоминание о состоявшемся разговоре см. в письме Воронскому от 27 июля 1926 г.: РГАЛИ, ф. 1677, оп. 2, ед. хр. 1, л. 1). Приблизительно в то же время, благодаря каким-то уже налаженным в Москве контактам, Платонов попадает в круг авторов журнала «Октябрь мысли» и получает от его редакции заказ на литературные рецензии (см. прим. к рецензиям 1924 г. — наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 429—438). В середине 1924 г. Платонов участвует в литературном конкурсе журнала «Красная нива» и занимает в нем одно из первых мест со своим рассказом «Бучило».

Вторая половина 1924 — первая половина 1926 гг. с точки зрения возможности публиковаться становится для Платонова, можно сказать, самым «глухим» временем. В 1924 г. из-за перевода правления издатель-

ства «Буревестник» из Краснодара в Ростов-на-Дону Платонов на какое-то время потерял связь с Литвиным-Молотовым. Затем контакт был восстановлен, однако, неизвестно, произошло это до или уже после перевода Литвина-Молотова в Москву в мае 1925 г. О настроениях Платонова летом 1924 г. свидетельствует его письмо Литвину-Молотову от 5 июля, в котором, в частности, говорилось: «Несколько раз (в двух, кажется, письмах) я предлагал Вам свой труд, находясь обремененным нуждой и полубезработицей. <...> Я повторяю содержание прежних писем и говорю вам: не сможете ли вы предложить мне постоянную службу или литературную работу в издательстве, т. к. меня работать в литературе тянет, а в Воронеже работать мне негде (нет ни одного издания, кроме газеты) и я работаю сейчас кое-что, а не литературу. Напишите мне — есть ли у вас работа или нет и пр.» (Цит. по: *Веленгурин Н. Друг и наставник // Газ. «Вольная Кубань», Краснодар, 1992, 19 нояб., № 119, с. 4).*

На первый взгляд, текст этого письма как будто вступает в противоречие со сделанным Платоновым несколько позднее (в автобиографии от 29 сентября 1924 г.) заявлением о невозможности для него после засухи 1921 г. заниматься «созерцательным делом — литературой». Но, безусловно, Платонов не покривил душой ни в том, ни в другом случае, поскольку явно ощущал свое литературное дарование как нечто органически и неотъемлемо ему присущее. Понимание этого мы обнаруживаем в высказываниях самого писателя, донесенных до нас его современниками: «Интересен взгляд Платонова на поэзию. “Она,— заявил он,— такая же потребность человеческая, такое же жизненное отправление, как и потение, т. е. самое обычное. В силу этого каждый человек — поэт”» (*Боб<ылев>. Вечер поэзии рабочего Платонова // Указ. изд.*); «И вот Платонов совсем по-иному относится к поэзии. Он как-то сказал: “Поэзия — это вроде потенья”. А другой раз сравнил ее с еще менее красивым физиологическим отправлением. И только он один был вправе сказать такие слова, оттого что только для него поэзия — не рукоделие, а другое; его лирика воистину естественное отправление, какое-то органическое продолжение его проникновенного слитного с миром существа» (*Келлер В. Андрей Платонов // Журн. «Зори», 1922, № 1; опубл.: Воспоминания, с. 160).*

Приблизительно та же мысль звучит и в письме Платонова к А. Воронскому, написанном в июле 1926 г. В этом письме Платонов признается, что в его нынешней ситуации («в Москве и без работы») отчасти «повинна страсть к размышлению и сочинительству» и, сообщая о построенных им плотинах, электростанциях, работах по осушению и орошению, добавляет: «Но пишу и думаю я еще более по количеству и еще более давно по времени, и это мое основное и телесное».

Творчество Платонова естественно включено в общелитературную жизнь. Как и у многих прозаиков двадцатых годов, первые литературные опыты Платонова связаны со стихами. Сам он признавался не раз, что писать начал рано: «Лет 10—12 я начал писать стихи и думать надо всем» (Автобиография, авг. 1920 г. // *Ласунский*, с. 155); «Некоторые из этих стихов я писал в детстве под влиянием старых поэтов и в них мало пролетарского, но все-таки прошу их не выбрасывать» (письмо в Госиздат от 7 февр. 1921 г. // *Субботин*, с. 440); «Стихи я начал писать с 12—13 лет» (Автобиография, 1924 // *Иноземцева Э.* Платонов в Воронеже // Журн. «Подъем». Воронеж, 1971, № 2, с. 97—98); «Я издавал в 1922 году рассказы, тогда же и еще ранее писал и печатал стихи, написанные еще в полудетском возрасте...» (Из выступления на творческом вечере в феврале 1932 г. // *Воспоминания*, с. 295). Автор предисловия к первой поэтической книге Платонова «Голубая глубина» (1922) Г. З. Литвин-Молотов также сделал акцент на дореволюционном происхождении лирики Платонова: «В сборник включены главным образом стихи, написанные автором 8—10 лет назад, т. е. в ранней юности» (*ГГ*, с. VII). Об этом же свидетельствовали и вспоминающие. Так, друг детства М. В. Щеглов рассказывал в 1970-е гг., что в последних классах училища (т. е. в 1914 г.) Андрей читал ему первые написанные стихи (*Ласунский*, с. 71). Это же время (1914 или 1915 г.) называла Мария Александровна, рассказывая Л. Шубину о том, что Андрей посылал стихи в один из петербургских журналов: «Стихи не опубликовали, но в письме редактора мальчику были сказаны теплые ободряющие слова о том, что у него Богом данный талант и что ему необходимо продолжать писать» (*Шубин*, с. 106). К сожалению, документальных подтверждений эта информация пока не имеет. Не сохранились и дореволюционные автографы стихов, о которых идет речь. Более поздние автографы стихотворений относятся к 1918—1920 гг., и конечно, можно предположить, что они представляют авторский список с не дошедших до нас юношеских рукописей. Поэтический мир этих стихотворений действительно восходит к миру «детской родины» — миру, которым Платонов всегда и особо дорожил, а также к «старым поэтам». Это стихи о платонической любви и служении миру, о вечной романтическо-символистской «тоске» по утраченному «небу» и о первом открытии тайны смерти, зарисовки из жизни слободы и т. п. В юношеских опытах самовыражения узнаются интонации, темы и поэтические приемы Кольцова, Никитина, Фета, Некрасова, Бальмонта, Блока, Брюсова, Сологуба, Есенина и т. д. Революция стала тем событием, которое, безусловно, изменило русло первых литературных опытов юного Платонова.

Издательская политика в первые революционные годы менялась стремительно, старые «буржуазные» издания закрывались, а сохранившиеся вынуждены были менять редакционную политику. Главная ставка делалась прежде всего на новые издания. Революции были нужны иные песни и темы, новые писатели и, конечно, «укрепление существующей власти» — эти задачи формулировались и в статье, которой открывался воронежский журнал «Железный путь»: «Создается новая, пролетарская культура. Создаются целые штаты работников по образованию рабочих масс. В каждом городе создаются “Пролеткульты”. Наше дело движется. Мы разрушаем старую буржуазную культуру и создаем новую. К этой постройке мы призываем все живые силы железнодорожного пролетариата, будь то рабочий или служащий,— он найдет себе доступ к нашей пролетарской культуре и займет в возводимой постройке свое место. “Не боги горшки обжигают”, говорит старая пословица, и не боги строят дворцы и паровозы, эти гиганты, божественной силы и красоты — прибавим мы. Не боги и мы. Но с вашей помощью, товарищи пролетарии, создастся новая пролетарская культура, а чтобы она скорее пронизала все поры человечества, помогайте нам: пишите, рисуйте, чертите...» (*Жел. путь*, 1918, № 1, с. 2). В Воронеже, по неизвестным причинам, в 1918—1919 гг. так и не был создан губернский Пролеткульт, и литературный отдел железнодорожного журнала отчасти представлял интересы Всероссийского Пролеткульта. Не случайно в список своих сотрудников редколлегии журнала включила известных пролетарских поэтов и организаторов пролеткультовского движения М. Герасимова и Вл. Кириллова. В числе сотрудников журнала во втором номере назван Андрей Платонов. Молодой Платонов искренне откликнулся на призыв к «живым силам железнодорожного пролетариата», готов был к работе и освоению новых тем. Так, в том же втором номере журнала «Железный путь» публикуется его заводской рассказ «Очередной», рассказ автобиографический и одновременно свидетельствующий, что Платонов знаком с темами и сюжетами пролетарской прозы 1910-х гг. (А. Серафимович, Н. Ляшко, С. Семенов, М. Волков) и способен быстро их освоить. Однако не пролетарская проза становится предметом его интереса, а главное в культурной жизни пореволюционного времени литературное направление — Пролеткульт и предлагаемая им философия, эстетика и лирика. В апрельском номере «Железный путь» печатает рецензию Платонова на сборник Орловского Пролеткульта, но главное — предоставляет ему трибуну для выступления с программной статьей-манифестом о пролетарской культуре («К начинающим пролетарским поэтам и писателям»). Голос Платонова звучал «определенно, продуманно и убежденно» (*Шубин*, с. 93): он не только излагал общие «пролетарские» идеи, но и звал к образованию губернского Пролеткульта.

О пролеткультовской составляющей творчества раннего Платонова писали практически все биографы и исследователи Платонова, правда, чаще всего лишь касательно, что определялось общей негативной оценкой Пролеткульта, а также общекультурным и общегуманистическим контекстом представлений о «восстании» и «творчестве массы», о формах ее участия в культурной жизни XX в. Эта традиция оставалась неизменной уже в критике 1920-х гг. самых разных, прямо противоположных политических и эстетических установок.

Платоновский герой-пролетарий, с его особым, ни на кого в литературе XX в. не похожим переживанием собственной «пролетарской» судьбы, убежден, что «пролетарием, как и русским, надо родиться» (повесть «Строители страны», 1927 // *СА*, рукопись романа «Чевенгур», л. 196). «...рабочий класс — это моя родина, и мое будущее связано с пролетариатом» (*Воспоминания*, с. 279) — это признание Горькому в письме 1931 г. не было и для самого Платонова лишь красивым образом. Скорее, это самая филигранная метафора того самого трудного для художника XX в. обретения, которое А. Блок называл «чувством пути», «наличностью пути» и его «ритмом» (статья «Душа писателя», 1909). Серьезное отношение молодого (да и зрелого) Платонова к «восстанию» и «творчеству масс» обуславливает необходимость подробной характеристики феномена Пролеткульта. При этом образный космос написанного Платоновым в эти годы на «пролетарские» темы столь синкретичен, что реальный комментарий к отдельному произведению заставлял бы дублировать одну и ту же информацию к стихотворению, статье и рассказу. Более того, последовательность трансформации той или иной идеи в разных художественных формах не всегда очевидна. К тому же никаких точных документированных данных о том, как реально осваивался Платоновым философский и литературный контекст революционного времени, мы не имеем. Многие идеи, образы и метафоры витали в воздухе эпохи, и Платонов зачастую осваивал их не по первоисточнику.

В литературной жизни советской России 1918 и 1919 гг. были временем торжества Пролеткульта. В Москве проходит Первая всероссийская конференция Пролеткульта, приветствие которой направляет глава нового государства В. И. Ленин. Конференция принимает общую резолюцию, в которой сказано, что задачей Пролеткульта является «выработка Пролетарской Культуры, которая, с уничтожением в обществе классового деления, станет общечеловеческой», и что «строительство этой новой культуры должно базироваться на общественном труде и товарищеском сотрудничестве» (журн. «Горн»: Издание московского Пролеткульта, 1918, № 1, с. 30). С призывом к рабочим принять активное участие в создании собственной художественной литературы, суще-

ственно отличной от бывшей буржуазной, обращаются центральные органы Пролеткульта: «Старый, одряхлевший Мир переживает небывалую трагедию. Буржуазная культура разлагается, как труп. Кругом торжественно звучат колокола Социалистической Революции. Нарождается Мир новый. Великий Художник — Пролетариат творит новую культуру. Отвлеченную грезу всей вселенной, красоту человеческой жизни, он воплощает в реальную форму. С любовью и верой мы смотрим в грядущее — оно несет нам освобождение тела, души и мысли; оно несет нам неисчерпаемое творчество народных масс. И пусть основанная на рабстве, собственности и грабеже буржуазная культура озлобленно, иступленными криками и клеветой встречает приход Великого Художника. Мы теснее и крепче сплотим свои ряды, мы восторженно взлелеем и соберем все цветы пролетарского творчества. <...> Мы знаем, что на нашем пути ошибки — неизбежны, но, совершенствуясь и развиваясь, путем коллективной поддержки, мы выйдем на солнечный путь пролетарского творчества. Товарищи, пролетарские писатели и художники! Мы зовем вас под знамя Грядущего» (От редакции // Журн. «Грядущее», Пг., 1918, № 1, с. 3)*.

Идейно Пролеткульт аккумулировал самые разные течения русской философии и литературы начала века, соединил в эстетической практике явления, дотоле пребывавшие на разных этапах культурного сознания и исторической жизни: социальный идеализм и космизм — с крайним анархизмом, эстетический интерес поэзии и прозы начала века к метафизике зла — с апофеозом разрушительных сил, философский «апофеоз беспочвенности» — с политическими лозунгами революции, марксизмом и крайним богоборчеством, апокалиптические ожидания и предчувствия культуры рубежа веков — с эстетическим нигилизмом, напоминавшим о «мыслящем пролетариате», «разрушении эстетики» Д. Писарева и его же тезисе «абсолютной красоты нет» (знаменитые статьи Писарева 1860-х гг.) и т. д. Закономерно, что, наследуя идеи жизнестроительства символистов и жизнестроения футуристов, Пролеткульт шел дальше. Он не хотел быть только литературой («словом») и литературным движением — в его программах значились *все* сферы общественной и массовой жизни пролетариата: рабочие университеты и театры; пролетарская наука; воспитание пролетарской женщины; организация Детского Пролеткульта, выпуск новых журналов для детей и создание новых детских песен и книг; формирование пролетарской эстрады (массовыми тиражами издаются прежде всего гимны революции, а в студиях проводятся уроки пения революционных песен); обучение пролетариев

---

* Здесь и далее в манифестах и стихотворениях пролетарских писателей сохраняется предлагаемое ими использование прописной буквы.

эсперанто — языку, способному объединить пролетариев всех стран (повсеместное открытие кружков по изучению эсперанто); в пролетарских клубах разрабатываются сценарии новых пролетарских обрядов и праздников и т. д. На страницах пролеткультовских изданий из номера в номер читателям объяснялось, как следует понимать смысл произошедшего исторического перелома: «На место собственности вводится коммунизм. Роскошь сменяется простотой жизни! Нац. вражда — любовью. Ритуалы уничтожены, и сама религия отменяется. На место бога ставится человек — человек-труженик» (*Безсалько П.* К вопросу о понимании пролетарской культуры // Журн. «Грядущее», Пг., 1918, № 3, с. 2).

Идеями Пролеткульта были захвачены не только молодые пролетарские писатели. В эти годы лекции для рабочих в Пролеткульте читают А. Белый, В. Брюсов, Вяч. Иванов, Н. Гумилев, В. Ходасевич, С. Волконский и т. д. В занятиях студии Пролеткульта принимает участие С. Есенин: он один из авторов коллективного сценария «Зовущие зори» (соавторы: М. Герасимов, Н. Павлович, С. Клычков), «Кантаты» (соавторы: М. Герасимов, С. Клычков); откликается рецензиями на пролеткультовские издания; подписывает заявление группы крестьянских писателей об образовании крестьянской секции при московском Пролеткульте и т. п. Письмо А. Луначарскому с размышлениями о пролетарской культуре и с предложением проекта организации Института Коллективного творчества отправляет Ф. Сологуб (опубл., см.: *Коржихина Т. П.* Извольте быть благонадежны. М., 1997, с. 42—43). Пролеткульт привлекал демократической ориентацией, культом «дела» и тем, что выступал выразителем интересов поколения «детей» нового века.

По всей России в эти годы разворачивается массовое пролетарское движение: повсеместно в губернских и уездных городах открываются студии Пролеткульта (в Москве и Петрограде — это Дворцы Пролетарской культуры), организуются «трудовые литературные кружки», призванные, не больше не меньше, как создавать «новую, молодую, бодрую цивилизацию, новую культуру нового человечества» (Ко всем пишущим и читающим // Журн. «Жизнь железнодорожника», Пг., 1918, № 30, с. 30). Пролетарские студии центральных городов, губернских и даже уездных печатают персональные и коллективные сборники стихов, главными темами которых стали революция, завод, пролетариат. Вот лишь некоторые из вышедших поэтических книг Пролеткульта: «Завод огнекрылый» (М.: Издание московского Пролеткульта, 1918); С. Малашкин. «Мускуль» (М.: Издание «Красного Дома», 1918. Книга с пометами Платонова хранится в СА); И. Садофьев. «Динамо-стихи» (Пг.: Пролеткульт, 1918); М. Герасимов. «Завод Весенний» (М.: Издание литературно-издательского отдела московского Пролеткульта, 1919); «Взмахи» (Сборники саратовского Пролеткульта. Саратов, 1919, 1920); «Паляль-

ник» (Смоленск: Издание литературной студии Пролеткульта, 1920); Александр Рабочий. «Гудки» (Вятка: Издание вятского губернского комитета РКСМ, 1920); «Молот» (Литературный сборник тульских пролетарских писателей и поэтов. Тула, 1921); «Осень багряная» (Сборник литературного отдела заводского пролеткульта Первых Тульских оружейных заводов. Тула, 1921); «Майские зори» (Сборник литературной студии пензенского Пролеткульта. Пенза, 1921); «Тройка» (Смоленск: Издание Губпролеткульта, 1921) и т. д. Массовое пролетарское литературное движение захватывает и соседние с Воронежской губернии. В ноябре 1918 г. начинает выходить журнал тамбовского губернского Пролеткульта «Грядущая культура», на страницах которого обсуждаются «животрепещущие» вопросы: что такое коллективное творчество (*Асний З.* О литературных студиях Пролеткультов // Журн. «Грядущая культура», 1918, № 2, с. 18—19), почему не следует пускать интеллигенцию «дальше технической подготовки наших грядущих поэтов и писателей» (Клубень с буржуазного Парнаса — в Пролеткульт // Там же, 1919, № 3, с. 17) и почему в деле создания искусства будущего пролетарские писатели не могут объединиться даже с крестьянскими: «И поэзия, и изобразительные искусства ближайшего будущего будут всецело искусством города, вместившего “в свой затвор достаточно труда, и света нового, и сил багряных”, чтобы убить “дух полей, мирный дух Бога”, и стать плавильным тиглем нового мира. Мощное биение городской жизни, ее стремительный ритм, гул улиц, “товарищи, любящие — тысячами”, красные зори первых восстаний трудящихся и их первые победы,— вот намечающиеся мотивы нового искусства. И уже эти мотивы определяют новое восприятие жизни и новую форму этого искусства» (*Рубинштейн М.* Искусство будущего // Там же, с. 19). В декабре заявил о себе Орловский Пролеткульт, о масштабе деятельности которого с восхищением писали центральные журналы: организована секция искусства речи и секция журналистики, планируется открытие Пролетарской консерватории, создана «Библиотека Пролеткульта» — с «десятками тысяч томов» (Пролетарские культурно-просветительские организации в провинции // Журн. «Пролетарская культура», 1919, № 6, с. 32). Платонов откликнется на разворачивающиеся в соседних губерниях события и посвятит орловскому «Красному утру» восторженную рецензию.

С молниеносной быстротой осваивает Платонов главные темы и сюжеты пролетарской поэзии. «Книгу Алексея Гастева необходимо прочесть каждому рабочему, интересующемуся расцветом пролетарской литературы», — указывал журнал «Грядущее», сообщая о выходе главной книги Гастева «Поэзия рабочего удара» (К «Башне» А. Гастева // Журн. «Грядущее», 1918, № 2, с. 15). Платонов уже в апреле публикует собственную «Песнь», явно написанную под влиянием ритмизованной

прозы Гастева. Гастевские глобальные метафоры-темы старой, «убогой мастерской» («Мы когда-то работали в убогих мастерских») и нового завода, осененного песнями гудков, этого «утреннего гимна единству», не могли не заворожить молодого Платонова, выросшего в рабочей семье и с детства, как он признавался, полюбившего заводской гудок. Заводу, воплощающему мировое творческое начало, пролетарские поэты посвятили сотни романтических стихотворений: «У станка» и «В заводе» И. Садофьева, «На заводе» и «Кузнец» И. Ионова, «Песня кузницы» Н. Рыбацкого, «Завод» С. Обрадовича, «Машинный рай» А. Самобытника, «В литейной» М. Рубинштейна, «Песня о молоте» П. Арского и т. д. Пролеткультовцы обожествляли машину, технику и завод: «Мы любим электрические провода, железную дорогу, аэропланы — ведь это наши мышцы, наши руки, наши нервы; — мы любим заводы — это узлы нашей мысли, наших чувств. Это железная голова коллектива, это голова нового Спаса» (*Безсалько П. О поэзии крестьянской и пролетарской // Журн. «Грядущее», 1918, № 7, с. 13*). В стихах приход на завод описывался, как посвящение, а сам завод — как храм: «Листы стальные, как иконы, // Сияют в золотых огнях»; «Обвенчан факелом завода»; «Крещен в купели чугуна», «Домны озаренный лик» (М. Герасимов). Все кажется прозрачно ясным и убедительным: завод — могила трудящихся, инквизиторская вековечная пытка пролетарского тела. Но это — в прошлом, мятеж против которого осеняется пафосом подлинного процесса производства, верой рабочих масс в собственные силы и столь же непоколебимой уверенностью в том, что высшей силы нет: «Мы не будем рваться в эти жалкие выси, которые зовутся небом. Небо — создание праздных, лежачих, ленивых и робких людей. Ринемтесь вниз! Вместе с огнем, и металлом, и газом, и паром нароем шахт, пробурием величайшие в мире туннели, взрывами газа опустошим в недрах земли непробитые страшные толщи. <...> Сам мир будет новой машиной» (А. Гастев); «Мы свергаем, строим, ищем... // Путь в Грядущем, впереди — // Бесконечней, шире, чище, // Ярче Млечного пути. <...> Только нам одним понятны // Жизни Цель и жизни Смысл» (И. Садофьев); «Мы все возьмем, // Мы все познаем, // Пронизаем глубину до дна», «Зарей крылатою оде- ты // Мы в небо дерзостно взлетим, // Громокипящую кометой // Прорежем Млечные пути» (М. Герасимов). Призыв к разрушению буржуазной культуры и строительству на «темных могилах» (А. Поморский) новой мировой пролетарской культуры, пролетарской Вавилонской башни, являлся еще одной постоянной темой пролетарских поэтов. Надо строить «башню рабочих усилий» (А. Гастев), надо строить «Рабочий Дворец» (А. Поморский), «родной машинный рай» (А. Самобытник). Сюжеты этого грандиозного строительства — титаничны и апокалиптичны, исполнены уверенности, что зло демнурга-пролетария обращено к

созиданию, ибо грядущее чаемое будущее почти уже наступило: «Вот мой храм, где молось солнцу новых владык» (И. Ерошин); «Гнетущих лет наследье сжигаем творческим огнем, // Узорные, светлые зданья Грядущего строим»; «Убийства, ненависть, страданья прекратились, // Земля — Единства, Братства и Довольства Дом» (И. Садофьев); «Смелее, товарищ, не бойся кошмара — // И кто бы ты ни был, за нами иди // И, если ты веришь, в восходы ты веришь, // То камень в основу клади // <...> Из смеха и слез изнуренных сердец — // Мы, гордые, строим — мы, гордые, строим, // Мы строим Рабочий Дворец» (А. Поморский); «Празднует победу над страшным драконом // Новый многоликий Победоносец Григорий» (И. Садофьев); «Не мы ли были в Иудее, // Когда любви учил Христос?» (М. Герасимов); «Над нами реет Святая Пролетарская Троица: // Отец — бессмертный Маркс, сын — великий Ленин // И дух — Коммуна в знаменах узрится» (И. Садофьев) и т. д. Смешение религиозных символов с тем, что изначально чуждо и далеко от них, — одна из примет сознания революционной эпохи. У поэтов Пролеткульта библейская символика и религиозная патетика используются чаще всего для прямой морализации и буквальной «канонизации» новых героев и тем — «новое религиозное сознание», о котором так много говорилось в 1910-е гг., явило себя почти в чистой форме: созданный образный пролеткультовский космос, если и напоминал о христианской традиции, то лишь как о знании детства, глобально деформированном нигилизмом.

Платонов следит за поэтическими сборниками М. Герасимова, В. Казина, В. Кириллова, И. Садофьева, В. Александровского и в его стихах появляются грандиозные планетарно-космические символы пролетарских поэтов, ставшие программными метафорами (новое солнце, человечество, Млечный путь, братство, труд, масса, коммуна, молот, гудки, грядущее, завод), и главный герой — пролетариат. Он же у пролетарских поэтов — «Всемирный наш Товарищ» (И. Садофьев), «Железный Мессия» и «Мы» (заглавия стихотворений В. Кириллова). Героическое Мы — универсально и символично, ибо за ним вся мировая культура, которая наконец-то нашла своего верного и реального последователя: «Нет меры гордому дерзанию: // Мы — Вагнер, Винчи, Тициан. // <...> В кристаллах мрамора Анжело // И все, чем дивен был Парнас, // Не то ли творческое пело, // Что током пробегало в нас? // <...> Не мы ли были в Иудее, // Когда любви учил Христос? // Мы клали камни Парфенона // И исполинских пирамид, // <...> Мы все возьмем, мы все познаем, // Прорежем неба бирюзу» («Мы» М. Герасимова)*. Платонов столь

---

* Цитаты даны по следующим изданиям: *Гастев А.* Поэзия рабочего удара. Пг., 1918; *Садофьев И.* Динамо-стихи. Пг., 1918; *Он же.* Именины пролетарской революции // Журн. «Красный милиционер», 1920, № 14, с. 6; *Герасимов М.* За-

же яростно поет гимны знанию, науке, сознанию и труду, способным осуществить вселенскую онтологическую революцию, столь же патетически, как и поэты-пролеткультовцы, и вслед за ними слагает гимны символу грядущей жизни — заводу, машине, коллективу и пролетарию, впитавшему «силу машины, кровь и сок металла» (А. Гастев), одичски славит бездну, которую только и мог полюбить этот новый герой. Платонов освоит культивируемые в среде поэтов-пролеткультовцев жанры новой пролетарской обрядности — «праздничного» стихотворения и эпитафии, стихотворения на смерть великих деятелей пролетарской революции. Образцов было много. «Праздничные» стихи в основном писались к двум праздникам нового революционного календаря — годовщине революции и Дню Интернационала (1 мая): «Первомайский гимн» В. Кириллова, «Праздник Мая» П. Арского, «Май» Я. Бердникова, «Первое Мая» И. Груздева, «Именины Пролетарской Революции» И. Садофьева и т. д. Убийство В. Володарского (1918) послужило началом «красного террора», основные идеи которого воплощены в коллективном сборнике поэтов-пролеткультовцев «Венок коммунаров» (1918) и персональных книгах, циклах и стихотворениях: «Похороны Трибуна (Памяти Володарского)» А. Поморского, «В. Володарский» В. Князева, «Венки скорби и надежды (Памяти Володарского)» А. Крайского, «Венок», «Памятник Володарскому» И. Садофьева.

Платонов в стихах перепел почти все главные темы поэтов-пролеткультовцев. Повторяя, варьируя и развивая дальше (и вглубь) новые символы «восстания масс», он зачастую лишал культовые гиперболы их романтического ореола. Апофеоз коллективному человечеству мог завершиться умозаключением с однозначной характеристикой нового героя — «На царство сядет царь убогий — // Ни ты, ни я, а — мы» («Мысль»); революционная экзатика смениться тихим признанием: «Душа убита — и жизни нету...» («Напор») и т. д. Правда, у раннего Платонов подобные финалы — никак не завершение темы; казалось бы, окончательно поверженная пролетарская тема (сюжет, мотив) вновь появляется в стихах в романтическом своем статусе и заново переживается и развивается и т. д.

Платонов всегда писал лирические стихи, никак не связанные с революционной современностью. Встреча же в конце 1920 г. с красавицей Марией Кашинцевой была пережита молодым поэтом как космическое событие его жизни и вылилась естественно в новые, отнюдь не пролеткультовские стихи. В пролеткультовской лирике любовных стихов в эти годы практически не было, а сама же пролетарская София чаще всего

вод весенний. М., 1919; *Кириллов В.* Железный Мессия. М., 1921; *Поморский А.* Цветы восстания. Пб., 1919.

пребывала на баррикадах мировых революционных сражений. Ответы на вопрос, почему «рабочий-поэт» Платонов пишет стихи, никак не связанные с современностью, давали в те годы активные участники воронежской литературной жизни и самые близкие свидетели поэтического самоопределения Платонова. Разброс в ответах был невелик. Главным определением, пожалуй, стало слово «искренность». Примечательно, что эту характеристику трижды повторит Литвин-Молотов, рекомендуя Платонова в члены РКП(б): «Лучшим обоснованием его мировоззрения служат его (искренние все) статьи и стихотворения, какие через меня, как редактора газеты, прошли. Платонов искренен в своих писаниях — искренен он и в данном случае, вступая в нашу партийную организацию...» (*Ласунский*, с. 157). Об искренности говорилось и на поэтическом вечере Платонова в июле 1920 г. Тогда же было сказано и о «двойственности» рабочего поэта. Литвин-Молотов давал социологическое объяснение появлению идиллических сельских стихов Платонова: «Деревня не усвоила великого переворота. В силу этого и писать о ней пролетарскому поэту, в особенности же рабочему Андрею Платонову, нечего, да и не стоит» (*Боб<ылев>*. Литература и искусство. Вечер поэзии рабочего Платонова // Указ. изд.). Келлер, один из самых близких друзей Платонова этих лет, полемично настаивал на значительности и «естественности» всех стихов Платонова: «...безразличию природы поэт противопоставляет свои человеческие желания и мысли, в стихах революционных с особой отчетливостью сказывается, что поэт — член коллектива, сын своего класса, участник общего дела» (Там же). Однако вскоре Келлер скорректирует предложенную им концепцию. В статье «Андрей Платонов», опубликованной в первом номере журнала «Зори» за 1922 г. и ставшей по сути дела первым литературным портретом писателя, В. Келлер отдаст предпочтение именно «лирическим» стихам Платонова: «Как поэт пролетарский и революционный, он, по-моему, не так уж выделяется. О заводе, о революции Гастев, Александровский и другие писали, конечно, не хуже, часто и лучше, чем он. <...> главное достоинство Платонова — его близость к земле, к зеленому миру и глубокая органичность его стихов. Это теперь нужнее всего. Об этом тоскует, умирая, обветшалая наша культура» (*Воспоминания*, с. 161). Однако Платонов не внял совету друга и не оставил пролетарскую метафизику — ни в стихах, ни в статьях. Не послушался он и Литвина-Молотова, советовавшего «пролетарскому поэту» вообще не писать на «деревенские» темы.

О том, что сам Платонов важное значение придавал обоим направлениям своей лирики, свидетельствует его участие в коллективных изданиях воронежских поэтов. Коллективный сборник стихотворений («Стихи». Воронеж, 1921) выйдет как издание комсомола уже на излете

эпохи Пролеткульта. Сборник явно ориентирован на тип изданий центральной «Библиотеки Пролеткульта». В пролеткультовских коллективных и персональных сборниках принципиальным было разграничение «пролетарских» и собственно «лирических» стихов (последним неизменно отводилось место лишь в конце книги), а также выделение тематических разделов. Так, программный сборник «Трибуна Пролеткульта» (1921) разделен на 4 части: «Революция», «Красная Битва», «Труд», «Лирика». Подобная тематическая структура предложена и в первом воронежском сборнике. В небольшой книжке (всего 48 страниц) стихи распределены по 6 тематическим разделам: I — «Октябрь»; II — «Красная Армия»; III — «Наши дни»; IV — «Труд»; V — «Грядущее»; VI — «Жизнь». В сборнике дублировался весь набор пролеткультовских заглавий и риторических формул: «Пасха труда» (Б. Бобылев), «Фабричный гуд» (Б. Дерптский), «Песня о красном труде», «Наш храм — завод, кадила — горны...» (Б. Ирисов) и т. п. Неплохо были представлены и стихи Платонова: патетическое «Вселенной» (3-й раздел) и 4 стихотворения в заключительном разделе «Жизнь». В последнем — именно лирические, словно бы подтверждающая синонимичность «жизни» и «лирики»: «Дорога утром», «Тою ночью, тою ночью...», «Белый свет» и «Лесная говорушка». В рецензии на этот сборник Г. Плетнев отметил: «Удивительно нежны, красивы, поэтичны лирические стихи Андрея Платонова: “Белый свет”, “Дорога утром”, “Лесная говорушка” и “Тою ночью”. В них — леса бредут по ветру, махают гривой, солнце землю пьет, махает мельница руками: поют колосья, никнут нивы, дороги без краев, невидимые странники с котомкой на горбу...» («Молодые побеги» // *Вор. ком.*, 1921, 18 дек., № 285, с. 3). Симптоматично также, что в большом списке авторов заявленного в феврале 1922 г., но не вышедшего альманаха «Утренники» названы не только именитые московские пролетарские поэты и прозаики (М. Герасимов, В. Александровский, В. Кириллов, М. Волков, Н. Ляшко), но и С. Есенин. Кто из воронежских поэтов был инициатором включения в число авторов Есенина, остается неизвестным.

Опыт, пусть и не совсем результативный, участия Платонова в коллективных пролетарских издательских акциях сказался в том, как им была составлена книга «Голубая глубина». В книге представлены «пролетарские» и «лирические» стихотворения, и они разнесены, как и в «Библиотеке Пролеткульта», по разделам. В первый раздел включены тематические стихи на современные темы, а в два других — не имеющие жесткой тематической прикрепленности. Литвин-Молотов, советовавший «пролетарскому поэту» вообще не писать на «деревенские» темы, считал, очевидно, необходимым в предисловии объяснить крайнюю разнородность состава книги и непропорциональность представления

«пролетарских» и «лирических» стихотворений. Просто ограничиться ссылкой на «раннюю юность», явно подсказанной самим автором, он не мог. Литвин откажется от собственной жесткой социологической оценки 1920 г. и предложит историческую, в целом выдержанную в традициях марксистской критики, которая еще в 1910-е гг. именно «крестьянской наследственностью» (Л. Клейнборт) объясняла двойственность в новой крестьянско-пролетарской литературе:

«Платонов — плоть от плоти и кровь от крови не только своего слесаря-отца, но и вообще русского рабочего. У него — как и у этого молодого гиганта, познавшего коллектив, машину, производство, но еще не порвавшего с деревней, не освободившегося от “тяги к земле”, — два перепева: фабричного гудка, потной работы, мускульной отваги, коллективного творчества, мощи Нового Города, с одной стороны, и поля, степи, голубой глубины, ржаных колосьев, “Мани с Усмани” и большой дороги со странником Фомой — с другой. Эти два главных мотива резко разграничивают поэзию Платонова.

Двойственность эта в нем, как и в русском рабочем вообще, не случайная, а историческая: Новый Город, фабрика еще не всецело завладели им, и тоска по деревне, от которой давным-давно были оторваны его предки, — эта тоска отцовская, наследственная» (ГГ, с. V).

Неизвестно, на каком этапе — сразу или уже в ходе подготовки книги — возникло ее откровенно символистское заглавие: образ «голубой глубины» не встречается ни в одном из стихотворений. Литвин интерпретировал заглавие («перепев») прежде всего в ближайшем поэтическом контексте начала 1920-х гг. — «голубой Руси» С. Есенина; ср: «Все мы — яблони и вишни // Голубого сада» (1917); «Я покинул родимый дом, // Голубую оставил Русь...» (1918); «О Боже, Боже, эта глубь — // Твой голубой живот» (1919); «Душа грустит о небесах // <...> О, если б прорасти глазами, // Как эти листья, в глубину» (1919); «На тропу голубого поля // Скоро выйдет железный гость...» (1920) и т. д. В поэзии первых десятилетий XX в. заглавный для книги Платонова образ «голубой глубины» не прочитывался как откровенно оригинальный. Он уже обрел устойчивое мифотворческое содержание у символистов, указуя на сферу «реальнейшего» — того недостижимого идеала, к постижению которого всегда устремлен поэт-теург; «небесную», идеальную окраску образ «голубой глубины» сохранял в поэзии 1910-х — начала 1920-х гг.: «Я искал голубую дорогу // И кричал, оглушенный людьми...» (А. Блок, 1902); «Встала в сияньи. Крестила детей. // И дети увидели радостный сон. // <...> Коля проснулся. Радостно вздохнул, // Голубому сну еще раз наяву...» (А. Блок, 1903); «И закроется в сердце глубокая алая рана. // И утонет душа в Белизне, в глубине голубой» (К. Бальмонт, 1904); «Небо, носящее имя Сварога, // Бездна верховная, глубь голубая»

(К. Бальмонт, 1906); «О, есть неповторимые слова, // <...> Неистошима только синева // Небесная и милосердье Бога» (А. Ахматова, 1916); «Отцветет соломенный сад // И чугунные губы выпьют // Глаз голубое вино. // Свисти, сентябрьский листопад, // Над голубую глубиной» (М. Герасимов, 1921); «Красное знамя, весть о пролетариате, // <...> Плещет в голубые провалы вероятия» (В. Брюсов, 1922) и т. д. (Об источниках заглавия книги «Голубая глубина» см. в статьях М. Гах и В. Ивлева: *Страна философов*, 2000, с. 450—451; *Страна философов*, 2003, с. 492—500.)

Не исключено, что, прося Платонова прислать автобиографию и материалы к предисловию, Литвин надеялся, что сам автор как-то выскажется о составе книги и смысле ее заглавия. В предисловие редактора включено два текста Платонова. Один из них — это уже опубликованный ответ Платонова 1920 г. критикам; прямого отношения к стихам «Голубой глубины» данный текст не только не имел («Ответ редакции “Трудовой армии” по поводу моего рассказа “Чульдик и Епишка”»), но, главное, — не имеет. Другой платоновский текст в предисловии представлен Литвиным как «письмо» автора книги в редакцию издательства. Лишь с большой натяжкой его можно отнести к жанру собственно письма (буквально — то, что прислано в редакцию). Это, практически, и есть та автобиография, которую просил редактор и которая могла бы открыть «Голубую глубину». Кажется, Литвина не все устраивало в том, как самому автору виделся его путь в пролетарскую литературу, в том числе — смутность определений Платонова. К сожалению, автограф «письма»-автобиографии пока не обнаружен, отточия же в публикуемом тексте могут свидетельствовать и о редакторских купюрах. В этой, по сути дела, второй сегодня известной автобиографии, Платонов несколько по-иному расставил акценты и предложил существенные уточнения. Первая писалась при вступлении в партию — год 1920. Здесь же автобиография написана для поэтической книги и рассчитана, прежде всего, на диалог с читателем, да и с критиком:

«Я родился в слободе Ямской, при самом Воронеже. Уже десять лет тому назад Ямская чуть отличалась от деревни. Деревню же я до слез любил, не видя ее до 12 лет. В Ямской были плетни, огороды, лопуховые пустыри, не дома, а хаты, куры, сапожники и много мужиков на Задонской большой дороге. Колокол “Чугунной” церкви был всею музыкой слободы, его умирительно слушали в тихие летние вечера старухи, нищие и я. А по праздникам (мало-мальски большим) устраивались свирепые драки Ямской с Чижевкой или Троицкой (тоже пригородные слободы). Бились до смерти, до буйного экстаза, только орали: “дай духу!”. Это значит, кому-нибудь дали под сердце, в печенку, и он трепетал, белый и умирающий, и вокруг него расступались, чтобы дать ход ветру и прохладе. И опять шла драка, жмокающее месиво мяса.

Потом наступило для меня время ученья — отдали меня в церковно-приходскую школу. Была там учительница — Аполлинария Николаевна, я ее никогда не забуду, потому что я через нее узнал, что есть пропетая сердцем сказка про Человека, родимого “всякому дыханию”, траве и зверю, а не властвующего бога, чуждого буйной зеленой земле, отделенной от неба бесконечностью... Потом я учился в городском училище. Потом началась работа. Работал я во многих местах, у многих хозяев. У нас семья была одно время в 10 человек, а я старший сын — один работник, кроме отца. Отец же, слесарь, не мог кормить такую орду.

Я забыл сказать, что кроме поля, деревни, матери и колокольного звона, я любил еще (и чем больше живу, тем больше люблю) паровозы, машины, ноющий гудок и потную работу. Я уже тогда понял, что все делается, а не само родится, и долго думал, что и детей где-то делают под большим гудком, а не мать из живота вынимает.

Между лопухом, побирушкой, полевой песней и электричеством, паровозом и гудком, содрогаящим землю, — есть связь, родство, на тех и других одно родимое пятно. Какое — не знаю до сих пор, но знаю, жалостный пахарь завтра же сядет на пятиосный паровоз и будет так орудовать регулятором, таким хозяином стоять, что его не узнать. Рост травы и вихрь пара требуют равных механиков.

И теперь исполняется моя долгая упорная детская мечта — стать самому таким человеком, от мысли и руки которого волнуется и работает весь мир ради меня и ради всех людей, и из всех людей — я каждого знаю, с каждым спаяно мое сердце.

Теперь исполняется эта мечта. Человек каменный, еле зеленеющий мир превращает в чудо и свободу. Мир становится призраком, а человек постоянством и твердой ценностью» (ГГ, с. V—VI).

С такой простотой Платонов, пожалуй, больше никогда не объяснялся. Душа поэта, словно не ведая об окружающем, объединяет в общем символе неведомого великого эпоса огромные реальности — детскую веру и современность, религиозный свет веры и свет ГОЭЛРО, христианскую «песнь» любви и «песни» заводских гудков, объединяет, словно не ведая о катастрофичности окружающего его мира, где между тихим голосом веры-любви и современностью пролегла бездна. Это один из немногих дошедших до нас документов, где Платоновым слегка приоткрыта собственная лаборатория, названы главные составляющие по сути дела масштабного задания по объединению нескольких «миров», пребывающих доселе в разъединенности, и обозначены некоторые контуры выбранной идеи пути — отношение «потомка» как к прошлому, так и живой современности. К 1922 г., когда это писалось, идея творческого объединения «пролетарских» и «крестьянских» поэтов — объединения не организационного, а именно в творчестве новой

культуры — уже давно осталась в быстро забываемой эпохе Пролеткульта, когда С. Есенин и Н. Клюев печатались в коллективных пролеткультовских сборниках, а на страницах журналов Пролеткульта даже мелькали дискуссии на эту тему. О «бесплодии» пролеткультовского образного космоса не раз к этому времени скажут Есенин и Клюев. Да и ведущие лирики Пролеткульта к этому времени тоже ушли от космических мечтаний революционной эпохи. То, что Платонов помнит о крестьянско-пролеткультовском гибриде, кажется даже неестественным геройством, некой литературной игрой. Однако настойчивость по поводу одного «родимого пятна», включая элемент литературной полемики, не превращает полемику в тему, словно та же простота отменяет смысл самой дискуссии. Думается, что предлагаемая «идея» осознавалась пока лишь как задание, задание трудное, но необходимое.

Своеобразие этого задания Платонова-поэта оценил в 1923 г., пожалуй, лишь В. Брюсов, который вел в журнале «Печать и революция» собственную рубрику «Среди книг» и рецензировал новые поэтические книги. Имеются веские основания привести полный текст отзыва Брюсова.

«Андрей Платонов — рабочий, сын слесаря и сам долго работал на заводе. Предисловие к книге добавляет, что теперь автору 23 года, но большинство напечатанных стихотворений написано лет 8—10 назад. Если принять эти условия, считать, что стихи написаны 13—15-летним юношей и до Революции,— они очень хороши. А. Платонов пишет старыми ритмами, нередко не выдерживая размера; порой А. Платонов сбивается на шаблон и часто кончает прекрасно начатые стихотворения слабо и бледно; чувствуется у А. Платонова и явное влияние поэтов, которых он читал, даже прямые подражания им. При всем том у него — богатая фантазия, смелый язык и свой подход к темам. В своей первой книге А. Платонов — настоящий поэт, еще неопытный, еще неумелый, но уже своеобразный. Вместе с тем он, в своем еще ограниченном кругозоре, в своей еще ограниченной технике, уже разнообразен. Вот — попытка быть “классическим”, стихи “Италии”:

На морях из льющихся алмазов
Дышит в солнце пальмами земля,
И вершины гор из дымных газов
Растопила золотая мгла.

Вот — изображение города:

Не сгорает город огненный
Весь в страдании торжественном.

Из машин стальных бьют молнии,
Вышли трубы грозным шествием.

Вот — обращение к “звездным товарищам”:

На земле, на птице электрической,
Солнце мы задумали догнать и погасить.
Манит нас неведомый океан космический,
Мы из звезд таинственных будем мысли лить.

Вот — еще несколько образов:

По морю, по морю земли
Храпят табуны лошадей.
Гонят в ущелья петли
Безумное стадо людей.

Мы испуганные жили, и рожали, и любили,
Но мы создали машину, оживили раз железо...
...И мы встали на работу, к регулятору динамо,
Позабыли вечность, звезды, что не с нами и не мы.

В душе моей движутся толпы...
Их топот, их радостный топот,
Как камней сползающих грохот,
Без меры, без края, без счета,
Строят неведомый город,—
Выше, страшнее, где тайна и голод,—
Камень на камень, город на город.

Будет очень грустно, если все это окажется лишь — “пленной мысли раздраженье”, и такие прекрасные обещания не дадут достойных осуществлений» (*Брюсов В. Среди книг // Журн. «Печать и революция», 1923, № 6 (окт.—нояб.), с. 69—70.*)

Из 40 рецензируемых в данном обзоре поэтических книг лишь двум поэтам Брюсов посвятил отдельные очерки: О. Мандельштаму, анализом книги которого открывается обзор, и А. Платонову, заключающему обзор. Примечательно, что авторитетный рецензент не процитировал ни одного стихотворения второго и третьего разделов «Голубой глубины», никак не комментирует очевидный для мэтра символизма смысл

заглавия книги (лишь указание на подражание). При этом, цитируя из книги лишь стихотворения первого — пролетарского — раздела, Брюсов ни разу не обмолвился о современном литературном контексте. Этому контексту — книгам поэтов «Кузницы», вышедшим в 1922—1923 гг., Брюсов посвятит отдельную статью в следующем номере журнала. Платонов, думается, читал не только отзыв Брюсова о собственной книге, но и заглянул в обещанный рецензентом уже в 6 номере (после собственно очерка о Платонове) отдельный обзор книг «Кузницы» (Там же, с. 70). То, что Брюсов связывал «достойные осуществления» молодого поэта Платонова с углублением именно «пролетарской» тематики, видно из его анализа книг бывших ведущих поэтов Пролеткульта (И. Филиппченко, М. Герасимова, В. Александровского, Г. Санникова, С. Обрадовича, С. Родова). Характеристика, данная Брюсовым поэтическим книгам «Кузницы», была довольно проникательной. Вопреки уже установившемуся мнению, Брюсов главный просчет поэтов «Кузницы» видел в том, что они не развивают, а эксплуатируют литературные принципы Пролеткульта, и тем самым превращаются в сугубо литературную школу. Это вело, по мнению именитого рецензента — одного из самых блистательных исследователей поэтических школ в русской и мировой поэзии, — к шаблону поэтического языка и к полному отрыву от реальной жизни. О последнем просчете бывших пролеткультовцев Брюсов сказал с особой жесткостью, сделав акцент на этической стороне отношений пролетарских поэтов и массовой пролетарской жизни: «Верные своей программе, поэты “Кузницы” постоянно говорят о пролетариате, о рабочем, о революции. Но подлинно ли они выражают миросозерцание пролетариата? <...> Подлинно ли они изображают революцию или только говорят о ней? Еще важнее то, что пролетариат и революция — силы живые, а не смотрят ли на них поэты “Кузницы”, как на некие каменные монументы, в которых не может измениться ни одна черта, дабы не нарушилась традиция “школы”?» (*Брюсов В. Среди стихов // Журн. «Печать и революция», 1923, № 7, с. 83*). В этих риторических вопросах звучал ответ, который, думается, и позволил Брюсову разглядеть в «Голубой глубине» то, чего не было у именитых пролетарских поэтов. Не случайно из предисловия Литвина-Молотова Брюсов взял биографические детали, связанные с «рабочей» биографией Платонова. К тому времени, когда появился отклик Брюсова на «Голубую глубину», Платонов находился на тяжелых производственных работах, и мало кому были доступны глубинные основы его миросозерцания и представлений о пролетарской литературе. В этом смысле — отзыв Брюсова конца 1923 г. многого стоит. Платонов помнил об отзыве Брюсова. К 1934 г. у Платонова будет уже немало именитых рецензентов. Однако заполняя в 1934 г. в бланке заявления о приеме в Союз писа-

телей графу «Критические отзывы и где напечатаны», он назовет только одно имя — В. Брюсов (см.: *Платонов А. Технический роман*. М., 1991, с. 39).

В 1926 г., готовя новую книгу и во многом итожа воронежский «поэтический» период, Платонов откажется от характерных для пролеткультовских поэтических книг тематических разделов, но не от самих пролетарских стихов, однако теперь они будут не открывать, а скорее — заключать сборник, причем не по принципу хронологии, а, скорее, развития его собственной главной лирической темы.

* * *

Большое место в творческом наследии раннего Платонова занимают статьи. Они разнообразны по темам и жанрам: эстетические этюды о пролетарской культуре, партийная публицистика, актуальные критические выступления, рецензии, политические портреты вождей революции Ленина, Троцкого и Луначарского, специальные производственные и инженерные статьи, памфлеты, сообщения и сводки об организации производственных работ в уездах губернии, исторические и философские очерки и т. д. «Я искал возможности быть политическим писателем. Я стремился, чтобы была наиболее эффективная и полезная работа», — признается Платонов на вечере 1932 г. (*Воспоминания*, с. 300). Формула «политического писателя» точно характеризует не только собственно политическую публицистику, которой было отдано много времени и сил, но и в целом позицию раннего Платонова. Кажется, нет ни одного политического события современности, на которое он бы не откликнулся: сводки с фронтов Гражданской войны, международная политика, выступления партийных лидеров, партийные и профсоюзные дискуссии, решения съездов партии и Коминтерна, важнейшие народнохозяйственные планы и постановления и т. п. В публицистической работе совершался процесс самообразования, овладения информацией, происходило формирование некоторых существенных компонентов социальных и философских убеждений Платонова, прежде всего в понимании смысла истории. «Платонов — рабочий, молодой пролетарий, но не только пролетарий по принадлежности к определенному классу — он пролетарий по духу, интеллигентный пролетарий. Платонов знает в основном Маркса, ибо читал его», — писал Литвин-Молотов в августе 1920 г., рекомендуя «рабочего — поэта и философа» в члены РКП(б) (*Ласунский*, с. 157).

Как и лирика, ранняя публицистика Платонова отмечена непрерывным и сложным движением различных глобальных идей, замыслов,

тем, сочетанием критицизма и веры, реализма и утопичности, радикальной революционности и столь же радикального консерватизма — сочетаниями, которыми всегда отмечаются великие переломные эпохи. В политических статьях и политических передовицах, которые он пишет по долгу журналиста, Платонов не только пересказывал центральные газеты, но и додумывал лозунги и идеи текущей современности. Политическая тенденция уже с первых публицистических выступлений Платонова соединялась с его интересом к общефилософским вопросам. И обратное: интерес к исканиям русской и европейской философской мысли сопровождался стремлением преодолеть их литературность, вывести метафизику в область реальной жизни, объединить метафизическое и действительное. Интеллектуальный контекст, в котором оттачивалось критическое и публицистическое перо Платонова, крайне разнороден и пестр.

Первые десятилетия XX в. — время исключительного расцвета русской философской и эстетической мысли, философских дискуссий, деклараций и обещающих дебютов. Не был чужд философским вопросам и круг воронежских пролетарских писателей. В 1920—1922 гг. интеллектуальные дискуссии в клубе «Железное перо» и Доме Советов сменяли одна другую, а темы были разнообразны и экзотичны: судьба женщины при коммунизме, взаимоотношение полов в прежней «буржуазной» и новой пролетарской культуре, коммунизм и анархизм, интеллектуальная революция и общественные идеалы и т. п. Платонов участвовал практически во всех дискуссиях, выступления его были дерзкими и патетичными, а статьи перегружены экзальтированной философской символикой и риторикой, прямолинейными ответами и лаконичными в смысловой напряженности формулами сложнейших вопросов жизни и культуры. В философском поиске Платонова была особая подлинность, своя глубина и суровая честность. Он самостоятельно вглядывается, вживается и углубляется в ту или иную философскую идею и гипотезу, жадно вчитывается в программные выступления современных теоретиков и философов и высказывается по самому широкому спектру вопросов культуры и современности. Оперировал Платонов понятиями и терминами, вокруг которых с начала века шли философские дискуссии: «мысль», «существование», «интеллект», «вещь», «организм», «мировая материя», «время», «пространство», «тайна», «бессознательное сознание», «субъект», «объект» и т. п. Доказательства черпаются им отовсюду: из работ А. Богданова и К. Маркса, И. Канта и Н. Бердяева, А. Бергсона и Ч. Дарвина, В. Розанова и О. Шпенглера, стихов А. Пушкина и политических речей В. Ленина и Л. Троцкого, «Философии общего дела» Н. Федорова и статей А. Блока о кризисе культуры, выступлений К. Тимирязева и сказок, новейших математических и философско-лингвистических исследований и т. д.

Платонова, как и многих его современников, завораживает предложенный Н. Ф. Федоровым проект «общего дела», в который он вчитывается. Ему близок федоровский супраморализм и пафос превращения гносеологии в гносеоургию — «познание делом» (*Федоров Н. Ф. Сочинения. Т. 2. М., 1995, с. 77, 452*). Не исключено, что с идеями «Философии общего дела» Платонов знакомился не только по книге, которая оказалась в эти годы в его библиотеке. У Федорова в Воронеже начала века было много пропагандистов его идей, как среди духовенства, интеллигенции, так и служащих железнодорожных мастерских (см.: Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение. 1894—1901 / Составители А. Н. Акиншин, О. Г. Ласунский. Воронеж, 1998. О федоровских идеях в поисках раннего Платонова см.: *Мальгина Н. М. Эстетика Андрея Платонова. Иркутск, 1985, с. 72—73; Семенова С. Г. Преодоление трагедии. М., 1989, с. 318—350; Васильев В. Андрей Платонов. М., 1990, с. 43—45; Толстая-Сегал Е. Идеологические контексты Платонова // Андрей Платонов: Мир творчества. М., 1994, с. 56—69; Лангерак Т. Андрей Платонов. Материалы для биографии 1899—1929 гг. Амстердам, 1995, с. 45, 180 и др.).*

В самых разных комбинациях варьирует Платонов и слова К. Маркса из «Тезисов о Фейербахе»: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» (*Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 3, с. 4*). Они кажутся объясняющими все тайное как некий код нового типа культуры, ее пафоса деяния и изменения самого строя жизни и в целом — мироустройства. В этом увлечении Платонов не был одинок, традиция в русском общественном сознании уже сложилась. У «новой религии», «религии Труда», писал А. Луначарский, есть «величайший из пророков» Карл Маркс, создатель «пятой великой религии», в великом споре Бога и Сатаны ставший на сторону Сатаны и наконец-то утвердивший «принцип Сатаны»: «Слушая его, человек возвышался, топчя спины и головы братьев, расцветал и стремился выше, впивая корнями соки из сердец и мозгов эксплуатируемой массы» (*Луначарский А. Религия и социализм. Ч. 1. СПб., 1908, с. 104, 186—189*). «Нет и не может быть таких проблем, которые были бы принципиально непознаваемы», — утверждал один из идеологов пролетарского коллективизма В. Базаров (*Базаров В. Материал коллективного опыта и организующие его функции // Сб. «Очерки философии коллективизма», сб. первый, СПб., 1909, с. 166; Он же. Христиане Третьего Завета и строители Вавилонской башни // Сб. «Литературный распад», кн. 2, СПб., 1909, с. 5—38*). «Изобретать значит творчески воздействовать, т. е. работать над действительностью. Индивидуально созданная форма, даже если она возможна, не жизненна <...> До сих пор жизнь переживалась, хуже того, изживалась, мы ее создаем. <...> мы горды желанием

быть меткими стрелками; мы мудры сознанием, что содержание дано, что жизнь определена, что наше дело — дело, а не безделье — не переживать жизнь, а создавать ее, как ее создает рабочий класс. В этом отношении нас, футуристов, предсказал и призвал к товарищеской работе К. Маркс: не объясняйте, а изменяйте мир — и будете в будущем», — утверждал идеолог левого искусствознания Н. Пунин (*Пунин Н. О форме и содержании // Газ. «Искусство коммуны», 1919, № 18, с. 1*).

Платонов искренне и честно осваивал те взгляды, которые предложила революционная современность. Это был четкий, последовательный и агрессивный материализм: искусство есть преобразование и одновременно организация материальных элементов, изменение самого строя жизни и культуры. Подобный материализм импонировал Платонову простотой и ясностью картины, и он с вдохновением предается пропаганде материалистических и коллективистских идей, участвует в том походе на «тайны» мироздания, который задолго до революции стал одной из примет нового века. Одно из ключевых слов, которое встречается в статьях Платонова, «организация» — не имеет одного источника. Это слово, столь любимое и частое у раннего Платонова, — некий знак совокупности идей, которая называется «пролетарская культура». Он был увлечен идеями «Всеобщей организационной науки (Тектологии)» А. Богданова. Исходной и центральной для Богданова является идея об универсальности «принципа организации» для всех форм социальной истории, культуры и природы: «...как любое явление природного мира, так и любой продукт, “духовного” творчества — научная теория, поэтическое произведение, система правовых или нравственных норм — имеет свою архитектуру, представляет расчлененную совокупность частей, выполняющих различные функции, взаимно дополняя друг друга: принцип организации тот же, что и для каждого физиологического организма» (*Богданов А. Очерки организационной науки // Журн. «Пролетарская культура», 1919, № 7—8, с. 14*). В популярных лекциях Богданов объяснял, что идеи тектологии обладают особой притягательностью для пролетарских писателей, ибо этот строй мысли отличает атмосфера проективности и философского эспериментаторства: «Для тектологии единство опыта не “находится”, а создается, активно-организационным путем <...> Философские идеи отличаются от научных тем, что не подлежат опытной проверке; напр., “философский эксперимент” есть совершенно неестественное сочетание понятий. Для тектологии постоянная проверка ее выводов на опыте обязательна...» (*Богданов А. Очерки организационной науки // Там же, 1919, № 9—10, с. 20*).

Обозначим некоторые общие строительные контуры проекта пролетарской культуры, занимавшего Платонова, как и многих мыслителей и художников, и ставшего одной из примет авангардного искусства по-

революционного времени. Отрицающая часть проекта была наиболее ясной. Индивидуалистическая культура прошлого, оставаясь оторванной от массовой жизни и ее трудовых ритмов, породила «дробление» (А. Богданов) жизни, культуры и человека. Идеал — «целое социалистическое человечество» (А. Луначарский) — находится в прошлом и в будущем. В далеком прошлом человечество было единым, затем в силу ряда причин произошло «дробление человека» — отделение «головы» от «рук», повелевающего от повинующегося, и возникла авторитарная форма жизни. Раздробленное состояние оказалось неестественным, оно не было, по Богданову, преодолено индивидуалистической культурой, в высших проявлениях которой выражена тоска по «цельному» человеку. Кто может вырвать человечество из порочного круга исторического бытия? Конечно, пролетариат, который даже стихийно и в силу его особого положения в производстве стремится к самоорганизации. Организационная точка зрения выдвигалась Богдановым не только как универсальный общенаучный принцип бытия, но и как мощное средство, которое следует использовать в борьбе человека за господство над силами природы и стихийностью общественного развития. Богданов излагал и популяризировал свою точку зрения практически во всех своих работах, начиная с середины 1900-х гг., во всех послереволюционных публикациях, в двух фантастических романах — «Красная звезда» (1908) и «Инженер Мэнни» (1913), которые имели множество переизданий (до 1929 г.). Самоорганизация — одно из базовых понятий и в культурной программе Богданова; именно пролетариат в сфере культуры должен заняться «собранием человека» и организацией мира из хаоса элементов. Этой организационной задаче должно подчиняться и пролетарское искусство, которое будет объединять пролетариат. В перспективе социального идеализма определялись и новые «организационные» задачи искусства: «Искусство организует наше чувство, служит цементом, связующим сердце и разум, устраняет нередко возникающий между ними разлад и способствует, таким образом, гармоничному и стройному развитию общественного сознания. Кроме того, искусство — наиболее тонкое и совершенное орудие воздействия на широкие массы. Оно легче, чем наука, может проникнуть в быт и семью» (Богданов А. Очерки организационной науки // Журн. «Пролетарская культура», 1918, № 1, с. 27).

Грандиозный переворот, провозглашенный авангардным искусством, осуществлялся с помощью весьма ограниченного набора идей-символов. Позитив в эстетике пролетарской культуры состоял в преодолении извечного противостояния «красоты» и «пользы» в направлении прямого утилитаризма культуры: новое отношение к труду, к строительству будущего, к технике и машине как целому техническому миру, который как бы заново рождался, а техника наконец-то не исключает

лась, а включалась в культурное бытие; новое отношение к материально-предметному миру как миру целесообразному и одухотворенному своей причастностью к высочайшей ценности — к труду. Вдохновение, произвол творца-художника прошлого также сменялся четкой установкой на преобразование жизни у нового художника-пролетария. Материализм, наука, изобретательство, техника, производство — вот новые эстетические установки, которые отстаивали теоретики «производственничества». Оппозиция «отражать»—«создавать» — одна из самых базовых в критике прежней «буржуазной культуры» и ее формул классического искусства («художник творит», «служит красоте»). Авангардные идеи века витали в воздухе революционной эпохи — их исповедовали и развивали на страницах футуристической газеты «Искусство коммуны» идеологи производственного искусства во главе с Б. Арватовым, художники-авангардисты во главе с К. Малевичем; их пропагандирует В. Маяковский и т. д. (см.: *Сидорина Е.* Сквозь весь двадцатый век. Художественно-проектные концепции русского авангарда. М., 1994, с. 54—71).

Теоретики пролетарской культуры предлагали в определенном смысле простую и привлекательную логику ответа на главные вопросы кризиса жизни и культуры, которые во всем драматизме обозначились уже в XIX в. Это было облеченное в риторику социального идеализма «богостроительство», через которое в начале века прошли ведущие идеологи и практики Пролеткульта. В 1908—1910 гг. М. Горький и А. Луначарский предлагали привлекательный и радикально простой ответ на «вечные» вопросы жизни и философии: «И незачем пролетарию искать бога и бессмертия. Человеку бога не нужно. Он сам себе бог. Человек человеку бог. И личины бессмертия не нужно, ибо его бессмертие — жизнь вида и надежда на вечную победу жизни над неживыми стихиями, высших форм над низшими» (*Луначарский А.* Двадцать третий сборник «Знания» // Сб. «Литературный распад». Указ. изд., с. 87—88). Это был один из интеллектуальных ответов нового века на знаменитую тогда формулу Ф. Ницше «Бог умер» («Так говорил Заратустра», 1883—1884). Высшая форма истории — это «цельное социалистическое человечество»; «Бог есть человечество грядущего», и «этот Бог не родился еще — строится только. А кто богостроитель? Конечно, пролетариат...» (Там же, с. 92—93); «Выросший труд вот богоубийца. Но он же создатель новой религии, ибо он ставит победу над природой, устранение зла, торжество разума над стихийностью <...> и все это путем организации, захватывающей индивиды, связывающей их в пространстве и времени, делающей братьями и сотрудниками китайца и француза, человека XX века и светлого потомка века XXX» (*Луначарский А.* Религия и социализм. Указ. изд., с. 94).

Богостроитель-пролетариат в стихах, рассказах и статьях Платонова выполняет эту мессианскую функцию: он разрушитель-созидатель, потому что вносит в обезбоженный мир *человеческий* смысл, готовится восполнить страшный «провал», где со смертью Бога образовалась пустота. Бог — это коллектив, Мы, разум, объединенные волей и верой в совсем близкое торжество Человека. Отныне смысл жизни телеологичен, а жизнь оправдана ее целью. Именно в этой перспективе «общего дела» Платонов в августе 1920 г. создает собственную формулу партии и партийности: «В коммунистическую партию меня ведет наш прямой естественный рабочий путь», а партия — это «пробраз будущего общества людей, их слитности, дисциплины, мощи и трудовой коллективной совести; она — организующее сердце воскрешающегося человечества» (Автобиография, 1920 // *Ласунский*, с. 156).

Платоновское интеллектуальное «слово» постоянно пребывает на распутье — нам явлено живое слово. Идейные искания и построения, которыми была так богата революционная эпоха, Платонов не отстраняет, а «прорабатывает», додумывает и договаривает — и в этой философской работе обнаруживает порой их метафизическую слабость, смутность и даже пустоту. Платонов не стал позитивистом: изначально в самых жестоких его интеллектуальных проектах жила неудовлетворенность позитивизмом, а само понятие жизни никак не сводилось у него к чисто материалистическому ее объяснению.

Интенсивность духовного напора в поисках правды и истины — отличительная черта всего, что пишет Платонов в эти годы: появившийся образ в стихотворении может сразу же получить неожиданное развитие в политической статье, а политическая риторическая формула — перейти в сюжет рассказа и стихотворения и претерпеть значительную метаморфозу. Он постоянно спрашивает и отвечает, выдвигает гипотезы, их обосновывает, а потом, кажется, и забывает, переходя к иной теме. У раннего Платонова, говоря словами Достоевского, «противоречия вместе живут». Даже во внешне дидактических статьях Платонов остается внутренне диалектичным, тут нет отдельных и законченных определений, есть, скорее, клубок, сгусток исполненного противоречий интеллектуального поиска. Чем последовательнее он апеллирует к рационализму и материализму, тем резче выступает глубина иррациональных тем жизни, стихийность романтического порыва, который стоит у истоков теории пролетарской культуры и в целом — за «производительством» революционной эпохи. Пролетарско-богостроительский контекст (см. выше у А. Луначарского — с. 486) и религиозная интуиция почти сразу подсказали Платонову точную характеристику главного смыслового ядра данного направления — «сатана мысли» (заглавие философской фантазии 1922 г.). Однако и здесь он выбирает путь наиболь-

шего сопротивления и ставит вопрос об отношении науки и религии как один из главных в культуре нового века. Пройдя полосу героического сомнения, Платонов в чистом виде не разделял государственной политики безбожия и — шаг за шагом он восстанавливает основные положения религиозного мирообъяснения и рядом с познанием и наукой отводит большое место вере, но это уже вера, прошедшая сомнения, вера, которая не стесняется научного знания, а стремится к достижению идеала, утверждает и отвоевывает простор и свободу познавательной активности и творческого поведения. «Производственничество», как и научно-технические идеи в составе проекта пролетарской культуры, не были для Платонова лишь литературной темой и философской формулой. Работой над научно-техническими проектами, которой заняты герои уже первых его рассказов 1920 г. («Маркун»), активно занимался сам писатель. К 1926 г. Платонов подал несколько заявок на научно-технические изобретения. Из большого отряда идеологов и пропагандистов теории «производственничества» 1920-х гг. лишь три человека были реально связаны с современным производством: А. Гастев (с 1921 г. возглавляет Центральный Институт труда); А. Богданов (с 1926 г. возглавляет Институт переливания крови; умер, проводя на себе опыты); А. Платонов (с 1922 г. работает в Губернском земельном управлении).

Инстинкт поиска также подсказывал Платонову, что на главные «проклятые вопросы» философии и жизни он так и не ответил. И эта невыговариваемая до конца тайна вновь и вновь заставляла его возвращаться к исходным вопросам, на которые, казалось бы, он только что дал «точный» ответ, обещать продолжение темы в следующей публикации, и, забывая об этом, вновь формулировать «задания» и проекты для читателя, которого он звал участвовать в строительстве новой истории. Это были проекты и для собственных дальнейших размышлений и возвращений к теме. Характерное для финалов многих статей обещание продолжить тему чаще всего так и оставалось обещанием. При всей разнообразной палитре тем и идей, освоенных им в эти годы в статьях, — именно фрагментарность указывает на то целое, к которому устремлен Платонов. Предметом мысли всегда оставалась сама жгучая реальность, к постижению которой Платонов выстраивал каждый раз новую лестницу. Написанное им это «как бы луковича, в которой каждая оболочка есть слой живой» (выражение П. Флоренского).

Некоторые свидетельства тому, что противоречивый интеллектуальный сплав, как и разнородный характер лирики, отмечены на самом деле крайними деформациями и даже вывихнутостью собственного жизненного пути, Платонов оставил. Они — не многочисленны, но существенны. В записной книжке 1921 г. наряду с записями о сущности материи и электричества большое место, если даже не центральное, занима-

ет иносказательная и поучительная притча «Вера, Знание и Сомнение», рассказывающая о катастрофичности и убогости жизни, когда мир покидает Вера, а также записи о смысле нищенского богоборчества и последствиях «распыления» Бога (см.: *Записные книжки*, с. 21—22, 257). Не менее странным — вне общей идеи пути, может показаться публикация философского эссе «Потомки Солнца» и крещение в этот же день сына Платона — оба события прились на 7 ноября 1922 г. Характерное резюме оставлено Платоновым на поэтической пролеткультовской книге С. Малашкина «Мускулы» — «Для будущего изучения безбожника» (СА). Иронический характер данного определения, в котором заключена и очевидная самооценка, не отменяет глубины поставленной проблемы XX в. Свидетельства о вере и пережитой полосе собственно безбожия находим мы в некоторых рукописях. На обороте незавершенного эссе «Железная природа», рядом с подчеркнутым словом «Интеллект», признание: «Отчего так тяжело? Отчего от пустяка возможна катастрофа всей моей жизни? Господи Боже мой! Если бы Ты был, был, был, каким я знал Тебя в детстве? Этого нет, этого нет. Это я знаю наверное. Наверное» (СА). На фрагменте листа с записью поэтической строки («Поля пусты полны тоскою...»): «Одно у меня достояние — православная вера» (СА). Здесь то противоречие, в котором будет музять будущая проза, отмеченная обостренным вниманием к ходу истории и столь же сильной тоской по вере «детской родины».

* * *

Непростым было вхождение Платонова во всесоюзную литературную жизнь, хотя все начиналось вполне благополучно. В октябре 1920 г. он принимает участие во Всероссийском съезде пролетарских писателей, с «правом решающего голоса». Московский съезд проходил под знаком размежевания с Пролеткультом, однако Платонов отказался от участия в кампании разоблачения пролеткультовцев, которую в среде пролетарских писателей возглавили бывшие активные участники этого движения. О сознательности этой позиции свидетельствует анкета, заполненная Платоновым в дни Всероссийского съезда. На вопрос — «Участвуете ли в работе Пролеткульта...» — он не отвечает привычным для анкеты «да» или «нет», а ставит прочерк. На вопрос — «Каким литературным направлениям сочувствуете или принадлежите» — ответ дается не ожидаемый, а скорее дерзкий в своей однозначности: «Никаким, имею свое». Интонация зрелого Платонова прозвучит и в лаконичном ответе — «никакие» — по поводу традиционного для анкет вопроса о том, «какие писатели оказали на вас наибольшее влияние» (РГАЛИ, ф. 1638,

оп. 1, ед. хр. 11, л. 59—59 об.). В дни съезда регистрировались десятки новых литературных групп, позже вошедших в литературное объединение пролетарских писателей «Кузница». Однако Платонов не войдет ни в одну из них, даже в группу «Одиночки».

Подобная самодостаточность уже скоро принесет свои результаты. Известно, что к концу 1920 г. Платонов собрал первые книги рассказов, стихотворений и статей. Политика Госиздата с наступлением нэпа начала меняться, и, прежде всего, в отношении к массовому пролетарскому движению, представителям которого в годы Гражданской войны был открыт в государственных издательствах зеленый свет. Публикациям Платонова в 1921 г. могла содействовать его организационная принадлежность к той или иной писательской группе, однако он не входит ни в одну из групп, и во всех письмах в издательство аттестует себя как непрофессионального писателя: «По профессии я электромонтер» (*Субботин*, с. 440). «...я электромонтер, а не писатель» (Там же, с. 441). Та же последовательность сохраняется и в анкетах: «электрик и журналист» (анкета 1920 г.).

Платонов один из немногих из генерации писателей, вошедших, как и он, в литературу с революцией, кто после яркого дебюта революционных лет в провинции так надолго задержится с вхождением во всесоюзную литературную жизнь. Но именно в этот период внешне нелитературной жизни, тяжелой и лихорадочной производственной работы происходит тот внутренний сокровенный поворот, который превратит начинающего писателя в автора прозы, блистательной по форме и фантастически достоверной в своих жизненных реалиях.

При всей чрезвычайной загруженности производственной работой, Платонов пристально следит за литературной борьбой и современной литературой. После окончания Гражданской войны свое место на литературном Олимпе отвоевывала «новая проза» — она принесла в литературу жестокую правду о человеке, оказавшемся волей истории на переломе, рассказы о массовых социальных битвах и дьявольской одержимости стихией зверства. Молодая советская проза заново открывала, теперь уже в эпохе революции и войны, «достоевских» героев, ушибленных вопросами о «слезинке замученного ребенка», правде и мировой гармонии, а также стремлением понять и постичь, *для чего* свершилась революция, есть ли оправдание братоубийственной бойне гражданской войны, какие за лютостью революции горизонты и т. д. «Новая проза» утверждала дух стилевого экспериментаторства — начались дискуссии о сказе, орнаментализме, конструктивизме, авторе и герое, натурализме и романтизме, классике и новаторстве, «сплетенном с фантастикой быте» (выражение Е. Замятина) и «новом быте», авантюрном сюжете и т. д. Очевидным признавался факт, что пролетарская беллетристика к

полосу «новой прозы» никак не относится, ибо все более «глуб-успенствует», изображает быт революции, а в формальном отношении работает «доброй старой сохой реализма»: «Они <пролетарские беллетристы> есть, но нет пока ни одного, какому дано было бы пережить завтра и войти в историю литературы — хотя бы даже не через парадную дверь. Несмотря на создание специальных инкубаторов, никакой пролетарской литературы высидеть не удалось, и теперь уже не редкость услышать честное признание: “Мы напрасно создавали искусственную пролетарскую литературу, организуя пролеткульта, ибо пролеткульта никого и ничего не дали”. Они и не могли дать: догма, статика, консонанс — мешают заболеть искусством, во всяком случае — наиболее сложными его формами. Правда, в московской “Кузнице” и “Горне” выковалось несколько несомненных поэтов (Казин, Обрадович, Александровский). Но ведь прав Андрей Белый, когда в одной из своих статей говорит: “Написать... прозой — труднее, чем стихами. И оттого исторически она появится несравненно позже поэзии”. Это “несравненно позже” — пока еще очень далеко даже для наиболее культурных групп — “Кузницы” и “Горна” в Москве» (*Замятин Е.* Новая русская проза (1923) // *Замятин Е.* Я боюсь. М., 1999, с. 82—83).

Платонов внимательно читает (чаще — листает) корифеев новой прозы — Б. Пильняка, Н. Никитина, А. Толстого, И. Бабеля, Е. Замятина, Л. Леонова, К. Федина, М. Шагинян и др. — и выносит весьма суровые определения: проза занимается имитацией как народной жизни, так и литературы, а манифестируемые критикой и авторами стилевые открытия — уже давно открыты классикой. При всей суровости платоновских оценок, в которых безусловно сказался собственный отход от «зерцательной» литературы, сам Платонов в эти годы много экспериментирует. Работая в жанре научной-технической фантазии, он превращает собственные грандиозные поэтические символы в прозаическое событие, героем которого является злой демиург, тот «сатана мысли», мыслям и поступкам которого нет предела. От фантазии к фантазии он углубляется в тему истоков и последствий радикального безбожия нового века, варьируя один зачин — рассказ о мальчике, пережившем в детстве или в юности экзистенциальную «катастрофу», которая увела его из мира «детской родины» к немислимым техническим проектам и космическим завоеваниям. Предметом платоновских прозаических имитаций становятся доминирующие в «новой прозе» литературные формы, приемы, жанровые клише, типы амплуа «рассказчика» и «фиктивного автора», но главным образом — собственное творчество. Как истинный инженер, он постоянно разбирает ранние тексты и вновь написанные, включает собственных «героев» в список «авторов» сочиненных им самим произведений. Он пробует всевозможные формы «сочинения»

текста — от фантазии до изощренной натуралистической зарисовки, а затем (или сразу же) погружает философские «прозрения» героя и эстетические открытия новоявленного «автора» в стихию пародии, позволяющей читателю узнать формулу прототипов предложенного «сочинительства».

Однако тотальная деконструкция написанного не отменяла общего направления поиска Платонова — создание новой литературы, литературы нового века — века нового жизненного пространства и нового исторического пейзажа, главными героями которого волей революции стали массовый человек и массовая народная жизнь. Он упрямо настаивал, что классическое человековедение литературы должно измеряться масштабом нового века — века гигантских массовых движений и технической цивилизации, пониманием катастрофического характера истощения и гибели земли, осознанием беспредельной власти научно-технических, политических и иных технологий, освободившихся от всех нравственных и иных основ.

Он не уйдет и от разработки вопросов эстетики пролетарской культуры. Об этом, в частности, свидетельствует его реакция 1923 г. на массовую писательскую акцию изображения «старого» и «нового» быта. Эту тему принес нэп, ее одобрила партия. Со страниц газеты «Правда» в начале 1923 г. прозвучал призыв Н. Бухарина к писателям более активно участвовать в перевоспитании массового читателя, в частности, дать ему «красного Пинкертона», способного потеснить старую авантюрно-детективную и приключенческую литературу, и т. п. Критика подхватила призыв Бухарина, порой договариваясь до утверждения, что с идеологической точки зрения именно приключенческо-авантюрный роман больше всего подходит советской России и нашему читателю. В 1923 г. с идеологической доктриной борьбы со «старым» бытом выступит Л. Троцкий (брошюра «Вопросы быта. Эпоха “культурничества” и ее задачи», 1923). Призыв к писателям участвовать в борьбе партии за «новый быт» сопровождался открытием тонких журналов, адресованных прежде всего массовому читателю: «Крокодил», «Безбожник», «Имба-читальня», «Красная нива», «Прожектор», «Огонек», «Новая деревня», «Всемирный следопыт» и т. д. С ориентацией на данный тип издания в Воронеже в начале 1923 г. создается общественно-сатирическая еженедельная газета «Репейник». Она просуществует недолго (вышло всего 10 номеров). Платонов печатал в газете собственные художественные имитации-пародии (см. в наст. томе названный «романом» рассказ «Немые тайны морских глубин» и стихотворение «Стихи о человеческой сути») и принимал участие в редакционной работе. Явной печатью «производственных» идей, которые в кругу воронежских писателей исповедовал лишь он, отмечены две редакционные статьи «Репейника»,

скорее всего принадлежащие перу Платонова, если даже не полностью, то — в основном содержании: «Какая нам нужна литература?» и объявление о 3-х конкурсах: «На способ улучшения человека», «На существующего (персонально) относительно лучшего человека из обитателей г. Воронежа» и «На худшее литературное произведение» (газ. «Репейник», 1923, № 5, 11 марта, с. 1; 1923, № 9, 22 апр., с. 1). При набирающих силу критицизме и эстетическом нигилизме Платонова, отразившихся в этих выступлениях, им свойственно живое ощущение подлинного масштаба явлений культуры и осознание бездны между современной жизнью и ее описанием в литературе: «...литература больна смертью, как вообще все искусство. Мы вступили, вступаем в такую эпоху, смысла которой и сами еще не сознаем. Я подразумеваю не технику, не электрификацию и гидрофикацию, а нечто гораздо большее. О конце искусства, о смысле эпохи, полного значения которой вполне не понимает никто, в которую найдено настоящее имя миру, надо написать решительно, последними озаряющими словами, написать бесстрашной, разрушительной, вооруженной армией фактов рукой, ибо дело идет о великой силе, превратившейся в психического паразита, о силе, ставшей тяжестью на размахнувшейся руке человека-завоевателя... <...>

Нужна ли <...> поколению, повывадавшему сущий лик природы, литература выдумки, фантазия, сентиментальная поэзия (а поэзия всегда сентиментальна, потому что она лирическое существо) и прочее.

Нет, совершенно это не нужно. Рабочий класс (в этом я убежден фактически) не любит никакой фальши, никакого преувеличения, ложного блеска, никакого одевания реальности в шутовское платье беллетристики. Рабочий класс знает цену, силу и красоту самой сырой материи. Всякое оправдание, украшение ее глупо. Материя более революционна и активна, чем человек. Мы еще не знаем своего места... Если и нужно пролетарскому человеку искусство в эпоху его перевала к коммунизму, то как корректив революционной материи в реакционном сознании. Но и этого специальная наука достигнет скорее и совершеннее...

Сейчас же для наших дней литература нужна особая. По-моему, особо налегать на создание коммунистического Пинкертон не следует. Нам нужно совсем иное, а не точная имитация буржуазии. И потом, мы не уважаем событий, высосанных из собственного носа. Нам нужна литература — живая (но точная), информация о событиях — схватках человечества с природой.

Панамский и Суэцкий каналы, полярные полюсы, заселение материков, пустынь нашей огромной планеты, великие реки, дно океанов, жизнь и дыхание природы без человека и нашествие человека на нее, тайны рождения рас и классов, появление новых великих существ — машин, прелюдии великих битв с миром и первичные разведки в его

глубинах,— нам нужно все очарование героической человеческой истории, и чтобы веяло над ним видение нашего неимоверного будущего, нашей последней победы, конца мира и начала настоящего человека.

События есть отношение классов или отношения человечества ко вселенной — мировые чувства и действия. Вот это нам теперь нужно. Лессенс, Нансен, строители Панамы, организаторы классов» («Какая нам нужна литература?»).

В отношении Платонова к современной литературе времени нэпа важнейшей, если даже не определяющей, оставалась политическая составляющая. Как губернский мелиоратор он с особым вниманием следит прежде всего за экономическими дискуссиями, планами развития народного хозяйства, финансированием хозяйственных проектов (электрификация сельского хозяйства, борьба с засухой, техническое обеспечение деревни и т. д.). Трезво и без иллюзий Платонов отнесся к возвращению капиталистических форм хозяйствования на земле — «эксплуатирующей цивилизации» по отношению к земле (выражение Н. Ф. Федорова). Как практик он видел, что провозглашенный X съездом партии (1921) курс на восстановление народного хозяйства практически не обеспечивается государственным финансированием, деревня и земля находятся в крайне бедственном состоянии, а потому повторение засухи и голода 1921 г. остается вполне реальным. (Последний раз на эту тему он напишет в 1949 г. в статье «Страхование урожая от недорода».) В одной из первых докладных записок 1922 г. Платонов весьма жестко охарактеризует экономические условия, в которых приходилось разворачивать производственные работы в губернии: «Общие объективные условия душат нас», «...цены на изделия промышленности страшно мчатся и непропорционально опережают даже цены на хлеб», «...государство нас питать не может». И здесь же: «Мне громадного искусства стоит удерживать сотрудников, которые работают только из сознания т<ак> сказать “святости” работ...»; «Работа долгая, но мы оставим по себе памятник на века — невозможность засухи» (Докладная записка в Губэконо, на имя председателя губернской комиссии по гидрофикации А. Г. Божко, от 24 марта 1922 г. // *СА*, л. 1—6). Непростым в годы нэпа было и отношение Платонова к политике партии в области культуры и литературы (см. прим. к рецензиям 1924 г.— наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 431—441). С 1924 г. Платонов публикуется все меньше и меньше. Он почти не появляется на литературных вечерах, которые регулярно проходили в губернском Доме Рабпроса; не входит в группу «Чернозем», созданную в Воронеже в октябре 1925 г. и вошедшую в ВАПП (Всероссийская ассоциация пролетарских писателей). Не складываются у Платонова и московские литературные связи, хотя, приезжая в столицу по служебным делам, он бывает в пролетарской «Кузнице» и в редакциях других мос-

ковских журналов. О том, что имя Платонова к середине 1920-х гг. оставалось неизвестным, рассказывают, в частности, материалы архива В. Шкловского, активного участника литературной жизни этого десятилетия и блистательного ее знатока. В июне 1925 г. в качестве корреспондента газет «Правда» и «Гудок» В. Шкловский принял участие в акции Осоавиахима «Лицом к деревне» и прилетел в Воронеж, где не мог не встретиться с губернским мелиоратором Платоновым. Последний сопровождал столичного корреспондента в поездках по губернии и стал героем его записей и писем: «Грязь, в которой вязнут ноги. Вozy с колесами. Город Бобров с пустыми площадями, театр через день. Живут ничем. <...> Маслотрест как центр жизни. Платонов. Розанов. Стесняется»; «Город здесь полуужный. Нищих как в Москве. А вообще я очень изменился. Мне не хочется смеяться. Познакомился с интересным коммунистом. Заведует оводнением края, очень много работает, сам из рабочих и любит Розанова. Большая умница. У него жена и сын трех лет. <...> Здесь был голод и ели траву. Пока еще едят, но, кажется урожай. <...> Все очень сложно. Мелиоратор говорит со мной об оврагах. Это моя новая специальность» (Цит. по: *Галушкин А. Ю.* К истории личных и творческих взаимоотношений А. П. Платонова и В. Б. Шкловского // *Воспоминания*, с. 173—174). Именно как забавный персонаж, напоминающий героев-чудаков русской прозы, появится Платонов на страницах книги Шкловского «Третья фабрика»: «Еще здесь прочищают реки, выпрямляют их, спускают болота и сыпят на землю известь, чтобы поля не были кислыми. Так прочистили Тихую Сосну. Товарищ Платонов очень занят. Пустыня наступает. Вода уходит под землю и там течет в больших подземных реках. <...> Говорил Платонов о литературе, о Розанове, о том, что нельзя описывать закат и нельзя писать рассказов» (*Шкловский В.* Третья фабрика. М., 1926, с. 129—130).

«Третья фабрика» вышла в июне 1926 г. Платонов в это время был уже в Москве, и исполненный Шкловским «портрет» воронежского провинциального мыслителя стал визитной карточкой, которая вряд ли могла облегчить вхождение писателя в московскую литературную жизнь. Встречается Платонов с воронежцами, уже давно, в отличие от него, перебравшимися в столицу. Он пробует войти в московскую литературную жизнь, бывает в редакциях «Нового мира», «Журнала крестьянской молодежи», «Октября» и «30 дней», ведет переговоры в издательствах «Кузница» и «Земля и фабрика» об издании книги рассказов. Однако все оставалось неясным. Вместе с рукописями он отправляет доверительное письмо редактору «Красной нови» А. Воронскому, человеку влиятельному в московских издательских кругах: «... эти два года я был на больших и тяжелых работах (мелиоративных), руководя ими в Воронежской губернии. Теперь, благодаря смычке разных гибельных

обстоятельств, я очутился в Москве и без работы. Отчасти в этом повинна страсть к размышлению и писательству. И я спую и не знаю, что мне делать, хотя делать кое-что умею (я построил 800 плотин и 3 электростанции и еще много работ по осушению, орошению и пр.). Но пишу и думаю я еще более по количеству и еще более давно по времени, и это мое основное и телесное. Посылаю вам 4 стихотворения, 1 статью и 1 небольшой рассказ — все для «Красной нови». Убедительно прошу это прочесть и напечатать» (письмо от 27 июля 1926 г.). Ответ Воронского неизвестен — в 1926 г. в «Красной нови» публикаций предложенных Платоновым произведений, на которые он, очевидно, рассчитывал, не будет.

В Тамбов Платонов увозит литературный архив — стихи, рассказы, рукописи написанных и незавершенных произведений. В Тамбове, кроме производственной работы и работы над новыми произведениями, Платонов впервые отберет и систематизирует им написанное. Для издания из раннего периода он предложит рассказы, многие из которых им редактируются в Тамбове, и заново составленную книгу стихотворений. Об издании ранних статей он не упоминает ни разу. В этом отборе выразился взгляд Платонова на пройденный им творческий путь, а также, в строгом смысле этого слова, — авторская воля писателя.

Решения, принятые Платоновым в это время, стали определяющими при формировании общей структуры и разделов основных текстов рассказов и стихотворений настоящего тома.

РАССКАЗЫ. 1918—1927

В настоящем томе рассказы Платонова 1918—1926 гг. составили три раздела, в первый из которых включены 17 рассказов сборника «Епифанские шлюзы» по порядку их оглавления, с сохранением циклов «Записи потомка» и «Из генерального сочинения» (именно наличие указанных циклов и сделало невозможным размещение рассказов книги по хронологии). Этот раздел дополнен рассказами «Лунные изыскания» и «Антисексус», начатыми писателем еще во время пребывания в Воронеже (в 1927 г. Платонов настаивал на их включении в *ЕШ*). Второй раздел включает все остальные известные рассказы 1918—1923 гг. В третьем разделе печатается «Рассказ о многих интересных вещах», написанный Платоновым в соавторстве с М. Бахметьевым. Анализ сохранившихся рукописей позволил устранить многочисленные искажения тек-

стов, допущенные в публикациях 1920-х гг.; возвращена авторская система абзацев и деление текстов на главы

Целью настоящего тома является по возможности полная публикация ранних (1918—1926) рассказов Андрея Платонова. Большинство из них при жизни Платонова было опубликовано лишь однажды — либо в местных периодических изданиях Воронежа (подавляющее большинство текстов второго раздела прозы в данном томе), Задонска («Сергея и я») и Краснодара («Сатана мысли»), либо в книге «Епифанские шлюзы» («Иван Жох», «Цыганский мерин», «Родоначальники нации или беспокойные происшествия», «Демьян Фомич — мастер кожаного ходового устройства», «Крюйс», «Душевная ночь»). Остальные 11 рассказов «Епифанских шлюзов» публиковались дважды — до или уже после выхода книги.

История издания Платоновым книги прозы уходит своими корнями в самое начало 1920-х гг. — еще в 1921 г. он отправил свои рассказы непосредственно в московский Госиздат. Предполагаемый состав сборника устанавливается сейчас лишь по сохранившемуся внутреннему отзыву (см.: *Субботин*, с. 443—445), где рецензентами перечислены 10 произведений: «Апалитыч», «Христос», «Красному городу» (стихотворение в прозе), «Волчок», «Маркун», «Друг», «Сон», «Румяная богородица», «Ерик», «Бегун». На настоящее время исследователям известны лишь рассказы «Апалитыч», «Волчок», «Маркун», «Ерик». Есть вероятность, что «Красному городу» является не чем иным, как переименованным стихотворением в прозе «Красному Воронежу». Крайне общее представление о пяти неизвестных рассказах можно получить по отзывам рецензента: «Христос» — «Глубокое настроение. Хорош язык и техника. Элемент божественного мало разрушен; в массах рассказ может быть не понят. Предложить автору переработать произведение, сообразуясь с требованиями агитационно-пропагандистского отдела»; «Друг» — «Рассказ хорош в литературном отношении, но в нем отсутствует агитационный элемент, а потому для напечатания Госиздатом мало пригоден. Желательно дать на просмотр еще кому-либо»; «Сон» — «Слишком абстрактно. Психологическая перегруженность. Недоступно для масс. Печатать не следует»; «Румяная богородица» — «Рассказ безусловно хорош в художественном отношении; полезен и как критика богомольчества. Печатать»; «Бегун» — «Оригинальный рассказ с глубоким настроением, написанный вполне литературно. Произведение ценно как чисто художественное; с точки зрения агитационной — не представляет интереса. Ввиду значительных литературных достоинств, когда явится техническая возможность, рассказ стоит напечатать». Интересно, что ни один из этих рассказов не появился затем в воронежских изданиях. Возможно, это отчасти обусловлено тем, что Платонов отослал в издательство един-

ственные рукописи; см. признание в письме в Госиздат от 20 апреля 1922 г.: «у меня нет черновики» (*Субботин*, с. 452). Общий отзыв на сборник Платонова был следующим: «У автора несомненное дарование. Оригинальное мирозерцание. Интересный подход к изображаемому. Безусловно хорош язык, техника; яркость образов. Всегда глубокое настроение. Утонченность психики. К недостаткам нужно отнести слишком большую болезненность, душевный надрыв, изредка грубость, недостаточная логическая ясность. Автор заслуживает большого внимания. Если рассказы непригодны для агитационно-пропагандистского отдела как такового, их следует направить в Лито» (*Субботин*, с. 444—445).

Свое обращение в Госиздат Платонов мотивировал проволочкой с изданием рассказов в Воронеже: «Здесь Госиздат не может издать их, хотя собирался целый год, по техническому бессилию. И я обращаюсь поэтому к вам» (*Субботин*, с. 441; сопроводительное письмо к сборнику прозы от 1 марта 1921 г.). В настоящее время документальных сведений о планировавшемся издании прозы Платонова в Воронеже не обнаружено.

Как известно, все три книги Платонова (стихотворения, проза, публицистика), отосланные в Госиздат, к августу 1921 г. были отклонены. Практически сразу после запроса о возврате рукописей (письмо от 15 августа 1921 г.) Платонову были высланы статьи, однако, с возвратом рассказов возникли затруднения, поскольку, как выяснилось далеко не сразу, сборник был утерян. До того как окончательно поверить в это, Платонов почти в течение года напоминал о своих рассказах Госиздату — последнее из известных писем датировано 24 июля 1922 г. Настойчивость Платонова подкреплялась тем, что в издании книги рассказов был чрезвычайно заинтересован Г. З. Литвин-Молотов, в первой половине 1922 г. готовивший к печати книгу стихов Платонова «Голубая глубина» (см. письмо в Госиздат от 20 апреля 1922 г.: «уже приняло их <рассказы> к изданию Краснодарское государственное издательство»; об этом же см. письмо в Госиздат от 24 июля 1922 г.: «Одно местное изд-во согласилось их издать и просит представить, но я никак не могу получить их от вас»).

Как можно понять из письма по поводу печатания «Голубой глубины» (см. далее, с. 596—597), Литвин-Молотов, в свою очередь, был несколько задет «нерасторопностью» Платонова с присылкой так называемой беллетристики. Из поздних воспоминаний Литвина-Молотова известно, что Платонов наложенным платежом прислал-таки в Краснодар большую посылку, где «вместо обусловленного письмами и наменного в издательском плане сборника рассказов <...> оказались вырезанные из газет статьи <...>, которые тогда издать было невозможно». Тем не менее Литвин-Молотов, выкупивший посылку за «большую по

тому времени сумму червонцев» не жалел об этом, «так как думал, что впоследствии и эти статьи Андрея Платоновича будут использованы в печати» (*Веленгурин Н. Друг и наставник // Газ. «Вольная Кубань». Краснодар, 1992, 19 нояб., № 182, с. 4).*

В настоящее время сведений о прохождении прозы Платонова в Краснодарском издательстве «Буревестник» не обнаружено. Известно гневное письмо (как видно из его текста, одно из нескольких), отправленное туда Платоновым в апреле 1924 г. В нем содержится требование сообщить судьбу каких-то произведений, отосланных Молотову довольно давно: «...если будут они напечатаны, то печатайте, но только не несколько лет и берите в отношении меня все обязательства, т. е. платите за работу деньги, потому что я без работы. Если не будете печатать, то пришлите все обратно, и мы останемся друзьями <...> прошу срочного исчерпывающего ответа на все мои письма, ранее посланные, иначе я обращусь в центральную прессу и суд» (*Воспоминания, с. 162*). Похоже, это письмо имеет самое непосредственное отношение к планировавшемуся изданию прозы.

Более поздняя информация о готовившихся книгах прозы относится уже к периоду, завершившемуся выходом сборника «Епифанские шлюзы» (1927). В *СА* сохранились оглавления двух книг, составленных Платоновым во второй половине осени 1926 г. Одно из них относится к сборнику объемом 4 авторских листа, представленному 9 ноября в издательство «Земля и фабрика» (ЗИФ), и включает семь произведений: «Фабрика литературы» (как предисловие), «История иерея Прокопия Жабрина», «Лунные изыскания», «Демьян Фомич — мастер кожаного ходового устройства», «Душевная ночь», «Антисексус» и «Отрывок из “Генерального сочинения”» (до настоящего времени рассказы «Лунные изыскания» и «Отрывок из “Генерального сочинения”» были известны под заглавиями «Лунная бомба» и «Крюйс»). Второе оглавление (см. иллюстрацию, с. 217) является приблизительным наброском состава книги под названием «Чудаки» или «Бродяги, бредущие зря», общим объемом 2 авторских листа. Здесь Платонов твердо определился с подбором шести первых рассказов, их заглавия помечены галочками: 1) «Бучило», 2) «Поп», 3) «Иван Митрич», 4) «Чульдик и Епишка»; позиции 5 и 6 отданы рассказу «Герои режимной экономии», который планирует разбить на два самостоятельных текста (см. ниже прим. к рассказу «Мавра Кузьминишна», с. 530). Седьмым, с вопросительным знаком и пометой «взять», значится рассказ «Цыганский мерин», восьмым, также с вопросительным знаком и пометой «найти» — «Тютень <Витютень и Протегален>». Строки 9 и 10 заполнены отточием и объединены общим вопросительным знаком с пометой «найти». Помимо оглавления на этом же листе много раз воспроизведена фамилия «Гаузер»,

фигурирующая, как известно, в экспозиции «Эфирного тракта». Дата начала работы Платонова над «Эфирным трактом» — 7 ноября 1926 г. (проставлена в одной из машинописей), в связи с чем данное оглавление может быть также отнесено к первой половине ноября 1926 г. Возможно, это оглавление имеет отношение к сборнику, переданному затем в издательство «Кузница». Поступление какого-то сборника — «Анд-рей» Платонов. Десять рассказов» — зафиксировано в тетради для регистрации рукописей «Кузницы» 17 декабря 1926 г. (РГАЛИ, ф. 1638, оп. 1, ед. хр. 44, л. 12). В общей сложности, не дублируя друг друга, оба оглавления охватывают 11 из 17 рассказов будущей книги «Епифанские шлюзы» (по первому оглавлению — рассказы 2, 4, 5, 7; по второму — рассказы 1—7) и, в частности, не публиковавшиеся ранее «Демьян Фомич...», «Кройс», «Душевная ночь», «Цыганский мерин».

Однако, как и в случае с книгой стихов, реальный результат дало только сотрудничество с Литвиным-Молотовым, который с мая 1925 г. по ноябрь 1927 г. работал в Госиздате РСФСР (член правления, председатель плановой комиссии) и фактически возглавлял издательство «Молодая гвардия». Некоторые обстоятельства этого сотрудничества стали известны из тамбовских писем писателя, поскольку Платонов занимался подготовкой к изданию уже написанных рассказов и дописывал новые вещи, находясь в Тамбове. В ходе этой работы представления Платонова о составе выпускаемой книги вынужденно претерпели значительные изменения. Первоначально из Тамбова Молотову были переданы «Антисексус» (СА, письмо от 18 янв. 1927 г.) и дописанный в Тамбове «Эфирный тракт» (СА, письмо от 19 янв.), несколько позднее подошла и повесть «Епифанские шлюзы» (СА, письма от 26 и 28 янв.). Параллельно в той же «Молодой гвардии» подготавливался какой-то «малый» сборник рассказов Платонова, куда он предназначил, например, «Рассказ о потухшей лампе Ильича» (СА, письмо от 19 янв.). В конце января Платонов счел своевременным заключение договора с «Молодой гвардией» (СА, письмо от 26 янв.), но Литвин-Молотов, похоже, придерживался другого мнения. 28 января, в ответ на очередные рекомендации Молотова, Платонов отправил жене (Мария Александровна с сыном оставались в Москве) следующее руководство к действию:

«Надо издать сначала 2 книжки моих, на которые материал полностью имеется:

- 1) Книгу мелких рассказов и
- 2) Книгу “Пустые урны” (могут назвать иначе) — последняя повесть для этой книги — “Епифанские шлюзы” — будет выслана через 2 дня.

Договора на обе книги можно заключить теперь же и теперь же получить по ним деньги.

Ни в коем случае нельзя ставить издание 2-й книги в зависимости от Пугачева. Вторая книга должна иметь то, что она имеет. Пугачев и по духу в эту книгу не идет и не пойдет. Это мое окончательное решение. Так Молотову и скажи. Нечего мне сусолить пилюлю. Дайте мне малое, а большое я сам возьму. Не тяните время.

<...> Пугачева же я начал писать в Москве, и читал тебе немного. <...> Но дальше дело у меня не пошло: занялся “Эф<ирным> трактом” и “Еп<ифанскими> шлюзами”.

Пугачева я буду писать долго и старательно и мне нужно много материала к нему. Это роман, который я закончу к осени. Ни в какой связи он с издаваемыми двумя книжками не стоит.

<...> Рассказы лучше не пускать в “Кузнице”, а пустить в книжке “Мол<одой> Гв<ардии>”. Ты поступила совершенно правильно, сказав это Рубановскому. <...>

С “Мол<одой> Гв<ардией>” идет убийственно медленно. Пока солнце взойдет и т. д. А всему делу — Молотов: он и помощник, он и волокуша. Он все хочет выпустить меня в свет обряженным красавцем, но я подохну, пока он меня управится одеть.

Пугачева не ждите — повторяю. Он только начат и будет кончен через полгода минимум. Отрывка я не дам, он бессмысленен и не нужен. Я хочу в Пугачеве работать для себя, а не для рынка. Будь он проклят!» (СА).

В отношении состава основной книги прозы письмо явно резюмирует предшествовавшие указания Платонова. По логике условного названия — «Пустые урны» — в книгу, помимо «Епифанских шлюзов», должны были бы войти «Лунные изыскания», «Эфирный тракт» и, возможно, «Сатана мысли». Как известно, в «Эфирном тракте» описан некий дом воспоминаний, где в память погибших исследователей и изобретателей, героев перечисленных произведений, установлены пустые мемориальные урны. К этой группе текстов примыкает и «Антисексус», в котором упоминается о Крейцкопфе — герое «Лунных изысканий». Что касается рассказов, которые следовало перебросить в «Молодую гвардию» из «Кузницы», то, возможно, речь шла об уже упоминавшемся выше сборнике из десяти рассказов. К сожалению, состав «малого сборника» рассказов Платонова в «Молодой гвардии» остается неизвестным.

Несмотря на видимую решительность настроения в сотрудничестве с «Молодой гвардией», Платонов был вынужден во многом сдать свои позиции. Об этом свидетельствует реальный состав вышедшего сборника, куда не вошли ни «Эфирный тракт», ни «Антисексус». Вместе с тем, в составе *ЕШ* оказались повесть «Город Градов», рассказы «Иван Жох», «Песчаная учительница», «Память», «Родоначальники нации...»,

«Луговые мастера» — произведения, не упомянутые в двух известных оглавлениях и тамбовских письмах Платонова.

Окончательной доработкой книги Платонов занимался весной 1927 г., по возвращении из Тамбова. Вероятно, уже убедившись в невыполнимости своих требований к составу издаваемой книги, Платонов разобрал «Рассказ о многих интересных вещах» и использовал его для написания рассказов «Родоначальники нации...» Свидетельством несостоявшегося романа о Пугачеве в *ЕШ* является рассказ «Иван Жох» (см. ниже прим., с. 512—516).

Книга вышла в самом начале июля 1927 г.: 2 июля Платонов писал жене, отдыхавшей с ребенком в Крыму: «Книжка моя выходит только в понедельник-вторник», т. е. 4—5 июля. Автограф на экземпляре книги, предназначенном для Марии Александровны, датирован 9 июля, автограф на экземпляре, подаренном Литвину-Молотову, датирован 11 июля. Довольно скоро «Епифанские шлюзы» среди других литературных новинок дошли до М. Горького, и в связи с этим в августе—сентябре 1927 г. фамилия Платонова фигурирует в нескольких его письмах различным адресатам: «...например, Фадеев, автор “Разгрома”, человек, несомненно талантливый, таков же, как будто, и Андрей Платонов...» (письмо от 1 авг. Тихонову-Сереброву); «Читаете ли Вы молодую русскую литературу? Очень рекомендую Андрея Платонова, Заяицкого, Фадеева...» (письмо от 15 авг. Е. Д. Кусковой); «Интересны Андрей Платонов, Сергей Заяицкий и Олеша...» (письмо от 15 авг. С. Н. Сергееву-Ценскому); «Заяицкий — интересная фигура, так же, как и Андрей Платонов» (письмо от 19 авг. И. А. Груздеву); «Очень понравился мне “Разгром” Фадеева и рассказы А. Платонова...» (письмо от 31 авг. В. М. Фриче); «Читали Вы — “Разгром” Фадеева, “Баклажаны” Заяицкого и “Епифанские шлюзы” Андрея Платонова? Если не читали — пришлю» (письмо от 21 сент. Д. А. Лутохину)* и т. п.

В августе—сентябре 1927 г. на «Епифанские шлюзы» появилось три небольшие рецензии — некоего В. Дашкова в московском журнале «Книга и профсоюзы» (1927, № 7—8, июль—авг., с. 48) и литературных обозревателей ленинградских газет «Смена» (1927, 17 сент., № 212, с. 3) и «Вечерняя красная газета» (1927, 12 окт., № 276, с. 6), скрывавшихся за инициалами, соответственно, В. Я. и П. Р. Естественно, что основное свое внимание рецензенты уделили крупным вещам — повес-

---

* Письма цитируются по следующим изданиям: Горьковские чтения. 1953—1957. М., 1959, с. 56; *Горький М.* Полн. собр. соч.: В 30 т., т. 30, с. 32, 37; Архив А. М. Горького. Т. XI. М., 1966, с. 137. См. также: *Аннинский Л.* Откровение и сокровение: Горький и Платонов // Журн. «Литературное обозрение», 1989, № 9, с. 3—4).

тям «Епифанские шлюзы» и «Город Градов», причем в последнем произведении они единогласно отметили дух сатиры Салтыкова-Щедрина. Что касается рассказов, то В. Дашков бегло отметил «любопытный рассказ “О потухшей лампе Ильича” (электрификация деревни) и интересные циклы: “Записи потомка” и “Из генерального сочинения”», определил тему рассказа «Иван Жох» — «о самозванце Петре II (sic!), выдвинутом раскольниками при царице Екатерине. С потомком самозванца встретился автор в Сибири во время похода против Колчака», и охарактеризовал книгу в целом как «неровную, местами сырую, недоработанную, написанную как будто с поспешностью, и все же интересную». В заключение книга была рекомендована для «фундаментальных рабочих библиотек» (рецензия-аннотация на «Епифанские шлюзы» в «Книге и профсоюзах» как раз и находится в рубрике, посвященной обзору новых книг, рекомендуемых для рабочих библиотек Центральной комиссией по книгокомплектованию при РИО ВЦСПС).

Рецензент газеты «Смена», помимо повестей, удостоил своим вниманием лишь «Рассказ о потухшей лампе Ильича»: «Из других рассказов сборника необходимо отметить рассказ “Потухшие лампочки Ильича” (sic!), где автор просто и хорошо рассказывает о постройке электростанции в селе Рогачевке, сожженной через год кулаками».

Наибольшую осведомленность о самом Платонове и о его творчестве продемонстрировал рецензент «Вечерней красной газеты», который, для того чтобы читатель не перепутал Андрея Платонова с другим писателем Платоновым — Алексеем, упомянул такие вехи творческого пути первого из них, как публикация в 1921 г. рассказа «Маркун» и выход в Краснодаре книги «Голубая глубина», заметив при этом: «Все это теперь совершенно забыто. Тем более неожиданно появление “Епифанских шлюзов”, книги ценной, интересной и талантливо написанной». Подобное знание биографии Платонова заставляет предположить возможность личного знакомства писателя и рецензента, тем более что осенью 1927 г. Платонов с семьей переехал на жительство в Ленинград.

Из рассказов, печатаемых в настоящем томе, П. Р. особо выделил «Песчаную учительницу» и «Рассказ о потухшей лампе Ильича», отметив их практическую значимость для социалистического строительства:

«Центральное место в книге занимают три превосходных рассказа: “Город Градов” (в первом изображается советский уездный город Глупов), “Песчаная учительница” и “О потухшей лампе Ильича”. <...>

Второй рассказ показывает героическую учительницу, несущую культуру в самые глухие селения на границе среднеазиатской пустыни. Работая одновременно как учительница, агроном и агитатор, она энергично борется с пустыней, засыпающей песками селение, и повышает благосостояние крестьян. Редким качеством этого рассказа является его

убедительность и отсутствие тенденциозности. Рассказ весьма удачно достигает своей цели — организует психику читателя в направлении нужной и полезной работы, заражает пафосом социалистического строительства.

Такого же типа и рассказ “О потухшей лампе Ильича”, о том как крестьяне проводят электричество в глухую деревню. Если бы рассказ состоял только из первых трех глав, в которых изображаются старания артели, в конце концов увенчивающиеся блестящим торжеством, он производил бы, пожалуй, более сильное и, главное, более бодрое впечатление, но автор, вероятно, побоялся показаться тенденциозным. К первым трем главам прибавлена четвертая, в которой обозленные кулаки сжигают электростанцию».

В заключение рецензент еще раз подчеркнул свое высокое мнение о даровании автора книги и вкратце высказался о ее «стиле», объединив под этим понятием и стиль малых рассказов, и некоторые особенности оформления сборника:

«В книге можно найти достаточно недостатков, неизбежных для всякого, а тем более, для малоопытного писателя, но эти недостатки искупаются крупными достижениями автора.

Для стиля книги характерны причудливые названия (“Чульдик и Епишка”, “Демьян Фомич — мастер кожаного ходового устройства”), обилие цитат из абсурдных сочинений различных уездных мудрецов, любовь к графическим украшениям (вывески в рамках, титульные листы сочинений и т. д.), архаизмы в языке».

Каких-либо других рецензий на сборник «Епифанские шлюзы» в 1927 г. скорее всего и не было, однако, в 1929 г., в связи с кампанией по «разоблачению» Б. Пильняка и Е. Замятина, о книге вспомнила критик В. Стрельникова в своей статье «“Разоблачители” социализма: О подпильничниках» («Вечерняя Москва», 1929, 28 сент., № 224, с. 3). Из рассказов у Стрельниковой фигурируют опять-таки «Песчаная учительница» (без упоминания названия), «Рассказ о потухшей лампе Ильича» и, в дополнение к ним, «Бучило». Примечательно, что мнение Стрельниковой о силе воздействия платоновской прозы на читателя практически совпало с мнением П. Р.— рецензента «Вечерней красной газеты», ср.: «Андрей Платонов из тех писателей, которые умеют высказываться, и его книги, вполне естественно, будут организовывать в желательном для него направлении мировоззрение читателей. Литературные персонажи всех маленьких и больших рассказов сборника “Епифанские шлюзы” писателем и введены именно для того, чтобы высказать или доказать его собственные мысли». Еще одно совпадение заключается в том, что и Стрельникова, и П. Р. не оставили без комментария поджог электростанции в четвертой главе «Рассказа о потухшей лампе Ильича».

Однако, в отличие от доброжелательного П. Р., основной целью статьи Стрельниковой являлось доказательство вредности идей Платонова для простого, идеологически неискушенного читателя книги:

«Ряд персонажей по-разному выражают его основную мысль: ориентация коммунистической партии, строящей в СССР социализм, на пролетариат и трудовое крестьянство — ориентация вздорная: не такой в нашей стране народ, чтобы на него ориентироваться. <...>

Есть среди персонажей книжки парочка коммунистов, как же это писать об СССР и обойтись без коммунистов! Но эти коммунисты отнюдь не вносят дисгармонии в сумрачный мирок платоновских — диких, дураковатых и утробных — людей.

“Член большевиков, Евдоким Абабуренко” в детстве проявлял легкие признаки кретинизма, в юношеском возрасте прославился тем, что семь дней на двор не ходил, в революцию комиссарствовал и брал города, а к нашим годам полюбил сахарин и до того искусно научился подвывать волкам, что волки приходили к нему и лезли на землянку (“Бучило”). <...>

Что предлагает Андрей Платонов в этой книжке? Главным образом он советует не увлекаться проектами. Есть много дел поскромнее. Например, научить крестьян осушать болота или приучить наших кочевников к оседлой жизни. Это, конечно, почтенная задача, но в каком контексте преподносится нам эта “программа максимум” Платонова?!

Электрификацией он нам заниматься не советует. Рано еще, не доросли. Да и зачем трудиться строить электростанции, когда их все равно кулаки пожгут. Дикий народ, необузданный и из-за сытой пищи готов на всякие зверства... (“Потухшая лампа Ильича”).

В своем ответе В. Стрельниковой Платонов выразил особое возмущение предложенной ею трактовкой основной идеи «Рассказа о потухшей лампе Ильича» (см. ниже, с. 525).

С конца 1929 г. критика уже не возвращается к рассказам *ЕШ*, сосредоточив свое основное внимание на более современных произведениях Платонова — «Усомнившийся Макар» и, несколько позднее, «Впрок» (1931).

БУЧИЛО (с. 17).— Журн. «Красная нива», 1924, № 43, 26 окт., с. 1028—1032; *ЕШ*, с. 64—77.

Датируется 1924 г.

Печатается по *ЕШ*.

Рассказ, вероятно, был написан специально для литературного конкурса журнала «Красная нива»; объявления об этом конкурсе Платонов мог обнаружить в №№ 14 (6 апр.) и 22 (1 июня) журнала за 1924 г., а

также в газете «Известия». В состав жюри конкурса входили А. Луначарский, Ив. Касаткин, В. Переверзев, В. Правдухин и А. Серафимович. По условиям конкурса, каждый из его участников мог прислать не более одного ранее не публиковавшегося рассказа, объем которого не должен был превышать 25 тысяч печатных знаков. Тексты присылались анонимно, но под девизом; имя и адрес автора прилагались к рукописи в отдельном конверте, на котором указывался тот же девиз, что и на рукописи. В качестве приза была обещана публикация в течение 1924 г. на страницах «Красной нивы» десяти лучших рассказов; авторы этих рассказов, помимо гонорара, получали премию в размере 150 руб. Кроме того, по завершении публикации рассказов, планировалось произвести опрос читателей, с тем чтобы выделить и дополнительно премировать трех лучших, по мнению читателей, авторов. Со своей стороны, жюри конкурса также собиралось назвать трех лучших авторов. Срок присылки рассказов устанавливался: для Москвы — 10 июня, для провинции — 15 июня; результаты конкурса предполагалось опубликовать 1 июля 1924 г. Однако затем из-за большого количества участников срок опубликования результатов передвинулся на 30 августа («Красная нива», 1924, 27 июля, № 30, с. 731). Фактически итоги конкурса стали известны в начале сентября (Там же, 7 сент., № 36, с. 880). Всего поступило 1065 рукописей: из провинции — 750, из Москвы — 250, из Ленинграда — 65. Андрей Платонов с рассказом «Бучило» (девиз — «Песня, сокровенная в крови») оказался в списке победителей. Известие о премировании рассказа «Бучило» не прошло незамеченным в Воронеже (см.: *Вор. ком.*, 1924, 5 окт., № 228, с. 4).

Публикация премированных рассказов началась с 28 сентября («Бучило» опубликован пятым по счету), тексты сопровождались фотографиями и краткими биографиями их авторов. Платонов прислал известную фотографию 1922 г. и следующую автобиографию: «Родился в 1899 г. в слободе Ямской, смежной с г. Воронежем. Отец — слесарь железнодорожник. С 13 лет отдан работать. Был среди многих людей, испробовал многие профессии. Больше всего любил машины и стремился работать с ними. С 1918 г. учился в местном Политехникуме и стал электриком. Был журналистом, служил в местных газетах. Теперь механик, работаю в губземотделе».

30 ноября, по опубликовании девяти рассказов (10-й выпал по причине несоблюдения автором условий конкурса), в журнале была напечатана «Анкета читателя “Красной нивы” по присуждению трех премий за лучший художественный рассказ» («Красная нива», 1924, № 48, 30 нояб., с. 1069). Результат читательского опроса стал известным 8 февраля 1925 г. (Там же, № 6, с. 144). Рассказ Платонова не вошел в число трех дополнительно премированных рассказов.

При написании рассказа Платонов переработал и объединил рассказы 1922 г., главным героем которых является Елпидифор Баклажанов — изобретатель, персонаж-двойник автора (см. ниже прим. к рассказу «Приключения Баклажанова», с. 584—585). Основой 1-й и 2-й глав рассказа послужили, соответственно, первая глава рассказа «Приключения Баклажанова» и рассказ «Данилок». Имя Елпидифор по какой-то причине оказалось неподходящим для главного героя нового произведения, и вместо него в 1-й главе рассказа появляется Евдоким Абабуренко, сохраняющий фамилию «вытесненного» персонажа — Баклажанов — в качестве уличного прозвища. Во 2-й главе рассказа Евдоким Абабуренко-Баклажанов также вводится автором на место главного героя — портного Данилка, по имени которого и назывался переработанный рассказ. В связи с этим Елпидифор Баклажанов, выступавший в рассказе «Данилок» как второстепенный персонаж (заказчик галлифе), получает фамилию Мамашин (персонаж с такой фамилией встречается также в рассказе «Память»).

Оба переработанных рассказа были в той или иной степени автобиографичными, в силу чего топография места действия и некоторые персонажи, имеющие реальные прототипы, являются общими также для рассказов «Волчок», «Странники», «Серега и я».

Помимо «Приключений Баклажанова» и «Данилка» при написании 2-й главы «Бучила» Платонов использовал газетную редакцию рассказа «История иерея Прокопия Жабрина».

Вполне возможно, что за основу 3-й главы «Бучила» также взят ранний, неизвестный нам, рассказ Платонова.

В 1929 г. рассказ «Бучило» среди прочих рассказов *ЕШ* был упомянут критиком В. Стрельниковой в ее статье «“Разоблачители” социализма. О подпильячниках».

С. 17. *Бучило* — пучина, водоворот, омут.

Тянется день, как дратва, скука бычачья. Рассказать тебе про дни? — Эпиграф, перенесенный в «Бучило» из «Приключений Баклажанова», имитирует зачин так называемой докучной (бесконечной) сказки. В 1-й главе «Приключений...» смысл эпиграфа получал дополнительное подтверждение в подзаголовке «Бесконечная повесть». В «Бучиле» снято указание на «рассказчика», одного из постоянных героев Платонова, — сапожника Апалитыча (см. ниже прим. к рассказу «Апалитыч», с. 574—575), поскольку данный персонаж, упоминавшийся во 2-й главе «Приключений...», никак не задействован в новом рассказе.

Дратва — прочная просмоленная или навощенная нитка для шитья обуви, кожаных изделий.

Музавер — безбожник, неверный, злодей.

Абдул-гамид — Прозвище, вероятно, образовано от имени турецкого султана Абдул-Хамида II (1842—1918), прозванного за свою политику «кровавым султаном».

...*Аполлинария Николаевна, учительница*...— Биографический факт. *Аполлинария Николаевна* Егорова, преподавательница церковноприходской школы при Троицком кафедральном соборе г. Воронежа, в которой в период между 1906 и 1910 гг. учился Платонов. По свидетельству двоюродного брата писателя М. Щеглова, Платонов не раз говорил: «Если бы не Аполлинария Николаевна, я дальше, может быть, и не пошел бы учиться!» (см.: *Ласунский*, с. 43—46). О своей первой учительнице Платонов упоминает и в автобиографическом письме, вошедшем в предисловие к *ГГ* (см. выше, с. 480).

С. 18. *Волчок* — Дворовый пес Волчок — один из постоянных «персонажей» ранней прозы и лирики Платонова; также упоминается в стихотворении «Мальчик», рассказах «Волчок», «Странники», «Сергея и я», «Приключения Баклажанова».

...*Саня, маленький брат ~ на Петровки он умер от живота*.— Вероятно, биографический факт. Смерти маленького брата также посвящены стихотворения «Мальчик», «Домой». *Петровки* — многодневный пост, заканчивающийся в Петров день — 12 июля (29 июня ст. ст.) день памяти св. апостолов Петра и Павла.

Камилавка — маленькая шапочка, облегающая голову.

С. 21. *Алимон* — миллион (разг.).

...*полезли к старинному монастырю, на гору*.— За этим описанием узнаваем район г. Воронежа, расположенный на береговом склоне между р. Воронеж и Митрофановским монастырем.

Гуни — от *гуня*, старая, изношенная верхняя одежда.

С. 22. *Волошино* — реальный населенный пункт в Воронежской губернии, где с лета 1921 г. по весну 1922 г. жила и работала невеста и будущая жена писателя М. Кашинцева (см. ниже прим. к зарисовкам «Заметки», с. 580).

С. 23. *Охальник* — наглец, бесстыжий озорник.

...*у князя Бяратинского*...— Князя Бяратинские действительно входили в число крупных землевладельцев Воронежской губернии (см.: сб. «Памятная книга Воронежской губернии на 1912 г.», Воронеж, 1912, с. 81).

С. 24. *Плоскушка* — вошь-площица.

Гашиник — поясок, шнурок, продеваемый в верхнюю часть штанов для их подвязывания, а также верхняя кромка штанов.

Колотушечник — ночной сторож с колотушкой.

Спрохвала — исподволь, полегоньку, не вдруг.

ИВАН ЖОХ (с. 26).— *ЕШ*, с. 81—108.

Датируется началом 1927 г.

Печатается по *ЕШ*.

Благодаря сохранившейся в *СА* белой рукописи под заглавием «Начало пугачевского восстания» (л. 1—4 об.; первоначальный заголовок: «Раскольники (Отрывок из неоконченного романа)»; на л. 4 об. вычеркнута подпись: Андрей; на л. 1 в верхнем левом углу вписан один из псевдонимов Платонова: Андрей Вогулов), наиболее проясненной оказывается история создания 1-й главы рассказа «Иван Жох». В качестве 1-й главы Платонов использовал именно «Начало пугачевского восстания» — более ранний по времени текст, взятый с небольшими изменениями.

«Иван Жох» представляет собою единственный известный результат работы Платонова над весьма актуальной для литературы того времени темой пугачевского восстания (в 1925 г. отмечалось 150-летие казни Е. Пугачева).

Источником исторических сведений о Пугачеве Платонову послужил популярный труд В. Ф. Ливанова «Раскольники и острожники» (М., 1871—1887). В отдельных случаях платоновский текст следует источнику почти дословно (см. параллельное воспроизведение текстов: Антонова Е. К вопросу о некоторых источниках прозы А. Платонова 1926—1927 гг. // *Страна философов*, 2000, с. 460—485). Поскольку, работая над 1-й главой «Ивана Жоха», Платонов ограничился сравнительно небольшой доработкой «Начала пугачевского восстания», 1-я глава рассказа в целом соответствует источнику почти в той же степени, что и «Начало пугачевского восстания». Однако, отказавшись в «Иване Жохе» от главного героя — Емельяна Пугачева, Платонов, прежде всего, был вынужден скорректировать датировку описываемого восстания — оно происходит после подавления пугачевского восстания (1773—1775). Новый герой наделяется экспрессивным прозвищем Жох (тертый, бывалый, опытный дока и наглый плут), которое замещает фамилию героя.

Кроме того, сокращается заключительный фрагмент «Начала пугачевского восстания», содержащий явный анахронизм:

«Так началось дело Пугачева, потрясшее всю царскую империю. Екатерина Вторая не успевала против бунтовщиков генералов посылать. Но Пугачев долго не сдавался, поддерживаемый степным разоренным народом и вольными людьми.

А через сто лет в тех же местах появился еще более страшный и твердый народный вождь — Степан Разин».

Выбор источника свидетельствует, что Платонов не ставил своей целью научно-критический отбор литературы по интересующей его теме. В «Начале пугачевского восстания» он не только не замечает оши-

бок источника, но и «усугубляет» их: производит частичную замену имен реальных исторических лиц, вводит вымышленные топонимы и объединяет разновременные события. Ливанов начинает историю Пугачева с его появления на Добрянском форпосте в августе 1772 г., по выходе с территории Польши, и воспроизводит его беседу с начальником форпоста, которого ошибочно именует майором Меншиковым, тогда как реальная фамилия этого человека была Мельников. По Ливанову, Пугачев называет себя пензенским купцом и раскольников, тогда как в действительности он назвался выходцем из Польши. На этом этапе Платонов точно следует своему источнику, так что обе отмеченные ошибки попадают в «Начало пугачевского восстания». Далее, как события, происшедшие *после* выхода из Польши, Ливанов бегло описывает перемещения Пугачева: «он попадает то за границу, то на Иргиз, то в Стародубские к раскольникам слободы <...> Здесь он живет несколько времени у старца Вавилы на полной свободе. В Стародубских слободах поживши Пугачев прогулялся за границу, в знаменитый раскольниковый центр — на Ветку. <...> Между заграничными земляками раскольников он живет пятнадцать недель <...> оттуда он, так сказать, по маслу докатился до раскольникового Иргиза и Яика» (Ливанов, с. 389). В реальности пребывание Пугачева в Стародубье, последующий нелегальный переход границы и проживание затем на территории Польши, в раскольниковой слободе Ветке, *предшествовали* его появлению на Добрянском форпосте. Целью этой операции являлось получение паспорта, обеспечивавшего его обладателю — возвращающемуся в Россию раскольнику — выбор места поселения на отведенных для этой цели российских территориях, что было чрезвычайно важно для Пугачева, находившегося в начале 1772 г. в бегах. Судя по показаниям Пугачева на допросе, план получения паспорта на Добрянском форпосте посоветовал ему стародубский старец Василий (вероятно, старец Василий Федоров — один из видных расколоучителей на Ветке и в Стародубских слободах), ошибочно поименованный у Ливанова Вавилой.

Вероятно, сознавая невнятность источника в изложении маршрута Пугачева, Платонов в «Начале пугачевского восстания» значительно спрямляет путь своего героя после выхода на Добрянский форпост: «Попад в Стародубскую слободу, Пугачев отдыхал там недели две <...> Отдохнув, Жох пошел на Иргиз и Яик <...>» (Ливанов, с. 389). В «Иване Жохе» Стародубская слобода переименована здесь в Старовыгонскую, а «старец Вавила», вообще не попавший в текст «Начала...», превращен в «стародубского попа Данилу от Всех Святых на Камушках» (это одно из самых значимых разночтений «Начала...» и «Ивана Жоха», см.: «По сему решению заграничных раскольников...» исправлено на «По сему решению и по совету стародубского попа Данилы от Всех Святых на

Камушках...»). Помимо неточностей, привнесенных из труда Ливанова, Платонов и сам ввел в анализируемый фрагмент «Начала...» некоторые вымышленные детали: упоминания о хуторе Бессмертном, где у Пугачева якобы уничтожили документы, и о раскольничьем купце-миллионщике Иване Фомиче Ларионове.

Завершив общий обзор путешествия Пугачева, Ливанов обращает свое внимание на так называемых сообщников Пугачева, начиная со знакомства с беглым гренадером Алексеем Семеновым, который якобы заметил сходство Пугачева с Петром III и сообщил об этом добрянскому же купцу Кожевникову, что привело к встрече последнего с Пугачевым. Затем, вне явной связи с рассказом о встрече Пугачева и Кожевникова, сообщается, что «в совете» с Пугачевым был и другой добрянский купец-раскольник — Крылов, после чего без какого-либо разъяснения цитируются обращенные к Пугачеву слова некоего Кузнецова; см.: «Так объяснял Пугачев пред следственной комиссией зарождение мысли о самозванстве, присовокупляя, что в совете с ним был еще и другой добрянский купец, раскольник же, Крылов. “Ныне и на Иргизе,— говорил раскольник Кузнецов Пугачеву,— стало великое гонение староверам”. Когда же Пугачев заметил, что он не прочь бы и на Кубань уйти, Кузнецов промолвил: “Слышно здесь, что яицкие раскольники давно бунтуют, так лучше их подговорить”. <...> По словам самого Пугачева, раскольников Кожевникова, Кузнецова и Крылова надо почитать всему злу заводчиками». По Ливанову, именно Кожевников, Кузнецов и Крылов советуют Пугачеву отправиться к раскольничьему игумену Филарету; кроме того, Кузнецов рекомендует ему как человека, к которому можно обратиться за помощью, донского казака Вершилова. Все это достаточно бессвязное повествование завершается сообщением о том, что Пугачев «ушел с Дона и прибыл на Иргиз на своей лошади, имея за пазухой 470 рублей, которые получил от Кузнецова, Кожевникова и некоего Коровки» (Ливанов, с. 390). Безусловно, уловить здесь реальный ход событий практически невозможно. Пугачев действительно встречался со всеми этими людьми, но в разных местах и в разное время. Так, купцы Крылов и Петр Кожевников были реальными жителями Добрянской слободы и имели возможность общаться с Пугачевым летом 1772 г. Гренадер Семенов (Логачев Алексей Семенович), так же, как и Пугачев, появился на Добрянском форпосте с целью получения паспорта для поселения на реке Иргиз, был спутником Пугачева по поездке из Добрянского форпоста на Волгу, где они и расстались. У Андрея Федоровича Кузнецова — донского казака Глазуновской станицы и Вершинина Степана Никитича — донского казака Островской станицы (у Ливанова ошибочно назван Вершиловым) Емельян Пугачев и Алексей Семенов останавливались осенью 1772 г., по пути на Волгу. Коров-

ка (Коровкин) Осип Степанович был жителем Кабаньей слободы (ныне Кабанье в Луганской области), у которого Пугачев останавливался в марте, июне и октябре 1772 г. Игумен Филарет (Семенов) являлся настоятелем старообрядческого скита Введения Богородицы на Иргизе вблизи Мечетной слободы (ныне город Пугачев Саратовской обл.). В ноябре 1772 г. Филарет действительно встречался с Пугачевым, который будто бы открыл ему намерение принять имя и титул Петра III.

Что касается географических реалий, то и здесь в источнике можно отметить очевидную нестыковку: указав, что встречи Пугачева с Семеновым, Кожевниковым и Крыловым происходили «в раскольниковской Добрянке», Ливанов через некоторое время сообщает об уходе Пугачева с Дона («ушел с Дона»). В результате у Платонова, похоже, сложилось впечатление, что топонимы Добрянка и Добрянский форпост относятся к разным населенным пунктам, и в «Начало пугачевского восстания» вводится ошибочное указание, что в Добрянку (в рассказе «Иван Жох» фигурирует уже как Ветрянка) Пугачев прибывает через две ночи после событий на вымышленном хуторе Бессмертном. Кроме того, Платонов заменяет ливановских Крылова и Кузнецова вымышленным Степаном Вакуловым, сделав того единственным, помимо Семенова, соучастником встречи Пугачева с Кожевниковым. Раскольник Коровка у Платонова бесследно исчезает, казак Вершилов становится Шиловым, а игумен Филарет переименовывается в игумена Феодосия. Интересно, что в «Начале пугачевского восстания» в качестве конечной цели странствий Пугачева сразу же обозначается Зауралье, а не Кубань.

Далее, «уточнив» таким образом текст источника, Платонов вслед за Ливановым рассказывает о встрече Пугачева с Филаретом/Феодосием и последовавшем затем проживании Пугачева у одного из яицких казаков. При этом Платонов незначительно, на первый взгляд, изменяет настоящую фамилию этого казака — Пьяных вместо Пьянов, что впрочем совсем не случайно. Денис Степанович Пьянов (1724—1774) действительно принимал у себя Пугачева в конце ноября 1772 г. Однако оба диалога, которые в «Начале пугачевского восстания» приписываются якобы Пьянову/Пьяных и Пугачеву, по Ливанову, происходят между Пугачевым и неким Степаном Оболяевым по прозвищу Еремкина Курица, и не осенью 1772 г., а в августе 1773 г. В этот промежуток времени, о чем подробно сообщено у Ливанова, Пугачев успел попасть под арест, отбывал заключение в Казанской тюрьме, сбежал оттуда и возвратился на Иргиз. Из рассказа о казанском заключении Пугачева Платонову пригоняется лишь приведенный у Ливанова обмен репликами между Пугачевым и навестившим его в тюрьме купцом Щелоковым: «Щелоков явился и спросил, за что он содержится.— За крест и бо-роду! — отвечал Пугачев...» (Ливанов, с. 391). Можно также предполо-

жить, что именно воспоминание о роли Казани в судьбе Пугачева навеяло одно из дополнений, внесенных Платоновым уже в текст «Ивана Жоха»: «показал раны от острожных побоев, а получил он их в Рязани, где томился за веру» вместо «показал нателные раны от тюремных побоев, где он томился за веру». И, наконец, последним из героев, имеющих реальный прототип, у Платонова является Григорий Пустовой. В действительности, в августе 1773 г. к Оболяеву для встречи с Пугачевым приезжал яицкий казак Григорий Михайлович Закладнов (1724—1775).

Остается неизвестным, что заставило Платонова отказаться от дальнейшей разработки темы пугачевского восстания и обратиться к судьбе вымышленного персонажа — Ивана Жоха. В посвященном издательским планам письме из Тамбова от 28 января 1927 г. (см. выше, с. 504) Платонов в высшей степени определенно выражал свое желание продолжать работу над романом о Пугачеве.

С. 26. Четырнадцатого декабря 1762 года Екатерину II был обнародован Сенатский указ...— Екатерина II Алексеевна (1729—1796), российская императрица с 1762 г. Речь идет о сенатском указе «О позволении раскольникам выходить и селиться в России на местах означенных в прилагаемом у сего реестре» (Полное собрание законов Российской империи с 1649 г., т. XVI, № 11725).

Охальный — наглый, бесстыжий.

...главный староверский коновод и миллионщик Иван Фомич Ларионов...— Вымышленный герой; отдаленным прототипом купца Ларионова, возможно, является Илья Алексеевич Ковылин, основавший в Москве Преображенское кладбище — духовно-административный центр старообрядцев беспоповцев федосеевского согласия. История Преображенского кладбища и история Пугачева изложены в одном и том же томе «Раскольников и острожников» Ливанова.

...по совету стародубского попа Данилы...— *Стародубье*, местность, расположенная вокруг города Стародуба, объединявшая в прошлом несколько уездов северной части Черниговской губ. (Стародубский, Новоzybковский, Суражский; ныне на территории Брянской обл.); здесь с 1669 г. возникло несколько поселений раскольников, бежавших от гонений господствующей церкви.

...на Добрянский форпост Киевской провинции...— *Добрянский форпост* или *Добрянка*, селение на дороге из Гомеля в Чернигов (ныне на территории Украины, Черниговская обл.); русский порубежный форпост на границе с Польшей.

Обаполо — около, близко, рядом.

С. 27. Отдохнув, Жох пошел на Иргиз и Як...— *Иргиз* — местность в степном левобережье Волги, вдоль р. Большой Иргиз (ныне Саратов-

ская обл.), где с 1762 г. было разрешено свободно поселяться и отправлять богослужение возвратившимся из Польши старообрядцам. *Яик* — название реки Урал до 1775 г.

...все царство обветшало от подложного Петра-царя, сына Лефорта.— Один из вариантов народной легенды о самозванстве Петра I. *Лефорт* Франц Яковлевич (1655/56—1699), адмирал (1695), швейцарец; с 1678 г. на русской службе, сподвижник Петра I, командовал флотом в азовских походах. В «Начале пугачевского восстания» упоминание о самозванстве Петра I отсутствовало; первоначальный вариант: «все царство обветшало от Петра-царя».

С. 28. *Бурмистр* — при крепостном праве: управляющий помещичьим имением или староста, назначенный помещиком из крестьян.

...в Москве раскольников купец Ларионов — что за Рогожской заставой — весь почин против царицы держит...— *Ларионов* — вымышленное лицо, см. выше прим. к странице 26. В 1771 г. за Рогожской заставой было основано старообрядческое кладбище, рядом с которым возник старообрядческий поселок. Рогожское кладбище являлось духовным и административным центром старообрядцев, принадлежавших к Русской православной старообрядческой церкви. В «Начале пугачевского восстания» упоминание о Рогожской заставе отсутствовало. Данный фрагмент текста не имеет точной параллели в источнике, однако в своих умозаключениях Платонов мог опираться на следующее заявление Ливанова: «...опасно допускать учреждения в государстве <...> в роде Преображенского кладбища, которое миллионами своими несомненно помогло бы Пугачеву, если бы он успел прибыть в Москву и объявить себя за раскольника» (*Ливанов*, с. 399).

На хуторе Бессмертном ~ и покою ногам своим не давали.— Вымышленный топоним «хутор Бессмертный» появляется уже «Начале пугачевского восстания». Описание раскольников «бродяжьего толку» имеет явную параллель в первоисточнике: «Пугачев делался членом какого-то обширного братства, где каждый протягивал ему руку, и где раскольники являются первыми людьми, радикалами своего рода, возведшими бродяжничество в догмат и заклеившие паспорт названием “антихристовой печати”» (*Ливанов*, с. 389). Однако, судя по переработке источника, Платонов мог привнести сюда и собственные знания о согласии раскольников бегунов или странников.

...на покойного императора Петра Федорыча...— Речь идет о российском императоре (с 1761 г.) *Петре III* (1728—1762), свергнутом в результате переворота, организованного его женой Екатериной.

С. 29. *Благочестия ж нету в Москве* — *горит оно где-то в опоньской стране на Беловодье.*— Фраза появляется непосредственно в тексте рассказа «Иван Жох». *Беловодье* — название легендарной страны, где,

по народным представлениям, распространенным среди старообрядцев XVIII—XIX вв., сохранилось древлеправославное благочестие в первоизданном виде. Предполагалось, что Беловодье находится на Востоке, в горах Тибета или в Опоньском царстве (Япония).

С. 30. ...*ходил по иргизскому базару и пробовал рыбу за мякоть...*— Данный сюжетный ход основывается на указании источника, что Пугачев отправился от игумена Филарета к Денису Пьянову в Яицкий городок «будто бы для закупки рыбы», там же отмечается, что, живя в городке, «Пугачев постоянно ходил по базарам» (Ливанов, с. 390, 391).

Гуторить — говорить, беседовать, болтать.

С. 30—31. ...*Петр Федорович, что на Яике жил, того в Москве нововерцы угомонили!* — Речь идет о Емельяне Пугачеве, казненном в Москве в 1775 г.

С. 31. *Фунт* — русская мера веса, равная 409,5 г, применявшаяся до введения метрической системы мер.

Спрохвала — исподволь, полегоньку, не вдруг.

С. 32. *Побаляхней* — побольше.

С. 33. *Успенев день* — 28 августа (15 авг. ст. ст.), церковный праздник — Успение Пресвятой Богородицы.

С. 35. ...*в реке Альме...*— Реальная река с таким названием находится в Крыму.

Пушка-единорог — артиллерийское орудие, род гаубицы, с украшением на стволе в виде отлитой фигуры мифического зверя с рогом.

С. 36. *Пицаль* — старинная пушка или тяжелое ружье, заряжаемые со ствола.

Палаши — холодное оружие подобное сабле, но с прямым и широким обоюдоострым к концу клинком; в XVIII—XIX вв. состоял на вооружении русской тяжелой кавалерии.

С. 37. *Красно-зеленые* — *Зеленые*, первоначально лица, которые во время Гражданской войны, не желая служить в армии, укрывались в лесах (отсюда название). Массовый характер это явление приобрело летом 1918 г. *Зеленые* из числа рабочих и крестьян создавали *красно-зеленые* партизанские отряды, которые действовали в тылу у белых, главным образом на Северном Кавказе, в Дагестане, Крыму.

Мы знали, что Колчак начал большое наступление на красных, что партизаны рассеялись...— *Колчак* Александр Васильевич (1873—1920) — один из руководителей белого движения, адмирал. Участник русско-японской и 1-й мировой войн, в 1916—1917 гг. командующий Черноморским флотом. В октябре 1918 г. прибыл в Омск, 4 ноября как военный и морской министр вошел в состав «делового» Совета министров Уфимской директории. В ноябре 1918 г. в результате переворота установил в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке военную диктатуру; принял

титул верховного правителя российского государства и звание главноверха. К весне 1919 г. Колчаку удалось создать значительные вооруженные силы (до 400 тысяч человек). В начале марта 1919 г. колчаковские войска прорвали Восточный фронт большевиков на уфимском направлении, и Красная армия отступила к Волге. В конце апреля 1919 г. началось контрнаступление Восточного фронта, переросшее в общее наступление 21 июня 1919—7 января 1920 гг. 4 января 1920 г. Колчак издал указ о передаче верховной российской власти Деникину, а всей полноты военной и государственной власти на Востоке России — атаману Семёнову. Колчак был арестован в январе 1920 г. и расстрелян 7 февраля по постановлению Иркутского ВРК. К середине 1919 г. партизанская борьба, направленная против Колчака, охватила значительную часть Алтайской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний.

...напоминала ионическую культуру...— *Ионический*, представляющий собой выражение архитектурного стиля, сложившегося в древней Греции в Ионии.

С. 39. *Звали его — Кузьма Сорокин, чином — поручик...*— Прототипом героя является Иван Лукич *Сорокин* (1884—1918), участник 1-й мировой войны, есаул; в августе—октябре 1918 г. главнокомандующий Красной армией Северного Кавказа. 21-го октября в Пятигорске расстрелял группу руководящих работников ЦИК Северокавказской республики и крайкома РКП(б). 30-го октября был арестован в Ставрополе и до суда заключен в тюрьму, где убит одним из командиров. Сведения о судьбе Сорокина Платонов мог почерпнуть из краснодарских печатных изданий (см.: *Фарафонов*. Сорокинские дни // Журн. «Известия Кубчеробкома», Краснодар, 1921, № 15, с. 39—46; *Петренко С.* Правда о Сорокине // Журн. «Путь коммунизма», Краснодар, 1922, № 1, с. 112—126).

С. 41. ...на юг — к генералу Деникину...— *Деникин* Антон Иванович (1872—1947), участник 1-й мировой войны, генерал-лейтенант. С сентября 1916 г. командующий 8-м армейским корпусом, с февраля 1917 г. помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего, в мае—июне главнокомандующий армиями Западного фронта, с июля — Юго-Западного фронта. Участник корниловского мятежа. Принимал участие в формировании Добровольческой армии; главнокомандующими силами Юга России. В январе 1920 г. приказом Колчака объявлен верховным правителем, в марте образовал южнорусское правительство. 4 апреля 1920 г. сдал командование Врангелю, установившему в Крыму и на юге Украины режим военной диктатуры, и отплыл на английском эсминце в Константинополь.

Ночью я хотел убить Сорокина ~ в камере армавирской тюрьмы в 1920 году.— См. выше прим. к странице 39.

ПЕСЧАНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА (с. 42).— *ЕШ*, с. 173—184; газ. «Литературные среды», Л., 1927, 28 сент., № 21, с. 5—6.

Беловой автограф с пометой на верхнем поле первого листа «Очерком сократив. А.» (л. 1—10) — *СА*. Автограф ранней редакции рассказа с пометой Платонова в левом верхнем углу 1-го листа «2 экз. на одной стороне листа» (л. 1—4 об.) — *СА*.

Датируется 1926 г.

Печатается по *ЕШ*, с восстановлением авторской системы абзацев.

Характерным признаком ранней редакции рассказа является то, что в ней героиня носит имя Ксения Никифоровна.

В автографе ранней редакции знаком решетки (#) отмечены все страничные переходы текста белого автографа, следовательно, окончательная редакция рассказа создавалась непосредственно при переписывании автографа ранней редакции. Примечательно при этом, что Платонов обошелся без предварительного внесения правки в переписываемый текст.

При переходе от первой ко второй редакции правка 1—4-й глав носила преимущественно стилистический характер. Наиболее значительную переработку претерпело во 2-й главе рассказа описание бури в пустыне; первоначально вместо «безбрежное море дымящихся на вершушках барханов ~ земля, наполненная звоном жизни» было: «то же безбрежное море дымящихся на вершушках барханов, те же котловины между ними, но только там, где было углубление, теперь высится огромный холм, а где стоял бархан, виднеется глубокая впадина. Но Ксении Никифоровне говорили, что часто буря продолжается дольше, несколько дней, иногда неделю, причем ночью ураган улегается с тем, чтобы с новой силой подняться утром, и так много дней подряд. К счастью, такая буря не застала Ксению Никифоровну в пустыне». В 1-й главе, вероятно по требованию редактора, после «...землетрясение роста» было вычеркнуто «Оттого гибнут в эти годы люди, истребляя себя, или оставаясь изуродованными навсегда».

Наибольшая доля правки пришлась на заключительную, 5-ю главу рассказа. Здесь Платоновым были окончательно прописаны диалоги Нарышкиной с вождем кочевников и завокроно. Первоначально фрагмент «Мария Никифоровна заметалась ~ Желаю вам всякого благополучия!» выглядел следующим образом:

«Ксения Никифоровна ходила к вождю кочевников, доказывала ему дикость его действий и грозила пожаловаться советской власти.

Вождь выслушал ее молча, потом сказал:

— Травы мало, людей много: нечего делать, барышня. Если в Хошутове будет больше людей, чем нас, они нас прогонят в степь на

смерть, и это будет так же справедливо, как сейчас. Мы не злы и вы не злы, но мало травы — кто-нибудь умирает и ругается.

Ксения Никифоровна втайне подумала, что он говорит умно и в ту же ночь уехала в округ с подробным докладом.

В округе ее выслушали и ответили:

— Знаете что, Ксения Никифоровна, пожалуй, теперь в Хошутове обойдутся и без вас. Население уже обучилось бороться с песками и, когда уйдут кочевники, начнет шелюгу сажать снова. А вы не согласились бы перевестись в Сафуту?

— Что это за Сафута? — спросила Ксения Никифоровна.

— Сафута — тоже село. Только там селятся кочевники, перешедшие на оседлость. С каждым годом их становится больше и больше. В Сафуте пески были задернелые, не действовали, а мы боимся вот чего: пески растопчутся, двинутся на Сафуту, население обеднеет и превратится снова в диких кочевников, набегая на посадки русских поселенцев. А если бы вы, Ксения Никифоровна, поехали в Сафуту и обучили бы осевших там кочевников борьбе с песками, тогда Сафута привлекла бы к себе и остальных кочевников, и те, кто уже поселился там, не разбежались бы!..

А посадки русских поселенцев истреблялись бы все реже и реже. Кстати, мы давно не можем найти кандидатку в Сафуту: глушь, даль — все отказываются! Как думаете Ксения Никифоровна?..

Ксения Никифоровна задумалась: неужели молодость придется похоронить в песчаной пустыне и умереть в сосновом лесу, считая сосну в пустыне лучшим себе памятником?

Потом Ксения Никифоровна вспомнила много спокойного вождя кочевников, поняла всю безысходную судьбу двух народов в пустыне и сказала:

— Ладно. Я согласна. Постараюсь приехать к вам через пятьдесят лет старушкой, но — не по песку, а по дороге в сосновом лесу!

Завокроно встал в удивленье, пожал ей руку и ответил:

— Вы, Ксения Никифоровна, настоящая женщина и действительный человек. Я очень рад, мне жалко вас и почему-то стыдно... Но пустыня — будущий мир, бояться вам нечего, а люди будут благородны, когда в пустыне вырастет дерево, и они отблагодарят вас лучше нас. Желаю вам всякого благополучия!»

В окончательном виде приведенный фрагмент становится, прежде всего, более динамичным: монолог вождя кочевников преобразуется в напряженный диалог с Марией Никифоровной, эмоциональными репликами героини оживляется монотонность речи завокроно.

Правка направлена также и на уточнение текста: в заключительных абзацах вместо сосны, фигурировавшей как предполагаемое средство

для закрепления песков, вводится шелюга. Этот вариант, вероятно, более точно согласуется с природными условиями предполагаемого места действия рассказа.

Кроме того, во 2-й редакции Платонов пытается дать реалистичное объяснение такому обстоятельству, как относительно длительное существование Хошутова в столь неподходящем для жизни месте. В текст вводятся указания на то, что жители Хошутова — поселенцы или переселенцы, т. е., вероятно, поселились на этом месте в ходе столыпинской аграрной реформы: «Поселенцы в Хошутове стали жить спокойнее и сытее» вместо «Народ в Хошутове стал жить спокойнее и сытее»; «Хошутово замерло, поселенцы лепились друг к другу и молчали» вместо «Хошутово замерло»; «Только там селятся не русские переселенцы, а кочевники, переходящие на оседлость» вместо «Только там селятся кочевники, перешедшие на оседлость». Пришлый характер русского населения подчеркивается в речи вождя кочевников: «Зачем пришли русские?».

Несмотря на отмеченные уточнения, 5-я глава рассказа остается наиболее уязвимой с точки зрения достоверного изложения событий. Не совсем понятно, как вообще оседлое поселение могло возникнуть и удерживаться на кочевом круге даже с интервалом появления кочевников в 15 лет (первоначально — 5 лет, исправлено уже в рукописи первой редакции) в столь неблагоприятных природных условиях; в действительности для той же Астраханской губернии известен не один случай переселения целых станиц при наступлении песков (см., например: *Керн Э. Э. Пески, их природа и борьба с ними*. М., 1925, с. 15). Вместе с тем, очевидно, что коллизия 5-й главы — столкновение оседлых и кочевых народов — философский узел рассказа.

Принципиально приемлемая возможность публикации «Песчаной учительницы» в качестве очерка, как это можно понять из пометы на первом листе белого автографа, заставляет предположить, что целью рассказа во многом являлась пропаганда определенных практических сельскохозяйственных знаний, тем более что основная тема «Песчаной учительницы» напрямую связана с профессиональной деятельностью самого Платонова. 3-я и 4-я главы рассказа по конкретности изложения способов борьбы с песками вполне соотносимы с текстами популярных брошюр издательства «Новая деревня» (см., напр.: *Аверьянов Ф. Как крестьянам бороться с песками*. М., 1926). Педагогическое значение рассказа подтверждается и настойчивостью в обращении Платонова к теме: в «Рассказе о многих интересных вещах» (1923) аналогичная роль «учителя» была поручена Ивану Копчикову (см. главы 6—7). Дидактичность «Песчаной учительницы», равно как некоторых других рассказов сборника, не прошла мимо внимания современной Платонову критики (см. выше предисловие к разделу прозы, с. 506).

Публикация «Песчаной учительницы» в газете «Литературные среды» была осуществлена уже после выхода *ЕШ*; текст печатался со сносской «Отрывок из сборника “Епифанские шлюзы”» и, скорее всего из-за ограничений объема, был дан с сокращениями. Отсутствуют фрагменты: «Солнце исходило зноем с высоты ~ неутомимая земля, наполненная звоном жизни»; «Мария Никифоровна увидела тяжкий и почти ненужный труд ~ хлопотал, не жалея здоровья, над устройством ее жилья»; «А за помощью следует обращаться ~ в знак конца разговора и прощания»; «И уже через год Хошутова было не узнать. ~ и зауятили неприветливые усадьбы»; «Завокроно в удивлении подошел к ней ~ Желаю вам всякого благополучия».

С. 42. *Завгубоно* — заведующий губернским отделом народного образования.

...*село Хошутово*...— Вероятно, Платонову было известно о существовании в Астраханской губернии (ныне Астраханской обл.) населенного пункта *Хошеутово*.

С. 44. *Лессовый* — состоящий из лёсса; лёсс — почвообразующая рыхлая горная порода светло-желтого цвета.

Шелюга — то же, что краснотал, кустарник или дерево из рода ив, с красно-бурыми побегами, способствующими закреплению песков.

С. 46. *Кизяк* — высушенный в форме кирпича навоз, употребляемый как топливо в степных районах.

РАССКАЗ О ПОТУХШЕЙ ЛАМПЕ ИЛЬИЧА (с. 49).— Журн. «Журнал крестьянской молодежи», М., 1926, № 21, 7 нояб., с. 2—4, под заглавием: «Как зажглась лампа Ильича»; *ЕШ*, с. 187—203, под заглавием: «О потухшей лампе Ильича».

Беловой автограф — *СА* (л. 1—6) под заглавием «Рассказ о потухшей лампе Ильича» (подзаголовок «По письму крестьянина Фрола Ефимыча Дерьменко» вычеркнут). В левом верхнем углу первого листа автографа помета Платонова — «2 экз. на одн. стор. листа»; на л. 4 в нижней части листа просматривается начало 1-й строки стихотворения «Счастлиное время».

Датируется 1926 г.

Печатается по *ЕШ* с восстановлением по беловому автографу заглавия, авторской системы абзацев и пунктуации.

В основу рассказа положены реальные события 1924—1925 гг., связанные со строительством под руководством Платонова электростанции в селе Рогачевка и работой по орошению сада в рогачевском совхозе «Спартак» (см. прим. к статьям «Результаты искусственного ороше-

ния» и «О работе по электрификации сельского хозяйства в Воронежской губернии» — наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 411—413, 466—469).

Помимо белого автографа, соответствующего окончательной редакции рассказа, в СА сохранились материалы, позволяющие судить о последовательном формировании сюжетного замысла этого произведения. Первоначально Платонов попытался воплотить свой замысел под заглавием «Рассказ о постройке сельской электростанции (По письму друга-инженера)» (СА). Здесь рассказ об электростанции должен был вестись от лица инженера Михаила Платоновича, председателя комитета по постройке гидроэлектростанции на реке Дон. К этому, наделенному автобиографическими чертами, инженеру приходят два крестьянина села Пугачевка, Фрол Ефимыч Дерьменко и Филипп Саввич Мохов, с тем чтобы попросить помощи в осушении болот (за этими именами угадывается реальный прототип — Филипп Саввич Шкуренко, уездный мелиоратор, с которым Платонов работал в саду совхоза «Спартак»; см.: Ласунский, с. 201). Узнав о существовании запущенного сада помещика Снегирева, инженер предлагает создать артель по уходу за садом, а на заработанные деньги построить в Пугачевке электростанцию, мельницу при ней и начать осушение заболоченной местности. На этом фрагмент рукописи обрывается. Видимо, решив сменить героя-рассказчика и использовать сюжет об осушении болот в отдельном рассказе (см. рассказ «Луговые мастера»), Платонов вычеркивает первое заглавие, вписывает новое — «Рассказ о лампе Ильича», а затем начинает работу заново, с чистого листа.

Вторая попытка воплощения сюжета отражена рукописным фрагментом под заглавием «Рассказ о потухшей лампе Ильича (По письму крестьянина Фрола Ефимыча Дерьменко)» (СА; слово «потухшей» вписано над строкой). Подобная замена рассказчика выглядит удачной с точки зрения агитационного воздействия текста — проводником идеи электрификации в этом случае оказывался человек из крестьянской среды. В этом фрагменте еще отсутствует предание о происхождении названия реки Тамлык, значительно короче диалоги, некоторые из них вообще отсутствуют. Эта рукопись обрывается перед началом рассказа о собственно строительстве электростанции.

Первая публикация рассказа в «Журнале крестьянской молодежи» состоялась в сокращенном варианте. Сокращение было осуществлено в основном за счет заключительной части рассказа, повествующей о поджоге электростанции («Так прошел счастливый год. ~ Хотя на что нужны куры кровному электромеханику?»), в соответствии с чем рассказ и приобрел название «Как зажглась лампа Ильича». Примечательно, что, вероятно, в связи с молодежной направленностью печатного органа, организатором торжественного открытия электростанции

в публикации «Журнала крестьянской молодежи» поименована комсомольская ячейка.

Несчастливый финал рассказа насторожил не только редакторов «Журнала крестьянской молодежи», но в последующем и одного из рецензентов *ЕШ*, а через два года после выхода книги вызвал откровенное негодование критика В. Стрельниковой (см. выше предисловие к разделу прозы, с. 506—507). В своем ответе В. Стрельниковой Платонов подробно остановился на истории текста рассказа: «Рассказ написан давно и плохо, но он написан о классовой борьбе. В рассказе изображена бедняцкая артель, построившая станцию, а техническим строителем той станции был я (сюжет — действительность). Вся нищета деревни восторженно приняла свет, я же, много лет ведший печатную и практическую пропаганду электрификации, осужден как враг электрификации. Стрельникова не поняла, что электрокомбинат (предприятие заключало в себе еще мельницу и просорушку) экономически победил кулаков, так как электрическая мельница работала дешевле кулацких ветряков. Единственно верное из того, что Стрельникова говорила об этом моем рассказе, это то, что кулаки-мельники действительно сожгли электростанцию. В этом, очевидно, и заключается моя вина. Стрельниковой хотелось бы, чтобы кулаки этого не делали, а напротив — мирно вращались бы в социализм. <...> Я мог бы написать, что станция вновь отстроена (это так в действительности и случилось). Но я должен был бы написать тогда, что кулаки вновь борются против нее. Я не мог бы закончить своего рассказа. Окончание не в литературе, а в жизни» (*Платонов А. Против халтурных судей // «Литературная газета», 1929, 14 окт.*).

В качестве частного, но любопытного случая правки текста следует отметить варианты реакции действующих лиц на упоминание упраздненной буквы «ять» в диалоге, происходящем при выборе двигателя. Окончательному варианту *ЕШ* «— Нет,— отвечаем,— дорого. И при чем тут твоя царская буква? — Букву не лай,— говорит сиделец,— она довоенного качества!» в рукописи соответствует «— Нет,— отвечаем,— дорого»; в «Журнале крестьянской молодежи» «— Нет,— отвечаем,— дорого. Нам на нем не чистописание писать, буква тут ни при чем».

С. 49. *Наше село Рогачевка ~ по реке Тамльку, что втекает в другую речку Усмань.*— Платонов дает реальное расположение села Рогачевка. *Тамлык* и *Усмань* — реки в Воронежской обл.

Тимур (Тамерлан) (1336—1405) — полководец, эмир с 1370 г., создатель государства со столицей в Самарканде.

Просорушка — машина для переработки проса в пшено.

Обойка — обоечная машина для очистки зерна.

С. 50. *Ветрянка* — ветряная мельница.

Фунт — русская мера веса, равная 409,5 г, применявшаяся до введения метрической системы мер.

Пуд — русская мера веса, равная 16,38 кг, применявшаяся до введения метрической системы.

...*трубил линейным монтером*...— Т. е. работал монтером, обслуживающим линию электропередачи.

...*с камнем на девять четвертей*...— Речь идет о величине жернова мельницы. *Четверть*, русская мера объема сыпучих тел, содержащая в себе 8 четвериков (210 л.)

Пеклеванная — мелко размолотая и просеянная.

С. 52. *Бадик* — палка, посох.

С. 53. ...*при чем тут твоя царская буква?* — Буква «ять» была исключена из русского алфавита в результате орфографической реформы 1917—1918 гг.

Чохом — целиком, все сразу, оптом.

Постав — пара мельничных жерновов, один из которых неподвижен, а другой вращается на нем.

Динамо — то же, что *динамо-машина*; устарелое название машины, служащей для выработки постоянного электрического тока; электрический генератор.

С. 54. *Втугачку* — втугую.

С. 55. *Заквоклый* — заскорузший, затвердевший.

Реостат — аппарат, регулирующий силу тока или напряжение в электрической цепи.

Шкив — колесо, которое передает движение приводному ремню или канату.

С. 56. ...*пять ламп по шестьсот свечей*...— *Свеча*, устарелое название единицы силы света.

Предуика — председатель уездного исполнительного комитета.

Амперметр — прибор для измерения силы электрического тока.

С. 57. *Оркестр заиграл «Интернационал», все встали и закричали что попало*.— *«Интернационал»* — международный пролетарский гимн; в 1918—1943 гг. гимн советского государства. Упоминания об исполнении «Интернационала» содержались практически во всех сообщениях советских газет о торжественных государственных мероприятиях разного уровня. В 1923 г. отдельным изданием вышло толкование текста «Интернационала» (*Арик М. Международный пролетарский гимн «Интернационал». Его происхождение, история и толкование. М., 1923*). Описание хорового исполнения нового гимна является одним из постоянных сюжетов советской поэзии и прозы 1920-х гг.; предложенная Платоновым «трактовка» мужиками слов «Интернационала» отсылает к

широкому литературному контексту (см. об этом: *Корниенко Н. В.* «Сказано русским языком...» Андрей Платонов и Михаил Шолохов: Встречи в русской литературе. М., 2003, с. 151—173).

Предсельсовета — председатель сельского совета.

Уком — уездный комитет.

...*Чемберлен либо Лой Жорж*...— *Чемберлен* Остин (1863—1937), в 1924—1929 гг. министр иностранных дел Великобритании, в 1927 г. один из инициаторов разрыва дипломатических отношений с СССР. В эти годы имя Чемберлена стало нарицательным: «В переносном смысле Чемберленом стали крестить все, имеющее касательство к иностранной жизни» (*Селищев А.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). 2-е изд. М., 1928, с. 191). *Ллойд Джордж* Дэвид (1863—1945), в 1916—1922 гг. премьер-министр Великобритании, один из организаторов антисоветской интервенции. На Генуэзской конференции 1922 г. выдвинул программу экономического закабаления Советской страны, реставрации в ней капитализма и превращения ее в придаток западно-европейской индустрии.

...сказано в писании: вначале бе слово.— См.: «В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе слово» (*Ин.* 1; 1).

ЗАПИСИ ПОТОМКА

ПАМЯТЬ (с. 59).— *Вор. ком.*, 1922, 6 авг., № 176, с. 3, под заглавием: «Детские воспоминания»; *ЕШ*, с. 207—211.

Датируется по первой публикации.

Печатается по *ЕШ*.

С. 59. *Осьмушка* — восьмая часть фунта.

...*знаменитого песнопевца* — *Иоанна Мамашина*.— Фамилия Мамашин дана Платоновым также и одному из персонажей рассказа «Бучило».

В третьем свирепом и долгом побоище Чижовки и Ямской...— *Чижовка* и *Ямская* — названия пригородных слобод Воронежа; детские годы Андрея Платонова связаны с Ямской слободой. Слободские драки не могли не произвести сильнейшего впечатления на маленького Андрея Климентова. Автобиографическое письмо, включенное в предисловие к *ГГ*, сохранило еще одно платоновское описание подобных сражений: «А по праздниками (мало-мальски большим) устраивались свирепые драки Ямской с Чижовкой или Троицкой (тоже пригородные слободы). Бились до смерти, до буйного экстаза, только орали: “Дай духу!” Это значит, кому-нибудь дали под сердце, в печенку и он трепетал, белый и

умирающий, и вокруг него расступались, чтобы дать ход ветру и прохладе. И опять шла драка, жмокающее месиво мяса» (ГГ, с. VI).

Архангел — ангел высшего чина, в переводе с греческого — начальник ангелов.

С. 60. ...и принимаю заказы на апостола и прочие торжественные бдения».— Речь идет об участии в церковном богослужении в качестве чтеца или певца.

...будет и божественно, и чудно...— Аллюзия к стихотворению М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...»

С. 61. *Дратва* — прочная просмоленная или навощенная нитка для шитья обуви, кожаных изделий.

Возгря — сопля, ноздревая слизь.

ИВАН МИТРИЧ (с. 61).— *Кр. дер.*, 1921, 21 янв., № 14, с. 3, в рубрике: *Старые люди*, подпись: П.; *ЕШ*, с. 212—213.

Датируется по первой публикации.

Печатается по *ЕШ*.

При подготовке *ЕШ* текст газетной публикации подвергся незначительной, преимущественно стилистической, правке. Наболее существенное исправление: «ибо святость его велика, а в храмах бога боголепие, экономия и порядок» вместо «ибо мудрость его велика, а в храмах бога боголепие и пение ангелов».

С. 62. ...в монастырь к угоднику божию Тихону...— Речь идет об одном из двух задонских мужских монастырей, существовавших в начале XX в.: Задонском Богородицком в г. Задонске, где находились мощи св. Тихона Задонского, или Задонском Тихоновском, расположенном недалеко от того же города.

Свитка — или *свита*, верхняя широкая, длинная одежда вообще.

ЧУЛЬДИК И ЕПИШКА (с. 62).— *Кр. дер.*, 1920, 10 авг., № 128, с. 2; *ЕШ*, с. 214—216.

Машинопись рассказа на оборотах рукописи пьесы «Шарманка» (*СА*; л. 51 об., л. 50 об.), соответствующая тексту газетной публикации.

Датируется по первой публикации.

Печатается по *ЕШ* с восстановлением авторской системы абзацев.

В текст *ЕШ*, вероятно, по требованию редактора, внесена правка, смягчающая грубость отдельных сцен и фраз газетной публикации: «Чума с ним, мужиком, сатаной плешивым...» вместо «Хер с ним, мужиком, сатаной плешивым... Дай хоть подержуся... Я чудочек, я шас... Не

щипсия...»; «она обмокла» вместо «она обоссалась». В *ЕШ* заменен частушкой первый вариант исполняемой под гармошку песни: «Гони кур со двора, // Гони кур со двора...»

Публикация рассказа в *Кр. дер.* вызвала многочисленные отклики читателей и, в частности, печатную рецензию в воронежской газете «Трудовая армия», после чего Платонов выступил с ответом своим оппонентам (см. статью «Ответ редакции “Трудовой армии”...» и прим. к ней — наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 68—69, 340—341).

С. 64. *Обедня* — литургия, главная церковная служба у христиан, совершаемая утром или в первую половину дня.

...таскал бирючков, подустов и голавлей...— Перечисляются различные виды рыб.

ПОП (с. 64).— *Кр. дер.*, 1920, 16 нояб., № 206, с. 3; *ЕШ*, с. 217—220. Датируется по первой публикации.

Печатается по *ЕШ*.

При подготовке для *ЕШ* текст газетной редакции рассказа подвергся правке. Характерно, что, помимо незначительных дополнений, правка затронула все имеющиеся в тексте упоминания о небе: «о Машке Безрукиной и о всем постороннем веществе» вместо «о Машке и о небе»; «вспомнил о полях, о своей жуткой хате и еще постоял» вместо «вспомнил о полях и о небе и еще постоял»; «Да што вы, аль я такую личность...» вместо «Да што вы, я небо... я»; «Денное небо, обнаковенный верх...» вместо «Денное небо, божье наверху, игде поле...»; «На дворе было небо, обыкновенный верх, и мужик исчез» вместо «На дворе было небо, и мужик исчез».

С. 65. *Лыдки* — ноги.

Спрохвала — исподволь, полегоньку, не вдруг.

Дробыш — мелочь.

С. 66. ...дух суеты, дух дерзости и пустого хождения...— Аллюзия к тексту молитвы св. Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми...»

МАВРА КУЗЬМИНИШНА (с. 67).— Газ. «За семь дней», М., 1926, 26 сент., с. 3—4, под заглавием: «Герои режимной экономии (Быль советских заштатных населенных пунктов)»; *ЕШ*, с. 221—222.

Наборный оттиск газетной публикации, правленный Платоновым,— СА.

Датируется 1926 г.

Печатается по *ЕШ*.

«Мавра Кузьминишна», как и «Экономик Магов», были выделены Платоновым в качестве самостоятельных произведений при переработке рассказа «Герои режимной экономии (Быль советских заштатных населенных пунктов)». Платонов вписал заглавия маленьких рассказов и внес незначительную правку непосредственно в имевшийся у него наборный оттиск «Героев режимной экономии»; повествование о Мавре Кузьминишне представляло собою вторую половину данного текста.

История создания и публикации «Героев режимной экономии» неизвестна. Заглавие рассказа содержит намек на так называемый режим экономии, введенный в стране с апреля 1926 г. (см. прим. к статье «О дешевом водном пути Черноземного края» — наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 485). Вероятнее всего, рассказ был написан Платоновым уже после состоявшегося в мае 1926 г. переезда в Москву.

С. 67. *Турнюр* — модная в конце XIX в. принадлежность женского туалета в виде подушечки, подкладываемой под платье сзади ниже талии для придания фигуре пышности.

ЭКОНОМИК МАГОВ (с. 68).— Газ. «За семь дней», М., 1926, 26 сент., с. 3—4, под заглавием: «Герои режимной экономии (Быль советских заштатных населенных пунктов)»; *ЕШ*, с. 223—225.

Наборный оттиск газетной публикации, правленный Платоновым,— СА.

Датируется 1926 г.

Печатается по *ЕШ*.

Первоначально текст являлся частью рассказа под названием «Герои режимной экономии (Быль советских заштатных населенных пунктов)»; см. выше прим. к рассказу «Мавра Кузьминишна». На самом раннем этапе работы рассказ «Герои режимной экономии» носил название «Великие экономики» (см. иллюстрацию, с. 69).

Платонов не случайно выбрал в качестве «заштатного населенного пункта» город Задонск. Дореволюционная жизнь Задонска — одно из ранних детских впечатлений писателя. Скорее всего, соответствует действительности тот факт, что дед Платонова «был золотых дел мастером, работал на монастырскую ризницу, издавна был связан с монастырем» («Че-Че-О», 1928). Закрытие в 1918 г. существовавшего с

XVII в. Задонского Богородицкого монастыря, где покоились мощи св. Тихона Задонского, коренным образом повлияло на послереволюционную жизнь города; этот перелом отражен Платоновым в экспозиции рассказа.

С. 68. *...по улице 19 Июля...*— Название образовано по аналогии с новыми, революционными названиями улиц, может рассматриваться как отсылка к последнему воронежскому адресу самого Платонова — улица 9 Января (бывш. Большая Девицкая улица).

С. 70. *Гривенник* — десятикопеечная монета.

Ризница — помещение для хранения риз и церковной утвари.

Пономарь — низший церковный служитель в православной церкви, псаломщик.

Рацея — проповедь, назидательная речь, длинное наставление, поучение.

ЦЫГАНСКИЙ МЕРИН (с. 70).— *ЕШ*, с. 226—229.

Беловой автограф — *СА*, под заглавием «Про цыганскую лошадь» (вычеркнуто в рукописи).

Датируется 1926 г.

Печатается по *ЕШ* с восстановлением системы абзацев по беловому автографу.

Тема подготовки к кругосветному путешествию и фамилия героя рассказа (Чепцов) указывают на связь этого текста с рассказом 1923 г. «Немые тайны морских глубин».

С. 70—71. *...жил послушником в Митрофаньевском монастыре; потом, изыскав мочалу в мощах...*— Имеется в виду воронежский *Митрофановский монастырь*, получивший свое название по имени святителя Митрофана (1623—1703), первого воронежского епископа. Монастырь был учрежден в 1836 г., после канонизации Митрофана Воронежского, состоявшейся в 1832 г. Рака с мощами свт. Митрофана находилась в Благовещенском соборе монастыря; в феврале 1919 г. было произведено вскрытие мощей святого. Строения уже не действующего монастыря сильно пострадали в годы Великой Отечественной войны; в начале 1950-х гг. территория монастыря была отдана под строительство Воронежского университета (*Акинъшин А. Храмы Воронежа. М., 1994, с. 121—138*).

Рака — гробница, ковчег с мощами святого угодника.

Спрохвала — исподволь, полегоньку, не вдруг.

Пуд — русская мера веса, равная 16,38 кг, применявшаяся до введения метрической системы.

Жамки — прянички, скатанные в руках и расплюснутые нажимом в обе ладони.

С. 72. *Резка* — мелконарезанная солома, трава для корма.

РОДОНАЧАЛЬНИКИ НАЦИИ ИЛИ БЕСПОКОЙНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ (с. 73).— *ЕШ*, с. 233—253.

Датируется началом 1927 г.

Печатается по *ЕШ*.

Рассказ появился в результате переработки Платоновым «Рассказа о многих интересных вещах» (1923).

На первом этапе этой переработки, вероятно в 1926 г., Платонов выделил некоторые сюжеты «Рассказа...» в самостоятельные тексты, в последующем объединенные в «Родоначалниках нации...» Так, известно о существовании рассказа «Любовь Ивана (Деревенское происшествие)» (текст 8-й главы «Рассказа...»; см.: *СА*, рукопись повести «Ямская слобода», л. 3 об., 5 об., 6 об.) и двухчастного рассказа «Ледобой» (текст 10-й и 11-й глав «Рассказа...»; см.: *СА*, рукопись повести «Сокровенный человек», л. 61 об., 60 об., 59 об., 58 об., 57 об.). Правка глав «Рассказа...», осуществленная при обособлении этих текстов, была незначительна. К этому этапу относятся, например, такие исправления как: «суржинская незавидная девка» вместо «суржинская девка», «освидетельствовал самых благородных мужиков» вместо «обсвидетельствовал некоторых», «Тянулась тщедушная жизнь, как деревенские щи» вместо «Потянулась опять тщедушная жизнь, как щи», «говорил убогатворенный Кондратий» вместо «говорил Кондратий». В «Ледобое» в описании внешности Ивана появляется фраза, первоначально относившаяся к Савве Агапчикову (5-я глава «Рассказа...») — «мужик сдобный и мордой миловидный»; убирается последнее предложение 11-й главы «Рассказа...» и дописывается ставшая заключительной фраза: «сказал Кондрат и почесал свою мудрую башку, якобы родоначалник нации».

В силу своей смысловой значимости, в качестве ядра, вокруг которого выстраивался текст «Родоначалников нации...», скорее всего выступил именно рассказ «Ледобой», описывающий переход главного героя к практическому переустройству мира. Нарращивая текст, Платонов поместил рассказ «Любовь Ивана» между первым и вторым абзацами 1-й главы «Ледобоя». В результате, 1-й абзац 1-й главы «Ледобоя» и текст «Любовь Ивана» выделились во 2-ю главу «Родоначалников на-

ции»; 1-я глава «Ледобоя» без ее 1-го абзаца стала 3-й главой «Родоначальников нации...»; 2-я глава «Ледобоя» — 4-й главой «Родоначальников нации...».

В основу 1-й главы «Родоначальников нации...» также положен самостоятельный рассказ, ведущий свое происхождение от «Рассказа о многих интересных вещах». В СА на оборотах рукописи повести «Сокровенный человек» (л. 96 об., 95 об.) сохранились две последние страницы машинописи, представляющей этот текст (фрагмент: «улучшать то, что есть, или строить то, чего не было. ~ Нет тебе нигде ни дьявола!...»). Первая страница с заглавием отсутствует, однако убедиться в том, что машинопись представляет еще не «Родоначальников нации...», а более ранний текст, можно по заключительному эпизоду рассказа. Здесь, как и в «Рассказе...», фигурирует некий мужик Макар, едущий из Мармыжей в Белые горы, тогда как в «Родоначальниках нации...» появляется будущий герой 4-й главы — Кондратий, возвращающийся в Суржу. За основу данного рассказа взята 21-я глава «Рассказа...», из которой удаляется упоминание о спутнице Ивана по «Рассказу...» — Каспийской Невесте; сочинение «О земле и о душах тварей, населяющих ее», читаемое вслух отцом героини, заменено фрагментом из книги Прочного Человека (см.: «Рассказ...», глава 19; сочинение «О земле и о душах тварей...» использовано Платоновым в рассказе «Крюйс»); к фрагменту из книги Прочного Человека добавляется прощальное слово к Каспийской Невесте (см.: «Рассказ...», глава 24); завершение текста скомпоновано из фрагментов 19-й («Иван слушал ~ было спокон веков») и 24-й («Далеко по земле ~ нигде ни дьявола!...») глав «Рассказа...».

5-я глава «Родоначальников нации...» представляет собой текст 1-й, 2-й и начала 3-й глав рассказа «Масло розы», встроенного в текст повести «Эфирный тракт» (рассказ «Масло розы» не был дописан, обрывается посреди 5-й главы; см.: СА, рукопись повести «Эфирный тракт», л. 59—63).

Выстроенный композиционно, рассказ «Родоначальники нации...» подвергся дальнейшей правке. Ряд изменений был продиктован именно необходимостью окончательного устранения «швов» между объединенными внутри рассказа текстами. Описание внешности Ивана, относившееся к 1-й главе «Ледобоя» («Иван Копчиков — мужик сдобный и мордой миловидный ~ полосоваться бичами дум»), естественно перемещается в 1-ю главу «Родоначальников нации...» Как уже отмечалось выше, мужик, едущий из Мармыжей, получает имя Кондратий и целью его путешествия становится Суржа. Вероятно, в соответствии с идеей первой главы «Родоначальников нации...» (призыв к целомудрию) кор-

ректируется вложенная в уста волостного доктора характеристика «бациллы аморе» — «самая ядовитая хворь» вместо «самый редкий и чудесный камешек, которого еще никто никогда не находил». В финале 3-й главы вместо «Стало быть помиримся теперь ~ наш мир и вся вселенная» вписывается «— Надо жить теперь не спроста ~ радуясь от любопытства к природе».

Можно предположить, что некоторые изменения были внесены по рекомендации редактора *ЕШ*. Вероятно, в пределах общей для сборника смягчающей правки (см. выше прим. к рассказу «Чульдик и Епишка», с. 528—529) редактируются реплики некоторых персонажей: в монолог сапожника Мартына убирается фривольный пассаж «взял бы девку какую попрочней, сходил бы в лес с ней — и отживел» и фраза «Атджюджюрил бы какую-нибудь лявру ~ Пра говорю»; восклицание Кондратия «Кабы б две хоть, а то одна, сука!» исправляется на «Кабы б две хоть, а то одна! Ай ты нужней всех?» По этой же логике в тексте сокращается количество упоминаний о «вшах» и «гнидах» любви.

Наиболее детальной проработке подверглась 3-я глава «Родоначальников нации...» Здесь, прежде всего, значительно сокращаются объяснения причин ливня и техническое описание опытов с электричеством, проводимых Иваном. С целью сделать картину более реалистичной и ослабить возникающую соотнесенность с библейским потопом правится само описание ливня. Из текста убираются все имевшиеся там упоминания о потопе: «вдарил сверху тугой водяной столб, заготовляя влагу впрок» вместо «вдарил сверху ревуший, скрежещущий, рвущий в тряпки пустую землю водяной потоп», «Пошла вода из туч — аж дышать нечем» вместо «И вода пошла из тучи сплошным твердым потопом — дышать нечем», «просохла земля» вместо «просохла после потоп па земля». Явно на снижение апокалипсического пафоса текста направлены следующие изменения: «огнем неимоверной силы» вместо «огнем неимоверной злобы»; «пропадающие следы» вместо «пропадающие страшные следы»; «Были необходимы ветры, — но воздух поредел от тишины» вместо «Тишина во всем мире, потому что подступала смерть»; «секущий ливень» вместо «секущий все на свете ливень»; «сверлом разворачивает леса и землю» вместо «сверлом разворачивает землю до недр»; «почву пускает в овраги бурыми потоками» вместо «почву пускает в овраги бурыми волнами».

С. 74. *В небе ходят без следа ~ Волокнистые стада.*— Цитата из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» (1839).

Обротать — обуздывать, покорить.

С. 75. *...я основал науку антропотехнику.*— Вероятно, название «антропотехника» придумано Платоновым по аналогии с названием «пси-

хотехника». Приблизительно в это же время возможности «новой практической науки» психотехники, при помощи которой определялась пригодность человека к той или иной профессии, широко обсуждались на страницах печати (см., напр.: Психотехника и профконсультация // Газ. «Правда», 1923, 31 янв., № 21, с. 6).

С. 77. ...*Мартын Ипполитыч — сапожник-сосед...*— см. ниже прим. к рассказу «Апалитыч», с. 574—575.

С. 78. *Волость* — в дореволюционной России и в СССР до районирования 1929—1930 гг. низшая административно-территориальная единица, входившая в состав уезда.

Ньютон Исаак (1643—1727), английский математик, астроном и физик, создатель классической механики.

Плоскушка — вошь площади.

С. 79. ...*показал Ивану баночку на окне, из которой шла вонь.*— Имеется в виду самодельный химический источник электрического тока.

С. 80. ...*стал обиваться, как сделать влагу электричеством.*— Платонов приписывает Ивану собственные опыты по электризации корней растений; см. статью «Электрическое орошение почвы» и прим. к ней — наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 300—305, 486—487.

...*догадался он проволочку от винтика на баночке прикрепить к корням травы...*— См. в 10-й главе «Рассказа о многих интересных вещах» более подробное описание этого эксперимента.

Нюжли — неужели.

С. 82. *Афон* — восточный выступ полуострова Халкидики, в Греции, с VII века находится во владении монахов, также имеет название Святая Гора.

Чохом — целиком, все сразу, оптом.

С. 83. ...*в Месопотамию уйти, говорят, там есть остатки рая...*— *Месопотамия* (Междуречье, Двуречье), физико-географическая область в Передней Азии, по среднему и нижнему течению рек Евфрата и Тигра, в Ираке (главным образом), Турции, Сирии и Иране. По Библии, рай или Едем был местом, откуда вытекали четыре главных реки мира, две из них — Тигр и Евфрат (*Быт.* 2, 10—14).

Заквокнуть — затвердеть.

Дюже — очень.

С. 84. *Слышал про розовое масло?*— В 1922 г. строительство небольшого завода эфирных масел входило в планы самого Платонова (см. прим. к статье «Вопросы сельского хозяйства в китайском земледелии» — наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 416). Единственный такой завод, существовавший в России к этому времени, находился на территории Воронежской губернии, в слободе Алексеевка.

ИЗ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОЧИНЕНИЯ

ДЕМЬЯН ФОМИЧ — МАСТЕР КОЖАНОГО ХОДОВОГО УСТРОЙСТВА (с. 85).— *ЕШ*, с. 257—263.

Черновой автограф — *СА*. Фрагмент машинописи рассказа на оборотах рукописи пьесы «Шарманка» — *СА* (л. 53 об., 55 об., 56 об.).

Датируется 1926 г.

Печатается по черновому автографу с учетом авторской правки текста в *ЕШ*.

Имеющийся автограф (л. 1—3) отражает поиск названия рассказа: первоначальный заголовок — «Праведная жизнь (Небрежные очерки)», затем следует номер раздела текста — «I». После того как первый заголовок был вычеркнут, появился другой вариант — «Рабочие личности». Окончательное название — третий вариант заглавия. Затем текст был переписан набело самим Платоновым, о чем свидетельствует наличие знаков перехода на другую страницу в соответствии с неизвестным нам источником.

Одним из прототипов описанного в рассказе города является реальный город Талдом (в 1918—1929 гг. — г. Ленинск), расположенный на севере Московской области, который в свое время действительно был центром кустарного производства кожаной обуви. Помимо данного рассказа, топоним Талдомов фигурирует у Платонова в повести «Город Градов», в редакции, вошедшей в *ЕШ*.

Рассказ в целом свидетельствует о знакомстве Платонова с очерками М. Пришвина о Талдомовском крае, публиковавшимися в 1923—1925 гг. в журнале «Красная новь»: «История цивилизации села Талдомов» (1923, № 6), «Путешествие» (1924, № 1; 1925, № 2). О современном краеведческом контексте диалога с М. Пришвиным см.: *Московская Д.* Платонов и краеведение // *Страна философов*, 2003, с. 7—34.

С. 85. *В день Космы и Дамиана (теперь Индустриала и Карла)...*— По церковному календарю память святых, носящих имена Косма и Дамиан, отмечается трижды: 14 июля (1 июля ст. ст.; римские), 30 октября (17 окт. ст. ст.; аравийские) и 14 ноября (1 нояб. ст. ст.; азийские). Наличие имен, дублирующих святцы для дня именин Демьяна Фомича, символически отражает такой признак нового времени, как наступление на традиционный православный календарь путем внедрения в быт новых революционных имен и вытеснения тем самым церковного месяцеслова. К середине 1920-х гг. революционное имятворчество получило широкое распространение (пик приходится на 1924—1925 гг.); естественность появления новых имен аргументировалась тем, что «каждое имя — это название какой-нибудь вещи на иностранном языке» (*Троцкий Л. Во-*

просы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. М., 1923, с. 136). Новые имена публиковались непосредственно в календарях, в том числе отрывных, в форме, имитирующей церковные святцы; так, например, на 1 мая, День Интернационала, календарь предлагал имена: Май, Пурпур, Краснослав, Марат, Дантон, Робеспьер, Автономия, Карманьола, Марсельеза. Среди новых имен обнаруживаются: Шахта, Смена, Искра, Поэма, Анатомия, Ампер, Вольт, Маркс, Либкнехт, Мопр, Луночар, Радища, Пролеткульта и пр. Составители календарей обращались с просьбой к своим читателям сообщать «новые имена, которые они дают своим детям, или какие красивые имена предлагают ввести в списки имен». Имена, предложенные здесь Платоновым, взяты им скорее всего произвольно; имя Индустириал является своеобразным откликом на провозглашенный в декабре 1925 г. XIV съездом ВКП(б) курс на социалистическую индустриализацию.

Дратва — прочная просмоленная или навощенная нитка для шитья обуви, кожаных изделий.

...до виты и вжицы...— Речь идет о двух последних буквах дореволюционного алфавита, упраздненных в результате орфографической реформы 1917—1918 гг.

...пока в ней не опростоволосилась вся душа и она не увидела, что оба они нагие...— Аллюзия к библейскому повествованию о грехопадении Адама и Евы: «И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги» (Быт. 3; 6).

...занимал местоположение древнего татарского становища...— Ср. «Талдом — записано у М. Крестникова — вернее всего, слово татарское и значит стоянка, а может быть, и финское — желтая земля» (*Пришвин М. Башмаки. Исследование журналиста. М.; Л., 1925, с. 20*).

Троице-Сергиевская лавра — Речь идет о *Свято-Троицкой Сергиевой лавре*, основанной в XIV в. преподобным Сергием Радонежским; была разорена войсками Едигея в 1408 г., в 1608 г. монастырь выдержал долго осадку поляков, сыграв большую роль в войне с ними.

С. 86. *Иоанн Грозный* — Иван IV Васильевич (1530—1584), первый русский царь.

Степан Разин — *Разин Степан* Тимофеевич (ок. 1630—1671), донской казак, предводитель крестьянской войны 1670—1671 гг.

Латошник — латочник, сапожник, не шьющий сапог, а занимающийся только их починкой.

В 1812 г., во время нашествия Наполеона и народов Европы...— Речь идет об Отечественной войне 1812 г. *Наполеон I* (Наполеон Бонапарт) (1769—1821), французский император в 1804—1814 гг. и марте—июне 1815 г. Благодаря победоносным войнам значительно расширил территорию империи, поставив в зависимость от Франции большинство госу-

дарств Западной и Центральной Европы. Войска многих поработанных Наполеоном государств Европы были включены в его армию. С поражения в войне против России начался период распада империи Наполеона.

Барклай-де-Толли Михаил Богданович (1761—1818), князь, русский генерал-фельдмаршал. В Отечественную войну 1812 г. командовал 1-й Западной армией, в июле—августе ему как военному министру была подчинена 2-я Западная армия. Разгадав замысел Наполеона разгромить 1-ю и 2-ю русские армии поодиночке, русское командование начало планомерный отвод их для соединения. В условиях превосходства противника Барклай-де-Толли успешно осуществил отход и соединение двух армий.

...обсоюзить восхотели ~ а она валенок...— Игра слов, основанная на значении слова *союзка* — нашивка на носок и подъем сапога, а также передняя часть заготовки сапога, ботинка.

Опорки — старые изношенные сапоги со споротыми голенищами, вообще старая изношенная и рваная обувь.

...в 1831 году в Марселе от холеры...— *Марсель* — город и порт во Франции на Средиземном море. В 1831 г. эпидемия холеры охватила Россию, в этом же году холера была занесена из России в Пруссию и Австрию. В Европе холера продержалась до 1837 г.

С. 87. *...хотя и я в детстве шил сапоги с Кузьмой Ипполитычем...*— см. ниже прим. к рассказу «Апалитыч» — с. 575—576.

...зачитываясь «Красной новью»...— Ежемесячный литературно-художественный и научно-публицистический журнал, выходивший с 1921 г. под редакцией А. К. Воронского. В июле 1926 г. Платонов предлагал для публикации в «Красной нови» четыре стихотворения, статью и небольшой рассказ.

С. 88. *Торфяников высоким напряжением поубивало...*— Возможно, отсылка к реальным событиям; 18 мая 1926 г. на торфоразработках Егорьевско-Раменского треста вследствие заземления электрического тока силой 30 000 вольт было убито 15 рабочих (см.: Катастрофа на торфоразработках // Газ. «Труд», 1926, 20 мая, № 114, с. 3).

КРЮЙС (с. 88).— *ЕШ*, с. 264—269.

Фрагмент белого автографа — *СА*.

Автограф (л. 1—4) обрывается сразу по завершении отрывка из «Генерального сочинения». Заглавие, под которым рассказ опубликован в *ЕШ*, на стадии автографа еще не существует. На верхнем поле рукописи зачеркнут номер раздела «III» и вписано: «Отрывок из “Генерального сочинения” (русский монтаж)»; затем взятый в скобки подзаголовок вычеркнут. По-видимому, текст был задуман как одна из глав

неизвестного нам произведения; возможно, в качестве его первой главы выступал рассказ «Демьян Фомич...» (см. выше прим. к данному рассказу — с. 536—537). Заголовок «Генеральное сочинение» внутри рассказа «Крюйс» оказался отнесенным к сочинению «О земле и о душах тварей, населяющих ее». Сам текст «сочинения» взят из 21-й главы «Рассказа о многих интересных вещах» (1923) и незначительно расширен. В сборнике *ЕШ* заголовок «Из Генерального сочинения» оказывается отнесенным к одному из разделов книги.

Рассказ датируется августом—октябрем 1926 г., на основании упоминания в оглавлении сборника, предназначенного для издательства ЗИФ — под заглавием «Отрывок из “Генерального сочинения”» (см. выше, с. 502); кроме того в тексте рассказа обнаруживается отсылка к обстоятельствам жизни самого Платонова в июле 1926 г. (см. ниже прим. к с. 89—90).

Печатается по *ЕШ* с восстановлением авторской системы абзацев.

С. 88. *...потомок давнего голландского адмирала Крюйса ~ в городе Павловске, что стоит на Дону...*— Речь идет о норвежце Корнелии Крюйсе, в 1698 г. приглашенном русским императором Петром I на русскую службу в чине вице-адмирала. Деятельность К. Крюйса в Воронеже приходится на 1699—1701 и 1710 гг. *Павловск*, реальный город (с 1709 г.) в Воронежской области; указание на Павловск как центр кораблестроения является анахронизмом.

С. 89. *...он был погонщиком лошадей на дилижансе.*— Дилижанс, многоместная карета, запряженная лошадьми, для регулярной перевозки пассажиров и почты. Дилижанс, два раза в сутки ходивший из Воронежа в Задонск от станции на Новомосковской улице,— одно из детских воспоминаний Платонова («Историко-культурное наследие Воронежа», Воронеж, 2000, с. 425).

Курень — шалаш, сторожка (на огородах, бахчах и т. п.).

Спрыхвала — исподволь, полегоньку, не вдруг.

С. 89—90. *Я был сыном рыбака ~ и уехал на родину...*— Биография рассказчика совпадает с основными этапами жизни самого Платонова: вхождение в литературу, активная журналистская работа в местной прессе, переход к практической инженерной работе по мелиорации и электрификации губернии и, как результат успешного проведения общественно-мелиоративных работ, избрание на Всероссийском мелиоративном совещании в состав ЦК профсоюза работников земли и леса. Недолгий период работ в ЦК профсоюза закончился увольнением Платонова в середине июля 1926 г.

С. 90. *Ребенок твой рос и исполнялся мразью и тцеттой зверствующего мира.*— Своеобразная антитеза к евангельскому тексту: «Младе-

нец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости и благодати» (Лк. 2; 40).

ДУШЕВНАЯ НОЧЬ (с. 91).— *ЕШ*, с. 270—274.

Фрагмент белого автографа редакции, соответствующей *ЕШ* (отсутствуют первый и последний листы) — *СА*. Автограф ранней редакции рассказа (л. 1—2 об.; без названия) — *СА*.

Датируется 1926 г. Рассказ написан не позднее ноября, упоминается в оглавлении сборника, предназначенного для издательства ЗИФ (см. выше с. 502).

Печатается по *ЕШ* с восстановлением авторской системы абзацев.

Сопоставление двух редакций рассказа обнаруживает, что основная правка первой редакции текста пришлась на диалог с Савватием Саввычем. Первоначально фрагмент «— Я все думаю — проговорил ~ просторного ветра богатой воли» выглядел следующим образом:

«— Я все думаю — проговорил Савватий Саввыч,— что не нужно людям ни хат, ни проволоки, ни других приспособлений — земля должна мне и так покоряться — раз я из земли, то она должна мне соответствовать. Не иначе. А то нету человеку настоящего местоположения. Живешь — и жмет где-то в нутре, аж сузником всего сводит. Земля не в талию пришлась человеку...

— Да,— сказал я,— все это допустимо, Савватий Саввыч, весьма допустимо, это очам видно.

— Конечно, допустимо. Недопустимо — знаешь, что? — на небо залезть, да пупок с пуза на лоб перенести, да еще петушиное яйцо снести.

И мы замолчали: мысль в голову входит снаружи из воздуха и уходит туда же сама по себе. Жизнь вся в ожидании и проводах мысли, из воздуха или еще откуда-то, что шевелится и трепещет промежду вещества — тонкий вольный сочащийся газ, легче дыхания и душевного духа».

В редакции *ЕШ* этот диалог в значительной мере утрачивает свою философичность, внимание читателя акцентируется на достаточно простом умозаключении — революция полностью устранила преграды для активного переустройства мира человеком.

Диалог первой редакции содержал явную отсылку к способам овладения и перестройки вселенной, описанным Платоновым, например, в «Докладе Управления работ по гидрофикации...» (см. с. 212—217). Окончательный вариант лишен подобного подтекста и ориентирован прежде всего на декларацию конкретной социальной идеи. Неприемлемым оказалось и описание мыслительного процесса, напоминающее о

евангельском «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит» (*Ин.* 3, 8).

Второе значимое исправление касается характеристики «имущества», принадлежащего герою рассказа. Первоначальный вариант отсылал к основным тезисам пропагандируемой Платоновым философии целомудрия: «Жены не было, и нет в ней особой нужды. Есть мысль — звездоносная сила, есть душа — запретное объятие с землей. Вот все имущество человека»; окончательный вариант гораздо менее идеалистичен: «Есть мысль — жена одиноких. Есть душа — дешевая ветошь. Мало имущества у человека».

Вероятно, правка первой редакции текста была предпринята по настоянию редактора *ЕШ*.

С. 92. *Окомелок* — толстый комлевой конец дерева, обрубок, чурбан.

С. 93. *Отжошка* — от глагола *отжогать*, отстегать.

Возгря — сопли, ноздревая слизь.

ИСТОРИЯ ИЕРЕЯ ПРОКОПИЯ ЖАБРИНА (с. 93).— Газ. «Рейник», 1923, 29 апр., № 10, с. 3, подпись: *Иоганн Пупков; ЕШ*, с. 275—278.

Датируется по первой публикации.

Печатается по *ЕШ* с восстановлением авторской системы абзацев.

До публикации в *ЕШ* Платонов внес в газетный вариант «Истории...» небольшую правку. Возможно, редактирование производилось одновременно с написанием рассказа «Бучило». Одно из исправлений вызвано тем, что незначительно видоизмененный фрагмент «Истории...» оказался включенным в «Бучило» (1924). В связи с этим в редакции *ЕШ* произведена замена: «Придет бумажка полная тьмы и скудных слов» вместо «Придет бумажка: “Предлагаю уплатить моему отряду жалование за четыре месяца вперед. Комиссар-командир, член большевиков, Федор Калабашкин. Угрожаю захватом города и привлечением его жителей к революционной ответственности по революционной совести. Комиссар Калабашкин, № 8137421”». Дописывается и новый финал рассказа: «Для иерея наступил час ~ выпиши его бабе пуд проса!»

Известно, что Платонов должен был читать рассказ «Жизнь иерея Прокопия Жабрина» 26 января 1925 г. на литературном вечере (см. извещение: *Вор. ком.*, 1925, 25 янв., № 20, с. 5); на этот же вечер было заявлено чтение еще одного, неизвестного исследователям, рассказа Платонова — «О малопитательной ерунде».

Псевдоним *Иоганн Пупков*, вероятно, был придуман Платоновым специально для газеты «Репейник»: в этом издании *Иоганн Пупков* выступает также в качестве автора сочинения «Немые тайны морских глубин» и стихотворения «Стихи о человеческой сути». После закрытия «Репейника» это имя эпизодически возникает в рассказах Платонова: об Иоганне Пупкове упоминается в 21-й главе «Рассказа о многих интересных вещах» (1923); живописец Пупков фигурирует в 3-й части рассказа «Бучило» (1924).

С. 93. *Чрезревуштаб* — аббревиатура, вероятно, выдумана Платоновым; расшифровывается как Чрезвычайный революционный уездный штаб.

Аршин — русская мера длины, равная 0,71 м, применявшаяся до введения метрической системы.

...столп и утверждение истины. — Выражение из 1-го послания ап. Павла к Тимофею (1 Тим. 3; 15), где данное определение относится к Церкви Христовой.

Ибо истина и есть покой. Покой же наилучше обретается в супружестве... — См. прим. к статье «Культура пролетариата» — наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 349.

С. 94. *Учека* — Уездная чрезвычайная комиссия; от ЧК (че-ка), Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (1918—1922).

Чрезуфинтройка — аббревиатура, вероятно, выдумана Платоновым; расшифровывается как Чрезвычайная уездная финансовая тройка.

Охальник — наглец, бесстыжий озорник.

С. 95. *Не от лютых скорбей, не плавающим и не путешествующим и не от прочего...* — Аллюзия на молитвенные прошения великой ектении, ср.: «О плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных и о спасении их <...>, о избавитися нам от всякия скорби, гнева и нужды, Господу помолимся».

Пуд — русская мера веса, равная 16,38 кг, применявшаяся до введения метрической системы.

ЛУГОВЫЕ МАСТЕРА (с. 95). — *ЕШ*, с. 279—285. Отдельное издание: «Луговые мастера», М., [1928].

Датируется концом 1926 — началом 1927 гг.

Печатается по *ЕШ*.

В издании 1928 г. рассказ немного сокращен, завершается репликой «Пора промысел попрочней затевать!» Кроме того, в текст внесены отдельные исправления типа: «по-нонешнему называется Красногвардей-

ское» вместо «по-казенному называется Красногвардейское»; «Вот какой у нас Жмых!» вместо «Вот какой у нас Жмых: мужик что надо, но мощного разума человек!»; «Ленина видал и всякие чудеса» вместо «Ленина видал и всякие другие чудеса»; «Пора нынешнюю деревню истребить!» вместо «Пора деревню истребить!».

Появление рассказа во многом вызвано практической заинтересованностью Платонова-мелиоратора в оздоровлении заболоченных крестьянских земель — ему неоднократно приходилось сталкиваться с этой проблемой на посту губернского мелиоратора. В частности, в 1924—1925 гг., в ходе общественно-мелиоративных работ, под руководством Платонова велось осушение болот в поймах рек Черная Калитва, Осередь и Тихая Сосна, причем организация мелиоративных товариществ среди населения являлась неотъемлемой частью этой работы. Конкретные обстоятельства регулировочных работ на реках Воронежской губернии нашли отражение в статье «Мелиоративные работы в нашей губернии». Пропагандистский характер рассказа подтверждается и обстоятельствами его отдельного издания: небольшая книжечка была выпущена в массовой серии «Молодой деревне» тиражом 35 тыс. экземпляров.

С. 95. *Сажень* — русская мера длины, равная 2,134 м, применявшаяся до введения метрической системы мер.

С. 96. *Четверть* — русская мера объема жидкости, равная четвертой части ведра (около 3 л), а также посуда (обычно бутыл) емкостью в три литра.

С. 97. ...*Ленина видал* ~ *только не все подробно рассказывал*... — Отклик на лениниану 1924—1926 гг., в которой широко эксплуатировался сюжет встречи с В. И. Лениным.

Дюже — очень.

С. 98. ...*товарищество «Альфа и Омега»*... — Название товарищества восходит к тексту Писания: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь...» (*Откр.* 1; 8). В церковной иконографии начертание первой и последней букв греческого алфавита является традиционным атрибутом изображения Христа. Возможно, такой вариант названия товарищества можно было обнаружить и в реальных образцах подобных уставов того времени. Примечательно, что у Платонова герои рассказа — мужики не знают значения этого словосочетания.

Карча — затонувшее дерево, бревно.

Однолемешный — плуг с одним лемехом; *лемех* — часть плуга, подрезающая пласт земли снизу.

ЛУННЫЕ ИЗЫСКАНИЯ (Рассказ о «кирпиче») (с. 100).— Журн. «Всемирный следопыт», М.; Л., 1926, № 12, с. 3—15, под названием: «Лунная бомба», с подзаголовком: *Научно-фантастический рассказ инж. А. Платонова.*

Беловой автограф — СА (л. 1—44); авторизованная машинопись — РГАЛИ (ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 36, л. 1—24). На последней странице машинописи проставлена дата «1925—26 г.», а также указан первый московский адрес Платонова — Центральный дом специалистов (Большой Златоустинский переулок, д. 6).

Печатается по авторизованной машинописи.

Датируется первой половиной 1926 г., упоминается в оглавлении сборника, предназначенного для издательства ЗИФ (см. выше с. 502).

В левом верхнем углу 1-го листа автографа сделанная Платоновым помета: «В 3-х экз<емплярах> на одной стороне листа». В автографе и машинописи текст предваряется эпиграфом (в машинописи позднее вычеркнут):

Кончайте же пустынную тропу...
И будет в мире молодость души.
Ю. Балтрушайтис

Строки взяты из стихотворения «Есть некое святое принужденье...», впервые опубликованного в статье Ю. Балтрушайтиса «Жертвенное искусство» («Мысль и слово», М., 1918/21, т. 1(2), с. 219—224). В оригинале строфа выглядит следующим образом:

Земные братья, близок час рассветный,
Кончайте же пустынную тропу,
Бросаясь слепо в воды Иордана,
И будет в мире молодость души...

Во «Всемирном следопыте» рассказ печатался со значительными искажениями. Вероятнее всего, редакционная правка была продиктована желанием привести публикуемый текст в большее соответствие с характером этого массового журнала, адресованного любителям фантастики и приключений. Вместо первоначального наименования лунного снаряда — «кирпич» — вводится более эффектное — «лунная бомба», рассказ разбивается на 7 глав: «Проект Крейцкопфа», «Трагедия на шоссе», «Катастрофа при постройке», «Изобретатель в тюрьме», «В столице металлургов», «Полет “лунной бомбы”», «Вести из межпланетного пространства». Из текста исключаются некоторые философские размышления героя, а также история любви Крейцкопфа и Эрны. Значительному сокращению и правке подвергся текст космических посланий

Крейцкофа. Вероятно, как идеологически сомнительные были полностью исключены послания 23—27.

Логическим завершением редакторской работы явилась смена заглавия рассказа. Заглавие журнальной публикации («Лунная бомба») обращает внимание читателя всего лишь на необычное техническое изобретение, тогда как авторский заголовок подчеркивает значимость космических наблюдений Крейцкофа, своеобразно продолжающих аналогичные построения в других платоновских рассказах («Жажда нищего», «Невозможное», «Потомки Солнца», «Рассказ о многих интересных вещах» и др.).

История публикации рассказа во «Всемирном следопыте» остается непроясненной. Степень личного участия автора в создании журнальной редакции рассказа неизвестна. Скорее всего, пойти на уступки при публикации «Лунных изысканий» Платонова вынудили тяжелые жизненные обстоятельства. Можно предположить, что Платонов не оставлял надежды опубликовать «Лунные изыскания» в их настоящем виде. Из записи, сделанной Платоновым на титульном листе рукописи «Сокровенный человек», следует, что в середине 1927 г. писатель рассчитывал на скорое («через 3 недели, согласно типографской и редакционной науки и техники») издание в «Молодой гвардии» книги, включающей «Эфирный тракт», «Лунные изыскания» и «Сокровенного человека». Помета Литвина-Молотова на том же листе поясняет, что речь идет о договоре с Платоновым на книгу под названием «Настоящие люди». Данное издание не было осуществлено.

С. 100. *Крейцкоф* — то же, что ползун — деталь кривошипно-ползунного механизма, скользящая в прямолинейных направлениях, шарнирно связанная с шатуном. Имя Крейцкофа, героя «Лунных изысканий», и его изобретение упоминаются также в повести «Эфирный тракт» и рассказе «Антисексус». В 1928 г. при очередной попытке издания «Эфирного тракта» Платонов использует фамилию героя в качестве псевдонима.

С. 104. *Тахометр* — прибор для измерения скорости вращения деталей машины, механизмов.

С. 105. ...*выключил конус*...— *конус*, система сцепления в автомобиле.

С. 107. *Бутить* — производить бутовую кладку; *бут* — строительный камень, употребляемый для возведения фундамента.

Трансмиссионное устройство — *трансмиссия*, устройство для передачи движения от двигателя к станкам или другим механизмам.

С. 107—108. *Метод состоял в том, что в материю, подлежащую превращению из минерала в пыль, направлялись электромагнитные волны*

~ превращаясь в неизвестный неощутимый газ, частью в легкую пудру.— Описывается действие фотозлектромагнитного резонатора-трансформатора; идея, положенная в основу этого «изобретения», чрезвычайно занимала Платонова, начиная с 1922 г. (см. далее прим. к рассказу «Невозможное», с. 581—582).

С. 108. *Камилавка* — маленькая шапочка, облегаяющая голову.

С. 110. *Газовоз* — один из изобретательских проектов самого Платонова, относящийся к 1925 г. Принципы работы газовоза были изложены Платоновым в письме от 24 декабря 1925 г., адресованном наркому путей сообщения Я. Рудзутаку (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 2, ед. хр. 4, л. 1—12).

С. 114. *Я родня траве и зверю ~ Я не знаю, а люблю.*— Цитируется стихотворение самого Платонова «В моем сердце песня вечная...» (см. с. 287).

С. 114—115. *...заинтересовываясь лишь словами названия книг ~ и множество других книг.*— Реальные источники заглавий некоторых из перечисленных произведений достаточно легко узнаваемы. Это книга самого Платонова «Голубая глубина» и его же рассказ «Антисексус»; рассказ М. Овражина «Отродь кузнеца» (М., 1926); вероятно, статья С. Буденного «Бабизм Бабеля из “Красной нови”» («Октябрь», М., 1924, № 3, с. 196—197). Заголовок «Всегда ли была и будет История и что она такое наконец и в самом деле?» содержит аллюзию на книгу О. Шпенглера «Закат Европы» (1923). Работая в это время над повестью «Эфирный тракт», Платонов включает в нее собственное эссе о философии истории О. Шпенглера (см. т. 1, кн. 2, с. 221—226, 398—410).

Локомобиль — передвижная или неподвижная паросиловая установка, состоящая из котла, паровой машины и различных вспомогательных устройств. В СССР производство локомобилей прекращено в 1960-х гг.

Ротор — вращающаяся часть машины.

С. 119. *...«Барский двор» Андрея Новикова, интересное сочинение.*— *Новиков Андрей* Никитович (1888—1941), русский советский писатель. С Платоновым был знаком еще в Воронеже, дружеское общение писателей продолжилось и после их переезда в Москву. Воронежские впечатления о жизни провинциальных писателей и журналистов легли в основу повести Новикова «Кустари слова» в одном из персонажей которого, Епифаныче, легко угадывается Платонов (журн. «Подъем», 1989, № 10. Публикация М. Д. Эльзона, примечания О. Г. Ласунского). В творчестве Новикова конца 1920-х гг. современники отмечали сильное влияние Платонова (*Воспоминания*, с. 302, 307). В повести «Причины происхождения туманностей» (1929) Новиков подчеркивает некую общность своей и платоновской позиций, введя в качестве эпиграфов к двум главам фрагменты из «Города Градова» и письма Платонова (о творческих

взаимоотношениях писателей см.: Никонова Т. А. Платонов и А. Новиков: к истории творческих взаимоотношений // Сб. «Андрей Платонов: Исследования и материалы», Воронеж, 1993, с. 137—153). Книга Андрея Новикова «Барский двор» была издана только в 1928 г. Платонов, вероятно, имел возможность ознакомиться с ней до публикации.

Болид — яркий метеор.

С. 119—120. ...картины давно умершего художника Чюрлёниса...— Чюрлёнис Микалоюс Константинас (1875—1911), литовский живописец и композитор, представитель символизма. Живопись Чюрлёниса, переносящая зрителей в мир сказки, фантастических видений, мистики, народных верований, тесно связана с его музыкальным творчеством («Соната солнца», «Соната весны», «Соната звезд»).

С. 122. *Эон* — (греч. αἰών, «век, вечность»), в эсхатологии иудаизма и христианства термин, означающий очень продолжительное, но принципиально конечное состояние времени и всего мира во времени. Вся история человечества составляет один эон.

АНТИСЕКСУС (с. 123).— Журн. «Russian Literature». North-Holland, 1981, IX—III, с. 3—28; журн. «Новый мир», 1989, № 9, с. 166—177.

Датируется второй половиной 1925—1926 гг.

Печатается по авторизованной машинописи (СА, л. 1—13).

В СА — черновой автограф рассказа (л. 1—18), составная рукопись (л. 1—15), беловая рукопись (л. 1—22) и авторизованная машинопись (л. 1—13). Дошедшие до нас источники позволяют восстановить некоторые этапы работы Платонова над рассказом.

Черновой автограф представляет самую раннюю редакцию «Антисексуса». Он выполнен на разноформатных листах и обрывках бумаги, исписанных карандашом с обеих сторон. Рукопись не полная: утрачено окончание обращения фирмы к потребителю, содержащее «технические характеристики» прибора, и начало «отзыва» Гинденбурга. Небольшая более поздняя правка сделана чернилами. Черновик открывается вычеркнутым Платоновым эпиграфом: «Не богат душою человек». Затем следуют написанные латиницей название рассказа и перечень городов мира, где фирма основала свои генеральные агентства: London, Berlin, Paris, Vien, Kopengagen, Brussel, New-York, Varsovie, Buda-Pest, Moskou, Bagdad, Angora, Pekin, Singapur, Schanghai, Gonkong, Melburn. Черновик включает рекламное обращение к покупателю и десять «отзывов» на прибор (Гинденбург, Генри Форд, Чарли Чаплин, Дуг Фербенкс, проф. Штейнах, Освальд Шпенглер, Герберт Футдинг, Ганди, Морган, Думерг).

Отзывы Думерга и Футдинга были отвергнуты Платоновым на следующей стадии работы и сохранились только в черновике:

«Рифы были побеждены неограниченной и бесплатной контрабандой через фронт Antisexusa, с ведома Правительства Франции. Их армия была обессилена чрезмерным потреблением Antisexusa и разложилась. Дикие племена не могли устоять перед приманкой неслыханного наслаждения, которое дает прибор Anti<sexus>. Руководители фирмы представлены к ордену Почетного Легиона. С их помощью Франции удалось восстановить свои бессрочные права в Марокко. Франция знает своих друзей. Думерг»;

«Мой бюджет до покупки мною аппарата Ant<isexus> всегда страдал и не балансировался. Теперь я имею возможность вносить в банк ежемесячно на личный текущий счет по 10 долларов. Тем я страхую себя от безработицы. Инд. Раб Мира Герберт Футдинг».

Отставленный писателем отзыв Думерга (Думерг Гастон, 1863—1937, французский политический деятель. По окончании юридического факультета служил чиновником колониального ведомства в Алжире и Индонезии; в 1902 г. как специалист по колониальным вопросам получил пост министра колоний; в 1913 г. был министром иностранных дел; в 1914 г. занял пост министра колоний; с 1924 г.— президент Франции) позволяет наиболее точно датировать фрагменты черновой рукописи, а также указать на текущую периодику как один из важных и ближайших источников «Антисексуса». Национально-освободительная борьба рифов, группы арабско-берберских племен, населяющих северо-восточную часть Марокко, не относится к центральным мировым событиям 1925 г., но из хроники газеты «Правда» Платонов отобрал существенные для «Антисексуса» детали. Первоначально национально-освободительную войну рифов против Испании поддержала Франция, которая рассчитывала использовать территорию Риф для захвата испанской зоны Марокко. Когда же, по примеру рифов, против Франции поднялись племена французского Марокко, Франция и Испания договорились о военном сотрудничестве. Для франко-рифской войны характерны такие приемы, как блокада и подкуп врага. Так в июне 1925 г. в центральной прессе прошло сообщение: «Франция блокировала туземцев и с моря, между тем как в нейтральной зоне Мотэй <французский комиссар в Марокко> всячески старался завоевать симпатии местных князьков, щедро осыпая их наградами, чтобы вслед за этим снабдить их оружием, которое должно было быть обращено против Абд-Эль-Керима <лидер рифского национально-освободительного движения>. Мотэй <...> устроил западню, в которую попали рифы» («Правда», 1925, 4 июня, № 125, с. 3). В июле 1925 г. между Испанией и Францией было достигнуто соглашение относительно блокады побережья и сухопутных границ

области рифов (Там же, 10 июля, № 155, с. 2). Тактика подкупа и блокады вызвала ряд поражений и отступлений рифов: так в сентябре 1925 г. «Правда» сообщила о генеральном наступлении французов в Марокко и отступлении рифов по всему фронту (13 сент., № 209, с. 2). 25 сентября «Правда» опубликовала сообщение с франко-рифского фронта с заглавием «Разложение среди рифов?», где говорилось: «В Марокко наблюдается разложение в рифских войсках, часть которых взбунтовалась против Абд-Эль-Керима» (25 сент., № 219, с. 2). В октябре 1925 г. пала столица области Риф город Аждир (см.: «Правда», 1925, 13 окт., № 226, с. 2). После зимнего затишья франко-рифская война окончилась в мае 1926 г. полной победой над рифами.

Также знаменательно появление записи «*Клайн творог*» на странице с отзывом Думерга; запись является своеобразной пометой для будущей разработки нескольких сюжетов-«отзывов» (см. ниже, с. 558, 568—569).

Новый этап работы представлен составной рукописью. В ней впервые появляется вступление «От редакции» и выделяются части «Антисексуса»: обращение фирмы к потребителю и «Отзывы знаменитых людей об аппаратах Антисексус». Эти фрагменты писались в разное время, разными чернилами и имеют собственную нумерацию страниц. На обороте последнего листа «Отзывов» красными чернилами рукой Г. З. Литвина-Молотова написано: «Выслать А. Платонову в Воронеж. М.», что позволяет датировать этот этап работы самое позднее концом мая — началом июня 1926 г. Неясно, когда именно писатель передает Литвину-Молотову рукопись «Антисексуса», но это происходит до переезда Платонова с семьей в Москву в июне 1926 г.

В составной рукописи на русский язык переведены адрес и название «главной конторы», а также названия городов; список последних значительно пополняется: впервые появляются названия религиозных столиц мира — Рим, Вифлеем и Мекка. Платонов тщательно работает над текстом обращения фирмы к потребителю, усиливая, с одной стороны, философские обобщения, с другой — ироническое начало. Появляется новый абзац: «Страсти человечества господствуют над временами и по линии метафизики, и по линии морали». Развиваются характерные для публицистики раннего Платонова темы «истины», «покоя» и «наслаждения». К словам «Мир стремится лишь к потреблению, а не производству», приписывается «мир не производит даже желания наслаждения, когда нет возможности получить это последнее», а размышление о «непреложности супружеской любви и вечности общего спального ложа» дополняется заключением: «В браке истина заменена покоем, а философы таким объектом не могут быть». Нарастает и едкая ирония: желание фирмы человеческий «дух», «т. ск. притаившееся божество, <...> сде-

лать явным и очевидным» в новой редакции конкретизируется: «сделать явным и общеупотребительным, как одно из рядовых благ цивилизации».

Уточняет Платонов и состав «Отзывов знаменитых людей». Отказываясь от отзывов Думерга и Футдинга, Платонов расширяет список за счет Форда-сына, Чемберлена, Свена Гедина, Клайнса, Муссолини и Владимира Маяковского. Впервые появляется примечание фирмы: «Не имея возможности поместить все отзывы здесь, фирма предполагает издать три тома, специально посвященные оценке наших аппаратов мировыми светилами ума, чувства, поэзии, науки, добра, пользы, социал-демократизма, финансов, политики, техники и эстетизма».

Затем писатель отдает составную рукопись для переписки набело Марии Александровне и подвергает переписанное женой новым исправлениям. В целом редаKTура беловой рукописи имеет цель, с одной стороны, усилить эффект мистификации, с другой — не разрушив иронического подтекста, высказать общественно-приемлемую точку зрения на публикуемое. Решая первую задачу, Платонов вместо Анри Крейцкопфа делает автором «обращения фирмы к потребителю» Якова Габсбурга, а «кирпич» Платонова переименовывает в «кирпич» Крейцкопфа. Второй цели писатель достигает, заново переписывая текст «От редакции» и меняя его название на «От переводчика». Вступление приобретает большую эмоциональность и «личное» звучание. Вместо «литературного творения» рекламная брошюра названа теперь «деловым сочинением». «Великороссийская поговорка» становится «русско-большевистской». Абзац «Поэтому лучшая контр-“антисексуальная” агитация — помещение этого любопытного документа» дополняется объяснением: «ибо у людей задвигаются скуля, а на лицах засияет розовый смех — лучший друг души и желудка и худший враг всей этой индустриально-морально-физиологической чертовщины». В этой редакции впервые появляется имя Анатоля Франса, призванное оправдать стиль дерзкой в своей ироничности мистификации.

Новым во вступлении становится упоминание «отзыва т. Шкловского»: «... т. Маяковский, давший свой издевательский и справедливый отзыв, <...> т. Шкловский, тонко сыронизировавший посредством формального метода надо всей этой ахинеи,— из этого правила исключаются».

Вероятно, со вступлением писатель работает уже после того, как Мария Александровна переписала набело вторую и третью части рассказа: в последний раздел Платонов вписывает уже упомянутый во вступлении отзыв Виктора Шкловского с указанием вставить его после отзыва Владимира Маяковского: «Женщины проходят, как прошли крестовые походы. Антисексус нас застаёт как неизбежная утренняя заря.

Но видно очам: дело в форме, в стиле автоматической эпохи, а совсем не в существе, которого нет. Сладостный срам делается государственной нормалью, оставаясь сладостью. Рады и за это. Виктор Шкловский». Появление отзыва главы формальной школы в белой рукописи рассказа позволяет датировать эту стадию работы осенью 1926 г., когда писатель знакомится с только что вышедшей книгой В. Б. Шкловского «Третья фабрика», содержащей главы с воспоминаниями о недавних воронежских встречах с губмелиоратором Андреем Платоновым.

В начале декабря 1926 г. писатель забирает переписанную Марией Александровной рукопись в Тамбов, где в первых числах нового 1927 г. с нее выполняется машинопись: «В час ночи под Новый год я кончил “Эфирный тракт” <...>. Сейчас он (и “Антисексус”) перепечатывается на машинке» (СА, письмо М. А. Платоновой от 4 янв. 1927 г.). Последний этап работы над рассказом представлен авторизованной машинописью. Последние уточнения в поисках более точных определений писатель вносит в машинопись «Антисексуса» уже после завершения «Эфирного тракта». Прежде всего правке подвергается раздел «От переводчика». Платонов предельно конкретизирует адрес иронии «Антисексуса», желая сделать его, возможно, и по цензурным соображениям, однозначно понятным. В абзаце «Ожидая всего от современных заправил капитала, бюрократии и военщины, давших свои отзывы рекламируемому прибору, мы все же не ожидали у них полного отсутствия ума и чувства элементарного такта» слово «капитал» заменяется на «капитализм» и вводится «фашизм». «Демонстрируемое англо-евро-американское сочинение» получает газетное определение-штамп «сектор империализма».

В одном случае правка не завершена: вместо «у людей задвигаются скуля», Платонов вписывает «у людей задвигается выражение на лицах», оставляя без изменения продолжение «а на лицах засияет розовый смех». В этом единственном случае авторская правка не учтена и при публикации рассказа в наст. издании воспроизводится первоначальный вариант машинописи.

В «обращении фирмы» также делаются поправки, вводятся политические реалии времени: «век всеобщей научной организации труда», «век Форда и радио, век Резерфорда» становится также веком «Лиги Наций»; «обыватель советских стран», являющийся одним из объектов советской сатиры середины 1920-х гг., переименовывается в «оригинального обитателя советских стран».

Уточнения в разделе отзывов носят принципиальный характер. В первых, Платонов решительно убирает «отзыв» Маяковского (см. ниже, с. 557—558), во-вторых, дополняет отзыв Шкловского, обыгрывая цитату из «Третьей фабрики», в-третьих, вписывает имя Форда-сына — Иезекииль. В «примечаниях фирмы» к перечню — «светилам ума, чувства,

поэзии, науки, добра, пользы, социал-демократизма, финансов, политики, техники и эстетизма» добавляется «коммунизма» и обещается представить «оценочные рассуждения гг.: Л. Авербаха, Землячки, Корнелия Зелинского, Сун Цилин, Бачелиса, Гроссман-Рощина, Детердинга, С. Буданцева, Лоуренса Виндроуэра, Осинского, генерала По-Лу-Гуй, Тарасова-Родионова, проф. Вестингауза, Кирсона и мн. др. уважаемых авторитетов». Усиливая мистификацию, Платонов в заключение называет себя «переводчиком с французского». Машинопись датирована: 1926 г.

В целом, редакция рассказа подчинялась желанию Платонова расширить идеологический контекст темы перестройки семейно-бытовых отношений. «Отзывы знаменитых людей» затронули ее социальный, экономический и культурный аспекты. Богословский аспект выстраивается намеками, заметными при сравнении редакций текста «Антисексуса». Черновик приводит перечень городов, где фирма основала свои генеральные агентства,— список, очевидно имеющий целью представить свою продукцию всемирно востребованной. В следующей редакции появляются названия центров мировых религий, в которых генеральные агентства чувствуют себя столь же уверенно, как в Нью-Йорке или Париже. История текста свидетельствует, что рассказ имел целью художественно воссоздать картину переживающего масштабную перестройку мирового человеческого сообщества, частью которого являлась и Советская Россия.

В январе 1927 г. Платонов ведет переговоры с издательством «Молодая гвардия» о включении в сборник завершенного произведения: «Посылаю “Антисексус”. Работаю над “Епифанами”. Про “Антисексус” допустимо еще одно предисловие — сливочное масло издательства — лишь бы “Антисексус” прошел в сборник. Об этом необходимо убедительно просить Молотова» (СА, письмо М. А. Платоновой от 18 янв. 1927 г.). Вероятно, писатель не был уверен, что произведенная правка машинописи сумела в достаточной степени замаскировать истинный адрес ироники рассказа.

«Антисексус» занимает уникальное место в творчестве Платонова воронежско-московского периода. Это своеобразный перевал в творчестве писателя, подведение некоторых итогов собственного творчества: во-первых, активной разработки темы «пола» и «сознания» в ранних рассказах и публицистике, во-вторых, резюме содержательных поисков и формальных приемов в освоении научно-фантастических жанров. Это — и энциклопедия массовой, культурной и литературной жизни середины 1920-х гг. В то же время «Антисексус» — «одно из первых произведений Платонова, целиком проникнутое иронией» (Лангерак Т. Андрей Платонов. Материалы для биографии. 1899—1929 гг. Амстердам,

1995, с. 126), а потому в силу своей энциклопедичности адресаты пародии многообразны, но все они группируются вокруг темы борьбы за «новый быт» и новый облик России. Первые подведения итогов этой кампании относятся к концу 1925 — началу 1926 гг. Они были не столь утешительными, как планировалось, особенно в области сексуально-половых вопросов массовой жизни, о чем свидетельствует принятие в 1926 г. закона о борьбе с хулиганством со статьей о введении смертной казни за изнасилование, а также непростое обсуждение нового закона о браке. Кризисные отношения кампании борьбы за «новый быт» широко запечатлены в рассказах и повестях 1925—1926 гг. о «свободной любви» комсомольцев, а также в новой волне литературной дискуссии 1926 г. между «интуитивистами» и «рационалистами». Мировой контекст русской революции, да и основных идей кампании борьбы со «старым бытом», позволяли Платонову делать вольные контаминации советского материала с зарубежным.

К 1925 г., когда благодаря первому брачному кодексу 1918 г. у церковного брака уже было отнято юридическое значение, на повестку дня вышла задача окончательного преодоления его духовного значения и влияния на народ. Для этого новый проект был построен «на полном признании свободных супружеских отношений, не стесненных условностями буржуазного строя...» (Перед II сессией ВЦИК. Кодекс законов о браке, семье и опеке // Газ. «Известия», 1925, 11 сент., № 207, с. 5). Развернувшаяся на сессии и поддержанная в прессе дискуссия обнажила «узкие» места проекта. Отказавшись кодексом 1918 г. об актах гражданского состояния от церковного определения брака как образа «таинственного союза Христа с Его церковью» и таинства, соединяющего «мужа и жену для полного неделимого общения жизни», низводящего «на них дары Божьей благодати» (цит. по: *Суворов Н. С. Учебник церковного права*. М., 1913, с. 349), законотворцы столкнулись с проблемой невозможности точно определить феномен брачных отношений и тем избегнуть внебрачного сожительства и его последствий.

Пресса освещала мнения разных социальных групп, публиковала отзывы литераторов и известных общественных деятелей. По вопросам пола высказывались члены Политбюро Л. Д. Троцкий и Н. И. Бухарин, нарком просвещения А. В. Луначарский и нарком здравоохранения Н. А. Семашко, председатель Главполитпросвета Н. К. Крупская и заведующая женотделом ЦК А. М. Коллонтай. Автор знаменитых в 1920-е гг. статей и брошюр по вопросам социальной психологии и физиологии А. Б. Залкинд сформулировал «двенадцать половых заповедей революционного пролетариата»: «Половой подбор должен строиться по линии классовой, революционной целесообразности. В любовные отношения не должны вноситься элементы флирта, ухаживания, кокетства и прочие

методы специально полового завоевания» и «класс, в интересах революционной целесообразности, имеет право вмешиваться в половую жизнь своих сочленов» (*Залкинд А. Б.* Половой вопрос в условиях советской общественности. Л., 1926, с. 55—58). Статьи и художественная проза Коллонтай, вызвавшие бурное обсуждение, утверждали, что «выделение брачной пары в обособленную ячейку — не отвечает интересам коммунизма», так как «запросы и интересы отдельного лица должны быть подчинены интересам и задачам коллектива» (*Коллонтай А.* Тезисы о коммунистической морали в области брачных отношений // Журн. «Коммунистка», 1921, № 12—13, с. 28—34). В ее публицистике эпохи нэпа говорилось о «преображенном эросе» будущего, свободной любви, изжившей буржуазную любовь-собственность, любовь-эгоизм и развившейся в «эрос эпохи коллективизма» — товарищество, украшенное, однако, более яркими переживаниями (*Коллонтай А.* Дорогу крылатому Эросу! (Письмо к трудящейся молодежи) // Журн. «Молодая гвардия», 1923, № 3, с. 123). Сфера быта выдвинулась вперед как главная арена классово-борьбы. Так в апреле 1925 г. «Правда» напоминала, что пролетариат — единственный до конца революционный класс в СССР, который «остался жить как одинокое рабочее государство в крестьянской стране» (*Ксенофонов Ф.* Крестьянский вопрос в свете стратегии и тактики РКП(б) // Газ. «Правда», 1925, 9 апр., № 91, с. 3). Прогресс отчетливо связывался теперь не только с задачей «быстро догнать» западноевропейские страны в их положительных сторонах техники и цивилизации, но в первую очередь с преодолением русской национальной косности с помощью государственного руководства. Не принимавший прямого участия в дискуссии по проекту нового кодекса Л. Д. Троцкий коснулся этой темы в выступлении на Всесоюзном совещании по охране материнства и младенчества в декабре 1925 г.: «Подгонять быт, чтобы он не отставал от технических завоеваний, это и есть важнейшая ваша задача, ибо быт страшно консервативен, несравненно консервативнее, чем техника. <...> У нас уже в печати раздаются такие голоса, как будто бы мы должны были в вопросах семьи подделываться под худшие крестьянские предрассудки, и будто бы это и есть вывод из смычки. На самом же деле наша задача в том, чтобы, исходя из того, что есть в деревне, — а есть и отсталость, и предрассудки, и темнота, которых нельзя росчерком пера уничтожить, — найти “смычку”, найти жизненный крючок, которым можно было бы умело тянуть крестьянскую семью вперед по пути к ближайшим этапам социализма, а ни в коем случае не пассивно подделываться под существующие понятия, традиции, которые основаны на рабстве. Что такое наша старая культура в области семейно-бытовой: сверху барство, которое накладывало печать хамства на основе бескультурности и темноты на всю общественную жизнь. <...> Не

ставьте себе утопической задачи каким-нибудь единовременным юридическим скачком перевернуть старую семью <...>. Но в меру материальных возможностей <...> воздействовать и по юридической линии, направляя семью в сторону будущего. <...> в наших традиционных взглядах, понятиях и привычках есть много поистине дремучего, такого, что нужно пробивать тараном» (Речь тов. Л. Д. Троцкого на III всесоюзном совещании по охране материнства и младенчества 7 декабря 1925 г. // Газ. «Правда», 1925, 17 дек., № 288, с. 5—6); «Церковная обрядность держит даже и неверующего рабочего на привязи через посредство трех важнейших моментов в жизни человека и человеческой семьи: рождение, брак, смерть» (*Троцкий Л.* Семья и общественность // Газ. «Петроградская правда», 1923, 14 июня, № 156, с. 2).

В литературной дискуссии по вопросам пола был услышан голос «певца пола» В. В. Розанова: «Розанов нашел тему. Целый разряд тем, тем обыденщины и семьи» (*Шкловский В. Б.* Розанов. Из книги «Сюжет как явление стиля». Пг., 1921, с. 20). В 1920 г. Платонов знакомится с работами философа, послужившими источником ряда его статей (см. прим. к статьям «Душа мира», «Культура пролетариата» — наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 328—329, 349). Общественное внимание к трудам «реакционного» мыслителя вызвало протест партийного руководства страны: «Был он поэтом интерьерчика, квартиры со всеми удобствами. ...сам он неизменно учительствовал: главное в жизни — мягонькое, тепленькое, жирненькое, сладенькое» (*Троцкий Л.* Внеоктябрьская литература // Газ. «Правда», 1922, 19 сент., № 210, с. 3). Современный «культ» Розанова, по мнению Троцкого, означал недопустимое возрождение ценностей буржуазной семьи и быта в условиях, когда Советская Россия готовилась вступить в эпоху «культурничества» (см. *Троцкий Л.* Эпоха «культурничества» и ее задачи // Там же, 1923, 1 июня, № 145, с. 2; *Троцкий Л.* Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. М., 1923).

На повестке дня в 1925 г. стал вопрос о должествующем скоро явиться новом качестве советского быта, внедрении новых специфически советских социальных отношений. Последних было немало в эпоху, отмеченную самыми разными явлениями «производственничества», с которыми Платонов был хорошо знаком (см. прим. к рецензиям 1924 г. — наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 437—446). В 1925 г. возглавляемый А. Гастевым Институт труда праздновал 5-летие своей деятельности. В связи с этим событием один из лидеров «производственничества» выступил с очередной, пропагандирующей его теорию культуры пролетариата, статьей, где, в частности, говорилось: «Поэтому-то под культурой мы понимаем не образование, а *сноровку*, только этим самым воспитываем мы в пролетариате любовь к орудию, любовь к машине. <...> Рабочий <...> органически спаян со своим собственным производством,

в которое он каждый день вкладывает частицу своего “я”...» (*Гастев А. Социальное знамя ЦИТ // Газ. «Правда», 1925, 27 ноябр., № 271, с. 3*). За два года до этого Гастев представил фантастический проект — универсальный «несессер культуры» для молодых строителей социализма, в котором «до безумия мало приспособлений», но в то же время «тысяча и один» способ монтажа (см.: *Гастев А. Восстание культуры // Там же, 1923, 3 янв., № 1, с. 3*). Платонов мог считать антисексус подходящим прибором для «несессера» пролетариата, т. к. последний должен был освободить от быта, отчего дома, семейного очага, позволить «работать партиями», быть «странниками» и «колонизаторами». Книга Гастева «Восстание культуры» (Харьков, 1923) и его «несессер культуры» вызвали горячую полемику (см.: *Шатуновский Я. Научная организация труда и ее анархистское выявление // Кр. новь, 1923, № 6, с. 261*). См. также прим. к статье «Нормализованный работник» — наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 360—362).

В многообразных производственных концепциях «нового быта» едва ли не базовым оставался компонент «чистой цивилизации» (термин О. Шпенглера), связанный с американской цивилизацией. Примечательно, что в первой рукописи «Антисексуса» из десяти «отзывов знаменитых людей» пять принадлежат американцам. Тема Америки глазами русского и советского человека уже была освоена С. Есениным в «Инонии» (1918), «Железном Миргороде» (1923) и «Стране негодяев» (1924). В 1921 г. отдельным изданием вышла поэма В. Маяковского «150 000 000» с ее «американской» главой. В основе пореволюционного взгляда на процветающую промышленную Америку — и очерки М. Горького «В Америке» (1906), и опыт обработки этой темы в предреволюционные годы русским модернизмом (стихотворение А. Блока «Новая Америка», 1913). Впервые берясь за «американскую» тему, Платонов осваивает ее по-новому, соглашаясь с идеологическими установками времени: технические успехи США интересовали руководство СССР, объявившего на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г. о вступлении страны на путь индустриализации народного хозяйства: «Мы имеем здесь новое мерило в области хозяйства — выравнивание с европейской и американской техникой, чтобы затем превзойти ее» (Речь тов. Л. Д. Троцкого на III всесоюзном совещании по охране материнства и младенчества 7 декабря 1925 г. // Указ. изд., с. 5). «Американизированный большевизм», призванный, согласно формулировке Л. Троцкого, раздавить «империалистический американизм», в сфере семейно-бытовых отношений, по словам конструктивиста-лефовца К. Зелинского, был призван заменить традиционные духовно-нравственные ценности «крестьянской “стихии”» «западническими» ценностями науки и техники. Очевидно, что эту концепцию и должны были развить «уважаемые авторитеты»,

обещание об отзывах которых было вписано в машинопись «Антисексуса» в январе 1927 г. И хотя Платонов, конечно же, не собирался отзывами увеличивать текст «Антисексуса» до 3-х томов, но названные «авторы» вполне вписываются в круг последовательных представителей «американизма» в формирующейся советской культуре.

Однако самой крупной фигурой «производственничества» в середине 1920-х гг. был Маяковский, поэтому ему и отдается у Платонова «издательский и справедливый отзыв» на антисексус, пронизанный аллюзиями к литературным реалиям рубежа 1925—1926 гг.:

«Предлагается: то вещество, которое скопляется — оставляется в половой машине зря,— экономно собрать, построить фабрику и печь в ней лепешки, которые будет смачно жрать — тот, кто произвел сырье для изготовления этой лепешки. Таким образом, экономия получится вдвойне: по Клайнсу выйдет ровно 2 триллиона в год. Человечество тогда получит: молоко, творог, сметану и лепешки — все взамен женской ножки. Владимир Маяковский».

Источником данного отзыва могла послужить глава «Будущий быт» в фантастической поэме «Летающий пролетарий», где Маяковский так представил решение проблемы питания: «Также вырабатывается из облаков // искусственная сметана и молоко. // Скоро забудут о коровьем имени. // Разве столько выдоишь из коровьего вымени! // <...> И каждый — с воздухом, со сметаной, с молоком» (*Маяковский В. Летающий пролетарий. М., 1925, с. 46—47*). Адрес иронии «отзыва» неоригинален — прагматический пафос Лефа служил постоянной темой насмешек; см., например, пародию на Маяковского: «Вам, когда сдохнете, // гнить, вонять, // В землю // зарыться // носом бы. // А Маяковский, он вызнал // способы, // как производство поднять: // Мясо и кости // — в склад Жирности, // Волос — в машины, // Госщетины, // Куртку и брюки // — Главнауке, // Пару ботинок // ну — хоть в рынок, // Чтобы не нужен был гроб! // Польза от смерти чтоб!» (*Кр. новь, 1925, № 10, с. 280*). «Упрощение культуры» — программное требование Лефа — также могло быть прямым источником отзыва Маяковского; ср.: «Фабрика оптимизма строится сейчас в России. Расчетливого, умного, рабочего оптимизма. Одно крыло фабрики — на свой страх и ответственность — сооружают футуристы. Это то крыло, где будет производиться для массового потребления оптимистическое искусство. Машинным способом производиться, лучшими техническими приемами. Вдохновение будет выдаваться ежедневным пайком, строго отмеренными порциями — работникам этого крыла. Будет служить гарниром — к умению. И потребители не так уж будут дорожить сладковатым и клейким гарниром» (*Левидов М. О футуризме необходимая статья // Журн. «Леф», 1923, № 2, с. 136—137*). Однако на заключительной стадии работы с машинописью Платонов тщательно вымарывает отзыв главы Лефа. Вероятно, к этому

моменту Платонов имеет свое, расходящееся с официальной программой Лефа представление о природе таланта и мирозерцания Маяковского-поэта — «поэта гениального», готового «все богатства, все великолепие своей души и самое свое бессмертие отдать “за одно только слово ласковое, человечье”» (статья «Размышления о Маяковском», 1940).

К художественной теории и практике левого искусства обращено стиливое своеобразие «Антисексуса» и его «монтажная» форма. «Монтаж» — понятие из словаря формальной школы, где оно, в первую очередь, означает «обнаженность» приема, см.: «Анекдот смонтирован так» (*Шкловский В. Б.* «Тристрам Шенди» Стерна и теория романа. Пг., 1921, с. 5). Самой темой «Антисексуса» Платонов напоминал в середине 1920-х гг. об отнюдь не «производственной» мотивировке теории «монтажа» в работах Шкловского, которому принадлежит заслуга теоретического осмысления художественного открытия создателя «Опавших листьев» и «Мимолетного»: «...резкость переходов Розанова, немотивированность связи частей, появилась сперва как результат газетной техники и только после была оценена и закреплена как стилистический прием», пишет В. Б. Шкловский (*Шкловский В. Б.* Розанов. Пг., 1921, с. 41). «Книга Розанова была героической попыткой уйти из литературы, “сказаться без слов, без формы” — и книга вышла прекрасной, потому что создала новую литературу, новую форму» (*Шкловский В. Б.* Там же, с. 17). Внесение «сырого» жизненного материала в литературу, «газетная техника» («с типично фельетонным приемом развертывания отдельного факта в факт общий и мировой» (Там же, с. 40—41), нарушение культурного «канона» «интимной» темой и внелитературным жанром («реклама бытового прибора»), слабо выраженный сюжет («обрамляющая новелла», по Шкловскому) — все эти черты «Антисексуса» свидетельствуют о свободе творческого наследования Платоновым новаторских приемов розановской прозы и главной розановской темы.

В том же смысле, что и Шкловский, употреблял термин «монтаж» и К. Зелинский, оценивая «наглядно-монтажный характер» работ собратьев по ЛЦК (*Зелинский К.* Госплан литературы. Сборник литературного цеха конструктивистов (ЛЦК). М.; Л., 1925, с. 37). Глава конструктивистов считал, что «современная “кадровая” проза с разбивкой и переплетом отдельных частей как в фильме — влияние кино на литературу» (Там же, с. 37—38). Действительно, технические возможности кинематографа оказали влияние на приемы сюжетосложения начала 1920-х гг.: в манере киномонтажа создают свои произведения А. Веселый, Б. Пильняк, В. Шкловский, Ю. Тынянов. Сборник «Поэтика кино» (М.; Л., 1927) окончательно закрепил этот термин за киностилистикой. Монтаж здесь понимается как «система кадроведения или кадросцепления», способная к образованию «смысловых единиц» (*Эйхенбаум Б.* Проблемы

киностилистики // Сб. «Поэтика кино». Указ. изд., с. 33—39). Платонов искусно использует возможности киномонтажа, когда нарочито сталкивает разные по фактуре, смысловому и коммуникативному заданию части — разъяснения «переводчика», рекламное обращение «фирмы» к потребителю, технические характеристики «прибора», «отзывы», хранящие своеобразие речи пользователя. Высокая знаковая способность монтажа позволяет Платонову экономить собственно авторские средства выразительности, отказаться от явного выражения собственной позиции. «Антисексус» — редкий опыт успешного перенесения кинематографического приема в область художественного слова. Платонов внимательно знакомится с эстетическими принципами наиболее радикальных приверженцев эксперимента в области художественной формы, когда по заданию редакции «Октября мысли» готовит рецензию на № 1—4 журнала «Леф» за 1923 г. (см. наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 259—261). Следующую рецензию он обещал посвятить художественной практике лефовцев. Однако не пишет ее. Неосуществленное тогда намерение реализуется в замысле «Антисексуса», а затем в статье «Фабрика литературы» (печатается во 2-м т. «Сочинений») — ответа литературным достижениям левого фронта, которые, за малым исключением, посредственны и не соответствуют заявленным эстетическим требованиям.

Рассказ наиболее полно отвечает главным теоретическим догмам Лефа и конструктивизма. Пафос «производственничества» и «жизнестроения» сказывается в выборе темы и способе ее художественной обработки — «жанре» рассказа, «рекламе электромеханического бытового прибора». Центр читательского внимания умело переносится «с момента познания на непосредственное строение вещи, включая сюда и идею» (*Чужак Н.* Под знаком жизнестроения (Опыт осознания искусства дня) // Журн. «Леф», 1923, № 1, с. 35). Монтаж разнотилевых частей маскирует авторскую точку зрения, тогда как полифония «чужих голосов» тонко ее моделирует. «Антисексус» открывает неисчерпанные возможности «организующего воздействия» искусства на быт в «производственном» методе левого искусства, главная из которых — едкая ирония.

С. 124 ...роднит ее с духом Анатоля Франса...— Франс Анатоль Франсуа Тибо (1844—1924), французский писатель, член Французской академии. В 1921 г. удостоен Нобелевской премии. Сочувствовал французской компартии; один из первых друзей Советской России. В 1918—1924 гг. Франс написал множество речей в ее защиту с протестом сначала против военной интервенции, затем — против голодной блокады.

В критической статье Ф. Жица «Об Анатоле Франсе» приводится обширная цитата из Франса, проясняющая острое своеобразие социальной сатиры писателя: «Некоторые истины, особенно неприятные иерар-

хни, для существующего строя, для “здорового смысла”, необходимо преподносить с чрезвычайной осторожностью. *Мы работаем на буржуазную клиентуру. Это единственные наши читатели. Не срывайте с храма покрова грубой рукой. Мните их. Продырявливайте исподтишка.* Под видом починки, вырезывайте там и сям лоскутки, чтобы сделать куклы из них... Я провел всю свою жизнь в том, что заворачивал динамит в папильотки» (*Кр. новь*, 1925, № 4, с. 283).

...т. Шкловский ~ из этого правила исключается — Шкловский Виктор Борисович (1893—1984), прозаик, литературовед, критик, сценарист, киновед.

...права русско-большевистская поговорка: разум отнимается первым — у того, кого хочет казнить История.— Ср.: «Quos vult perdere, dementat» (лат.), то есть: «Кого (Бог) захочет погубить, того Он лишает разума».

С. 125. «*Дерулюфт*» — русско-германское общество воздушных сообщений. «*Люфтганза*» — немецкое общество воздушных сообщений.

С. 128. *Шеф фирмы г. Беркман...* — Платонов мог иметь в виду автора книги «Антиклимакс» А. Беркмана (*Berkman A. The Anti-Climax: The Concluding Chapter of My Russian Diary, the Bolshevik Myth.* Berlin, 1925), американского анархиста русского происхождения. В 1919 г. Беркман был выслан из США в Россию, где занимался активной общественной деятельностью. После кронштадтского восстания 1921 г. уезжает в Европу. Автор книг и памфлетов, разоблачающих «большевистский миф» (см.: *Shepard J. The Origin of a Master: the Early Prose of Andrey Platonov.* Indiana University, Ph. D., 1973, p. 185).

...*honoris causa* — (лат.) букв. «ради почета»; за заслуги (напр., научная степень, присуждаемая за труды, без защиты диссертации).

...звание доктора этических и эстетических наук от Парижской академии.— Вероятно, речь идет об Академии моральных и политических наук. Наряду с другими, в частности, с Французской академией и Академией искусств, входит в состав Института Франции.

В браке истина заменена покоем.— Парафраз высказывания В. Розанова из книги «Опавшие листья. Короб первый»: «Я не хочу истины, я хочу покоя» (*Розанов В. В. Уединенное.* М., 1990, с. 169; см. также прим. к статье «Культура пролетариата» — наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 349).

С. 129. ...*в век Форда ~ Лиги наций, Резерфорда...*— *Форд* — см. ниже, с. 564. *Лига наций* — международная организация государств, возникшая после и в результате Первой мировой войны. Согласно Уставу ее официальными целями являлось: обеспечение мира и безопасности, соблюдение договоров и норм международного права, международное сотрудничество и справедливость, гласность международных отношений. Советская Россия не являлась членом Лиги наций, а партийная пе-

чать считала эту организацию союзом «так называемых великих держав, присвоивших себе право распоряжаться судьбами более слабых народов», «прикрытием подготовки военных действий» для дальнейшего их угнетения («Комсомольская правда», 1925, 24 нояб., № 153, с. 1). *Резерфорд Эрнест* (1871—1937), английский физик, один из создателей учения о радиоактивности и строении атома, осуществил первую искусственную ядерную реакцию.

Крейцкопф — герой рассказа «Лунные изыскания».

Прогресс идет ломаной линией, т. е. отдельные точки его бессильно отстают от других точек. Наша фирма призвана выровнять линию прогресса...— Возможно, создатели прибора спорят с теорией социального прогресса Махатмы Ганди: «...и наш молодой Запад, увлеченный своим ритмом, не думает о том, что не всегда он играл первую партию в симфонии, что его прогресс подвержен затмениям, обратным вновь возобновляемым движениям, что история человеческой цивилизации есть, точнее, история цивилизаций, и, если в каждой цивилизации наблюдают прогресс (изменчивый, хаотический, разбитый, часто остановленный), то все же нельзя быть уверенным, что прогресс одной цивилизации перейдет в другую» (*Роллан Р. Махатма Ганди // Кр. новь*, 1923, № 4, с. 163).

Из грубой стихии ~ освободили дорогу чистой душевной дружбе.— Лишив теоретиков и практиков РАПП отдельного отзыва, Платонов отражает в данном «буржуазном» высказывании некоторые результаты обсуждения «половой» проблематики в пролетарской прозе середины 1920-х гг. («Собачий переулок» Л. Гумилевского, «Луна с правой стороны» и «Больной человек» С. Малашкина, «Разгром» А. Фадеева, «Цемент» Ф. Гладкова и др.). В дискуссиях 1926 г. вокруг темы «свободной любви» комсомольцев, любви «без черемухи» (заглавие рассказа П. Романова), сексуально-половая проблематика была вытеснена и разрешена темой дружбы-товарищества. Вполне закономерно, что литературной сенсацией 1926 г. в плане «строительства» нового быта был назван роман Ф. Гладкова «Цемент». Роман получил огромный общественный резонанс: «И быт новый строят кособоко, по-медвежьи,— слышно, как черепки хрустят,— а строят» (*Серафимович А. «Цемент». Роман Гладкова // Газ. «Правда», 1926, 16 янв., № 38, с. 2*). Свободная любовь, «потухший очаг», сублимация энергии пола в энергию общественной и профессиональной деятельности, равно ударный труд мужчины и женщины — вся новизна семейно-бытовых отношений Даши и Глеба Чумаловых представилась конкретным воплощением перемен в традиционной рабочей семье. Восторженные отклики прозвучали из разных лагерей литературной борьбы: от критиков, стоявших на позициях отрицания пролетарской литературы, таких, например, как Н. Осинский (журн. «На

литературном посту», 1926, № 1, с. 51), от идеологов ВАПП (*Коган П. С. О Гладкове и «Цементе» // Там же, 1926, № 1, с. 42—43*), от критиков-попутчиков: ««Цемент» — история взаимоотношений Глеба и Даши, разрушения старой семьи. В том, что восстановлен доставшийся из прошлого завод и разрушена оставшаяся от прошлого семья — опорные пункты общего смысла “идеи” романа» (*Лежнев А. Обзорение искусств и литературы. Литературные заметки // Журн. «Печать и революция», 1925, № 7, с. 135*).

С. 130. ...членам профсоюзов по коллективным спискам скидка до 20% ~ с автоматом-стерилизатором — Весной 1925 г. задача строительства нового быта приобрела санитарно-профилактический характер. В рамках подготовки совещания наркомов здравоохранения автономных республик и областных здравотделов автономных областей совместно с представителями волисполкомов и участковых врачей «Правда» опубликовала статью «На борьбу за здоровую деревню», где приводилось свидетельство жителя Нижегородской губернии о том, что «есть деревни, где половина населения больна сифилисом». В связи с этим выдвигалась задача развития предупредительных мероприятий и финансирования медико-санитарных учреждений из средств волисполкомов («Правда», 1925, 7 апр., № 79, с. 1). Подводя итоги совещания наркомздравов, газета «Известия» сообщала о принятой резолюции, в которой намечены очередные задачи по профилактике трахомы, туберкулеза, эпидемий для оздоровления труда и быта рабочего класса и крестьянства («Известия», 1925, 15 апр., № 86, с. 6).

20 дlr.— осенью 1925 г. официальный курс доллара США составлял 1 руб. 94 коп.

Франко-база — коммерческий термин, обозначающий условия продажи, в силу которых продавец несет все расходы, связанные с доставкой покупателю товара до определенного места, в данном случае — до базы.

С. 131. *Гинденбург* — Пауль фон *Гинденбург* (1847—1934) стал президентом Германии (Веймарской республики) в апреле 1925 г. Его приходу к власти предшествовала яростная политическая борьба, за которой внимательно следили в Советской России, где возлагали большие надежды на успех рабочего революционного движения в Германии. Возможность победы на выборах семидесятивосьмилетнего генерала, национального героя Германии, означала, по мнению К. Радека, переход «в бешеное наступление против рабочего класса» германского капитализма («Правда», 1925, 12 апр., № 84, с. 3). Пользовавшийся поддержкой кайзера и широких слоев населения, заинтересованных в возрождении «великой Германии», Гинденбург победил на выборах. «В самой Германии имя Гинденбурга становится символом монархии и войны», — сообщала газета «Правда» (1925, 28 апр., № 95, с. 2). «Означает

ли президентство Гинденбурга курс на войну — реванш? Нет. <...> Но президентство Гинденбурга наверное сигнализирует более активную внешнюю политику Германии», — утверждал К. Радек в статье «Победа Гинденбурга» (Указ. соч.).

Она не пребудет, пока не пребудет жизнь на земле... — Возможный источник — цитата из Анатоля Франса, приведенная в рецензии В. Дынкин: «И, вместе с тем, сам осознав войну как одно из бессмысленных противоречий, А. Франс не верит, чтобы противоречие это было когда-либо, хотя бы в далеком будущем, изгнано из жизни: “Война будет существовать до тех пор, пока не вымрет человечество. Думать иначе — утопия”» (Кр. новь, 1925, № 9, с. 294).

С. 132. *Генри Форд* (1863—1947), американский промышленник, один из основателей автомобильной промышленности США. На своих заводах широко внедрил систему поточно-массового производства. В СССР особый интерес вызывал американский опыт организации труда и быта рабочих — фордизм и тейлоризм. «На фордовский завод я шел в большом волнении. Его книга, изданная в Ленинграде в 1923 году, уже имеет пометку 45-я тысяча, фордарь — популярнейшее слово организаторов труда, о предприятии Форда говорят чуть ли не как о вещи, которую без всяких перемен можно перенести в социализм. <...> Сам Форд говорит: цель его теории создать в мире источник радости (социалист), если мы не научимся лучше пользоваться машинами, у нас не станет времени для того, чтобы наслаждаться деревьями и птицами, цветами и лугами. “Деньги полезны лишь постольку, поскольку они способствуют жизненной свободе (капиталиста)”» (Маяковский В. Америка // Кр. новь, 1926, № 2, с. 181). Американский стиль как прагматичный подход к трудовым отношениям в некотором смысле приближал конечные цели социалистического строительства, поэтому Платонов сохранял «отзыв» Форда во всех редакциях «Антисексуса» и позже расширил точку зрения его клана «мнением» Форда-сына.

Форд-сын (Иезекииль) — Писатель мог знать из книги Н. Асова «Генри Форд. Американский король автомобилей и тракторов. Его жизнь, дела и мысли» (М.; Л., 1925), что настоящее имя сына американского промышленника — Эдзель. Т. Лангерак высказал предположение, что «автор нарочно называет Форда-сына Иезекииль, тем намекая на денежное поддержание Генри Фордом антисемитских изданий» («Russian Literature», 1981, № IX, р. 293). Комментатор первого русского издания А. Знатнов, очевидно, исходя из значения имени «Иезекииль» («сделает сильным Бог»), высказал предположение, что «смысл употребления этого имени, учитывая его этимологию, заключается в некоем избранничестве, в исключительности той роли, которую пытается взять на себя Форд-сын» (журн. «Новый мир», 1989, № 9, с. 175—176). Имя про-

рока Иезекииля должно было быть хорошо известно Платонову. В предызображение грядущего Христова Воскресения его пророчество как паремию из Ветхого Завета читают на погребении плащаницы — чине утрени Великой Субботы (*Иез.* 37, 1—14). Библейский Иезекииль, в этом отрывке названный Господом «сыном человеческим», сострадает умершим отцам и радуется вести об их грядущем воскресении. Православная церковная традиция благословляет обильное чадородие, так как воспринимает его сквозь призму хранимого в Новом Завете родословия первого воскресшего Сына Человеческого — знамения грядущего воскрешения отцов (*Мф.* 1, 1—16, *Лк.* 3, 23—38). Авторитет Библии определил бы замысел антисексуса как богопротивный. Однако названный в «рекламе антисексуса» доктором «этических и эстетических наук» шеф фирмы Беркман воспринимает грех Онана (*Быт.* 38, 8—10), проклятого и наказанного смертью, как бытовое явление цивилизованного общества. Таким образом, чуждость американского «Иезекииля» традиционным религиозным ценностям Старого и Нового Света оттенена платоновской «ошибкой» в выборе имени.

Ганди — *Ганди* Мохандас Карамчанд (1869—1948), прозван в народе Махатмой («Великой душой»), один из лидеров индийского национально-освободительного движения, его идеолог. С личностью, философией и деятельностью вождя национально-освободительного движения Индии Платонов мог быть знаком по книге Р. Роллана «Махатма Ганди» (*Кр. новь*, 1923, № 4, с. 151—170). Мысли Ганди, которые обильно цитирует биограф, дали материал для афористического «отзыва» индусского революционера. Задача Роллана — понять, насколько в условиях современной цивилизации, все больше стремящейся к комфорту и наслаждению, выполнимо стремление его героя построить общество, способное сохранить патриархальный уклад жизни и верность традиционным ценностям, главные из которых далеки от благополучия материального. Взгляды Ганди на общественный прогресс могли привлечь внимание Платонова, собственная точка зрения которого на российскую и мировую историю в ту пору формировалась.

Ганди оперирует такими «нецивилизованными» понятиями, как грех и разврат. В споре с цивилизацией Запада он дает свое понимание социального развития как всегда личного духовно-нравственного становления. Можно предположить, что именно такой прогресс, как выращивание «древа мудрости», ради которого стоит жить и родить детей, имел в виду Платонов, когда составлял за Ганди его отзыв.

Способы осуществления и цели общественного развития были центральными вопросами идеологии и экономической политики, как для Индии тех лет, так и для «отсталой во многих отношениях России», «страны по преимуществу сельскохозяйственной», как она именовалась

в начале 1920-х гг. в официальной прессе. Псевдоположительный отзыв Ганди, завершающий первую редакцию рассказа, запечатлел участие Платонова в общероссийской дискуссии об исторических судьбах русского народа-земледельца, названного им в экспозиции «Эфирного тракта» потомком скифов, сармат, скандинавов, болгар, черемисов, татар, иранцев и индусов.

С. 133. *Чемберлен — Чемберлен* Остин (1863—1937), английский государственный деятель, консерватор. В 1924—1929 гг. министр иностранных дел в кабинете Болдуина. С момента вступления в должность — инициатор обострения отношений с СССР; в ноябре 1924 г. добился аннулирования советско-английских договоров, подписанных в августе того же года лейбористским правительством Макдональда. По информации центральной прессы, задачей своей внешней политики считал укрепление положения Британии на Востоке с целью завоевать «новые территории для эксплуатации» и создание общеевропейского антисоветского фронта.

С. 133. *Чарли Чаплин — Чаплин* Чарлз Спенсер (1889—1977), американский артист, режиссер, сценарист, композитор. Создал трагикомический образ «маленького человека», мечтательного, отзывчивого к чужим несчастьям, внешне наивного и беспомощного. Технике и психологии комического у Чаплина посвящен сборник под редакцией В. Б. Шкловского «Чарли Чаплин» (Л., 1925).

С. 134. *Любовь, как установила современная наука, есть психопатическое состояние, свойственное организмам с задатками нервного вырождения, а не здоровым деловым людям.*— Первая половина 1920-х гг. отмечена острым интересом общественности к теориям З. Фрейда. Журналы публикуют подробные рефераты его трудов, а также статьи, трактующие с классовой точки зрения его открытия в области человеческой психики. С позиций марксизма открытие Фрейда следует перевернуть «с головы на ноги», тогда станет очевидным, что вся сфера половых отношений — принявшая ложное направление в условиях капитализма человеческая воля к перестройке общества: «Расплющив целую серию естественных биологических проявлений, извратив пищевые, двигательные, дыхательные устремления человеческих организмов антигигиенической обстановкой производства, эксплуатации и гнилой атмосферой “культурных” городов, классовый строй создал все условия для ложного направления энергического фонда человека, для паразитического переключения его в половую область. <...> Какие же огромные резервы творческих сил скрываются под этой мутной водой!» (Залкинд А. Фрейдизм и марксизм // *Кр. новь*, 1924, № 4, с. 179).

Штейнах — Штейнах Эйген (1861—1944), австрийский физиолог и биолог. Советская периодика начала 1920-х гг. пестрела приходившими

с Запада известиями о сенсационных экспериментах Штейнаха и его последователей по экспериментальному разрешению проблемы омоложения и загадки старости. Основной метод, который первоначально был применен Штейнахом в целях омоложения, состоял в пересадке старым крысам яичек молодых самцов. Для человека Штейнахом был изобретен другой метод, состоявший в перевязке семенного протока, то есть в закрытии выхода наружу для полового секрета. Последователем Штейнаха С. А. Вороновым (Франция) производились опыты по пересадке человеку половых желез приматов. В СССР опыты по омоложению производили профессор Коган в Москве (Институт экспериментальной биологии), хирург Щепачев — в Иркутске, врач Грегори — в Вологде и др. Межвидовой гибридизацией заинтересовалась Академия наук СССР, и на создание биологической лаборатории и вивария с середины 1920-х гг. выделялись почти неограниченные средства.

Морган — *Морган* Джон Пьерпонт (1867—1943), американский банкир, миллиардер. «Морган является членом той знаменитой тройки, в которую входят Рокфеллер и Кунлоэб,— “триумвирата”, который держит в кулаке почти весь мир. <...> они делают политику в мировом масштабе, а не мелкие лакеи и послушные приказчики, вроде гг. Керзонов, Пуанкаре, даже Юзов, для гг. Морганов эти “мировые величины” — только мелкие сошки», — писали «Известия» в 1923 г. (*Вакс Б.* Владыки мира // Газ. «Известия», 1923, 20 мая, № 110, с. 4). Источником отзыва Моргана могло послужить описание результатов экспериментов проф. Штейнаха: «70-летний старик, руководитель крупного предприятия. <...> Вот как через несколько месяцев после операции сам пациент описывает свое состояние <...>: “После заживления раны я стал искать места отдыха, чтобы набраться сил. Уже там, к моему крайнему удивлению, я имел ночью при спинном положении эротические сны и в связи с ними — поллюции. <...> В то время как раньше я находился в состоянии глубокой депрессии, теперь я уже много месяцев жизнерадостен”» (*Завадовский Б.* Проблема старости и омоложения в свете новейших работ Штейнаха, Воронова и др. авторов // *Кр. новь*, 1921, № 3, с. 157).

Дуг Фербенкс — *Фэрбенкс* Дуглас (1883—1939), настоящее имя Дуглас Элтон Томас Ульман, американский киноактер, культовая фигура советского кинопроката середины 1920-х гг. В ряде картин варьировал образ героя, удачливого, исполненного энергии, оптимизма, великолепного спортсмена. Летом 1926 г. вместе с женой, актрисой Мэри Пикфорд, посетил Советскую Россию.

С. 135. *Освальд Шпенглер* (1880—1936) — немецкий философ, историк культуры. Книга «Закат Европы» (т. 1—2, 1918—1922) принесла Шпенглеру мировую известность. Наряду с отзывами Чаплина и Ганди, мнение немецкого философа шифрует важнейшее философское задание

рассказа. Имя Шпенглера появляется в публицистике Платонова в 1922 г. (см. прим. к статье «Симфония сознания» — наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 398—410). Отзыв Шпенглера подхватывает заданную отзывом Ганди тему социального прогресса и актуализирует его проблематику в русле главной идеи «Заката Европы» — конца «органической» культуры и торжества технократической цивилизации.

Свен Гедин — *Гедин* Свен Андерс (1865—1952), известный шведский путешественник. В 1923 г. совершил кругосветное путешествие и посетил СССР. Центральные газеты тиражировали отзыв Гедина о России, которая, по его словам, «тесно связана со странами Азии»: «Я старый друг России и я ее люблю. Русскому народу я желаю счастья; желаю ему создать свое будущее. Мое путешествие по Советской России было приятной поездкой. В поезде чистота и все удобства. Никаких “ужасов варварства”, о которых твердят враги России, я не видел» (газ. «Известия», 1923, 11 дек., № 283, с. 6). В феврале 1925 г. отношение ученого к СССР изменилось. Протестуя против сокращения Швецией вооружения, он разъяснял, что Россия располагает неисчислимыми природными ресурсами и в союзе с развивающимися странами Азии, сама являясь державой азиатской по преимуществу, может представлять военную угрозу Западу (Там же, 1925, 22 февр., № 44, с. 3).

С. 136. *Клайнс* — *Клайнс* Джон Роберт (1869—1949), английский политический деятель, один из лидеров лейбористской партии и тред-юнионов. В 1917—1918 гг. — парламентский секретарь министерства продовольствия. В 1918 г. — министр продовольствия. В 1924 г. вошел в состав первого лейбористского правительства. В 1920 г. в работе «Детская болезнь “левизны” в коммунизме» В. И. Ленин утверждал, «что Гендерсоны, Кляйнсы, Макдональды, Сноудены безнадежно реакционны» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 62).

Отзыв Клайнса вобрал в себя ряд фактов, указывающих, что его источником могло стать посещение Советской России в сентябре 1925 г. профессором Кейнсом, известным либералом, автором книг по проблемам Версальского договора, вызвавших одобрение В. И. Ленина, видным ученым-экономистом, экспертом английского правительства по финансовым вопросам. Приглашенный в СССР на торжества, посвященные 200-летию юбилею Академии Наук, в качестве представителя Кембриджа, он выступил с докладом на тему об экономическом положении Англии. Ученый «любезно заявил, что он многому научился в России и что потому считает своим долгом помочь нам разобраться в схожих процессах, переживаемых Англией». «Рецептами» для лечения больного хозяйства Англии ученый назвал понижение заработной платы и меры против рождаемости. Последнее, по сообщениям «Правды», Кейнс считал главной мерой оздоровления хозяйства страны. Он также

выражал сожаление, что рождаемость в СССР растет и предлагал советскому правительству принять меры «для распространения искусственных средств ограничения рождаемости в деревне» («Правда», 1925, 16 сент., № 211, с. 1). В сентябре—ноябре 1925 г. в центральной прессе разгорелась дискуссия по поводу «рецептов» проф. Кейнса, в которой приняли участие К. Радек («“Экономические последствия” проф. Кейнса» // Там же, 16 сент., № 211, с. 1), В. Милютин («Еще раз о рецептах проф. Кейнса» // Там же, 22 сент., № 216, с. 4), М. Ярославский («Откровения профессора Кейнса» // Там же, 17 нояб., № 262, с. 2—3).

Посещение России («Когда я был в России»), сокращение рождаемости («не обуславливая такое сытное питание необходимостью иметь жену молочницу»), озабоченность «действенной экономической реформой» в Англии и России («Теперь, когда ежедневно беднеет Европа и еще далеко не богата Россия») — таковы объединяющие «отзыв» Клайнса и выступление проф. Кейнса темы.

Однако описка Платонова в выборе подписи для отзыва маловероятна: позже писатель сознательно отдаст отзыв Клайнсу. Кроме того, имя Клайнса прозвучит и в отзыве Маяковского: «Таким образом, экономия получится вдвойне: по Клайнсу выйдет ровно 2 триллиона в год».

Содержание отзыва Клайнса выглядит как результат сознательной контаминации версии возможной реакции на антисексус Джона Роберта Клайнса, министра продовольствия Великобритании в 1918 г., и эксперта по оздоровлению экономики Кейнса.

Муссолини — *Муссолини* Бенито (1883—1945), фашистский диктатор Италии в 1922—1943 гг.

Шкловский — см. выше, с. 560.

Женщины проходят, как прошли крестовые походы.— Возможный источник — стихотворение В. Маяковского «Мелкая философия на глубоких местах»: «Вот и жизнь пройдет, как прошли Азорские острова» (газ. «Вечерняя Москва», 1925, 14 дек., № 285, с. 3). Тема, вероятно, также подсказана В. Шкловским: «Ты знаешь, Рома, семья — это как хорошая еще крепкая машина, которую мир донашивает, — выбросить жалко, но нет смысла заводить заново» (*Шкловский В.* Третья фабрика. М., 1926, с. 67).

Жить можно уже не так тускло, как в презервативе.— Обигрывается высказывание В. Б. Шкловского, прозвучавшее в книге «Третья фабрика»: «Я живу плохо. Живу тускло, как в презервативе. В Москве не работаю. Ночью вижу виноватые сны. Нет у меня времени для книги» (*Шкловский В.* Третья фабрика. Указ. изд., с. 93). Угаданный в «Антисексусе» духовный облик теоретика Опояза находит затем развитие в романе «Чевенгур» в образе журналиста Сербинова, «усталого несчастного» человека «с податливым быстрым сердцем и циническим умом»

(на сходство Сербинова с молодым Шкловским указала Е. Толстая-Сегал; см.: *Толстая-Сегал Е. Идеологические контексты Платонова* // Сб. «Андрей Платонов: Мир творчества», М., 1994, с. 80).

Отзыв Шкловского не просто полемическая реплика писателя, вступившего в личный, понятный лишь им обоим диалог с автором «Третьей фабрики». Он становится закономерным явлением в стилевом единстве «Антисексуса». Содержащееся в художественной форме рассказа пародирование приема «обрамления» сюжета, теоретически освоенного Шкловским в книге «Развертывание сюжета» (Пг., 1921) и практически воплощенного в «Зоо или письма не о любви» (Л., 1924), разворачивает «Антисексус» к теории Опояза и вступает с ней в принципиальный спор. Отзыв главы формалистов обнажает в «философии» изобретения нечто себе близкое, ср.: «Но видно всякому: дело в форме, в стиле автоматической эпохи, а совсем не в существе, которого нет». Дело в том, что создатели прибора переносят главный принцип формальной школы на взаимоотношение полов. Так под существом-содержанием, «душой» литературного произведения понимается «его строй, его форма» (*Шкловский В. Розанов. Указ. изд., с. 8*): «содержание лит. произведения — термин ненужный... = сумме его стилистических приемов... = восприятию его формы...» (*Шкловский В. О теории прозы. М.; Л., 1925, с. 188*).

Л. Авербах — Авербах Леопольд Леонидович (1903—1939), критик и публицист крайнего ортодоксального крыла ВАПП, член редколлегии журнала «На посту», партийный деятель. В программной статье «Литература и искусство. Нейтралитет или руководство (К дискуссии о политике РКП в художественной литературе)» им выдвигалось требование «идеологического воздействия» на попутчиков, а также решительного отмежевания «наших изданий от литературных произведений, лишенных революционно-общественного значения и особенно извращающих социальные, политические и бытовые черты русской революции» («Правда», 1924, 19 февр., № 40, с. 6). После появления Резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» («Правда», 1925, 1 июля, № 147, с. 6) позиция Авербаха не претерпела существенных изменений, однако нашла новые тактические формы. Весной 1926 г. вышел первый номер журнала «На литературном посту» под редакцией Л. Авербаха. Созданный под давлением постановления Политбюро ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г. новый орган ВАПП взял на себя новую задачу — быть единственным подлинным вождем и «оружием» развернувшейся в стране культурной революции. Полемизируя с Л. Троцким и Н. Осинским, Авербах, опасавшийся упрека в идеализации *всех* «неинтеллигентских» классов, стремился предельно ясно сформулировать собственные взгляды: «Никто никогда не ставил знак равенства между пролетарской и общенациональной литерату-

рой» (*Авербах Л.* О литературной политике партии // Журн. «На посту», 1925, № 6 (1), стб. 56). Позиции Авербаха и его оппонентов, расходясь в отношении места пролетариата в создании новой культуры, смыкались, когда речь заходила о крестьянской национальной культуре: «У нас пролетарская революция, <...> мы растем к коммунизму, а не в “царство крестьянской ограниченности”», — напоминала передовая редактируемого Л. Авербахом журнала «На литературном посту» (На путях культурной революции // Журн. «На литературном посту», 1926, № 1, стб. 1). Знаменательно, что имя Л. Л. Авербаха открывает список отзывов, составлявшийся Платоновым на рубеже 1926—1927 гг. 1926 г. для ответственного редактора «На литературном посту» прошел под знаком собирания сил для последовательной «идеологической пролетаризации всей массы населения страны» (*Авербах Л.* О классовой борьбе в области идеологии // Там же, 1926, № 2, стб. 10).

Землячка — партийный псевдоним Залкинд Розалии Самойловны (1876—1947). Советский государственный и партийный деятель; в дореволюционные годы — член военной организации партии, в октябрьские дни — руководитель вооруженной борьбы рабочих в Москве; в период Гражданской войны — начальник политотделов Красной Армии; в 1922—1923 гг. — секретарь райкома партии в Москве. Землячка могла служить символом «новой женщины» эпохи социальной революции. Замкнутая, сухая, лишенная личной жизни, жестко принципиальная, отличавшаяся исключительной преданностью общественной работе, несшая на себе груз мужских обязанностей, она вызывала у современников страх и уважение: «...ее характер женский // Мужских был крепче десяти... (*Демсандр Бедушкин* <Демьян Бедный>. Райкомсон товарища Землячки // Газ. «Правда», 1924, 1 янв., № 1, с. 1).

Зелинский Корнелий Люцианович (1896—1970) — советский литературовед, критик; один из организаторов близкой Лефу группы конструктивистов.

Сун Цзылин — *Сун* Цинлин (1890—1981), китайский государственный и общественный деятель, жена Сунь Ятсена (1866—1925), основателя партии гоминьдан, член ЦК гоминьдана.

Бачелис Илья Израилевич (1902—1951) — писатель, журналист, писавший по вопросам литературы, искусства, быта и морали; киносценарист.

Гроссман-Роцин Иуда Соломонович (1883—1934) — литературовед и критик, в 1926 г. активный сотрудник журнала «На литературном посту», член РАПП. В ряду возможных «экспертов» антисексуса, предложенных Платоновым, Гроссман-Роцин — единственный профессиональный искусствовед. Гроссман-Роцин представлял социологический метод в литературоведении и следующим образом формулировал свое

кредо как литературного критика: «Литературный исследователь должен говорить не о том, о чем говорить *можно*, а о том, о чем *должно*. Возьмем для примера Достоевского. *Можно* говорить и о традиции Достоевского, о проблеме прогресса, о своеволии как о высшем принципе бытия! *Можно!* Спору нет. Но *должен* ли этим заниматься исследователь литературы?» Отвечая на поставленный вопрос, критик утверждал, что литературовед должен исследовать социальную обусловленность творчества писателя (*Гроссман-Роцин И. В. Ф.* Переверзев «Творчество Гоголя» // Журн. «На литературном посту», 1926, № 4, стб. 23). Платонов мог рассматривать «отзыв» Гроссмана-Роцина как мнение эксперта, умеющего сложные духовные проблемы сводить к социальным.

Детердинг Генри (1866—1939) — крупнейший монополист, «король нефти», один из инициаторов антисоветской деятельности за рубежом.

Буданцев Сергей Федорович (1896—1940) — активный участник литературной жизни Москвы в первое пореволюционное пятилетие; выступал в качестве поэта-футуриста, прозаика и критика; входил в правление Всероссийского Профессионального Союза Поэтов. Обратил на себя внимание романом «Мятеж» (1923, 1925), первые главы которого разворачиваются в родном Платонову Воронеже. Особенностью творческой манеры Буданцева являлось стремление воссоздать игру страстей в душе героя-коммуниста, показать столкновение резко противоположных общественно-психологических типов.

Лоуренс Виндрозур... — скорее всего, вымышленное лицо; *виндрозур* — лафетная жатка.

Осинский Н. — псевдоним Оболенского Валериана Валериановича (1887—1938). Советский партийный и государственный деятель, экономист; в разное время управляющий Госбанком РСФСР, зам. Наркомзема, член президиума Госплана СССР, сотрудник редакции газеты «Правда». В феврале 1926 г. назначен управляющим ЦСУ СССР. Автор работ по вопросам сельского хозяйства, поборник жесткого администрирования в сельскохозяйственном производстве, участник партийных дискуссий по вопросам государственного и партийного строительства он выступал также с литературно-критическими статьями. Общественный резонанс получил его фельетон «Литературный год» («Правда», 1925, 1 янв., № 1, с. 3—4), появившийся в период обострения отношений между писателями и критиками журнала «На посту», с одной стороны, и А. К. Воронским и группой писателей-попутчиков — с другой. С резкой критикой идеологических позиций Осинского, высказавшегося к тому же в защиту А. Ахматовой, выступил Л. Авербах, бросивший ему упрек в потворстве выступлению и проявлению «не нашей идеологии» (*Авербах Л.* О литературной политике партии // Журн. «На посту», 1925, № 6 (1), стб. 52). Авербах утверждал, что «ликвидаторство Осинского по

отношению к пролетарским писателям» направлено на «разложение ВАППа», и указывал идеологическое ядро этой опасности — «тт. Троцкий-Воронский-Осинский». Свои представления о новой общественной и личной психологии и этике Осинский сформулировал в июле 1925 г.: «... пролетарская этика ничего не имеет общего с буржуазным ханжеством и с ее точки зрения, например, гладковские Даша и Чумалов — здоровые, отличные люди. Но мы с нашей моралью пришли затем, чтобы вычистить буржуазную гниль вместе с буржуазным ханжеством, ибо они — родные братья» (*Осинский Н.* Литературные заметки // Газ. «Правда», 1925, 28 июля, № 170, с. 5).

Генерал По Лу Гуй... — Очевидно, вымышленное лицо.

Тарасов-Родионов Александр Игнатьевич (1885—1938), прозаик. Входил в группу «Кузница», один из организаторов литературной группы «Октябрь» и РАПП. Известность принесла вызвавшая полемику повесть «Шоколад» («Молодая гвардия», 1922, № 6—7, с. 3—89), в которой вскрывалась сущность «буржуазной психологии» и несовместимость личных интересов с долгом коммуниста. Критика оценила повесть как успешное отражение нового быта.

проф. Вестингауз — Вестингауз Джордж (1846—1914), американский промышленник, изобретатель воздушного тормоза для железнодорожного подвижного состава. В дореволюционной России ему принадлежал завод по производству деталей тормоза, продолжавший функционировать в 1920-е гг.

Киришон Владимир Михайлович (1902—1938), драматург, киносценарист, критик, активный участник литературной борьбы. В начале 1920-х гг. организатор и руководитель ассоциации пролетарских писателей в Ростове-на-Дону и на Северном Кавказе. С 1925 г. один из секретарей МАПП (а затем — РАПП); с 1926 г. член редколлегии журнала «Молодая гвардия». Выступления Киришона как литературного критика отличались особой воинственностью и духом политического угодничества. Известность принесла пьеса «Кореньковщина» («Молодая гвардия», 1926, № 10, с. 36—79), написанная по следам публикации Л. Сосновского «Дело Коренькова» в «Правде» (1926, 5 июня, № 128, с. 1). Наряду с повестью С. Малашкина «Луна с правой стороны» и рассказом П. Романова «Без черемухи», также посвященных «половому вопросу» и быту студенческой молодежи, пьеса Киришона вызвала бурную дискуссию. «Кореньковщина» не допускала «половых извращений» у настоящего коммуниста и рисовала нравственное падение главного героя как следствие упадочнических настроений, корень которых в разлагающем влиянии нэпманов — в «сенииаде». В книге «Сергей Есенин» (Л., 1926) Киришон напрямую связал личную неустроенность и трагический уход поэта из жизни с его «деклассированностью» и тяжелым наследием «богемской расхлябанности» (*Киришон В.* Указ. соч., с. 13—29).

РАННИЕ РАССКАЗЫ

ОЧЕРЕДНОЙ (с. 137).— *Жел. путь*, 1918, № 2, 5 окт., с. 16—17.

Датируется и печатается по первой публикации.

Один из ранних рассказов автобиографического характера. В 1916 г. Платонов работал литейщиком на Трубочном заводе г. Воронежа (см.: *Ласунский*, с. 59—61).

С. 137. *Вагранная печь* — шахтная печь для плавки чугуна и цветных металлов, а также для обжига различных материалов.

МАРКУН (с. 140).— Журн. «Кузница», М., 1921, № 7, март, с. 18—22.

Беловой автограф — *СА*, на последней странице автографа поставлена дата: 28.VIII.1920 (л. 8). Авторизованная машинопись — фонд группы «Кузница» (*РГАЛИ*, ф. 1638, оп. 5, ед. хр. 21).

Печатается по журнальной публикации, с исправлением по беловому автографу.

Рассказ был отослан в журнал сразу же по написании. 16 сентября 1920 г. на заседании подотдела пролетарской литературы и редколлегии «Кузницы» слушался вопрос о материалах для пятого номера журнала; в перечне произведений для этого выпуска значится и «Маркун» (*РГАЛИ*, ф. 1638, оп. 1, ед. хр. 2, л. 32—32 об.; протокол № 27). На этом заседании рассказ был передан на отзыв С. Обрадовичу. На заседании 29 сентября 1920 г. принимается решение оставить этот рассказ в запас (Там же, л. 35—35 об.; протокол № 29); и только 29 мая 1921 г. судьба «Маркуна» окончательно определяется: публикация планируется в седьмом номере журнала (Там же, л. 49; протокол № 7).

На страницах машинописи имеются пометы рецензионного характера: «Печатать можно. Иметь впрок для Кузницы № 5. М. К<ириллов>» (л. 1); «Рассказ достоин напечатания, но не современен. Предлагаю оставить для запаса. Н. Александров<ский>» (л. 6 об.); «Рассказ стоит напечатать, сделав в нем технические исправления. А. Новиков<-Прибой>» (л. 6 об.; запись сделана по правилам дореформенной орфографии).

Рассказ удостоился краткого упоминания в двух критических отзывах на № 7 «Кузницы». В журнале «Политработник» (орган политуправления РВС Республики) некто Касьян Бездомный отметил в своем библиографическом обзоре: «Хорош зато рассказ А. Платонова “Маркун”, где простой механик-самоучка, изобретая турбин-двигатель, мыслит как творец, как прозревший после темноты духовный создатель ми-

ровых ценностей техники» (1921, № 11—12, с. 37). Ежемесячный журнал «Творчество» дал более сдержанную оценку: «Рассказ А. Платонова “Маркун” не разработан, хотя и интересен по своему замыслу. Местами он скучен, страдает длиннотами. Психологический по теме рассказ именно и страдает неразработанностью психологии своего героя» (1922, № 1—4, с. 78).

Рассказ вошел в сборник прозы, отправленный Платоновым в Госиздат (март 1921 г.); получил следующий отзыв рецензента С. Шилова: «Оригинальный этюд, написанный вполне литературно. Пропагандируется беспредельная мощь разума и духа человеческого. Вызывает чувство бодрости и дерзания. Читается с интересом. По-моему, следует напечатать» (*Субботин*, с. 444).

С. 140. *Луни* — от *гуня* (обл.), старая, изношенная верхняя одежда.

С. 142.— *Архимед*, зачем ты позабыл Землю, когда искал точку опоры...— *Архимед* (ок. 287—212 до н. э.), древнегреческий ученый, автор многих изобретений; в частности, им были сконструированы системы для поднятия больших тяжестей. В своих рассуждениях Маркун обращается к одному из высказываний, приписываемых Архимеду: «Дайте мне точку опоры, и я подниму земной шар».

АПАЛИТЫЧ (с. 147).— *Кр. дер.*, 1920, 18 сент., № 160, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

Апалитыч — искаженное *Ипполитович*. Один из постоянных персонажей ранней прозы Платонова, упоминается также в рассказе «Приключения Баклажанова» и статье «Ультрамикроб» (*Вор. ком.*, 1922, 28 авг., № 193, с. 5). Платонов не случайно дает отчество «Ипполитович» и другим своим сапожникам: есть еще Мартын Ипполитыч («Рассказ о многих интересных вещах», «Родона начальники нации...») и Кузьма Ипполитыч («Демьян Фомич...»). По свидетельству С. П. Климентова, брата писателя, одним из соседей Климентовых по Ямской слободе был сапожник Ипполит: «Перешибал гвоздь с одного удара, гнул пятаки. Андрей его любил безумно, а Ипполит — его» (Из бесед и переписки с родственниками А. Платонова / Предисл. и публ. В. А. Свительского // Журн. «Филологические записки», Воронеж, 1999, № 13, с. 190—191). Образ сапожника тесно связан с воспоминаниями писателя о детстве: «В Ямской были плетни, огороды, лопуховые пустыри, не дома, а хаты, куры, сапожники и много мужиков на Задонской большой дороге» (*ГГ*, с. V).

Рассказ вошел в сборник прозы, отправленный Платоновым в Госиздат (март 1921 г.); полученный отзыв: «В художественном отношении рассказ безусловно хорош. Малая агитационность» (*Субботин*, с. 443).

С. 147. *Апалитыч был хвоцеватский сапожник.*— *Хвоцеватка*, реальный населенный пункт на правом берегу р. Дон, недалеко от Воронежа. Жители Хвоцеватки, по-видимому, имели устойчивую репутацию лентяев. В газетной статье, подписанной инициалами А. Пл., им, например, дана следующая характеристика: «Между прочим, хвоцеватские мужички, живя на хорошей жирной земле, прославились по всей округе как лежебоки и не справляются как следует со своими наделами. В былое время они были завсегдатаями сельских кабаков...» (Тьма // *Кр. дер.*, 1920, 25 апр., № 40, с. 2).

Опорки — старые изношенные сапоги со споротыми голенищами, вообще старая изношенная и рваная обувь.

Савельич с Землянки привез.— Речь идет о реальном населенном пункте Воронежской губернии — Землянске; село Хвоцеватовка принадлежало к Землянскому уезду.

С. 149. *Дратва* — прочная просмоленная или навощенная нитка для шитья обуви, кожаных изделий.

ВОЛЧОК (с. 150).— *Кр. дер.*, 1920, 8 окт., № 174, с. 2—3.

Вырезка из *Кр. дер.* с авторской правкой — СА.

Датируется и печатается по первой публикации.

Рассказ автобиографического характера; в описании дома рассказчика явно угадывается реальный воронежский адрес — Миллионная ул., д. 192, по которому с 1912 по 1917 г. семья Климентовых снимала жилье у С. Астахова (см.: *Ласунский*, с. 28—30). Пес Волчок — один из постоянных «персонажей» ранней прозы Платонова (см. рассказы «Странники», «Приключения Баклажанова», стихотворение «Мальчик»), что также свидетельствует о существовании его реального «прототипа».

«Волчок» вошел в сборник прозы, отправленный Платоновым в Госиздат (март 1921 г.); получил следующий отзыв: «Тонкость и глубина переживаний. Напряженное настроение, вообще характеризующее Платонова в представленных им произведениях. Язык и техника удолетворительны. Слишком серьезные вопросы для маленького мальчика. Пессимизм, болезненность, какой-то надрыв, который чувствуется и в друг<их> произведениях автора» (*Субботин*, с. 443).

С. 151. *Лыдки* — ноги.

ВОЛЫ (с. 154).— *Вор. ком.*, 1920, 29 окт., № 243, с. 3.

Датируется и печатается по первой публикации.

С. 154. ...уходил когда-то с сыновьями Тарас Бульба в Запорожскую сечь...— Речь идет об эпизоде повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба».

Мазанка — хата из глины, сырцового кирпича или дерева, обмазанного глиной.

Кацап — прозвище, данное великороссам малороссами.

Пришел Деникин ~ и слился на Москву.— Речь идет о военных событиях второй половины 1919 и начала 1920 гг. К началу июля 1919 г. войска под командованием генерала Деникина захватили Северный Кавказ и Крым, вышли на линию Царицын—Балашов—Белгород—Екатеринослав—Херсон. Поход на Москву был начат в июле 1919 г. 30 августа деникинские войска, выбив петлюровцев, вошли в Киев, к середине октября достигли рубежа Царицын—Воронеж—Орел—Чернигов—Киев—Одесса. Однако уже осенью 1919 г., в ходе развернувшегося наступления Красной Армии на Южном фронте, основные силы Деникина были разгромлены. Разгром деникинцев на Дону и Северном Кавказе был продолжен в ходе Северо-Кавказской операции 1920 г.

В МАСТЕРСКИХ (с. 157).— *Вор. ком.*, 1920, 27 нояб., № 268, с. 1, в рубрике: *Там где огонь и железо.*

Датируется и печатается по первой публикации.

Место действия рассказов — Воронежские железнодорожные мастерские, где практически всю жизнь трудился отец писателя. Как видно из анкеты, заполненной Платоновым в июле 1920 г., при подаче заявления о вступлении в партию, он также выполнял «практическую работу в ж. д. мастерских» — работал на электростанции при мастерских. Несколько позднее, в первой половине 1921 г., тема работы железнодорожных мастерских станет одной из постоянных в публицистике Платонова (см. прим. к статье «Дайте квалифицированных мастеровых» — наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 368).

С. 157. ...электропоезд сделаем, как, я тебе говорил, в Петрограде сделали.— Имеется в виду электропоезд инженера Махонина (см. прим. к статье «Электрификация» — наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 364).

С. 158. *Черепендик* — вероятно, то же что и *черепеник* — гречишник, гречневик, пряженое в постном масле тесто, в виде стопок; печется в черепушках. *Черепеня, черепеничник* — тот кто печет, продает черепеники вразноску.

СТРАННИКИ (с. 159).— Однодневная газ. «Коммунистический воскресник детям», Воронеж, 1920, 6 дек., с. 3.

Датируется и печатается по первой публикации.

Однодневная газета «Коммунистический воскресник детям» была выпущена Воронежским союзом журналистов на воскресенье 5 декабря, в дни проведения в Воронеже так называемой «недели ребенка» (1—12 декабря 1920 г.). Смысл этого мероприятия, осуществлявшегося по распоряжению центра в общероссийском масштабе, разъяснялся как в центральной, так и в местной прессе: «В течение этой “недели” все трудящееся население губернии призывается к добровольному пожертвованию в распоряжение комитета по проведению “недели” всего, относящегося к питанию детей и снабжению их предметами первой необходимости. Все учреждения и организации должны приложить усилия к тому, чтобы в течение “недели ребенка” выполнять все задания для улучшения жизни детей, школ и детских учреждений» (*Вор. ком.*, 1920, 28 нояб., № 269, с. 4). Помимо этого рассказа к «неделе ребенка» оказалась приуроченная публикация стихотворений Платонова «Много матерей», «Дети».

Рассказ имеет автобиографический характер; топография места действия и некоторые персонажи являются общими для рассказов «Волчок», «Сергеа и я» и 1-й части «Приключений Баклажанова».

С. 159. *Митя* — Имя *Дмитрий* носил один из братьев Платонова; 26 июня 1921 г. двенадцатилетний Митя умер от отравления грибами.

...*садился на камень у заставы...*— Речь идет о главной городской заставе г. Воронежа, располагавшейся на выезде из Ямской слободы.

СЕРЕГА И Я (с. 161).— Альманах «Красный луч», Задонск, 1921, июль, № 1, с. 2—3. Издание недоступно; печатается по журн. «Подъем» (Воронеж, 1966, № 6, с. 91—93).

Рассказ датируется временем не позднее осени 1920 г.

По воспоминаниям Н. Задонского, рассказ для альманаха «Красный луч» был передан ему Платоновым в конце 1920 г. (*Воспоминания*, с. 15). Сотрудничество Платонова с задонской прессой в 1920 г. выразилось также в публикации в задонской газете «Свободный пахарь» стихотворения «На реке вечерней замирающей...» и статей «Поэзия рабочих и крестьян», «Голова пролетариата».

Рассказ имеет автобиографический характер; топография места действия и некоторые персонажи являются общими для рассказов «Волчок», «Странники» и 1-й части «Приключений Баклажанова».

С. 162. *«В селе за рекою потух огонек...»* — Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Вишня».

С. 163. *Обеспекка* — в значении «несомненно».

БЕЛОГОРЛИК (с. 164).— *Кр. дер.*, 1921, 1 янв., № 1, с. 6, в рубрике: *Когда земля была не наша*. Подпись: *А. П.*

Датируется и печатается по первой публикации.

С. 164. *А приехал он из губернии...*— Имеется в виду: из губернского центра.

Рогач — ухват.

Гумно — здесь: все задворье, зады, огороды.

ЖИВАЯ ХАТА (с. 165).— *Кр. дер.*, 1921, 1 янв., № 1, с. 6, в рубрике: *Когда земля была не наша*. Подпись: *А. П.*

Датируется и печатается по первой публикации.

С. 165. *Корчажка* — от *корчага*, большой глиняный горшок для разных хозяйственных надобностей.

ЖАЖДА НИЩЕГО (Видения истории) (с. 166).— *Вор. ком.*, 1921, 1 янв., № 1, с. 2—3. Подпись: *Нищий*.

Датируется и печатается по первой публикации.

С. 169. *Мёнено тело...*— от *менеть*, уменьшаться.

ЕРИК (с. 172).— *Вор. ком.*, 1921, 30 янв., № 1, с. 2—3.

Датируется и печатается по первой публикации.

Рассказ был включен Платоновым в сборник прозы, отосланный в Госиздат (март 1921 г.); отзыв рецензента: «Сказка написана живо. Язык и стиль хороши. Недостаточно ясно выражена основная мысль, и для широких масс поэтому малопонятна» (*Субботин*, с. 444).

С. 172. *Ерик* — глухой, непроточный рукав реки, образовавшийся из старицы. По созвучию близко к «ёрник» — беспутный человек, плут и мошенник.

Ендовици — название реального населенного пункта, расположенного недалеко от Воронежа.

Корчажка — от *корчага*, большой глиняный горшок для разных хозяйственных надобностей.

Чуни — лапти из пеньковой веревки.

С. 173. *Егорьев день* — церковный праздник, память великомученика Георгия, празднуется 6 мая (23 апр. ст. ст.).

Курник — от *курная* изба, т. е. черная, без трубы.

ПОЭМА МЫСЛИ (с. 174).— Журн. «Октябрь», М., 1999, № 2, с. 122—123.

Беловой автограф — С.А.

Датируется концом 1920 — началом 1921 гг.

Печатается по автографу.

В ЗВЕЗДНОЙ ПУСТЫНЕ (с. 176).— Газ. «Огни», Воронеж, 1921, 4 июля, № 1, с. 3.

Датируется и печатается по первой публикации.

В качестве эпиграфа использована 1-я строфа стихотворения Платонова «Тих под пустынею звездною...» (см. с. 409).

С. 178. *Мы — Масса, единое существо, родившееся из человека...* — один из главных образов эстетики Пролеткульта, см. выше с. 473—474.

В безнадежности надеяться... — Парафраз латинского изречения «*Sperare contra spem*» («Без надежды надеяться»).

С. 179. *Динамо* — устарелое название машины, служащей для выработки постоянного электрического тока; электрический генератор.

ВОЛОДЬКИН МУЖ (Мои похождения на этом свете) (с. 182).— *Вор. ком.*, 1921, 30 сент., № 218, с. 3. Подпись: *Скорлупендий*.

Датируется и печатается по первой публикации.

С. 182. *Компаунд-машина* — паровая машина с двумя цилиндрами, в которых пар работает последовательно.

Корчажка — от *корчага*, большой глиняный горшок для разных хозяйственных надобностей.

Дежка — от *дежа*, квашня.

Втупор же — в ту же пору.

Сотка — мера жидкости в одну сотую часть ведра, а также бутылка такой вместимости.

Тендер — вагон специальной конструкции, сцепленный с паровозом и предназначенный для хранения запасов воды, топлива и размещения вспомогательного устройства.

Ерихонился — хорохориться, важничать.

— *Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!.. За упокой новопреставленной Натальи, Федулы со чадами...*— 1-й стих 131-го псалма, продолженный перечнем из заупокойного помянника. Здесь как восклицания, передающие чувство внезапного испуга.

С. 183. *Голольдая* — голоногая, здесь в переносном значении.

Гас — здесь: нефть.

Еруха — прозвище, от «ёрник» — беспутный человек, плут.

Гашиник — поясок, шнурок, протодергиваемый в верхнюю часть штанов для их подвязывания, а также верхняя кромка штанов.

...крой полным ходом без жезла...— *Жезл*, металлический стержень, употребляемый на однопутных железных дорогах для регулирования движения поездов. Во избежания столкновения, на однопутном перегоне железной дороги мог находиться только один поезд. В связи с этим отправление поезда со станции разрешалось лишь после вручения жезла. Поскольку для каждого перегона существовал единственный жезл, его наличие было гарантией того, что на перегоне будет находиться данный поезд. В рассказе, таким образом, подчеркивается решимость выполнить задуманное во что бы то ни стало, не думая о последствиях.

Съчуг — один из отделов желудка жвачных животных.

ЗАМЕТКИ (с. 184).— *Вор. ком.*, 1921, 4 дек., № 273, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

«Заметки» отражают впечатления Платонова от его путешествий в село Верхнее Волошино (официальное название Семеновка 1-я), где с лета 1921 г. по весну 1922 г. в качестве ликвидатора крестьянской неграмотности работала Мария Кашинцева — невеста, а затем жена Платонова (см. об этом: *Ласунский*, с. 96—100). Один из этих визитов находит документальное подтверждение в сохранившихся документах Губсовпартшколы: курсант Платонов официально был отпущен в увольнение в с. Семеновское с 20 по 25 октября 1921 г. (*ЦДНИ ВО*, ф. 410, оп. 1, ед. хр. 7, л. 98). У путешествий Платонова по губернии была и другая цель — пропаганда среди крестьян идеи гидрофикации, обучение их приемам борьбы с засухой. Прямые и косвенные упоминания о походах в Волошино обнаруживаются во многих произведениях Платонова — рассказах («Невозможное», «Приключения Баклажанова», «Бучило» и др.) и статьях («Новое евангелие»).

С. 186. *Покров* — церковный праздник Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября (1 окт. по старому стилю).

НЕВОЗМОЖНОЕ (с. 187).— *Страна философов, 1994, с. 342—351.*

Беловой автограф рассказа — *СА* (л. 1—14).

Датируется второй половиной 1921 г.

Печатается по беловому автографу.

С. 187. *Аррениус* Сванте Август (1859—1927) — шведский ученый, один из основателей физической химии.

С. 188—189. ...*Мы потомки Солнца ~ из этого света уже сама образует жизнь в близком и понятном нам смысле, сообразно своим условиям.*— Теоретические построения, проясняющие название одного из более поздних рассказов Платонова — «Потомки Солнца». В последующем рассуждения об электронах и атомной пыли отданы Елпидифору Баклажанову (см. ниже прим. к рассказу «Приключения Баклажанова», с. 584—585), вошли в «Доклад Управления работ по гидрофикации Центральной Азии» и 23—24-ю главы «Рассказа о многих интересных вещах».

С. 189. *Тут волнует и вспоминается старое библейское предание и восточные и египетские религии о происхождении всего из света, о боге света и добра — Ормузде.*— Упомянув о библейском предании, Платонов имеет в виду повествование о сотворении мира в 1-й главе книги Бытия. В египетской мифологии солнце является первым из появившихся богов, выступающим в роли демиурга. *Ормузд* (Ормазд, Ахурамазда) — верховный бог зороастрийского пантеона, обитающий в царстве света; в системе дуализма тождественный мировому Добру и противостоящий Ариману (Анхра-Манью).

С. 189. *Прибор этот, названный фотоэлектромагнитным резонатором-трансформатором... ~ годный для электромоторов.*— Фотоэлектромагнитный резонатор-трансформатор и основные принципы его действия упоминаются в ряде художественных и публицистических произведений Платонова 1922 г., развивающих идею перестройки вселенной при помощи света (см.: рассказы «Сатана мысли», «Приключения Баклажанова», «Доклад Управления работ по гидрофикации Центральной Азии», «Потомки Солнца»; статьи «На фронте зноя», «О культуре заряженного света и познанного электричества», «Свет и социализм»). Характер упоминаний о резонаторе в статьях свидетельствует, что в 1922 г. Платонов рассматривал данный проект как реально выполнимый. Организуя лабораторию при губернской комиссии по гидрофикации, Платонов включил «превращение света в форму обычного рабочего электрического тока», т. е. создание резонатора, в план ближайших работ (см. прим. к статье «На фронте зноя» — наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 393). Кроме получения электрического тока из солнечного света, на-

значение резонатора заключалось в воздействии электромагнитными излучениями заданных характеристик на различные объекты живой и неживой природы. Метод разрушения материи электромагнитным излучением рассматривался Платоновым как альтернатива методу взрывных работ. Пытаясь дать читателю полное представление о возможностях резонатора, Платонов обретает полную свободу выражения в фантастических рассказах, где авторство изобретения отдается инженеру Вогулову («Сатана мысли») и окончательно закрепляется за Елпидифором Баклажановым («Приключения Баклажанова»). При помощи резонатора передаются на расстояние человеческие мысли («Доклад Управления работ по гидрофикации Центральной Азии»), осуществляются межзвездные перелеты («Приключения Баклажанова», «Потомки Солнца»). Вероятно, к началу 1923 г. Платонов прекращает работу над этим изобретением, однако идея резонатора продолжает свое существование в его прозе: использование резонатора подразумевается в 20-й и 24-й главах «Рассказа о многих интересных вещах» (1923), «Лунных изысканиях» и «Эфирном тракте».

С. 191. *Бетховен* Людвиг ван (1770—1827) — немецкий композитор, пианист и дирижер. Крупнейший симфонист, наиболее полно выразивший принципы венской классической школы и проложивший пути немецкому музыкальному романтизму. В творчестве Бетховена отразились идеи Великой французской революции — на эту связь постоянно указывала пролетарская критика, отмечая современность музыки Бетховена.

С. 193. *Агасфер* — «Вечный жид», согласно легенде, во время мученического пути Иисуса Христа на Голгофу оскорбительно отказал ему в кратком отдыхе; за это ему самому отказано в покое могилы, он обречен из века в век безостановочно скитаться, дожидаясь второго пришествия Христа.

С. 196. *Эти микробы надо открыть, исследовать условия их развития...* — В последующем сюжете о микробах любви использован Платоновым в 8-й главе «Рассказа о многих интересных вещах», откуда переходит и в рассказ «Родоначальники нации...»

САТАНА МЫСЛИ (с. 197).— Журн. «Путь коммунизма», Краснодар, 1922, № 2, март—апр., с. 32—37. С подзаголовком: *Фантазия*.

Беловой автограф, соответствующий журнальной публикации, — СА (л. 1—11). На обороте л. 2 один из ранних вариантов заглавия: «Сатана мысли. Хроника борьбы человечества со вселенной. Из записок инженера Вогулова — с моими примечаниями».

Экземпляр журнальной публикации с правкой автора и редакторскими пометами на полях — *СА*.

Датируется второй половиной 1921 г.

Печатается по экземпляру журнальной публикации с авторской правкой.

Начальный этап работы над сюжетом представлен сохранившейся в *СА* неоконченной рукописью под заглавием «Корабль света. Из хроники борьбы человечества со вселенной. По записной книжке инженера Мариана» (л. 1—3). Рукопись содержит начало первой главы хроник («1. Сатана мысли»), в которой описывается деятельность инженера Мариана, руководителя работ по переустройству рельефа планеты на Гималаях, Хингане, Ледовитом океане и т. д. Практически весь текст «Корабля света» использован затем в «Сатане мысли». Датировка рассказа основывается на том, что объявление о его предстоящей публикации было помещено уже в первом номере журнала «Путь коммунизма» (январь—февраль 1922 г.).

Экземпляр журнальной публикации с правкой автора свидетельствует, что Платонов планировал повторную публикацию рассказа. В ходе правки появляется новое заглавие рассказа — «Потомки Солнца», исправляются отдельные фразы: после «все руки были заняты» сокращается «ковкой цепей для Земли. Z “В кандалы непокорную вселенную!” — Это было лозунгом рабочего человека»; вместо «симфонии пламени и борьбы» вписано «симфонии воли и стихийного сознания»; вместо «И Вогулову стало скучно: как тесен и бездарно сделан наш родной мир» вписано «И Вогулову стало хорошо — стена дала трещину, и стала видна дорога»; вместо «писал книги безумной красоты» вписано «писал книги чистого мужества»; после «чтобы напиться жизнью досыта» дописано «и почувствовать смерть как исполнение радостного инстинкта»; после «их знакомства» сокращено «и после одного поцелуя». Неизвестно, с какой предполагавшейся публикацией связаны эти исправления. Как следует из сохранившегося в *СА* письма Платонова жене, в ноябре 1927 г. писатель предлагал рассказ под заглавием «Потомки Солнца» для публикации в журнале «Всемирный следопыт».

Финал рассказа, вероятно, отразил переживания самого Платонова, связанные с влюбленностью в Марию Кашинцеву. В этом плане очевидна тематическая переключка с рассказом «Невозможное». На последней странице исправленного текста журнальной публикации Платоновым вписаны варианты подписи: «Mariett Кашет», «M. Kaschet». Вероятно, данная подпись, равно как имя «Мариан» в наброске «Корабль света», являются производными от имени невесты М. Кашинцевой.

В рассказе впервые появляется фамилия *Вогулов*, которая в 1926 г. становится новым псевдонимом Платонова. Подпись *Андрей Вогулов*

проставлена в машинописи поэмы «Иван да Марья», в автографах стихотворений «Без сна без забвенья шуршат в тесноте...», «Счастливое время», «Вождю оппозиции», в автографе и машинописи рассказа «Начало пугачевского восстания». Под псевдонимом *Иван Вогулов* Платоновым была опубликована статья «О борьбе с оползнями в Крыму и в прочих местах». В это же время персонаж с фамилией Вогулов эпизодически появляется в художественных произведениях Платонова: в рассказе «Лунные изыскания» Вогулову приписывается авторство книги «Голубые дороги», в повести «Эфирный тракт» упоминается инженер Андрей Вогулов, погибший в экспедиции по исследованию Атлантиды.

С. 198. *Сущность проекта состояла в искусственном регулировании силы и направления ветров через изменение рельефа земной поверхности...*— Проект напрямую соотносится с реальными работами Платонова, руководителя Губернской комиссии по гидрофикации (см. прим. к статье «На фронте зноя» — наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 392—396).

С. 203. *Для этого он избрал фотоэлектромагнитный резонатор-трансформатор...*— см. выше прим. к рассказу «Невозможное», с. 581.

С. 204. *...любил, как Данте...*— Данте Алигьери (1265—1321), итальянский поэт, создатель итальянского литературного языка. Речь идет о его любви к Беатриче.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БАКЛАЖАНОВА (с. 205).— *Вор. ком.*, 1922, 10 сент., № 204, с. 4, с подзаголовком: *Бесконечная повесть*; Там же, 17 сент., № 210, с. 4.

Датируется и печатается по первой публикации.

Публикация 1-й главы «Приключений...» завершалась сообщением: «Продолжение сего “Мастерская бессмертной плоти” будет в следующее воскресение», однако 2-я глава не имеет отношения к заявленной теме.

Эллидифор *Баклажанов* — герой нескольких рассказов, опубликованных Платоновым в 1922 г. («Приключения Баклажанова», «Данилок», «Потомки Солнца»), где фигурирует как реально существующее лицо, инженер-изобретатель, близкий друг «автора» повествования. Помимо этого, Баклажанову отдано авторство стихотворения «Мы на канатах прём локобель...», рассказа «Тютень, Витютень и Протегален» и «Рассказа не состоящего больше во жлобах». От лица Баклажанова составлен «Доклад Управления работ по гидрофикации Центральной Азии». Наиболее важна для этого персонажа роль изобретателя, реализующего заветные замыслы самого Платонова, такие, например, как создание фотоэлектромагнитного трансформатор-резонатора (см. выше прим. к рассказу «Невозможное», с. 581). В этой роли литературными

предшественниками Баклажанова являются инженер Вогулов («Сатана мысли») и безымянный герой рассказа «Невозможное». Происхождение данного псевдонима неизвестно. Возможно, какое-то отношение к появлению этого имени имеет повесть М. Бахметьева «Дикая сторона» (1921), один из героев которой носил имя Баклажан (*Вор. ком.*, 1922, июнь, № 128, с. 2—3).

Реальное количество текстов, связанных в творчестве Платонова с именем Елпидифора Баклажанова, неизвестно. Так, в рассказе «Потомки Солнца» упоминается некая брошюра Баклажанова о природе электричества; вполне возможно, что такая брошюра, написанная от имени Баклажанова, существовала в действительности.

В 1923 г. отдельные темы «баклажановского цикла» переходят в «Рассказ о многих интересных вещах». В 23-ю и 24-ю главы «Рассказа...» вошли рассуждения об «атмической пыли»; 20-я глава наконец-то выполняет обещание, данное автором еще при публикации «Приключений...», — знакомит читателя с мастерской бессмертной плоти. Принцип создания бессмертной плоти (20-я глава) и способ межзвездных перелетов (24-я глава) подразумевают использование главного изобретения Баклажанова — фотоэлектромагнитного резонатора-трансформатора. Упоминается в «Рассказе...» и сам инженер Баклажанов — в качестве автора эпитафии к 23-й главе.

В 1924 г. Платонов продолжает использовать рассказы о Баклажанове при создании новых произведений — 1-я глава «Приключений...» и рассказ «Данилок» в переделанном виде входят в рассказ «Бучило». В известных исследователям рассказах более позднего времени упоминаний о Елпидифоре Баклажанове не встречается. Известно, однако, что в 1926 г. у Платонова сохранились какие-то произведения цикла и некоторые его знакомые имели возможность их прочесть. Так, например, ленинградец Борис Зыков в письме от 27 октября 1926 г. писал Платонову: «Ты знаешь, я положительно влюблен в твоего персонажа — Баклажанова — это удивительнейшая фамилия и вообще удивительнейшая личность. По-моему, ты слишком щедро расточаешь дикие плоды своей фантазии» (*Шошин В. А.* Из писем к Андрею Платонову (По материалам Рукописного отдела Пушкинского Дома) // Сб. «Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Библиография», СПб., 1995, с. 165—166.).

Комментарии к 1-й главе «Приключений...» являются общими с рассказом «Бучило», см. выше, с. 510—511.

С. 203. *Мир подымеешь на слабые руки ~ Ты — любовь, твое сердце в моем.* — В качестве эпитафии использована 4-я строфа стихотворения Платонова «Слепой» (см. с. 390).

С. 207. *Ты шел из далекой, глухой деревни от любимой, я ходил просто по земле и думал, как ее оборонить от зноя.*— Реальные обстоятельства биографии Платонова поделены здесь между рассказчиком и героем рассказа (см. выше прим. к зарисовкам «Заметки», с. 580).

Теперь Епшика изобрел свет. Устроил такие магниты, где дневной свет волновал магнитное поле и возбуждался электрический ток.— Имеется в виду фотоэлектромагнитный резонатор-трансформатор (см. выше прим. к рассказу «Невозможное», с. 581).

...слетал на световом межзвездном корабле на Юпитер...— Более подробное изложение принципа космических полетов при помощи резонатора дается в 24-й главе «Рассказа о многих интересных вещах».

Каждый втыкал в песок Епшикину машинку — и она ему делала все.— Вероятно, подразумевается «новый способ управления миром», описанный Платоновым в «Докладе Управления работ по гидрофикации Центральной Азии».

ДАНИЛОК (с. 209).— *Вор. ком.*, 1922, 24 сент., № 215, с. 5.

Датируется и печатается по первой публикации.

Рассказ положен в основу 2-й главы «Бучило» (1924). Комментарии к рассказу являются общими с рассказом «Бучило», см. выше с. 510—511.

<ДОКЛАД УПРАВЛЕНИЯ РАБОТ ПО ГИДРОФИКАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ> (с. 212).— *Страна философов*, 2003, с. 448—452.

Машинопись в составе машинописного сборника ранних рассказов — *СА*.

Печатается по машинописи.

Датируется серединой 1922 г.

Доклад составлен от лица Елпидифора Баклажанова (см. выше прим. к рассказу «Приключения Баклажанова», с. 584—585); реальным прототипом Управления работ по гидрофикации явилась возглавляемая Платоновым Губернская комиссия по гидрофикации.

В 1926 г. 1-я и 3-я главы «Доклада...» использованы Платоновым при написании повести «Эфирный тракт».

С. 212. **ЦЕНТРАЛЬНОМУ СОВЕТУ ТРУДА — Ленину, Кржижановскому, Гастеву, Штейнаху, Резерфорду.**— Ленин Владимир Ильич (1870—1924), глава советского государства. Кржижановский Глеб Максимилианович (1872—1959), ученый-энергетик, партийный и государственный деятель, автор брошюры «Основные задачи электрификации

России». С конца 1919 г. председатель Главэлектро ВСНХ; с февраля 1920 г. председатель ГОЭЛРО; с февраля 1921 г. председатель Госплана РСФСР. *Гастев* Алексей Капитонович (1882—1941), поэт, один из зачинателей научной организации труда в СССР, в 1920 г. создал Центральный институт труда (ЦИТ). *Штейнах* (Steinach) Эйген (1861—1944), австрийский физиолог, автор трудов по изменению пола у млекопитающих путем пересадки и удаления половых желез, перевязке семенного протока с целью омоложения. *Резерфорд* Эрнест (1871—1937), английский физик, один из создателей учения о радиоактивности и строении атома, осуществил первую искусственную ядерную реакцию.

Выдуманный Платоновым «Центральный совет труда» является мировым аналогом Совета труда и обороны (СТО). Образованный в 1920 г., СТО РСФСР действовал на правах комиссии СНК и возглавлялся председателем СНК В. И. Лениным; являлся чрезвычайным органом по руководству хозяйственным строительством и обороной страны.

Десятина — русская мера земельной площади, равная 2400 кв. саженям или 1,09 гектара.

Мы поставили на поверхности ~ и так разжесали туннель. — Описывается один из способов применения фотоэлектромагнитного резонатора-трансформатора (см. выше прим. к рассказу «Невозможное», с. 581).

С. 213. *Насос-камерон* — особый тип поршневых насосов.

Сообщаем результаты опытных работ по исследованию природы электричества. — Теоретические рассуждения на данную тему см. также в рассказе «Невозможное» и «Рассказе о многих интересных вещах» (гл. 23—24).

ТЮТЕНЬ, ВИТЮТЕНЬ И ПРОТЕГАЛЕН (с. 218). — Журн. «Зори», Воронеж, 1922, № 2, авг.—сент., с. 25—28. Подпись: *Эллидифор Баклажанов*.

Датируется и печатается по первой публикации.

Рассказ опубликован под именем Эллидифора Баклажанова, одного из постоянных героев рассказов 1922 г. (см. выше прим. к рассказу «Приключения Баклажанова», с. 584—585).

Выбор имен, вынесенных в заглавие рассказа, не проясняется полностью их значением. Слово «тютень» употребляется в значении увальень, неряха, замарашка. (В 1921 г. под псевдонимом «Тютень» Платонов опубликовал свой фельетон «Душа человека — неприличное животное».) Витютень — название крупного лесного голубя. Возможно, два этих имени были подобраны по звуковой аналогии. Имя Протегален — вероятно, авторский неологизм от «протяженный», соответствует внешнему облику персонажа. Разнообразные контексты разгадывания имен

«троицы» героев рассказа (мифологический, символистский, анархистский, сектантский, детский фольклор, сказки и т. п.) были предложены на Бернском симпозиуме о языке Платонова (см.: *Sprache und Erzählhaltung bei Andrej Platonov* // Журн. «*Slavica Helvetica*», 1998, № 58, с. 15—371).

Сюжет потопа, использованный в рассказе, позднее будет реализован в 10-й главе «Рассказа о многих интересных вещах» (1923).

С. 220. *Был Христос ~ он говорил: «Блаженны нищие духом».*— Речь идет о первой из заповедей нагорной проповеди Христа (Мф. 5; 1—11).

ПОТОМКИ СОЛНЦА (с. 223).— *Вор. ком.*, 1922, 7 нояб., № 252, с. 2. Датируется и печатается по первой публикации.

Публикация рассказа, состоявшаяся в день празднования очередной годовщины Октябрьской революции, завершает период в творчестве Платонова, связанный с идеей создания фотоэлектромагнитного трансформатора-резонатора (см. выше прим. к рассказу «Невозможное», с. 583).

С. 223. *Прорваны галереи для воздушных потоков в горных цепях.*— Художественная параллель к реальным платоновским проектам взрывных работ.

С. 225. *Переменное электромагнитное поле невероятного напряжения было пущено в корневые системы растений...*— Данный проект входит в перечень работ электроагрономической лаборатории комиссии по гидрофикации (см. прим. к статье «На фронте зноя» — наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 393).

НЕМЫЕ ТАЙНЫ МОРСКИХ ГЛУБИН (с. 229).— Газ. «Репейник», Воронеж, 1923, 18 марта, № 6, с. 2, с подзаголовком: *Роман из великой эпохи*, подпись: *Иоганн Пупков*; 25 марта, № 7, с. 2, с подзаголовком: *Трагическое сочинение Иоганна Пупкова*, без подписи; 1 апр., № 8, с. 3, с подзаголовком: *Трагическое, то есть жалостное сочинение Иоганна Пупкова*, без подписи.

Датируется и печатается по первой публикации.

Иоганн Пупков — псевдоним, придуманный Платоновым для публикаций в газете «Репейник» (см. выше прим. к рассказу «История иерея Прокопия Жабрина», с. 542). Заглавие «сочинения» подсказано романом Ж. Верна «Двадцать тысяч лье под водой» (книга сохранилась в до-

машней библиотеке писателя). В романе упоминается книга «Тайны морских глубин», написанная профессором Пьером Аронаксом.

Последний опубликованный фрагмент сопровождается сообщением «Прод<олжение> “Книги о граде сем” в след<ующем> №№». Публикация прервалась с внезапным прекращением выхода газеты «Репейник».

Фамилия одного из персонажей рассказа — Чепцов впоследствии использована Платоновым в рассказе «Цыганский мерин».

С. 229. *Я опущусь на дно морское, ~ И художавые твои бока.*— Обыгрывается один из фрагментов поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон»: «Я опущусь на дно морское, // Я полечу за облака, // Я дам тебе все, все земное — // Люби меня!»

Жил у Покрова...— Воронежский храм Покрова Пресвятой Богородицы расположен на ул. Бехтерева (б. Вяхиревская) (см.: «Историко-культурное наследие Воронежа», Воронеж, 2000, с. 51).

...любил он больше всего А. Леваду и Старого Френча...— Произведения этих воронежских авторов действительно публиковались в газете «Репейник».

...почитал Мих. Бахметьева, сочинявшего только про разных особ противоположного самому себе пола...— Михаил Бахметьев, брат известного писателя В. М. Бахметьева, регулярно публиковал свои художественные произведения на страницах воронежских газет, тематика их охарактеризована Платоновым довольно точно. В 1922 г. в Воронеже отдельным изданием вышла повесть М. Бахметьева «Одна дурацкая любовь». Летом 1923 г. Платонов в соавторстве с М. Бахметьевым пишет «Рассказ о многих интересных вещах». Более подробно о М. Бахметьеве см.: *Ласунский*, с. 108—110.

С. 230. *...взяв себе другом Жоржа, знаменитого фокусника и пресидижитатора...*— Прототипом этого действующего лица является друг Платонова и крестный отец его сына — Георгий Малюченко, по прозвищу «рыжий Жорж»; он же — прототип лектора Мамученко (см.: *Ласунский*, с. 103—104). Деятельность Малюченко была тесно связана с театральной жизнью Воронежа: например, в 1921 г. он заведовал Институтом театрального искусства. Часто выступал на сцене в роли конферансье, куплетиста и т. п. Помимо этого, Малюченко читал лекции по истории в Губсовпартшколе, выступал с докладами на разнообразные темы. Реальной чертой является и библиофильская страсть Малюченко. *Пресидижитатор* — фокусник, мастерство которого основано на быстрой и ловкости движений, ускользающих от внимания зрителей; манипулятор.

...от коего таким же образом и Петр Первый отплывал...— Речь идет о пребывании Петра I в Воронеже в связи со строительством флота.

Втугачку — втугую.

Месмерические видения — т. е. бессознательные, в состоянии гипнотического транса. Явление месмеризма получило свое название по имени врача Месмера (1733—1815).

С. 232. ...*жамшу, скло*... — т. е. замшу, стекло.

Жамки — прянички, скатанные в руках и расплюснутые нажимом в обе ладони.

Кутырь — растение дягиль.

Сальник — деталь, которая плотно закрывает зазоры вокруг движущихся частей механизма и препятствует просачиванию жидкости, пара или газа.

...*воду марки «Санитас»*... — Речь идет о фруктовом напитке, производившемся в Воронеже.

Опорки — старые изношенные сапоги со споротыми голенищами, вообще старая изношенная и рваная обувь.

«Господи и владыко живота моего» (был пост великий)... — Молитва св. Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего...» является неотъемлемой частью богослужения великого поста.

С. 233. *Тюря* — кушанье из крошеного в воду или квас хлеба с луком.

С. 234. *Столоначальник* — начальник отдела (*стола*) в учреждении в дореволюционной России.

Консистория — учреждение с административными и судебными функциями при епархиальном архиерее в дореволюционной России.

РАССКАЗ НЕ СОСТОЯЩЕГО БОЛЬШЕ ВО ЖЛОБАХ (с. 236). — Газ. «Наша газета», Воронеж, 1923, 3 июля, № 69, с. 2. Подпись: *Е. Баклажанов*.

Датируется и печатается по первой публикации.

Рассказ опубликован под именем Еллидифора Баклажанова, одного из постоянных героев рассказов 1922 г. (см. выше прим. к рассказу «Приключения Баклажанова», с. 586—587).

С. 236. ...*проси у товарища Троцкого отпуска на побывку*... — *Троцкий* (Бронштейн) Лев Давыдович (1879—1940), государственный и партийный деятель, член ЦК и Политбюро; в 1920-е гг. лидер «левой оппозиции»; в 1927 г. исключен из партии, в 1929 г. выслан из страны, убит в Мексике агентом НКВД Рамоном Меркадером. Смысл шутки заключается в незнании новобранцами армейской субординации. В период с 6 сентября 1918 г. по 26 января 1925 г. Троцкий занимал должность председателя Революционного военного совета Республики (28 авг. 1923 г.

преобразован в РСФСР) — органа, издававшего в соответствии с действующим законодательством необходимые распоряжения по вопросам, связанным с прохождением советскими гражданами военной службы.

НАПИСАННОЕ В СОВАВТОРСТВЕ

РАССКАЗ О МНОГИХ ИНТЕРЕСНЫХ ВЕЩАХ (с. 238).— Газ. «Наша газета», Воронеж, 1923, 12 июля, № 73, с. 2; 15 июля, № 74, с. 2; 18 июля, № 75, с. 2; 20 июля, № 76, с. 2; 22 июля, № 77, с. 2—3; 25 июля, № 78, с. 2—3; 27 июля, № 79, с. 2; 29 июля, № 80, с. 2; 1 авг., № 81, с. 2; 3 авг., № 82, с. 2—3; 5 авг., № 83, с. 2; 8 авг., № 84, с. 2; 11 авг., № 85, с. 2; 12 авг., № 86, с. 2; 15 авг., № 87, с. 3; 19 авг., № 88, с. 5. В № 73 подпись отсутствует; в №№ 74—88 подпись: *М. Б. А. П.* Последняя из опубликованных глав заканчивается словами: «Продолжение следует».

Датируется и печатается по первой публикации.

Рассказ был написан в соавторстве с М. Бахметьевым (см. выше прим. к рассказу «Немые тайны морских глубин», с. 589), это предположение, в частности, подтверждается вариантами подписи публикаций Бахметьева в воронежской периодике: М. Б., М. Б-ев, Мих. Б. Возможно, публикация «Рассказа...» не была продолжена из-за наметившегося отъезда Бахметьева из Воронежа (см. прощальное обращение Бахметьева на страницах газеты: Родному городу // *Вор. ком.*, 1923, 27 сент., № 215, с. 4).

Вероятно, при написании завершающих глав «Рассказа...» Платонов использовал тексты, посвященные изобретениям и открытиям Елпидифора Баклажанова. Впоследствии отдельные главы «Рассказа...» были выделены Платоновым в самостоятельные произведения, составившие позднее рассказ «Родоначальники нации...» (см. выше прим. к рассказу «Родоначальники нации...», с. 532—534).

С. 238. *Кобчик* — небольшая хищная птица семейства соколиных.

С. 243. *Колотушечник* — ночной сторож с колотушкой.

С. 244. *...обсадил овраг поперек рядами красной лозины и шелюгой.*— Данный лесомелиоративный сюжет продолжен в 1926 г. рассказом «Песчаная учительница».

С. 245. *Мартын Ипполитыч — сапожник-сосед...*— см. выше прим. к рассказу «Апалитыч», с. 574—575.

Лявва — человек легкого поведения.

С. 247. *...как Ньютон еще сказал...*— Речь идет о следующем высказывании Исаака Ньютона: «Не знаю, чем кажусь я миру. Но себе я

представляюсь ребенком, который играет на берегу моря и собирает гладкие камни и красивые раковины, меж тем как великий океан глубоко скрывает истину от глаз его».

Сторновка — здесь в значении *стерня*.

С. 248. *Плоскушка* — вошь плосица.

С. 250. ...показал Ивану баночку на окне, из которой шла вонь.— Имеется в виду самодельный химический источник электрического тока.

На всякие штуки пробовал банку Иван ~ а кругом стлалась одна мертвая гарь.— В данном описании узнаваемы эксперименты Платонова по электризации корневых систем (см. прим. к статье «Электрическое орошение почвы» — наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 486—487). «Банка», подаренная Ивану доктором,— химический источник тока, «черточка» — обозначение отрицательного электрического заряда, «крестик» — положительного.

С. 253. *Лыдка* — нога.

С. 254. *Юзь* — здесь: беспокойный человек.

Балакать — говорить.

Похилить — наклонить.

Двошать — дышать.

С. 255. *Нехай* — пускай.

Рогач — ухват.

С. 258. *Обапол* — около, возле, рядом.

...и ветряк взмахнул, заскрежетал и завертелся. Деревянный штопор шуриал в воде и гнал ее кверху. Вода выметывалась наверх, падала в лотки и бежала чистым потоком на огороды.— Описание оросительной установки имеет непосредственное отношение к реальным проектам самого Платонова (см. прим. к статье «На фронте зноя» — наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 394—396).

С. 259. ...достраивался уже один большой дом на всех людей.— В проекте дома, построенного Иваном Копчиковым, видится своеобразное воплощение идеи «города-сада», активно обсуждавшейся с середины 1922 г. (см.: *Кожаный П.* Рабочий город-сад // Газ. «Правда», 1922, 14 июня, № 130, с. 2; *Сокольский Н.* О рабочих поселках-садах // Газ. «Известия», 1922, 5 авг., № 174, с. 3; *Райх Я.* К вопросу о городах-садах для РСФСР // Там же, 1922, 24 дек., № 292, с. 4; К вопросу о городах-садах // Там же, 1923, 14 янв., № 19, с. 3). Основные принципы организации города-сада были сформулированы в конце XIX в. в книге английского социолога и архитектора Э. Говарда «Города будущего».

Основополагающий принцип «города-сада» — совмещение преимуществ культурного центра и деревенской жизни. В центре города-сада должен был располагаться громадный сквер, вокруг которого размеща-

лись государственные и общественные учреждения; от центра радиусами расходились улицы, обсаженные деревьями, перед каждым домом находился палисадник, позади — огород и службы; за районом жилищ начиналась сельскохозяйственная полоса (лес, фермы, сады, огороды), и только за нею с подветренной стороны допускалась постройка фабрично-заводских предприятий. Под влиянием идей книги Э. Говарда возникла международная ассоциация городов-садов. В РСФСР «Общество городов-садов РСФСР» было учреждено в июле 1922 г.

С. 260. *Оболонка* — крайняя доска от бревна, горбыль.

С. 262. ...*странник по прозванию Мурликийский Чудотворец*... — В церковном обиходе мирликийским чудотворцем именуется святитель Николай, архиепископ Мир Ликийских, покровитель путешественников.

Бадик — палка, посох.

...*радий несетя*... — Игра слов на основе созвучия «радий» и «радио».

С. 263. *Существо, скотоложество, супремат ~ сусаль золото*... — двойная ироническая аллюзия. Герой «мучается» культурными оппозициями (физическое—духовное; материальное—идеальное; мир—творчество; изображение—выражение; рациональное—стихийное; национальное—интернациональное) и темами искусства начала 1920-х гг.: с одной стороны, орнаментальным экспрессионизмом и поэтизацией «зверных» начал русской жизни (в литературе: «Голоый год» (1921) Б. Пильняка; «Рвотный форт» (1922), Н. Никитина); с другой — универсальными отвлеченно-космическими и образно-проектными идеями супрематизма К. Малевича, а также других идеологов конструктивизма и «производительничества» в искусстве (В. Татлин, А. Родченко, Н. Пунин, Д. Аркин, В. Маяковский, Б. Арватов). Отстаивая концепцию «изобретательства» нового образа всей земли, архитектуры «вещей земли, в широком смысле слова», «архитектуры всей земли» (*Малевич К.* Супрематизм. 34 рисунка. Витебск, 1920), Малевич призывал своих последователей «выжечь в мозгу плесень прошлого», «разогнать всех старьевщиков, чтобы не мешали нашей “дерзости” поставить на пьедестал ковку нашего нового образа...» (*Он же*. Наши задачи // Журн. «Изобразительное искусство», 1919, № 1, с. 28). Не исключено, что Платонов был хорошо знаком не только с работами К. Малевича и идущими в среде конструктивистов дискуссиями, о которых сообщали газеты и журналы, но и с витебским альманахом «УНОВИС», на страницах которого ученики К. Малевича (к ним можно отнести и Ивана Копчикова) развивали идеи «архитектурного супрематизма» своего учителя. (Об интересе А. Платонова к литературному и художественному авангарду см.: *Малыгина Н.* Художественный мир Андрея Платонова. М., 1995, с. 20—21.)

Бекасырики — здесь: вши.

...не к стоянью пришли...— Речь идет о службе утрени Великого пятка Страстной седмицы (служится вечером в четверг Страстной седмицы), на которой читаются 12 евангельских фрагментов, повествующих об осуждении и распятии Христа.

С. 264. *Корчажка* — от *корчага*, большой глиняный горшок для разных хозяйственных надобностей.

...«*Опытно-исследовательский институт по индивидуальной антропотехнике*» ~ *Мастерская прочной плоти*.— Одним из источников данных сюжетов являются идеи основателя электронной медицины А. Л. Чижевского (1897—1964), создавшего теорию органического электрообмена, целебного воздействия электричества на человека. Эксперименты по лечению людей электричеством Чижевский начал проводить еще до революции и продолжил в 1920-е гг. (см.: *Малыгина Н.* Естественные источники представлений о природе Андрея Платонова // Сб. «Человек и природа в художественной прозе», Сыктывкар, 1981, с. 55—56).

С. 265. *Оброть* — обуздывать, покорить.

...я основал науку антропотехнику.— см. выше прим. к рассказу «Родоначальники нации...», с. 534—535.

С. 267. *А бессмертная плоть уже делается* ~ *посредством электричества*.— Принцип создания бессмертной плоти подразумевает использование трансформатора-резонатора (см. прим. к рассказу «Невозможное», с. 581—582). Эта тема развивается Платоновым на самом разном материале; см.: «Электричество употреблять стали в последнее время для заготовок кормов впрок — сена, свеклы, картофеля и других. Сено, скажем, уже не лежит на лугах, а прямо свозится в особые помещения, где подвергается действию электричества, которое убивает в сене маленькие живые существа, вызывающие порчу сена. Так что сено может храниться весьма долго, даже несколько лет, не теряя вкуса и питательности для скота» (*Платонов А.* Электричество в деревню! К крестьянам Воронежской губернии // Газ. «Наша газета», Воронеж, 1924, 14 мая, № 38, с. 1).

С. 268. *Втугачку* — втугую.

С. 271. *В небе ходят без следа* ~ *Волокнистые стада*.— Цитата из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон».

Ребенок твой рос и исполнялся мразью и тщетою зверствующего мира.— См. выше прим. к рассказу «Крюйс», с. 539—540.

С. 272. *Лядащий* — дрянной, хилый, тощий.

Пятерик — т. е. пятерня.

С. 273. *Всуде мятется всяк земнородный*...— Цитата из песнопения панихиды «Воистину суета всяческая...»

...*боритесь и питайтесь. Но не множьтесь*...— Антитеза к библейской заповеди: «...плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю» (*Быт.* 1, 28).

С. 275. *Мéнеть* — уменьшаться.

С. 276. *...и стало утро, а был вечер.*— Имитация рефрена, сопровождающего в Библии повествование о сотворении мира, см., напр.: «И был вечер, и было утро: день один» (*Быт.* 1, 5).

С. 278. *Фланцы, фланец* — соединительная часть труб, резервуаров, валов и т. п. в виде плоского кольца или диска с отверстиями для болтов.

С. 280. *Стал быть мрак.*— Аллюзия на библейский текст: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (*Быт.* 1, 3).

С. 281. *Какой делал его светодавче!*— Обращение «светодавче» (форма звательного падежа), т. е. «податель света», известно по церковным песнопениям; см., в частности, в экзопостилярии Страстной седмицы «Чертог Твой вижду, Спасе мой...»: «...просвети одеяние души моя, Светодавче...»

Алахарь — дармояд, лежебока.

...и в ней воздыхание.— Ср. с текстом церковного песнопения: «идеже несть ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание» (кондак «Со святыми упокой»).

С. 282. *Но они к нам не приходят, и мы к ним потому что мы в раю.*— Аллюзия к тексту евангельской притчи о богаче и нищем Лазаре, в которой, в частности, попавший в ад богач узнает от праотца Авраама о существовании непреодолимой границы между раем и адом: «...между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят» (*Лк.* 16; 19—31).

С. 284. *Блукать* — блуждать.

Стал быть мрак.— См. выше прим. к странице 280.

СТИХОТВОРЕНИЯ. 1918—1927

В настоящий том вошли все известные стихотворения Платонова 1918—1926 гг. Основной раздел представлен сборником «Поющие думы», сформированным Платоновым на рубеже 1926—1927 гг. Во второй раздел включены все остальные стихотворения, расположенные в соответствии с их датировкой (об основных принципах датировки стихотворений, вошедших в ГГ, см.: Антонова Е. «Сны его несут далеко...» Опыт датировки стихотворений Андрея Платонова // Журн. «Известия Академии наук» (серия литературы и языка), М., 2004, № 1 (январь).

февр.), с. 14—27). В отдельные разделы выделены неоконченные поэтические произведения и стихи на случай.

За свою жизнь Платонов издал единственную книгу стихов под названием «Голубая глубина» (1922). Ко времени активного вступления в литературную жизнь Воронежа Платонов явно считался и действительно был скорее поэтом, нежели прозаиком, так что выход книги стихов совсем не случайно намного опередил выход прозаического сборника. Литературное сообщество Воронежа какое-то время было уверено в скором издании книги Платонова уже после обсуждения его стихов на вечере 3 июля 1920 г. (подробно об этом событии см. выше, с. 462). Однако ожидания не оправдались, и, продолжая активно публиковаться в местной периодике, Платонов попытался продвинуть свои книги в Москве. Первое, пробное, письмо Платонова в Госиздат было отправлено в январе 1921 г. (*Субботин*, с. 439). 7 февраля 1921 г. Платонов отправил в Москву сборник из 68 стихотворений, выразив в сопроводительном письме недовольство местной издательской ситуацией: «Местное Воронежское Отделение Госиздата продержало их целый год и не могло издать сборника этих стихов за неимением бумаги и технических средств. Кроме того, тут громадная косность, лень, отсутствие всякой энергии и мешанская мелочность, так что я встретил только старую гадость и оскорбления сонных людей» (Там же, с. 440). Вслед за стихами, 1 марта 1921 г. Платонов выслал в Москву сборник рассказов и 2 мая того же года сборник из 42 статей под названием «Думы коммуниста». После того как к августу 1921 г. все книги были отклонены, Платонов просил возвратить ему статьи и рассказы (о книге стихов сведений такого рода не обнаружено).

Большее, что Платонову удалось сделать в 1921 г. в Воронеже — подготовить и пустить в продажу какой-то сборник стихов, объемом 48 страниц (см.: Сборник стихов // *Вор. ком.*, 1921, 27 июля, № 165, с. 4). В тот период члены воронежского комсомола практиковали выпуск так называемых автосборников (см.: Сборник стихов // *Вор. ком.*, 1921, 10 июня, № 149, с. 2; вероятно, о том же извещение в газете «Огни», № 2, 11 июля), скорее всего, сборник Платонова был из их числа.

Процесс издания поэтической книги Платонова в Краснодаре можно считать начавшимся едва ли не с середины 1921 г. Точкой отсчета здесь является служебное перемещение в этот город Г. Литвина-Молотова. Фактических сведений о подготовке «Голубой глубины» не так много. Единственным прямым свидетельством этой работы является фрагмент письма Литвина-Молотова от 12 июня 1922 г.:

«Товарищ Платонов!

Молчал, не писал — по многим причинам. Одна из них: я был обез-

оружен и ни одному моему объяснению вы бы не поверили до тех пор покуда я не прислал бы вам 1 экз. отпечат. ваших стихов.

Была болезнь, болею и сейчас, было много работы — но это для вас неинтересно и оправданием служить не может.

У меня не было ни клочка бумаги, ни копейки денег. Пришлось ставить журнал с грошами в кармане и изыскивать средства. Госиздат наш упразднили, оказывается, еще в январе м-це (Москва постаралась!) — и издавать было некому, а бумага, какая была в Госиздате, пошла на агитброшюры и настольный календарь.

Трудно было. Но и это для вас неинтересно. Во всяком случае я “высосал” бумагу для издания стихов не скоро (а ведь нужно было искать бумагу хорошую, а не газетную, чтобы издать получше). Не скоро добыл я и средства. Их мне никто не дал, а я выторговал — за журнал. № 1-й весь разошелся. Вы понимаете, что я сам бегал и доставал объявления для журнала и один его вел.

Но и это мало интересно. А помощи от вас я почти не получил. Конечно, по заслугам. Я очень ждал от вас беллетристику.

Не мог я выслать вам и денег. Писать было и стыдно и не было уверенности, что поверите мне.

Стыдно потому, что я понял вас, а помочь не мог.

Мне очень стыдно и сейчас. Но успокаиваю тем, что на днях высылаю вам 30—50 миллионов, а там не за горами и еще.

В этом письме посылаю оттиски сборника ваших стихов.

Ни одного стиха я не выбросил. Не изменил ни одного слова (кроме некоторых знаков препинания).

Если есть грубые ошибки — или телеграфируйте, или шлите письмом: успеем — исправлю, а если уже будет отпечатано, приложим листок корректурных опечаток.

Сборник выпускаю так, чтобы можно было отпечатать второе издание (сохраняю матрицы).

Формат сборника — такой же.

Обложку я скопировал со сборника (ее мы отпечатываем литографским способом на меловой бумаге).

Но сборник с брошюровкой придется задержать; ибо выпускать его без вашей автобиографии и предисловия (критико-библиографического) нельзя, нужно обратить внимание.

Поэтому шлите как можно скорее свою автобиографию, как можно скорее. Без нее я даже не могу написать сам предисловие, ибо не знаю ни дат, ни некоторых фактов.

Очень прошу выслать автобиографию поскорее. Как можно скорее!

Вложите туда же и фотографическую карточку (для меня — обязательно) <далее утрачено>» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 126).

Как можно понять, стихи были переданы Платоновым в Краснодар заранее, после чего последовал продолжительный перерыв в переписке с Г. Литвиным-Молотовым. Естественная периодичность этой переписки неизвестна, однако, в данном случае молчание явно затянулось. Высказать предположение о величине этой паузы на материале письма затруднительно: вообще-то в нем охватываются события с января 1922 г., но с точностью определить, что из сообщаемого оставалось для Платонова неизвестным, именно вследствие прекращения переписки, нельзя, поскольку и поддерживая переписку с Платоновым, Молотов, не желая огорчать своего адресата, конечно же, мог сознательно избегать подробного обсуждения некоторых тем.

Тем не менее, создается впечатление, что Литвин-Молотов располагал стихами, уже начиная «ставить журнал», т. е. издавать журнал «Путь коммунизма», вышедший к середине 1922 г. в двух номерах: № 1 (январь—февраль) вышел 10 марта (см.: газ. «Красное знамя», Краснодар, 1922, № 56, с. 4); № 2 (март—апрель) — скорее всего, в 1-й половине мая (дата установлена исходя из того, что в разделе рекламы и анонсов журнала о событиях второй половины мая сообщается в будущем времени). В письме Литвин-Молотов подчеркивает важность издания журнала (см.: «Пришлось ставить журнал <...> и изыскивать средства», «Не скоро добыл я и средства. Их мне никто не дал, а я выторговал — за журнал») именно с позиции оправдывающегося в том, что он, имея все необходимое для издания книги (т. е. рукопись), занялся чем-то менее значимым. В дополнение следует отметить, что среди рекламных объявлений 2-го номера журнала, помещены (раздельно) сообщения об учреждении кооперативного издательства «Буревестник» и его издательских планах. Согласно второму сообщению, книги Платонова и Келлера (каждая указана под своим действительным названием) в это время уже находятся в производстве. Это свидетельствует о том, что, по крайней мере к началу мая, средства и бумага на издание книг уже были найдены. Между тем, в письме подчеркивается, что бумага и средства были найдены «не скоро», и опять-таки отсчет времени в этом случае наиболее естественным кажется вести от момента предоставления рукописи. Скорее всего, Литвин-Молотов действительно получил стихи Платонова где-то в начале 1922 г. Поэтический материал вышедших номеров журнала «Путь коммунизма» преимущественно представлен именно стихами Платонова и Келлера, что легко объяснить исходя из того, что во время их подготовки Литвин-Молотов мог свободно располагать рукописями обеих книг.

Как следует из того же письма, Молотов не был склонен к внесению редакторских изменений в состав сборника («Ни одного стиха я не выбросил. Не изменил ни одного слова...»). Вероятно, структура «Голу-

бой глубины», как и состав, определена самим Платоновым, по крайней мере, в 1921 г., отправляя сборник стихов в Госиздат, он поступил именно так (см. письмо от 7 февраля 1921 г.: «Сборник сколон по порядку и стихи подобраны, как нужно. Если будете печатать, то прямо сдавайте в набор как есть»; *Субботин*, с. 440). В состав книги вошло 79 стихотворений, которые были распределены по трем разделам, не имеющим названия; в первый раздел вошло 27 стихотворений, во второй — 25, в третий — 27. Можно с уверенностью утверждать, что название — «Голубая глубина» — сопутствовало стихам уже в момент их передачи в Краснодар.

Подавляющее большинство стихотворений к моменту формирования книги были опубликованы (некоторые — более одного раза) в местной и центральной периодической печати. На настоящий момент не обнаружены прижизненные публикации лишь 17 стихотворений (из первого раздела — 2, из второго — 7, из третьего — 8): «Птицы», «Сгорели пустые пространства...», «Я сердцем знаю...», «Далью серебряной в утро росистое...», «Сумрак», «Тихий свет сиянья угасания...», «При прощании», «Во сне», «В эти дни земля горячее солнца...», «День», «Как тополи в тихие ночи...», «У города», «Не тихо и не шибко...», «Долог зимний рассвет...», «Дорога», «Мужик», «Сказка».

Не совсем понятно, что означают замечания Молотова относительно формата и обложки сборника («Формат сборника — такой же. Обложку я скопировал со сборника...»). Вряд ли под «сборником» может подразумеваться неизвестный исследователям воронежский сборник Платонова 1921 г., поскольку известно, что обложку «Голубой глубины» рисовал известный график А. Юнгер. Возможно, речь идет о том, что формат высланных оттисков соответствует реальному и в распоряжение Платонова предоставляется для ознакомления копия обложки.

Нет сомнений, что «Голубая глубина», как и предрекал Молотов, была напечатана по частям: сначала стихи и позднее — предисловие. Помещенное на книге указание: «Отпечатано в 5-й Советской типографии Кубчерполиграфтреста в городе Краснодаре, в июне 1922 года под наблюдением П. В. Чернова» в сопоставлении с датой письма Молотова свидетельствует о том, что уже отпечатанным стихам неизбежно пришлось дожидаться присылки материалов, необходимых для вступительной статьи. Судя по тому, что в Книжную палату книга Келлера поступила в августе 1922 г. (см.: «Книжная летопись», М., 1922, № 17, с. 39), а «Голубая глубина» — лишь во второй половине апреля 1923 г. (см.: Там же, 1923, № 8, с. 442), келлеровская «Игра» была готова к реализации раньше книги Платонова. Однако такой большой интервал в поступлении книг явился, скорее всего, следствием достаточно незначительного расхождения в издательском процессе. Гораздо важнее, что местные га-

зеты Воронежа и Краснодара синхронно отметили выход книг Платонова и Келлера, не разделяя их по времени поступления в продажу. В главной краснодарской газете «Красное знамя» первое извещение о наличии в продаже книг Платонова и Келлера появляется 21 июля и продолжает, не меняя формулировки, периодически повторяться до середины августа. Воронежская газета откликнулась на выход книг следующим образом: «Стихи двух воронежских поэтов А. Платонова и В. Келлера изданы изящными сборниками одним Краснодарским издательством. Во главе этого издательства стоит известный воронежцам журналист Г. Литвин-Молотов. Нашему отделению Госиздата не следовало бы зевать. Поистине: не славен пророк в своем отечестве» (Воронежские поэты в Краснодаре // *Вор. ком.*, 1922, 20 июля, № 161, с. 4).

Всему этому напрашивается следующее объяснение: книга Келлера действительно вышла раньше, однако, это вовсе не означало, что Молотов, для которого на первом месте безусловно стояло издание книги Платонова, собирался тут же пустить ее в продажу. Одновременный выход обеих книг скорее всего был задуман заранее и выглядит как наиболее корректное решение, что, впрочем, не могло препятствовать отсылке сборника Келлера в Книжную палату сразу по его готовности. В отношении большого разрыва поступления книг Платонова и Келлера следует заметить, что отправка краснодарских изданий в Москву осуществлялась неравномерно и с задержками, так, например, только в августе, одновременно с книгой Келлера, поступили туда 1-й и 2-й №№ журнала «Путь коммунизма» (см.: «Книжная летопись», 1922, № 18, с. 28—29).

Из критических отзывов на «Голубую глубину» известен лишь отзыв Брюсова (полный текст см. выше, с. 481—482).

«Голубая глубина» осталась единственной изданной книгой стихов Платонова, однако в *СА* сохранились еще два сборника стихотворений, готовившихся с расчетом на издание. Вероятно, в 1926 г. была собрана тетрадь стихов, упоминаемая в настоящем томе под условным названием «Избранные стихи» (*ИС*). В *ИС* вошло 20 стихотворений: 15 стихотворений «Голубой глубины» (из первого раздела — 1, из второго — 6, из третьего — 8) и 5 стихотворений, не вошедших в *ГГ* («Томится сила недр земного шара...», «Иван да Марья», «Среди страны», «Без сна, без забвенья шуршат в тесноте...», «Мир родимый, я тебя не кину...»). В настоящий момент известна прижизненная публикация лишь последнего из пяти добавленных стихотворений. Около половины текстов этого сборника представлены копиями, выполненными Марией Александровной Платоновой, с авторской правкой.

Как показал текстологический анализ, сборник *ИС* предварял появление книги стихов «Поющие думы», представленной в первом разделе

настоящего тома. Эта книга сохранилась в СА в виде собрания машинописей 38 стихотворений (некоторые листы с правкой Платонова) и оглавления на отдельном листе, написанного Платоновым от руки. В оглавлении перечислено 40 стихотворений и содержится указание автора относительно названия книги: «Книгу стихов прошу назвать или просто “Стихи” или — лучше — “Поющие думы”». Судя по оглавлению, книга ПД полностью вбирала в себя предшествующий сборник ИС и была дополнена двадцатью стихотворениями. Во-первых, Платонов добавил 9 стихотворений «Голубой глубины», так что, в общей сложности, в ПД «Голубая глубина» представлена 24-мя стихотворениями (из первого раздела — 3, из второго — 9, из третьего — 12). Во-вторых, к пяти стихотворениям ИС, написанным после ГГ, прибавились еще одиннадцать: «Ночь на дворе стоит сиротой...», «Жить ласково здесь невозможно...», «Растет мое сердце во сне...», «Бегство», «Резцом эпох и молотом времен...», «В железной шапке льдов...», «О голом и живом», «Мы стареем, потому что мы живые...», «Наверно, молодость придется истомить...», «Древний мир, воспетый птицами...», «Конец света». На настоящий момент известны прижизненные публикации лишь трех из перечисленных выше стихотворений: «Резцом эпох и молотом времен...», «В железной шапке льдов...» и «Конец света».

Наличный состав текстов ПД не вполне соответствует оглавлению. Прежде всего, в составе сборника нет указанных в оглавлении «Среди страны», «Лесная говорушка», «Древний мир, воспетый птицами...» и добавлено не значащееся в оглавлении стихотворение «В мире тихий ветхий вечер...» Кроме того, кардинально изменен порядок расположения текстов. Листы сборника сохранили двойную нумерацию. Первая нумерация является нумерацией стихотворений (не листов сборника; некоторые тексты занимают более одного листа), выполненную в соответствии с авторским оглавлением. Собственно пагинацией является вторая нумерация, выполненная ниже первой красным карандашом. Перестройка сборника не была доведена до конца: в последовательности страниц пропущены номера 4, 7, 11, 19, 21; одна из страниц имеет номер 15а (помещенное на этой странице стихотворение превращено во вставку к предыдущему); нумерация обрывается после цифры 37 (л. 34 по нашей нумерации), не распространяясь, таким образом, на десять последних листов сборника.

Подобное состояние сборника вполне объясняется одним из тамбовских писем Платонова жене:

«Препровождая при сем 40 стихотворений, прошу буквально с ними поступить следующим образом:

- 1) передать Молотову все и просить выпустить отдельной книжкой;
- 2) стихотворений я отобрал немного, но зато они, по-моему, доброкачественны;

3) если ты или Молотов найдете необходимым дополнить эти стихотворения другими какими-либо (из моего сборника), то вы можете это сделать по своему усмотрению;

4) книжку можно назвать просто, напр., “Стихи”, или еще как-нибудь;

5) книжке может быть предпослано чье-нибудь предисловие или нет — пусть будет так, как ты это согласишься с Молотовым;

6) книжку следует издать с наивозможной быстротой,— все недомыслия и неясности решайте сами, без меня, не запрашивай меня; все новшества вводите также без меня — дабы не упускать зря времени. Я заранее согласен на все (п. ч. верю тебе).

7) стихи следует разместить по очереди так, как они размещены у меня, но можете и изменить, если тебе или Молотову мое размещение не понравится.

Все. Действуй быстро, энергично, не обращай внимания на мелочи и не волнуйся. Поступай самостоятельно (в смысле принятия решений) и стремись к главному — к наибыстрейшему изданию книжки стихов» (СА, письмо от 17 февр. 1927 г.).

Из письма следует, что изменения, внесенные в сборник красным карандашом, должны были появиться в результате работы редактора (скорее всего, Г. Литвина-Молотова), заранее и заочно одобренной Платоновым. При подготовке данного тома прояснение этого обстоятельства позволило принять состав ПД, предложенный оглавлением Платонова, как наиболее соответствующий авторской воле.

Как известно из других тамбовских писем, стихи подбирались в период, когда основные силы Платонова были направлены на издание прозы. Издание стихов имело для семьи писателя, в первую очередь, практическое значение: «Почему прежде всего нужно издавать стихи, чтобы прожить 2—3 месяца. Опять Молотов начинает волынку и канитель, чтобы я поскорее здесь подох» (СА, письмо от 28 янв. 1927 г.). В начале 1927 г. издание стихов не состоялось, но Литвин-Молотов возвращался к этой теме и в середине года (письмо от 3 июля 1927 г.).

КНИГА «ПОЮЩИЕ ДУМЫ»

«В МОЕМ СЕРДЦЕ ПЕСНЯ ВЕЧНАЯ...» (с. 287).— Газ. «Искра», Воронеж, 1921, 19 нояб., № 1, с. 3; ГГ, с. 35. Публиковалось под заглавием «Из поэмы “Мария”».

Беловой автограф с заглавием «Из поэмы “Мария”», подготовленный для ГГ. Автограф в составе ИС (л. 25), без заглавия, с посвящением: М. А. Кашиной. Автограф 1-й и 2-й строф, выполненный зелеными чернилами. Копия, выполненная Марией Александровной Платоновой, без заглавия, с посвящением: М. А. Кашиной. Машинопись в составе ПД (л. 25). Все источники — СА.

Датируется концом 1921 г.

Печатается по ПД.

Стихотворение посвящено юной жене Платонова — Марии Кашиной.

Анонс предстоящей публикации поэмы несколько раз появлялся в газете «Искра»: № 4 (25 нояб.), № 6 (29 нояб.), № 7 (1 дек.). После седьмого номера выпуск газеты был прекращен.

СТРАННИК (с. 288).— *Вор. ком.*, 1920, 5 нояб., № 249, с. 2; ГГ, с. 90.

Копия, выполненная Марией Александровной Платоновой. Авторизованная машинопись в составе ПД (л. 9). Вырезка из *Вор. ком.* в составе ИС (л. 19).

Датируется по первой публикации.

Печатается по ПД.

СРЕДИ СТРАНЫ (с. 290).— Журн. «Октябрь», М., 1999, № 2, с. 141—142; под заглавием «Северный отдых».

Черновой автограф под заглавием «Отдых». Беловой автограф — А1, под заглавием «Северный отдых». Автограф — А2, под заглавием «Среди страны»; заглавие «Северный отдых» вычеркнуто, в левом верхнем углу помета «2 экз.». Авторизованная машинопись в составе ИС (л. 18), под заглавием «Северный отдых». Авторизованная машинопись — М2, под заглавием «Среди страны», выполнена с автографа А2 (датирована «1925», внизу листа приписка «Андрей Платонов, Москва»). Все источники — СА.

Под заглавием «Северный отдых» стихотворение указано в оглавлении ПД, но в составе книги отсутствует.

Источники разделяются на две группы: 1) черновой автограф, А1, ИС; 2) А2, М2. Первоначально А2 не имел значимых расхождений с источниками 1-й группы и, судя по количеству зачеркиваний, появился едва ли не ранее А1. Однако Платонов вернулся к А2 на более позднем этапе, изменил название стихотворения и 7-ю строку: «Мне незнакомо тихой птицы пень» вместо «Мне незнакомо стало птицы пень». Имен-

но этот вариант лег в основу машинописи М2, которая, вероятно, предлагалась Платоновым к публикации.

Датируется 1925 г.

Печатается по авторизованной машинописи М2.

Судя по дате, проставленной на машинописи М2, и первоначальному названию стихотворения, оно могло появиться в связи с реальными поездками Платонова на север страны, например, в Ленинград и на Волховстрой (см. прим. к статье «Огни Волховстроя» — наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 478—481).

«МЫ ДУМА МИРА ТЕМНОГО...» (с. 291).— *Вор. ком.*, 1921, 4 янв., № 2, с. 3; *ГГ*, с. 56. Публиковалось под заглавием «Мир».

Беловой автограф в составе *ИС* (л. 24), без заглавия. Копия, выполненная Марией Александровной Платоновой по *ГГ*. Вырезка из *Вор. ком.* с незначительной пунктуационной правкой. Машинопись в составе *ПД* (л. 20), без заглавия. Все источники — *СА*.

Датируется второй половиной 1920 г.

Печатается по *ПД*.

Стихотворение имело 4-ю строфу:

Живут в неслышной думе,

Как миги, все века.

И песнею без шума

Падает река.

Строфа не дописана и вычеркнута в *ИС*, отсутствует в *ПД*.

БОГОМОЛЬЦЫ (с. 292).— Однодневная газ. «Красному фронту», Воронеж, 1920, 15 нояб., с. 1; журн. «Путь коммунизма», Краснодар, 1922, № 1, янв., с. 45, подпись: *рабочий Андрей Платонов*; *ГГ*, с. 21; журн. «Железный путь», Воронеж, 1923, № 1, с. 1.

Копия, выполненная Марией Александровной Платоновой, в составе *ИС* (л. 16—17), с авторской правкой. Машинопись в составе *ПД* (л. 22—23).

Датируется по первой публикации.

Печатается по *ПД*.

Первая публикация стихотворения состоялась в дни проведения «недели помощи фронту» (в Воронеже прошла 9—19 ноября 1920 г.). Газета «Красному фронту» была выпущена работниками газет *Вор. ком.* и *Кр. дер.* на трудовом воскреснике 14 ноября. Сбор от продажи издания предназначался фронту.

«БЕЗ СНА, БЕЗ ЗАБВЕНЬЯ ШУРШАТ В ТЕСНОТЕ...» (с. 294).— Журн. «Октябрь», М., 1999, № 2, с. 135—136.

Черновой автограф стихотворения, строки 1—15; строка 15: «Пустынные тропы странника ждут,—» (СА). Беловой автограф в составе ИС (л. 20), подпись «Андрей [Платонов] Вогулов» (см. выше прим. к рассказу «Сатана мысли», с. 583), позднее вычеркнута. Авторизованная машинопись в составе ПД (л. 35).

Датируется 1925 — началом 1926 гг.

Печатается по ПД.

«НОЧЬ НА ДВОРЕ СТОИТ СИРОТОЙ...» (с. 295).— Журн. «Октябрь», М., 1999, № 2, с. 137—138.

Машинопись в составе ПД (л. 27).

Датируется 1925 — началом 1926 г.

Печатается по ПД.

«ЖИТЬ ЛАСКОВО ЗДЕСЬ НЕВОЗМОЖНО...» (с. 296).— Журн. «Октябрь», М., 1999, № 2, с. 137.

Машинопись в составе ПД (л. 26).

Датируется 1925 — началом 1926 г.

Печатается по ПД.

С верностью голубя, с мудростью змия, Силу чудесную крепко зажав.— Парафраз евангельского текста: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10, 16).

«МИР РОДИМЫЙ, Я ТЕБЯ НЕ КИНУ...» (с. 297).— Журн. «Зори», Воронеж, 1922, № 1, июль, с. 4.

Беловой автограф в составе ИС (л. 21). Машинопись в составе ПД (л. 28).

Датируется по первой публикации.

Печатается по ПД.

В журнальной публикации 5-я строка: «Снова льется тихий ливень песни».

Упоминается в рецензии на первый номер журнала «Зори»: «Стихотворение Андр. Платонова хорошо. В нем звучит много грусти и нежности. Автор действительно любит “мир родимый”, но мир без людей, в этом мире не слышно грохота жизни, в нем “тишина дорог”, “тихий ли-

вень песни” (между прочим, прелестный образ), теплый вечер, трава. В этом мире автор одинок: “мне никто пути не осветил”, “человек мне в поле не ответит, некому на жизнь меня благословить”, стихотворение глубоко субъективно» (газ. «Известия Воронежского Губкома РКП(б)», 1922, № 8, с. 92—93).

ВЕЧЕРНИЕ ДОРОГИ (с. 298).— Журн. «Голодающим детям Поволжья», Воронеж, 1921, 26 авг., с. 4; ГГ, с. 64.

Беловой автограф стихотворения под заглавием «Марии» (СА). Копия, выполненная Марией Александровной Платоновой, в составе ИС (л. 23). Машинопись в составе ПД (л. 16).

Датируется по первой публикации.

Печатается по ПД.

Первая публикация стихотворения была приурочена к «дню голодающего ребенка», прошедшему в Воронеже 26 августа 1921 г. Журнал «Голодающим детям Поволжья» — однодневное издание Воронежской губернской комиссии помощи голодающим детям Поволжья.

ВЕТХАЯ РУСЬ (с. 299).— *Кр. дер.*, 1920, 28 марта, № 19, с. 2; ГГ, с. 63. Публиковалось под заглавием «Русь».

Автограф неизвестен.

Авторизованная машинопись (лист макета ГГ) с пометой «III» в правом верхнем углу (СА). Копия, выполненная Марией Александровной Платоновой, в составе ИС (л. 22), с авторской правкой заглавия. Машинопись в составе ПД (л. 2).

Заглавие исправлено в ИС, исправление закреплено в ПД.

Датируется временем не позднее 1918 г.

Печатается по ПД.

РУМЯНАЯ МАТЬ (с. 300).— *Кр. дер.*, 1921, 28 янв., № 19, с. 2; ГГ, с. 82. Публиковалось под заглавием «Маня с Усмани».

Беловой автограф под заглавием «Маня с Усмани» (СА). Копия, выполненная Марией Александровной Платоновой по ГГ, в составе ИС, с авторской правкой (л. 15). Авторизованная машинопись в составе ПД (л. 5).

Датируется январем 1921 г.

Печатается по ПД.

Поиск окончательного варианта заглавия зафиксирован в ИС: «Маня с Усмани» / «Молодая мать» / «Румяная мать».

28-я строка в автографе и *ГГ*: «В поле светят росы»; в *ИС* первоначально: «Чтоб светились росы». Позднее в автографе и *ИС* исправлено на: «И светились росы»; данный вариант закреплен в *ПД*.

«ТОЮ НОЧЬЮ, ТОЮ НОЧЬЮ ЧУТКО СПАЛИ ПАШНИ, СЕЛА...» (с. 301).— Сб. «Стихи», Воронеж, 1921, с. 45; *ГГ*, с. 48.

Поздний по времени автограф стихотворения на листе записной книжки. Страница сб. «Стихи» с авторской правкой и правкой неизвестного лица. Копия, выполненная Марией Александровной Платоновой, в составе *ИС* (л. 13). Машинопись в составе *ПД* (л. 7). Все источники — *СА*.

Датируется второй половиной 1920 — первой половиной 1921 г.

Печатается по *ПД*.

В публикации сборника в 7-й строке «с земли хлынет» вместо «земи хлынет»; вариант 8-й строки: «И замрет на затихающей, уходящей высоте».

1-я строфа стихотворения цитируется в романе «Счастливая Москва» (1932—1936), авторство отдано одному из героев романа — Комягину.

«РАСТЕТ МОЕ СЕРДЦЕ ВО СНЕ...» (с. 302).— Журн. «Октябрь», М., 1999, № 2, с. 136.

Машинопись в составе *ПД* (л. 21).

Датируется 1925 — началом 1926 г.

Печатается по *ПД*.

МАТЬ (с. 304).— *Кр. дер.*, 1920, 27 авг., № 142, с. 2; *ГГ*, с. 84.

Копия, выполненная Марией Александровной Платоновой, с исправлениями автора в составе *ИС* (л. 14). Машинопись в составе *ПД* (л. 4).

Датируется по первой публикации.

Печатается по *ПД*.

«СЕРДЦЕ В ЭТИ ДНИ СМЕРТЕЛЬНО И ТРЕВОЖНО...» (с. 305).— Газ. «Искра», Воронеж, 1921, 20 нояб., № 2, с. 2, под заглавием «На земле», подпись: *А. П.*; *ГГ*, с. 36; альм. «Наши дни», М.; Пг., 1924, № 4, с. 24.

Первый автограф, датированный «1920 г.». Второй автограф — не датирован. Копия, выполненная Марией Александровной Платоновой, в составе *ИС* (л. 12). Авторизованная машинопись в составе *ПД* (л. 18). Все источники — *СА*.

Датируется 1920 г.

Печатается по *ПД*.

В источниках отмечается разночтение 12-й строки: «И любит сердце пустоту» («Искра», *ГГ*, автограф 2), «И любит сердце высоту» (автограф 1, «Наши дни», *ИС*, *ПД*).

ИВАН ДА МАРЬЯ (с. 306) — Журн. «Октябрь», М., 1999, № 2, с. 131—134.

Первый беловой автограф (А1) с посвящением *М. А. Каи<ин>цевой*, под заглавием «Осенняя поэма» (л. 1—6). Второй беловой автограф (А2), под заглавием «Иван да Марья», с подзаголовком «Осенняя поэма» (л. 1—5). Авторизованная машинопись в составе *ИС* (л. 7—11), заглавие с подзаголовком, как и А2, позднее подзаголовок вычеркнут; подпись «Андрей [Платонов] Вогулов» (см. выше прим. к рассказу «Сатана мысли», с. 583) также позднее вычеркнута. Авторизованная машинопись в составе *ПД* (л. 29—33), под заглавием «Иван да Марья». Все источники — *СА*.

Датируется осенью 1926 г.

Печатается по *ПД*.

Первоначально А1 и А2 не имели существенных отличий, за исключением разбивки строф на строки (в А1 все, кроме 13-й, строфы четырехстрочные). Позднее Платонов внес в А2 исправления и сделал с этого экземпляра несколько копий, о чем свидетельствуют пометы на первом листе А2: в верхнем левом углу — «3 экз. на одной стороне листа»; в верхнем правом углу просьба, адресованная Марии Александровне Платоновой: «Мус! Прошу переписать. А. П. 5/Х». К этой записи добавлено указание относительно разбивки текста на строфы — «Только отделяй пропуском одной линейки там, где я поставил черточки».

В А1 в одну строку расположены строки 32—33; строки 38—39; строки 42—43; строки 44—45; строки 58—59; строки 69—70; строки 74—75; строки 93—94; строки 109—110. Для А1 и А2 (до его редактирования) отмечаются следующие варианты строк:

с. 7: Тише, сокровенней полевое пенье,

с. 47—48: Что ж? Без масла не вкусна и каша,
А не масло разве — (//— А2) комсомолист?

- с. 87—88:   И хотя она еще не наша,
Но по классу (— // — А2) двоюродная сестра.
- с. 92:   Сам себя такой не сознает.
- с. 115—118:   Вижу я, что зверь и лютый ветер
Держаться лишь силою лихой.
Отчего же скудно жить на свете,
Разве кровь рождается сухой?
- с. 119:   Нет, мы рано молодости влагу
- с. 126:   А ведь можно миром завладеть.
- с. 139—140:   Может быть, когда-нибудь нескоро
Прочно будет счастье на земле...

В обоих автографах отсутствуют строфы 31—32, они дописаны непосредственно в А2.

В А2 строки 139—140 первоначально были исправлены на промежуточный вариант: «Может быть, наверно очень скоро, // Всем богато будет на земле,—».

Машинопись *ИС* соответствует А2. Самые поздние изменения, вероятно, внесены в А2 и *ИС* параллельно: в обоих источниках вычеркивается подзаголовок и строка 140 приводится к окончательному виду.

Или станцию построил на ручье...— Речь идет о строительстве небольшой гидроэлектростанции.

БЕГСТВО (с. 311).— Журн. «Октябрь», М., 1999, № 2, с. 138.

Авторизованная машинопись в составе *ПД* (л. 34).

Датируется 1926 г.

Печатается по *ПД*.

«ТОМИТСЯ СИЛА НЕДР ЗЕМНОГО ШАРА...» (с. 313)— Журн. «Октябрь», М., 1999, № 2, с. 138—139.

Копия, выполненная Марией Александровной Платоновой, в составе *ИС* (л. 2), с авторской правкой, под заглавием «Записки человека», позднее заголовок вычеркнут. Авторизованная машинопись в составе *ПД* (л. 36).

Датируется 1925 — началом 1926 гг.

Печатается по *ПД*.

«РЕЗЦОМ ЭПОХ И МОЛОТОМ ВРЕМЕН...» (с. 314).— Газ. «Репейник», Воронеж, 1923, 18 марта, № 6, с. 3. Подпись: *А. П.*

Авторизованная машинопись в составе *ПД* (л. 37).

Датируется по первой публикации.

Печатается по *ПД*.

В газетной публикации вариант 14-й строки: «Немой и безымянный будет человек».

«ЗЕМЛЯ — ДУМА, ПЕСНЯ НЕ ПРОПЕТАЯ...» (с. 315).— *Вор. ком.*, 1921, 1 янв., № 1, с. 5; *ГГ*, с. 49.

Авторизованная машинопись в составе *ПД* (л. 19) — 2—4-я строфы публикаций *Вор. ком.* и *ГГ*.

Датируется второй половиной 1920 г.

Печатается по *ПД*.

1-я строфа *Вор. ком.* и *ГГ*, отсутствующая в *ПД*:

Падают звезды с неба на траву,
Сердце заходит, испугано, радо.
Вестники дальние пламени, славы
С неба слетаются в тихое стадо.

МЕРТВЫЙ (с. 316).— Газ. «Искра», Воронеж, 1921, 23 нояб., № 3, с. 3; *ГГ*, с. 57.

Вырезка из газеты с авторской правкой в составе *ИС* (л. 6). Авторизованная машинопись в составе *ПД* (л. 17).

Датируется второй половиной 1920 г.

Печатается по *ПД*.

В публикациях 16-я строка стихотворения: «Тише жизни красота». Окончательный вариант внесен в *ИС*, закрепляется в *ПД*.

«В ЖЕЛЕЗНОЙ ШАПКЕ ЛЬДОВ...» (с. 317).— *Вор. ком.*, 1923, 18 февр., № 36, с. 3. Подпись: *А. П.*

Черновой автограф — *СА*. Машинопись в составе *ПД* (л. 38).

Печатается по *ПД*.

Датируется временем первой публикации.

В ПД отсутствует 4-я строфа автографа и публикации *Вор. ком.*:

Ты утаилась от расстрела смерти,
Преступник тайный, поджигатель мира,
Сама ты миру гибелью ответишь
И над упавшею звездой расправишь пламенные крылья.

ЛЕСНАЯ ГОВОРУШКА (с. 318).— Газ. «Огни», Воронеж, 1921, 4 июля, № 1, с. 2, с посвящением: *Посвящается артистке Щербиной-Башиариной*; сб. «Стихи», Воронеж, 1921, с. 48; ГГ, с. 83.

Беловой автограф в составе ИС (л. 5). Страница из сб. «Стихи» с авторской правкой (исправление опечаток) — СА. Стихотворение значится в оглавлении ПД, но текст отсутствует. В газетной публикации отсутствует разбивка на строфы.

Датируется по первой публикации.

Печатается по ИС.

Щербина-Башиарина Евгения Илларионовна — исполнительница русских народных песен; часто выступала в Воронеже. Платонов упоминает о ней также в статье «Вечер Некрасова в коммунистическом университете» (наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 178).

«КОГДА Я ДУМАЮ, Я СЛЫШУ МУЗЫКУ...» (с. 319).— *Вор. ком.*, 1922, 26 марта, № 69, с. 2; ГГ, с. 60.

Беловой автограф, соответствующий тексту ГГ. Машинопись, выполненная по тексту газетной публикации, в составе ПД (л. 14), с редакторскими пометами, под заглавием «Поющие думы».

Датируется второй половиной 1921 г.

Печатается по ГГ.

В ПД неизвестным лицом (скорее всего Литвиным-Молотовым) вычеркнута первая строфа стихотворения и сделана помета, указывающая, что оставшиеся 2-я и 3-я строфы должны быть вставлены после 2-й строфы стихотворения «Дорога утром».

В газете опубликовано в подборке из четырех стихотворений, расположенных в одном газетном столбце в последовательности «Когда я думаю, я слышу музыку...», «Среди нив, певучих в спелости...», «Человек — цветущее растение...», «В мире тихий ветхий вечер...». Подборка озаглавлена — «Поющие думы» и имеет посвящение — *Летним дорогам*.

Судя по посвящению, данный цикл стихотворений мог возникнуть в связи с походами Платонова по губернии во второй половине 1921 г. (см. выше прим. к зарисовкам «Заметки», с. 580).

БЕЛЫЙ СВЕТ (с. 320).— Сб. «Стихи», Воронеж, 1921, с. 44; журн. «Путь коммунизма», Краснодар, 1922, № 2, март—апр., с. 31; ГГ, с. 80.

Копия, выполненная Марией Александровной Платоновой по ГГ, в составе ИС (л. 3), с авторской правкой. Машинопись в составе ПД (л. 15).

Датируется второй половиной 1920 — первой половиной 1921 г.

Печатается по ПД.

Публикации отличаются незначительными пунктуационными расходами. В ИС отредактированы строки 7-я («Горячо кровь под сердцем бьются» вместо «Там далеко родники сольются») и 20-я («Каждый вечер они кровь сосут» вместо «Вечер каждый они кровь сосут»). Правка вошла в ПД.

«ПО ДЕРЕВНЯМ КОЛОКОЛА...» (с. 321).— *Вор. ком.*, 1921, 12 окт., № 228, с. 3; ГГ, с. 53.

Автограф с редакторскими пометами — С.А. Копия, выполненная Марией Александровной Платоновой, в составе ИС (л. 1), с авторской правкой. Авторизованная машинопись в составе ПД (л. 11).

Датируется второй половиной 1921 г.

Печатается по ПД.

В публикациях стихотворение имело 4-ю строфу:

Слетают звезды с вышины,
И сердце, радуясь, пугается;
Как много в шуме тишины,
Звезда на песню отзывается.

В автографе и ИС 4-я строфа воспроизведена, но затем вычеркнута. В ПД 4-я строфа отсутствует. Подверглась правке 12-я строка стихотворения — в публикациях: «Я миру вестник мира дальнего». В автографе данный вариант 12-й строки выделен подчеркиванием и отмечен знаком вопроса; в ИС — вычеркивается и вписывается: «И жизнь цветет без всякого названия»; новый вариант закреплен в ПД.

ПЕСНЯ (с. 322).— Газ. «Голодающим детям Поволжья», 1921, 26 авг., с. 4, с посвящением: *Посвящ. Мих. Бахметьеву*; ГГ, с. 79, с посвящением: *Мих. Бахметьеву*.

Газетная вырезка с авторской правкой в составе ИС (л. 4), посвящение вычеркнуто. Авторизованная машинопись в составе ПД (л. 6), без посвящения.

Датируется по первой публикации.

Печатается по *ПД*.

Источники отражают поиск автором варианта 16-й строки стихотворения. В публикациях: «Рос высокий колос»; в *ИС* исправлено: «Слышно на всю волость»; исправление *ИС* вошло в *ПД*, но затем изменено на: «Заскорбела волость».

Адресатом стихотворения был коллега Платонова, воронежский журналист Михаил Бахметьев (см. выше прим. к рассказу «Немые тайны морских глубин», с. 589).

ДОРОГА УТРОМ (с. 323).— *Кр. деп.*, 1920, 17 июля, № 108, с. 2; сб. «Стихи», Воронеж, 1921, с. 46; *ГГ*, с. 93.

Беловой автограф с вычеркнутой пометой «В сборник моих стихов. Андрей Платонов» — *СА*. Машинопись в составе *ПД* (л. 13).

Датируется по первой публикации.

Печатается по *ПД*.

Пометы в *ПД* показывают, что существовала возможность объединения стихотворений «Дорога утром» и «Когда я думаю, я слышу музыку...» (см. выше прим. к стихотворению «Когда я думаю, я слышу музыку...», с. 611). Предполагалось, что между 2-й и 3-й строфами «Дорога утром» могут быть вставлены 2-я и 3-я строфы «Когда я думаю, я слышу музыку...»

Курень — шалаш, сторожка.

О ГОЛОМ И ЖИВОМ (с. 324).— Журн. «Октябрь», М., 1999, № 2, с. 136—137.

Автограф неизвестен.

Авторизованная машинопись в составе *ПД* (л. 24).

Датируется 1925 — началом 1926 г.

Печатается по *ПД*.

«МЫ СТАРЕЕМ, ПОТОМУ ЧТО МЫ ЖИВЫЕ...» (с. 325).— Журн. «Октябрь», М., 1999, № 2, с. 147.

Черновой автограф под заглавием «На день 23-х летия моей жены Марии» — *СА*. Беловой автограф, выполненный чернилами (А1), под заглавием «На день 23-х летия моей жены Марии». Беловой автограф, выполненный простым карандашом (А2), с посвящением *М. А. К.* (*М. А. Кашинцевой*) и пометой «На день 23-х летия моей жены Марии».

Машинопись в составе *ПД* (л. 39) с посвящением *М. А. К.* Все источники — *СА*.

Датируется апрелем 1926 г. *М. А. Кашинцева* родилась 14 апреля 1903 г. (см.: *Ласунский*, с. 95).

Печатается по *ПД*.

Источники раскрывают несколько этапов правки стихотворения. Оба беловых автографа выполнены с чернового. *A1* соответствует первоначальному тексту чернового автографа, где 4-я строка: «Значит, отгремела любовная гроза», 5-я строка: «Но зато ты с каждым годом мне милее —», 8-я строка: «Чтоб, созрев, упасть в земном саду», 12-я строка: «Век отвековала милая душа». Строка 12-я исправлена в черновом автографе и *A1* на: «Век отвековала милая душа». На следующем этапе редактуры внесены изменения в 4-ю и 5-ю строки чернового автографа, соответственно: «Но еще гремит любовная гроза» и «Оттого ты с каждым годом мне милее». Такому варианту чернового автографа соответствует *A2*. Строка 8-я приобретает окончательный вид («Чтоб, созрев, упасть в земном саду») в ходе правки *A2*. *ПД* соответствует автографу *A2*.

«НАВЕРНО, МОЛОДОСТЬ ПРИДЕТСЯ ИСТОМИТЬ...» (с. 326).— Журн. «Октябрь», М., 1999, № 2, с. 139—140.

Беловой автограф — *СА*. Авторизованная машинопись в составе *ПД* (л. 40).

Датируется 1925 — началом 1926 г.

Печатается по автографу.

«ДРЕВНИЙ МИР, ВОСПЕТЫЙ ПТИЦАМИ...» (с. 327).— Журн. «Октябрь», М., 1999, № 2, с. 140.

Полный автограф, выполненный простым карандашом — *СА*. Черновой автограф 1-й строфы и предварительные наброски последующих строф — *СА*. Стихотворение указано в оглавлении *ПД*, но текст отсутствует.

Датируется 1925 — началом 1926 г.

Печатается по полному автографу.

Среди набросков осталась строфа, не вошедшая в окончательный текст:

Звери травам были незнакомы,
И лежала обнаженная руда.
Ни одно дыханье не было заковано,
Но и счастья некому отдать.

Об этом стихотворении Платонов вспоминал в письме к Марии Александровне в Крым летом 1927 г.: «Сейчас читал свои стихи. Предлагаю издать их, но только не в М<олодой> гв<ардии>, хотя Молотов просил их дать через неделю. Помнишь ты такой отрывок:

Помню я, в тоске воспоминанья,
Свежесть влажной девственной земли
И небес дремучее молчание
И всю прелесть милую вдали.
Но чем жизнь страстней благоухала,
Чем нежней на свете красота,
Тем жаднее смерть ее искала
И смыкала певшие уста.

Меня это тронуло нынче больше, чем когда я писал это стихотворение» (СА, письмо от 3 июля 1927 г.).

«КАКТОПОЛИ В ТИХИЕ НОЧИ...» (с. 328).— ГГ, с. 72.

Автограф неизвестен.

Авторизованная машинопись — СА (лист макета ГГ). Копия, выполненная М. Ал. Платоновой,— СА. Машинопись в составе ПД (л. 8).

Датируется временем не позднее 1918 г.

Печатается по ПД.

Похилиться — покоситься.

«ВЕЧЕР ДУШЕН. НОЧЬ НЕДАЛЕКА...» (с. 329).— *Жел. путь*, 1919, № 9, апр., с. 13; ГГ, с. 54. Публиковалось под заглавием «Тоска».

Машинопись в составе ПД (л. 41). Вырезка из *Жел. путь* с правкой названия. Автограф 4-й и 5-й строф (в порядке 5—4), под заглавием «Мария в деревне». Все источники — СА.

Датируется временем не позднее 1918 г.

Печатается по ПД.

Источники отразили колебания автора в выборе заглавия стихотворения. Первоначальное заглавие «Тоска», в вырезке исправлено на «Девушка в провинции»; это же заглавие вошло в ПД, позднее вычеркнуто. Автограф стихотворения, судя по заголовку, позднего происхождения, написан не ранее второй половины 1921 г., когда М. Кашинцева была отправлена на работу в деревне Волошино (см. выше прим. к зарисовкам «Заметки», с. 580).

СТЕПЬ (с. 330).— Журн. «Жизнь железнодорожника», Пг., 1919, № 17—18. 18 мая, с. 3; ГГ, с. 65.

Машинопись в составе ПД (л. 12).

Датируется 1918—1919 гг.

Печатается по ПД.

МУЖИК (с. 332).— ГГ, с. 81.

Автограф — СА. Копия, выполненная Марией Александровной Платоновой по ГГ, с авторской правкой (СА). Машинопись в составе ПД (л. 3).

Датируется концом 1918 г.— первой половиной 1919 г.

Печатается по ПД.

В источниках разночтение в 5-й строке: «Похлебаешь квасу с хлебом аль картошки пожуешь» (ГГ, копия), «Похлебаешь квасу с хреном аль картошки пожуешь» (автограф, ПД). Подверглась авторской редакции 6-я строка: «Сломишь бадик, перекрестишься от дум» (ГГ, автограф, копия). В автографе исправлено на «Сломишь бадик, запечалишься от дум» (правка вошла в ПД), в копии исправлено на «Сломишь бадик от своих душевных дум».

Бадик — палка, посох.

ПОХОД (с. 333).— *Вор. ком.*, 1920, 7 нояб., № 251, с. 5; ГГ, с. 5.

Копия, выполненная Марией Александровной Платоновой по ГГ. Вырезка из *Вор. ком.* с авторской правкой. Авторизованная машинопись в составе ПД (л. 42; правка пунктуационных знаков). Все источники — СА.

Датируется по первой публикации.

Печатается по ПД.

ДИНАМО-МАШИНА (с. 334).— *Вор. ком.*, 1920, 28 нояб., № 269, с. 3; ГГ, с. 28; журн. «Прожектор», М., 1923, № 16, с. 2.

Копия, выполненная Марией Александровной Платоновой по ГГ. Вырезка из *Вор. ком.* с авторской правкой. Авторизованная машинопись в составе ПД (л. 43). Все источники — СА.

Датируется по первой публикации.

Печатается по ПД.

В вырезке из *Вор. ком.* отредактирована 2-я строка стихотворения: «Неподвижный долгий стон» вместо «Неподвижный долгий звон». Изменение закреплено в тексте ПД.

...к регулятору динамо...— Динамо, то же, что динамо-машина; устарелое название машины, служащей для выработки постоянного электрического тока; электрический генератор.

КОНЕЦ СВЕТА (с. 335).— *Вор. ком.*, 1923, 14 янв., № 9, с. 4.
Машинопись в составе ПД (л. 44).
Датируется 1922 г.
Печатается по ПД.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В КНИГУ «ПОЮЩИЕ ДУМЫ»

ПТИЦЫ (с. 336).— ГГ, с. 18.
Авторизованная машинопись — СА (лист макета ГГ).
Датируется временем не позднее 1918 г.
Печатается по ГГ.

Правка машинописи вошла в ГГ.
В ГГ вошли 1-я, 4—6-я строфы машинописи. В ходе правки в машинописи вычеркнуты строфы 2 и 3:

Туман навстречу,
И ветер мечет
Полет их стройный, полет их к небу.

Рокочут горлом
Над мертвым долом —
И мчатся, мчатся напролет...

«Я СЕРДЦЕМ ЗНАЮ...» (с. 338).— ГГ, с. 37.
Авторизованная машинопись — СА (лист макета ГГ).
Датируется временем не позднее 1918 г.
Печатается по ГГ.
Первоначальный вариант 14-й строки (вычеркнут уже в машинописи, не вошел в ГГ): «В открытом небе мы не одни».

СУМРАК (с. 339).— ГГ, с. 41.
Датируется временем не позднее 1918 г.
Печатается по ГГ.

«ТИХИЙ СВЕТ СИЯНЬЯ УГАСАНИЯ...» (с. 340).— ГГ, с. 42.
Авторизованная машинопись — СА (лист макета ГГ).
Датируется временем не позднее 1918 г.
Печатается по ГГ.

ПРИ ПРОЩАНИИ (с. 341).— ГГ, с. 43.
Датируется временем не позднее 1918 г.
Печатается по ГГ.

ДЕНЬ (с. 342).— ГГ, с. 71.
Авторизованная машинопись — СА (лист макета ГГ).
Датируется временем не позднее 1918 г.
Печатается по машинописи.

У ГОРОДА (с. 343).— ГГ, с. 75.
Авторизованная машинопись — СА (лист макета ГГ).
Датируется временем не позднее 1918 г.
Печатается по ГГ.

«НЕ ТИХО И НЕ ШИБКО...» (с. 344).— ГГ, с. 76.
Авторизованная машинопись — СА (лист макета ГГ).
Датируется временем не позднее 1918 г.
Печатается по ГГ.

«ДОЛОГ ЗИМНИЙ РАССВЕТ...» (с. 346).— ГГ, с. 77.
Беловой автограф — СА (вероятно, подготовлен для ГГ).
Датируется временем не позднее 1918 г.
Печатается по ГГ.

ЮНОШЕ (с. 347).— Журн. «Тени», Воронеж, 1918, 1 июня, № 5, с. 52; *Кр. дер.*, 1920, 31 марта, № 21, с. 3; под заглавием «Юноше-пролетарию».

Датируется временем не позднее 1918 г.
Печатается по *Кр. дер.*

РАБЫ МАШИН (с. 348).— Журн. «Юный пролетарий», Воронеж, 1918, № 1, с. 6. Подпись: *А. П.*

Датируется временем не позднее 1918 г.

Печатается по первой публикации.

ПОЕЗД (с. 349).— *Жел. путь*, 1918, 15 дек., № 4, с. 8.

Датируется временем не позднее 1918 г.

Печатается по журнальной публикации.

НАД ГОРАМИ (с. 350).— Журн. «Жизнь и творчество русской молодежи», М., 1919, № 17, 5 янв., с. 3.

Датируется временем не позднее 1918 г.

Печатается по журн. «Жизнь и творчество русской молодежи».

ВЕЧЕР ПОСЛЕ ТРУДА (с. 351).— *Жел. путь*, 1919, № 6, 31 янв., с. 11; *ГГ*, с. 14.

Датируется временем не позднее 1918 г.

Печатается по *ГГ*.

НА РЕКЕ (с. 352).— *Жел. путь*, 1919, № 8, март, с. 9, под заглавием «У реки»; *ГГ*, с. 74.

Датируется временем не позднее 1918 г.

Печатается по *ГГ*.

Стихи Платонова, опубликованные в № 8 журнала *Жел. путь* («У реки», «Март»), были вскользь отмечены в библиографическом обзоре одного из местных изданий: «стихи Андрея Платонова недурны» (журн. «Вестник Воронежского округа путей сообщения», Воронеж, 1919, № 10, март, с. 23).

МАРТ (с. 353).— *Жел. путь*, 1919, № 8, март, с. 12; *ГГ*, с. 67; газ. «Репейник», 1923, 1 апр., № 8, с. 3.

Авторизованная машинопись — *СА* (лист макета *ГГ*).

Датируется временем не позднее 1918 г.

Печатается по *ГГ*.

В журнальной публикации первоначальный вариант 4-й строфы:

Вьются с тихим лопотаньем
Всюду ручейки,

Вечерком же ранне-ранним
Небеса ярки.

В газетной публикации отсутствует разбивка на строфы.

«МЛЕЮТ В ГОРЯЧЕЙ ВЕСЕННЕЙ ИСПАРИНЕ...» (с. 354).—
Кр. дер., 1920, 26 марта, № 17, с. 4; *ГГ*, с. 68.

Неполный беловой автограф (строфы 4—5) — *СА*.

Датируется временем не позднее 1918 г.

Печатается по *ГГ*.

Бадик — палка, посох.

«НЕВЫСОКИЕ ЛОЗИНЫ...» (с. 355).— *Кр. дер.*, 1920, 18 апр.,
№ 34, с. 3; *ГГ*, с. 65.

Датируется временем не позднее 1918 г.

Печатается по *ГГ*.

МОЛОТ (с. 356).— *Кр. дер.*, 1920, 24 апр., № 39, с. 2; *ГГ*, с. 7.

Датируется 1918—1919 гг.

Печатается по *ГГ* с восстановлением строфики по *Кр. дер.*

В публикации *ГГ* слиты строфы 3-я и 4-я.

ПЕСНЬ (с. 357).— Газ. «Известия», Воронеж, 1919, 6 апр., № 76, с. 3.

Автограф неизвестен.

Печатается и датируется по первой публикации.

Шкив — колесо, которое передает движение приводному ремню
или канату.

ГУДОК (с. 359).— *Жел. путь*, 1919, № 10, май, с. 5; журн. «Пламя»,
М., 1919, 22 июня, № 58, с. 6; однодневная газ. «Предмайский воскрес-
ник», 1920, 26 апр., с. 1, под заглавием «Наш гудок»; журн. «Путь ком-
мунизма», Краснодар, 1922, № 2, март—апр., с. 46—47; *ГГ*, с. 3.

Датируется 1919 г.

Печатается по *ГГ*.

В публикации журн. «Пламя» стихотворение оформлено, как стихо-
творение в прозе, аналогично стихотворению «Песнь». В этой же публи-

кации соответствующие строки ГГ имеют следующие варианты: строка 32 — «О, пронзи, сломай преграды»; строка 43 — «к тихим звездам»; строки 50—53 — «О, мы знаем, видим — видим без конца вперед идти, но ведь в силе — радость жизни, но в победах — упоенье»; строка 57 — «к мятежам призыв»; строка 60—61 — «Мы рванемся всею массой в высь горящим острием...».

В публикации газ. «Предмайский воскресник» отсутствуют строки 32—37, 42—49.

«МЫ НА КАНАТАХ ПРЁМ ЛОКОМОБИЛЬ...» (с. 361).— Журн. «Зори», Воронеж, 1922, № 1, июль, с. 9. Подпись: *Елпидифор Баклажанов*.

Датируется началом 1919 г.

Печатается по первой публикации.

Стихотворение приписано авторству одного из постоянных героев ранней прозы Платонова (см. выше прим. к рассказу «Приключения Баклажанова», с. 584—585); отмечено в рецензии на первый номер журн. «Зори»: «Елпидифор Баклажанов хотел дать образчик пролетарской поэзии, но это ему не удалось; правда в стихотворении встречается до десяти технических выражений: цилиндры, фланцы, кривошип и др. Но стихотворение тяжело, грубовато и если оно дает истинную картину жизни, то не дает того, что называется поэзией, не вкладывает идейного содержания» (газ. «Известия Воронежского Губкома РКП(б)», Воронеж, 1922, № 8, с. 92—93).

Текст стихотворения, предположительно, является вариантом раннего стихотворения Платонова, посланного весной 1919 г. в калужский журнал «Факел железнодорожника». О существовании такого стихотворения известно из отзыва редакции, адресованного А. Платонову: «Ваше “футуристическое” стихотворение, иначе назвать нельзя, да кстати и без заглавия поместить не можем, это ведь набор слов без всякой мысли. В Вашем стихотворении, например, есть строка: “Шабаш — доставили! Двугривенный и сотка”. Да, товарищ, доставили Ваше стихотворение в корзину, двугривенный стоит Вам заплатить, все-таки писали, ну а уж сотку доставайте сами. Или же: “Оправились — и потащили с песней, Пустив под солнце в ярь матюк...” Товарищ, не теряйте времени, сейчас весна, солнце светит ярко, уж лучше займитесь пусканьем матюков под солнце, чем писаньем стихов» (журн. «Факел железнодорожника», 1919, № 5, апр., с. 16; раздел «Почтовый ящик»).

Фланец — соединительная часть труб, резервуаров, валов и т. п. в виде плоского кольца или диска с отверстиями для болтов.

Кривошип — звено кривошипного механизма, которое может совершать полный оборот вокруг неподвижной оси.

Маховик — маховое колесо, колесо с массивным ободом, установленное на валу машины для обеспечения равномерного вращения вала.

КРАСНОМУ ВОРОНЕЖУ (с. 362).— Газ. «Известия Совета обороны Воронежского укрепленного района», Воронеж, 1919, 17 сент., № 3, с. 2.

Печатается и датируется по первой публикации.

Марсельеза — заглавие песни «Марсельеза» («Отречемся от старого мира...») П. А. Лаврова; революционный гимн рабочего движения. В лирике поэтов-пролеткультовцев образ этой песни является постоянным и обретает символическое значение. Сходным было отношение к главной революционной песне М. Горького — «Песне о Буревестнике».

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ (с. 364).— Журн. «Пламя», М., 1919, 2 нояб., № 69, с. 16.

Датируется октябрём 1919 г.

Печатается по журн. «Пламя».

Вагранка — шахтная печь для плавки чугуна и цветных металлов, а также для обжига различных материалов.

ИТАЛИИ (с. 366).— *Вор. ком.*, 1919, 28 дек., № 57, с. 2; *ГГ*, с. 10, с авторской датой: 1919. XI.

Датируется ноябрём 1919 г.

Печатается по *ГГ*.

В 1919 г. в Италии широко развернулось движение итальянских рабочих за создание фабрично-заводских советов (ФЗС) — органов борьбы пролетариата за власть. 2—3 декабря 1919 г. в Северной и Центральной Италии прошла всеобщая политическая стачка. В России эти события рассматривались как проявление европейской революционной ситуации.

ЗНАНИЕ (с. 367).— *Кр. дер.*, 1920, 23 апр., № 38, с. 3; *ГГ*, с. 12. Беловой автограф — *СА*.

Датируется 1919—1920 гг.

Печатается по ГГ.

КУЗНЕЦЫ (с. 368).— *Кр. дер.*, 1920, 10 мая, № 52, с. 2; ГГ, с. 9.

Беловой автограф — СА.

Датируется 1919—1920 гг.

Печатается по ГГ.

«СОЛНЦЕ ЖЖЕТ АРБУЗЫ, ЗЕЛЕНИТ ОГУРЦЫ...» (с. 369).—
Кр. дер., 1920, 14 мая, № 55, с. 3; ГГ, с. 73.

Вырезка из *Кр. дер.* с правкой автора — СА; правка вошла в ГГ.

Датируется 1919—1920 гг.

Печатается по ГГ.

ОРАТОР (с. 370).— *Кр. дер.*, 1920, 1 авг., № 121, с. 3.

Датируется 1919—1920 гг.

Печатается по *Кр. дер.*

СУББОТНИК (с. 371).— Однодневная газ. «Предмайский воскресник», Воронеж, 1920, 26 апр., с. 2, 4; ГГ, с. 15.

Датируется апрелем 1920 г.

Печатается по ГГ.

Однодневная газета «Предмайский воскресник» (издание Воронежского Губкома РКП(б), Воронежского комсомола и Центральной майской комиссии) была составлена на воскреснике 25 апреля 1920 г. редакциями и сотрудниками воронежских газет («Воронежская коммуна», «Красная деревня», «Трудовая армия», «Рост»). Воскресник прошел накануне проведения первого всероссийского коммунистического субботника (1 мая 1920 г.). При первой публикации стихотворение было разбито на отдельные четверостишья и использовано в оформлении газеты. Строфы расположены: 1-я строфа — с. 2, стб. 5, верхний правый угол; строфа 2 — с. 2, стб. 5, середина страницы; строфа 3 — с. 4, стб. 4, середина страницы.

МАЙ (с. 372).— *Кр. дер.*, 1920, 1 мая, № 45, с. 1; журн. «Путь коммунизма», Краснодар, 1922, № 1, янв., с. 46, под заглавием «Майский субботник»; ГГ, с. 16, с датой: 1920 г. 1 мая.

Датируется по первой публикации.

Печатается по ГГ.

Стихотворение впервые опубликовано в день проведения первого всероссийского коммунистического субботника. По свидетельству Г. З. Литвина-Молотова, на это стихотворение был написан романс «Мы живем под солнцем голубого мая». В мае 1920 г. Литвин-Молотов исполнил этот романс на концерте в Доме коммунистов (см.: *Ласунский*, с. 138).

«НАД ГОЛУБЫМИ ОЗЕРАМИ...» (с. 373).— *Кр. дер.*, 1920, 5 мая, № 47, с. 2; ГГ, с. 38.

Датируется по первой публикации.

Печатается по ГГ.

ДОРОГА (с. 374).— ГГ, с. 78.

Авторизованная машинопись — СА (лист макета ГГ).

Датируется первой половиной 1920 г.

Печатается по ГГ.

ПРАЗДНИК СИЛЫ (Ко дню всевобуча) (с. 375).— *Кр. дер.*, 1920, 30 мая, № 68, с. 2.

Датируется по первой публикации.

Печатается по *Кр. дер.*

30 мая 1920 г. в Воронеже отмечался День всевобуча; по этому поводу был проведен парад войск Воронежского гарнизона, в котором, в частности, участвовали и два сводных батальона всевобуча (см.: *Вор. ком.*, 1920, 30 мая, № 118, с. 4). *Всеvобуч* — всеобщее военное обучение трудящихся. Введено декретом ВЦИК от 22 апреля 1918 г., упразднено в 1923 г. Всеvобучу подлежали рабочие и крестьяне, не эксплуатирующие чужого труда, в возрасте 16—40 лет (лица 16—17 лет считались подготовительной категорией, с 18 лет — призывной), а также подростки (школьная категория). Обучение граждан 16—40 лет проводилось в течение 8 недель по единой 96-часовой программе без отрыва от постоянной работы.

ПУТЬ В ГОРЫ (с. 376).— *Кр. дер.*, 1920, 4 июля, № 97, с. 3; журн. «Путь коммунизма», Краснодар, 1922, № 2, март—апр., с. 48; ГГ, с. 19.

Беловой автограф стихотворения, а также незавершенная копия

Марии Александровны Платоновой, выполненная с публикации журн. «Путь коммунизма»,— *СА*.

Датируется по первой публикации.

Печатается по *ГГ*.

НАПОР (с. 377).— *Кр. дер.*, 1920, 18 июля, № 109, с. 2; *ГГ*, с. 20.

Датируется по первой публикации.

Печатается по *ГГ*.

«НА РЕКЕ ВЕЧЕРНЕЙ, ЗАМИРАЮЩЕЙ...» (с. 378).— Газ. «Свободный пахарь», Задонск, 1920, 11 авг., № 5, с. 2; *ГГ*, с. 69.

Беловой автограф — *СА*.

Стихотворение, опубликованное в газете, написано от первого лица:

Не умру я никогда.

Я твой зов, твой голос всюду слышу,

Тишина и сон твоя душа.

На руках у матери не дышу...

Датируется по первой публикации.

Печатается по *ГГ*.

КОННЫЙ ВИХРЬ (с. 379).— *Кр. дер.*, 1920, 15 авг., № 133, с. 2; *ГГ*, с. 26.

Датируется по первой публикации.

Печатается по *ГГ*.

Стихотворение могло быть написано под впечатлением военных действий 1919—1920 гг. Осенью 1919 г. Платонов по собственной просьбе принят рядовым стрелком в железнодорожный отряд части особого назначения. 8 сентября 1919 г. данное соединение держало оборону у Воронежского сельскохозяйственного института, отражая наступление конницы генерала Мамонтова, предпринятое в ходе так называемого рейда Мамонтова (10 авг.— 19 сент.). 11 сентября Воронеж был занят белоказаками, а уже 12 сентября освобожден красными войсками. 6 октября того же года Воронеж был захвачен Деникиным. В ходе Воронежско-Касторненской операции (13 окт.— 16 нояб.) главный удар в направлении Воронеж—Касторное был нанесен 1-м конным корпусом Буденного. 23 октября конный корпус во взаимодействии со стрелковыми

дивизиями 8-й Армии начал наступление на Воронеж и после ожесточенных боев 24 октября освободил город. 19 ноября на базе 1-го конного корпуса Буденного и 11-й кавалерийской дивизии была создана 1-я Конная армия. Летом 1920 г. 1-я Конная армия являлась главной ударной силой Юго-западного фронта, участвовала в Киевской и Львовской наступательных операциях.

ФРОНТ (с. 380).— *Кр. дер.*, 1920, 19 авг., № 135, с. 2, под заглавием «Варшава»; *ГГ*, с. 27; журн. «Железный путь», Воронеж, 1922, № 1—2, 14 дек., с. 2.

Вырезка из газ. *Кр. дер.* с правкой автора, учтенной в журнальной публикации,— *СА*.

Датируется по первой публикации.

Печатается по *Жел. путь*.

Публикация *ГГ* в основном соответствует *Кр. дер.* В вырезке из *Кр. дер.* исправлена 3-я строка: «Башни взлетают, дворцы загорются» вместо «Камни взлетают, дворцы загораются». В публикациях отмечаются разночтения 23-й строки: «Люди грудь с грудью к трубам сойдутся» (*Кр. дер.*; вероятно, опечатка), «Люди грудь с грудью к трупам сойдутся» (*ГГ*), «Люди грудь с грудью на трупах сойдутся» (*Жел. путь*).

Как свидетельствует название стихотворения в *Кр. дер.*, первая публикация явилась откликом на боевые действия Красной армии в период между 25 июля—25 августа 1920 г. (Варшавская операция). К началу операции перед войсками Западного фронта была поставлена задача овладеть Варшавой не позже 12 августа. 14 августа на подступах к Варшаве велись ожесточенные бои. Однако к этому времени соотношение сил резко изменилось в пользу поляков. К моменту публикации стихотворения польские войска беспрепятственно продвигались в тыл главным силам Западного фронта и подходили к Западному Бугу.

МАЛЬЧИК (с. 381).— *Кр. дер.*, 1920, 15 сент., № 157, с. 3; *ГГ*, с. 85. Лист с оттиском типографского набора текста *Кр. дер.* с авторскими исправлениями — *СА*.

Датируется по первой публикации.

Печатается по *ГГ*.

Стихотворение перекликается с прозаическими произведениями Платонова («Странники», «Волчок», «Приключения Баклажанова»); насыщено автобиографическими деталями. В частности, известно о том, что в младенчестве «от живота» умер младший брат Платонова — Александр. Этому событию посвящено также стихотворение «Домой».

ДОМОЙ (с. 383).— *Кр. дер.*, 1920, 2 окт., № 130, с. 2; *ГГ*, с. 87.
Вырезка из *Кр. дер.* с авторской правкой, вошедшей в *ГГ*;— *СА*.
Датируется по первой публикации.
Печатается по *ГГ*.

МЫСЛЬ (с. 386).— *Вор. ком.*, 1920, 7 окт., № 224, с. 2; *ГГ*, с. 13.
Датируется по первой публикации.
Печатается по *ГГ*.

Первое четверостишие стихотворения цитируется в программной статье Платонова «Культура пролетариата» — см. наст. изд., т. 1, кн. 2, с. 95.

СЫН ЗЕМЛИ (с. 388).— *Вор. ком.*, 1920, 10 нояб., № 253, с. 2; *ГГ*, с. 23, с датой: 1920, 7 ноября.

Вырезка из *Вор. ком.* с авторской правкой (разбивка на строфы) — *СА*.

Датируется по первой публикации.
Печатается по *ГГ*.

СЛЕПОЙ (с. 390).— *Вор. ком.*, 1920, 19 нояб., № 261, с. 2; *ГГ*, с. 45.
Копия Марии Александровны Платоновой без заключительного повтора 1-й строфы (в *ГГ* строки 37—40) — *СА*.

Датируется по первой публикации.
Печатается по *ГГ*.

4-я строфа стихотворения использована в качестве эпиграфа ко 2-й части рассказа «Приключения Баклажанова» (см. с. 206).

«МЫ ПРОЙДЕМ ТЕБЯ ДО КРАЯ...» (с. 392).— *Кр. дер.*, 1920, 30 нояб., № 218, с. 2; *ГГ*, с. 47.

Датируется по первой публикации.
Печатается по *ГГ*.

МНОГО МАТЕРЕЙ (с. 393).— *Вор. ком.*, 1920, 2 дек., № 272, с. 3; *ГГ*, с. 55.

Вырезка из газеты *Вор. ком.* с авторской правкой (разбивка на строфы) — *СА*.

Датируется по первой публикации.

Печатается по ГГ.

Стихотворение было впервые опубликовано во время проведения в Воронежской губернии «недели ребенка» (см. выше прим. к рассказу «Странники», с. 577).

ДЕТИ (с. 394).— Однодневн. газ. «Коммунистический воскресник детям», Воронеж, 1920, 6 дек., с. 1; ГГ, с. 25.

Вырезка из газеты «Коммунистический воскресник детям» с незначительной авторской правкой — СА.

Датируется по первой публикации.

Печатается по ГГ.

Стихотворение было впервые опубликовано во время проведения в Воронежской губернии «недели ребенка» (см. выше прим. к рассказу «Странники», с. 577).

Оборвем мы вальс тоскующий ~ Сжечь обитель светлой немощи.— Аллюзия на текст евангельской притчи о десяти девах (Мф. 25; 1—13). Вторая строка этой строфы восходит к тексту церковного песнопения «Се Жених грядет в полунощи...» (тропарь понедельника—среды Страстной седмицы).

Мы ж невянущие лилии, // Мы смеющиеся дети.— Своеобразная отсылка к евангельскому тексту, ср.: «И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них <...>. Итак не заботьтесь и не говорите: “что нам есть?” или: “что пить?” или: “во что одеться?” <...> Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 4; 28—29, 31, 33). Последняя строка стихотворения также ориентирована на евангельский текст: «... истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 17; 3).

ВО СНЕ (с. 395).— ГГ, с. 44.

Автограф СА с правкой заглавия: «Из книги Сна»/«Во сне».

Датируется второй половиной 1920 г.

Печатается по ГГ.

«ТИХА ДОРОГА, НЕИЗВЕСТНА...» (с. 396).— Вор. ком., 1921, 14 янв., № 9, с. 3, под заглавием «Звери»; ГГ, с. 51.

Вырезка из Вор. ком. с авторской правкой, вошедшей в ГГ — СА.

Датируется второй половиной 1920 — началом 1921 г.

Печатается по ГГ.

Текст ГГ — строфы 3—5 по публикации *Вор. ком.* В ходе правки убрано название стихотворения и строфы 1—2:

В груди ветер, птицы пели,
Идем мы ночью в поле,
Огни остывшие горели,
Мы здесь одни на воле.

И мечутся по небу звезды
От холода и тайны.
Железные там стынут своды.
Мы в мире ходим рано.

ПОСЛЕДНИЙ ШАГ (с. 397).— *Вор. ком.*, 1921, 15 янв., № 10, с. 1, с посвящением: *Памяти Карла Либкнехта*; ГГ, с. 29.

Вырезка из *Вор. ком.* с авторской правкой, вошедшей в ГГ,— СА.

Датируется второй половиной 1920 — началом 1921 г.

Печатается по ГГ.

В публикации *Вор. ком.* 19-я строка имеет вариант: «Пропавшие в могилах дети...»

Либкнехт Карл — (1871—1919) деятель германского и международного коммунистического движения; один из основателей Коммунистической партии Германии. Убит 15 января 1919 г.

СУДЬБА (с. 398).— *Вор. ком.*, 1921, 13 февр., № 32, с. 2; ГГ, с. 8.

Беловой автограф — СА.

Датируется второй половиной 1920 — началом 1921 г.

Печатается по ГГ.

В публикации *Вор. ком.* 6-я строка имеет вариант: «Девушку пугливую, утреннюю тень».

«МИР РОЖДЕН УЛЫБКОЙ ЧЕЛОВЕКА...» (с. 399).— *Вор. ком.*, 1921, 27 февр., № 43, с. 2, под названием «На корабле»; журн. «Зори», Воронеж, 1922, № 2, авг.—сент., с. 7; ГГ, с. 59.

Беловой автограф «Мир рожден улыбкой человека...» — СА. Беловой автограф под заглавием «В небесном мире нету слова...» — СА.

Датируется второй половиной 1920 — началом 1921 г.

Печатается по *ГГ*.

Платонов значительно переработал первоначальный текст стихотворения. В *ГГ* вошли только 3—4 строфы публикации *Вор. ком.*; строфы 1—2, 5—6 исключены.

Вор. ком., строфы 1—2:

Бог безмолвный, Сатана подземный,
Кто-то Третий, — вы предтечи нашей славы.
Сторож Время, в вечности бессменный,
Сторожит отравленные травы.

Смерть, пустыня, неизведанная тайна,
Голос злобный и ослепшая тоска —
Все, что есть, безумно и случайно.
Вверх со дна летящая река.

Вор. ком., строфы 5—6:

Мир — пожар и радостная гибель.
Мы — матросы на сгорающем судне.
В смерти кто бессмертия не видел,
Тот обледенелый в саване на дне.

Неизвестность мы просверлили мозгами,
Миллионами истоптана земля,
Вечность мы измерили часами,
Океан несется мимо корабля.

Кроме того, в публикации *Вор. ком.* 4—5-я строки имеют вариант: «Всякий сонный, всякий мертвый встал. Бесконечность солнцем снизу взорвана».

Следующий этап редактирования отражен автографом «В небесном мире нету слова...» и журнальной публикацией стихотворения. В этих источниках стихотворение приобретает дополнительную в сравнении с *ГГ* строфу, которая в тексте автографа является первой, а в журнальной публикации завершает стихотворение:

В небесном мире нету слова,
Звезда и жизнь невыразимы.
И песнь моя всегда безмолвна,
И сердце с сердцем дышат мимо.

Помимо этого, журнальная публикация объединяет стихотворения «Мир рожден улыбкой человека...» и «Небо вверху голубое...»; тексты печатаются на одной странице и имеют нумерацию, соответственно, «1» и «2». Нумерация — «1» предшествует и тексту автографа «В небесном мире нету слова...».

ТОПОТ (с. 400).— Газ. «Трудовой клич», Воронеж, 1921, 10 марта, № 3, с. 3; ГГ, с. 30.

Беловой автограф — СА. Копия, выполненная Марией Александровной Платоновой, без завершающей строфы — СА.

Датируется второй половиной 1920 — началом 1921 г.

Печатается по ГГ.

ВСЕЛЕННОЙ (с. 402).— *Вор. ком.*, 1921, 1 мая, № 93, с. 4; газ. «Трудовой клич», 1921, 1 мая, № 44, с. 4; сб. «Стихи», Воронеж, 1921, июль, с. 15; ГГ, с. 6.

Страница из сб. «Стихи» с авторской правкой — СА.

Датируется второй половиной 1920 — началом 1921 г.

Печатается по ГГ.

В публикации сборника «Стихи» опечатка: «На трупях цветы улыбнутся // Девушка сыну цветок весенний сорвет» (строки 19—20). На странице, вырванной из сборника, Платонов исправил опечатки и отредактировал 24-ю строку: «Выше его наш гремящий полет» вместо первоначального: «Выше его наш высокий полет»; в ГГ вошел новый вариант этой строки.

В сравнении с текстами других участников коллективного сборника «Стихи», стихотворение «Вселенная» получило высокую оценку в рецензии Г. Наумова (Плетнева): «Поэт А. Платонов, талантливейший из всех авторов сборника, берет ту же тему: *мы*, но как он ее разрабатывает! Как могуча мысль поэта, как динамично ее воплощение в стихе!» («Молодые побегии» // *Вор. ком.*, 1921, 18 дек., № 285, с. 3).

«ПОЗНАНЫ НАМИ ТАЙНЫ ВСЕЛЕННОЙ...» (с. 404).— *Вор. ком.*, 1921, 29 июня, № 140, с. 1; ГГ, с. 32.

Беловой автограф — СА.

Датируется второй половиной 1920 — началом 1921 г.

Печатается по ГГ.

В газетной публикации вариант 8-й строки: «Небо над каждым горит».

К ЗВЕЗДНЫМ ТОВАРИЩАМ (с. 406).— Газ. «Огни», Воронеж, 1921, 11 июля, № 2, с. 2; журн. «Путь Коммунизма», Краснодар, 1922, янв.—февр., с. 19; ГГ, с. 11.

Датируется второй половиной 1920 — началом 1921 г.

Печатается по ГГ.

ВЕЧЕР МИРА (с. 407).— *Вор. ком.*, 1921, 18 дек., № 285, с. 3; ГГ, с. 17.

Датируется второй половиной 1920 — первой половиной 1921 г.

Печатается по ГГ.

«СГОРЕЛИ ПУСТЫЕ ПРОСТРАНСТВА...» (с. 408).— ГГ, с. 31.

Беловой автограф без разночтений с ГГ — СА.

Датируется второй половиной 1920 — первой половиной 1921 г.

Печатается по ГГ.

«ТИХ ПОД ПУСТЫНЕЮ ЗВЕЗДНОЮ...» (с. 409).— ГГ, с. 39.

Машинопись — СА (лист макета ГГ).

Датируется второй половиной 1920 — первой половиной 1921 г.

Печатается по ГГ.

1-я строфа стихотворения использована в качестве эпиграфа к рассказу «В звездной пустыне», см. с. 176.

«ДАЛЬЮ СЕРЕБРЯНОЙ В УТРО РОСИСТОЕ...» (с. 410).— ГГ, с. 40.

Беловой автограф — СА, соответствует ГГ.

Датируется второй половиной 1920 — первой половиной 1921 г.

Печатается по ГГ.

«Я ПОЭТ РАЗРУШАЮЩИХ ВЕЧНОСТЬ ВРЕМЕН...» (с. 411).— Газ. «Искра», Воронеж, 1921, 1 дек., № 7, с. 1.

Датируется и печатается по первой публикации.

Стихотворение является своеобразным продолжением опубликованной в предыдущем № газеты рецензии Платонова «Горький и его "На дне"». Рецензия и стихотворение написаны под явным влиянием идей Ф. Ницше.

«СРЕДИ НИВ, ПЕВУЧИХ В СПЕЛОСТИ...» (с. 412).— *Вор. ком.*, 1922, 26 марта, № 69, с. 2; *ГГ*, с. 50.

Машинопись стихотворения, вероятно, подготовленная для *ГГ*,— *СА*.

Датируется второй половиной 1921 г.

Печатается по *ГГ*.

В *Вор. ком.* опубликовано в подборке стихотворений под общим названием «Поющие думы» (см. выше прим. к стихотворению «Когда я думаю, я слышу музыку...», с. 611).

В *ГГ* стихотворение включает 1-ю и 3-ю строфы публикации *Вор. ком.*; не вошла в *ГГ* 2-я строфа *Вор. ком.*:

Здесь спустил в провал могилы
Вождь красавицу жену...
Облака на небе плыли,
Древний ветер траву гнул.

«В ЭТИ ДНИ ЗЕМЛЯ ГОРЯЧЕЕ СОЛНЦА...» (с. 413).— *ГГ*, с. 52.

Беловой автограф, подготовленный, вероятно, для *ГГ*,— *СА*.

Датируется второй половиной 1921 г.

Печатается по *ГГ*.

«НЕБО ВВЕРХУ ГОЛУБОЕ...» (с. 414).— *ГГ*, с. 58; журн. «Зори», Воронеж, 1922, № 2, авг.—сент., с. 7.

Беловой автограф с пометой «Из утерянного» — *СА*.

Печатается по *ГГ*.

Датируется второй половиной 1921 г.

В более поздней по времени журнальной публикации стихотворение объединено со стихотворением «Мир рожден улыбкой человека...» и дополнено 3-й строфой:

Странник пути голубого —
Сердце, поешь и немешь...
Нету для песни мне слова,
Даю, ничего не имея.

СКАЗКА (с. 415).— *ГГ*, с. 91.

Авторизованная машинопись стихотворения — *СА*. Первоначально в машинописи отсутствовали строфы 4—6, вписаны Платоновым.

Датируется второй половиной 1921 г.

Печатается по машинописи.

НОЧЬ (с. 417).— *Жел. путь*, 1919, № 7, февр., с. 10; *ГГ*, с. 70.

Авторизованная машинопись — *СА*, подготовлена для *ГГ*.

В публикации журнала представлена ранняя редакция стихотворения: отсутствуют строки 13—16, 19—24 по тексту *ГГ*; строфа 1 — строки 1—4; строфа 2 — строки 5—8; строфа 3 — строки 9—12; строфа 4 — строки 17—18.

Датируется 1921 г.

Печатается по *ГГ*.

«ЧЕЛОВЕК — ЦВЕТУЩЕЕ РАСТЕНИЕ...» (с. 418).— *Вор. ком.*, 1922, 26 марта, № 69, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

В *Вор. ком.* опубликовано в подборке стихотворений под общим названием «Поющие думы» (см. выше прим. к стихотворению «Когда я думаю, я слышу музыку...», с. 611).

В корпусе текстов *ПД* 3-я строфа стихотворения ошибочно присоединена к началу стихотворения «В мире тихий ветхий вечер...» (л. 10; см. далее прим. к стихотворению «В мире тихий ветхий вечер...»).

«В МИРЕ ТИХИЙ ВЕТХИЙ ВЕЧЕР...» (с. 419).— *Вор. ком.*, 1922, 26 марта, № 69, с. 2.

Машинопись в составе *ПД* (л. 10) — *СА*.

Датируется по первой публикации.

Печатается по *ПД*.

В *Вор. ком.* опубликовано в подборке стихотворений под общим названием «Поющие думы».

Стихотворение вошло в *ПД*, не будучи указанным в оглавлении. Машинопись *ПД* выполнена по *Вор. ком.* Возможно, в результате ошибки машинистки перед его началом напечатана последняя строфа стихотворения «Человек — цветущее растение...», располагавшегося выше в газетном столбце.

ЛУННЫЙ ГУЛ (с. 420).— Журн. «Зори», Воронеж, 1922, № 2, авг.—сент., с. 20.

Черновой автограф — *СА*.

Датируется и печатается по первой публикации.

СТИХИ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУТИ (с. 421).— Газ. «Репейник», Воронеж, 1923, 1 апр., № 8, с. 3. Подпись: *Иоганн Пупков*.

Датируется и печатается по первой публикации.

Стихотворение приписано авторству одного из постоянных героев ранней прозы Платонова (см. выше прим. к рассказу «История Иерея Прокопия Жабрина», с. 542).

РАССКАЗ О НЕПАЧОВКЕ (с. 422).— Газ. «Наша газета», 1923, 12 июля, № 73, с. 2. Подпись: *крестьянин Баклажанников*.

Датируется и печатается по газетной публикации.

Непачовка — название выдуманного селения, образовано от аббревиатуры НЭП (новая экономическая политика).

Мурцовка — то же, что и тюря; хлеб или сухари, покрошенные в воду.

Спрохвала — исподволь, полегоньку, не вдруг.

Тарань — разновидность плотвы, преимущественно используется в пищу вяленая с просолом.

Супесок — почва из смеси глины и песка.

Крестовоздвижно — неологизм, образованный от названия церковного праздника «Воздвижение Креста Господня» по аналогии с названием 4-й седмицы Великого поста — «Крестопоклонная».

Окомелок — толстый комлевой конец дерева, обрубок, чурбан.

Есте — одна из форм глагола «быть» в церковнослав. языке.

Егда — (церковнослав.) когда.

НЕБЕСНАЯ АВИАЦИЯ (с. 423).— *Жел. путь*, 1923, 26 июля, № 12, с. 1.

Черновой автограф под заглавием «Небесная авиация и сельское хозяйство», подписанный псевдонимом *Андре Сакнюссем*,— *СА*.

Датируется и печатается по журнальной публикации.

Текст журнальной публикации — 1—2 и 4-я строфы автографа. 4-я строфа автографа дописана на обороте листа после подписи.

3-я строфа автографа, не включенная в окончательный текст:

Машина скорости не сдаст,
И солнце света не убавит.
Лишь оттого бывает хлеб и квас,
Что шар земной полет не скоротает.

Стихотворение написано в связи с проведением летом 1923 г. крестьянской кампании по созданию Воздушного флота. 2 августа 1923 г. отмечался День красного воздушного флота. В связи с этой кампанией Платоновым также были опубликованы статьи «О завоевании воздушного океана на пространстве нашей республики» (газ. «Наша газета», Воронеж, 1923, 15 июля, № 74, с. 1; передовица за подписью *А. П.*) и «Завоевание воздуха» (Там же, 1923, 18 июля, № 75, с. 2; подпись: *А. П.*).

Под псевдонимом *А. Сакнюссем* в 1923 г. Платоновым опубликованы две статьи: «Время, помноженное на силу, на вещество и на скудость,— даст нам благоденствие» (Там же, 1923, 1 авг., № 81, с. 3) и «Об Институте труда в Москве и о зоркой мысли, берегущей тело и одолевающей время» (Там же, 1923, 5 авг., № 83, с. 3).

«ИЗОБРЕТАТЕЛИ!...» (с. 424).— *Жел. путь*, 1924, 15 февр., № 2—3, с. 1.

Беловой автограф с пометой в правом верхнем углу листа «Копия — спрятать. *А. П.*» — *СА*.

Датируется по первой публикации.

Печатается по тексту автографа.

НЕОКОНЧЕННОЕ

СЧАСТЛИВОЕ ВРЕМЯ (с. 425).— Журн. «Октябрь», М., 1999, № 2, с. 140—141.

Черновой автограф — *СА*.

Печатается по черновому автографу.

Датируется концом 1926 г.

Название стихотворения появилось в ходе правки, первое название — «Посох-винтовка»; вычеркнутая подпись «*Андрей [Платонов] Вогулов*» (см. выше прим. к рассказу «Сатана мысли», с. 583). Стихотворение не завершено, в автографе строки 32-я и 44-я вычеркнуты, новый вариант не предложен. Заголовок «Посох» и начало первой строки стихотворения обнаружены на л. 4 рукописи «Рассказа о потухшей лампе Ильича» (окончательная редакция).

Мы жизнь поставили ребром... — Ср. с высказыванием Л. Д. Троцкого на V съезде РКСМ: «Потому, что теперь жизнь целого класса, народа поставлена ребром...» (газ. «Известия», 1922, 13 окт., № 231, с. 3).

ВОЖДЮ ОППОЗИЦИИ (с. 428) — Журн. «Октябрь», М., 1999, № 2, с. 142.

Беловой автограф с подписью «Андрей Вогулов» (см. выше прим. к рассказу «Сатана мысли», с. 583) — С.А. Черновой автограф начала стихотворения под заглавием «Стихи об оппозиции» — С.А.

Печатается по беловому автографу.

Датируется концом 1926 — началом 1927 гг.

Стихотворение является откликом на политические события середины 1920-х гг., адресовано лидеру «левой оппозиции» — Л. Троцкому. После разгрома «новой оппозиции» весной 1926 г. в партии стала оформляться единая троцкистско-зиновьевская оппозиция. На апрельском пленуме ЦК Троцкий и Зиновьев выступили единым фронтом против большинства ЦК по вопросам индустриализации. Осенью 1926 г. на октябрьском объединенном пленуме ЦК и ЦКК Троцкий был освобожден от обязанностей члена Политбюро. Отклик Платонова на партийную дискуссию 1924—1926 гг. включает цитаты из известных выступлений Троцкого и его единомышленников, реагирует на развернувшееся в прессе осуждение Троцкого и в целом «троцкизма», пародирует в целом стиль выступлений главы оппозиции. Эти кампании носили массовый характер: выступления оппонентов Троцкого печатались на страницах центральных газет (см., например: *Бухарин Н.* Теория перманентной революции тов. Троцкого // Газ. «Правда», 1924, 25 дек., № 295); огромными тиражами издавались сборники о троцкизме — в качестве рекомендаций для проведения массовых акций («Молодежь и троцкизм», «За ленинизм и против троцкизма» и др.); в тонких журналах были введены специальные разделы хроники всесоюзной борьбы: «Весь комсомол СССР осуждает выступление тов. Троцкого» (см.: журн. «Смена», 1924, № 19—20, 31 дек., с. 22). Неотъемлемыми составляющими троцкизма теперь считались: учение о мировой (перманентной) революции, недооценка роли крестьянства, недоверие к старой гвардии; высказывание Троцкого о нэпе как «реставрации капитализма».

С. 428. *А где эс металл и механизмы...* — Ср. с высказыванием Троцкого, прозвучавшим на VI всероссийском съезде металлистов: «В основе труда и научной организации производства лежит металл. Наша культура построена на дереве и сгорает каждый год, — что это за культура? <...> Чем дальше, тем больше будет нужен металл. Будущая эпоха — эпоха железа, бетона и стекла» (газ. «Известия», 1923, 19 июня, № 134, с. 4).

С. 429. *Наверно, ленинский гранит...* — Ср. с высказыванием Троцкого на V съезде РКСМ: «Грызите молодыми зубами гранит науки...»

ПРО ЭЛЕКТРИЧЕСТВО (с. 430).— Журн. «Октябрь», М., 1999, № 2, с. 143—146.

Черновой автограф (л. 1—8) — СА. На л. 8 рукописи Платоновым схематично набросан рисунок обложки сборника «Епифанские шлюзы».

Датируется концом 1926 г.

Печатается по черновому автографу.

С. 431—432. *Рыжий шофер очень важен ~ По уставу незнакома пионерам грусть!* — Первоначально, стишок, который рассказывает матери маленький Егор Кирпичников (повесть «Эфирный тракт»: СА, л. 81—82):

Рыжий шофер очень важен,
Ахтобузик он ведет.
Ехать быстро очень страшно.
Дядя денежки берет.

По Лубянке к Театралке
Мчится громко ахтобуз.
Нам людей давить не жалко:
Незнакома пионерам грусть!

Строка «Незнакома пионерам грусть!» приведена к окончательному виду («Незнакома по уставу пионерам грусть») непосредственно в черновом автографе поэмы.

С. 432. *«Без электростанций — коммунизма нет» — Ленин, умирая, написал слова.* — Парафраз известного высказывания В. И. Ленина: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны».

С. 433. *Динамо* — то же, что *динамо-машина*; устарелое название машины, служащей для выработки постоянного электрического тока; электрический генератор.

СТИХИ НА СЛУЧАЙ

<МАРИИ> (с. 437).— Журн. «Октябрь», М., 1999, № 2, с. 146—147.

Беловой автограф — СА. Цикл из трех четверостиший: «Предчувствия меня томят...», «Вечер и Ты, моя мука и свет...», «В мире есть чудо — свобода...» Каждое четверостишие написано на отдельной карточке; в правом верхнем углу каждой карточки посвящение: «Марии»

(1-е четверостишие), «М.» (2-е, 3-е четверостишья); по завершении каждого четверостишья подпись «Андрей»; на последней карточке после подписи помета автора «27/XII Вечер. Тишина».

Датируется 1921 г.

Печатается по автографу.

«БАЮ-БАЮ, МАШЕНЬКА...» (с. 438).— Журн. «Октябрь», М., 1999, № 2, с. 146.

Беловой автограф — *СА*.

Печатается по автографу.

Датируется 1921 г.

«СОЛНЦЕ — РОЗОВЫЙ РЕБЕНОК...» (с. 439).— Журн. «Октябрь», М., 1999, № 2, с. 147.

Беловой автограф — *СА*.

Печатается по автографу.

Датируется 1921 г.

«ЖИЗНЬ — ДАЛЕКАЯ ДОРОГА...» (с. 440).— *ГГ*, эпиграф к книге.

Беловой автограф — *СА*.

Печатается по *ГГ*.

Датируется 1921 г.

«НАСТУПАЕТ НОВЫЙ ГОДИК...» (с. 441).— Публикуется впервые.

Беловой автограф — *СА*, с посвящением «Стих. Тоттику-сыну».

Печатается по автографу.

Датируется 1925—1926 гг.

Тоттик — Платон Платонов (1922—1943), сын А. П. Платонова.

«БУКВЫ ЧЕРНОЮ ПЕЧАЛЬЮ...» (с. 442).— Публикуется впервые.

Черновой автограф — *СА*. Стихотворение написано карандашом на обрывке листа. На полях рукою Платонова чернилами сделаны записи: «Расскажите мне о хохоте и прохо-хо-чите сами не-спе-ша!», «Букварь — книга о размышлениях. Первая книга для чтения — это лучшее для меня философское произведение».

Печатается по автографу.

Датируется 1926 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
-------------------	---

РАССКАЗЫ. 1918—1927

Бучило	17*	508
Иван Жох	26	512
Песчаная учительница	42	520
Рассказ о потухшей лампе Ильича	49	523

Записи потомка

Память	59	527
Иван Митрич	61	528
Чульдик и Епишка	62	528
Поп	64	529
Мавра Кузьминишна	67	529
Экономик Магов	68	530
Цыганский мерин	70	531

Родоначальники нации или беспокойные происшествия	73	532
---	----	-----

Из Генерального сочинения

Демьян Фомич — мастер кожаного ходового устройства	85	536
Крюйс	88	538
Душевная ночь	91	540
История иерея Прокопия Жабрина	93	541
Луговые мастера	95	542

Лунные изыскания (Рассказ о «кирпиче»)	100	544
Антисексус	123	547

РАННИЕ РАССКАЗЫ

Очередной	137	573
Маркун	140	573

---

* В первом столбике указана страница текста, во втором — комментариев.

Апалитыч	147	574
Волчок	150	575
Волю	154	575
В мастерских	157	576
Странники	159	576
Сергея и я	161	577
Белогорлик	164	578
Живая хата	165	578
Жажда нищего (Видения истории)	166	578
Ерик	172	578
Поэма мысли	174	579
В звездной пустыне	176	579
Володькин муж (Мои похождения на этом свете)	182	579
Заметки	184	580
Невозможное	187	581
Сатана мысли	197	582
Приключения Баклажанова (Бесконечная повесть)	205	584
Данилок	209	586
<Доклад Управления работ по гидрофикации Центральной Азии>	212	586
Тютень, Витютень и Протегален	218	587
Потомки Солнца	223	588
Немые тайны морских глубин	229	588
Рассказ не состоящего больше во жлобах	236	590

НАПИСАННОЕ В СОАВТОРСТВЕ

Рассказ о многих интересных вещах	238	591
---	-----	-----

СТИХОТВОРЕНИЯ. 1918—1927

КНИГА «ПОЮЩИЕ ДУМЫ»

«В моем сердце песня вечная...»	287	602
Странник	288	603
Среди страны	290	603
«Мы дума мира темного...»	291	604
Богомольцы	292	604
«Без сна без забвенья шуршат в тесноте...»	294	605
«Ночь на дворе стоит сиротой...»	295	605

«Жить ласково здесь невозможно...»	296	605
«Мир родимый я тебя не кину...»	297	605
Вечерние дороги	298	606
Ветхая Русь	299	606
Румяная мать	300	606
«Тою ночью, тою ночью чутко спали пашни, села...»	301	607
«Растет мое сердце во сне...»	302	607
Мать	304	607
«Сердце в эти дни смертельно и тревожно...»	305	607
Иван да Марья	306	608
Бегство	311	609
«Томится сила недр земного шара...»	313	609
«Резцом эпох и молотом времен...»	314	610
«Земля — дума, песня не пропетая...»	315	610
Мертвый	316	610
«В железной шапке льдов...»	317	610
Лесная говорушка	318	611
«Когда я думаю, я слышу музыку...»	319	611
Белый свет	320	612
«По деревням колокола...»	321	612
Песня	322	612
Дорога утром	323	613
О голом и живом	324	613
«Мы стареем, потому что мы живые...»	325	613
«Наверно, молодость придется истомить...»	326	614
«Древний мир, воспетый птицами...»	327	614
«Как тополи в тихие ночи...»	328	615
«Вечер душен. Ночь недалеко...»	329	615
Степь	330	616
Мужик	332	616
Поход	333	616
Динамо-машина	334	616
Конец света	335	617

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В КНИГУ «ПОЮЩИЕ ДУМЫ»

Птицы.....	336	617
«Я сердцем знаю...»	338	617
Сумрак	339	617
«Тихий свет сиянья угасания...»	340	618

При прощании	341	618
День	342	618
У города	343	618
«Не тихо и не шибко...»	344	618
«Долог зимний рассвет...»	346	618
Юноше	347	618
Рабы машин	348	619
Поезд	349	619
Над горами	350	619
Вечер после труда	351	619
На реке	352	619
Март	353	619
«Млеют в горячей весенней испарине...»	354	620
«Невысокие лозины...»	355	620
Молот	356	620
Песнь	357	620
Гудок	359	620
«Мы на канатах прѐм локомобиль...»	361	621
Красному Воронежу	362	622
Последний день	364	622
Италии	366	622
Знание	367	622
Кузнецы	368	623
«Солнце жжет арбузы, зеленил огурцы...»	369	623
Оратор	370	623
Субботник	371	623
Май	372	623
«Над голубыми озерами...»	373	624
Дорога	374	624
Праздник силы (Ко дню всевобуча)	375	624
Путь в горы	376	624
Напор	377	625
«На реке вечерней, замирающей...»	378	625
Конный вихрь	379	625
Фронт	380	626
Мальчик	381	626
Домой	383	627
Мысль	386	627
Сын Земли	388	627
Слепой	390	627
«Мы пройдем тебя до края...»	392	627
Много матерей	393	627

Дети	394	628
Во сне	395	628
«Тиха дорога, неизвестна...»	396	628
Последний шаг	397	629
Судьба	398	629
«Мир рожден улыбкой человека...»	399	629
Топот	400	631
Вселенной	402	631
«Познаны нами тайны вселенной...»	404	631
К звездным товарищам	406	632
Вечер мира	407	632
«Сгорели пустые пространства...»	408	632
«Тих под пустынею звездною...»	409	632
«Далью серебряной в утро росистое...»	410	632
«Я поэт разрушающих Вечность времен...»	411	632
«Среди нив певучих в спелости...»	412	633
«В эти дни земля горячее солнца...»	413	633
«Небо вверх голубое...»	414	633
Сказка	415	633
Ночь	417	634
«Человек — цветущее растение...»	418	634
«В мире тихий ветхий вечер...»	419	634
Лунный гул	420	634
Стихи о человеческой сути	421	635
Рассказ о Непачовке	422	635
Небесная авиация	423	635
«Изобретатели!»	424	636

НЕОКОНЧЕННОЕ

Счастливое время	425	636
Вождю оппозиции	428	637
Про электричество	430	638

СТИХИ НА СЛУЧАЙ

<Марии>	436	638
«Баю-баю, Машенька...»	437	639
«Солнце — розовый ребенок...»	438	639
«Жизнь — далекая дорога...»	439	639

«Наступает Новый годик...»	440	639
«Буквы черною печалью...»	441	639

КОММЕНТАРИИ

Условные сокращения	445
Рассказы. 1918—1927	499
Стихотворения. 1918—1927	595

*Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН*

Андрей Платонович Платонов

СОЧИНЕНИЯ

Научное издание

Том первый

1918—1927

Книга первая

**Рассказы
Стихотворения**

Технический редактор А. В. Лавочкина
Корректор Е. Н. Сченснович

ИД № 01286 от 22.03.2000 г.

Подписано в печать 03 05 2004. Формат 60x90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс

Печать офсетная. Печ. л. 40,5. Тираж 5000 экз. 1-й завод — 2000 экз.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

121069, Москва, ул. Поварская, д. 25-а

тел. (095) 291-23-01, 202-21-23

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука» 121099, Москва, Шубинский пер., 6. Заказ № 10163

